



ВСТРЕЧИ С ПРОШЛЫМ

Выпуск 8



МОСКВА
«РУССКАЯ КНИГА»
1996

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Выпуск 8

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Н. Б. Волкова (ответственный редактор)
И. И. Аброскина
К. Н. Кириленко
И. П. Сиротинская
С. В. Шумихин (редактор-составитель)

АВТОРЫ ПУБЛИКАЦИЙ И СООБЩЕНИЙ
И. И. Аброскина, Е. В. Бронникова, А. Г. Виноградов,
Н. Б. Волкова, А. Л. Евстигнеева, К. Н. Кириленко,
Т. Л. Латыпова, М. А. Рашковская, И. П. Сиротинская,
Н. В. Снытко, М. Г. Эдельман

В ПОДГОТОВКЕ ХРОНИКИ ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ

И. И. Аброскина, О. В. Викторова, С. Ю. Митурич, О. В. Рожкова,
И. П. Сиротинская, С. В. Шумихин

ПЕРЕВОД ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ
Н. В. Снытко

ОБЩАЯ УНИФИКАЦИЯ,
СОСТАВЛЕНИЕ УКАЗАТЕЛЯ ИМЕН
И ПОДБОР ИЛЛЮСТРАЦИЙ

И. И. Аброскина, О. Е. Евдокимова, А. Г. Виноградов,
Т. Л. Латыпова, С. В. Шумихин



В СБОРНИКЕ «ВСТРЕЧИ С ПРОШЛЫМ»
ЛИТЕРАТУРА, ТЕАТР И БАЛЕТ,
ДНЕВНИКИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ,
МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА.
ВОТ ИМЕНА ТЕХ, О КОМ ПОЙДЕТ
РЕЧЬ:

А. В. АМФИТЕАТРОВ

И. АННЕНСКИЙ

А. АХМАТОВА

Н. А. БЕРДЯЕВ

С. БОБРОВ

М. БУЛГАКОВ

З. ГИППИУС

Н. ГУМИЛЕВ

Д. И. ЛЕШКОВ

В. МАЯКОВСКИЙ

Б. ПАСТЕРНАК

И. ШМЕЛЕВ

Книж

Н. Зиница

Д. Семенов.

М. Кадниковский

Томя Пасерман.

Ив. Шквал

Александровский
Александровский

Университет
Александровский

Александров

Университет

Александровский

Александровский

ОТ РЕДКОЛЕГИИ

Шесть лет, прошедших со времени предыдущего, 7-го выпуска «Встреч с прошлым», осуществленного «Советской Россией» в 1990 году, вместили в себя целую историческую эпоху. Нет больше Советской России — ни издательства, ни страны. По-другому называется наш архив — теперь он Российский государственный архив литературы и искусства. Преобразовано в Росархив Главное архивное управление, переехавшее с Б. Пироговской улицы в здания бывшего ЦК КПСС.

Если в прошлые десятилетия «Встречи с прошлым» оставались едва ли не единственным альманахом, регулярно публиковавшим в популярной форме архивные материалы, рассчитанные на «массового читателя», то в последние годы ситуация изменилась. Родилось множество продолжающихся, серийных сборников, состоящих из архивных материалов: «Минувшее», «Звенья» (вышли т. 1 — 2), «Лица», «Российский архив», «Неизвестная Россия» (изданы 4 выпуска), «Река времен». В большом количестве появляются архивные публикации по истории литературы и искусства в традиционных «толстых» журналах, таких, как «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», а также в созданных сравнительно недавно «Новом литературном обозрении» и «De Visu» (последний, к сожалению, уже прекратил свое существование из-за нехватки средств), других периодических изданиях.

Публикации в архивных альманахах, особенно в «Минувшем» и «Лицах», подготовлены на высоком научном уровне, подробно прокомментированы, адресованы не безликому «массовому» читателю, а читателю *своему*, заинтересованному и подготовленному. Соперничать с подобными изданиями становится все труднее. Ясно, что «Встречи с прошлым», какими они были в первых своих выпусках, — с немного наивным «популяризаторством» и «просветительством», стремлением сгладить острые углы, — свое отжили. Уже последний, 7-й выпуск готовился с новым подходом: увеличился объем публикаций, были сведены к минимуму купюры внутри текста (если

объем позволял опубликовать только фрагмент большого материала, то внутри он по возможности не сокращался). Купюры в предшествовавшем выпуске были только результатом отбора материала публикатором, а не следствием цензурных или политических соображений, как прежде.

Такой подход развивается и в настоящем выпуске. Постепенно расширяется отдел комментариев к публикациям (в отличие от первых выпусков, в которых пытались вообще отказаться от примечаний и поместить все разъяснения во вступительные статьи).

Итак, перед вами очередной выпуск архивного альманаха. «Встречи с прошлым» продолжают. В сборнике — письма Иннокентия Анненского, Ивана Шмелева, объемная, продолжавшаяся 40 лет, переписка Бориса Пастернака и Сергея Боброва, воспоминания историка балета Дениса Лешкова, мемуарный очерк Александра Амфитеатрова, рассказ о московском Дворце Искусств, существовавшем в начале 1920-х годов, дневники Л. Ю. Бердяевой (жены философа Николая Бердяева) и Зинаиды Гиппиус 1940 года, упоминания о Владимире Маяковском, извлеченные из неопубликованной переписки современников, повествование о борьбе за издание литературного наследия Михаила Булгакова и другие, не менее интересные, материалы.

Как и прежние выпуски, сборник богато иллюстрирован редкими и впервые публикующимися фотографиями.

Архив литературы и искусства благодарит Российский гуманитарный научный фонд, без помощи которого этот сборник не вышел бы в свет.

Первый выпуск сборника неопубликованных материалов Центрального государственного архива литературы и искусства подготовили 25 лет тому назад. Тогда это имело особое значение не только потому, что обогащало наши знания истории и культуры и возвращало славу именам, от которых на десятилетия отлучили советских граждан. Это было первое в системе центральных архивов издание альманахо-журнального типа (и притом разнообразной тематики), подготовленное силами коллектива сотрудников самого архива. Следовательно, свидетельство и богатства документальных сокровищ, сосредоточенных в ЦГАЛИ, и высокого научного потенциала его сотрудников: до того архивисты выступали чаще всего в роли поставщиков материала для книг, статей, документальных публикаций, в издании которых главенствовали представители учреждений Академии наук, профессора высших учебных заведений. А в последнем разделе книги — «Дни нашей жизни (Из хроники ЦГАЛИ)» — можно было найти сведения о плодотворных взаимосвязях цгалийцев с «большой наукой», и с широкой общественностью, о действенном участии в работе архива видных деятелей культуры.

В ту пору подобная информация была внове. Об их творческой жизни знали мало — меньше десяти лет, как архивы освободились от ведения МВД, а о засекреченном предпочитали не говорить. Тематика документальных публикаций, особенно по истории и культуре последнего столетия, оставалась строго дозированной — за восемь лет до выхода в свет 1-го выпуска «Встреч с прошлым» поводом к прикрытию набиравшего силу журнала «Исторический архив» стало помещение там материалов, показывающих не во всем приглядную сложность взаимоотношений основателей и руководителей Московского Художественного театра Вл. И. Немировича-Дан-

ченко и К. С. Станиславского. Если и появлялись в печати документы со свидетельствами-«откровениями», то об источнике их происхождения, а тем более длительного сокрытия, сообщалось скупно, без могущих вызвать излишнюю любознательность подробностей. И потому в предисловии к «Встречам с прошлым» Иракий Андроников, блистательный актер и литературовед, неутомимый первооткрыватель в мире источников познания отечественной культуры, член Научного совета ЦГАЛИ и редколлегии нового издания, счел необходимым поведать об истории хранилищ Ленинграда и Москвы, о «литературных архивах» и их знаменитых хранителях, о работе ЦГАЛИ и ее перспективах. Его статья «Хранители памяти» была первым «словом об архивах», обращенным к широкой публике.

Предисловия-напутствия к последующим выпускам писали виднейшие мастера искусства и литературы. Они не ограничивались указанием на историко-культурное значение публикуемых материалов, но всегда находили слова высокой оценки места архивов в обществе и в развитии нашей исторической памяти и самосознания, слова благодарности архивистам за их подвижнический труд. В статье, озаглавленной «Месса по минувшему» — предисловии к предыдущему, 7-му выпуску сборника, В. Я. Лакшин, самый глубокий и образованный в последние десятилетия нашего века литературовед-критик (если слово «критик» понимать в том высоком значении, которое восходит к классической литературе России), отметил, что «в современной жизни архивы, наряду с музеями и библиотеками, выполняют функции храмов культуры».

Такая уважительная оценка деятельности не только ЦГАЛИ, но и других хранилищ документальных памятников не может не вызвать ответного чувства признательности у меня, историка-профессионала, более 45 лет преподающего в Историко-архивном институте (выпускниками которого являются многие авторы «Встреч с прошлым») и более 25 лет возглавляющего Археографическую комиссию Академии наук, в работе и изданиях которой, прежде всего в «Археографическом ежегоднике», все более заметно участие историков-архивистов.

Наблюдаемое повсеместно во всем мире осознание непреходящего значения документального исторического наследия и возрастание интереса к документальным публикациям (и, как следствие того, к системе выявления, организации хранения и получения информации об исторических документах) — одна из отличительных

примет общественной жизни (да и государственной политики) и культуры нашего времени. Объясняется это многими обстоятельствами. Среди них все углубляющееся понимание того, что не просто исторический опыт, а научно основательные знания лежат в фундаменте общественного мировосприятия и мировоззрения. Труды историков, даже научно-популярные, всё в большей мере обретают и источниковедческую направленность. Ибо в век науки о науке и так называемая широкая публика, не говоря уже об ученых-специалистах, желает не только узнать описание исторического явления и поступков его действующих лиц, почему и где это происходило, но и каков источник нашей исторической информации, насколько достоверны эти данные, как обработаны, интерпретированы.

В нашей стране в последние годы интерес этот подогревался и тем, что читатель прежде, в условиях тоталитарной системы, долгое время лишен был правдивой информации о настоящем и прошлом. В угоду политико-идеологическим догмам придерживались определенной заранее шкалы общественных ценностей и следовали навязанным однозначным схемам изображения исторического процесса и истолкования явлений истории и культуры. Преступить эти границы ни ученые (историки, литературоведы, искусствоведы), ни архивисты — хранители архивных тайн — не смели. Потому даже в открывающихся читателю архивных материалах не всегда знакомили со всем, что имелось в хранилищах; при публикациях (фондовых, видовых, тематических) отдельные документы или группы документов опускали (иногда даже ясно не оговаривая это), в текстах оказывались купюры (тоже не всегда отмеченные). Нельзя было и давать ссылки на многие издания, особенно эмигрантские и зарубежные.

К нашим дням положение существенно изменилось. Начали публиковать материалы (и первоисточники, и исследования) по отечественной истории отнюдь не только революционной направленности, а по тематике событий после 1917 года, не ограничиваясь лишь тем, что отражало «победоносную борьбу за советскую власть и достижения социалистического строительства».

С открытием для всех ранее утаенного в спецхранах архивов и библиотек появилась возможность ознакомиться с огромным массивом изданий первых десятилетий советской власти и зарубежных изданий этого пе-

риода — как с первоисточниками (ибо множество ценных документов отечественной истории оказалось за рубежом), так и с исследованиями и сочинениями публицистов. Стало очевидным, насколько обедняли и искажали наши представления о прошлом — особенно о последнем столетии — в официозной историографии. А иной в СССР, по крайней мере в течение пятидесяти лет, с начала 1930-х годов и не существовало.

Поняли и то, что отечественная история — это деятельность наших соотечественников во всем ее многообразии, и повсюду — значит, и за рубежами советского государства. Это — не только торжествующая власть тоталитарного режима партократии. Но и те, кто не принимал ее или кого изображали ее противниками — миллионы жертв, казненных и гибнувших в архипелаге ГУЛАГ, и оказавшиеся за границей, кто, сохраняя верность родному языку, родной культуре, оставались и там россиянами. К нам возвращается понятие и о неоднолинейности путей развития России в целом, и о том, что к отечественной культуре и памятникам ее должно отнести и созданное нашими соотечественниками в эмиграции. История перестает быть и двуцветной (светлое — советское и темное — все иное) и безымянной. Вернулось множество имен исторических лиц, ранее не упоминавшихся, множество изданий, ранее сокрытых. Памяти дозволено обращаться ко всему прошлому, во всех его проявлениях, и судить его по закону совести.

Это — крутой перелом в нашем сознании (во всяком случае, людей старших поколений) и в науке истории, в самом подходе к явлениям общественной жизни и культуры и к источникам их познания. И ясно видно, что происходит этот перелом далеко не просто, не безболезненно и не безобидно. Слишком от многого устоявшегося, вошедшего в школьные учебники, приходится отказываться. Многие непривычное пока еще трудно сразу принять.

Существенно изменились наши понятия о месте философии, литературы, искусства «серебряного века» в развитии отечественной и мировой культуры, выявилась несостоятельность утверждения о «кризисе» истории и других гуманитарных наук в России накануне официального утверждения идеологии и методологии марксизма-ленинизма как единственно правильных и допустимых. По-иному научились смотреть и на новаторские искания в сфере литературы и искусства и первого послереволюционного десятилетия, и совсем недавних лет. Выясни-

лось, что некоторые, с детства дорогие нам, социальные установки утопичны в своей основе, а насильственное внедрение их в общественную практику приводит к небезопасным для будущего последствиям. До читателя дошли и ранее недоступные сочинения и высказывания (в конце 1980-х — самом начале 1990-х годов наблюдался буквально журнальный бум подобных новаций, в том числе архивного происхождения, — свидетельства социальной чуткости, мужества, а зачастую и глубокой прозорливости их авторов). История России и ее культуры в XX веке оказалась гораздо более сложной и многоцветной. И отвечает трагедией.

Необычайное за такое короткое время — менее десяти лет — расширение источниковой базы изучения отечественной истории последнего столетия всем очевидно. Но это создало условия не только для вдумчивого, углубленного исследования этой проблематики, сопоставительного рассмотрения известного уже ранее с нововывявленным, — но и для наскоро состряпанных «ученых трудов» и даже документальных публикаций, изображающих то или иное историческое явление уже согласно новой моде. Нередко стремятся нажить капитал, сосредоточивая внимание лишь на исторической «чернухе».

Вернейший путь противостояния подобным антинаучным и морально безответственным поступкам, а главное, — постижения правды о сравнительно недавнем прошлом во всей его сложности и многоликости — предоставить возможность самому читателю ознакомиться с первоисточниками в подлинном, неотрепированном виде, без навязывания политических и идеологических толкований (хотя бы в форме наукообразных предисловий и тенденциозного комментирования).

Подготовленный Российским государственным архивом литературы и искусства 8-й выпуск сборника «Встречи с прошлым» как раз отвечает таким потребностям нашей общественности и нашей науки: и по тематике своей, и по методике сообщения исторической информации.

Публикуемые материалы отражают явления отечественной культуры и общественного сознания примерно за 75 лет — с 1890 года до середины 1960-х. Это — письма, дневники, воспоминания, инскрипты (надписи на книгах) — ощущения сегодняшнего дня и суждения, отобранные и переосмысленные памятью, опытом — как личным, так и всей истории. Среди авторов, создавших

публикуемые ниже тексты, — наши соотечественники в России и за рубежом, здесь впечатления путешествующих за границей, намеренных скоро возвратиться на родину и приравнивающих к восприятию находящихся там (письма Иннокентия Анненского из Италии 1890 г. и Бориса Пастернака из Германии 1920-х годов) и вынужденных покинуть советскую Россию насовсем (записки писателя А. В. Амфитеатрова об образе мыслей и жизни петроградской интеллигенции, группировавшейся в годы революции и гражданской войны вокруг Дома Литераторов, и дневниковые записи периода жизни во Франции жены философа Н. А. Бердяева и Зинаиды Гиппиус о восприятии «парижскими русскими» событий второй мировой войны).

Составители сборника не ограничились написанным выдающимися нашими соотечественниками. К «участию» в издании, к «встрече» с потомками приглашены и люди малоизвестные. И это тоже подкупает. Хотя, на мой взгляд, все-таки особенно велико значение публикации писем Ивана Шмелева 1921 г. В. В. Вересаеву (так же, как умело представленных в комментариях фрагментов его же писем К. А. Треневу) и писем Б. Л. Пастернака нескольких десятилетий С. П. Боброву. Они — не только живые документы эпохи, важные серьезному историку, но и необходимы для понимания «принципов душевного устройства» (слова Бориса Пастернака) этих писателей.

Существенно то, что значительная часть помещенных в сборнике материалов (прежде всего — писем) никак не предназначалась для печати и знакомства с ними сторонних лиц. В них — свежесть, непосредственность ощущений и оценок, точность манеры их словесного выражения. В этом плане особенно богата информацией подборка выдержек из писем современников о В. В. Маяковском — о самом поэте и о его жизненной среде, — информацией, подчас неожиданной, так как привыкли к формулировкам (как у В. Б. Шкловского), сложившимся уже в годы, когда Маяковскому ставили памятники. А как важны для понимания феномена мыслителя Бердяева дневниковые краткие записи его жены — друга на всю жизнь: записи и своих наблюдений, и слов мужа об «удивительной способности работать, несмотря ни на какие условия жизни», о «сильной, неугасимой жажде познания», об образе рая для себя, как возможности «конечно, сидеть у письменного стола».

Или свидетельство щедрости души Пастернака, которым не раз овладевало «чувство восхищения» талантливым в творчестве своих поэтических коллег-соперников. И в то же время сорвавшееся восклицание: «Ах, как тошно среди хороших людей, не отравленных талантливостью!» Уже в молодые годы обнаруживается музыкальная чуткость его в подходе к переводимому поэтическому тексту — стремление передать саму звукопись поэзии другого языка. В письмах и метафорическая образность: «Стол осыпан корректурным цветением, и я с восторгом копошился в нем...»

А как впечатляет подборка писем И. С. Шмелева «Последний мой крик — спасите!». Пронзительной безутешностью горя родителя, потерявшего единственного, нежно любимого сына (взятого из больницы и расстрелянного в Крыму большевиками), и писателя, теряющего свою Россию, которая для него «хлеб насущный, духовный», но где стало возможным услышать в Наробразе и такое: «Нам теперь нужны руки и ноги, а не головы!» Все это лишний раз убеждает в том, что, изучая жизнь и творчество писателя, ученого, нельзя ограничиваться лишь тем, что напечатано или предназначалось для печати. Творческое начало присуще такой личности при всех ситуациях, находит выражение во всем сделанном и сказанном. Личность — это «контекст», взаимосвязь всего ею творимого и момента эпохи — и сиюминутного, действующего иногда крайне болезненно, и всего накопленного и аккумулированного личностью историко-культурного опыта.

Интересными оказываются и такие свидетельства людей незначительного масштаба, как записки балетомана, карточного игрока и жуира, кроме того, с отчетливой антисемитской жилкой Д. И. Лешкова о закулисной жизни петербургского балета и театра. Даже если автор слишком лихо и чрезмерно субъективно изобразил испытанное им в юности, — это тоже типические элементы околотеатральной жизни российского столичного офицерства предреволюционных лет и тоже относится к каждодневности обихода культуры. Любопытно сопоставить «Записки» Лешкова с подборкой материалов о Московском Дворце Искусств (известном как «дом Ростовых», а позднее — как дом Союза писателей на Поварской ул., 52); где в годы гражданской войны перемешались судьбы литераторов (среди них Марина Цветаева), художников, титулованных аристократов, случайных

проходимцев, — тоже разноплановый и яркий материал об особенностях жизненного обихода эпохи.

Из сборника узнаем о неустанных попытках Елены Сергеевны Булгаковой сделать литературное наследие Михаила Афанасьевича Булгакова достоянием читателей и о его отношении к переделке своих произведений («Он всегда говорил: вычеркнуть я согласен, но вписывать — ни за что...»), о пометах Анны Ахматовой на книгах Николая Гумилева... И, конечно же, о насыщенных творчеством, несмотря на сложные жизненные обстоятельства, «днях жизни» РГАЛИ 1990-х годов.

Материал книги — разнотемный, пожалуй, даже разношерстный. Да и разноценный. Но это и помогает приближению к познанию своеобразия прошлого во всей его конкретности. Приобщение к подобному видению обнаруживаем пока в большей мере в произведениях художественной литературы, чем в сочинениях историков. Последние часто еще довольствуются изображениями немногих знаменитых лиц (да еще тенденциозно преподанных — или лики, или нечисть!) и безликой толпы. Внедрение в нашу науку социальной психологии требует выявления *обычного* в биографии великих и *значимого* в обычной каждодневности. Путь обретения такого опыта — и в освоении источников исторической информации в ее первичном многообразии и неотделанности. И такую информацию должно учиться извлекать в письменных памятниках прошлых лет и помогать ее узнаванию другими. Ибо — как заметил И. С. Шмелев в публикуемом письме — «человек еще не изобрел иного средства посильней слов, чтобы дать другому понять».

Документальные памятники ныне печатают во многих изданиях — и в сборниках и альманахах, и на страницах литературных журналов. Стало труднее подбирать материал, который читатель выделит особо. Редакторы 8-го выпуска сборника «Встречи с прошлым» сумели найти такой материал и привлекательные приемы подачи историко-культурной информации, сохранив при этом сформировавшиеся уже традиции изданий РГАЛИ. Грядущее столетие обещает возрастание тяги к гуманитарному знанию. Сокровищница РГАЛИ поистине неисчерпаема. И полагаю, что читатель будет иметь счастливую возможность ознакомиться еще не с одним томом этого продолжающегося издания.

**ПУБЛИКАЦИИ
И
СООБЩЕНИЯ**

ПИСЬМА И. Ф. АННЕНСКОГО ИЗ ИТАЛИИ

Публикация М. Г. Эдельман

Русский путешественник в Италии на рубеже XIX — XX веков был фигурой обычной. Посещение Европы становилось неперенным и памятным событием в судьбе едва ли не каждого русского образованного человека, располагавшего необходимыми средствами. Многие стремились увидеть именно Италию, земля которой была со времен античности родиной и местом расцвета классического европейского искусства.

Образ Италии, являвший собой неповторимый сплав прекрасной природы, древних живописных и архитектурных шедевров, музыки и бурлящей современной жизни, был запечатлен в произведениях многих русских художников, музыкантов, писателей и поэтов, оживал в их переписке, в их мемуарах. Спустя годы путешествие по Италии вспоминалось как чудесный сон.

К концу XIX века паломничество со всех концов Европы в древние города-музеи Италии носило массовый характер. Слово «турист» в те годы обрело привычное для нас значение, и именно таковым ощущал себя в общем потоке экскурсантов 35-летний поэт Иннокентий Анненский, приехавший в Италию летом 1890 года с двумя приятелями и изучавший ее достопримечательности с каталогом и записной книжкой в руках.

Творчество Иннокентия Федоровича Анненского (1855 — 1909), несмотря на более позднюю известность, не было в центре внимания современников. Тяжело переживая свое литературное одиночество, он тем не менее не спешил заявлять во всеуслышание о своем поэтическом призвании.

Временем своего рождения, внешним обликом, старомодной манерой держаться и бытовыми привычками Анненский принадлежал скорее веку уходящему, однако духовным, внутренним складом, болезненно-обостренным ощущением своего «я», независимым и свободным

направлением мысли был близок к представителям новейших течений в поэзии.

Анненский по праву мог считаться одним из самых образованных людей своего времени. Он получил прекрасное классическое образование и, окончив в 1879 году историко-филологический факультет Петербургского университета, некоторое время преподавал древние языки в различных государственных и частных гимназиях, а затем состоял директором ряда из них. Наиболее известен и изучен последний, царскосельский период его жизни, когда он занимал должность директора Николаевской мужской гимназии в Царском Селе, а затем инспектора Петербургского учебного округа.

Немногим было тогда известно о напряженном литературном творчестве, которому Иннокентий Федорович, несмотря на слабое здоровье, посвящал каждую свободную от службы минуту.

Узкому кругу специалистов он прежде всего был знаком как первый переводчик на русский язык всех трагедий Еврипида (как писал имя античного автора Анненский), исследователь античности и ее наследия в современной культуре. Однако лишь члены семьи, близкие знакомые (среди них и живший в Царском Н. Гумилев) и некоторые сослуживцы знали и ценили в нем также талантливого драматурга, тонкого и оригинального литературного критика и, наконец, самобытного поэта-лирика и переводчика современной зарубежной поэзии.

Первый поэтический сборник Анненского «Тихие песни» (1904), включивший и переводы из современной французской поэзии, был издан на средства автора и долго пылился в витрине книжного магазина в Царском. Он остался почти не замеченным читающей публикой. Четыре оригинальные пьесы: «Меланиппа-философ» (1901), «Царь Иксион» (1902), «Лаодамия» и «Фамира-кифаред» (обе 1906), написанные параллельно с работой над переводом и научным анализом Еврипида, — также не встретили отклика. Некоторое внимание современников привлекла критическая проза Анненского, собранная им в конце жизни в две «Книги отражений» (1906, 1909). Однако принципы ассоциативности, свободной импровизации, самоиронии и оригинальная манера встретили неприятие у большинства читателей.

Громкое имя и широкую известность принес автору второй, посмертный, поэтический сборник «Кипарисовый ларец» (1910), подготовленный к изданию сыном по-

эта В. И. Кривичем. Тогда о нем сразу заговорило молодое поколение поэтов, воспринявшее его лирику как откровение и провозгласившее его своим Учителем. «Когда мне показали корректуру «Кипарисового ларца» Иннокентия Анненского, я была поражена и читала ее, забыв все на свете», — вспоминала Ахматова (Ахматова А. А. Сочинения: В 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 237).

Среди первых критиков, открывших для себя Анненского и обративших внимание на многогранность («многоликость») его творчества, был М. А. Волошин. Он писал: «Иннокентий Федорович Анненский был удивительно мало известен при жизни не только публике, но даже литературным кругам. [...] можно ли было догадаться о том, что этот окружной инспектор и директор гимназии, этот поэт-модернист, этот критик, заинтересованный ритмами Бальмонта, этот знаток французской литературы [...] — все одно и то же лицо?»

Для меня здесь было около десятка различных лиц, друг с другом не схожих ни своими интересами, ни возрастом, ни характером деятельности, ни общественным положением» (Аполлон. 1910. № 4. С. 11 — 12).

Многие современники и даже знакомые могли бы признаться подобно Волошину, что поэт остался для них неразгаданной фигурой. Такое положение сохраняется и по сей день. И хотя фактическая, событийная канва жизни Анненского сейчас в целом изучена (остается все же немало пробелов), по-прежнему мало документальных свидетельств, которые, помимо творчества, позволяли бы заглянуть в его внутренний мир.

Публикуемые 13 писем Анненского жене (ф. 6, оп. 1, ед. хр. 277, л. 1 — 25 об.), написанные во время поездки по Италии летом 1890 года, представляют в этом смысле несомненный интерес, так как позволяют услышать живой рассказ о только что пережитых впечатлениях. И хотя письма эти напоминают множество других туристических писем, писавшихся из-за границы, — в них вместе с красками, силуэтами и ароматом своего времени доходит до нас и неповторимо-индивидуальная интонация их автора.

Об интересующем нас периоде жизни Анненского известно немного. Он преподавал в те годы древние языки в... частной гимназии в Петербурге, а в 1890 году читал также лекции на Высших женских (Бестужевских) курсах. К этому времени в «Журнале Министерства народного просвещения» и в журнале «Русская

школа» появились его первые печатные работы, посвященные проблемам педагогики. 1890 годом датировано одно из лучших стихотворений — «Nocturno», вошедшее затем в сборник «Тихие песни». Почти тогда же Анненским была написана большая статья «Гончаров и Обломов», в которой были заложены основные принципы его будущей критической прозы.

Адресат писем — Надежда Валентиновна Анненская (в девичестве Сливацкая, в первом браке Хмара-Барщевская, в письмах — «Дина») — стала женой Иннокентия Федоровича в 1879 году. За три года до того Анненский, тогда студент 3-го курса, был приглашен репетитором к двум ее сыновьям от первого брака. Их взаимной любви не помешала даже большая разница в возрасте (Надежда Валентиновна была старше мужа на 14 лет).

За месяц до свадьбы Анненский писал своей сестре Л. Ф. Деникер: «[...]моя Дина очень хороша собою: она — блондинка и волосы у нее *blond cendre* с зеленоватым отливом; она светская женщина, т. е. обладает всем тем изяществом, которое, не знаю, как для кого, а для меня обаятельно. Но это не та противная светскость, которая гонит мысль и стесняет чувство. Опять-таки судя с своей точки зрения, я [не] нахожу ничего несоответствующего моим умственным интересам и требованиям в ее умственном уровне, и, напротив, ее ясный ум часто указывает мне, где истина, в том случае, когда мой, ухищряясь, ходит кругом да около.

Кроме того, Дина прекрасная музыкантша [...]

Характер у нее твердый, странное терпение в перенесении физических страданий, темперамент нервный без всякого «нервничанья», воля сильная, несколько излишне деспотическая и покоряющая. Она очень, ужасно добра и очень проста, несмотря на *une goutte du sang polonais dans les vienes*».

Любит она меня очень сильно и ревнует не меньше. Я ее очень люблю и стараюсь думать, что нисколько не боюсь» (ф. 6, оп. 1, ед. хр. 282, л. 1 — 2).

В 1880 году родился сын Анненских Валентин, будущий поэт и писатель, издававшийся под псевдонимом Кривич (в публикуемых письмах он — «Валя»). Во время

* светло-пепельные (фр.).

** каплю польской крови в ее жилах (фр.).

путешествия Иннокентия Федоровича по Италии его большая семья жила в Смоленской губернии в имении Сливичкое, принадлежавшем матери Надежды Валентиновны — А. В. Сливичкой. Вероятно, «мама Саня» в публикуемых письмах — это она.

В воспоминаниях об отце В. И. Кривич, которому в 1890 году было 10 лет, писал: «Не буду говорить о том, как ожидалось и как читались письма из-за границы в нашей глухой Смоленской усадьбе (тогда имении бабушки), где мы обыкновенно проводили лето. Я время от времени получаю свои отдельные, непосредственно мне адресованные письма» (*Кривич В. И. Иннокентий Анненский по семейным воспоминаниям и рукописным материалам // Литературная мысль. Вып. 3. Л., 1925. С. 236*). В РГАЛИ хранятся два письма Анненского сыну из Италии (ф. 6, оп. 1, ед. хр. 275, л. 1 — 2), одно из которых было опубликовано В. Кривичем в своих воспоминаниях.

Путешествие продолжалось около полутора месяцев. По дороге в Италию он посетил Варшаву и Вену (где было написано первое из публикуемых писем). Затем, проведя около недели в Венеции, отправился дальше, заезжал в Падую, Болонью, а оттуда доехал до Флоренции. Здесь Анненский провел около двух недель, осматривая город и окрестности, а по дороге в Рим побывал в древних городах Перуджии и Ассизи. Из Рима он совершал короткие поездки в Пизу, Геную, Турин, Милан, Неаполь. Спустя две недели Анненский добрался до последнего пункта своего путешествия — южного курорта Сорренто на берегу Неаполитанского залива; там он должен был провести несколько дней для отдыха.

Часть путешествия, как уже говорилось, Анненский совершил в компании двух своих знакомых: сослуживца по гимназии Е. Ф. Шмурло, в будущем профессора истории, и Вульфа, сведениями о котором мы не располагаем.

Письма домой писались часто и были полны подробностей. От взгляда поэта и ученого не ускользали ни красота пейзажей, ни пленительность архитектуры и внутренней обстановки католических храмов, ни бытовые особенности или уличные сценки.

Однако особой целью этого путешествия было, по-видимому, изучение итальянской живописи, главным образом мастеров Возрождения.

Интерес к живописи возник у Анненского задолго до поездки в Италию. В РГАЛИ среди его ранних неопубликованных стихотворений хранится цикл «Канцоны на посещение Эрмитажа» с поэтическим описанием картин на религиозные сюжеты. Очевидно, студии в храмах и картинных галереях Италии были прямым продолжением его занятий в залах Эрмитажа. Наиболее полно его работа в этой области отражена в записных книжках, пять из которых хранятся в РГАЛИ (ф. 6, оп. 1, ед. хр. 262 — 267). Это небольшие тетрадки в черных переплетах, заполненные быстрым, мелким почерком, исписанные карандашом и чернилами. Записи делались на ходу, часть из них фиксирует уличные бытовые сценки, интересные лица в толпе, выхваченные из потока увиденного отдельные впечатления и просто свободные мысли.

В письмах к родным Анненский избегал разговора о собственном творчестве. Но, видимо, стихи писались и в Италии, и одно из них, «Villa Nazionale», позднее вошло в сборник «Тихие песни». Темой этого стихотворения стал фейерверк, который автор наблюдал в Неаполе на берегу залива.

Вернувшись в Россию, Анненский окунулся в прежнюю жизнь. Но Италия осталась в его памяти. Через 15 лет в Царском Селе, прочитав в письме о сборах в Венецию, он с готовностью откликается на упоминание о «стране эстетической радости». Однако груз прожитых лет накладывает свой отпечаток. Поэт вспоминает Венецию не солнечной, праздничной, залитой яркими красками, что сияют в его письмах лета 1890 года, а затерянным в ночи городом на черной воде, под звуками дождя и скрипок. Письмо постепенно превращалось в стихотворение в прозе, что часто происходило с письмами Анненского последних лет жизни — теми, в которых он обращался к немногим пользующимся его доверием людям:

«[...]Венеция — Венеция! Мне, кажется, довольно повторить это слово, и я вижу, — но уже не залитые синим небом плиты, а вижу вечерние огни Венеции... Знаете, — мне хотелось бы теперь не венецианских картин — Бог с ней, даже с этой поднимаемой на воздух дамой Тициана — а нервных венецианских скрипок... и огней, огней... с того берега, и с открытых, острых, черных гондол, которые ночью воображаешь себе не черными...

Черная вода канала, белая рубашка гондольера, и на поворотах безвестных *canaletti*, среди этих — не поймешь: дворцов или притонов, — гортанные крики лодочников. Я бы хотел Венецию вечером, ночью... невидной, безвестной, прошлой... Дождик идет... хорошо! Иди, дождик! Люди спят... Спите, люди! А ты, моя барка, плыви тихо, тихо, и ты, тяжело дышащий человек, не спрашивай, куда меня везти... Не все ли мне равно...» (письмо Е. М. Мухиной от 16 апреля 1905 г. — ф. 6, оп. 2, ед. хр. 5, л. 13 об. — 14 об.).

Письма Анненского полностью публикуются впервые. Отдельные фрагменты были включены В. И. Кривичем в 1925 году в состав названных выше воспоминаний.

1

17 июня 1890

Вена 5/17
Nord-Bahn-Hotel

Милая Динуша! Сейчас прочитал твое второе письмо. Спасибо тебе и дорогому Валюшке за интересные письма. К сожаленью, не могу написать сегодня такого же интересного ни тебе, ни Вале, п[отому] ч[то] устал, страшно. Я писал тебе из Скерневиц (по дороге к границе), и ты знаешь, что мы осмотрели Варшаву, были даже в театре и пешком исходили все Лазенки¹. В каком запустении пруды — ужас! До Вены ехали так себе, до границы от Варшавы, там надо дважды пересаживаться, и попадаешь сразу из России к австрийцам. Представь себе дождь, холод, ночь — глаза выколи на станции, где поезд стоит две минуты. Нас втаскивают в вагон 3-го класса, он битком буквально набит жидами, да какими: здесь они с пейсами, наглые, запах такой, что я взвыл. Говорю кондуктору (похожему на офицера): «Здесь нет мест». Он меня во второй класс: здесь было хоть и тесно и тоже жида были, но лучше. Дал я ему за это удовольствие 75 крестеров, т. е. 55 коп., и прекрасно доехал до Вены. Приезжаем: дождь, ветер, 12^о, однако все-таки, пользуясь светлыми

¹ канальчиков (*ит.*).

промежутками, мы рыскали весь день до 12 час[ов] ночи. Вена подавляет своими зданиями: думаешь, это дворец, а это отель. Особенно мне понравился старинный (13 века) собор Св. Стефана в готич[еском] стиле, с ажурными высочайшими башнями, с крышей, которая точно вышита бисером. Внутри множество капелл, свету почти нет: он проходит скупо в окна, хотя огромные, но сплошь расписанные по стеклу арабесками и сценами на библейские сюжеты; то там, то сям служат, цветы, свечи, молящиеся фигуры в темных нишах у решеток, звон колокольчиков, и все-таки церковь так велика, что кажется тихо. Видел вчера еще вахтпарад во дворе Hofburg'a² и видел императора в окне: гвардия в киверах, коротких мундирах, с короткими скорострелками и в штиблетах. Вена поражает еще движением: извозчиков не так много, но все в шорах, дорогие, сами с пледом, в фетровых шляпах, с бичами, но, главное, конки без верхних мест, небольшие, звонят постоянно; омнибусы, огромные фуры с гигантскими лошадьми и тележки, запряженные собаками. Но несносно видеть повсюду рестораны, кафе, вейнштубе^{*}, павильоны, где продают лимонады и мороженое. Кажется, Вена только и делает, что ест да торгует. Магазинов множество невообразимое. Купил себе вчера плед и обертку для него, куда можно за ремни положить хоть целый чемодан: плед чудный, мягкий, большой, теплый и стоит 33 гульдена (гульд[ен] — 75 коп.). Бинокля пока не покупаю. Сегодня осматривал галереи в Бельведере (то же, что наш Эрмитаж) и купил себе несколько фотографий (довольно дорого это). Чего-чего мы только не осматриваем. Вчера были на интересной промышленной выставке. По дороге (мы все ходим или вскакиваем на конку) смотрели разные балаганы (интересные карусели в виде качающихся кораблей или лошади в настоящую величину). Зашли мы также в павильон, где делают мгновенные фотографии: за 40 крейцеров в 3 минуты с нас сняли две группы, приготовили и вложили в бумажные рамки. Смешит меня в Вене это, что за все платят: на час зайдешь — платишь 5 крейц[еров] за первый класс, присядешь на стуле на улице — подходит немка с сумочкой:

^{*} Weinstuben — винные погребки (нем.).

плати 2 крейцера. Я чувствую себя порядочно, только желудок расстроился эти дни. В Италии, как только приеду, буду жить свободнее, т. е. не буду вечно торопиться, вставать в 7 часов. Буду все рассматривать исподволь, а то так бегать, как эти дни в Вене и в Варшаве, постоянно нельзя. Прощай, дорогая Динуша, целую тебя, Валюшу, маму Саню. Вам буду писать из Венеции. Пишите мне: Италия, Венеция, *Itálie, Venézia*. M^r Innocent Annensky, *poste restante*.

2

19 июня 1890

Венеция 7/19 июня 1890

Милая Динуша! Вчера в 11 часов приехали в Венецию. Сегодня в самый угар я пришел к себе в номер, чтобы тебе написать. Дорога от Вены до Венеции — это что-то волшебное. Поезд выезжает в 7 часов утра, а уже в 8 он в горах, среди ущелий. Какие горы! — когда на них смотришь, то глаза невольно расширяются, хочется больше захватить взглядом. На меня вообще природа действует не сильно, но здесь точно все видишь во сне. Представь себе, что поезд летит в горах, лепится по горам, пропадает в ущельях, гремит по мостам. Ты видишь где-нибудь в стороне черную дыру в горе, и вдруг поезд непонятным и невидным зигзагом влетает в туннель. До итальянской границы 15 туннелей: самый большой в 1 1/2 минуты. Земмеринг — это станция на высшей точке поднятия дороги. Вокруг всё горы, крытые лесом, по большей части хвойным, кое-где лежит белая полоска — это снег или вершина закутана в туман, кое-где бежит серебряная струйка — это горный поток.

Но вот приезжаешь на итальянскую границу Роптебба: изменяется население, порядки и природа новая, по-моему, еще прекраснее. Первая итальянка, которую я видел, торговала вишнями и была прехорошенькая, после я не видел ни одной настояще красивой, но

* до востребования (фр.).

стройны и грациозны почти все молодые; кокетливы даже дети, а старухи — это такие ведьмы, каких я себе и не представлял никогда. Но возвращаюсь к рассказу. Начиная с Понтеббы, где таможенные чиновники даже не рассматривали багажа, а только открыли чемоданы и поставили кресты мелом, вместо чистых немецких построек пошли дома с обвалившейся штукатуркой, в живописных позах спящие итальянцы, виноградники, грязь, красивые дети. Кондукторы на станции не звонят, а кричат: один «partenza», а другой «pronti» (готово). Но природа лучше всякой попытки вообразить красивое место. Горы становятся диче, огромное, между ними бегут быстрые потоки, голубые с розовой полосой посередине, от каменистого дна. Первое время просто дуреешь: 26 туннелей сразу, на секунду выскочишь, увидишь спереди красноватые, желтые горы с туманными шапками, сзади розовые, воздушные, которые невольно принимаешь за облака, только неподвижные, — и вот опять в темный туннель, где мигают по сторонам какие-то огоньки (факелы, что ли). Но вот кончились туннели, горы расступаются шире и шире (день был серый, краски заката пропали), и, наконец, мы в долине, мелькают живописные городки и деревни, и, наконец, чтобы дать покой утомившимся глазам, спадает южная ночь, без звезд и луны, но не наша белая, а темно-темно-серая. Перед Самой Венецией с полчаса поезд идет по дамбе, с обеих сторон море. Но вот и Венеция. Ночь такая теплая, ласкающая, что делается даже тоскливо. Венеция спит. Факкино^{*} несет ваш багаж в гондолу (правильнее bark^{**} — гондолы с будочкой дороже), и гондольер, стоя на носу лодки, точно опирается на весло. С Большого канала мы попадаем в целую сеть маленьких канавок (говорят, до 30 сажен глубины). Там темно, пахнет водой, фонари только на углах, ставни старых домов закрыты, и ночная темнота нарушается только странными криками гондольеров, которые ловко расходятся, лепясь около каменных стен. Вот мы и в отеле. Сегодня новые впечатления, но нет, уж слишком много. Прощай, дорогая. Ты не поверишь, но ни на минуту я не перестаю чувствовать, что тебя нет со мной, и сердце щемит.

* отправление (ит.).

** носильщик (от ит. facchino).

*** лодка, шлюпка (ит.).

Прекрасный сон, но хочется проснуться и поцеловать тебя. Валюше при этом пишу отдельно. Целую вас и люблю.

Кеня

3

22 июня 1890

Venezia
10/22 giugno
Domenica sera*

Милая Диночка! Вот три дня, как я в Венеции. Целый день, т. е. утро, бегаем по музеям или церквам, а вечер проводим в саду, слушаем музыку, или на Piazza**. Piazza это центральное и аристократическое место Венеции: здесь лучшие магазины, самая нарядная публика. У piazzetta***, которая идет к лагуне, толпятся гондолы с самыми назойливыми людьми в мире — гондольерами. Я не буду тебе описывать храмов, музеев, картин, а расскажу лучше, как мы проводим день.

Встаем рано, в 7, 7 1/2 уже на ногах, идем в какое-нибудь кафе, и я пью чашку черного кофе. Когда я первый раз спросил лакея, нет ли цикория там, он даже обиделся. Здесь подходит цветочница, покупаешь букетик, прочитываешь местную газету. Затем музеи и церкви. Неловкое положение туриста. Входишь в церковь; тут в разных углах молятся — больше женщины, стоя на коленях, пастор служит, какие-то церковные мальчишки звонят и приседают, а мы ходим среди этих украшенных цветами алтарей, около этих исповедальных будочек, около этих потемневших распятий, среди верующих, надеющихся, молящихся, — мы ходим с каталогом, записной книжкой, чуждые всему этому миру, гоняясь за именем какого-нибудь Тициана. В общем, жизнь туриста мне не особенно нравится: воспринимаешь слишком много впечатлений, может быть, даже

* Воскресный вечер (ит.).

** Площадь (ит.). Здесь: площадь Св. Марка.

*** Piazzetta — небольшая площадь (ит.).

больше, чем надо. В общем, пестрота и утомление. Но вернусь к прежнему. Набегавшись часам к 4 — 5, идем в какой-нибудь скромный ресторан. Тут кормят плоховато, но сытно и дешево. На первое кушанье я беру обыкновенно суп *con piselli*, т. е. с горошком и рисом, в него прибавляют еще целое блюдечко тертого сыру. На второе беру *costoletta alla milanese* или *vitella* (телятина). За обедом пью местное вино с водой и заедаю скромный обед кусочком сыру. Вот и все. А вечером где-нибудь в *giardino*". Раз видели оперу в загородном театрике: перед каждым местом стоит столик, и тут мы едим мороженое или я пью излюбленный свой *gassosa*", который здесь подают в особых бутылках с льдинкой. Очень эффектна была наша поездка в Лидо; там театр на пристани, и во время бури актеры должны были перекрикивать ветер и волны Адриатики. В общем, хорошо. Жалко только, что от тебя долго нет писем. Я каждый день хожу на почту, и все нет. Динуша, целую тебя, милую, и Валю. Маму Саню целую.

Кеня

4

26 июня 1890

Падуя
 $\frac{14}{26}$ июня

Пишу тебе из Падуи, Динуша, куда мы приехали вчера и откуда уезжаем завтра утром. Ни одного письма я не получил от тебя в Венеции: это меня и тревожит и огорчает. Путешествие мое идет куда хорошо. Я взял *circolage*, т. е. билет из Венеции по всей Италии и обратно кругом: это стоит 40 рублей с небольшим во 2-м классе. Падуя — старый каменный город. Улицы местами так узки, что извозчик, встретившись с конкой, спокойно въезжает на тротуар. Наша комнатка

* котлету по-милански (*ит.*).

** саду (*ит.*).

*** лимонад (*ит.*).

премилая, чистая, с двумя кроватями, 3[-мя] зеркалами, каменным полом и балконом на площадь с памятником Гарибальди, и всего [за] 3 1/2 франка. Внизу дешевый и милый ресторанчик, где лакеи в пиджаках и старший, типический Лепорелло, все приходит справляться, хорошо ли нам все подано, нравится ли вино. Обед здесь предешевый, за 70 коп. можно сытно и довольно вкусно поесть. К кухне итальянской я привыкаю; только рыба, которую здесь готовят на оливковом масле, неприятная.

Все утро сегодня провели в церквах. Ах, как поэтичны католические церкви! Нет возможности в деталях осмотреть ни одной из них, но общее впечатление дивное: прохлада, стекла, расписанные сценами из Библии. Или просто арабески, вдруг из ниши выглянет измученное лицо какого-нибудь аскета: это статуя Антония³, Франциска⁴; образа, фрески; надписи, гробницы. В ризницах какие-то огромные книги, ноты, в шкапиках закрыты драгоценные произведения искусства. Глаза разбегаются, и с болью сознаешь, что проходишь, пресыщенный и утомленный впечатлениями, мимо таких вещей, на которые бы не налюбовался раньше.

Я здесь разоряюсь на фотографии. Так много захватываешь новых впечатлений, что поневоле не успеешь всего записать, и для памяти приобретаешь снимки. Деньги идут, но в еде, в извозчиках, в комнате, во всем я очень экономен. Динушечка, это мое письмо придет, вероятно, в Валюшино рождение⁵. Поздравь его от меня. Я писал ему дважды из Венеции. Скажи, что я приготовил ему уже подарок. Расскажи ему также, что в Падуе я в первый раз видел осликов в упряжи и что они мне чрезвычайно понравились. Милая Дина, пиши мне, пожалуйста, почаще. Теперь во Флоренцию, где будем до 1-го июля, и после в Рим, адрес по-французски и подчеркивай фамилию и *poste restante*. Марку в 10 копеек.

Целую тебя и поздравляю с новорожденным. Валю и маму целую.

Кеня

1 июля 1890

Für Sie allein
 Флоренция
 19 июня 1890
 1 июля

Я решительно не понимаю, Динушка, отчего до сих пор ты мне не пишешь ни строчки. Я знаю, что это моя вина. Я не оставил тебе точных чисел, но это произошло оттого, что я не думал строго придерживаться того расписания, которое мы составили, и сократить свое пребывание и в Венеции, и во Флоренции, и в Неаполе. Сердце у меня замирает от беспокойства. Никогда я еще не был от тебя на таком далеком расстоянии. Путешествие куда идет как по маслу. Если бы только не ежедневное разочарование на почте. Все, что предполагалось, мы видим. Монументы, церкви, картины — все это обогащает ум. Я чувствую, что стал сознательнее относиться к искусству, ценить то, что прежде не понимал. Но я не чувствую полноты жизни. В этой суете нет счастья. Как несчастный, осужденный всю жизнь искать голубого цветка, я, вероятно, нигде и никогда не найду того мгновенья, которому бы можно сказать: «Остановись — ты прекрасно». Динушечка, ты не обижаешься на меня? Я тебя уверяю, что лучше тех мгновений, которые ты мне дала своей лаской и любовью, у меня не было, и все-таки ты знаешь, что я всегда и везде томлюсь.

Сегодня вечером мы сделали огромную прогулку по Caschine⁶; — это вроде Bois de Bologne^{**}, по огромным густым аллеям на берегу тихого Арно катается масса нарядных дам, кавалькады едут. За рекой и куда ни выглянешь из зелени — горы Апеннины, не высокие, не грандиозные, но с изящными, мягкими очертаниями. Жалко, небо было в тучах, на горах лежал туман, и красот заката не удалось видеть. Какая здесь зелень! Представь себе дуб, снизу обвитый плющом, да толстым — буквально несколько деревьев слились в одно с земли до неба. Они образуют непроницаемую местами чащу, зе-

⁶ Вам одной (нем.).

^{**} Булонского леса (фр.).

леную стену. Липы отцвели уже. Осины такие толстые, каких я никогда не видывал. Шли мы шли и пришли к красивому и трогательному памятнику. Часовенька в индийском вкусе, и в ней на красивом цоколе за изящной решеткой, как живой, с красками бюст индийского раджи; 21 года юноша умер здесь в 1870-м году по дороге из Англии. По обычаю его родины труп его сожгли, а урну с прахом украсили монументом, на котором написали по-санскритски, по-итальянски и по-английски.

Теперь дождь, я сижу в скверной нашей комнатюлке, а Шмурло где-то в кафе. Меня трактиры вообще мало занимают, а он ужасно их любит. Динуша, сегодня разорился и купил еще две дешевеньких брошки: уж очень хороша и дешева здесь мозаика, а какие шелковые и соломенные вещицы: жалко, везти неудобно. Целую тебя и Валюшу. Поклон всем нашим.

Твой Кеня

До 1-го или 2-го июля во Флоренции, с 1-го июля в Риме до 20-го июля. Писать надо адрес — по франц[узски]. Лучше заказным. Фамилию подчеркивать. Имени и чина не надо. А раньше по-русски. *Italie, Florence. Italie, Rome.*

6

4 июля 1890

Флоренция $\frac{22 \text{ июня}}{4 \text{ июля}}$

Милая и дорогая Динуша, сегодня радости моей не было пределов: на меня пахнуло теплом с севера — я получил твое письмо. Рад я очень, что вам хорошо живется, и думаю, что не утерплю и по дороге из Италии приеду к вам в Сливицкое, чтобы вместе вернуться в Петербург. Скажи Вале, что я очень благодарен ему за память о моем спокойствии и что я не сомневался, что честный мальчик будет держать слово. Что рассказать о моей теперешней жизни? Она богата не столько внешними, сколько внутренними впечатлениями. Я чувствую, что развиваюсь эстетически главным образом на чудных картинах, которых здесь масса. В каком-нибудь закоулке старая церковь, ты раздвигаешь красную занавеску, проходишь мимо нищей старухи и входишь в полутемную,

сыроватую церковь, идешь — по обе стороны алтари с кое-где горящей свечкой, свет проходит в окна — звезды с причудливыми арабесками. На алтарях цветы, в образных стоят куклы, распятия (в одной церкви я видел Крестителя и около него игрушечного барашка). Из сакристии⁷ раздается гнусавое пение. Вот прозвонил звонок, и ксендз в белом платье с монахом или мальчиком в кисейной пелеринке идет к одному из алтарей. Теперь я уже мало обращаю внимание на эту обстановку и прямо иду к картине, которая меня интересует. Здесь — каталог из кармана, записная книжка с карандашом из другого, и сидишь иногда целый час. Иногда образ помещается в *chiostro*. Так называется окруженный колоннадой дворик: тут чудеса искусства среди могильных досок, на которых просят помолиться за усопшего и здесь погребенного. «*Orate pro eo, Præcate per esso*». Посередине растет трава, кипарис, розовый куст, а по коридору шныряют жирные доминиканские монахи с острыми глазами и тонзурой во всю голову, шныряют и высматривают, нельзя ли заговорить *forestier'a*^{**} и получить с него хоть чинкванту (полфранка). Лучше работать в галерее, в музее: прохладные залы — в окна смотрят Апеннины и синее (светлое утром) небо, в залах бродят, как *des âmes en peine*^{***}, англичане с красными носами и красными книгами, художники и художницы на высочайших стульях копируют картины, хохоча, завтракая, шутя со сторожами и неутомимо болтая, отчего, вероятно, копии не выигрывают: я не видел народа, который бы работал веселее, чем итальянцы. Но иногда в галерее совсем пусто: сидишь, смотришь, учишься, записываешь, мечтаешь. Приятно, когда взглядишься в ряд картин одного художника настолько, что его мирозерцание станет ясно, поймешь его идеал, вкусы, цели — его душу. Я исписал уже 4 книжки своими заметками и боюсь, что запружу ими весь чемодан. В 1/2 4-го обед — *pranzo* по-здешнему. — На первое кушанье я сегодня, например, взял *risotto con piselli*, т. е. большая тарелка чего-то вроде пилava, очень жирного, с сыром и заправленного горошком. Сытно так, что второго кушанья я уже и не спрашивал. А то съешь котлетку, пьешь при этом крас-

* «Молятся за него» (лат., ит.).

** иностранца (ит.).

*** скорбящие души (фр.).

ное вино с водой. Плодов я боюсь, кроме слив, а абрикосы и персики, говорят, хорошие. Вечером, напр[имер], сегодня мы ездили за город: в дилижансе и на паровой конке приезжаешь на высокую открытую площадку, по ту сторону Арно: с нее видна Флоренция как на ладони, а на самой площади возвышается монумент, отлитый с одной из лучших статуй Микель-Анджело. Огромный Давид так пропорционален и красив, что кажется вовсе не колоссом, а изящным юношей. По краю идут широкие мраморные скамьи, еще ниже цветники, заречная часть города. По обе стороны площади сбегает вниз и поднимаются аллеи белой акации, каштанов, лип и кипарисов, совершенно черных сравнительно с другими деревьями, а с аллей бегут дороги, окруженные каменными стенами вилл, выглядывают беседочки, увитые диким виноградом. Звонят колокола (они здесь постоянно звонят к «Ave Maria», на закате), музыка иногда долетает, звонит паровая конка (здесь паровая конка звонит, конка настоящая свистит). Оттуда, напившись всякой газовой дряни или попробовав мороженого и пропустив (невольно засидишься и залюбуешься) все пути сообщения, идешь пешком.

Вот тебе один из дней. О моих внутренних художеств[енных] впечатлениях и занятиях рассказывать было бы долго и скучно. Прощай, душка, целую тебя, Валу и всех.

Твой Кеня

Во Флор[енции] до 1-го или 2-го, с 6-го в Риме.

7

6 июля 1890

Флоренция $\frac{24}{6}$

Динушечка, получил сегодня твое письмо и вечером сажусь писать ответ. Сейчас воротились с загородной прогулки в Фьезоле, старый город, еще этрусский, расположенный в очень живописной местности. К сожалению, вторая половина прогулки была испорчена дождем, да еще холодным. Нет, надо на юг. Я до сих пор не описывал тебе Флоренции. Это преинтересный го-

род. Странное впечатление производят узкие улицы, вымощенные как тротуар. Толпа мало ходит по тротуару, а всё посреди улицы. Тяжелые omnibusы кажутся еще выше и огромнее оттого, что кучер сидит высоко, почти на самой крыше вагона. Он вооружен огромным бичом, которым то и дело хлопает. Это и вместо нашего «берегись», и для острастки лошадям. Им от этих бичей, вероятно, так же мало больно, как клоунам от плюх в цирке. Загадка, положительно, как разъезжаются здесь omnibusы, экипажи. Вот на мосту слышится какой-то дикий крик — сначала он меня очень удивлял: это ослик в красной уздечке или с торбой под мордой заупрямился, а не то испугался. Еще диче, кажется, кричат разносчики с разной дрянью: специальным продуктом здешним — восковыми спичками, с водой, с свежими газетами.

Вот среди улицы торжественно движется коляска: на подножках стоят какие-то болваны в красных фесках и раздают направо и налево программы сегодняшнего вечера в кафешантане. Заезжий цирк выставил афиши, которые можно прочесть за версту. Оперетка высылаёт свои афиши на огромных лучинах — их носят мальчишки среди улицы. Несмотря на живость итальянцев, толпа на улице чрезвычайно сдержанная. Я никогда еще не видал ни одного скандала, хотя шатался Бог знает по каким закоулкам, я не встретил даже ни одного пьяного. Жандармы в своих фраках с серебряными пуговицами, башмаках и треуголках, ремень от которых держится на подбородке, ходят, кажется, больше для красоты, чем для порядка. В толпе взгляды, мои, по крайней мере, невольно как-то падают на женщин, ах, как хороши здесь женщины, девушки особенно: любимый цвет летнего платья — крем. Из-под белой или бледно-палевой шляпки выглядывают то и дело глаза, на которые где-нибудь на Морской стали бы смотреть, как на диковинку. Газ на шляпе, иногда простой цветок, тоненькая талия, загорелая ручка в митенке или голая, черный веер и эти чудные завитки волос на лбу и на стройной шейке — вот молодая итальянка. Почти никогда не увидишь плаксивого или надутого лица. В поступи какая-то самоуверенность, турнюра нет, нога в ажурном башмаке. Еще выделяется из толпы итальянский офицер. В своем коротком пиджаке, в обтянутых серых с красными лампасами [рейтузах], в маленькой кеши, бритый, с щегольски-

ми усами и с той особенно красивой и изящной вежливостью, которая дается одним итальянцам. Магазины Флоренции — это целые мирки: когда ты войдешь в магазин мозаик (я таки разорился на них), так тебе положительно не хочется выходить. Приказчик, как нарочно, расположит кокетливо и пресс-папье, и брошки, и нитки чудных розовых кораллов, и зеркала, и рамки, и медальоны. Вчера я купил рамку за 25 франков: в Петербурге за нее пришлось бы, наверное, отдать 25 рублей: ты не поверишь, что перед этим мы трое, Вульф, Шмурло и я, минут 10 любовались на ее рисунок. Диночка, я покупаю разные мелочишки и все привезу к тебе в Сливичкое — а уж ты выберешь и скажешь, что кому дарить, — все твое. Только рамку оставь себе или мне для своего портрета. Дина, какие здесь дешевые материи для мужских платьев, какое стекло, какая посуда! Жалко, что некому привезти веер, а то веера здесь просто даром. Камеев хороших пока не видал. Оставляю также денег для шелку на *lago di Como** и для перчаток в Неаполе. Батистовых платков покупать не буду. Говорят, что шелковые несравненно прочнее. Пиджак мой прорвался или, правильнее, пронёсился на рукаве. Я пробовал было его заштопать собственными средствами, но вышло так плохо, что сегодня я отдал портному за 2 лиры (70 копеек). Здесь очень хорошая мужская мода. Пиджаки у многих без жилетов, а так как вообще итальянцы большие франты, то они заменяют жилет большим кушаком с ремнями, но при этом непременно крахмальная грудь. Вообще тут все ходят в крахмальном, и я чувствую большое неудобство со своими пристежками — нельзя расстегнуться или надевай жилет. Ты пишешь о фланели, но ты ведь знаешь, что я не выношу на теле буквально ничего такого, что шерстит. Притом, в доказательство того, что я не простужаюсь, скажу тебе, что у меня с Петербурга не было ни малейшего насморка. Фланель здесь носят одни англичане и то не летом, а осенью, а в Венеции на улицах я не раз видал рабочих, голых по пояс. Динуша, я рад сделать для тебя все приятное, но фланель я не надену. Ты знаешь, как быстро у меня складываются привычки, а там еще забудешь да и в самом деле простудишься. Прощай, милая моя женка, пиши мне и люби меня. Письмо, о котором ты мне пишешь, напишу.

* на озеро Комо (ит.).

Шмурло получает много писем, но не от жены, кажется, и пишет больше родителям. Целую Валю, целую ручки мамы Сани. Мои приветы Тоне, Мане и всем нашим.

Твой Кеня

В Рим я приеду, вероятно, 5 июля, в Неаполь 17 или 18. Письма, впрочем, все равно дойдут. Лучше посылать заказным. По получении этого письма пиши мне в *Неаполь*.

8

Без гаты

[Флоренция]

Милая Диночка, сегодня получил твою телеграмму, которая меня сначала взволновала своим появлением, а затем порадовала и успокоила. Страннее всего, что она пришла в почти неискаженном виде. Послезавтра, вероятно, мы уезжаем по дороге в Рим, но будем останавливаться в двух и даже, может быть, трех городках: Перуджии, Ассизи, Сиене. Оба мы, и спутник мой и я, немножко приустиали, а у меня еще в первый раз в жизни сделалась мозоль. Я, впрочем, бодр, если бы не язык, который теперь находится в периоде боли, и беспокойство грызет мне сердце, хотя я наружно весел и беззаботен. Сегодняшнее утро я провел очень интересно: получив твое письмо и телеграмму и посетив несколько церквей, я отправился в Музей Св. Марка, одно из интереснейших мест Флоренции. Теперь это почти центр города, но в 15-м веке это был загородный доминиканский монастырь.

В нем жил знаменитый Антоний, отсюда был отправлен в тюрьму и потом на костер знаменитый Иероним Савонарола⁸, здесь гащивал Козимо Медичис⁹. Не могу выразить, какое чувство охватывает, когдаходишь в эту святыню, где когда-то люди молились, спасались, где жили знаменитейшие живописцы, миниатюристы, резчики, где исписывались многотомные пергаменные рукописи... И все это погребено. В длинных темных коридорах, где скользили неслышными шагами белые доминиканцы с огромной тонзурой и в черных капюшонах, теперь сидят казенные сторожа в пенсне и с «Secolo»¹⁰ в руках... Три часа я бродил совершенно один внизу среди хранящихся здесь картин и наверху в кельях. Прежде

всего входишь во двор. Посередине садик: шиповник в цвету, лиственница, платан, белая акация, отцветшая магнолия в портиках вокруг картин, по которым всякий познакомится с жизнью монахов, прославивших монастырь. Под картинами могильные плиты с трогательными надписями. Потом идешь в сыроватые залы. Вот полутемный закоулок — в нем беломраморная гробница, а на ней из белого же мрамора сделана лежащая во весь рост молодая монахиня, почему-то в ногах у нее собака. Узкая, крутая лестница ведет наверх в корид[ор] со сводами, и здесь направо и налево маленькие каменн[ые] келейки. — В них теперь нет даже коек, только сбоку маленькое решетчатое окно с тяжелой внутренней черной ставней. В каждой келье картина одного из монахов, когда-то живших в этом монастыре. В этих картинах не столько красоты, сколько трогательного христианского чувства. Предание говорит, что художник плакал и молился, готовясь их писать. Вот библиотека — темно-желтые томы глядят из шкапов с проволокой. Посередине масса миниатюр — рисунков в книге или в нотах, — они свезены сюда из многих соседних монастырей, теперь упраздненных. Но вот мы с болтливым сторожем, который все удивлялся моему бойкому итальянскому разговору, — в кельях Савонаролы. Вот его поразительный портрет с глазами, которые даже в живописи, кажется, могут намагнетизировать. Вот стол, где он работал, стул, где он сидел (я посидел на стуле), над столом, где он работал, распятие (какое-то изгрызанное), за которым он молился, исписанные им толстые томы. Сторож усадил меня за этот стол, и я сделал за ним свои заметки. Вот знамя-хоругвь с тем некрасивым изображением распятого Христа, которое когда-то Савонарола выносил на флорентийскую площадь, проповедуя перед народом. Признаюсь, жутко сделалось в тесной, душной камерке при воспоминании о страшном проповеднике. И я, пройдясь еще раз по келейкам и полюбовавшись на все эти распятия, благовещения, преобразования монахов Fiesole, Benedetto, Bartolomeo, которые здесь служили и работали Богу, поспешил на свежий воздух. По дороге пришлось проходить мимо того самого места, где в конце 15-го века сожгли Савонаролу и 5 монахов. Теперь там продают спички, газеты, газové напитки и стоят извозчики в цилиндрах или спят бродяги в мятых шляпах, — и вот по этой самой площади шли подкладывать дров под солому костра, на котором поджаривали Саво-

наролу. Здесь поцеловал он в последний раз распятие, стоя между двумя черными палачами.

А вот и башня, где сидел он до суда — он, полновластный судья флорентийской совести. Завтра я туда поеду непременно... Я написал много лишнего и не написал ничего важного. Деньги идут у меня ужасно. Здесь так заманчивы фотографии, мозаики, разные мелочи, что я просто боюсь теперь смотреть в окна магазинчиков. Диночка, следующее письмо я напишу тебе лично: оно только для тебя будет интересно. Целую тебя и Валу и обнимаю всех твоих.

Любящий тебя Кеня

9

14 июля 1890

Рим
2/14 июля

Вот я и один, дорогая Динуша, в огромном и чудном Риме. Мы временно разъехались со Шмурло. Я посетил один Ассизи, где пробыл всего день, а Шмурло остался в Перуджии. В Ассизи я провел оригинальную ночь. Это город в горах, маленький, с запутанными кривыми улицами. На каждом шагу спуски, подъемы и крошечные фонтанчики. Там знаменитый монастырь Св. Франциска и интереснейшие фрески Джотто¹¹ и Чимабуэ¹², родоначальников итальянского искусства. Но я не буду утомлять тебя рассказом о моих художественных впечатлениях. Скажу только, что положение мое было совершенно привилегированное — единственный иностранец в городе.

Разумеется, пришлось взять гида, потому что никакой план не поможет разобраться в этом лабиринте улиц, пьяцетт, закоулков. Гид мне был чрезвычайно полезен, но, главным образом, своей речью. Вот третий день, что я не произнес ни одного слова по-русски. По-итальянски, как мне кажется, я говорю очень порядочно. Шмурло очень мне завидует втайне и все говорит: «Мы плохо говорим», вместо «я». А сегодня (мое торжество, хотя и наедине) меня приняли за итальянца. Ни прислуга, ни гиды не ломают со мной франц[узский] или англ[ийский] языки, а говорят по-итальянски — это хороший

знак... Но я стал говорить про оригинальную ночь. Представь себе комнатку с очаровательным видом: у ног вся долина Умбрии: виноградники, синяя линия холмов, поля grapo tugso (вроде конопли). Под окошком какой-то балкончик и крупные черепицы крыши. Я долго просидел под окном. Но вот небо стемнело и поднялась гроза, настоящий ураган, какого я не видывал. Оригинальность ночи состояла в том, что я был буквально единственный постоялец во всей гостинице в три этажа. Прислуги почти не было. И вот представь себе завывание, даже какое-то хлопанье ветра, стучат ставни в пустых комнатах, стонут колокола, чудно прекрасная фиолетовая молния почти не перестает, а внутри тишина, как в могиле. Ветер мешал мне заснуть. Зато утром я был неожиданно вознагражден чаем, настоящим чаем. Теперь я в Риме. Ах, Динуша, что за чудный город! Что все Венеции, Флоренции, Падуи в сравнении с вечным городом! Сегодня в церкви Св. Петра я буквально чуть не заплакал от восторга. Нельзя передать этой роскоши блеска, громадности (самый большой храм в мире) и вместе с тем этой дивной гармонии. В течение 900 лет он строился, перестраивался. В него вливали искусство и душу два гения, десятки талантов, разные идеи и планы слились в нем, но ты чувствуешь везде и во всем одного Бога любви, красоты, ума. Представь себе, во всем крупнейшем храме одна картина. Ты думаешь, что их десятки, — это все мозаики. Я смотрел в бинокль, подходил, поднимался — краска, а между тем все мозаика. Там знаменитая статуя Петра, которую 1400 лет целуют католики в ногу и стерли губами все пальцы на бронзе (их нет). Посередине спуск к алтарю, за решеткой, где имеет право служить только папа. Там в крипте хранятся мощи Петра и Павла и стоит коленопреклоненная статуя одного папы. Над криптой горит в особых почти закрытых лампадах чистое масло: эффект поразительный. Нельзя описать красоты статуй. Особенно хороша микель-анджеловская «Pietà». Богородица совсем молодая, у нее на коленях мертвый Христос. Глядя на эту статую, забываешь, где стоишь, забываешь, что видел раньше. Вот место, где короновался Карл Великий 1100 лет тому назад. Вот купол, единственный в мире по красоте формы. Самый получителен: ты можешь видеть там все размеры верхних частей храма и судить об оптическом фокусе, который они представляют: кажутся маленькими. Замечательно, что забываешь: и цену (250 милл[ионов]), и время, и ро-

скошь (229 мрам[орных] колонн, 503 travertin'овых*, и величину (187 метров длины), — и видишь только красоту и гармонию, доходящую до какой-то музыки форм. Устал писать, да и не опишешь всего. Целую тебя, Валю, всех наших. Писал тебе третьего дня утром из Перуджи личное письмо. Целую тебя и люблю.

О, как дивно прекрасен Рим!

10

15 июля 1890

3/15 июля

Динуша, милая! Отправляя тебе заказное письмо, пишу еще отдельно, чтобы заранее поздравить тебя с днем рождения. Динушечка, Рим мне все так же мил.

Какая растительность, какие фонтаны, какие огромные площади! Развалины Колизея — это что-то необычайно импозантное. В нем могло поместиться 87 тысяч зрителей. От театра сохранилась одна треть. Сохранились входы гладиаторов и места, где помещались дикие звери. Такое впечатление — будто все это еще обрызгано кровью. Сегодня ходил в катакомбы. Водил старый монах-бенедиктинец, французский дворянин. Впечатление катакомб совсем особенное: представь себе бесконечные подвалы, которые идут то понижаясь, то повышаясь: в гробницах более 1600 лет сохраняются остатки скелетов, даже волосы на голове. Нигде просвета, выхода. Можно ходить тут целый день, как говорил монах, и все те же арки, разбитые флаконы с кровью мучеников, черепа, красная глина, фрески да разбитые барельефы. А выйдешь на воздух: вечнозеленые эвкалиптусы, туи, олеандры в цвету. Нет, на земле лучше. Динуша, ты пишешь: «Уезжай из Италии». Ах, как трудно уехать отсюда! Что это за земля! Холеры тут нету. Иностранцев много. С простудой я очень осторожен. А желудок берегу, не тревожся, моя дорогуша. 12 или 13 авг[уста] я, даст Бог, буду в Сливницком, где проведу дней 10. Хочется повидать маму Саню, и не дождусь времени поскорее обнять тебя и Валю.

* Травертино — пористый известняк.

Моя обстановка теперь вполне комфортабельная. Мы со Шмурло остановились отдельно. Я взял комнату в первоклассном отеле, дешевую, но элеватор¹³, чай, ванна и чистота, изящество необыкновенные. Ем вообще я мало, пью также. Тут не до того. Жарко очень: сегодня 38° на солнце, а между тем дышится легко. Вечером эти дни был в театре: слушал «Риголетто» и «Фру-Фру»¹⁴ по-итальянски. В театрах здесь сидят в шляпах, читают газеты, курят. Дешевизна необыкновенная. 1-й ряд кресел настоящего театра в 6 ярусов — 2 лиры, т. е. меньше 70 копеек. Валюшке пишу при этом отдельно. Целую Вас всех. Не забывай Кеню, спасибо, что часто пишешь. Прости, что письма нескладные. Голова устает от наплыва впечатлений, и мысли путаются.

Твой Кеня

Письма доходят все. Знай пиши в Неаполь, а к 5-му августа — в Венецию.

11

28 июля 1890

Сорренто
16/28 июля 1890 г.

Милая Динуша!

Вот я и в Сорренто, последнем этапе моем в движении на юг. Боже мой, что за красота этот юг! Я сижу на балконе, который хотя и приходится на целый этаж, но теперь весь в распоряжении нашем — моем и Вульфа. Балкон этот огромный и во втором этаже. Прямо перед глазами море: наконец-то я увидел настояще-синий (как в корыте с синькой) и настоящий изумрудный цвет моря. Огромный Везувий просто лезет в глаза, хотя, к сожалению, вечера были облачные, и его кратера, в виде красного уголька, не видно. От гольфа¹⁵ отделяет нас один сплошной сад — я таких деревьев, такой зелени никогда не видал. Темная раскидистая шапка грецкого ореха и рядом пыльная оливка, красные апельсины — они поспевают в течение целых 6 месяцев, золотые огромные лимоны, олеандры, фиговые деревья.

Особую красоту вида составляют сосны особого вида, похожие на пальмы, с зеленью только наверху. С боковых крыльев балкона открывается вид на горы, покрытые сверху хвойными деревьями, по ним ползет дорога, сбоку лепятся домики с красными крышами, на скале виднеется часовня Св. Клары, вся иллюминированная по вечерам (теперь здесь праздники). Среди зелени садов (Сорренто — все один сплошной сад) там и сям видны отели, виллы, группы домиков, старинная церковь. Перед нами вила княгини Горчаковой, матери моего Алика. И все сады, все балконы, все окна, точно влюбленные глаза, вперились в море. В самом деле, есть на что посмотреть. Я не думал, что вид воды может доставить столько разнообразных и прекрасных впечатлений. Вот прошел пароход и оставил молочно-белую полосу, вот прошелся по воде фиолетовый тон, вот мелькнула розовая полоска, и ты ищешь, откуда она, где тот уголок неба, который смотрится в залив. Но особенно хорош туман, не тот противный туман, среди которого мы натываемся на фонари и тумбы, а теплый, романтический туман, то голубой, то серебряный... Но обратимся к прозе. Благодаря милому русскому купцу Беляеву, который 50 лет торгует в Неаполе кораллами, мы попали в прекрасный и, главное, дешевый отель. Кормят на убой, вид — лучший в Сорренто, в саду ешь даром апельсины, и за все (утром самовар на террасе) 6 франков (2 рубля по курсу). К чаю дают яйца, масло, сырое молоко. За завтраком дают два блюда (сегодня маисовые клецки с соусом из помидоров и жареная говядина), сыр, фрукты (груши, фиги, апельсины, персики), за обедом шесть блюд (суп, рыба, соус, зелень, жаркое и пирожное) и фрукты. Сорренто — сонное царство. Говорят, что здесь в воздухе такое усыпляющее свойство. Я здесь отдыхаю и телом, и карманом, а то совсем истратился.

Сегодня видел во сне тревожные вещи, будто Валюшка болен! Храни вас Бог! Пора бы и домой, право! Загостился. Целую и обнимаю вас с Валею, маму Саню, всем нашим приветы.

Твой К.

Примечания

¹ Предместье Варшавы, где находился загородный королевский дворец.

² Императорский дворец в Вене.

³ Антоний Великий (ок. 250 — 356) — отшельник, основатель монашества, один из наиболее почитаемых католических святых.

⁴ Франциск Ассизский (1187 — 1226) — монах, проповедник, основатель ордена францисканцев.

⁵ В. И. Кривич родился 20 июня 1880 г.

⁶ Парк в окрестностях Флоренции.

⁷ Сакристия — ризница в католическом храме.

⁸ Савонарола Джироламо (Иероним; 1452 — 1498) — проповедник, поэт, настоятель собора Св. Марка, общественный реформатор. Был повешен, после чего тело его сожгли на костре.

⁹ Медичи Козимо Старший (1386 — 1464) — правитель Флоренции с 1434 г.

¹⁰ «Secolo» («Век») — иллюстрированный итальянский журнал.

¹¹ Джотто ди Бондоне (1266 или 1267 — 1337) — итальянский живописец.

¹² Чимабуэ (наст. имя Ченни ди Пепо; ок. 1240 — ок. 1302) — итальянский живописец, продолжатель традиций флорентийской школы живописи.

¹³ Элеватор — смеситель в ванной.

¹⁴ Музыкальная комедия Г. Мельяка и Л. Галеви (1869).

¹⁵ Гольф — здесь: Неаполитанский залив.

ИЗ ЗАПИСОК Д. И. ЛЕШКОВА

(1904 — 1930)

Публикация Т. А. Латыповой

Имя Дениса Ивановича Лешкова (1883 — 1933) мало знакомо не только искусственному театралу, но и историку театра. Осталось оно лишь в подстрочных примечаниях литературы о балетном искусстве, причем не всегда в лестном контексте. Составитель книги «Прошлое Балетного отделения Петербургского Театрального училища, ныне Ленинградского государственного хореографического училища. Материалы по истории русского балета» (Л., 1938 — 1939. Т. 1 — 2) М. В. Борисоглебский не преминул охарактеризовать Лешкова как дилетанта-балетомана, предпринявшего попытки написать очерк к 200-летию юбилею Петербургского театрального училища: «В бытность свою архивариусом [Лешков] пытался написать «Исторический обзор организации, деятельности и быта Петербургского театрального училища». По имеющейся в распоряжении ЛГХУ рукописи (авторского текста около 5 листов, разных выписок около 8 листов), с которой мы ознакомились, как и с рядом других записок, видно, что Лешков работал главным образом на основе давно опубликованных источников. Рукопись Лешкова изобилует второстепенными документами «хозяйственного порядка», неполноценными списками учащихся, копиями некоторых программ школьных спектаклей и почти ничего не прибавляет к тому, что было уже известно ранее. [...] Лешков мог бы при желании и некотором «прилежании» дать более интересные и новые материалы. ЛГХУ, рассмотрев рукопись, не сочло возможным опубликовать ее, так как она ни по содержанию, ни по структуре своей не отвечала требованиям юбилейного издания» (Т. 1. С. 343). По выходе в свет упомянутого издания наследники Лешкова предъявили иск Ленинградскому хореографическому училищу о незаконном использовании в юбилейном сборнике отклоненной рукописи. Экспертом Научно-исследователь-

ского института театра и музыки М. О. Янковским иск был признан обоснованным.

Все написанное Лешковым Борисоглебский свел к «нескольким незначительным журнальным статьям и биографическому очерку о М. Петипа». К этому прибавил несколько слов о его военном образовании, увлечении музыкой и театром, службе на должности заведующего архивом академических театров, на которой тот не проявлял, по мнению автора, должного рвения. Вот самая полная биографическая справка о Д. И. Лешкове. Судьба ли неудачника или дилетантизм в занятиях определили столь незавидный статус?

Денис Иванович Лешков (настоящая фамилия Ляшков) родился 3 декабря 1883 года в Гельсингфорсе в семье окружного следователя И. Д. Ляшкова. Служебные перипетии повлекли перевод его отца в Петербург, где он получил новый чин и место судьи Петербургского военно-окружного суда. Ранняя смерть И. Д. Ляшкова в 1899 году во многом предопределила то образование, которое пожелала дать мать единственному сыну (были еще дочери). Решив сделать его военным в память о муже, она начала хлопотать о допущении сына к экзамену в один из петербургских кадетских корпусов. Исходя из возможных вакансий, мать избрала 3-й Московский. Однако ситуация неожиданно изменилась. «18 августа, за 2 часа до нашего отъезда [в Москву], пришла 2-я бумага, уже из окружного суда, по которой мне, как сыну военного судьи, предоставлялась стипендия генерала Стрельникова во 2-й Кадетский корпус в Петербурге» (ф. 794, оп. 1, ед. хр. 17, л. 16). Таким образом было положено начало военной стезе.

Летом вся семья обычно жила в Павловске, и музыкальный Павловск стал частью воспоминаний Лешкова. «Каждый вечер аккуратно все шли, невзирая ни на какую погоду, на вокзал на музыку (меня после 1-го отделения, иногда после 2-го уводили домой спать), — вспоминал он о лете 1899 года. — С самых ранних лет я очень любил музыку и помню, что часто не засыпал иначе как под музыку (непреренно какое-нибудь место из «Аиды» или «Фауста»). В Павловске на музыкальных вечерах я в эти годы не пропускал ни единого звука; забирался всегда к самой эстраде и слушал так до конца» (там же, л. 5 и об.). Музыкально одаренный мальчик в бытность свою кадетом начал поигрывать на балалайке, расширил это увлечение игрою на альте и басу, и в стар-

ших классах, следуя традиции корпуса, из года в год собирал оркестр балалаечников. В каникулярное время оркестр набирался из учащейся молодежи Павловска и Царского Села. «Летом 1899 года я опять собрал оркестр, на этот раз довольно большой (20 человек), причем появились впервые 3 домры (2 альтовых и 1 малая). [...] На этот раз успех оркестра (после немалой, впрочем, с моей стороны работы) был очень велик. Мы стали участвовать в благотворительных и любительских концертах и спектаклях, играть в частных домах, у знакомых на вечерах и т. д. — словом, приобрели себе некоторую известность» (там же, ед. хр. 19, л. 1 и об.). Преподаватели корпуса скорее удивлялись, когда кадет Лешков слушал урок, а не писал ноты и не составлял партитуры для своего оркестра. За увлечением музыкой последовала страсть к театру. «Лето 1901 года было полно самых разнообразнейших приключений. Его следует отметить особенно, ибо это было начало нового направления моего существования на сем свете — а именно: увлечение драматическим искусством, да не в смысле частого хождения в театры, а в смысле соприкосновения к этому делу собственной персоной. Впрочем, я отнюдь не пытался пробовать свои способности на подмостках, а лишь занимал скромную должность суфлера» (там же, л. 16). Близкий к семье Ляшковых молодой человек И. Г. Вольфон, актер и любитель театра, договорился с Павловским попечительством о народной трезвости о постановках спектаклей на сцене, имеющейся при чайной попечительства. Лешков помогал ему собирать труппу, и первая постановка пьесы В. Крылова «В осадном положении» стала «пробным камнем» в суфлерстве, которым Денис занимался вплоть до присвоения ему офицерского чина. После окончания корпуса самым желанным для него представлялось продолжить образование в консерватории. В мечтах он видел себя дирижером. Увлеченный этой мыслью, Лешков встречался с профессорами Петербургской консерватории Н. А. Римским-Корсаковым и Н. Ф. Соловьевым. «Римский обещал мне принять меня, немножко экзаменовал и отнесся вообще симпатично. Соловьев же, узнав, что я кончил корпус и имею право на поступление в военное училище без экзамена, в продолжение 1 1/2 часов отговаривал меня от консерватории, говоря, что там трудно пробиться, карьера незавидная и т. д.» (там же, ед. хр. 20, л. 9 об. — 10). Мать снова настояла на военном образовании — именно в

Константиновском артиллерийском училище, которое в свое время окончил его отец. Годы, проведенные в училище, Лешков считал самыми счастливыми в своей жизни. На это время приходится его знакомство с балетом. 1904 год стал знаменательным тем, что центр жизни, как пишет Лешков, «перенесся на галерею Мариинского театра, откуда я стал жадно пожирать глазами пируэты, двойные туры и *rond de jamb'*ы наших прелестных танцовщиц» (там же, ед. хр. 21, л. 1). Лешков и его приятели пополняли ряды театральной молодежи, дежурившей у касс, чтобы получить билет на галерку, заполнить верхи казенных театров и поддержать своих кумиров. Непреходящий интерес к царству Терпсихоры, к его талантам и труженикам определил вехи дальнейшей жизни. При «разборке вакансий» по окончании училища решающим фактором стала близость к Петербургу, без различия, будет ли это конная, пешая или крепостная артиллерия, и, к удивлению начальства, предпочтение было отдано не очень престижной Кронштадтской крепости. После трех лет обязательной службы Лешков выходит в отставку. С 1907 года он начинает публиковать критические статьи, рецензии и заметки, все глубже постигая тайны пируэта и кабриоля, ведет в некоторых изданиях балетную хронику, совмещая это с деятельностью и на иных поприщах. И снова военная служба в первую мировую войну. «К числу военных побуждений я отношу грандиозность развернувшихся событий, всеобщий патриотический подъем (хотя я очень плохой патриот в том смысле, в каком это принято понимать), уход на войну или в сферу деятельности, с ней связанную, многих близких знакомых и так называемых друзей (которых в действительности у меня никогда не было) и, наконец, сознание какой-то неловкости быть совершенно в стороне от этой мировой эпопеи, будучи способным принести пользу и имея все-таки специальное артиллерийское образование» (там же, ед. хр. 35, л. 7 об. — 8). После войны и двух революций 1917 года Лешков вновь обращается к своим театральным увлечениям. В 1919 году был образован архив Управления государственными академическими театрами. В нем Денис Иванович проработал главным архивариусом и заведующим в течение 8 лет. О своей работе он писал А. А. Бахрушину, с чьей семьей был связан дружескими отношениями и общим делом приобретения предметов для его музея: «За последнее время мне неизбежно приходится сталкиваться

довольно широко с театрально-музейными вещами, ибо я вот уже полгода как состою в должности заведующего Архивом государственных петроградских театров. У меня в руках прямо колоссальный литературно-исторический материал по б. Императорским театрам, не исключая и московских (ибо при петербургской конторе было особое делопроизводство по моск[овским] театрам). Если бы не это кошмарное время и имелась бы фактическая возможность посвятить достаточно времени — то, кажется, здесь хватило бы на всю жизнь интереснейшей работы, хотя бы на одни монографии и разработку исторических материалов, но увы... видимо, так всегда в жизни и бывает, что «бодливой корове Бог рогов не дает». У меня в архиве (это бывшая квартира Крупенского) температура 0° и ниже, связи дел и документов покрыты инеем; брать на дом неудобно, а там заниматься до лета нечего и думать» (ГЦТМ, ф. 1, ед. хр. 1510, л. 3 и об.). Склонный к архивной кропотливой работе, понимая необходимость составления театральных справочников, Лешков поддерживал идею издания театральной энциклопедии. Он составил ряд картотек (по большей части, видимо, утраченных) по самым разным вопросам театральной жизни. В течение многих лет Лешков аккуратно собирал всё, относящееся к балету, как-то: программы, газетные статьи и рецензии, снимки. Зная об этом, автор популярной книги «Наш балет» А. А. Плещеев обратился к нему с предложением помочь в составлении и издании продолжения книги, посвященного балету последнего десятилетия. По словам Лешкова, Плещеев просил его, указывая на свое сильно расстроенное здоровье, «взять на себя наиболее кропотливую, черновую часть работы, т. е. составление по годам хроники всех спектаклей, подбор наиболее выдающихся статей и отчетов периодической печати и пр., оставив за собой добавление своих личных заметок, воспоминаний и редакционную часть» (ф. 794, оп. 1, ед. хр. 80, л. 1). Замысел остался нереализованным, по причине ли болезни и отъезда за границу Плещеева или в силу иных обстоятельств. Неизвестны также причины, в силу которых не удалось Лешкову издать подготовленные им к публикации дневник и переписку выдающегося балетмейстера и педагога И. И. Вальберха, о чем извещалось в журнале «Еженедельник петроградских государственных академических театров». Издание состоялось лишь в 1948 году под редакцией

Ю. И. Слонимского (подготовка текста и примечания А. А. Степанова). Рукопись, подготовленная Лешковым, после его смерти в составе других материалов была передана его сестрой Ольгой Лешковой (небезызвестной художницей) в Государственный литературный музей, откуда впоследствии фонд Лешкова был передан в ЦГАЛИ.

Среди этих материалов немалое место занимают мемуары, завершенные и незавершенные, относящиеся к разным периодам его жизни. Свои воспоминания Лешков начал записывать еще в кадетском корпусе, имея склонность и желание поверять бумаге свои впечатления и размышления, следуя при этом хронологической канве. Публикуемые записки писались в конце 1920 — начале 1930-х годов и представляют собой заключительные главы II части полностью до нас не дошедших воспоминаний. Свидетельства о театре, в частности о балете того времени, наблюдательность и описательный талант делают записки Лешкова довольно интересными, хотя нельзя не отметить большую (иногда чрезмерную) легкость и поверхностность описаний, где события своеобразно преломлены под углом зрения этакого бонвивана, «светского шалопаю» в военной форме. Имеют место и фактические неточности, по возможности отмеченные публикатором. Нельзя согласиться с бессмысленными и грубыми выпадами Лешкова в адрес некоторых деятелей театра (например, Волинского, Мейерхольда); голословное обвинение чуть ли не в доносительстве на своих товарищей в охранку, брошенное Мейерхольду, целиком остается на совести мемуариста.

Записки Лешкова печатаются по автографу (ф. 794, оп. 1, ед. хр. 30). Авторский заголовок отсутствует. Публикатором в некоторых случаях текст разбит на абзацы, даны необходимые примечания. Ввиду большого количества персонажей, связанных с театральным миром, упоминаемых Лешковым, краткие справки о них приведены в составленном публикатором «Словаре имен», помещенном после текста записок.

* * *

Для того, чтобы бывать 6 — 7 раз в месяц в балете (помимо оперы, драмы и концертов) — необходимо было иметь всегда самый свежий сюртук (новый от портного или только что отутюженный), непоблекшие эпoletы, рейтузы, безукоризненные лакированные сапоги с серебряными савельевскими шпорами¹, свежую портупею и легкую шашку. Необходимо было очень ловко освобождаться, а иногда и удирать со службы из окаяннoго Кронштадта, в снежную выюгу для переезда по морю иметь николаевскую бобровую шинель² и т. д., а чтобы делать цветочные подношения и ужинать после балета в артистической компании и вовремя попадать на бата-рею, конечно, нужны были немалые деньги.

Сам по себе абонемент, т. е. место в ложе, обходилось 100 — 120 рублей за сезон, но одежда, цветы и ужины — во много раз больше... А жалованье подпоручика было 55 рублей. Ну да еще настреляешь за дежурства на фортах рублей 35 — 40. Итого в лучшем случае около 100, а нужно было 300 — 400. И нам давали их... карты. Везло нам просто феноменально, иногда фантастически. В своем собрании макао не прекращалось почти 24 часа в сутки и можно было смело, в любое время дня и ночи, застать хотя бы один действующий стол. Хотя большинство наших офицеров были женаты на местных богатых купчихах и крупных кронштадтских домовладелицах, все же своя семейная игра не могла быть очень крупна и единоличные выигрыши редко превышали 600 — 700 рублей. О таких выигрышах или проигрышах на другой день было известно чуть не всему городу. В местном Коммерческом собрании игра была покрупнее, но наше офицерство редко там бывало.

На игру в своем собрании мы смотрели лишь как на затравку и, взяв 100 — 150 руб., что было и незаметно на двоих, предпочитали ехать в Питер, в Железнодорожный, а позже в Купеческий клуб, где и показывали фокусы. Играли мы в большинстве случаев сообща, пополам, довольно осторожно; очень редко сами садились метать банк, имели выдержку и силу воли, взяв нужную сумму, дальше не играть. Сами зарывались очень редко и, проиграв сравнительно немного, оставались у разбитого корыта, но, повторяю, это было очень редко. Тогда мы закладывали свои ценные вещи и лишнее платье, выкручивались, отыгрывались и снова шли по счастливой

тропинке. Точно сама судьба покровительствовала нашему увлечению балетом!.. Раз Савицкий в Железнодорожном, заложив банк в 40 рублей, открыл подряд 5 д'амблэ и снял 1300 рублей. (Тогда, помню, мы заказали своему Соловьеву бобровые шубы.) Другой раз, весной, уже в ростепель, я выехал из Кронштадта в 3 1/2 часа с 10-ю рублями, под самым Ораниенбаумом провалился в полынью, но успел вскочить на сиденье кибитки. Чухны выпростили лошадь, и я приехал в Ораниенбаум до пояса в воде. Но шла «Жизель» с Анной Павловой и нельзя было не попасть...

Сердобольный жандарм дал мне свои синие рейтузы, сапоги и белье, оставив мое сушиться. Я выпил пару больших рюмок рома с кофе, сел в I класс, заснул после ванны до Питера, куда приехал в 6 час., прямо в клуб с 7-ю рублями. Это была уже дерзость. Однако в течение 40 минут я из 7-ми сделал 80, успел по телефону заказать в «Fleur de Nice»³ изящную корзиночку, пообедал у Лейнера и в 8 час. был в своей ложе. В этот вечер произошел курьезный случай. Самарский офицер Сережа С. припер в ложу треногу с астрономической раздвижной трубой и установил ее. Публика, натурально, обратила внимание, многие смеялись, однако дело дошло до коменданта театра, полковника Леера, который пришел к нам узнать, в чем дело. Сережа спокойно ответил: «Я улавливаю звезды балетного небосклона». «Это очень хорошо, а все-таки трубу свою уберите во избежание неприятной беседы с дежурным плац-адъютантом». Трубу пришлось убрать, и опыт астрономии не удался.

После балета мы ужинали с А. П. Павловой у Кюба, проводили ее домой на такси и поехали опять в клуб, где взяли уже около 400, вовремя бросили игру и остались в «запасной комнате» ночевать, а утром с первым поездом проехали в Ораниенбаум, где я переоделся в свое высухшее платье, и в 9 час. мы были в своих батареях. Везло нам и не только в картах. Офицеры знали о нашем увлечении (многих и мы туда же увлекли), добродушно злорадствовали, когда было ясно, что мы неизбежно должны были не попасть в театр. Раз мы за какой-то фортель влипли оба на 7 суток на гауптвахту. Офицеры потирали руки, приговаривая: «Ну вот, теперь ни Лешков, ни Савицкий не попадут ни в воскресенье, ни в среду в свой балет». Но в этот день в Москве Каляев ухлопал Сергея Александровича⁴, и на казенные театры наложен был траур на 2 недели!.. Другой раз я

попал в караул, в рунды⁵, в воскресенье. Я объехал все форты днем на катере и приказал фельдфебелям вечером на телефонные запросы отвечать, что я только что был и уехал на другой форт. Так оно, как я потом узнал, и было. Телефоны были плохие, дозваниваться надо было по часу, и комендантский штаб-офицер так и не уловил меня, как летучего голландца, а я решил проверить еще несуществующий караул в Ораниенбауме. Шкипер был преданный нам старик и ужасно любил изображения царя на желтых кружочках. Он терпеливо ждал меня в Ораниенбауме, не на военной, а на коммерческой пристани, пока я прорундовал «Корсара»⁶. (Явно подсудное дело.) Савицкий пришел в ужас, когда я появился в ложе. Но на этот раз без всякого клуба (запас был). И я на последнем поезде, поужинав уже в Ораниенбауме, приехал ночью на форт Константин, где хорошо выспался и утром сменился.

Так продолжалась наша развеселая жизнь до 1907 года, когда я вышел в отставку, и далее с перерывами до 1915 года, когда война уже была в разгаре. Само собой, что при таких условиях нас в балете считали за богатых рантье, что отчасти было и хорошо, ибо иначе нам не удалось бы проникнуть в самую гущу актерской среды и изучить ее. Строго говоря, балетная семья с ее нравственными устоями и внутренним бытом мало чем отличается от быта оперной труппы или драматической. Та же адская погоня и зависть к лишнему хлопку, то же соревнование и смертельная ненависть к счастливой сопернице, будь то большой успех ее на сцене или новый богатый поклонник. Лишь образовательный уровень в балете несколько ниже, чем в драме, и потому все эти страсти выражаются в более наивной и грубоватой форме. Здесь нет драматического, с отравленным кончиком, тонкого стилета, но зато пол авансены часто оказывался натертым теплым вареным картофелем. (Падение неизбежно.) Зато здесь на одной из репетиций «Талисмана», где мужчины заканчивают воинственный танец, втыкая свои копыя остриями в пол, один артист «нечаянно» воткнул свое копые не в пол, а в ступню Елены Корнальбы, проткнув ее насквозь. Было целое следствие, сохранившееся в архиве, но «злого умысла» доказать не удалось, а бедная Корнальба вместо дебюта пролежала месяц в кровати...

А нравы здесь были вот какие: 30 апреля 1906 года одновременно были произведены в балерины А. П.

Павлова и В. А. Трефилова, но обе они были в разном роде. Павлова была подлинная трагическая актриса, которая своей мимикой достигала потрясающего драматизма. Она была высокая, тонкая, худенькая брюнетка, была прекрасной классической танцовщицей и обладала редкой элевацией (воздушностью). Когда она делала прыжок, то казалось, что это нечто неземное, как это старые театралы видели 70 лет тому назад у М. Тальони. Павлова была очень низкого происхождения. Отец ее был городовым, позже писцом в полиции, а мать прачкой. (Злые языки говорили, что это подлинная дочь фараона.) Но девочка выросла с незаурядным природным умом и была самолюбивой артисткой, прекрасно понимая свой талант. Лучшие ее роли были, где сильная драматическая игра или бесплотный дух. Это были «Жизель», «Наяда и рыбак», «Баядерка», «Дочь фараона», «Пахита» и «Армида», а позже неповторимая Вереника в «Египетских ночах».

В. А. Трефилова была полной противоположностью. Вся *terre-a-terre*, живая, бойкая, миловидная, необыкновенно изящная, прекрасная партерная классичка, но без тени мимики. Она была прелестна в «Коппелии», «Тщетной предосторожности», «Грациэле», «Спящей красавице» и особенно в прелестном балетике Байера с костюмами Бакста «Фея кукол». Казалось бы, им нечего делить; даже поклонники у каждой были свои, и весьма солидные. Однако вражда между ними была свирепая. Я бывал у обеих и прямо изумлялся тому яду, который они изливали друг на друга. Хотя успех они имели почти одинаковый и каждая имела свой огромный круг публики и ярых, преданных поклонников. Но партии «павловистов» и «трефилитиков» также воевали между собой чуть не до рукоприкладства и частых протоколов. Казалось, что если бы они встретились на нейтральной почве, то вцепились бы друг другу в шевелюры.

Однажды я с Павловой поехал в фотографию Фишера, помещавшуюся на 5-м этаже Мариинского же театра, где Павлова должна была сняться в десятке ролей. Только мы успели подняться на лифте вверх, как из фотографии выходила Трефилова. Они бросились друг другу в самые нежные объятия: «Аничка», «Верочка» — и посыпались восторженные поцелуи. Я буквально остол-

земная (фр.).

бенел. И когда наконец они расстались со слезами радости на глазах и Павлова пошла сниматься, то я спустился 2-мя этажами ниже и буквально отпивался в буфете мозгом от такого реприманда. Павлова снималась, т. е., вернее, переодевалась, часа 2 1/2, и когда мы поехали обратно на Свечной, то она спокойно заявила: «Как я рада, что встретила сегодня эту милую Веру!» Я только искоса на нее поглядел и не нашелся ничего ответить.

Часто бывали и смешанные спектакли всех трупп, главным образом устраиваемые Русским театральным обществом в пользу своего «Убежища»⁷. Но в 1905 году мне довелось быть на таком спектакле, на каком ни прежде, ни позже я никогда уже не был. Это был спектакль в пользу вдов и сирот погибшего миноносца «Стерегущий», и программа его хранится у меня до сих пор. Присутствовали царь, царица, все великие князья и дипломатический корпус. Ложи 1-го яруса стоили по 250 р. Весь театр был продан, и попасть было невозможно, но когда увидела меня и Н. В. Савицкого Н. А. Бакеркина в коридоре, с растерянными лицами, то сразу поняла, в чем дело, и повела нас в свою ложу 1-го яруса, где она сидела вдвоем с каким-то конным гвардейским артиллеристом. Само собой, мы в первом же антракте притащили огромную коробку конфет от Иванова и таким образом присутствовали на этом замечательном спектакле. Шли «Корневильские колокола» в таком составе: Серполетта — Кузнецова-Бенуа, Монетта — Липковская, герцог Корневиль — Собинов, Гаспар — Ф. И. Шаляпин, а оркестром дирижировал Э. Ф. Направник. Говорить об исполнителях просто не приходится. После оперетты шел одноактный водевиль в исполнении лучших сил балета, а далее разнохарактерный дивертисмент. Первым номером шел галоп в исполнении М. Г. Савиной и В. П. Далматова, а далее последовало pas de deux в исполнении В. В. Стрельской и К. А. Варламова. Стрельская появилась в балетных тюниках и вышла на носочках. Но когда появился «дядя Костя» в виде Зефира в голубом трико с крылышками за спиной и сделал первое jete*, то императрица зажала рот платком и вышла из ложи. В публике с дамами делались обмороки и стоял такой гомерический хохот, какого я не слышал еще в стенах Ма-

* балетный прыжок с ноги на ногу (фр.).

риинского театра. Николай II буквально валился от хохота с кресла, и когда они дотанцевали до конца, то в театре просто стон стоял. Потом исполнил лихого трепака И. В. Ершов, а Давыдов и Васильева исполнили входивший тогда в моду негрский кэк-уок. Да, это был спектакль шиворот-навыворот, но все эти первоклассные артисты показали себя так, что этот спектакль не может выпариться из моей памяти до сих пор.

Однако балерины далеко не каждый раз ездили с нами ужинать в рестораны, а страшно усталые после спектакля ехали домой и валились в кровать. Мы же стали ездить после каждого спектакля к излюбленному Лейнеру, где у нас был свой стол, который по воскресеньям и средам никому не отдавался. В эти дни к 11 час. на белоснежной скатерти стояли уже 2 больших графина водки в ведерках со льдом, масло, икра, провесной балык, 5 десятков устриц и неизбежный «монастырский» салат. Компания наша обычно состояла из меня, Савицкого, студента В., дальневосточного прапорщика, крупного коммерсанта А. С. С., вице-директора страхового о[бщест]ва «Жизнь» Ф. Ф. Л. и кого-нибудь из наших абонентов. Часто бывал и товарищ управляющего Гос[ударственным] коннозаводством, граф Ростовцев, а из артистов были неизменно: старик Бекефи, оба брата Легаты, И. Ф. Кшесинский, Георгий Кякшт и кто-нибудь из «начинающей молодежи» — часто М. М. Фокин.

Мы весело закусывали, обмениваясь мыслями о сегодняшнем спектакле, заказывали себе горячее (я почти неизменно борщок и слоеные пирожки с мозгами и котлеты «маршаль» или «варвара», действительный шедевр поварского искусства). Шампанского почти никогда не пили, но выстраивали 8 — 10 автоматических спиртовых кофейников, строго проверяли одинаковость уровня кофе и спирта, зажигали их одновременно и устраивали тотализатор. Ставки не могли превышать 3-х рублей и быть менее 1 рубля. Когда над одним из кофейников показывался легкий парок — это называлось «вышел на прямую». Первый закипевший и перевернувшийся на коромысле кофейник считался пришедшим к финишу. Ставившие на него обирали все ставки и заказывали ликер по своему вкусу. В 3 часа Лейнер закрывался, и мы с Савицким ехали в клуб, где играли, всегда удачно, до 5 1/2, и в 6, когда уже из Новой Деревни отходили первые «кукушки», спали до Лисьего Носа, где садились на паршивый ледорез «Звезда», и в 8 — 8 1/2 были уже в Кронштадте.

Когда мы высыпались — я и сам не понимаю, ибо в 1 1/2 часа уже завтракали в собрании, где тоже очень хорошо и изысканно кормили.

У Лейнера бывали и неприятные инциденты, когда являлась Мария Мариусовна Петипа, здоровалась с нами лишь царским кивком, брала за руку Сергея Легата и грубо уводила его, точно он сидел в публичном доме с девками. С. Легат был красавец мужчина в полном смысле слова, первоклассный танцовщик и артист, незаурядный скрипач и очень талантливый художник-акварелист, выставлявший свои жанры с успехом на весенних выставках и оставивший по себе широкую память изданием совместно с братом альбома «Русский балет в карикатурах». Это был живой, интересный собеседник, жизнерадостный, но безвольный человек. М. М. Петипа женила его на себе, когда ему было 27, а ей 50 лет, когда она уже испытала все розы жизни. Очень красивая в молодости, блестящая характерная танцовщица, М. М. прожила бурную молодость, имела десяток любовников, до градоначальника Грессера включительно, а к старости держала Сергея Легата под своим «характерным» башмаком, а он подчинился безропотно, как овца, но не выдержал и осенью этого памятного 1905 года, запершись в кабинете, перерезал себе горло бритвой с такой силой, что голова держалась лишь на позвонках. Дверь взломали и нашли его в луже крови мертвым. Эта жуткая трагедия облетела в какой-нибудь час весь город. Похороны его были торжественны и многолюдны и живо напомнили мне, как я 10-летним мальчиком, изорвав свое платье, пробился все-таки в Казанском соборе до гроба Петра Ильича Чайковского, поцеловал его ледяную руку и 3 часа двигался в процессии, голова которой въезжала в Александро-Невскую лавру, а хвост был еще у Казанского собора. Вспомнил я и похороны Антона Григорьевича Рубинштейна из Троицкого собора также в Лавру.

Да, не стало нашего милого Сергея Легата. Это так на нас подействовало, что у Лейнера нам было тяжело смотреть на его пустое кресло и мы перекочевали к соседнему итальянцу Альберу, где ели ослиную колбасу в 1/2 аршина диаметром и «лозанну милянезе», запивая это итальянскими крепчайшими ликерами.

В самом начале 1905 года случился в Кронштадте веселый эпизод. Был мороз в 18^о, мы с Савицким приехали с утренней стрельбы, промерзшие, так что я не мог растегнуть пальто и снять башлык. Мы подошли к стойке

и потребовали по большой рюмке водки. «Ваше б[лаго-
роди]е, так что водки нет», — ответил буфетчик. «Ну,
давай коньяку». — «И коньяку нет». — «Да почему
же?» — «Так что приехали новые господа прапорщики, что
на Дальний Восток, и изволили завтракать...» — «Да сколько
же вы запасаете на день водки?» — «3/4 ведра⁸». — «А
сколько же прапорщиков?» — «12 человек!» Это даже и
нас, выдавших виды, изумило. «Да вот послали еще уже
за 1 1/2 ведрами, потому что будут обедать». Нам при-
шлось удовольствоваться каким-то паршивым допель-
кюммелем и съесть по бифштексу. Надо посмотреть на
этих прапорщиков-живоглогов! Это оказались 12 молод-
цев, начиная с юного возраста и до 50 лет, как инженер-
технолог Хвостов. Были люди самых различных профес-
сий. Тут был уже упомянутый мною коммерсант А. С.
Стрекачев — сразу попавший в балет, в одну из наших
лож, был полудикий казак Шавринов, трактирщик Митя
Бровкин, какой-то Костя Ершов, бывший помощник на-
чальника станции Гриша Перийский, пожилой уже Нико-
лин, который был вечно пьян и представлялся при знаком-
стве: «Николин, день такой есть!» Эта ватага формирова-
лась у нас 2 месяца. На масленице мы вдвоем со Стрека-
чевым ели блины, и нам подали в собрании счет за 86
рюмок водки... Я не помню, как очутился с перевязанной
разбитой головой в своей постели и пролежал целые сутки.

Мы продолжали посещать балет, я хранил и переплетал
все программы и по ним могу насчитать, что к 1923
году я просмотрел «Спящую красавицу» 210 раз, «Конь-
ка-Горбунка» — 184 и т. д.

Трогателен был уход прапорщиков, когда перед
фронтом, невзирая на все высшее начальство, явились
все девицы кронштадтских публичных домов 1-го ранга
с живыми цветами!..

Эти 4 батареи попали прямо через Харбин во Владиво-
сток, пороху не понюхали и вернулись после Портсмут-
ского мира на прекрасных германских пароходах через
Шанхай, Сингапур, Суэц и Бриндизи в Одессу, откуда
Стрекачев посылал матери категорические телеграммы:
«Стреляюсь. Немедленно 600. Покойный сын Александр».

Весной 1906 года на меня напали такие ужасные при-
падки суставного ревматизма (расплата за грехи молодости),
что меня отправили, само собой по закрытии сезона,
на казенный счет на Кавказские Минеральные Воды.
Я приехал туда калекой, которого возили в кресле, но,
по счастью, попал в руки знаменитого профессора Гей-

слера. В колонии Красного Креста прекрасно содержали; я 2 месяца не видел ни водки, ни вина, пил массу чудного молока и какао и после 40-ка ужасных горячих грязевых ванн, доходивших до 42⁰, когда одновременно поили малиной и закутывали в ватные одеяла, я оставил в Железноводске добрых 2 ведра пота, но в первых числах августа, после 20 ванн нарзана, исхудавший, как скелет, я ел за троих и дирижировал в Эссендуках танцами на 2-х балах.

Кисловодск я застал в самом лучшем сезоне, но крошечный номер в 4-м этаже гостиницы стоил 10 р. в сутки; сахарный песок 75 коп. фунт, а ветчина 2 рубля. Обед в 3 блюда в курзале стоил 4 рубля, но зато я попал на редкий концерт, в котором кресло 1-го ряда стоило 25 р. Я сидел в 10-м ряду и прослушал тогда свежую 5-ю симфонию Глазунова под управлением автора, 1-й его скрипичный концерт в исполнении феноменального скрипача Цимбалиста. Последнее отделение состояло из Иосифа Гофмана, Федора Шаляпина, Дмитрия Смирнова и божественной колоратуры Олимпии Баронат, этой невероятно полной женщины, про которую местные остряки говорили: «Ну и певица — кругом обойдешь, паспорту срок выйдет». Еще в одном концерте повеяло могилкой, когда появились старушка Патти, Зембрих, Баттистини... Загладил все молодой блестящий Карузо. Такие концерты могли быть только в Кисловодске, этом земном раю, куда стекались в сезон все богатейшие люди России и многие иностранцы.

В это же лето я был свидетелем того, как в Эссендуках талантливый скрипач М. А. Вольф-Израэль, один из тех 100 человек, на руках которых скончался бедный П. И. Чайковский, преподнес в свой бенефис Патетическую симфонию при оркестре в 18 человек. Впрочем, было еще пианино. Это был скверный фокус, которого не следовало повторять, но неустрашимый Миша исполнил еще и «Франческу».

На курорте я встретил товарища по училищу подручика А. Шапкина. Он служил у отца, который командовал дивизионом во Владикавказе и посылал сына в командировку и за покупками в Тифлис. Он соблазнял меня ехать вместе. Мне и на Кавказе везло: я накануне в большом кабаке у Питоева снял в лото 450 рублей, и мы с Сашей поехали. Хотя уже функционировали автомобили, но были очень дóроги, и мы во Владикавказе сели по старинке в почтовую карету с рожком. По Военно-Гру-

зинской дороге мы перевалили Мцхет — родину моих дядей, видели величественный Казбек с белой снеговой шапкой, знаменитую висячую скалу «Пронеси, Господи», и нас пронесло благополучно до Тифлиса. Я испытал все тифлиссские удовольствия. Шлялся по десяткам духанов, поедая шашлыки и запивая их «кахури хвино». «Катался» на конке по Головинской ул., слышал национальный оркестр «Сазандари», видел подлинную лезгинку и узундару. Пока Шапкин покупал свои седла и бурки, я попал как раз на открытие сезона в Тифлисской опере. Оркестр и хор оказались слабенькими, артисты посредственные, кроме наших же питерских и московских гастролеров. Я прослушал «Фауста» и «Кармен», и, ввиду тяжелого и крупного багажа у Шапкина, [мы] вернулись железнодорожным путем через Баку, Дербент, Петровск. Я вернулся в Кисловодск, где получил свои бумаги и на прямом экспрессе беспересадочно в чудном международном спальном купе вернулся в Петербург.

VII

Соседом моим от Минеральных Вод оказался аккуратный, чистенький, кругленький, седенький старичок лет 60. Поезд мчался сломя голову по выжженной жаркой степи на Ростов. Мы почти сразу разговорились. Он долго рассматривал мои жилки на висках, линии на ладони руки, заставил меня написать в своей записной книжке пару фраз и — рассказал мне чуть не всю мою жизнь! Что родился я где-то на севере, вероятно в Финляндии, что отец мой был полувоенным, полуученым, что потерял я его, будучи ребенком, и плохо помню, что я наследовал по женской линии большую музыкальность, что я пережил много болезней в детстве, наконец, что я люблю выпить и счастливо играю, вероятно в карты, увлекаюсь театром и даже именно не то цирком, не то балетом. Последнее обобщение мне не очень понравилось, однако я охотно уступил старику свое нижнее место, ибо наверху было прекрасно читать и спать. Он оказался профессором Харьковского университета Листопадовым и уверил меня, что он совсем не хиромант и не звездочет, а заключения свои вывел чисто научным методом, по психологии и графологии⁹.

Хотя при поезде и должен был быть вагон-ресторан, но его прицепляли только в Лозовой, а по Владикавказской линии приходилось столоваться на редких больших

станциях: Глубокая, Зверево, Лихая, Миллерово. Помню, как в Таганроге поезд по расписанию должен был стоять $1/2$ часа, но перрон оказался длиной в $1/2$ версты, и мы только успели дойти до буфета, как объявили 2-й звонок кисловодскому экспрессу, и мы, схватив по жареной курице, бежали как сумасшедшие обратно и едва успели вскочить в последний вагон уже на ходу. Мы с проклятием покинули этот городишко, где кончил свои дни горемыка Александр I, и, добравшись до Лозовой, более за курами не бегали, а таганрогских, при участии моей дорожной фляги с ромом, съели, как голодающие индусы. Мы с Листопадковым много беседовали, он сообщил мне интереснейшие казусы из своей ученой жизни. Он ехал в Москву по делам, где мы и расстались, обещав друг другу обмениваться изредка письмами.

На Кавказе, во время курса, я от нечего делать брал уроки гармонии и контрапункта у некоего Ихильчика, образованнейшего музыканта с консерваторским образованием, но догнивающего на курортах в качестве капельмейстера пластунского батальона. Я чуть не попался в сети его хорошенькой племянницы, но вовремя ретировался и вез теперь в Петербург составленный нами совместно «Учебник инструментовки для духовых оркестров»¹⁰. Ихильчик был прекрасный теоретик, но совершенно безграмотен в русском языке. Теоретическая часть и нотные клише принадлежали ему, а литературное изложение было все мое. Отделение Юргенсона в Петербурге немедленно же приняло наш учебник в печать, издало его в Москве, в своей громадной нотопечатне. Он разошелся с изумительной быстротой, и через год уже потребовалось 2-е издание. Ихильчик выслал мне целую дополнительную главу о саксофонах, я отредактировал ее, написал предисловие и завернул 2-е издание в 3000 экземпляров. Как это ни странно, а в России была такая уйма военных оркестров и совсем не было подобных руководств. Этот учебник в течение 3-х лет давал нам неплохой доход, главным образом благодаря благородству и честности Бориса Петровича Юргенсона, который при цене [книги] в 2 р. 50 к. взимал с нас лишь 18%. Это был, кажется, первый мой коммерческий заработок не на зеленом поле.

Я застал еще в Павловске конец сезона и наслаждался пьяными Галкиным¹¹ и Вержбиловичем, скрипачом Смиттом, двумя концертами парижского Эдуарда Колонна. Приехал еще из Брюсселя замечательный виолонче-

лист Э. Жакобс, который извлекал из своего инструмента подлинные звуки глубокого патетизма и отчаянья. [Великая] княгиня Елизавета Маврикиевна¹², сама очень музыкальная, пригласила как-то Жакобса в свою ложу и задала ему вопрос: откуда столько неизжитого горя в его прекрасной игре, — и он поведал ей трагедию своей жизни. Будучи уже профессором Брюссельской консерватории и в средних летах, он женился на сироте, красавице 18-ти лет, которую безумно любил. Но жизнь его не склеилась. Над письменным столом в его кабинете висел дивный поясной портрет его жены в натуральную величину, и вот, возвратясь с одного из концертов, он вместо портрета нашел висевшей в петле свою обожаемую жену. Да, такая трагедия могла дать элегические стоны в его игре...

Галкин не дирижировал иначе как после бутылки крепкой мадеры, а почтенный А. В. Вержбилович «пускал слезу» лишь после обильного возлияния коньяку. Балакирев и Мусоргский были горькими пьяницами, да и А. К. Глазунов любил изрядно выпить, особенно сухое шампанское со свежими огурцами. Уже в первые годы революции, когда ни водкой, ни вином нигде и не пахло, А. К. Глазунову, ввиду его особых заслуг, советская власть через Кубуч¹³ отпускала 4 литра чистого спирта в месяц. А. К. в театре добродушно говорил, что это все равно что слону дать один подсолнышек! Это напомнило мне один курьезный эпизод еще в 1904 году. В оркестре Мариинского театра был один хотя и рядовой оркестрант, но чудный виолончелист Логановский. Трезвый, он положительно ничем не выделялся от своих 7-ми товарищей, но, пьяный, давал такой тон в своих solo, что у публики навертывались слезы. И вот в прощальный бенефис Кшесинской, где шла 2-я картина «Лебединого озера» со знаменитым дуэтом Ауэра и Логановского, Кшесинской сообщили, что Логановский трезв как стеклышко монокля. Кшесинская вызвала к себе в уборную Р. Дриго и умоляла его, ради ее бенефиса, дать Логановскому нужную дозу коньяку. Дриго, сам трезвенник, преследовавший пьянство в оркестре и нещадно штрафовавший музыкантов, был в крайнем затруднении, но мольба самой Кшесинской была слишком реальна, и Дриго послал оркестрового курьера в буфет за бутылкой мартела и плиткой шоколада. Когда Логановского привели в маленькую дирижерскую, то он попятился от Дриго как от черта. И бедному маэстро, такому врагу пьянства,

пришлось уламывать Логановского, как ребенка, выпить за здоровье бенефициантки. Логановский взъерошил свою громадную шевелюру, посмотрел на Дриго и мрачно выпил один за другим 3 чайных стакана, закусывая их крошечными кусочками шоколада... и играл в этот вечер как бог. Случай этот рассказал мне впоследствии сам Дриго, с которым я, несмотря на большую разницу в годах, дружески сошелся и был в течение 7-ми лет по его отъезде в Италию его полномочным представителем в России.

Сезон 1906/07 года был особенно удачным в балете и также удачным в клубах. В эту зиму заблистала звезда молодого М. М. Фокина. Его изумительные постановки «Ацис и Галатей» (в школе)¹⁴, «Евника» и «Павильон Армиды» открыли новую эру в балете, а «Шопениана» и «Египетские ночи» показали уже могучего художника, нашедшего новое русло для обмелевшей реки хореографии. Это была лучшая пора первого, робкого еще экспрессионизма, никого не шокировавшего, лишь позже вылившегося в «Мир искусства», породивший уже безобразные формы «0,01» и «Ослиный хвост»¹⁵ — предвестники кубизма, футуризма и других тяжких психических болезней искусства. Фокин и в позднюю эпоху своего творчества не пошел дальше Анисфельда, на котором чутко, но решительно остановился.

Такие гибкие артисты, как А. Павлова, Т. Карсавина, П. А. Гердт¹⁶ и В. Ф. Нижинский, давали в руки Фокина мягкую, эластичную глину, из которой он лепил свои яркие образы Петрония, Евники, Актеи, Армиды, Вереники, Арсиной, раба Армиды, маркиза де С., Амуна, Клеопатры и Марка Антония. Трескучий провал легатовских «Кота в сапогах» и «Аленького цветочка»¹⁷ довольно недвусмысленно показал тупик «классики без стиля», и сохранив, конечно, лучшие шедевры Петипа и Льва Иванова, Фокин — первый и единственный автор, который нашел новый и верный выход на девственное, не вспаханное еще поле.

Публика лишь в ничтожном меньшинстве брюзжала, но старцы вымирали, а действительно культурная часть публики и молодежь горячо приняли Фокина, и один лишь ныне покойный Флексер-Вольнский изрыгал свою ядовитую слюну в дурацком наборе бессмысленных слов своих фельетонов.

Дело же это произошло вот как. М. Ф. Кшесинская хотя официально и покинула сцену в 1904 году, но *de facto* выступала в качестве разовой гастролерши по

10 — 12 раз в сезон. Хотя Фокин, высоко ценивший ее талант, и предоставил ей роль Евники на премьере, но Кшесинская этим выступлением ограничилась, ибо очень хорошо понимала, что в новом репертуаре ей делать нечего. И вот для разумной защиты принципов старой классики потребовался человек хотя бы и не с театральным, но с литературным именем, и в большом редакторском кабинете Проппера¹⁸, где в уголке, за маленьким столиком под низко опущенной лампой, сидел упоминаемый мною маленький Дрейден, который уже был городским хроникером, — он слышал такой диалог: «Итак, вы будете писать о преимуществах старых классических балетов и изыскивать ахиллесову пяту у Фокина, но это осторожно, ибо у него много друзей». — «Да, но я же никогда не бывал в балете и не имею о нем понятия..» — «Да, но вы и Савонаролу лично не знали, а вон какую книгу завернули¹⁹. Вот вам кресло 4-го ряда, идите, привыкайте и пишите, а о материальной стороне помимо построчных договоритесь непосредственно с М. Ф.». Этот литературный подлец начал ковырять свои цереброспинальные статьи и душить Фокина, что, впрочем, ему плохо удавалось. Два года спустя П. Н. Владимиров, ставший своим человеком в доме М. Кшесинской, сам лично мне рассказывал, как он, поднявшись в будуар М. Ф., видел Волынского, отступавшего задом через зеркальный тамбур, а М. Ф. кричала: «Мне надоело за вашу белиберду платить по 300 р. в месяц — вы не поняли своей простой задачи и лезете в разбор дела, в котором свиного пупа не понимаете. Если вы будете продолжать ваш дурацкий, вызывающий хохот набор слов — то уже за счет Проппера».

Вот кто такой [был] Волынский, продажная сволочь русской балетной критики. Он исчез на 4 года в Одессу и, вернувшись уже после революции, расцвел махровым цветом на столбцах «Жизни искусства», где и вообще все писали непонятным «блатным» языком. Полемика моя с этим прохвостом вся напечатана в «Театре и спорте» за 1920/21 год²⁰.

В этот сезон 1906/07 года мы стали часто бывать на журфиксах В. А. Трефиловой. В ее квартире на Мастерской около Екатерининского канала было как-то замечательно уютно и свободно. Каждый делал что хотел. В гостиной до ужина был чайный стол с тортами и ромом, я сидел за роялем, молодежь иногда танцевала. В. А. покровительствовала нескольким юным танцовщицам, ко-

торых «пристраивала» весьма удачно тут же. В ее гостиной устроился брак Лидии Кякшт с семеновским офицером А. Рагозиным. Она выдала замуж и Веру Петипа за фарсового артиста С. В столовой до ужина разложено было зеленое сукно, и на конце [стола] стояла входившая тогда в моду рулетка. Сукно было разграфлено на rouge, poige, дюжины и пр. Шарик обычно пускала сама В. А. или Николай Легат, а ставки собирал лопаточкой Медалинский или Женя Пресняков. Помимо нас бывало много молодежи: студенты А. Медников, Ральф, Мурашко, жирный боров Крузе, Виленкин, Кауфманн, сын министра Ермолов и необычайно глупый кавалерист князь Кантакузин граф Сиракузский. Тут изредка бывал и старик издатель «Петербургской газеты» Худеков, спортсмен Петрокино. Рулетка не была очень крупной, Вера Александровна доставала «никотайдоры»²¹ из какого-то вязаного бабушкиного чулка, чем всех очень смешила. Однако я раз все-таки снял на zero 160 руб. и чуть не сорвал банк. Ровно в 12 часов рулетка прекращалась и накрывался стол для ужина, всегда вкусного и пьяного. Как-то в один из вторников В. А. сказала Н. Легату, что я могу по слуху на рояле сыграть по заданию любое место из любого балета. Легат, хотя и знал меня давно по ужинам у Лейнера, не поверил, и вот было заключено формальное пари в присутствии всех гостей, записанное на бумагу по пунктам. Я обязан был сыграть 10 любых заданных Легатом мест из репертуарных балетов, прошедших за последние 10 — 16 лет, за исключением лишь «Кота в сапогах», прошедшего лишь один раз. Ставка была: 1/2 дюжины шампанского, сотня устриц и большая коробка в 5 ф. шоколада для В. А.

Ассистентами были скрипач Ланге и Е. Е. Мурашко, сам знавший наизусть все балеты. Был 2-й час ночи, и нужно было торопиться. Я сыграл все 10 заданий Легата, весьма ехидных, так, например: уход со сцены охотников в «Лебедином озере», то место сна Дон Кихота, где появляется паутина и паук, танец воспитанниц из последнего акта «Раймонды», аллегро Града из «Времен года» Глазунова, появление призрака Дроссельмейера во время битвы мышей и пряничных солдатиков и пр. Пари было выиграно, и бедному Легату пришлось в половине второго ночи в снежную вьюгу будить старшего приказчика от Смурова и привезти проигрыш. В память этого случая он нарисовал на моей визитной карточке лишь несколькими штрихами мой профиль, но так талантливо,

что ни одна фотография не схватывала так моей пьяной рожки с хохлом. Рисунок этот хранится у меня до сих пор.

В эту зиму я был свидетелем эпопеи несчастного В. Семичева. Этот маленький банковский клерк, в скромном сереньком пиджачке, выиграл в Купеческом клубе в какие-нибудь 1 1/2 месяца 240 000 рублей. Он обыграл, и весьма чувствительно, таких тузов, как В. И. Соловьев (сам выигравший некогда в карты «Северную гостиницу» и ресторан Палкина), Рябушинский, Баранов и муж Л. Б. Яворской, князь Барятинский. Баранов приезжал в клуб с фибровым глобтроттером с деньгами, который держал за его креслом лакей. Коннозаводчик Лазарев ставил в банк 10 000-е чеки, а Семичев ежедневно уносил в салфетке громадную кучу кредиток и золота. Когда приезжал Семичев и давал ответ, открывал подряд по 12-ти девяток и ухлопывал страшные комплекты, то на других столах игра замирала и вокруг собиралась сотенная толпа. Семичев бледный, как Германн в «Пиковой даме», трясущимися холодными руками собирал свои тысячи. С ним стали ездить в клуб его 2 брата, которые сидели позади него. Говорят, что он поставил себе целью 1/4 миллиона, но не доиграл всего 10 000, когда фортуна повернулась к нему задом. Он все до копейки оставил на тех же столах и застрелился в уборной. Эта поучительная история подействовала на нас потрясающе, и мы, взяв на понте 500 — 600 рублей, уезжали поскорее из клуба.

В этот сезон я, от нечего делать, ухаживал за молоденькой, кончившей в этом году училище Л.А.К. Отец ее был комендантом Александринского театра. У них была постоянная ложа в бельэтаже с правой стороны, ближняя к сцене. Там мы с ней встречались почти ежедневно (кроме балетных дней), и я пересмотрел массу драматических «образцовых» спектаклей с участием всех «столпов» Александринского театра. Я ухитрился получить двухмесячное, потом продленное еще на столько же, так называемое амбулаторное лечение при Военно-медицинской академии, куда ездил 3 раза в неделю по 1/2 часа на электризацию ног, и жил в Петербурге, совершенно наплевав на окаянный Кронштадт. Там уже был новый начальник артиллерии, пролаза и выскочка, некий полковник Маниковский, политический авантюрист, бывший впоследствии при правительстве прохвоста Керенского военным министром (так ему и надо!). Этот Маниковский сам втихомолку пил у себя на квартире, а

ходил вокруг собрания, подглядывал в окна и заносил в свою записную книжку фамилии офицеров, пивших у стойки. Однажды он привязался к герою Дальнего Востока, кавалеру двух Георгиев и Золотого оружия, подполковнику Соломонову, который самого черта не боялся. Маниковский сделал ему как-то замечание: «Очень уж вы здорово пьете, Соломонов». На что последний ответил: «Да, но это ведь у меня полосами: то пью, то совсем не пью. Вот теперь полоса питья — 29-й год продолжается, а вообще отстаньте от меня к черту!» В Кронштадт я ездил только за жалованьем, и сценка эта произошла как раз при мне, ибо я стоял с Соломоновым и пил с ним.

Весной истекал срок моей обязательной службы за училище, и я уже подал о выходе в отставку. Маниковский пытался еще меня и Савицкого назначать в особые экспедиции для присутствия при повешенье на Лисьем Носу экспроприаторов, ограбивших на 700 000 почту на Екатерининском канале и [осужденных] за грабеж в Дворянском поземельном банке. Я от такого удовольствия просто отказался (Савицкий вовремя заболел). Маниковский хотел предать меня суду, но вынужден был ограничиться лишь арестованием меня при Петербургском комендантском управлении на 30 суток. Был Великий Пост, балеты не шли, и я 30 суток резался с арестованными в винт по сотой, ел скверные обеды из трактира Карамышева и пил водку, т. е. спирт, доставляемый мне из дому за полной аптечной упаковкой в виде лекарства. На второй день Пасхи меня выпустили, и я, не дожидаясь Высочайшего приказа, вторично облачился в штатское, на этот раз несколько лучшее, по заказу у хорошего портного. Появление мое в театрах произвело разочарование среди танцовщиц: «фу, штафирка, отврат».

В Александринском театре, благодаря ложе К., я пересмотрел массу спектаклей. Это был период лучшего расцвета нашей драматической сцены. Первачей я еще и раньше близко знал по суфлерству в павловском и ораниенбаумском театрах, но в этот сезон я пересмотрел раз по 5 — 6 «Фимку» Трахтенберга с бесподобной, нестареющей М. Г. Савиной, «Жанину» с редко удачным Штроманом — Дарским и вызывавшем еще улыбки недоумения в публике Р. Б. Аполлонским, «Звезду» Германа Бара, где В. А. Мичурина за 4 акта ухитрилась менять 18 сногшибательных туалетов, «Воспитателя Флаксмана», «Вечернюю зарю» и «Старый Гейдель-

берг» с Ю. М. Юрьевым, «Горе от ума» и «Ревизора» в идеальном составе, просто концертное исполнение «Горячего сердца» и «Доходного места», «Грозу» и «Лес» Островского и неизбежный ряд нудных Ибсенов и Гауптманов с В. Ф. Комиссаржевской и Н. Ходотовым²².

Зато весной, после Пасхи, смотрел ряд прекрасных гастролей в Михайловском театре московских «художников» К. С. Станиславского, показавших классическое исполнение «Вишневого сада», «Трех сестер», «Дяди Вани», «На дне» Горького, «Доктора Штокмана» и «Одиноких».

Вот театр, где сценический реализм возведен в принцип, где не может быть ляпсусов, резавших глаз или ухо. Эти сверчки за печью, громыхающий за сценой паровоз, отдаленные гудки и свистки или два безжизненных отсохших пальца у Штокмана на протяжении 4-х актов — это совсем не пустяки. Быть может, это дойдет лишь до десятка зрителей во всем театре, но зато дойдет крепко... Вот у них перед постановкой «Власти тьмы» вся труппа прожила летом 2 месяца в Тульской губернии, в деревне, с типов которой якобы Толстой писал свою пьесу. Учились, как пеленают детей, как белят холст, как плетут лапти и вытаскивают ухватками из печи горшки. А ведь александринцы или казенные москвичи этого никогда бы не сделали. Я был просто изумлен, как они в последнем акте «Трех сестер» при уходе батареи добились слухового эффекта цоканья копыт по мостовой и характерного, в своем роде единственного, треньканья хоботовых колец орудий на шворне передка. Может быть, во всем театре было 5 артиллеристов, но мы глубоко оценили такую деталь. Потом я узнал, что этот эффект устроил им артиллерийский капитан Михайлов, который сам со своими помощниками-бутафорами это изображал. Художественность исполнения от этого никак не страдала, а это был тонкий гарнир к ней.

Это не то что на Нижегородской ярмарке еще в антрепризу П. М. Медведева, [когда] шла пьеса «Завоевание Казани» (1553 г.), и воины Грозного (певчие местного батальона), в латах и шлемах, сидя у костров под стенами Казани, ахнули: «Дело было под Полтавой, дело славное, друзья». Может быть, и здесь лишь 10 — 15 человек из всего театра добродушно хохотали, но лучше бы не было в серьезном театре такого балагана.

В Калуге, после пожара, начали спектакли в не отстроенном еще театре, так, к уборным 2-го этажа не было еще общей лестницы, а была передвижная, вроде по-

жарной, переставлявшаяся на блочных колесиках от двери к двери. Шла какая-то переводная трескучая драма, где героиня заканчивала монолог словами: «Вот, наконец, я слышу топот коня и охотничий рожок. Это граф, да, это мой милый граф... Вот он подходит». А за сценой раздался громогласный пьяный голос: «Да черта с два придет твой граф, когда сволочи лестницу убрали!..»

Я сам был свидетелем в Александринском театре, уже в революцию, как при возобновлении «Идеального мужа» Оскара Уайльда, у которого точно указана дата: «начало 90-х годов», Ю. М. Юрьев, игравший министра иностранных дел Англии сэра Роберта Чильтерна, развалившись на канаве в своем кабинете, читал «Ленинградскую правду». Я бросился в антракте на сцену к Н. В. Петрову с воплем: «Что у вас читает Юрий Михайлович?» — «А что, милый, что — газету». — «Да ведь он «Правду» читает». — «Ну кто на это обратит внимание». — «Да что вы, — говорю, — еще как...» Я сбегал в контору и принес им из информационного отдела номер «Times'a», который и вручил Юрьеву, а «Правду» от греха забрал для более соответственного употребления.

Опять скажут — чушь. Нет, это не чушь на так называемой «образцовой сцене».

Уже в 1926 году, при возобновлении в Мариинском театре «Пиковой дамы» с декорациями и костюмами по эскизам Александра Бенуа — великого знатока стилей и исторической архитектуры, — вдруг я узрел в сцене Зимней канавки водосточные трубы с кадками на Эрмитажном театре. По окончании генеральной репетиции я пошел на сцену в режиссерское управление и там застал еще А. Н. Бенуа. «Вот, — говорю, — Александр Николаевич, маленькая ошибка вышла». — «Какая?» — «Да трубы», — говорю. «Какие трубы?» — «Да железные, круглые, водосточные. В екатерининскую эпоху их не было, и они впервые появились лишь в середине царствования Александра I». — «А какие же были, топ шер ами?» — «Деревянные, — говорю, — дощатые, квадратного сечения и без всяких кадок, да и то лишь на дворцах и лучших домах». На другой день трубы были просто замазаны Шилдкнехтом, исполнителем декораций. Это опять пустяк, но я-то наверное знал, что говорил, ибо читал в архиве именной указ 1811 года о том, что «изобретенные ныне мастером строительской дворцовой команды таким-то железные для стока дождевой воды трубы устроить на здании Большого театра». Это, ко-

нечно, опять пустяк, но не для Бенуа. Впрочем, о революционных постановочных фокусах, дошедших до жуткого идиотизма, — в своем месте.

Тотчас по закрытии сезона я решил вторично проехаться на «тот погибельный Кавказ», но весьма кружным путем.

Дело в том, что Управление Красного Креста, принимая во внимание свидетельство профессора Гейслера о необходимости для меня повторного курса грязевых ванн и нарзана, предоставило мне, как уже вышедшему в отставку, 50% казенных расходов, т. е. проезд с плацкартой по II кл[ассу] туда и обратно, бесплатное лечение, но содержание в колониях с уплатой 50% действительной стоимости, т. е. 37 р. 50 к. в месяц. Само собой, это было даром и только дурак не согласился бы. За эти 37 р. 50 к. я имел большую светлую комнату на двоих, с прекрасными кроватями и слугой на 2 комнаты. Утром кофе со сливками и 2 яйца, горячий сытный завтрак, обед в 4 блюда и легкий ужин, экипаж (вроде певческого *dos-a-dos*), отходивший аккуратнo каждые 2 часа от колонии до курзала и обратно — словом, все удобства.

Но так как Ширяев и Кякшт везли трупку балета в 22 человека в Одессу, Кишинев и Николаев, то железнодорожную литературу я «уговорил» краснокрестовского экзекутора — за 10 рублей — выписать мне не на Минерашки, а на Одессу, что по расстоянию было то же самое, и вместе с трупкой утрепался в Одессу, где было 6 спектаклей с Т. Карсавиной и Лидией Кякшт. Савицкий, влюбленный в танцовщицу Л. Пуни, ехал тоже с нами. Поездка эта была чрезвычайно веселой и пьяной. Денег мы весной взяли в клубах порядочно и ехали, мало в чем себе отказывая. Я просмотрел в Одессе по 2 раза «Лебединое озеро», «Пахиту», «Коппелию» и «Тщетную предосторожность», в Кишинев уже не поехал, а сел на самолетовский комфортабельный пароход, т. е., вернее, после прощального ужина меня на пароход снесли и погрузили, как тюк, в каюту. Я проспал до Ялты, где вылез погулять; была еще остановка в Феодосии, где я купался и обедал, а далее пароход прошел прямо в Новороссийск, откуда через Екатеринодар и Тихорецкую я попал на свой курорт. В это лето я пробыл на

спиной к спине (фр.).

Кавказских Водах всего 2 месяца, в течение которых не пил, поднабрался сил, взял в игорном доме у Гукасова 360 р. на дорогу и вернулся обратно, застряв, впрочем, на неделю в Москве, где в «Эрмитаже» были сначала 3 гастролы А. Павловой и М. Фокина, а потом 4 спектакля В. А. Трефиловой, в одном из коих, за неимением в оркестре арфы, я сыграл за кулисами вариацию из «Конька-Горбунка», за что получил от антрепренера 10 рублей!.. Я стоял в одном отеле с В. А. Трефиловой (Павлова с Фокиным из Москвы прямо проехали в Стокгольм на ряд гастролей), мы вместе завтракали и много катались по Москве и ее окрестностям. Были и в Шереметевском театре в Кускове, но он на меня особого впечатления не произвел, были в Филях, в той, теперь уже каменной, избе, где был военный совет 1812 г. После гастролей В. А. Трефилова уехала в Милан к Беретта «учиться», а я вернулся в Петербург, причем привез матери в презент с Кавказа для варенья пуд ренклов в виде квашни с червями. Фрукты, оказывается, надо перевозить умеючи, не застревая с балеринами в Москве. Ренклоды дошли бы только в холодильнике и прямым сообщением. Это напомнило мне рассказ, якобы факт, как в донской степи в тропическую жару пассажиры изнывали на 200-верстных перегонах между редкими большими станциями. Некий купец, уже и так полуголый, завопил: «Ей Богу, кажется, целковый дал бы за стакан холодной воды». Какой-то юркий еврейчик вскочил и заявил: «Так в чем дело? Давайте полтора, и я сейчас принесу», — и действительно пригашил через несколько минут холодную воду со льдом. Купец выпил, крикнул, и другие пассажиры последовали его примеру. После десятого стакана коммерсант повысил цену до 2-х рублей, а после 30-го заявил, что больше нельзя, потому что «папенька протюхнет». Он брал воду со льдом из большого бака, в котором стоял металлический гроб его отца, которого он вез хоронить на родину.

В Павловске я встретил товарища по училищу, также вышедшего в отставку, поручика С. П. Денисьева, и он затянул меня в такое «дело», о котором положительно нельзя не рассказать. Это будет последнее отступление в сторону личной жизни, хотя и связанное с сотней провинциальных театров.

Вот какие в те годы делались в России непостижимые дела: за полгода перед тем в «Кафе де Пари» под Пассажем оказались за одним столиком бывший кучер нов-

городского помещика М.Е.Б. и расстриженный дьякон В. В. Ф. Они разговорились, друг другу понравились и порешили основать «чистенькое» дело, а именно издание истории русско-японской войны по запискам самих участников. Капитала у них вдвоем оказалось 50 руб., но это их нисколько не смутило. Они заказали квитанционные книги, сняли в долг под редакцию и контору квартиру на Пушкинской, у самого Невского, завинтили 4 публикации о приеме подписки на несуществующее еще издание, а главное, отделив ничтожные 10% с валового дохода в пользу Комитета попечения о вдовах и сиротах этой войны, состоящего под покровительством великой княгини Ольги Александровны — сестры царя, они получили от этой умницы такую бумагу, которая давала им право на истребование открытых листов по всей империи на право производства свободной подписки. Дело у них, по-видимому, сразу двинулось. Ольга Александровна дала им «на обзаведение» 500 рублей, и мы застали уже контору редакции с телефоном и пишущей машинкой, с хорошенькой блондинкой; сидели, вероятно для декорации, какие-то офицеры с костылями и печальные «вдовы». Однако телефон звонил, Мартын с серьезным лицом принимал какие-то заказы. Писал «историю» за всех участников сразу один подполковник, но, надо отдать справедливость, писал толково. Многочисленные иллюстрации были прямо хороши. Вышел из печати 1-й том (всех должно было быть 6) на хорошей слоновой бумаге, приблизительно в 18 печ[атных] листов, в ярко-красной коленкоровой обложке с изображением схватки орла и дракона²³. Это был уже образец, который можно было показывать. Дьякона Ф. здесь не было — он уже ведал отделением в Москве, потом в Киеве. Я так его никогда и не видел. Условия нам были предложены такие: ехать в любые, не использованные еще губернии, собирать подписку, получать авансы и взимать в свою пользу не более не менее как 25% с вала. На выезд редакция давала аванс по 100 р. Условия были такие, что только дурак не согласился бы. Мы получили по нотариальной копии комитетской бумаги, формальные доверенности редакции, образцы и солидные квитанционные книжки, пронумерованные, пропечатанные и прошнурованные. Начали мы с севера, избрав Ярославскую, Вологодскую и Архангельскую губернии. Мы решили ехать вместе и работать сообща. Приехали через Москву в Ярославль, остановились в лучшей гостинице Кокуева,

против Пушкинского театра, на месте которого некогда был сарай братьев Волковых. Мы одели сюртуки и отправились к губернатору д[ействительному] с[татскому] с[оветнику] Римскому-Корсакову. Этот добродушный старик принял «чиновников особых поручений» из Петербурга с распростертыми объятиями, приказал своему правлению немедленно выдать нам открытые листы с бесплатными почтовыми по всей губернии и просил быть непременно к обеду.

Дело в том, что издания наши были четырех образцов: обыкновенное вышеописанное стоило 100 рублей, такое же на веленовой бумаге и в сафьяновых обложках — 200, на меловой бумаге в свиной тисненой коже — 300 р. и, наконец, в серебряных крышках, с приложением портрета наследника в натуральную величину в раме красного дерева — 500 р. Господи! Я только здесь узнал, какой еще в России был непечатый край дураков и квасных патриотов...

За обедом у губернатора был губернский предводитель дворянства князь И. А. Куракин. Это были наши 2 первых подписчика, по 200 р. уплативших полностью. 25% мы оставляли себе, а остальное переводили в редакцию, откуда немедленно и высылались первые тома. Губернатор дал нам список богатейших купцов и фабрикантов города. Библиотеки местного полка, кадетского корпуса, лицея и гимназий, по его словам, обязаны были подписаться, а полицеймейстера он обещал прислать к нам в гостиницу на другой день к 12 ч. дня. После раннего губернаторского обеда мы в этот день успели сделать еще десяток подписок, причем осмотрели у богатого купца Голушкина его замечательный порнографический кабинет. Вечером мы были в Пушкинском театре, смотрели «Последнюю жертву» Островского, очень неплохо для Ярославля. Ужинали в ресторане «Столбы» на берегу Волги, где ели замечательные ярославские воздушные пироги с визигой и сигом, основательно нагрузились с радости и попали в гостиницу пьяные в 3 часа ночи.

Никогда не забуду своего пробуждения. За тонкой стеной раздавалось мяуканье, лай, хрюканье, гортанные птичьи крики, кукареку и пр. Я решил, что попал в Ноев ковчег, и с трудом дотянулся до кнопки звонка. Вошел коридорный Ноева ковчега и сообщил мне, что в соседнем номере господин А. Дуров со своими зверюшками. Я потребовал холодной содовой с лимоном, а потом ко-

фе, в 11 ¹/₂ мы, наконец, встали, перед самым приездом полицеймейстера. Это оказался лихой полковник С., уже настроенный губернским правлением. Он сразу заявил нам, что, конечно, к таким тузам, как Вахрушевы, Пастуховы, Дунаевы и Морозовы, нам «из почета» надлежит ехать самим, но что касается рядовых богатых торговцев и... многочисленных публичных домов, то мы можем не беспокоиться и что это сделают участковые пристава. Он взял у нас один образец, сотню квитанций и действительно, как по мановению волшебной палочки, через 2 дня привез нам кучу денег — квитанций ему еще не хватило. Он посоветовал нам «ударить» по богатым городским и окрестным монастырям. Мы разделились: Денисьев взял купечество, а я монастыри. Это была любопытная поездка. Жирные викарии, настоятели и игуменьи угощали меня монастырскими наливками и без отказа подписывались. Во второй день мы были в цирке, где смотрели своего соседа Дурова, с которым познакомились. За своего пеликана, изображавшего уморительно местных властей, Дуров вылетел из Ярославля в 24 часа, впрочем, это была его обычная участь — 1 — 2 дня в городе и вон. Мне очень понравился ресторан «Столбы», существующий, как оказалось, около 300 лет. Название же свое он приобрел от места — набережной Волги, где еще в эпоху Грозного каждую весну [проходили] смотрины невест. Разряженные девушки стояли «столбами», а мимо проходили парни и выбирали «товар». Кормили в «Столбах» хотя и дорого, но очень хорошо. Там был настоящий старинный русский стол, вроде московского Тестова, а громадный орган здорово исполнял глинкинский финал из «Жизни за Царя» и «Венгерскую рапсодию» Листа. Мы застали еще тут матерых купцов в длинных поддевках и московских фуражках. Бумажники они вынимали из голенища, но кутили широко и толково.

В какую-нибудь неделю мы собрали с Ярославля жатву в 22 тысячи, отправили в редакцию крупную сумму (большинство подписчиков платило всё вперед), высоко подняли в Питере свое реноме и отправились «чистить» уезды.

Вот тут я убедился, что гоголевский Хлестаков да и Чичиков просто перед нами мальчишки и щенки. Приехав на пароходе «Петр Чайковский», с великолепным его портретом и роялем в общей большой, но пустой в этот сезон столовой, я не спал большую часть ночи и,

что на меня мало похоже, — был просто очарован видом Волги, залитой луной. Мы приехали в Рыбинск, «стукнули» по крупнейшим хлебникам — Жирнову, Блинову, Востроухову и Зернову, собрали хорошую жатву, но вышел скандал, и пришлось уезжать. Дело в том, что в ресторане Бархатовых, где мы ужинали, я нечаянно бросил горящую спичку в кадку искусственной пальмы, которая в 2 минуты вся запылала, и приехала пожарная команда. Из-за такой пьяной глупости пришлось покидать лишь наполовину обработанный город. Однако Рыбинский, Романовский, Угличский, Борисоглебский и Ростовский уезды дали нам столько же, что и Ярославль. Мы разъезжали на ямщицкой тройке с бубенцами, а извещенные телеграммами исправники встречали нас в парадной форме. Сами мы ездили только по богатому купечеству и черному духовенству, а остальную подписку производили по распоряжению исправников пристава или даже просто хожалые. В «цикорном» Ростове я смотрел в местном театре «Жидивку-выхрестку» и... балетный дивертисмент, после которого на другое утро я нашел у себя несколько седых волос в голове...

Обработав Ярославскую губернию, мы сели за Волгой на узкоколейную железную дорогу и прибыли в Вологду, крупный торговый речной пункт, но невероятно дикий и скучный. Там повторилась полностью история Ярославской губернии, но Вологодская была колоссальна по территории и малозаселенной. Уезды были в 500 верстах друг от друга, и жатва наша здесь намного меньше. Однако, проехав на Котлас и 72 версты на лошадях до Великого Устюга, мы в одном этом городке взяли около 8000, благодаря обилию монастырей.

Театров и в помине не было. Заехав еще в Сольвычегодск, мы проехали в Архангельск, переполненный тогда немцами, которые оказались нисколько не умнее русских и за милую душу, по примеру своего губернатора фон Шиллинга²⁴, подписывались на это удивительное издание. Однако сезон уже начался, и, обобрав честно 3 губернии, мы спешно вернулись в Петербург, пропустив лишь 2 спектакля, но это стоило, ибо я переслал в Учетно-ссудный банк, несмотря на широкую жизнь, 6000 рублей на свой текущий, а впоследствии (о глупость!) онкольный счет²⁵.

В посту мы объехали Вятскую и Пермскую губернии с богатейшими горными заводами и опять же монастырями. Видели восьмое чудо [света] — маленький фаб-

ричный городок в 46 верстах от Вятки — Вахрушев-Вознесенск, весь освещенный электричеством, с асфальтовыми улицами и прекрасным театром и гостиницами. Этот культурный уголок дал нам 3000 р., а любезный исправник провез нас еще на тулупный завод Соболева, который угостил нас великолепным ужином и подписался на 500-рублевое издание. В Перми со мной произошел невероятный казус. Я познакомился в театре с молодой разведенной женой местного путейского инженера, прелестной и богемной женщиной, у которой прожил, как в чаду, 6 дней. Денисьев злился, но собирал обильную подписку, я же увяз в романтическом бреде, но, однако, проснулся, обрел своих однофамильцев — двух братьев Лешковых, крупнейших лесников, отлично у них позавтракал и взял 2 подписки по 200 р. На 4-й неделе поста мы проехали в богатейший тогда Екатеринбург, основательно его трянули и через мрачный Челябинск вернулись в сибирском экспрессе в Москву. Этот роскошный поезд состоял из одних лишь (3-х) международных спальных вагонов I класса, чудного вагона-ресторана, вагона ванны-бассейна, гимнастического отделения и библиотеки на всех европейских языках. Подобной роскоши я еще не видал. Несмотря на громадную скорость, этот поезд шел 11 суток из Владивостока до Москвы, мы переехали по знаменитому сызранскому мосту длиною в 6 верст через Волгу, а из Москвы на нашем курьерском — в Петербург, где застали как раз короткий весенний сезон. К этому времени как раз относится начало моей критической деятельности в балете. Я начал в «Слове» у Федорова, где получал по 8, а потом и по 10 коп. за строку. Печатные мои статьи все аккуратно хранятся у меня, наклеенные в специальные тетради. Авось когда-нибудь и пригодятся!..

Третья наша поездка была менее удачна. Мы взяли Харьковскую, Полтавскую и Екатеринославскую губернии, но сразу потерпели фиаско. Приехав в Харьков, мы комфортабельно остановились в отеле «Россия» Руффа и, по обыкновению, отправились к губернатору. Но там оказался военный генерал-губернатор Пешков, такой же, впрочем, дурак, как и остальные, но трус 96-й пробы. В это время в университете были крупные студенческие волнения и беспорядки. Город был на положении усиленной охраны, и Пешков, вообразив, что мы можем в свои книги вкладывать какие-то прокламации, просто вежливо предложил нам покинуть Харьков в 24 часа. Я,

однако, успел заложить свое зимнее пальто, иначе было бы не на что выехать, а выкупал его в Петербурге почтой. Листопадава разыскать мне не удалось. Нам ничего не оставалось, как напиться с горя на вокзале за ужином и ехать в Полтаву, откуда послали трескучую телеграмму в редакцию о переводе по телеграфу 200 р. Мы уже избаловались, по уездам ездить было лень, мы очень удачно проработали в Полтаве 2 недели и чуть не попали вместо Екатеринослава в Николаев. Нигде я не ел таких настоящих малороссийских борщей с ватрухами, как в Полтаве. Борщ там варили на баране и свинине, из хлебного кваса с бураками, а потом клали хорошую утку, а порции такие, что после этого борща уже ничего не полезет, кроме прекрасного немецкого колониистского пива.

Екатеринослав, по преимуществу помещичий город, как раз был занят губернским съездом, мы ударили по этим помещикам, опять же по монастырям, но, несмотря на всю доходность, уже чувствовалось, что работа эта нам надоела. По телеграфному предложению из редакции мы заняли вдвоем должность заведующих московским отделением, которое и приняли от некоего Жемайло. Отделение имело квартиру в 4 комнаты в бельэтаже на Петровке. Москва была основательно очищена, но все же подписка понемножку шла, уже без всякой с нашей стороны инициативы. Мы слонялись от скуки по Москве, каждый день ели расстегаи у Тестова. В Москве жила старшая сестра Елена. Как-то я ее вместе с зятем потащил в «Аполло», где и напоил до зеленого змия. Наконец в середине августа запросились домой. Нам прислали на смену какого-то мрачного типа с артельщиком; мы сдали редакцию и уехали в Павловск, где застали еще расцвет сезона.

В сезон 1908/09 года я начал работать в «Ежегоднике императорских театров», где составлял статистику балетных спектаклей и числа участия артистов, ибо каждый спектакль отмечал даже все замены. Черновики эти я сдавал в репертуарную часть дирекции, получал свои построчные и все рассчитывал словчиться на абонемент хорошего кресла, но из этого ничего не вышло и я так и был 2 года подряд 149-м кандидатом на одно из могущих освободиться кресел 2-го или 3-го ряда.

Эти два сезона, совершенно свободный, нигде не служа, я проживал заработанное и выигранное, впрочем, работая уже в двух газетах да «Ежегоднике»; эти два сезона были едва ли не лучшие в моей жизни. Бла-

годаря хорошему знакомству с заведующим кассами Н. М. Шишко я бывал в Мариинском, да и других казенных театрах, ежедневно. Прослушал весь репертуар Ф. И. Шаляпина, этого бесподобного актера и певца. Его въезд во Псков, по картине Виктора Васнецова, где лошадь его упиралась вперед ногами около самой суфлерской будки, был замечательной картиной. «Бориса Годунова» я слушал более 10 раз в этот сезон и изумлялся: до какой степени выработанный уже художественный образ оставался во всех мельчайших деталях роли незыблем у этого артиста.

В гриме уже не могло быть ни одного лишнего седого волоса. Мельчайшие жесты, как, напр[имер], обтирание шеи шелковым платком при появлении вестника из Углича, были абсолютно одинаковы.

Впрочем, в отличие от прежней «свободной драмы», опера и балет, будучи связаны каждым тактом музыки, являются и статически и динамически особыми видами сценического искусства, как бы скованного и рассчитанного во времени и пространстве почти произвольно от исполнителя. Если бывают варианты, то настолько незначительные, что, по существу, влияния на ход действия не имеют. Конечно, Онегин может войти в правую или левую дверь, может опускаться или не опускаться на одно колено перед Татьяной, но он не может войти ни секундой раньше, ни секундой позже, потому что «музыка не ждет».

По той же причине и балерина не может ни секундой раньше, ни секундой позже начать или кончить свою вариацию, а кордебалет — своих подчас весьма сложных манипуляций.

В старые годы в любой русской опере хор заламывал набекрень шапки и вся его «игра» заключалась в поочередном поднимании то одной, то другой руки с физиономиями при этом ничего не выражающими. С появлением таких артистов, как Шаляпин, подобное явление стало недопустимым анахронизмом. Начало «сдвига» в русском сценическом искусстве положила, несомненно, Москва в лице Художественного театра и оперы Саввы Мамонтова, а балет в Петербурге — в лице одного лишь Фокина. И вот такие закоряченные в своих формах виды, как опера и балет, не выходя из трафарета музыкальной сетки, вдруг сделались осмысленными и реально жизненными.

Этот «сдвиг» поставил условнейшие из сценических представлений — оперу и балет на ту высоту художественной целостности восприятия, с которой все дальнейшие попытки и ухищрения могли лишь «стянуть за волосы» искусство снова вниз, хотя бы и по другую сторону вершины. И все до единой подобные попытки, по моему глубокому убеждению, только этого и достигали, вероятно уродуя самые высокие художественные образцы.

Особенно широко это проявилось в первые годы так называемой русской революции, которая в противоположность с основным понятием этого слова, как переворота, взрыва, продолжается у нас, по выражению Троцкого, «перманентно» 15 лет. Но Троцкий исчез «в сиянии голубого дня», а Высший революционный трибунал и Военно-революционный совет остались, а главное, остались Главлит, Облит и Гублит, МУЗО, ИЗО и прочие гнойные болячки на теле русского искусства, и их деятельность подлежала бы детальному разбору, но это невозможно, не столько по соображениям политическим, сколько потому, что придумать что-либо более сумбурное и бессмысленное, чем эти учреждения, невозможно. Мне довелось лично иметь дело и с МУЗО, и с Гублитом. Начать с того, что там сидели люди, абсолютно не имеющие ничего общего с целью своей работы. Это были полуграмотные парикмахеры и монтеры. Попадались, впрочем, и грамотные, но какие... Мне рассказывал покойный П. П. Гнедич, опытнейший драматург, написавший свыше 40 пьес, как он в 1915 году, во время войны, принес свою последнюю и замечательную по структуре и типу пьесу «Северная Семирамида» в цензуру Главного управления печати. Цензор Д. И. Толстой, лично хорошо знавший Гнедича, через неделю вызвал его и со словами: «Да что вы, батюшка Петр Петрович, аль к старости съехали с точки — забирайте свою рукопись да спрячьте подальше. Такая свободомыслящая пьеса не может никогда увидеть ни казенных, ни частных подмонок». Гнедич ушел, а через 3 года, в 1918 году, после официального чтения ее труппе Александринского театра, представил ее в Гублит. Там некий товарищ Преображенский заявил ему: «Вы, наверное, тов. Гнедич, спятили, давая нам такую галиматью, это нужно было 10 лет назад ставить!..»

Так и погибла одна из лучших, строго исторических пьес этого прекрасного знатока и писателя, а бездарные переделки, перекройки и «выдавленные грудно-брюш-

ной преградой» оригиналы Щеголевых, Треплевых, Треневых, Сейфуллиных и прочих заполнили русскую драму, недаром называвшую свой высший орган Комитетом художественной бедноты.

Революционный клич «переоценка ценностей» породил такие уродливые вывихи, которые могла сделать только петровская «дыба». Искусство было сначала раздето догола, потом высечено кнутом и, окровавленное, выброшено на сцену. Тому, что мне довелось увидеть в революционном русском театре, я посвящу последнюю главу, а теперь вернусь к тому последнему семилетию, когда русское сценическое искусство действительно стояло на вершине Гималаев и осветило своим «полярным сиянием» всю Европу и Америку.

VIII

В посту 1908 года учинили антрепризу «А. Р. Больм, Р. Р. Больм и Д. И. Лешков», и я с самого начала поста поехал «передовым» в Ригу, взяв с собой в последний раз квитанционные книжки «Японской войны», а также образцы «романовского паркета из развернутого дерева», о коем речь будет впереди²⁶.

Мы внесли в дело всего лишь по 250 рублей — и повезли труппу во главе с Анной Павловой на 3 спектакля. Я остановился в очень скромном отеле против Виндавского вокзала, снял на 5 дней Большой городской Немецкий театр вместимостью с наш Александринский. За помещение взяли по 350 р. в вечер, вместе с оркестром в 42 человека хорошо обученных и опытных музыкантов, с которыми Р. Больму не пришлось много возиться. Далее я расклеил по всему городу плакаты с портретами А. Павловой в пояс, в натуральную величину, и мозаики портретов всей труппы — 26 человек, вошел в альянс с театральной кассой по поводу предварительной продажи билетов и почил на своей подписке и паркете, заказы на который получил от нескольких банков и контор. Подписка шла ни шатко ни валко, но все же давала мне возможность хорошо жить. Столовался я или, вернее, опивался чудным пивом в студенческом «корпорантском» кабаке под отелем «Рим» против театра. Там был русский стол и очень неплохо кормили, а я наблюдал не лишнюю оригинальности «программу питей» израненных в мензурах²⁷ молодых людей с трехцветными лентами и миниатюрными фуражками. Среди них оказался Р. Зеберг, мой зимний абонент по ложе, и он 3 дня «уго-

щал» меня Ригой, в которой при моем знании немецкого языка было вовсе не легко, ибо все надписи на трамваях, названия улиц и даже официальные переговоры на почте — лишь на немецком языке. Когда учился Зеберг — для меня непонятно, ибо всю зиму он сидел в балете, а летом, кажется, нигде занятий нет. В самом начале 4-й недели поста я получил телеграмму, что труппа едет, и утром был на вокзале с букетом любимых А. П. белых роз. Эта женщина ухитрилась при выходе из купе забрать мои цветы и корзиночку с бутербродами, а маленький саквояж со всеми своими бриллиантами и золотом оставила. Спихватилась она лишь 2 часа спустя в отеле «Сосьете», где все остановились. Я моментально вскочил на извозчика, через 10 минут был у начальника станции и жандармского полковника. Были выстроены все 130 носильщиков артели и 18 досмотрщиков вагонов, и саквояж, конечно, нашелся. Он был с секретным замком, и все оказалось цело. Меня за это поцеловали, подарили золотой браслет цепью и милостиво со мной и бутылкой коньяку изволили завтракать.

Извозчики, т. е. «фаэтоны», в Риге были парные, широкие, с площадкой сзади для стояния. Дамы ехали на сиденьях внутри, а кавалерам надлежало стоять сзади... Сидеть вместе с дамой в экипаже, т. е. в снях, допускались только старики и дети. В этот же день была дневная оркестровая репетиция «Коппелии» и дивертисмента, которая прошла прекрасно. Обедать поехали в загородный «Königs-park», где после обеда играли, как дети, в снежки и зарыли нашу балерину в снегу так, что она чуть не задохнулась. На другой день вечером шла «Коппелия» при переполненном сборе, с приставными стульями. Успех был громадный, а сбор 3800 руб.

Губернатор Зиновьев²⁸ влюбился в Павлову и на другое утро повез всю труппу в «Дом черноголовых», старейший в Ливонии клуб, существующий 300 лет, а потом угостил всех в Винтер-Гартене роскошным завтраком.

«Тщетная предосторожность» и «Пахита» имели такой же успех, и нам с Большими стало неловко, что при таких оборотах мы платили Павловой, этой через 2 года мировой звезде первой величины, всего по 125 р. за выход. Мы поехали к лучшему рижскому ювелиру и выбрали за 450 р. бриллиантовый подвесок в виде слезы на тончайшей платиновой цепочке, который и поднесли ей на последнем спектакле. Зиновьев послал Теляковскому телеграмму: «Рижане умоляют отсрочку один день для

дополнительного спектакля» — и получил ответ: «Согласен». Дали еще раз «Коппелию» при архипереполненном сборе, а Зиновьев устроил настоящий цветочный дождь из своей ложи на сцену. Вот где можно было свободно дать 20 — 30 спектаклей и взять огромные деньги. Но надо было возвращаться, и мы вернулись в Питер. На 7-й неделе мы в том же составе съездили еще в Гельсингфорс, где также взяли 3 полных сбора. Там, впрочем, дело было налаженное через местного кондитера Фацера, большого поклонника и пропагандиста русского балета. После короткого весеннего сезона, всего в 6 спектаклей, А. П. Павлова и Фокин уехали в Стокгольм, где успешно гастролировали с прекрасным шведским балетом. Король поднес им по ордену Вазы — «за искусство», а я это лето, наконец, безмятежно отдыхал в родном Павловске.

У матери в магазине всегда стояло 40 — 50 пианино и роялей, в большинстве случаев хороших, а за лето проходило до 480 штук в прокат. Так что выбор был хороший — играй не хочу. Это было какое-то лето, когда я просто «пасся», как добрая скотина, нагуливая на велосипеде аппетит, по вечерам был или в вокзале, или в театре, который в это лето при антрепризе З. В. Холмской и А. Р. Кугеля процветал, как никогда. Здесь почти весь летний сезон проиграли: М. Г. Савина, В. В. Стрельская, А. А. Чижевская, М. П. Домашева, К. А. Варламов, В. П. Далматов, Р. Б. Аполлонский, Н. Н. Ходотов, А. Ф. Новинский. Были гастроли М. Н. Ермоловой, А. А. Яблочкиной, М. П. Садовского и А. И. Южина.

Репертуар был прекрасный, и театр всегда полон. Были даже балетные дивертисменты и 2 раза оперетта с В. В. Кавецкой и Северским. В вокзале 2 раза дирижировал Н. А. Римский-Корсаков (осенью скончавшийся)²⁹, А. К. Глазунов и Э. А. Купер (который на прокатном условии, к изумлению матери, расписался просто «Л. Шмулевич», объяснив, что Купер — это лишь его артистический псевдоним). Это был хороший, чуткий дирижер и большой знаток и поклонник Чайковского.

Раз, помню, часов в 10 утра у меня перед носом ушел поезд и некуда было деть целый час времени. Я пробрался через «минеральные воды» в зал, где шла репетиция концерта под управлением Н. А. Римского-Корсакова. В пустом зале оркестровое форте раздавалось громом, а репетировали как раз вступление к «Тристану» Вагнера. И вот я был свидетелем факта, казалось бы,

просто невероятного. После какой-то шумной тирады Римский-Корсаков остановил оркестр и спокойно заметил: «А вот в 5-м такте № 103 у второго гобоя чистое ля, а не ля бемоль!..» Гобоист Грюнерт исправил в партии ошибку, и репетиция продолжалась. Этому даже трудно поверить, что возможно изощрить свой слух до такого чуда. Этот прекрасный концерт, помимо двух иностранных номеров, состоял из «Шехеразады», «Садко» и «Антара», сюиты из «Золотого петушка» и романсов Л. Я. Липковской. А. К. Глазунов дирижировал своей последней 6-й симфонией, картиной «Море», «Средневековой сюитой» и «Стенькой Разиным».

Приезжал пианист Ставенгаген, играл Падеревский, француз-скрипач Ларош и старые друзья Иоганн Смитт и А. В. Вержбилович. Это лето было на редкость удачным и в музыкальном, и в театральном отношении.

Однажды часов в 11 утра я, по обыкновению, задувал на своем велосипеде по пешеходным дорожкам парка, хорошо посыпанным песком и утрамбованным, задумался и обогнал великого князя Константина. «Э, да это Денис Иваныч! Вот видишь, как штатское платье делает людей невежами — едешь по пешеходной дорожке, да еще не здороваешься со старыми знакомыми. Вот тебе и штраф: веди своего стального коня в руках и пойдём ко мне завтракать». Он привел меня во дворец, где угостил прекрасным завтраком, а потом мы долго беседовали на музыкальные темы в его громадном нижнем кабинете, где над «стейнвеем» висел роскошный портрет маслом П. И. Чайковского — большая редкость, ибо П. И. ничего так ни ненавидел в жизни, как позировать художникам.

Потом [великий] князь подвел меня к старинному портрету с подписью: «его императорское величество, государь и самодержец всероссийский Константин I». Я тотчас узнал характерную физиономию его деда-дяди и сказал, что я знаю об этом 4-дневном царствовании. У великого князя оказалась редчайшая коллекция манускриптов этого четырехдневного царствования и 5 штук золотых и серебряных монет с изображением Константина Павловича, которые успели отчеканить на Монетном дворе. Теперь нумизматы ценят эти монеты в сотни тысяч рублей. В 3 часа он отпустил меня, взяв слово, что я больше не буду ездить по пешеходным дорожкам!.. Я проехал в «Розовый павильон», где долго сидел на ферме под впечатлением виденного и слышанного.

Оригинал этот Константин: если бы не форма Измайловского полка и ряд миниатюрных орденов с Андреем Первозванным — он походил бы скорее на очень богатого, многосемейного, скупого и расчетливого буржуа, со своей простоватой и скромной Елизаветой Маврикиевной, которая никогда не была похожа на великую княгиню. Они жили себе скромно в Павловске, по вечерам всей семьей ходили пешком на концерты в вокзал и так же возвращались. А в жизни это был бесспорно высокоталантливый поэт и прекрасный пианист. Из детей его юный тогда еще Олег подавал крупные надежды в унаследовании таланта отца, но бессмысленно погиб 19-ти лет, в 1914 году, бросившись с разъездом в 24 чел[овека] гусар на целый германский эскадрон драгун и был просто со своими людьми изрублен в капусту.

Я немного ухаживал за младшей дочерью [купца] Глушкова, О[льгой] В[асильевной] — моей будущей женой, мы вместе ходили в театр и вокзал, где я «приучал» ее к серьезной музыке.

Я сошелся за это лето с одним из своих балетных абонентов, курьезным купцом-суконщиком М. А. Власовым. Этот хилый и красивый блондин объездил весь земной шар, долго жил в Париже и Монте-Карло, ездил на ослах верхом вокруг египетских пирамид, катался на слонах в Индии, но любил наш русский балет, любил серьезную музыку и был большой кутила. В эпоху нашего знакомства он был уже под родственной опекой за расточительность, получал каждую субботу из своей «лаборатории», как он называл свой суконный магазин, по 700 рублей и жил, кроме того, на всем готовом, до портных включительно, деньги же эти буквально проедал и пропивал в Павловском вокзале.

Ежедневно после обеда у меня резались в винт по сотой до музыки, когда отправлялись в вокзал, где Мишенька заказывал стол, двойную бутылку «магнум», шампанского мозта во льду, каких-нибудь невероятных индюшечьих цыплят в мадере и бесконечное количество кюрасо и шартрезов. После концерта к столу этому постепенно приставляли второй и третий, собиралась падкая до дарового угощения артистическая богема, и нас с трудом выгоняли в 3 ¹/₂ часа ночи.

Здесь появлялся и знаменитый пряничный фабрикант Корнилов, миллионер и редкий чудак, который платил по 100 рублей за похвалу его шелковистой черной бороде, а раз послал ночью экстренный поезд в один вагон

в Петербург за стерлядью и живыми омарами. Он не любил афишироваться; тогда ужинали в большом кабинете с балконом в сад. В кабинет с последним поездом приезжали из Новой Деревни цыгане с гитарами, а актеры заменялись царскосельскими гусарами и кирасирами. Корнилов, как правило, никому не позволял платить и из-за этого даже дрался на дуэли в Павловском парке с бароном Будбергом. Зимой, сидя как-то в общем зале «Мало-Ярославца», он увидел вдруг выезжающего из-под арки Главного штаба одного приятеля, которого не видел несколько лет. Как дать [о себе] знать? Корнилов берет медный канделябр и проколачивает им обе рамы, выбрасывая его на Морскую. Приятель, конечно, «увидел», сразу узнал, с кем имеет дело, и поднялся наверх. Окно кое-как заделали, и такие штуки сходили ему просто и легко. Другой раз в «Аквариуме», очень обиженный за что-то на пианиста-аккомпаниатора, он снял с него штаны и голым задом посадил посреди зала в огромное блюдо с plombиром. Несчастный вопил не столько от холодной ванны, сколько от страха перед гневом Корнилова. Этот чудило держал 7 огромных ньюфаундлендов, дрессированных, и катался на них с дочерью в легкой колясочке по парку. Одна из этих собак пристала раз почему-то ко мне, и я не мог от нее отвязаться несколько дней, пока не отвел собственноручно в Царское Село на дачу Корнилова.

Моя мать очень рано по утрам пила в вокзале свою баталинскую воду, ее сопровождала всегда наша умная дворняжка неопределенного цвета, Лачинов. Однажды этот самый Лачинов, вообще пес спокойного нрава, по неведомой причине вдруг бросился на какие-то мощи в виде старца и основательно порвал ему брюки. Вечером того же дня в антракте мать увидела, как балетный артист Н. Н. Яковлев неестественно низко кланялся этому, уже в других брюках, старцу. «Да кто же это?» — спросила мать. «Помилуйте, неужели вы не знаете — это Константин Петрович Победоносцев, обер-прокурор Св[ятейшего] Синода и ближайший наставник и советник царя!» Вот как иногда простые дворняги бывают прозорливы.

Зиму 1908/09 года мать сняла почему-то квартиру в Коломне, в Люблинском переулке. Впрочем, это было удобно, очень близко от театра. В одной из моих лож появилась еще новая личность — Федя Цинзерлинг, совладелец книжного магазина «Мелье и К^о», существо-

шего 120 лет. Это была оригинальная личность — маленький, толстый, без грима Наполеон I, очень образованный, владевший 4-мя языками молодой человек. Днем мы резались в винт. Я, Власов, Федя и старик преподаватель немецкого языка в Николаевском кавалерийском училище Брандт, который за 40-летнюю свою педагогическую деятельность попросил у царя разрешение носить шпоры... Вечером, кроме этого старого осла, но отличного винтёра, мы все бывали в театре, после которого ужинали. В декабре Федя меня познакомил со своим другом А. М. Леманом, окончившим университет, числившимся у кого-то помощником присяжного поверенного, очень богатым человеком, однако нигде не служившим и ничего не делавшим. Этот Леман был незаурядный пианист, добрый, хороший человек, но пьяница и страдавший глубокими припадками нервной болезни. Он был владелец кинематографа «Космос» на Знаменской площади против Николаевского вокзала. Он прогнал своего немца-управляющего и предложил мне завести своим кино.

Я посадил свою невесту в кассу, нанял двух хороших билетерш, взял прежнего механика, и дело пошло бы хорошо, если бы не сам хозяин, который частенько являлся в театр, видел, что все идет хорошо, забирал под расписку весь сбор и вместе со своей свитой из Феи, А. С. Стрекачева и еще кого-нибудь забирал меня в соседнюю Знаменскую гостиницу, где мы перевортывали все вверх тормашками и напивались до зеленого змия, а ведь мне надо было еще закрывать театр и везти невесту в Павловск, где, впрочем, я в большинстве случаев и оставался ночевать в комнате ее брата Васи, где для меня стояла всегда кровать.

Как раз под нашим окном был их магазин, и утром мы опускали на веревке Васину путейскую фуражку и маячили ею перед нижним окном, пока приказчик Евдокимов не клал туда полбутылки коньяку и плитку шоколада для починки наших засоренных голов.

Это было счастливое время беззаботных поездок на розвальнях с провизией и выпивкой. Василий кончил Вышневолоцкое техническое училище путей сообщения, получил первый чин и номинально служил в Управлении водных и шоссейных путей, а в действительности мы целыми днями играли в винт, объедались домашними пирогами, ставили хорошие драматические спектакли в Царскосельском общественном собрании и ратуше (тог-

да меня в «Космосе» замещал помощник, а невесту — запасная кассирша). На масленице Глушков-отец держал буфет в Михайловском манеже на народных гуляниях. Ну и были же эти гуляния...

Весной 1909 года осуществилось, наконец, грандиозное предприятие С. П. Дягилева³⁰. Описывать подробно я его не буду — это общеизвестно. В виде капитала он вложил все свои личные сбережения, лишь добавленные акциями Волжско-Камского банка и некоторой финансовой помощью парижского скульптора Родена и художественной помощью нашего Лео Бакста. Этот человек [Дягилев], бывший чиновник особых поручений при дирекции [императорских театров], «шеншеля», как его называли за одну прядь седых волос в голове, рискнул везти громадную балетную труппу со всеми солистами оркестра, декорациями и костюмами в Париж. Во главе труппы были М. Фокин, Анна Павлова, Тамара Карсавина, Вацлав Нижинский, все первые солистки и солисты, а из молодежи Шоллар, Шиманская, Борис Романов, Федор Шерер и Леонтьев.

Был снят огромный театр «Шатле», который в неделю пришлось переделывать. Мне рассказывала сама Павлова, что там не оказалось ни одного люка, о которых даже понятия не имели. «Да как же у вас появлялся Мефистофель?» — «А из-за высокой спинки готического кресла Фауста, где и прятался с начала акта». Вот тебе и Париж! Впрочем, опускаемые люки, и то в количестве 4-х, были только в Grand Opéra. Нечего было и думать о постановке «Павильона Армиды», где весь планшет сцены состоит из подъемных и опускаемых частей, и вот в недельный срок при сверхчеловеческих усилиях была переделана вся сцена, увеличено место для оркестра, ранее рассчитанное лишь на 40 человек, и т. д. и т. д. Словом, затраты были колоссальные и Дягилев очень рисковал.

Но на первом представлении присутствовали все члены правительства, дипломатический корпус, вся парижская пресса, художники, артисты и все выдающиеся люди мировой столицы.

Это был не успех, а небывалый еще триумф. «Великое откровение варварского Севера», которое вызвало такое движение во всей художественной печати Западной Европы, которого не было со времен Буланже и Панамского канала.

Спектакли в «Шатле» покрыли Дягилеву все его огромные расходы и составили капитал для расширения этого грандиозного дела.

«Les saisons de ballet russe» стало бредом французов. Художники и скульпторы всей Европы воспроизводили наших славных артистов, а иллюстрированные журналы пяти держав 2 месяца ничего другого не печатали, как прекрасных 4-красочных снимков Павловой, Карсавиной, Фокина и Нижинского. Это было настоящее умопомешательство Европы.

В следующее лето Дягилев повез и оперу с Шаляпиным, снял уже громадный театр на Champs Elysées, а на второй месяц перекочевал в Ковент-гарденский театр в Лондоне³¹.

Даже флегматичные англичане проявили небывалый энтузиазм, и Европа была буквально «покорена» русскими артистами.

Весь Париж был в саженных плакатах с изображением лишь тушью и мелом Анны Павловой работы Валентина Серова, а статуэтки ее работы нашего же талантливого скульптора Б. О. Фредмана-Клюзеля продавались в эстампных магазинах по 1000 франков.

«Половецкая пляска» из «Игоря» с лучником Б. Романовым вызвала сплошной рев культурных французов и англичан, а в Лондоне ломали стулья.

Это бессловесное зрелище было равно понятно во всех странах, с оперой было уже несколько труднее, хотя Шаляпин и пел по-итальянски, а с русской драмой, которая самостоятельно поехала, и просто ничего не вышло, пока ядро труппы Станиславского не изучило в совершенстве английского языка и не обосновалось в Голливуде.

За 4 года наш балет объездил весь земной шар, Анна Павлова за одну поездку по 18 городам Северной Америки получила за два месяца 380 000 долларов. Репетиции [проходили] на ходу поезда, где был вагон с покатым полом и пианино. Везлись весь оркестр, декорации, костюмы и бутафория. В Буэнос-Айресе Карсавина свела с ума всех аргентинцев. В Бразилии, Перу и Мексике гастролировали русские артисты. Даже наша Лидия Lopухова, сомнительного таланта танцовщица, и та имела где-то успех. В 1912 году наконец все, и московский балет, бросились на легкий и обильный заработок, и те сливки, которые Дягилев показал в 1909 году, постепенно начали разбавляться снятым молоком. Повсюду: в

Германии, Австрии, Швейцарии и Франции — пооткрывались русские хореографические школы, возглавляемые нашими второстепенными артистами, на родине совершенно неизвестными с педагогической стороны, как Эдуардова, Балашова, Преображенская (о последней я вообще почти не упоминал, ибо артистка эта, хотя и с большим репертуаром, добилась своего положения на сцене лишь каторжным трудом, пройдя все ступени и балетные ранги в строго определенные сроки, как в армии; звезд с неба не хватала и была всегда лишь «полезной» танцовщицей). В качестве балетмейстеров после Фокина фигурировали уже Нижинские (брат и сестра), какие-то Мясины, Козловы, Мордкины, Рябцевы и др. В Лондоне возникло судебное дело о хореографическом плагиате, друг друга и все вместе обворовывали Фокина, пошла заваруха, и эссенция 1909 года в 1913 превратилась в какой-то вонючий отстой, приносивший уже разочарование. Особенно богатую Америку наводнили наши второстепенные и третьестепенные артисты, которые, собирая уже жалкие сотни долларов, только дискредитировали русский балет.

Вот в этом характернее всего сказалась поговорка: «Куда конь с копытом, туда и рак с клешней». — «Как это, мол, так — Павлова, Карсавина и Фокин заграбастали миллионы, а мы-то что сидим и смотрим?» Эта шантрапа забывала, что Павлова, Карсавина и Фокин — это подлинные громадные художники — творцы, которые появляются раз в столетие.

Не начнись мировая война, неизвестно, чем кончилось бы заполнение иностранных сцен кордебалетом «от воды» и кончившими воспитанницами Театрального училища, очень красивыми, как, напр[имер], О. Спесивцева, но не умеющими еще и ходить-то по сцене.

А. Павлова с 1912 года уже не возвращалась в Россию, а с первого года так называемой революции началось весьма поучительное зрелище. Все лучшие и выдающиеся артисты этого общепонятного искусства эмигрировали десятками, а остающиеся, пройдя 2 — 3 года тяжелой школы «необходимости замещать первачей», как Смирнова — Романов, Шоллар — Вильтзак, Дубровская — Владимиров и др., «понаторевшись», тотчас удирали уже парами и тройками, и к 1919 году от русского балета остались одни ошметки, осколки расколотой некогда роскошной вазы, которые «героически боролись в холодном нетопленном театре за флотские пайки дер-

жать знамя не понятного никому искусства, которое увядало, как неполющенный цветок». Как ни старался, оправдывая это явно дефицитное дело, А. В. Луначарский усматривать в нем возможности грандиозных ритмически согласованных праздничных революционных шествий — из этого вышел такой «Красный вихрь», от которого [так] тошнило и артистов и зрителей, что балет потерял и последнее свое основание — форму.

Совершенно то же явление наблюдалось и в опере и даже в драме. Годы войны были последними годами русского искусства, решительно во всех его проявлениях — от сцены, живописи, литературы до фарфора и кустарных изделий включительно. Эти годы оставили как бы незабываемые образцы своего бытия, за которые потом, как утопающие за соломинку, держались еще десяток лет. Это были «Маскарад» А. Я. Головина, «Салтан», «Китеж» и «Золотой петушок» Лосского и последняя серия фокинских балетов — «Карнавал», «Шопениана», «Египетские ночи», «Арагонская хота», «Эрос» и, к сожалению, лишь по одному разу прошедшие прелестные «Ученик чародея» Дюка и «Стенька Разин» А. Глазунова. Репродукцией парижской «Шехеразады» остался «Исламей» Балакирева — сконцентрированная в 7 минут настоящая хореографическая трагедия.

Как долго потом пробавлялись этими «последками», не имея ничего другого.

IX

В конце 1910 года я женился, и разница стала лишь в том, что я стал ездить в балет не один, а с молодой женой, которая уже знала и любила это красивое искусство.

В этот же год я поступил на службу к старому знакомому, инженеру И. В. Романову, так называемому «русскому Эдисону» — большому ловкачу, удачливому изобретателю и коммерсанту, который в этот год основал Акционерное общество по эксплуатации бензино-газовых аккумуляторов, вырабатывавших известный уже, впрочем, 50 лет «воздушный газ». Преимущество системы Романова было лишь в том, что он аккумулялировал жидкий бензин в пластинах развернутой осины, которая, благодаря исключительной гигроскопичности, обезвреживала взрывчатую жидкость.

Поначалу я был и швец, и жнец, и в дуду игрец, потом штат расширили, и я остался секретарем правления

и техническим инспектором мастерских. В 1912 году я заведовал выставочным стендом этого о[бщест]ва на Всероссийской гигиенической выставке. Это было развеселое время. Рядом был кавказский духан с шашлыками, а напротив киоск «Старой Баварии». В манеже показывали шаг за шагом весь процесс производства «казенки», и публика тут же свеженькую ее распивала. На выставке с территорией в 2 квадратных версты было 11 кабаков, 4 оркестра и 2 раза в неделю шантан — вот настоящая «расейская гигиена». Приезжали царь с царицей, тупо смотрели на мои приборы, царь с Сазоновым³² пошли смотреть «теплые автопромывные ватерклозеты», а царица доить швейцарских коров, причем, как рассказывали, была очень огорчена, что ей не удалось выдоить цюрихского быка.

Моим ассистентом был Федя Цинзерлинг, мы целыми днями поедали карские шашлыки под водку и кахетинское вино.

То же повторилось и зимой в Соляном Городке на выставке приборов освещения и отопления. В 1913 году дело развернулось до открытия специального завода, но с началом войны все погибло, ибо все наши мастера оказались «прапорщиками запаса».

В 1915 году и я ушел на фронт, о чем уже писал, и вернулся лишь в 1917 году в августе, чтобы наблюдать агонию русского искусства, чему и посвящаю эту последнюю главу.

1917 и 1918 годы наши театры, еще не треснутые как следует по черепу Пролеткультами и Гублитами, пробавлялись старинкой, запас которой был неиссякаем и которая собирала еще не успевшую эмигрировать публику. Это было то же, что последний год перед падением Западной Римской империи или 1789 и 1790 годы в Париже. Санкюлотов еще не было, а поклонение высшему разуму за отсутствием такового тоже не производилось.

Однако приблизительно с 1919 года к театру начали предъявляться требования «идти в ногу» с современностью. А что такое была «современность»? Варварская гражданская война на окраинах с тысячью виселиц и костров и полный голод внутри страны... Эту «современность», что ли, должно было отображать искусство?

Когда кто-то, здраво взвесив обстоятельства, вполне дельно заявил, что «подлинное искусство — аполитично», то надо было слышать, какой поднялся волчий вой и улюлюканье! Аполитичного искусства нам не надо... А кому

это «нам»? Это безграмотному зверью, которое расстреливало в Петропавловской крепости тысячи ни в чем не повинных людей и топило целые баржи с «классовым врагом» в виде голодных попов и бывших интеллигентов. Конечно, этому зверью не надо было никакого искусства, а вполне достаточно было фальшивой гармошки и Демьяновых стихов. Разве им мог быть понятен «Китеж» Римского-Корсакова, пейзаж Куинджи или тонкий «Эрос» Фокина — Чайковского. Это аксиома, не подлежащая сомнению, а наши несчастные театры надувались, как крыловская лягушка, и силились дать культурную пищу влезшему в них (благо — даром) «новому зрителю». Этот «новый зритель», по выражению К. А. Скальковского³³, смотрел на гениальнейшие образцы, как «корова на проходящий мимо курьерский поезд». Весь 1919 да и 1920 годы были тяжелым периодом «метания бисера перед свиньями». Новых оригинальных произведений ни в драматургии, ни в музыке, ни в хореографии не появлялось, да и не могло появиться, ибо всякое культурное проявление всегда требовало соответствующей окружающей обстановки. Как-то в театре в антракте мне довелось немного говорить с А. К. Глазуновым. На мой вопрос, есть ли у него что-нибудь новое, он грустно ответил: «Нет, вот уже 2 года как ничего... Да разве т е п е р ь можно что-нибудь «творить»?»

В конце 1920 года Л. С. Леонтьев и А. Н. Бенуа попытались поставить «Петрушку» Игоря Стравинского. В сущности, это была рабская копия фокинской парижской постановки, чего, впрочем, Леонтьев и не скрывал, но и это уже было действительным геройством. Разучить с голодной труппой при 4-х градусах тепла такую сложную постановку было очень нелегко. Даже оркестру (увы, уже не прежнему) казалась чересчур новой такая смелая композиция, тем не менее 20 ноября премьера состоялась. Само собой, что $\frac{3}{4}$ театра не поняло, да и не могло оценить этого тонкого художественного примитива. Страдания мятущегося по стенкам Петрушки вызвали идиотский смех, а больше всего нравился балаганый дед, ловящий удочкой полуштофы. Музыка зрителям явно мешала, но нравился барабан в чистых переменах.

Новоявленный «на безрыбье» балетмейстер Федор Лопухов все же не мог успокоиться успехом, хотя бы у сотни зрителей, «Петрушки» и принялся «кропать» еще менее популярный и непосильный сюжет — «Жар-пти-

цу» того же Стравинского. Лопухов целый год не стригся, отпустил себе длинные волосы, носился с туго набитым портфелем — партитурой и какими-то руководствами по быту древних славян, рисунками и чертежами придуманных им кунштюков вроде катания на роликах балерины вокруг дерева и появления на авансцене из суфлерской будки черных и белых рыцарей (что уже использовано Лосским в «Салтане»), и, в общем, в следующем 1921 году появилось весьма скучное и нудное зрелище, продолжающееся без перерыва 1 ч. 20 мин. При этом программа была снабжена таким сумбурным набором слов с целью пояснить какую-то навязанную всем известной бесхитростной сказкой «борьбу двух начал — светлого и темного царства» и пр., что зрители недоумевали, храпели от зеленой скуки, а бедные «плененные царевны» вытирали своими животами пол сцены и наивно швырялись картонными позолоченными шариками. «Поганый пляс» Кашеева царства — богатейшая для хореографа тема, которая у Фокина вызывала «жуткие мурашки по телу» зрителей, — здесь пропала в однообразных тырканьях кулаками в воздух и трафаретном просачивании одной линии танцовщиков сквозь другую. Лопухов, видите ли, как огня боялся «подражания кому-либо», а особенно Фокину, которого открыто называл «упадочным интеллигентом», уже сыгравшим свою роль и отошедшим в область предания. Большой эротический мозг Лопухова приводил его к нагло самоуверенным выводам и заключениям. Так, при первом съезде труппы в августе 1922 года я сидел на диванчике на хорах репетиционного зала и слушал его «программную» речь к артистам. Боже, что этот скорбный главою человек молот: Мариус Петипа и Лев Иванов — выжившие из ума старики, ставившие для забавы праздной толпы красивые банальные картинки вроде «Спящей красавицы» и «Лебединого озера», а Чайковский сочинил «антимузыкальный» вальс снежинок в дурацком «Щелкунчике». Балет, мол, требует иных путей и новых открытий (которые он, вероятно, и дает). И ведь не нашлось ни одного человека, который взял бы за шиворот и потряхнул как следует этого оратора. Все слушали молча, как бараны, и лишь потом в «подшефной» пивной на Толмазовом возникли споры о здоровье нового управляющего труппой.

В драме начались постановки графоманического А. В. Луначарского: «Фауст и Город», «Канцлер и слесарь», «Королевский брадобрей», «Яд» и «Бархат и лохмотья». Про по-

следнюю пьесу в Москве сложили не лишенное остроумия четверостишие:

Нарком, собирая рублики,
Стреляет прямо в цель.
Лохмотья дарит публике,
А бархат — Розенель.

Вся «революционность» этого цикла пьес заключалась по преимуществу в их крайней несценичности, а заключительная мораль могла быть, как нечто предреешенное, с одинаковым успехом выведена в конце первого акта, не растягивая труднопонятное зрелище на пять действий. Потом появились «Огненные мосты», «Воздушные пироги», «Рельсы гудят», «Шахтеры» и прочая бездарь, требовавшая насильственного внедрения подневольных зрителей, т. е. приводились в театр в строю батальоны красноармейцев или бригады рабочих, которые неистово скучали, разрывая рты от зевков. Та же участь постигла и постановки «Вильгельма Телля» и «Заговора Фиеско», и полный провал в Михайловском театре дурацкой феерии «Иван Козырь и Татьяна Русских». Жаль было артистов, надрывающихся ради всего этогохлама и чувствующих свое бессилие что-либо сделать. Когда от такого коленкорового репертуара в дирекции касса напоминала турецкий барабан, а правительственной субсидии не хватало на выплату зарплаты — тогда возобновляли Островского «Не было ни гроша, [да] вдруг алтын», и действительно алтын в кассе появлялся, ибо пьеса давала 27 рядовых аншлагов³⁴, после чего отдыхали еще на «Маскараде».

В опере дело обстояло несколько сложнее. Используя единственные «революционные» сюжеты — «Фенеллу» и «Риенци»³⁵, уперлись опять в тупик полного отсутствия сюжетов и принялись за нелепые переделки.

Так, по особому конкурсу были заказаны одновременно переделки поэтической «Тоски» Пуччини на «Борьбу за коммуну»³⁶, а «Гугенотов» Мейербера на «Декабристов».

Додуматься до таких комбинаций поистине можно было не головой, а «тем местом, откуда ноги растут». Мудрые авторы порешили, что музыка «пуццай остается», а «либретту можно подогнать новую». Ни со стилем, ни с настроением, ни с определенной программностью «музычки» никто не считался. Важно было показать мифическую русскую деву на баррикадах с красным флагом и свирепого генерала Галифе. В «Гугенотах» вместо

Рауля пел Рылеев, а Варфоломеевскую ночь ничтоже сумняшеся заменили восстанием на Сенатской площади!

Когда эти перлы окончательно рассматривались в каком-то ЛИТО-МУЗО, то пришло известие, будто Д. Пуччини так заинтересовался этой переделкой, что непременно собирался на премьеру, но только вместо того взял да и помер. Тогда будто бы кто-то из «орателей» предложил: «Ну ладно, «Борьбу за коммуны» дадим, а касаемо «Гигинотей», товарищи, воздержимся, а то еще, чего доброго, и Мейербер помрет... Скажут еще, что мы здесь удушаем западных авторов...»

Так, по счастью, «Декабристы» и не увидели света рампы, а эта дикая галиматья «В борьбе за коммуны» при насильственном заполнении театра прошла с 10 раз. Бедные певцы, что они переживали... Но вот на помощь явился «композитор» Пащенко со своей оперой «Орлиный бунт». Это примечательное явление в ультрафиолетовой постановке «Христа для бедных» убогого режиссера Раппапорта достойно, как курьез, некоторого внимания.

Музыка, сплошь покраденная, вернее, награбленная, представляла любопытную мозаику из 20-ти авторов. Верно, и прежде композиторы, даже первоклассные, тихонько обворовывали друг друга. Но ведь взять чужую тему, искусно обработать ее в другой тональности, при новой гармонизации — это есть ловкое воровство, все-таки нечто скрытое и тайное, «яко тать в нощи». Чтобы открыть такой плагиат, нужны были колоссальная эрудиция и феноменальная музыкальная память, да и то люди приходили к выводу о случайном заимствовании. Музыка — дело темное: вон Шарль Гуно и Шпор почти одновременно писали «Фауста»³⁷, и ария Маргариты перед храмом оказалась у обоих почти на одну тему — поди докажи, кто у кого свистнул! Чайковский и Глазунов сами себя нещадно обворовывали, т. е. попросту повторялись, но это же не кража. Н. Н. Черепнин так скомпоновал свой «Павильон Армиды», что пахнет всеми русскими классиками, но шито не белыми нитками и докопаться до бесспорного плагиата очень трудно. В эпоху русской революции воровство бросили, а стали просто грабить. Это был уже не «тать в нощи», а просто открытый разбой на большой дороге. Начали слизывать просто по 30 — 40 тактов с чужой партитуры, что, конечно, много проще, чем вымучивать их из себя. Авторская наглость дошла до неслыханных пределов, и то, что показали «композиторы новейшей формации», как Па-

щенко, Дешевов и Корчмарев, не говоря уж о разных Канкаровичах и мелких эстрадных грабителях, было явлением поистине поучительным. «Сочинение» музыки страшно упростилось; это сделалось просто работой ножниц и клея.

Возвращусь к «Орлиному бунту». Это, конечно, пугачевщина — жеваная и пережеванная, но здесь весьма оригинально поданная. Первый акт происходит в саду «Монплеизир», где восседает Екатерина со своими любовниками и фрейлинами. С «небес» спущена электрическая люстра. Является оборванный, в крови, волжский помещик, бросается в ноги Екатерине и долго поет о том, как Емелька Пугачев разграбил и пожег его имение. Таким образом Екатерина узнает о начале Пугачевского бунта и посылает туда Михельсона и Суворова. Второе действие в разоренной Пугачевым усадьбе этого помещика, дочь которого, бывшая до сих пор фрейлиной, оказывается сразу же здесь с кинжалом мщеницы, но Пугачев — Болотин влюбляется в нее и прощает ее покушение. По этому поводу Чика с рваной ноздрей — И. В. Ершов — отхватывает с четверкой балетных гротесков такого трепака, что пол ходуном ходит. Далее все в том же роде. И эта белиберда по бедности «отвечающего времени» репертуара держится на сцене Мариинского театра полсезона.

Не менее примечательна была и постановка тем же Раппапортом байроновского «Сарданапала» в Александринском театре³⁸. (Ведь экие сюжеты-то выбирали.) Здесь этот ультрафиолетовый режиссер учил Ю. М. Юрьева, как надо ходить по сцене: «Шаг с левой ноги, правая рука вперед, придыхание, точка. Шаг с правой ноги, придыхание — точка». Постановка продолжалась месяца полтора. Этот болван измучил всю труппу. Все, до рабов, складывающих костер в финале, ходили с придыханиями и точками. Бедная Мирра — Юренева, та похудела и говорила на репетициях шепотом, а Юрьев надорвал-таки голос. На генеральной репетиции Раппапорт сидел перед столиком с сигналами в партере, и я был свидетелем такой сцены: Юрьев читал свой громовой монолог, когда Раппапорт прервал его и напомнил о порядке движения. Юрьев осатанел и при переполненном театре заорал: «Идите вы к чер-рр-ту с вашими придыханиями и точками!..»

Рассказывали, что у трамвайной остановки против публичной библиотеки кто-то спросил у одного актера: «А что у вас там делает этот Раппапорт?» — «Да просто раппапортит хорошие пьесы!» На ужине у В. А. Рышко-

ва в Академии наук Бахрушин спросил Юрьева: «Зачем Вы держите у себя этого никчемного человека?» Юрьев ответил: «Да вот рекомендовали, а теперь присосался и у нас, и в Мариинском, что поделаешь, а где другие?»

Можно только удивляться, до какой степени последовательность в истории повторима. К эпохе террора и у нас театры расплодились, как опенки к осени. Все эти Трамы, Рама, Тарарамы культивировали с бездарным составом сплошную агитку, которая так навязла в зубах, что уже никого не привлекала.

В день гражданской панихиды по В. И. Ленину, после того как все фабрики свистели в течение 5-ти минут, вся актерская братия была согнана в Мариинский театр на траурный митинг. И вот после похоронного марша из «Гибели богов» выступил заместитель наркома по просвещению Кристи. Этот умник начал с того, что заявил: «Товарищи, покойный Ленин не любил и не понимал искусства! Синтез его он видел в кино...» и т. д.

Впрочем, на чествовании А. Ф. Кони в день его 85-летней годовщины в Академии наук³⁹ этот самый Кристи после многочисленных приветствий светочу науки и литературы сказал ему: «Ну, товарищ Кони, вам здесь столько наговорили, что мне остается только пожелать вам спокойной кончины!..»

Публика развлекалась в филармонии на диспутах Луначарского с протоиереем Введенским. Приезжал в консерваторию и московский Театр Мейерхольда.

Я смотрел «Лес» Островского, видел винтовую лестницу с площадкой, курятник с живыми курами, крестный ход в саду у Гурмыжской и испражнявшегося без порток Ильинского — Аркашку, под звуки «Яблочка» на гармошке Петра Восьмибрата. После 2-го действия я ушел домой, вспоминая, какой страшный удар я мог бы нанести этой беззастенчивой сволочи, если бы опубликовал его архивное дело с припаданием к стопам его императорского величества и с жандармскими доносами на товарищевой Теляковскому. Обнаглевший «народный артист Республики» вряд ли выиграл бы от такого оборота.

Это напомнило мне и курьезный инцидент в Мариинском театре на бенефисе «технологического персонала», когда полупьяный плотник Володька вынес на авансцену собственноручный автопортрет нашего славного певца Федора Ивановича Шаляпина для продажи с американской лотереи. В одной из литерных верхних лож

раздался зычный голос: «А он там как? Во весь рост изображен или на коленях?» Говорили, что Шаляпин предлагал весь свой вечеровый гонорар, лишь бы разыскали этого мерзавца. Но его не разыскали: это был ныне покойный танцовщик Миша Петров «с челкой», который опрокидывал и не такие штуки. Дело в том, что в 1914 году Шаляпин в «Жизни за Царя» в 3-м акте встал на колени со всем хором перед царской ложей и трижды пропел гимн. Ну что ж, ведь всякому овощу свое время...

С 1918 года я вошел «ex officio» действительным членом совета вновь организованного музея при дирекции, которому [я] принес в дар вещи В. Ф. Комиссаржевской, оставшиеся в ее квартире, которую я переарендовал от некой Е. А. Шуваловой, у которой кстати купил с помощью В. А. Рышкова и роскошный рояль Блютнера, про который М. Т. Дулов говорил, что второго такого инструмента он не знает в Петрограде, и аккомпанировал вдребезги пьяному Паше Самойлову его мелодекламации, после чего Паша и засыпал на ковре под роялем. В эти годы у меня часто ужинали Ю. М. Юрьев, Н. Ф. Монахов и В. В. Максимов, основавшие тогда в консерватории Большой драматический театр, который тоже метал бисер перед свиньями, давая «Разбойников», «Дон Карлоса» и «Рваный плащ», однако с переходом в здание Суворинского Малого театра после гольдоньевского «Слуги двух господ» перешедший на более доходный «Заговор императрицы». Вот когда поистине найдена была «революционная пьеса». Тут тебе и портретность, и захватывающий интерес, и откалывающий под хор цыган трепак Н. Ф. Монахов — Распутин, и разгуливавший по Ставке в стрелковом мундире с малиновой рубахой и распушным кавалерийским темляком Николай II, и хромая Вырубова, и убийцы Дмитрий Павлович и Пуришкевич, и Штюрмер, приехавший в Ставку в белых штанах и смазных высоких сапогах... Эта песочка, которая шла даже в сараях по всей республике, имела более 100 000 представлений и дала П. Е. Щеголеву и А. Н. Толстому такие авторские, что за первое полугодие один подоходный налог на них выразился в сумме 27 000 рублей золотом, т. е. теми же бумажками, заменившими при девальвации астрономические миллиарды. Я сам был свидетелем этого расчета, ибо после отъезда нашего Р. Дриго оставался его доверенным и получал в Союзе его авторские за балетную музыку. С 1919 года

я стал и членом правления и театральной комиссии Русского театрального общества и уже настолько близким к театральным делам, что то, что я пишу здесь, пережито мною близко, вплотную к театру. Часто после заседаний правления я с покойным ныне Е. П. Карповым шли обедать на Невский в единственный тогда, кажется, ресторан «Интернационал», и сколько интересного из своей красочной жизни рассказал мне старик, бывший свидетелем и расцвета и падения Александринского театра. Вся жизнь этого человека прошла в театре. Вот это был действительно революционный драматург, просидевший за свои пьесы в ссылке, но теперь его «Рабочая слободка», «Зарево», «Шахта «Георгий» не понадобились. Работа, которую он составлял у меня в архиве, была чрезвычайно интересна и охватывала характеристики всех его современников.

И Е. П. Карпов, и П. П. Гнедич были допущены начальством моим и до секретных отделов архива, т. е. до персональных дел о службе и здравствующих актеров, и, Боже мой, что оттуда только не извлекалось через очки личных воспоминаний таких деятелей, как Карпов и Гнедич...

Огромные фолианты личных дел Мамонта Дальского, Григория Ге, Савиной, Далматова и Давыдова представляли неисчерпаемый литературный материал «недавнего прошлого» и приподнимали завесу над бытием нашей казенной сцены.

Просматривая объемистое дело М. Г. Савиной, Е. П. Карпов вспомнил, как шла одна из репетиций «Последней жертвы» Островского. Савина и Далматов были в сугубой ссоре и лет 10 не разговаривали друг с другом. А тут в конце диалога при примирении приходилось целоваться. В. П. Далматов остановился в смущении, а Савина спокойно, как всегда в нос, дала реплику: «Ну что ж, черт вас дерит, целуйте; ведь нам за это деньги платят». Сотни таких характерных рассказов и воспоминаний пропали у меня в памяти; к сожалению, я их не записывал в свое время, так же как и сотни четверостиший и остроумнейших эпиграмм покойного М. П. Садовского, ходивших некогда из уст в уста. Лишь разбираясь часами в богатейшем Бахрушинском музее, когда я наезжал в Москву, мне удавалось иногда находить курьезные записные книжки Н. А. Попова, Кондратьева и др[угих] прежних театральных деятелей, заполненные сатирическими меткими и острыми заметками и стихами.

В Москве я бывал сравнительно часто, останавливался по большей части у А. А. Бахрушина и от завтрака до позднего обеда не вылезал из музея, этого бездонного кладезя собранных, как трудолюбивой пчелой, бесценных реликвий русского театра. И подумать только, как возник этот единственный, пожалуй, во всем мире музей. А. А. Бахрушин еще юношей выбирал на Кузнецком мосту в эстампном магазине картинки с головками «красавиц» и встретил там Кондратьева. «Что вы здесь покупаете, юноша?» Бахрушин смутился и ответил: «Да вот портреты актеров и актрис собираю». — «А, это очень любопытно, и что же, много уже собрали?» — «Да, порядочно...». — «Ну я зайду к вам через недельку посмотреть вашу коллекцию». Бахрушину, уже из самолюбия, не желая оказаться луном, волей-неволей пришлось купить актерских портретов и разного театрального старья на Хитровом и Сухаревском рынках. Кондратьев действительно пришел, принес ему сборник старых афиш и литографию А. Н. Островского, и с этого началось 30-летнее собирательство театральной старины, на которое он [Бахрушин] ухлопал не одну сотню тысяч из своего громадного капитала. Такой музей мог создать только человек, который вместе с братьями владел в Москве 156-ю домами, 4-мя кожевенными фабриками и 6-ю паровыми мельницами. За Зацепой был Бахрушинский переулок, была Бахрушинская железная дорога (ветвь Павелецкой линии) и десятки богаделен и благотворительных учреждений его имени.

Только миллионы, которым он счета не знал, могли помочь создать такое чудо, как его собрание. Вскоре фотографии и олеографии были уже выброшены и заменились лишь маслом, пастелью и акварелью, появилась масса скульптуры, фарфора, и богатый особняк на Лужнецкой стал заполняться подлинными реликвиями со времен крепостного театра и братьев Волковых до последних дней, которые уже выразились в художественных макетах Мамонтовской оперы, театра мейнингенцев и художников из Газетного переулка⁴⁰.

Странно, что самая мысль о создании Московского Художественного театра впервые возникла на веранде бахрушинского сада за послеобеденным кофе. А. А. показывал мне стол и места, где сидели В. И. Немирович-Данченко, Станиславский, А. П. Чехов и Москвин, составившие и подписавшие первый проект устава нового

театра, ставшего впоследствии светочем русской драмы не только у себя на родине, но и в далекой Америке.

В 1915 году А. А. Бахрушин передал все свое громадное, не поддающееся оценке собрание Российской Академии наук. Был торжественный акт с банкетом, на который приехал президент Академии, великий к[нязь] Константин, что очень смутило Бахрушина в произнесении им речи. «Ну, смелее, — сказал великий князь, — здесь важны не слова, а ваш исторический поступок». Но, увы, через 3 года все стекла музея были прострелены, и если бы не милость А. В. Луначарского, давшего охрану из взвода безграмотных латышей, этих «советских швейцарцев», то музей попросту был бы разграблен. Но дело все равно погибло, как и все русское искусство... Последнее десятилетие своего существования музей «прозябал» в руках полуграмотных ставленников, а со смертью самого А. А. Бахрушина и окончательно превратился в экскурсионную базу для красноармейцев и комсомольцев, которым и до театра-то мало интереса, а музей представил лишь арену для кражи мелких вещей, чему я сам был свидетелем в 1926 году, когда в последний раз был в Москве, ночевал на диване в волшебном балетном уголке кабинета А. А., и, разбуженный в 8 час. утра ввиду прибытия экскурсии, я успел лишь наскоро одевшись дойти до уборной, как у меня со столика свистнули чашку, блюдо и серебряную ложку, деревянный портсигар с папиросами и 2 бутерброда с ветчиной!

Тут действительно вспомнишь неподражаемый номер «[Нового] Сатирикона» А. Т. Аверченко, посвященный Пролеткульту, с изображенной на обложке косматой обезьяной с гребешком в руке и с эпитафией: «Культура — это такая вещь, о которой надлежит судить лишь людям сведущим. *Вольтер*».

В этот последний приезд Москва произвела на меня удручающее впечатление. Денег своих с московского Малого театра за выполненную работу мне получить не удалось, потому что А. И. Южин умирал за границей, а московский Госиздат кишел мазуриками, не признававшими своих письменных обязательств. Процесс в Верховном суде по делу Р. Е. Дриго тянулся второй год. От старой хлебосольной Москвы ничего не осталось, и в «Праге» на Арбате паршивый обед стоил 15 рублей. Единственным отдохновением была опера К. С. Станиславского на Б. Дмитровке, где Ю. А. Бахрушин заведовал постановочной частью и достал мне 2 кресла на «Онеги-

на» и «Царскую невесту». Я поражался, до какой степени может дойти искусство перспективного письма: на крошечной сцене в 45 кв. метров была изображена вся Кремлевская стена со Спасской башней, жилищем Бомерля и девичьим палисадником. Видимо, Станиславский мог выбирать своих молодых артистов из 1000 — одного, ибо такого подбора труппы я еще в жизни не видал. Певицы были сплошь редкие красавицы с чудными, сочными, молодыми голосами, а певцы на подбор — будущие Собиновы и Шаляпины. Такого стройного исполнения корсаковской оперы мне не приходилось нигде еще слышать. Так же прекрасно поставлен и «Онегин». На этой крошечной сцене прекрасно проходил и бал у Лариной, и петербургский бал. Исполнение было четкое, прекрасное и в музыкальном, и в вокальном отношении и привело бы, вероятно, в восторг самого Чайковского. Театр этот, кажется единственный в Москве, не тронутый случайно новыми веяниями, потому, очевидно, и мог существовать и процветать. Сборы всегда были полные, да оно и понятно — где-нибудь должна же еще ютиться музыкальная публика, которой не нужно мейерхольдовских «Д. Е.», «Ревизоров» и «Горя уму». Даже Дом Щепкина сдал, изображая «Медвежью свадьбу»⁴¹ и прочую кинобелиберду.

В. В. Федоров рассказал мне, как покойный А. И. Южин остался верен себе до смерти — балагуром и забавником в последние минуты. Итальянский доктор посадил его на жестокую диету, от которой Южин через неделю взвыл и, разыскав во Флоренции русского врача, перешел к нему. Однако и русский врач, увидев туберкулез пищевода, согласился лишь на питательную клизму. «Это еще что за штука?» — спросил удивленный Южин. «А мы введем вам в желудок крепкий бульон...» — «Но будьте добры, хоть по крайней мере с пирожками...»

Южин точно дал сигнал началу актерского мора. В течение последующих 4-х лет сошли в могилу такие крупнейшие деятели русской сцены, как Р. Б. Аполлонский, Н. Андреев, А. Бахрушин, Б. И. Бентовин, С. В. Брагин, Н. С. Васильева, В. П. Валентинов, П. П. Гнедич, В. Н. Давыдов, М. Н. Ермолова, Г. Г. Исаенко, Е. П. Карпов, А. Р. Кугель, И. С. Ларский, И. Н. Потапенко, В. А. Рышков, Садовская, И. В. Тартаков, В. К. Травский, К. К. Витарский, П. И. Шаповаленко, В. С. Шаронов, А. А. Чижевская, Кондрат Яковлев и др. Как-то быстро стало⁴².

Русский театр как будто сразу опустел от таких утрат, и вспоминаются слова покойной В. В. Стрельской из «Не все коту масленица»: «Да, вот хороших-то людей Бог прибирает, а шантрапа разная, та остается...» И «шантрапа» завладела по праву наследства бедной русской сценой.

За 15 лет службы стали давать звания заслуженных артистов, и когда А. А. Усачеву уже в третий раз заявили, что к 35-летнему юбилею его «пожалуют», то он ответил: «Знайте только одно: если заделаете меня заслуженным, то я ваш знак нацеплю на задницу, да так и буду носить... Нас, «незаслуженных», теперь меньше, и это много почетнее». Его оставили, кажется, и по сие время в покое.

Примечания

¹ Шпоры производства мастерской-фирмы «П. Савельев» считались в Петербурге наилучшими.

² Шинель особого покроя, с пелериной, названная по имени Николая I, введшего ее в обиход.

³ Цветочный магазин в Петербурге.

⁴ Московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович был убит в Кремле эсером И. П. Каляевым 4 февраля 1905 г.

⁵ Рунд — помощник начальника караула при большом количестве постов; прорундовать — проверить караульные посты.

⁶ «Корсар» — здесь: балет А. Адана.

⁷ Имеется в виду Убежище Российского Театрального общества для престарелых сценических деятелей, в память императора Александра III (создано в 1895 г.).

⁸ Старая русская мера объема, равная 12,3 литра.

⁹ В ранних воспоминаниях Лешкова его попутчик в поезде именуется П. Оршанским. Вероятно, здесь речь идет об Исааке Григорьевиче Оршанском, профессоре кафедры нервных и душевных болезней Харьковского университета. Некий Листопадов, профессор математики Электротехнического института, ехал в одном купе с Лешковым из Петербурга на Кавказ.

¹⁰ Речь может идти только о 1-м издании книги: *Ихильчик Г. И.* Руководство к военной инструментовке. М., [1904]. Второе издание вышло в 1911 г. Поскольку Лешков прибыл на Кавказ, по собственным словам, в 1906 г., налицо явный анахронизм.

¹¹ Н. В. Галкин дирижировал летними симфоническими концертами в Павловске в 1892 — 1903 гг.; Лешков, вероятно, ошибается, упоминая его имя применительно к летнему сезону 1906 г.

¹² Великая княгиня Елизавета Маврикиевна (1865 — 1927), жена великого князя Константина Константиновича (1858 — 1915), поэт К. Р.

¹³ Комиссия по улучшению быта ученых.

¹⁴ Имеется в виду Балетное отделение Петербургского театрального училища.

¹⁵ Объединение «Мир искусства» к экспрессионизму (в смысле художественного течения) отношения не имело; «0,01» — вероятно, име-

ется в виду выставка «0,10», организованная в 1915 г. К. С. Малевичем, на которой были показаны его первые супрематические полотна; «Ослиный хвост» — выставка, организованная в 1912 г. М. Ф. Ларионовым.

¹⁶ Вероятно, описка Лешкова, и имеется в виду Е. П. Гердт.

¹⁷ Премьера балета «Кот в сапогах» на музыку А. Н. Михайлова состоялась 10 декабря 1906 г. Один из рецензентов писал: «... ни музыка, совершенно непонятная и не мелодичная, ни постановка, ни декорация, ни костюмы — ничто не предсказывает новорожденному долгой жизни» (цит. по: Красовская В. Русский балетный театр начала XX века. Л., 1971. Т. 1. С. 84). «Кот в сапогах» прошел еще только один раз. «Вариации на темы Петипа» представлял собой и новый оригинальный балет Легата «Аленький цветочек» на музыку Ф. А. Гартмана. Премьера состоялась 16 декабря 1907 г. «Аленький цветочек» так же быстро исчез из репертуара Мариинского театра, как и «Кот в сапогах».

¹⁸ Проппер Станислав Максимилианович (1855 — 1931) — редактор-издатель газеты «Биржевые ведомости».

¹⁹ А. Л. Волынский редактировал перевод биографии Савонаролы, вышедший в свет только в 1913 г. (Виллари П. Джираломо Савонарола и его время. Пер. Д. Н. Бережкова. Ред. А. Л. Волынского. [СПб.,] 1913). Скорее всего, здесь, имеется в виду монументальная биография Леонардо да Винчи, вышедшая в 1900 г., автором которой был Волынский.

²⁰ В 1922 г. Лешков выступал на страницах газеты «Обозрение театров и спорта» с полемическими статьями, касающимися вопросов графической записи балетных танцев и, в частности, «балетных записей» режиссера Н. Г. Сергеева.

²¹ Николаевские золотые десятки (по аналогии с французскими «луидорами»).

²² В. Ф. Комиссаржевская в Драматическом театре своего имени, открытом осенью 1904 г., сыграла роли Норы, Гильды, Гедды Габлер в пьесах Г. Ибсена «Строитель Сольнес» и «Гедда Габлер». Н. И. Ходотов сыграл роль Освальда в пьесе Ибсена «Привидения» в Михайловском театре.

²³ Имеется в виду книга «История русско-японской войны» (редакторы М. Е. Бархатов и В. В. Функе. Т. I — VI. СПб., 1907 — 1909).

²⁴ Ошибка Лешкова: в 1907 г. губернатором Архангельской губернии был Н. И. Качалов.

²⁵ Банковский счет (on coll), обеспеченный процентными бумагами, которые банк может продать, если выданная сумма не будет уплачена по первому требованию.

²⁶ Упомянутые подробности в записках Лешкова отсутствуют.

²⁷ Дузях.

²⁸ Ошибка Лешкова: в 1908 г. губернатором Лифляндской губернии был Н. А. Звегинцев.

²⁹ Ошибка Лешкова: Н. А. Римский-Корсаков умер 8 июня 1908 г.

³⁰ «Русские сезоны» оперы и балета за границей, организованные С. П. Дягилевым, открылись в Париже в 1907 г. В 1909 г. впервые наряду с оперными спектаклями были показаны балеты М. М. Фокина.

³¹ Ошибка Лешкова: гастроли в Лондоне состоялись в 1911 г.

³² Сазонов Сергей Дмитриевич (1860 (1861?) — 1927) — министр иностранных дел в 1910 — 1916 гг.

³³ Журналист и балетный критик К. А. Скальковский умер в 1906 г.

³⁴ Возобновление пьесы А. Н. Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын» в Театре драмы состоялось в 1921 г. (режиссер Е. П. Карпов).

³⁵ «Фенелла» — опера Д. Ф. Обера. Премьера состоялась 7 ноября 1918 г. в б. Мариинском театре. «Риенци» — опера Р. Вагнера; премьера состоялась 7 ноября 1923 г. (режиссер Н. В. Петров).

³⁶ Имеется в виду опера «В борьбе за коммуны» на музыку «Тоски» Дж. Пуччини (композиция и текст Н. Г. Виноградова и С. Д. Спасского, постановка Н. Г. Виноградова).

³⁷ Ошибка Лешкова: Луи Шпор сочинил оперу «Фауст» в 1816 г., а Шарль Гуно своего «Фауста» — в 1859-м.

³⁸ Премьера «Сарданпала» (по Дж. Байрону) состоялась 11 апреля 1924 г. в Театре драмы (режиссер Н. В. Петров).

³⁹ Торжественное собрание в Академии наук, посвященное 80-летию юбилею А. Ф. Кони (1844 — 1927), проходило 9 февраля 1924 г.

⁴⁰ Имеется в виду Студия М. А. Чехова.

⁴¹ Пьеса А. В. Луначарского, поставленная в Малом театре в 1924 г. В 1926 г. была экранизирована В. Р. Гардиным.

⁴² Многие из перечисленных Лешковым деятелей театра умерли ранее 1927 г., т. е. до смерти А. И. Южина.

Словарь имен театральных деятелей, балетных и оперных артистов, музыкантов, художников, драматургов, упоминаемых в записках Д. И. Лешкова

Андреев Николай Андреевич (1873 — 1932) — театральный художник, скульптор, график.

Анисфельд (Бер) Борис Израилевич (1879 — 1973) — живописец, театральный художник. Оформлял балетные спектакли М. М. Фокина.

Аполлонский Роман Борисович (1865 — 1928) — актер Александринского театра с 1881 г.

Ауэр Леопольд Семенович (1845 — 1930) — скрипач, дирижер, педагог. В 1872 — 1906 гг. — солист оркестра Мариинского театра.

Байер Йозеф (1852 — 1913) — австрийский композитор, скрипач и дирижер. Автор 22 балетов.

Бакеркина Надежда Алексеевна (1869 — 1941) — артистка балета. В Мариинском театре с 1886 г.

Бакст Лев Самойлович (1866 — 1924) — живописец, театральный художник. Его первая работа для балета — оформление «Феи кукол» Й. Байера.

Балашова Александра Михайловна (1887 — 1979) — артистка балета, педагог. С 1905 г. — в труппе Большого театра; с 1931 г. — преподавала в Париже.

Баронат Олимпия (1867 — 1939) — итальянская оперная певица (колоратурное сопрано).

Барятинский Владимир Владимирович (1874 — 1941) — драматург, журналист.

Баттистини Маттиа (1856 — 1928) — итальянский оперный певец (драматический баритон).

Бахрушин Алексей Александрович (1865 — 1929) — театральный деятель, основатель первого в России театрального музея.

Бахрушин Юрий Алексеевич (1896 — 1973) — искусствовед. В 1924 — 1939 гг. заведовал литературной частью в Государственном оперном театре им. К. С. Станиславского. Сын А. А. Бахрушина.

Бекефи Альфред Федорович (1843 — 1925) — артист балета. В 1883 — 1925 гг. выступал в Мариинском театре.

Бентовин Борис Ильич (1865? — 1930) — драматург, театральный критик, журналист.

Бенуа Александр Николаевич (1870 — 1960) — художник, искусствовед, театральный деятель.

Беретта Катерина (1839 — 1911) — итальянская артистка балета, педагог. Имела обширную международную преподавательскую практику.

Болотин Павел Петрович (1889 — 1947) — артист оперы, солист ГАТОБа.

Больш Адольф Рудольфович (1884 — 1951) — танцовщик, балетмейстер. В Мариинском театре в 1903 — 1911 гг.

Брагин Сергей Владимирович (1857 — 1923) — актер, антрепренер, театральный деятель.

Валентинов Валентин Петрович (1871 — 1929) — либреттист, композитор, режиссер, антрепренер.

Варламов Константин Александрович (1848 — 1915) — актер Александринского театра с 1875 г. Всеобщее признание получил как виртуоз водевилья. С 1880-х гг. был болен слоновой болезнью.

Васильева Надежда Сергеевна (1852 — 1920) — актриса Александринского театра с 1878 г. (в 1897 — 1901 гг. выступала со своей труппой).

Вержбилович Александр Валерианович (1849 — 1911) — виолончелист.

Вильтзак Анатолий Иосифович (1896 — ?) — артист балета, педагог. С 1915 г. — в Мариинском театре. В 1921 г. эмигрировал.

Витарский Константин Константинович (1864 — 1928) — театральный деятель.

Владимиров Петр Николаевич (1893 — 1970) — артист балета. В Мариинском театре с 1911 г.

Волков Федор Григорьевич (1729 — 1763) — актер, основал вместе с братьями Григорием и Гаврилой в 1750 г. в Ярославле публичный театр.

Вольнский (Флексер) Аким Львович (1865 — 1926) — искусствовед, балетный критик. Автор работ по философии, литературе, живописи.

Вольф-Израэль Михаил Александрович (1870 — 1934) — скрипач, дирижер; в 1892 — 1912 гг. — артист оркестра и второй капельмейстер Мариинского театра.

Галкин Николай Владимирович (1870 — 1934) — скрипач, дирижер, педагог.

Ге Григорий Григорьевич (1867 — 1942) — актер и драматург.

Гердт Елизавета Павловна (1891 — 1975) — артистка балета, дочь П. А. Гердта. В Мариинском театре с 1908 г.

Гнедич Петр Петрович (1855 — 1925) — писатель, драматург, переводчик, историк искусства.

Головин Александр Яковлевич (1863 — 1930) — художник, оформитель многих спектаклей. С 1901 г. — декоратор петербургских Императорских театров. В 1917 г. оформил драму Лермонтова «Маскарад» в постановке В. Э. Мейерхольда в Александринском театре.

Гофман Иосиф (1876 — 1957) — польский пианист и композитор.

Грюнерт Альфред Альфредович, артист оркестра Мариинского театра с 1898 г.

Гуно Шарль (1818 — 1893) — французский композитор, органист, дирижер.

Давыдов Владимир Николаевич (1849 — 1925) — актер Александринского театра с 1880 по 1924 г. (в 1886 — 1888 гг. выступал в театре Корша в Москве).

Далматов (Лучич) Василий Пантелеймонович (1852 — 1912) — актер Александринского театра в 1884 — 1894 и 1901 — 1912 гг.

Дальский Мамонт Викторович (1865 — 1918) — актер.

Дарский Михаил Егорович (1865 — 1930) — актер и режиссер. В 1902 — 1924 гг. — в Александринском театре.

Дешевов Владимир Михайлович (1899 — 1955) — композитор, автор преимущественно танцевальной музыки.

Домашева Мария Петровна (1875 — 1952) — актриса Александринского театра.

Дриго Риккардо (Ричард Евгеньевич; 1846 — 1930) — итальянский композитор, дирижер; с 1886 г. — главный дирижер оркестра балета Мариинского театра.

Дубровская Фелицата Леонтьевна (1896 — ?) — артистка балета. В Мариинском театре в 1913 — 1920 гг.; в 1920 — 1929 гг. — солистка труппы «Русский балет Дягилева».

Дулов Михаил Тимофеевич (1877 — 1948) — пианист-аккомпаниатор.

Дуров Анатолий Леонидович (1865 — 1916) — цирковой артист, дрессировщик.

Дягилев Сергей Павлович (1872 — 1929) — театральный деятель; чиновник особых поручений при дирекции Императорских театров в 1899 — 1901 гг.

Ермолова Мария Николаевна (1853 — 1928) — актриса Малого театра с 1871 г.

Ершов Иван Васильевич (1867 — 1943) — артист оперы (драматический тенор); с 1895 г. — в Мариинском театре.

Жакобс Эдуард (1833 — 1919) — бельгийский виолончелист.

Зембрих Марчелла (1858 — 1935) — польская оперная певица (колоратурное сопрано).

Иванов Лев Иванович (1834 — 1901) — танцовщик и балетмейстер; с 1852 г. — в Мариинском театре, с 1885 г. — второй балетмейстер.

Исаенко Григорий Григорьевич (ум. 1923) — инспектор Балетного отделения Петроградского театрального училища с 1917 г.

Кавецкая Виктория Викторовна (ок. 1870 — 1929) — артистка оперетты; с 1905 г. — в театрах Буфф и Палас-театре.

Канкарович Анатолий Исаакович (1885 — 1956) — композитор, дирижер, музыкальный критик, педагог.

Карпов Евтихий Павлович (1857 — 1926) — режиссер, драматург. В 1896 — 1900 гг. главный режиссер, в 1916 — 1926 гг. — режиссер Александринского театра.

Карсавина Тамара Платоновна (1885 — 1978) — артистка балета. В 1902 — 1918 гг. — в Мариинском театре.

Карузо Энрико (1873 — 1921) — итальянский оперный певец (драматический тенор).

Козлов Федор Михайлович (1882 — 1956) — артист балета, педагог. С 1910 г. гастролировал с собственными труппами в Великобритании, США и др. странах. В 1920-е гг. имел школы балета в США.

Колони Эдуард (1838 — 1910) — французский скрипач, дирижер.

Комиссаржевская Вера Федоровна (1864 — 1910) — актриса Александринского театра в 1896 — 1902 гг.; осенью 1904 г. открыла Драматический театр В. Ф. Комиссаржевской.

Кондратьев Алексей Михайлович (1846 — 1913) — актер, режиссер Малого театра.

Корнальба Елена, итальянская балерина. Гастролировала в Петербурге на сцене Мариинского театра в 1887 — 1889 гг.

Корчмарев Климентий Аркадьевич (1899 — 1958) — композитор.

Кристи Михаил Петрович (1875 — 1956) — заведующий Петроградским управлением научных учреждений Академического центра Наркомпроса, член художественного совета Театра драмы.

Крупенский Александр Дмитриевич — управляющий Конторой Императорских театров.

Кутель Александр Рафаилович (1864 — 1928) — литературный и театральный критик, драматург, режиссер.

Кузнецова-Бенуа Мария Николаевна (1880 — 1966) — артистка оперы (сопрано); солистка Мариинского театра с 1905 г.

Купер Эмиль Альбертович (1877 — 1960) — дирижер Оперного театра С. И. Зимина в Москве в 1907 — 1909 гг.

Кшесинская Матильда Феликсовна (1872 — 1971) — артистка балета, педагог; в Мариинском театре с 1890 г. Прощальный бенефис Кшесинской прошел 13 февраля 1904 г.; в 1904 — 1917 гг. балерина выступала на положении гастролерши.

Кшесинский Иосиф Феликсович (1868 — 1962) — артист балета, педагог. Брат М. Ф. Кшесинской. В Мариинском театре в 1886 — 1905 и в 1914 — 1928 гг.

Кякшт Георгий Георгиевич (1873 — 1936) — артист балета, педагог. В 1881 — 1910 гг. — в Мариинском театре (в 1903 — 1904 гг. выступал в Большом театре).

Кякшт Лидия Георгиевна (1885 — 1959) — артистка балета, сестра Г. Г. Кякшта. В 1902 — 1908 гг. — в Мариинском театре.

Ланге Леопольд Эдуардович — скрипач оркестра Мариинского театра.

Легат Николай Густавович (1869 — 1937) — артист балета, педагог, балетмейстер. С 1888 до 1914 г. — в Мариинском театре, с 1902 г. — помощник балетмейстера, с 1910 г. — главный балетмейстер театра.

Легат Сергей Густавович (1875 — 1905) — артист балета, брат Н. Г. Легата; с 1884 г. — в Мариинском театре.

Леонтьев Леонид Сергеевич (1885 — 1942) — артист балета, педагог, балетмейстер; в Мариинском театре с 1903 г.

Липковская Лидия Яковлевна (1882 — 1958) — артистка оперы (колоратурное сопрано); в 1906 — 1908 и в 1911 — 1913 гг. солистка Мариинского театра.

Логановский Николай Николаевич (1856 — 1917) — виолончелист, солист оркестра Мариинского театра с 1885 г.

Лопухов Федор Васильевич (1886 — 1973) — танцовщик, балетмейстер, педагог. В 1905 — 1909 и в 1911 — 1922 гг. — артист балета Мариинского театра, в 1922 — 1930 гг. — художественный руководитель труппы. Восстановил балет И. В. Стравинского «Жар-птица» в 1921 г.

Лопухова Лидия Васильевна (1891 — 1981) — артистка балета, сестра Ф. В. Лопухова. В Мариинском театре с 1909 г. В 1910 г. выступала в «Русских сезонах» Дягилева, в 1911 — 1915 гг. с группой русских артистов гастролировала в США, Италии, странах Южной Америки.

Лосский Владимир Аполлонович (1874 — 1946) — оперный певец и режиссер. Поставил оперу Н. А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане» в 1913 г. в Большом театре, в 1915 г. — в Мариинском театре.

Луначарская-Розенель Наталия Александровна (1902 — 1962) — актриса Малого театра, жена народного комиссара по просвещению А. В. Луначарского.

Максимов Владимир Васильевич (1880 — 1937) — актер; в 1919 — 1924 г. — в труппе Большого драматического театра.

Медалинский Александр Юлианович — артист балета; с 1897 г. — в Мариинском театре.

Медведев Петр Михайлович (1837 — 1906) — актер, режиссер, антрепренер.

Мичурина-Самойлова Вера Аркадьевна (1866 — 1948) — актриса Александринского театра с 1886 г.

Монахов Николай Федорович (1875 — 1936) — актер драмы и оперетты; с 1919 г. — в труппе Большого драматического театра.

Мордкин Михаил Михайлович (1880 — 1944) — артист балета, педагог, балетмейстер. В 1900 — 1910 и 1912 — 1918 гг. — в Большом театре.

Москвин Иван Михайлович (1874 — 1946) — актер Московского Художественного театра с 1898 г.

Мясин Леонид Федорович (1895 — 1979) — танцовщик, балетмейстер; дебютировал как хореограф в труппе Дягилева в 1915 г. Поставил свыше 70 одноактных балетов.

Направник Эдуард Францевич (1839 — 1916) — композитор и дирижер; с 1863 г. — помощник капельмейстера, с 1869 г. — первый капельмейстер Мариинского театра.

Нижинская Бронислава Фоминична (1890 — 1972) — танцовщица, балетмейстер, педагог. Сестра В. Ф. Нижинского.

Нижинский Вацлав Фомич (1889 — 1950) — танцовщик, балетмейстер. В Мариинском театре в 1907 — 1911 гг.

Новинский Александр Федорович (ум. 1919) — актер Александринского театра с 1887 г.

Павлова Анна Павловна (1881 — 1931) — артистка балета, с 1899 г. — в Мариинском театре. С 1910 г. перешла на положение гастролерши.

Падеревский Игнацы (1860 — 1941) — польский пианист и композитор.

Патти Аделина (1843 — 1919) — итальянская оперная певица (колоратурное сопрано).

Пащенко Андрей Филиппович (1883 — 1972) — композитор, автор одной из первых советских опер «Орлиный бунт» (1925).

Петипа Вера Мариусовна (1885 — 1961) — артистка балета, дочь М. И. Петипа; в 1903 — 1907 гг. — в Мариинском театре.

Петипа Мариус Иванович (1818 — 1910) — танцовщик и балетмейстер. В 1869 — 1903 гг. — главный балетмейстер петербургской балетной труппы.

Петипа Мария Мариусовна (1857 — 1930) — артистка балета, дочь М. И. Петипа. В Мариинском театре в 1875 — 1907 гг.

Петров Михаил Артемьевич — артист балета Мариинского театра.
Петров Николай Васильевич (1890 — 1964) — режиссер, театровед,
С 1910 г. — в Александринском театре.

Попов Николай Александрович (1871 — 1949) — режиссер, драматург.

Потапенко Игнатий Николаевич (1856 — 1929) — беллетрист и драматург.

Преображенская Ольга Иосифовна (1871 — 1962) — артистка балета, педагог. В Мариинском театре с 1889 г. В 1917 — 1921 гг. руководила классом пластики при оперной труппе Мариинского театра, преподавала классический танец в Петроградском хореографическом училище, в Школе русского балета А. Л. Вольнского. В 1921 г. открыла в Париже балетную студию.

Пресняков Евгений Иванович — артист балета; с 1901 г. — в Мариинском театре.

Пуни Леонтия Константиновна — артистка балета Мариинского театра.

Раппапорт Виктор Романович (1889 — 1943) — режиссер, драматург. В первой половине 1920-х г. осуществил ряд постановок на сцене ГАТОБа.

Романов Борис Георгиевич (1891 — 1957) — артист балета, педагог, балетмейстер; с 1909 г. — в Мариинском театре.

Рышков Виктор Александрович (1863 — 1926) — драматург и беллетрист.

Рышков Владимир Александрович (1865 — 1938) — чиновник особых поручений Академии наук, член совета и правления Литературно-театрального музея им. Бахрушина в Москве.

Рябцев Владимир Александрович (1880 — 1945) — артист балета, педагог, балетмейстер. С 1898 г. — в Большом театре. В 1908 г. — балетмейстер театра Н. Ф. Балиева «Летучая мышь», в 1910 — 1917 гг. — театра Незлобина.

Савина Мария Гавриловна (1854 — 1915) — актриса Александринского театра с 1874 г.

Садовская Ольга Осиповна (1849 — 1919) — актриса Малого театра.

Садовский Михаил Провович (1847 — 1910) — актер Малого театра с 1869 г.

Самойлов Павел Васильевич (1866 — 1931) — актер; в 1900 — 1904 и 1920 — 1924 гг. — в труппе Александринского театра.

Северский Николай Георгиевич — артист оперетты театра Буфф.

Скальковский Константин Аполлонович (1843 — 1906) — театральный и балетный критик.

Смирнов Дмитрий Алексеевич (1882 — 1944) — оперный певец (тенор).

Смирнова Елена Александровна (1888 — 1934) — артистка балета, педагог. В 1906 — 1920 гг. — в Мариинском театре. С 1920 г. жила за границей.

Собинов Леонид Витальевич (1872 — 1934) — артист оперы (лирический тенор); с 1897 г. — в труппе Большого театра.

Спесивцева Ольга Александровна (1895 — 1991) — артистка балета. В 1913 — 1924 гг. — в Мариинском театре.

Ставенгаген Бернгард (1862 — 1914) — пианист.

Стрельская Варвара Васильевна (1838 — 1915) — актриса Александринского театра с 1857 г.

Тальони Мария (1804 — 1884) — итальянская артистка, балетмейстер и педагог.

Тартаков Иоаким Викторович (1860 — 1923) — певец (баритон) и режиссер.

Теляковский Владимир Аркадьевич (1861 — 1924) — директор Императорских театров в 1901 — 1917 гг.

Травский Владимир Кузьмич (1854 — 1928) — драматург, переводчик, главный режиссер Императорской итальянской оперы.

Трефилова Вера Александровна (1875 — 1943) — артистка балета, педагог. С 1894 г. — в Мариинском театре.

Усачев Александр Артемьевич (1863 — 1937) — актер Александринского театра с 1891 г. В 1934 г. ему было присвоено звание заслуженного артиста РСФСР.

Фокин Михаил Михайлович (1880 — 1942) — артист балета, педагог, балетмейстер. С 1898 г. — в Мариинском театре, в 1905 г. дебютировал как балетмейстер.

Ходотов Николай Николаевич (1878 — 1932) — актер Александринского театра с 1898 г.

Холмская Зинаида Васильевна (1866 — 1936) — актриса, антрепренер, издатель.

Худеков Сергей Николаевич (1837 — 1927) — журналист, критик и историк балета, драматург, беллетрист.

Цимбалист Ефрем Александрович (1889 — 1985) — скрипач, композитор, педагог.

Черепнин Николай Николаевич (1873 — 1945) — композитор и дирижер.

Чижевская Александра Антоновна (ум. 1926) — актриса Александринского театра с 1897 г.

Шаляпин Федор Иванович (1873 — 1938) — артист оперы (бас); с 1899 г. — в труппе Большого театра; одновременно выступал и в Мариинском театре.

Шаронов Василий Семенович (1867 — 1929) — артист оперы (баритон).

Шерер Федор Карлович (1891 — ?) — артист балета, в Мариинском театре в 1909 — 1914 гг.

Ширяев Александр Викторович (1867 — 1941) — артист балета, педагог, балетмейстер. В 1885 — 1905 гг. — в Мариинском театре.

Шоллар Людмила Францевна (1888 — 1978) — артистка балета, педагог. В Мариинском театре в 1906 — 1921 гг.

Шпор Луи (1784 — 1859) — немецкий композитор, скрипач, дирижер.

Эдуардова Евгения Платоновна (1882 — 1960) — артистка балета, педагог. В 1901 — 1917 гг. в Мариинском театре; в 1920 — 1935 гг. преподавала в собственной школе в Берлине.

Южин (Сумбатов-Южин) Александр Иванович (1857 — 1927) — актер, драматург, театральный деятель. С 1882 г. в Малом театре; с 1909-го находился во главе управления театра; с 1923 г. — его директор.

Юргенсон Борис Петрович (1868 — 1935) — сын нотоиздателя П. И. Юргенсона, один из наследников его музыкального издательства и нотопечатни.

Юренева Вера Леонидовна (1876 — 1962) — актриса Театра драмы в 1922 — 1924 гг.

Юрьев Юрий Михайлович (1872 — 1948) — актер Александринского театра с 1893 г.

Яблочкина Александра Александровна (1866 — 1964) — актриса Малого театра с 1888 г.

Яворская Лидия Борисовна (1871 — 1927) — актриса, основательница Нового театра в Петербурге.

Яковлев Кондрат Николаевич (1864 — 1928) — актер Александринского театра с 1906 г.

ОСОБНЯК НА ПОВАРСКОЙ

(Из истории Московского Дворца Искусств)

Сообщение А. Л. Евстигнеевой

Дом № 52 по Поварской улице вошел в историю литературы как «дом Ростовых» из романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Прошло без малого два века, на протяжении которых особняк не раз менял владельцев, но примечательно, что многие из них — и люди, и организации — были связаны с литературой и искусством. С 1919 до февраля 1921 года здесь находился Московский Дворец Искусств — творческая и культурно-просветительная организация, о которой известно немного (гораздо меньше, чем о ДOME Искусств в Петрограде, описанном в романе О. Форш «Сумасшедший корабль» и в повести А. Грина «Крысолов»). Но деятельность Дворца Искусств, имена людей, собиравшихся под его крышей, наконец, само, хоть и недолгое, существование — примечательная и малоисследованная страница культуры и быта первых послеоктябрьских лет.

Усадьба была построена в 1802 году для князя А. Н. Долгорукова. (См.: *Сытин П. В.* Из истории московских улиц. М., 1952. С. 288.) Уличным фасадом дом выходил на Большую Никитскую, а воротами — на Поварскую. В XIX веке он занимал обширный участок земли в районе Москвы, где издавна строились особняки дворянской знати. Два крыла главного здания с портиком и колоннадой обрамляли двор, их продолжали флигеля и хозяйственные службы вплоть до ограды. Была и домовая церковь, а под ней находился фамильный склеп. Время пощадило этот дом. И теперь, идя из центра города по тихой московской улице, заглянув в глубину двора сквозь чугунную решетку ворот, можно увидеть хорошо сохранившуюся дворянскую усадьбу — один из немногих образцов ампирических особняков, уцелевших после пожара 1812 года.

Последними владельцами дома перед революцией были Соллогубы. Граф Ф. Л. Соллогуб (1848 — 1890) известен как художник и литератор (не следует путать с его двоюродным братом, современником А. С. Пушкина и

автором повести «Тарантас» В. А. Соллогубом). Служа в московских императорских и частных театрах в качестве «руководителя обстановочной части», он, по свидетельству очевидцев, слыл мастером колорита и с большой исторической точностью выполнял эскизы костюмов и аксессуаров. Федор Львович пробовал силы иллюстрируя книги, но издавал свои работы редко. (См., например, журнал «Артист» за 1890 — 1891 гг., где воспроизведены иллюстрации Ф. Л. Соллогуба к «Сказке о золотом петушке» А. С. Пушкина.) Ф. Л. Соллогуб преподавал в драматических училищах, на страницах журналов время от времени появлялись его стихотворения. Жена Федора Львовича графиня Наталья Михайловна Соллогуб (1851 — 1915), урожденная баронесса Боден-Кольчева, также была не чужда литературы и известна в свое время как писательница-переводчица. После смерти родителей дом унаследовала дочь Соллогубов Елена Федоровна, состоявшая фрейлиной при императорском дворе.

В 1917 году особняк национализировали. С переводом столицы в Москву и переездом туда государственных учреждений в нем разместился Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР во главе с И. В. Сталиным. (О своей службе в Наркомнаце в 1918 — 1919 годах писала М. И. Цветаева. См.: *Цветаева М. И. Мои службы // Собрание сочинений: В 7 т. Т. 4. М., 1994. С. 451 — 475.*) Но уже в 1919 году, после того как Наркомнац РСФСР занял Иерусалимское подворье на Пречистенском бульваре (см.: *Беляев Д. А. Документы о службе М. И. Цветаевой в советских учреждениях в 1918 — 1919 годах // Советские архивы. 1989. № 1. С. 88*), дом передали Дворцу Искусств, созданному усилиями Наркомпроса.

По плану Наркомпроса Дворец Искусств должен был стать центром пропаганды искусства, организаторы ставили цель: «Развитие и процветание научного и художественного творчества, объединение деятелей искусства на почве взаимных интересов для улучшения условий труда и быта» (ф. 589, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1). В связи с этим в работе Дворца Искусств существовали две основные формы: дневная — лекции, которые посещала творческая молодежь для продолжения своего образования, и вечерняя — митинги, вечера, концерты, выставки, диспуты для всех желающих с привлечением широкой аудитории слушателей, в том числе рабочих и служащих,

проявляющих интерес к литературе и искусству. Со временем значение обучения как направления работы так возросло, что Дворец Искусств послужил основой для организации учебного заведения — Высшего литературно-художественного института им. В. Я. Брюсова (ВЛХИ).

В проекте устава организации говорилось об учреждении «федерального союза дворцов и домов искусств», сокращенно «федерации дворцов искусств», во главе которой стоял Московский Дворец Искусств с филиалами в провинции. Для решения общих важнейших вопросов «искусства и науки, профессионально-технических и организационных», Московский Дворец Искусств должен был созывать съезды членов федерации по программе, утвержденной Наркомпросом (там же). Столичному Дворцу Искусств принадлежало право контроля за деятельностью всей федерации. В документах есть сведения о филиалах федерации в Нижнем Новгороде, Костроме и ряде других городов. В состав федерации входил Дом Искусств в Петрограде.

Московским Дворцом Искусств руководил комитет, опиравшийся на инициативную группу. Кроме заведующего Дворцом Искусств И. С. Рукавишникова, в нее входили известные поэты, писатели, художники, критики: Андрей Белый, Вяч. И. Иванов, М. В. Криницкий, П. В. Орешин, Б. Л. Пастернак, Б. А. Пильняк, А. С. Серафимович, В. Ф. Ходасевич, Г. И. Чулков, В. Г. Шершеневич, К. Ф. Юон и другие — всего более 30 человек.

Организация имела в своем составе 4 отдела: литературный, изобразительных искусств или художественный, историко-археологический, музыкально-театральный. Во главе каждого из них стоял мастер, которого избирали члены на общем собрании. Такое звание могло быть присвоено признанному писателю, художнику, ученому. Например, мастером художественного отдела был избран скульптор С. Т. Коненков, а литературного — поэт-символист Вячеслав Иванов, которого через некоторое время сменил на этом посту видный литератор, философ и переводчик Г. А. Рачинский (1859 — 1939) — профессор с классическими «профессорскими» манерами и внешностью, который после закрытия Дворца Искусств стал преподавать во ВЛХИ (кстати, так поступили многие преподаватели и некоторые слушатели курсов Дворца Искусств). Бывший студент ВЛХИ, специалист в области немецкого литературоведения Н. Н. Вильям-Вильмонт, вспоминал о Г. А. Рачинском: «Я старался пе-

редразнить его барский шепелявый голос, его дворянски-простонародные «туды-сюды», «аглицкой породы», его старомодное острословие. Но больше всего меня, юнца, как я теперь понимаю, смешила и восхищала его старость, его, так мне казалось, загробные «бывалоча у Фета», «моя тетка, жена известного поэта Баратынского...» (*Вильмонт Н. О Борисе Пастернаке // Воспоминания и мысли. М., 1989. С. 56*).

Наиболее активно, судя по сохранившимся документам, работал литературный отдел. Члены Дворца Искусств читали там курсы лекций. Например, такие: Андрей Белый «Теория художественного слова», М. О. Гершензон «Русская литература пушкинского периода», И. С. Рукавишников «Литературные беседы». Проводились семинарские занятия и обсуждения рефератов: Андрей Белый «Пути культуры», И. С. Рукавишников «Я, мы и вы» и другие.

По понедельникам и пятницам в литературном отделе выступали поэты. Интерьеры Дворца Искусств — великолепный белый зал и уютные гостиные, очень подходящие для проведения поэтических вечеров, оставались в памяти участников. «На лестничной площадке стоял рыцарь в латах. Дверь налево вела в гостиную и зал, обставленные старинной мебелью, картинами, коврами. Вся обстановка носила на себе печать большого вкуса. Из красной гостиной, стены которой были обтянуты тканым китайским шелком, две белые двери с золотыми инкрустациями вели в большой чудесный белый зал. Мебель в нем была белая с позолотой, на окнах светлые, тканые золотом портьеры. Здесь проходили вечера Дворца Искусств. Из красной гостиной шли анфиладой — зеленая, розовая, желтая... Стены их были обтянуты зеленым, розовым, желтым шелком, и такого же цвета были портьеры. Прелестны были еще две комнаты — одна китайская, с черной лакированной мебелью и перламутровыми инкрустациями, со старинным китайским оружием, масками, китайскими буддами, с нефритовыми вещами, вышивками и фарфором. В венецианской комнате стены были затканы старинной парчой, вышитой золотом. На широких диванах большие подушки, покрытые этой же парчой. В этой комнате было много картин итальянских художников и чудесные вещи из венецианского стекла. Из этой комнаты узкий и длинный балкон выходил во двор. Под балконом росли деревья с маленькими китайскими яблочками», — вспоми-

нала кинорежиссер Эсфирь Шуб (*Шуб Э.* Крупным планом. М., 1959. С. 53). Среди выступавших поэтов были представители самых разных групп и литературных объединений: П. Г. Антокольский, К. Д. Бальмонт, Андрей Белый, А. А. Блок, В. Я. Брюсов. С. А. Есенин, А. Б. Мариенгоф, В. В. Маяковский, Б. Л. Пастернак, Ф. К. Сологуб, В. Г. Шершеневич и другие.

Если члены Дома Искусств в Петрограде обращались за помощью к М. Горькому, то Московскому Дворцу Искусств оказывал покровительство нарком просвещения А. В. Луначарский. Он часто посещал дом на Поварской, выступал там с лекциями и чтением своих произведений, был в дружеских отношениях с И. С. Рукавишниковым.

Иван Сергеевич Рукавишников (1877 — 1930) — глава Московского Дворца Искусств, по определению Вадима Шершеневича, посвятившего ему главку в своих мемуарах «Великолепный очевидец», был «самым сумбурным человеком в мире». Вместе с тем, как заботливый хозяин, он стремился, чтобы в особняке было уютно, и каким-то чудом ему удавалось отапливать гостинные и зал, так что посетители могли сдавать верхнюю одежду на вешалку. А это в 1919 — 1921 годах было редкостью.

Поэт и прозаик И. С. Рукавишников происходил из богатого купеческого рода. «Сын волжского миллионера и сам миллионер, он на редкость не был во власти золота, — писала Э. Шуб. — Высокий, худой, с узкой, клином, русой бородкой, с русыми прямыми волосами и светлыми глазами, мечтательный, с доброй улыбкой — в нем одновременно было что-то иконописное и схожее с Дон Кихотом. Большую часть своего состояния он умудрился прожить до революции. На что? Он был очень скромнен в одежде, очень ограничен в пище. Знаю, что он много пил и много путешествовал, но больше всего любил деревню, волжскую природу, русскую песню, старинную русскую одежду — все, что создано руками человека, — архитектуру, скульптуру, картины, старинную мебель, вышивку, домотканые ткани. Пленяли его в вещах цвет и сочетания цветов. Он утверждал, что машинные изделия утрачивают свою прелесть потому, что в них потеряна сила цвета, что вещи, сделанные машиной, а не умелой человеческой рукой, теряют свою индивидуальность, самобытность и красоту. Может, он и был так влюблен в дом Дворца Искусств, потому что там на каждой вещи лежала печать исключительного таланта русского народа, таланта китайских и итальянских мас-

теров. Больше всего ненавидел он все, что носило на себе печать декадентского стиля. Когда он смотрел вещи этого стиля, у него как бы исчезали глаза, он прикрывал их рукой, делался слепым, а затем со странной улыбкой, полной жалости, отворачивался». (Там же. С. 54.)

Из автобиографии И. С. Рукавишникова, хранящейся в его фонде в РГАЛИ, мы узнаем, что он «начал образование в Нижегородском дворянском институте. Окончил Петербургский археологический институт со званием члена-сотрудника его. Первое стихотворение было напечатано в «Нижегородском листке» осенью 1896 года. Первая книга «Стихотворения и проза» — в 1901 году» (ф. 1147, оп. 2, ед. хр. 1, л. 7). Наибольшей известностью пользовался его роман «Проклятый род» (во многом автобиографический), изданный в 1912 году, заслуживший высокую оценку А. В. Луначарского. Поэзии И. С. Рукавишникова были характерны темы мистики, оккультизма и романтизма. Отмечая способности И. С. Рукавишникова, как автора ищущего и думающего, Н. С. Гумилев в рецензии, вошедшей в «Письма о русской поэзии», довольно резко высказывался по поводу его поэтического творчества.

Как характерный пример поэтического экспериментаторства И. С. Рукавишникова приведем стихотворение, написанное в форме звезды, из сборника, который вышел как издание Дворца Искусств после революции и стал библиографической редкостью.

И
кто
придя
в твои
запретныя
где не был до того никто
найдет безмолвныя твои
и тайны света низведя
в тьмы безответныя
родит тебе мечты
тот светлый ты
твоя звезда живая
твой гений двойника
его смиренно призывая
смутясь молись издалика
а ты а ты вечерняя звезда
тебе туда
глядеть
где я
где
я

(Рукавишников И. С. Стихотворения. М., 1919. С. 7).

Романтизм и мистика были свойственны не только творчеству И. С. Рукавишникова, но и наложили отпечаток на его внешность, вошли в быт. Эти черты Ивана Сергеевича производили впечатление, запомнились окружающим. Вот, например, каким знала его журналистка Е. Ф. Рафальская, окончившая ВЛХИ, где он преподавал после закрытия Дворца Искусств: «В мезонине соллогубовского особняка почему-то жил поэт Рукавишников, человек странный, мистически настроенный. Иногда он спускался к нам и читал свои стихи или просто разговаривал. Он рассказывал историю нашего дома и уверял, что в нем водятся привидения, что в стенах есть какие-то тайные ходы. Я помню, как мы ходили и выстукивали стены. Последний владелец дома был масоном. Еще при нас сохранились две комнаты, выкрашенные в черный цвет, на потолке были белые звезды. То ли у института не было денег на переделку здания, то ли эти комнаты были достопримечательностью дома и их сознательно сохраняли. Когда-то, еще до моего поступления в институт, а может быть, и до его открытия, Рукавишников сосчитал число окон с улицы и изнутри дома. Вышло, со стороны улицы на два окна больше. Вызвали милицию. Оказалось, что одна из комнат (крайняя справа, если смотреть с улицы Герцена) замурована. Ее вскрыли. Оттуда метнулись тучи моли. Оказывается, владельцы, уезжая за границу, спрятали там всякие ценности — то, что не смогли увезти с собой — хрусталь, серебро, посуду, ковры, меха. Они надеялись еще вернуться и сохранить эти вещи. В противоположном крыле здания (левом со стороны улицы Герцена) была домовая церковь. Я еще помню надгробные надписи на стенах — говорили, что под церковью был склеп, где хоронили умерших членов семьи Соллогубов. Рукавишников уверял, что именно их прах охраняют привидения. Во всяком случае, слушать Рукавишникова было интересно, а он, должно быть, уставал вечно сидеть одиноко в своем мезонине и ему хотелось найти слушателей для своих мистических выдумок» (ф. 1329, новое поступление).

И. С. Рукавишников жил во Дворце Искусств вместе с женой Ниной Сергеевной, которая заведовала цирковой секцией Театрального отдела Наркомпроса. Судя по описанию Э. Шуб, Рукавишниковы были довольно странной, но очень красивой парой: «Высокая, статная, черноволосая голова на короткой шее, длинные серые глаза, опущенные густыми ресницами. На широком лице

большой рот и странная улыбка. О ней говорили, что детство и юность она провела в передвижном цирке. Поэт Рукавишников увез ее, шестнадцатилетнюю, в свое имение на Волге. Она была молчалива. Знала наизусть почти все стихи Рукавишникова и стихи и пьесы А. В. Луначарского. Считала их гениальными. У нее была странная манера слушать, наклонив чуть-чуть набок голову и тихо раскачивая в такт словам собеседника свое тело. Власть ее над животными была огромной, почти гипнотической» (Шуб Э. Указ. соч. С. 43).

Поэт Михаил Кузмин, приехавший вместе с Н. С. Гумилевым из Петрограда в Москву, чтобы выступить на поэтическом вечере в Политехническом музее, записал в своем дневнике, о попытке найти приют во Дворце Искусств: «1 ноября [1920 г.]. В Москве очаровательная погода, много народа, есть еда, не видно красноармейцев, арестованных людей с мешками и торгуют. Никто нас не встретил. Поплелись в ЛИТО*. Встретили Дмитриева, ставит с Мейерхольдом «Зори». В ЛИТО Шихман тоже ушел, оставя записку, что во Дворце Искусств приготовлены нам комнаты. Брюсов высокий, побелел, поседел, в полушубке, стройный и марциальный**, по-прежнему волнуяще рыкошет, опуская глаза. Молодой поэт Буданцев стрижен в скобку, вроде служки при нем. Пошли в столовую Онуфриевой. Встретили Оцуца. Во Двор[ец] Искусств ужасная даль. Дом, по преданию, Ростовых из «Войны и мира». Прелестный особняк. Заходим. Комнат никаких, постелей тоже. Пьяный Рукавишников трясет бородой и хотел одного положить с Держановским, другого в черную комнату с черным потолком, без электричества, с дымной печкой. Но когда ее открыли, там обнаружился Пильняк с дамой. В подвале, в чаду кухни грязная сырая столовая, бродят Л. Гуревич, Софья Ис. Шереметева, Ивнев. — Ужасно». (Гумилев и Кузмин на «вечере современной поэзии» в Москве 2 ноября 1920 г. (По дневнику М. А. Кузмина). Публикация С. В. Шумихина // Н. Гумилев и русский Парнас. СПб., 1922. С. 110.)

Революция круто изменила быт дворянского особняка, но, как видим, не нарушила литературной традиции. Графиня Е. Ф. Соллогуб была «уплотнена»: ей оставили

* Литературный отдел Наркомпроса.

** Воинственный, солдатский (от *лат. martial*).

две комнаты, а в остальных постепенно стали появляться новые жильцы. По воспоминаниям очевидцев, здесь можно было встретить писателей, поэтов, переводчиков, художников, скульпторов, архитекторов, а также людей самых разных профессий и социальных групп. Некоторые из них постоянно проживали во Дворце Искусств, многие приходили сюда на вечера или к знакомым, а кто-то, чтобы просто посидеть в тепле и пообедать в столовой. Время и обстоятельства, соединившие под одной крышей очень разных людей, определили странный и удивительный жизненный уклад особняка.

В качестве небольшой бытовой зарисовки тех лет приведем фрагмент воспоминаний М. И. Миллиоти из фонда С. Н. Дурылина. (Переписка этого литературоведа, историка театра и критика с Б. Л. Пастернаком опубликована в 7-м выпуске «Встреч с прошлым».) Воспоминания представляют собой разрозненную биографическую мозаику, описания встреч актрисы во Дворце Искусств с представителями русской, советской литературы и театра.

Марина Ивановна Миллиоти (1900 — 1971), актриса, воспитанница филармонии, драматическое отделение которой в 1910 — 1922 годах было школой Малого театра. Самостоятельно работать начала в 1918-м в Театре бывшем Корша, затем выступала в других театрах. Публикуемый отрывок из ее воспоминаний посвящен впечатлениям от посещения ею Дворца Искусств в 1920 году. Портреты и характеристики написаны живо, порой не лишены юмора. Текст для удобства чтения разбит на абзацы.

«На старой Поварской, теперь улице Воровского, дом 52, прекрасный старинный особняк. Он палевого цвета, как и полагается быть старинным особнякам. Дом с колоннами, с балконом стоит в глубине двора, широко раскинув полукругом крылья флигелей, сомкнутых высокими ажурными чугунными воротами, выходящими на улицу. Во дворе огромным кольцом — цветник. Так это и есть Дворец Искусств?»

Разыскал, узнал и уже поселился в нем, в одном из флигелей, все тот же неутомный, необычайно общительный со всеми художник Василий Дмитриевич Миллиоти — брат моего мужа...

Подходим к воротам. Что такое? Щегольской, одноконный выезд останавливается у ворот. Длинный бич держит в руках человек поджарого циркового типа. Это

Дарлей — наездник. Из экипажа лениво выходит дама в старинных локонах, в необыкновенной шляпе, огромной с лентами, завязанными под подбородком. Шляпа под старинную. Платье из розового ситца в оборках — тоже под старину. Из-под шляпы смотрят огромные же восточные, сильно подмазанные, воловьи глаза. Глаза без света, они полны животной чувственности. Крупные губы, ярко намазанные. Дама молода, вульгарна, презрительна и малосимпатична. Кто же она? Щегольской выезд, оборки, шляпа, локоны — вся эта подделка под старину — неужели это Москва 1920 года? И все это на фоне яркого весеннего дня, когда дымка нежной зелени так радует глаз? И все это в пыли еще плохо ухоженной и умытой Москвы двадцатого года? Хочется протереть глаза. Галлюцинация? Нет — явь, самая настоящая явь! Кто же эта дама? Жена заведующего Дворцом Искусств, писателя, автора «Проклятого рода» — Ивана Сергеевича Рукавишников. Очевидно, много интересного гнездится в этом доме — Дворце Искусств!

А вот и закут В[асилия] Д[митриевича] — нужно войти под арку во дворе. Арка на самом деле старинная, без подделки. Низенький вход, крохотный коридор и налево дверь в комнату В[асилия] Д[митриевича]. Он уже успел устроиться преугодно, у него нарядно и как-то по-своему. Комната крошечная. От потолка почти до пола картины, картины и еще раз картины и свои и других художников, последнее все, несомненно, подаренное друзьями-художниками. У окна — бюро, старинное бюро без подделки. На нем череп встречает гостя оскалом мертвых зубов. Черепа всюду, даже пепельница — череп! Это уже кощунство. Целый мешок черепов человеческих притащил В[асилию] Д[митриевичу] какой-то приятель. Откуда же тот извлек их? Из-под разрытого дома, под которым оказалось старинное кладбище, тут же близко где-то от Поварской. Приятель В[асилия] Д[митриевича], изгнанный с черепами из своего дома, направился с ними к В[асилию] Д[митриевичу] и не ошибся. Черепа нашли приют. Глядя на черепа, мечтаешь о крематории как о великом благе: по крайней мере, будет уверенность, что твой череп через двести-триста лет будет избавлен от необходимости искать себе новое обиталище. В закуте мольберт, куча красок, маленькая кушетка, заменяющая кровать, масса книг и веселый хозяин. Семья еще не приехала.

Не успела я присесть, как раздался стук в дверь. На пороге открывшейся двери оказалось что-то высокое, тонкое, бледноглазое, изысканно-породистое — все блеклых тонов, как долго лежалый лист, в красной кофте с моноклем в глазу. Хочется опять протереть глаза. Галлюцинация? Нет, это сосед Василия Дмитриевича, жилец следующей комнаты флигеля, художник, истый парижанин, влюбленный в Париж, парижские шантаны, бывший товарищ по играм великих князей, так как его отец был их воспитателем — Сергей Сергеевич Шереметев, упраздненный граф Шереметев. Всем обликом напоминает старую даму. Все время кудахчет, но кудахчет мило и забавно. Приглашает посмотреть свои картины. Идем.

У него две комнаты, заполненные до отказа вещами из дворцов Шереметевых. Вещи прекрасные, ценные, особенно табакерки. На стенах какие-то предки. Они чувствуют себя здесь под защитой искусства. Среди предков картины Сергея Сергеевича. Пастель — виды Парижа. Все такое же бледноглазое, блеклое, давно ушедшее, как автор картин. Приходится хвалить. Все втроем возвращаемся в комнату В[асилия] Д[митриевича]. Начинаются бесконечные рассказы С[ергея] С[ергеевича] о Париже. Его светская болтовня, скользящая по верхам вещей и событий, иногда остроумна, во всяком случае, беседа не утомляет, а забавляет и развлекает и дает материал для творческой работы. Он определенный тип из пьесы, а актеру необходимо наблюдать всегда, везде и всюду.

Стук в дверь: входят В. О. Массалитинова и поэтесса Марина Цветаева — обе, конечно, приятельницы В[асилия] Д[митриевича]. Сидеть уже негде, но мы потеснились — место нашлось. У поэтессы хорошие стихи, очень дамские и огрубевшие руки с толстыми пальцами, на одном из них, по ее выражению, «символическое кольцо». Оно медное и толстое. Обе дамы явно неравнодушны к В[асилию] Д[митриевичу], хотя Массалитинова ведет какие-то разговоры о прекрасных мальчиках. Кто же эти «прекрасные мальчишки», я так и не поняла.

Снова стук. Протереть глаза? Галлюцинация? Не стоит тереть глаз. Это тоже череп, но еще непогребенный и, кстати, знакомый. «Череп» прехорошенький, необычайно густо намазанный, но сквозь краску оскал настоящего черепа — что-то мертвое, изжитое — все пути-дороги исхожены, все изведано, остался эфир, кокаин,

привычка остроумно болтать. Это танцовщица, кинематографическая актриса Л. И. Джалалова или, по замечанию моего мужа, увидевшего ее, «комариная моща с профессиональной дрожью». Она приятельница В[асилия] Д[митриевича]. «Комариная моща» пришла к В[асилию] Д[митриевичу] с горем: ее очередной муж выменял ее квартиру на муку, перевез ее к себе, а когда она попробовала лечь на один из старинных диванов, то этот милый «джентльмен» заявил: «Ну, матушка, этот диван дороже тебя, встань, пожалуйста, и не порти его». «Комариная моща» оскорбилась, повернулась и ушла. Она бескорыстна — это искупает многое. И, право, она необыкновенно остроумна, со свойственным ей говорком. Все гости горячо обсуждают горе танцовщицы. Но где же ей жить? Черепа со всех сторон приветливо улыбаются, особенно один, стоящий на верху старинного бюро. И танцовщица просто говорит В[асилию] Д[митриевичу]: «Придется мне поселиться у вас». Хозяин не возражает.

Стук в дверь. На пороге высокая заикающаяся фигура. Это художник, тоже сосед В[асилия] Д[митриевича] Н. Н. Вышеславцев. В его лице что-то скопческое. Он долго и мучительно пытается спросить, не было ли ему писем. Его приглашают войти. Не только сидеть, уже стоять негде, но мы потеснились — место нашлось. Всей компанией идем смотреть его рисунки. Рисунки портретные прекрасные. Н[иколай] Н[иколаевич] просит меня позировать «когда-нибудь». Я отказываюсь, как всегда, от всяких позирований. Но позже как-то ему все-таки удалось убедить меня позировать два сеанса, рисунка я не получила.

Беседа в полном разгаре. Кто о чем?! А все вместе, конечно, об искусстве. Заговорили о Бодлере. В[асилий] Д[митриевич] читает «Цветы зла». Его французский язык безукоризнен. Бодлер изыскан, вычурен. Мне понравилось там, где болотные испарения зла тянутся к небу. Я бы хотела, чтобы стихи Бодлера послушала и посмотрела бы всю эту компанию моя нянька. Я уже вижу, как она повернулась, плюнула и сказала: «Вот шаромыги, прости Господи, нет на вас пропасти, пра дело, нет пропасти». Но няни здесь нет. И все «шаромыги», наговорившись всласть, до упоения, когда разговор ради разговора, и тысячи мыслей, и ни одной настоящей, всей компанией отправились обедать. Это тут же, только в другом флигеле.

Нужно спуститься в подвал. Пахнет средневековым: низкие сводчатые темные потолки, деревянные широкие столы, скамьи, огромная плита, но закройте глаза и вы увидите очаг, там на вертеле жарится туша быка, а за маленьким, над землей, окном лондонский туман. Напрасно будете закрывать глаза: у входа в лиловой рясе сидит самый настоящий русский священник — батюшка, о[тец] Александр, синеглазый и кроткий, и продает талончики не на тушу быка, а на скромную пшеничную кашу, постный борщ и венец роскоши — воблу. Ко всему полагается восьмушка хлеба. Из восьмушки во все стороны торчат соломинки. О[тец] Александр тоже живет во Дворце Искусств, он священник домово́й церкви Е. Ф. Соллогуб, б[ывшей] владелицы этого дома. Владелица живет в этом же доме, ей оставлены две большие комнаты, и ею взято все, что она нашла нужным взять. За плитой стоит ее б[ывшая] повариха, дворник прежний, горничные, экономки, кучера, даже сапожник «придворный» — все живут в этом же доме. Об этом следует сказать, чтобы не осталось в веках, что большевики всех глотали живьем. Вероятно, в этой столовой питаются люди, имеющие отношение к искусству? Ничуть не бывало. Смесь наций, племен и профессий! Кого, кого тут только нет!

«Дайте мне каша́, анкор каша́», — говорит маленькое, птицеобразное с клювом вместо носа существо в лиловой необыкновенной шляпе. Кто это? Какая-то француженка. Как она попала сюда? Кто она? Никто не знает. Это никому не интересно.

Рядом с француженкой что-то большое, широкоспинное, дородное, необыкновенно московское, в балахоне, в кружевах, в пропыленной шляпе с птицей, с зубами, как клавиши рояля, которые улыбаются вам, незнакомому, всем оскалом: «Да зовите меня просто тетя Лиля, я всем тетя Лиля...» А глаза зоркие, оценивающие вас: что, как, каким образом, в чем можно использовать вас? И руки, ловко шныряющие в своей самодельной громоздкой суме, в которой кастрюли, кастрюльки и кастрюлечки. «Клавиши рояля» ловко щелкают, раздаривая улыбки направо, налево: «...уж вы, голубчик, пожалуйста...» И кастрюлищи, кастрюльки, кастрюли — все заполнено борщом, воблой, там же и каша. Все это понесется домой, семье, знакомым, чтобы не истратить своего, лишнего и глубже запрятать фамильные ценности. Чтобы с томным вздохом среди своих сказать: «Ах, ма шер, се-

годня я видела такое...» Что это? Мимикрия? Не особенно талантливо. Она шита белыми нитками. Иждивенческая психология. Началось с нее, скатилось глубже, в аморальность полную. То же «же м'ан фиш» — то же наплевать, что и по ту сторону. К счастью, не у всех. Кроткий батюшка всем дает талоны. Вот и с «тетей Лилей» что-то усохшее, косоглазое, в такой же немыслимой шляпе — это б[ывшая] граф[иня] Коновницына. Она настырна, навязчива, и даже кроткий о[тец] Александр отвечает ей с раздражением. Но и здесь есть просто свет и высший свет — Шереметев к ним пренебрежителен.

А это что такое? Кто она? Увешанная драгоценностями среди бела дня, подобно Иверской? Купчиха Красильщикова! Как, она тоже хочет каши и воблы работников искусства? Она также предпочитает не тратить уже не фамильных, а благоприобретенных папашей драгоценностей. Она довольно привлекательна, лет сорока с лишним, синеглаза. Упоена беседой с Шереметевым, которого держит за рукав. Он косит в сторону рукава, заземленного предприимчивой купчихой, и по всему видно, что не находит выхода. Его вежливость — сквозь сжатые зубы. Купчиха цепка, ловка по-купчески, и настанет день, когда она увезет довольно тощего Шереметева в Латвию и дальше, получив и титул, и богатство. Надо думать, что там она его отпоит сливками.

Пока же Шереметеву удастся вырвать рукав из цепких рук Красильщиковой, и он подсаживается к нам. Мы все над ним весело хохочем. Он ловко вторит нашему смеху: «Странная дама, ну уж и досталась мне...»

Все заполнено до отказа. В пролете двери еще несколько фигур. Вот первая пара. Она — тонкое, профилеобразное, дохлое существо на спичках вместо ног. Он — высокий, скуластый, с глазами рыси. Это Валерий Брюсов и Адалис. Они, кажется, нежные друзья. Неожиданно Массалитинова говорит: «Адалис, Адалис, кому вы отдались...» [В воспоминаниях поэтессы О. А. Мочаловой это стихотворение дано в таком виде: «Адалис, Адалис, кому вы отдались? Бр-р-р... Брюсову...» (ф. 273, оп. 3, ед. хр. 24, л. 6) — Публ.]. Дружный смех, и первая хохочет Массалитинова, хохочет, колыхаясь полным телом. Ее лицо — коротконосое, широкое, некрасивое, с умными глазами — талантливо и привлекательно значительно. Видно, она уже оценила все это человеческое мезиво и взяла из него все, что нужно ей для творческой

работы. За Брюсовым и Адалис стоят братья Рукавишниковы — Иван, заведующий Дворцом Искусств, и его брат Митрофан — скульптор. С ними итальянец, приятель Митрофана, застрявший случайно у нас, он скоро уезжает на родину. Все трое подсаживаются к нашему столу, хотя, казалось бы, сидеть уже негде, но ведь скамья не стул, можно и потесниться!

Иван и Митрофан Рукавишниковы славные люди. Иван Сергеевич высокий, стройный, худой, золотой, почти рыжий, шляпой, бородкой, лицом похожий на Дон Кихота. По существу, он такой и есть — ко всем доброжелателен, со всеми любезен, не замечающий многого, что ему, как главе Дворца Искусств, следовало замечать, веселый, остроумный и до крайности демократичен. Вот влетает шустрая бабенка и не своим голосом, не стесняясь, на всю столовую кричит: «Иван Сергеевич, долго буду ждать-то тебя? Чего же ты? Вода стынет, иди, штоль, мыться-то. Жду, жду... без тебя делов много, иди скорейча...» Это Катя — домашняя работница. Иван Сергеевич спешит: «А то возьмет да и выльет воду, она у нас такая». Митрофан Сергеевич элегантен, верхняя куртка в бесконечных пуговках, лицо напоминает прелата, нос крючком почти свисает над верхней губой. Откуда такое лицо у коренного волжанина? Он по-настоящему культурен и внутренне благовоспитан — это сразу чувствуется. Его приятель-итальянец красив и еще не понят.

Стучат разномастные ножи, оловянные вилки, насыщаются все — и имеющие право на столовую, и не имеющие права, и все постепенно растекаются в разные стороны.

Наш стол застрял — беседа продолжается. И, право, беседа настоящая и о настоящем искусстве. Эта беседа дает многое.

Мы уже собрались все выходить, но задержались: вошли еще три фигуры: первый из них рыжий, всклокоченный, весь в каких-то непромытых прыщах, из ботинок свисают белые грубые носки. Он весь с вывертом. «Несомненно нахал», — так думаю я. Кто же он? Писатель Пильняк, только что приехавший откуда-то с Волги. Его учит писать Алексей Ремизов. Вот он маленький, согнутый, весь сказочный, весь в стиле своего письма. А рядом с ним большая, дородная, такая спокойная его жена Серафима Павловна. Она следит за каждым его движением, следит, как за малым ребенком, в ее глазах большая любовь и женская жалость к такому маленько-

му, сказочному, талантливому мужу. Эта пара умиляет. Алексей Ремизов считает Пильняка талантливым, но малоразвитым, без внутренней культуры и старается его напичкать. Выйдет ли из этого толк — пока я не знаю, но интуитивно чувствую, что не долго будет помнить этот Пильняк все, что с такой заботой вкладывает в него Ремизов. Мне кажется, что скоро, скоро он оперится и вряд ли будет вспоминать с благодарностью своего учителя. А впрочем, я не знаю, как это будет. Сегодня вечером во Дворце Искусств концерт, а у меня вечером спектакль. Я бегу домой, чтобы собраться заранее в театр. От всего впечатление пока довольно сумбурное, но тень няни шепчет: «Кривлянья во всем хоть отбавляй — одним словом, шаромыги». Она прибавила еще кой-что, о чем мне хочется умолчать. Во всяком случае я рада, что очутилась на свежем воздухе и весенний день еще не угас.

30 апреля 1951 г. *Марина Миллиоти*» (ф. 2980, новое поступление).

В приведенном отрывке воспоминаний имена лиц, имеющих отношение к литературе и искусству, в основном достаточно известны. Поэтому, поясняя текст, больше внимания мы постарались уделить их связи с Дворцом Искусств, деятельности непосредственно в этой организации или в период ее существования.

М. И. Цветаева, жившая неподалеку от Поварской улицы в Борисоглебском переулке с осени 1914 по май 1922 года, часто бывала во Дворце Искусств. Сохранилось ее заявление с просьбой принять в члены Дворца Искусств по литературному отделению. «Общему собранию Дворца Искусств. Заявление. Прошу зачислить меня в члены Дворца Искусств по литерат[урному] отделу. Марина Цветаева. Москва. Поварская. Борисоглебский пер., д. 6, кв. 3. Марина Ивановна Цветаева-Эфрон» (ф. 589, оп. 2, ед. хр. 1, с. 20). Она была зачислена кандидатом в члены организации 26 ноября 1920 года, что, в частности в тяжелое для поэта, голодное время, обеспечило ей существенную поддержку — получение продовольственного пайка. Марина Ивановна бывала на вечерах Дворца Искусств, там жили ее знакомые художники В. Д. Миллиоти и Н. Н. Вышеславцев.

Николаю Николаевичу Вышеславцеву (1890 — 1952), художнику-графику, работавшему библиотекарем Дворца Искусств, Цветаева посвятила 27 стихотворений. «Обладавший изумительной памятью и энциклопедическими знаниями, свободно владевший французским, Николай

Николаевич был интереснейшим собеседником <...> Высокий человек с безукоризненными сдержанными манерами и мягким взглядом каре-зеленоватых глаз под красиво изогнутыми бровями. Мягкость, пожалуй, была главной приметой его удлинённого за счет высокого лба (брился наголо после контузии) лица с приятными чертами [...] «Обаяние нелюбви» (Саакянц А. Марина Цветаева. Страницы жизни и творчества (1910 — 1922). М., 1986. С. 227). Н. Н. Вышеславцев оформил обложку сборника стихов М. И. Цветаевой «Версты. Вып. I», вышедшей в 1922 году. Его жизнь была богата событиями. Закончив в Москве художественную студию И. И. Машкова, с 1908 по 1914 год он жил в Италии и во Франции, совершенствуя свое мастерство. Потом фронт, ранение, контузия. В 1918 году он начал работать в отделе изобразительных искусств Наркомпроса в качестве художника-оформителя. На выставке работ Вышеславцева во Дворце Искусств в 1920 году были представлены все жанры живописи, в которых работал художник: портреты современников и исторических деятелей прошлого, пейзажи, плакаты, панно.

О связи В. Я. Брюсова с Дворцом Искусств свидетельствуют мемуары. Поэт бывал там, выступал на вечерах. После ликвидации Дворца Искусств В. Я. Брюсов организовал на его основе Высший литературно-художественный институт и стал его первым ректором. С организацией ВЛХИ осуществился замысел поэта о создании высшего учебного заведения для подготовки профессиональных писателей, призванного помочь талантливой молодежи овладеть техникой художественного творчества. 20 ноября 1921 года в «Известиях ВЦИК» сообщалось об открытии нового вуза. После смерти В. Я. Брюсова в 1924 году институту присвоено имя его основателя.

В начале 20-х годов по приезде в Москву во Дворце Искусств поселилась Аделина Ефимовна Адалис (Эфрон) (1900 — 1969) — писательница, поэтесса, переводчик, способная ученица В. Я. Брюсова и, как утверждают мемуаристы, его последняя любовь. После ликвидации Дворца Искусств она преподавала во ВЛХИ. Поэтесса О. А. Мочалова в своих неизданных воспоминаниях назвала Адалис «образцом выучки литературной культуры» (ф. 273, оп. 3, ед. хр. 24, л. 11). Творчество Адалис недостаточно известно широкому читателю, оценки критиков противоречивы. На наш взгляд, интересно высказывание поэтессы-современницы о поэзии А. Е. Адалис: «Что бы-

ло в ней несомненно — искусство стилизации. Существовало мнение: Адалис — пластмасса, которая может обращаться всем: железом, деревом, стеклом, даже золотом [...]. А я жалею о ненаписанной книге Адалис, которая могла быть единственной в русской женской поэзии. Сюда вошли бы ее длинные, острые иглы, ее яды, клубки запутанных нитей, зубастые цветы, русалочки мысли, внезапные исчезновения, тяжелые железные ворота на семи замках, множество полудухов, полужверьков, кувыркание ветров, говорящие реки и порой — великодушные, благородные поступки» (там же, л. 10, 12 — 13).

В воспоминаниях М. Миллиоти о Дворце Искусств упоминается младший брат И. С. Рукавишникова Митрофан Сергеевич Рукавишников (1887 — 1946), скульптор и архитектор. Известно, что в Нижнем Новгороде на набережной Волги в доме, полученном в наследство, братья устроили Музей искусства и передали его народу (ф. 2442, оп. 1, ед. хр. 19, л. 30). Митрофан Сергеевич работал в ПУРе Реввоенсовета, в отделе вывесок военкомата в Москве, выполнял оформительские работы для музея в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Как скульптор, М. С. Рукавишников создал галерею портретов политических деятелей и деятелей культуры, полководцев. Среди них: Ж.-П. Марат, Л.-О. Бланки, Ж.-Ж. Дантон, М. Робеспьер, Иван Грозный, Петр I, М. И. Кутузов, П. С. Нахимов, М. С. Щепкин, Ф. Лист, В. П. Боткин. М. С. Рукавишникову принадлежит известная скульптура «Диссертация», созданная для музея Чернышевского в Саратове, а также несколько интересных и значительных, но неосуществленных или несохранившихся скульптурных работ, таких, как 16 конных статуй для установки на Большом Каменном мосту; проект памятника и оформления набережной в Сталинграде (не осуществлены): 12 медальонов с портретами-барельефами деятелей авиации от Леонардо да Винчи до П. Д. Осипенко, находившихся до 1945 года на здании гостиницы «Советская» в Москве, и ряд других (там же, л. 27 — 29).

Еще два из названных в отрывке воспоминаний имен: А. Ремизов (1877 — 1957) и Б. Пильняк (1894 — 1937). Их писательские и человеческие индивидуальности сами по себе достаточно яркие, а поставленные рядом продолжают перечень контрастов и неожиданностей, которыми был полон Дворец Искусств. Двух этих людей связывали отношения учителя и ученика. Б. Пильняк написал по-

весть «Третья столица» с посвящением А. М. Ремизову: «Мастеру, у которого я был подмастерьем». Архивные документы рассказывают об их пребывании во Дворце Искусств осенью 1920 года.

А. М. Ремизов в сентябре 1920 года приехал ненадолго из Петрограда в Москву, о чем свидетельствуют, в частности, даты на его расписке и записке администрации Дворца Искусств с просьбой приобрести для него железнодорожный билет, сохранившихся среди документов фонда этой организации (ф. 589, оп. 2, ед. хр. 3, л. 1, 2). Это было незадолго до отъезда писателя за границу в 1921 году. Тексты, написанные характерным ремизовским почерком: скорописью с замысловатыми росчерками и титлами, снабжены нарисованными автором печатями придуманной им Обезьяньей великой и вольной палаты — Обезвелволпала. Игра в сказку была свойственна натуре А. М. Ремизова: в качестве князей, вельмож, послов, кавалеров обезьяньего царства им были приняты в Обезвелволпал известные литераторы-современники, люди способные увлечься, понять и поддержать игру. Одним из них был И. С. Рукавишников. В письме А. М. Ремизова, адресованном заведующему Дворцом Искусств, писатель делится с И. С. Рукавишниковым своими впечатлениями о Москве 1920 года:

«Голове Дворца Искусств Ивану Сергеевичу Рукавишникову.
Москва. 17.09.1920

Кавалеру обезьяньего знака I ст[епени] с бобровыми хвостами от канцеляриста Обезьяньей великой и вольной палаты Алексея Ремизова. Поклон.

[Печать
Обезвелволпала.]

Пришел на Москву — два лета не бывал.

Пришел на старые могилы —

Запустело, забурьянило.

Егорьевы сестры мои!

Ни троп, ни тропочек —

чащоба,

Пустыня, прекрасная моя мати!

Агаг» (ф. 1147, оп. 3, ед. хр. 3, л. 1).

Что же касается Б. Пильняка, то он действительно, как и отмечено у М. И. Миллиоти, только что приехал «откуда-то с Волги». Сохранилось письмо Б. Пильняка, адресованное одному из членов инициативной группы Дворца Искусств В. П. Ютанову, — яркий штрих времени, человеческой судьбы и писательской биографии:

«Дорогой Владимир Павлович, не беспокойтесь. Я жив, здоров и мучен. Не писал, не был потому, что вообще этот месяц не существовало Пильняка, а был рабочий Шевырев, который ездил за мукой куда-то к черту на кулички, за Волгу, за Мелекес, к Бугульме, ездил, чтобы привезти пятнадцать пудов злаков, т. е. спасти Пильняка на год и дать ему возможность «творить». Спасибо рабочему Шевыреву: Пильняк сыт, многотемеи, многорассказен. И все же Шевыреву досталось — от вшей, от нар, от заградительных отрядов, от белых. Ведь Шевырев несколько дней был отрезанным от Москвы и 18 дней питался одной картошкой и плесневелым хлебом без соли. Плавал же по российским весям ровно 26 дней. Ах, дорогой мой! Если бы Вы знали, как много необыкновенного в России! Пусть я был и истопником на паровозе, и в чрезвычайке, и эшелонным старостой, пусть ели меня вши, — прекрасно!.. Ваш Бор. Пильняк. Коломна. — 16.09.1919» (ф. 1692, оп. 1, ед. хр. 20, л. 1).

Жизнь Московского Дворца Искусств, как и петроградского ДИСКА, служила источником писательского вдохновения. В начале 1921 года Б. Пильняк написал повесть «Иван-да-Марья», действие которой происходило во Дворце Искусств. Это произведение относится к жанру так называемого «романа с ключом», в персонажах которого зашифрованы реальные прототипы, а в главном герое — Тропарове — угадывается И. С. Рукавишников. Интересен и «портрет» дома № 52: «Дворец Искусств. Поварская. — Летом ходила по Дворцу Искусств «знаменитейшая» актриса голой, и ходит по Дворцу Искусств привидение, оставшееся от графов Соллогубов — черная женщина. В доме, видевшем горячку и смерти французов и слыхавшем Растопчинские глупости к народу, писатели, поэты, актеры, художники, музыканты — во флигелях, в подвале, в залах и гостиных (с рыцарями и без них), на чердаках, — чехардой, — ели, спали, писали, сплетничали, влюблялись, скучали, пили водку, играли в шахматы, устраивали вечера, концерты, словоблудия, выставки, как подобает. Как подобает, ходила актриса голой, и как не подобает, ходит привидение, еще от графов Соллогубов. — Но жило еще во Дворце столетье теней графов Соллогубов, — и тени эти черной чередой столпились в церкви. — Ибо во Дворце Искусств есть церковь — сердце. — В Дворце Искусств рядом с белой концертной залой есть у графов Соллогубов — черная церковь в черной череде печали, поняв-

шая Бога монахом, содомитом и урнингом Великих инквизиций [...] И в доме, где поэты, писатели, актеры, художники, музыканты — спят, едят и живут, как всегда в сладком запахе тленья, где ходят привидения и голая актриса, там у концертной залы и посейчас — поистине святой священник — служит Богу в домово́й церкви, в черной череде умерших Сологубов. — И это и есть Дворец Искусств, как сердце подлинной поэзии всякого искусства! — Ну, конечно, если бы не было Тропарова, — не было бы ни Дворца, ни церкви. И по ночам, медведем, с лицом холодным, как холодная котлета, молился в церкви — или думал, стоя на коленях, — Тропаров — о сестре своей родной, единственной, единоутробной — о Марии» (Пильняк Б. Иван-да-Марья. Смертельное манит. Рассказы. М., 1922. С. 129 — 131).

Несколько неожиданным может показаться описание действующей церкви в таком учреждении Наркомпроса, каким был Дворец Искусств. Но так было на самом деле — и «кроткий отец Александр», о котором пишет Миллиоти, он же «поистине святой священник», упомянутый Пильняком, в советской Москве времени военного коммунизма служил в помещении Дворца Искусств заутрени и обедни. Андрей Белый писал Иванову-Разумнику об этом: «Во Дворце Искусств (в домово́й церкви) служит отец Богданов (московская знаменитость, духовидец, про которого говорят, что он что-то уж слишком быстро и нервно бега́ет вокруг престола над чашей — точно скачет: соблазн! Говорят, что он бесов изгоняет и своих адептов заставляет каждый день причастие принимать); он служит; церковь, полная народу, поет: Рачинский — тут же, конечно, подтягивает...» (ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 11, л. 1 и об.). Но вернемся к истории Дворца Искусств. Сведения о деятельности организации можно почерпнуть из ее устава, протоколов заседаний комитета, заявлений о принятии в члены, списков членов и некоторых других документов в 22 единицах хранения, находящихся в РГАЛИ (ф. 589).

При Дворце Искусств работали научно-художественные курсы по советской и зарубежной литературе. О широте тематики лекций, серьезном подходе к занятиям и уровне преподавания позволяет составить представление их неполный перечень: «Северная литература» (Ю. И. Айхенвальд), «Французская и бельгийская литература» (В. Н. Карякин), «Художественная сторона Библии» (М. Н. Каган), «Литература и общественность»

(П. С. Коган), «Немецкая литература XVIII века» (Г. А. Рачинский), «Данте» (О. Р. Цехновицер); по философии: «Культура мысли» (Андрей Белый), «Основы средневекового мирозерцания» (А. К. Топорков); по теории и истории искусства, археологии: «Драматургия» (В. М. Волькенштейн), «Общая теория искусства в приложении к искусству слова» (М. П. Столяров), «Культура Египта» (И. Р. Эйсер), «Семинарий по искусству живописи» (К. Ф. Юон) и др. (ф. 589, оп. 1, ед. хр. 4, л. 1). Слушатели курсов должны были определить для себя один основной и один дополнительный предмет (курс лекций), по которым им предстояло сдавать экзамены и зачеты.

Среди преподавателей и членов Дворца Искусств были видные деятели литературы и искусства, замечательные ученые, литературоведы, историки литературы и искусства, профессора Московского и Петроградского университетов. Обратим внимание читателей лишь на некоторые имена. Первый президент ГАХН П. С. Коган (1872 — 1932), профессор МГУ и других вузов, С. А. Венгеров (1855 — 1920) работал редактором литературного отдела Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, был организатором и первым директором Российской книжной палаты. Философ, литературовед и переводчик В. Л. Львов-Рогачевский (1873 — 1930), активный политический деятель, член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», автор литературно-критических работ о В. В. Вересаеве, М. Горьком, А. П. Чехове, западноевропейских поэтах и многих других.

По вечерам в Белом зале Дворца Искусств или в специально арендуемых более вместительных залах театров и клубов проводились доклады-митинги, вечера-митинги, диспуты, обсуждения произведений и т. п. «массовые мероприятия». На афишах стояли имена А. В. Луначарского, А. И. Южина, Вл. И. Немировича-Данченко, К. Д. Бальмонта, Вяч. Иванова, И. С. Рукавишниковой, П. С. Когана, Ю. К. Балтрушайтиса, Андрея Белого, Р. Ивнева, Г. Чулкова и других.

Некоторые замыслы членов Дворца Искусств были настолько грандиозны, что их заведомая неосуществимость была, кажется, изначально ясна самим авторам проектов. Но даже проекты позволяют почувствовать время, стремления людей, духовный подъем и художественные формы, в которых он находил воплощение. Такова идея создания Пантеона деятелей революции, над проектом которого работали В. Эйсер и В. П. Ютанов.

Записка «О Пантеоне» была представлена на обсуждение общего собрания членов Дворца Искусств 26 августа 1920 года. В ней, в частности, говорилось: «Пантеон должен выявить [...] бесподобное величие его [мира], а главным образом, величие той страны, которая первой подняла красное знамя мировой революции. И тем [более] блестяща и великолепна должна быть постройка для Пантеона. Она должна затмить вековые постройки тиранов вроде пирамиды Хеопса. И если там сотни тысяч людей под ударами бичей могли создать такую громаду для одного человека, то как грандиозна должна быть работа свободных граждан, сознательно отдавших себя работе для **ВЕКОВЫХ ОЧЕЙ ГРЯДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ**» (ф. 589, оп. 1, ед. хр. 10, л. 2).

В документах Дворца Искусств имеются сведения о планах его издательской деятельности. 18 августа 1920 года на собрании рассматривался вопрос об издании журнала Дворца Искусств, а через неделю решено было наметить программу будущего журнала (там же, ед. хр. 6, л. 6; ед. хр. 3, л. 1). Литературным отделом предложено было объявить конкурс художественных прозаических произведений объемом до двух печатных листов, а премированные произведения напечатать в специальном сборнике (там же, ед. хр. 5, л. 4). Однако, в отличие от петроградского Дома Искусств, сумевшего издать два номера одноименного журнала, Дворцом Искусств был издан лишь уже цитированный сборник стихотворений его заведующего (*Рукавишников И. С. Стихотворения. Издание Дворца Искусств. М., 1919*).

Сохранились упоминания и о других направлениях деятельности Дворца Искусств, интересе организаторов к театру и кино, о том, что во Дворец Искусств приглашался Театр теней, были заказаны для коллективных просмотров 10 000 пластинок к «волшебному фонарю» (там же, ед. хр. 2, л. 2), заменявшему в те годы документальный кинематограф.

Стать кандидатом в члены федерации дворцов искусств можно было по письменному заявлению с подписями двух рекомендующих. Кандидаты своей активной работой (выступлениями на вечерах, представлением на просмотр печатных работ и т. д.) должны были доказать свою «желательность и полезность» для пропаганды искусства. Право перевода в члены-сотрудники или действительные члены принадлежало президиуму Дворца Искусств. На заявлении кандидата с 5-ю подписями реко-

мендующих ставилась резолюция «принять», если он «действительно работал для пользы Дворца Искусств, а не «по стажу его работы».

Пречислить всех членов Дворца Искусств не представляется возможным, столь многочисленны они были. Вот наиболее известные имена: писатели М. М. Пришвин, С. Г. Скиталец, Андрей Соболев; семья Гиляровских — сам дядя Гиляй, его дочь Н. В. Лобанова-Гиляровская, историк литературы и театра, его зять В. М. Лобанов, искусствовед и поэт; И. А. Белоусов, писатель, один из руководителей и активных участников литературных обществ «Звено» и «Среда»; поэт, более известный как историк литературы, пушкинист и библиограф Н. С. Ашукин; один из руководителей группы «Кузница», пролетарский писатель Н. Н. Ляшко; писатель М. А. Осоргин, который стал первым председателем Московского союза писателей, организовал книжную лавку писателей (ему принадлежит перевод пьесы К. Гоцци «Принцесса Турандот» для постановки в театре Евг. Вахтангова). Во Дворце Искусств можно было встретить поэтов самых разных направлений, дарований и судеб: пролетарского поэта Н. Г. Полетаева; членов литературной группы «Центрифуга» К. А. Большакова и С. П. Боброва; имажиниста А. Б. Кусикова (любопытно, что Кусиков в своем заявлении с просьбой принять его в члены Дворца Искусств, написанном одновременно с заявлением С. Есенина 28 августа 1919 года, указывал тот же домашний адрес, что и Есенин: Арбат, Б. Афанасьевский, 30, кв. 5); поэт Ю. К. Балтрушайтиса, который в 1921 — 1939 годах был полномочным представителем Литовской республики в Москве; М. П. Малишевского, создателя метротоники, оригинальной системы, применявшейся им при изучении былин (его исследования одобрял и поддерживал В. Я. Брюсов). Всем находилось место под гостеприимным кровом соллогубовского особняка: и публицисту, бывшему народовольцу Ю. А. Бунину, старшему брату И. А. Бунина; и литературному критику, видному РАППовскому оратору И. С. Гроссману-Рошину, который в годы гражданской войны служил в штабе Махно; и писательнице Л. Я. Гуревич, занимавшейся историей театра и тетральской критикой; и потомку знаменитого исследователя Камчатки С. П. Крашенинникова — Н. А. Крашенинникову, автору очерков о жизни башкирского народа, романов «Девственность» и «Целомудрие», инсценировок произведений клас-

сиков русской и советской литературы и многим, многим другим.

В конце 1921 года, когда Дворец Искусств уже перестал существовать как организация, в доме на Поварской, возвращаясь из очередного далекого путешествия, появился Велимир Хлебников. «Председатель Земного Шара» большую часть жизни провел в скитаниях по свету, считая при этом свободу от устроенного быта необходимым условием творчества. Указаний на членство В. Хлебникова во Дворце Искусств не обнаружено; вероятно, что причиной его появления в соллогубовском особняке послужила дружба с И. С. Рукавишниковым. «Он был молод и безмолвен. Разговаривал он — и то тихо — с одним Рукавишниковым, — вспоминала Э. Шуб. — Я знала от Ивана Сергеевича, что под одеждой Хлебников носит вериги. Как говорили, он не мылся и не причесывал выросших без стрижки пепельных волос. Глаза его тоже были застывшим пеплом. Он мог часами сидеть в венецианской комнате, у двери, открытой на балкон, не произнося ни слова. Мне и хотелось, чтобы он заговорил со мной, но одновременно я боялась этого. Мне казалось, что я не найду слов, чтобы ответить ему. Иногда он выходил на балкон и наблюдал веселую молодежь, толпившуюся там. Спал он, не раздеваясь, в венецианской комнате на больших подушках, крытых старинной парчой. Затем он исчез. Рукавишников скучал без него, ждал его возвращения. Но я больше его не видела во Дворце Искусств» (Шуб Э. Указ. соч. С. 58).

С окончанием деятельности Дворца Искусств литературная традиция дома на Поварской не оборвалась. В последующие годы там находились и другие организации, оставившие заметный след в истории литературы и искусства. В 1921 — 1925 годах в особняке помещался Высший литературно-художественный институт им. В. Я. Брюсова. (Дело, начатое В. Я. Брюсовым, было продолжено Литературным институтом им. М. Горького, созданным в 1933 году.) А 23 апреля 1932 года постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературных общественных организаций» все существовавшие в то время литературные группы и объединения были распущены. Одновременно учреждался Союз советских писателей, который разместился в доме на Поварской улице, где находится и до сего дня.

ДОМ ЛИТЕРАТОРОВ В ПЕТРОГРАДЕ 1919 — 1921 ГОДОВ

(Воспоминания А. В. Амфитеатрова)

Публикация А. Г. Виноградова

Александр Валентинович Амфитеатров родился в 1862 году. Свою литературную и публицистическую деятельность он начал в конце 90-х годов прошлого века в качестве корреспондента газет «Русские ведомости» и «Новое время», а в 1899 году стал одним из основателей газеты «Россия». С 1900 года начинают выходить отрывки его хроники из истории I века христианства — «Зверь из бездны». За политический фельетон о царской семье «Господа Обмановы» в 1902 году Амфитеатров был выслан на 5 лет в Минусинск, откуда, впрочем, вскоре возвращен. В 1905 году он эмигрировал за границу, где издавал оппозиционный журнал без определенного политического направления «Красное знамя». За период с 1906 по 1913 год Амфитеатровым были написаны романы «Восьмидесятники», «Девятидесятники», «Разбитая армия», изданы сборники «Померкнувшие дали», «Дьявол», «Мифы жизни», «Мутные дни» и др. Большую публицистическую деятельность Амфитеатров вел в годы первой мировой войны, присылая свои корреспонденции в газету «Русское слово».

В 1916 году он вернулся в Россию. До революции Амфитеатров по своим политическим взглядам был противником монархии, стоял на демократических позициях, поддерживал дружеские отношения с М. Горьким, А. В. Луначарским. После Октябрьской революции писатель занял резко антибольшевистскую позицию. В августе 1921 года он эмигрировал: бежал с семьей в Финляндию, затем уехал в Чехословакию, позже в Италию, где и умер в 1938 году.

Уже в эмиграции, в 1922 году Амфитеатровым были написаны воспоминания о Доме Литераторов в Петрограде, в которых было выражено активное неприятие большевизма. Они оказались в Русском заграничном архиве в Праге. В 1946 году после окончания второй мировой войны чехословацкое правительство передало Пражский архив в СССР, и воспоминания Амфитеатрова поступили вместе с другими материалами в ЦГАОР,

а в 1958 году были переданы в ЦГАЛИ (ф. 34, оп. 2, ед. хр. 51), где до последних лет находились на «секретном хранении».

Это, по-видимому, один из первых очерков Амфитеатрова, созданных им за рубежом. Публикация в эмигрантской периодике, вероятно, не осуществилась (во всяком случае, выявить ее не удалось), и мы располагаем черновой рукописью.

Дом Литераторов, о котором пишет Амфитеатров, существовал в Петрограде (Бассейная ул., д. 11) с 1 декабря 1918 по ноябрь 1922 года как организация взаимопомощи литераторов. Возглавлял его комитет, в состав которого входили А. А. Ахматова, А. А. Блок, А. Е. Кауфман, А. М. Ремизов, Ф. К. Сологуб, В. Ф. Ходасевич, Б. М. Эйхенбаум и др. В первые годы своего существования Дом Литераторов занимался преимущественно вопросами материального обеспечения писателей. С 1920 года он стал уделять большее внимание культурной деятельности: организации лекций, концертов, писательских выступлений, литературно-издательской работе. Были выпущены сборники «Пушкин — Достоевский» (1921), «Петербургский сборник» (1922), выходили журналы «Летопись Дома Литераторов» (1921 — 1922) и «Литературные записки» (1922). В 1922 году, в связи с прекращением государственных дотаций, Дом Литераторов закончил свое существование, что, несомненно, было связано с неприятием Советской власти, аполитичностью, а то и прямой критикой большевиков в основной его деятельности. Об этом подробно рассказывается в воспоминаниях Амфитеатрова.

Надо сказать, что литературы, посвященной Дому Литераторов, почти нет. Можно выделить только статью И. Ф. Мартынова и Т. П. Клейна «К истории литературных объединений первых лет Советской власти (Петроградский Дом Литераторов. 1918 — 1922)» (Русская литература. 1971. № 1).

Воспоминания Амфитеатрова, отличающиеся, подобно всем источникам такого рода, крайней субъективностью взгляда, во многом несправедливыми и поверхностными характеристиками, тем не менее представляют несомненный интерес для лучшего понимания взаимоотношений власти и интеллигенции после революции.

Воспоминания о Доме Литераторов продолжают серию рассказов о профессиональных объединениях литературно-творческой интеллигенции первого послерево-

люционного десятилетия, начатую публикациями А. Л. Евстигнеевой о петроградском Доме Искусств («Встречи с прошлым», вып. 4) и московском Дворце Искусств в настоящем сборнике.

* * *

Октябрьская революция 1917 года, упраздняя буржуазию, причислила к ней все свободные профессии интеллигентного труда и, в конце концов, в процессе упразднения они пострадали несравнимо более, чем капиталистическая буржуазия, против которой истребительный поход пролетариата был объявлен. Смеею сказать больше: по правде-то говоря, только они одни настолько пострадали. Капиталисты тоску петроградских мучений лишь пригубили, мы же выпили до дна. Если не сам пролетариат ручного труда, то коноводы из «запломбированного вагона», овладевшие воображением и волею темных масс, обрушились на пролетариат интеллигентный с яростью ревнивых соперников, сознающих случайность и условность своей победы и плохо верующих в ее прочность, а потому с болезненной подозрительностью устранивших с пути своего все коллективы и индивидуальности, в коих им чувствуется или чудится опасность влияния инакомыслящего. Среди предметов этой подозрительной ревности на первом месте оказались литература вообще и журналистика в особенности. В яростных советских тисках, под нажимом Володарского, Лисовского, Кузьмина¹, быстро повымерли в течение каких-нибудь девяти месяцев даже самые прочные, старые и богатые периодические издания бывшей России. Когда в августе 1918 года советский декрет уничтожил бытие буржуазной прессы гласно и официально², он, собственно, подтверждал *un fait accompli*, совершившийся факт. В Петрограде, так еще недавно главном центре русской журналистики, влачила тогда жалкое существование уже только одна-единственная газета — последняя, с призрачным самообманом все-таки как будто «независимого издания».

И какая это была газета! «Петроградский листок», еще в 1917 году любимый уличный орган дворников, швейцаров, извозчиков, мелких лавочников и тому подобного темного люда, включая сюда и часть рабочих, настроенную сочувственно монархии Романовых и православной церкви. Орган «черной сотни», «Листок», понят-

но, так и руководился, и составлялся в низменно-черносотенном тоне и порядке сочувственными элементами из «бывших людей» литературы. До революции о «Петроградском листке» почиталось неловким даже упомянуть в порядочном обществе. Появление литератора с именем на его столбцах было невозможно, как некое неприличное чудо. Когда А. И. Куприн, по неистощимому добродушию своему, дал туда какой-то свой мелкий рассказец, это произвело в петроградском литературном мире впечатление скандала.

Но теперь, уцелевший дольше всех соседей, благодаря своей черносотенной публике, этот ничтожный и презираемый «Петроградский листок» торчал над всеобщим потоком журналистики как одинокий крошечный островок. И подобно зверям, бегущим от наводнения, собрались и столпились на нем всевозможные живые обложки распущенных редакций, исчезнувших изданий. Во главе газеты стал видный литератор, популярный и заслуженный критик А. А. Измайлов. В газете начали появляться статьи Ф. К. Сологуба, Д. С. Мережковского, Вас. Ив. Немировича-Данченко, А. И. Куприна, П. П. Гнедича, В. Ф. Боцяновского³, модных поэтов, профессоров университета, публицистов из закрытых больших газет — «Речи», «Дня» и др. Понятно, что орган изменил свою физиономию и направление. Из монархического он превратился в либерально-демократический, даже с оттенком утопического социализма, впрочем, весьма бледно-розового. Антикommунистический дух скорее чувствовался, чем сказывался; скорее подозревался, чем выявлялся. Потому что почтенный радикал наш милейший А. А. Измайлов ненавидел большевиков до кровомщения, но напуган ими был до паники и чуть не падал в обморок при каждом слове, уязвлявшем торжествующих олигархов лжекоммуны прямо и открыто. Сбереечь газету от закрытия как можно дольше было его главной задачей, да и требованием издателей. Надо заметить, что эти последние вовсе не были счастливы перерождением своего «Листка» в литературный орган. Как бы ни странно показалось, но мы, писатели с именами, каждый имевший свою обширную аудиторию, не только не подняли тираж «Листка», но, напротив, уронили его. Наша привычная публика не успела прийти к нам под старую сомнительную вывеску, а для былой публики «Листка», уличной, мы оказались мудрены, и она отхлынула от газеты. Кто ее читал и обогащал, лучше всего покажет следующий эпизод. На

одном из редакционных собраний был поднят вопрос об улучшении бумаги. Издатель, г. Владимирский, отказал в нем наотрез.

— Почему? — изумлялись и спорили мы. — Ведь, если газета примет более приличный вид, это лишний шанс на ее успешное распространение в обществе, которое сейчас чуждается «Листка» отчасти и за его отвратительный вид. Ведь согласитесь, что нельзя найти более гнусной бумаги, чем ваша...

— Гнусная-то она гнусная, — подтвердил издатель, — но не обижайтесь, господа, если я вам скажу по секрету, что добрая треть нашей публики покупает «Листок» совсем не ради прекрасных сочинений, которые вы в нем печатаете, а ради вот именно этой гнусной бумаги... Потому что рабочий и мастеровой человек газету сперва читает, а потом из нее сигарку вертит, — ну, и за «Листком» имеется уже многолетняя слава на этот счет, что для сигарок лучше его бумаги нету.

Полагаю, что нарисованной мною картины «последнего прибежища» достаточно для характеристики трагического унижения, до которого доведена была русская журналистика к моменту ее официального прикрытия. Расстаться с подобным прозябанием не создавало ни для кого из нас моральной утраты. О себе лично могу сказать, что я почти обрадовался запретительному декрету. По крайней мере, определенный конец, и нет больше соблазна к бессильному влиянию словом так и сяк, на почве недоговоренных намеков, обиняков и всяческих обходных компромиссов. Бывало, при царском режиме идти с гибким и лукавым оружием эзопова языка против мощных столпов самодержавия — Плеве, Столыпина, самого Николая — доставляло удовлетворение, как ловкий и смелый подвиг. Но прятать свою мысль в маску эзопова языка от каких-то неведомых проходимцев, вынырнувших на Русь из глубины немецкого «запломбированного вагона», от «псевдонимов» Ленина, Троцкого, Зиновьева, Урицкого, Володарского⁴, — несносно унижительное обязательство. Тут при всей охоте и привычке говорить с публикой лучше предпочтешь закусить губы и молчать.

Но материальный эффект запретительного декрета был ужасен. Он прозвучал символом безусловной и безнадёжной безработицы. Приказом:

— Литературная братия! Ты не должна больше существовать. Коммунистическое государство объявляет тебя

ненужной и вредной. А потому — ложись и умирай голодной смертью.

Спасти от таковой можно было, только бросившись к ногам большевиков. Кое-кто из литературной мелочи так и поступил. Из крупных писателей — лишь один: старый, маститый перевертень Иероним Ясинский⁵, — закоренелая в продажности сабля, о которой можно сказать древнею русской поговоркой, что она служила в семи ордах семи царям. Он припал к стопам победителей немедленно после октябрьской революции, чуть ли не опередив в том даже пресловутого коленопреклоненца то пред сим, то пред оным режимом певца Шаляпина⁶. За что и был награжден от комиссара Луначарского восторженным титулом «Симеона Богоприимца, вышедшего во спасение новорожденному Христу революции». Но, к чести петроградской литературы и журналистики, необходимо отметить, что пример г. Ясинского остался тогда без подражателей и последователей. Сейчас, после четырехлетней голодовки, многие приманились хлебами большевиков и застрочили хвалы им в заграничных рептилиях Кремля и Смольного. Но в 1918 году гг. Адрианов, Ашешов, Муйжель, Тан⁷ и другие вновь приобретенные чемпионы советской публицистики плюнули бы в глаза тому, кто осмелился бы предсказать им, что в 1921 году они сделаются придворными певцами славы Ленина, Троцкого и Зиновьева и яростными патриотами РСФСР. Более того: я уверен, что в то раннее время о верноподданнической присяге большевикам еще не помышляли даже такие «переметные сумы», как профессор Гредескул и сам себя возведший в профессора библиограф Лемке⁸, первые пташки, перепорхнувшие из петроградской голодной журналистики к лакомым крошкам, обильно роняемым со стола ликующей Петрокоммуны.

Итак, вся независимая петроградская литература оказалась в беспримерно-ужасной обреченности, и ужас рос со дня на день, из часа в час все свирепее, все острее. Организации литературной взаимопомощи никогда не были сильны в России, а октябрьская революция уж и вовсе их придушила. Правительство откровенно и систематически вгоняло нас в гроб. Общество, запуганное, поработанное, ослабевшее от голода, ослабевшее от страха, безмолвствовало. В потоке, залившем нас, не плавало ни бревешка, ни полешка, за которое можно было бы продержаться с надеждой на спасение. Утопа-

ющий, говорят, хватается за соломинку. Таковые к нам в потоке бросались, и даже во множестве. Но большинство из них, помимо своего бессилия, бывало и довольно-таки сомнительного свойства. Вроде хотя бы пресловутой «Всемирной литературы» М. Горького, о которой я и сейчас не могу решить, что представляет собою это учреждение: крайне ли неудачный и бестактный опыт сентиментальной филантропии или, наоборот, весьма удачный и ловкий опыт дешевой эксплуатации полумертвых от голода и холода, обездоленных и обезволенных людей, которые обрадовались возможности закабалиться на труд — пусть каторжный, черный, да «нейтральный» и, следовательно, не зазорный. Работали во «Всемирной литературе» едва ли не все наличные петроградские силы. Я лично знаю лишь единственное исключение — фанатичную старушку-народницу еще семидесятых годов, дряхлую подругу поэта Надсона⁹. Ее подозрительность и здесь рассмотрела недозволительный компромисс с большевиками, в лице их агента, «двуличного» М. Горького, которого она не уставала награждать эпитетами более чем нелестными. Но, за исключением разве самых наивных энтузиастов либо страстных графоманов или, наоборот, уж очень продувных дельцов, почти все рано или поздно отставали от этой громадно и претенциозно заведенной переводной машины, разглядев дутый характер предприятия, в котором «покушение с негодными средствами» рождало «вовлечение в невыгодную сделку»¹⁰: Громко хвастливая своим благотворительным значением, «Всемирная литература» оплачивала рабочий день своего сотрудника грошами, не позволявшими купить фунт хлеба на рынке по вольной цене. А что касается литературных результатов, отсутствие у издательства бумаги, типографии и кредитов превращало работу чуть ли не тысячи человек, всех представителей «мозга страны», в пустопорожнее водотолчение в ступе. И на такую-то чепуху тратились первоклассные творческие силы народа! Блок, Гумилев, Ахматова, Мережковский, Гиппиус, Сологуб, Куприн... кто только не был закрепощен этой «Всемирной литературой» с ее подачками камня вместо хлеба? От голода и холода «Всемирная литература» никого не спасла, чему лучшими свидетелями являются многочисленные имена ее ближайших сотрудников, например поэта Блока, историка литературы Батюшкова, автора лучшего русского перевода «Фауста» Гёте и европейски прославленного ученого-зоолога Хо-

лодковского, умерших от голодного истощения. Но советской власти она оказала несомненную услугу, как одна из красивых ширм, которые своей якобы «культурно-просветительной» внешностью несколько заслоняют яростную борьбу [советчиков-]олигархов со всеми наследиями русской культуры и помогают Горькому, Красину, Луначарскому, Крестинскому и тому подобным обманывать общественное мнение Европы. К сожалению, имя Горького связано почти со всеми такими учреждениями-ширмами, подобными зеленым занавескам, прикрывающим непристойные картины. Славны бубны за горами, но кто наблюдал их добросовестно и вблизи, того они провести не могут. Грубо лицемерный характер их был подмечен даже таким двусмысленным путешественником и присяжным хвалителем большевиков, как г. Уэллс¹¹. Внутри же страны все эти — «Дом ученых», «Дом искусств», «Всемирная литература» — содействуют, в существе своем, одной цели: срывать забастовку интеллигенции и литературный саботаж. Нащупывать в литературной среде слабость, хилость, неустойчивость, которые, при необычном нажиме обстоятельств, не выдержали характера и пойдут на компромиссы с торжествующей политической истерией.

Цель эта была угадана литературным миром. Как ни был он слаб, беден, угнетен, однако не позволил проглотить себя беззащитно. Коммунистическая революция душила нас мертвою хваткою, но ее конституция не могла отказать нам в некотором подобии автономной хозяйственной организации. Таковая сложилась еще раньше октябрьской революции, в последние годы войны, в виде кооператива при Союзе журналистов, выросшем после февральской революции в большую силу. Главные распорядительские роли в этом Союзе распределились между сотрудниками распространенной кадетской газеты «Речь», преимущественно репортерами. Дело у них шло великолепно. Кооператив журналистов славился по Петрограду как один из самых благоустроенных и наилучше обслуженных. Путем его Союз сколотил довольно значительный капитал, из которого поддерживал десятки писателей, оставшихся без заработка в результате эпидемического закрытия газет и журналов. Когда советская власть, в «планетарном эксперименте» коммунистической централизации государственного хозяйства, принялась за глупейший разгром кооперативов, — в которых, к слову сказать, она теперь видит единственное

средство питать оскудевшие города, — кооператив журналистов энергией и искусной дипломатией своих заправил затянул свою ликвидацию чуть ли не долее всех других и, кажется, успел спасти кое-какие запасы. Союз журналистов, конечно, не мог надолго пережить гибель периодической печати; уже осенью 1918 года дни его, как клуба вымершего сословия, были сочтены. Не помню точно, когда он покончил свое существование. Однако еще в конце декабря его представители А. Е. Кауфман, Л. М. Клячко и Б. О. Харитон¹² принимали энергичное и даже властное участие в организации торжественных похорон одного из величайших мыслителей и героев старой русской народофильской революции, знаменитого [люмпена]-буржуа Германа Александровича Лопатина. Я был приглашен в этот траурный комитет, так как был в последние 12 лет жизни Лопатина связан с ним теснейшей дружбой. На одном собрании, под председательством В. Н. Фигнер, — живо вспоминаю, — присутствовал правительственный делегат, комиссар Анцелович¹³, и между ним и представителями Союза журналистов неожиданно закипел горячий спор о правах обреченного на гибель института.

Спасти Союз было невозможно, однако он не умер, но только обмер и после недолгой летаргии воскрес в весьма измененном, но отнюдь не ухудшенном и, напротив, даже расширенном и усовершенствованном виде Дома Литераторов.

Он возник очень просто и скромно как заурядная «столовка», в которой выдавался обед, несколько лучший, чем в советских «столовках», за несколько высшую плату. Тогда советское кормление, — вернее сказать, массовое отравление населения, — не было еще бесплатным. Да лучше было бы и не делать его таковым, потому что, со введением принципа бесплатности, советские столовки, уже и ранее ни на что не похожие, превратились в совершеннейшие клоаки, в которых ужасающее воровство Петрокоммуны соперничало размерами с небрежностью и неумелостью администрации, неряшливостью кухни, распущенностью служащих. Так что пресловутое бесплатное кормление, чем бы явиться могучей демагогической мерой, вроде древнеримской Анноны (Фрументации)¹⁴, быстро выродилось во всеобщее пошмище. Обед литературной столовки стоил вдвое дороже советского, но был впятеро питательнее. Надбавка стоимости как бы заменяла былой членский и коопера-

тивный взнос и содействовала образованию оборотного фонда.

Клиентура литературной столовки выросла в несколько сот душ. Конечно, она не имела права профессионального подбора столов, но он сделался сам собою. Простою записью сложилось и замкнулось крепкое писательское кольцо, настолько значительное численно, что обвило едва ли не весь петроградский литературный мир. Расторгнуть это кольцо советская власть, хотя и очень им недовольная, почла неловким и невыгодным. Ведь продовольственный кризис все обострялся, коммунистическое хозяйство фатально стремилось к краху, разрушение кооперативов уже обнаружило свою вреднейшую нелепость. Организацию с претензиями автономной самопитаемости коммуна могла отрицать и гнать по принципу, но должна была бы, собственно говоря, приветствовать ее по существу, как избавление шеи своей от обузы в несколько сот голодных ртов. К тому же Комиссариат народного просвещения в лице Луначарского и его петроградского заместителя, фамилию которого я, к сожалению, сейчас не вспоминаю, — кажется Гринберг¹⁵, — был бесконечно сконфужен дикостью коммунистического гонения на литературу, и если не помогал ей, то, по крайней мере, и не распинал ее, умывая руки, как Пилат. Таким образом, Дому Литераторов удалось найти, правда, зыбкое, но все же равновесие — в состоянии «незамечаемости». В тени ее он и начал развиваться.

В качестве «столовки», рассчитанной на 500 едоков, он имел право на обширное помещение. Энергией тех же членов-основателей, Кауфмана, Клячко, Харитона, Волковыского¹⁶, был выхлопотан и занят большой опустелый барский дом-особняк, с садом, на Бассейной улице, почти при впадении ее в Литейный проспект, — значит, в самом центре столицы. Еще худшим пищевого ужаса петроградской интеллигенции был голод топливный. Мы жили в квартирах, опустелых от мебели, сложенной в печках-буржуйках, при температуре чуть выше, а часто и много ниже нуля, не выходили из теплого верхнего платья, работали в шапках и перчатках либо обматывали коченеющие руки тряпками. Дом Литераторов предложил своим членам дневное тепло, а иных, уже вовсе обездомленных холодом либо вселением пролетариата, устраивал на ночь.

Вокруг тепла естественно было народиться подобно профессиональному клубу, не имевшего ни этого имени, ни санкции, но тем не менее все расширявшего свои функции. Едва минимально были удовлетворены потребности материального порядка, явились запросы духовные. Самым лютым профессиональным злом современной русской литературы была коммунистическая национализация книги, оставившая читающую публику без библиотек и книжных магазинов¹⁷. Миллионы сокровищ печати погибли в этом варварском процессе, в руках равнодушных и невежественных захватчиков. Ни один исторический враг книги не относился к ней с более безобразным и разрушительным пренебрежением. Двухсотлетнее наследие русской литературы победоносные большевики выбрасывали за борт с таким же усердием, как отцы христианской церкви в IV и V веке — литературу языческую, но с гораздо меньшей разборчивостью. Для примера укажу, что все книжное богатство, многими десятилетиями накопленное в колоссальных складах старинного магазина Тузова, который для всей России был центральным рынком богословской литературы, было препровождено на бумажную фабрику и обращено в массу на выработку бумаги для официальных коммунистических газет. О размерах потери можно судить по тому, что фундаментальный каталог Тузова занимал несколько сот страниц. Подобным же жалким образом погибло множество складов старой педагогической литературы, на первых порах победы надменно объявленной ненужною. Результатом последовал тот ужасный голод на учебные пособия, которым обусловилось катастрофическое крушение школьного преподавания в Петрограде 1919 — 1921 годов. От частичного расхищения не спасались даже книгохранилища, намеченные Наркомпросом к тщательному сбережению. Так как секвестрованные библиотеки распределялись, сообразно их преимущественному содержанию, по специальным ведомствам, то в бесконечных перевозках приходили они в непоправимый хаос. Ни одна библиотека, сдвинутая с основного места, не доходила по новому адресу не обеззубленную попутным разграблением. А то и вовсе пропадала по дороге — неведомо куда. Я сам был свидетелем, как возчики, доставившие в Наркоминдел великолепную библиотеку Пажеского корпуса, любезно угощали роскошными редкими изданиями случайных прохожих. Заинтере-

суется кто-нибудь громадою красивых книг, похвалит какой-нибудь том:

— Ах, вот славное изданыще... рад был бы его приобрести!

— Так что же, товарищ? Ежели вам нужно, возьмите!

Библиотеку, секвестрованную во французском посольстве, заведующий Наркоминделом держал у себя на квартире — из боязни, что иначе растащат по книжке его же чиновники, охотники до иллюстрированных изданий. Сидя в тюрьме на Шпалерной в марте 1921 года, я был причислен к рабочему составу тюремной библиотеки и, каталогизируя, изумлялся ее нелепой разрозненностью. Между тем в нее целиком вошла очень недурная библиотека присяжного поверенного Холщевникова. Но добрая треть ее улетучилась при перевозке. Так безобразно обращалась советская власть с книгою вообще. Опальные же отделы литературы сознательно и прямо обрекались на исчезновение. В той же тюремной библиотеке нам запрещено было сдавать в переплетную мастерскую книги богословского содержания. Между тем их-то всего больше и спрашивали заключенные и, следовательно, они-то и больше всех трепались.

Декрет, воспрещавший частным лицам иметь библиотеки свыше 500 томов, остался, в конце концов, мертвою буквою, однако успев разорить множество книгохранилищ и обездолжить сотни слишком поспешивших струсить декрета ученых, литераторов, педагогов, интеллигентов. Дом Литераторов поспешил на помощь всем этим горемыкам, отчаявшимся без своей книги как без рук. Бежал за границу петроградский представитель богатейшей русской газеты, московского «Русского слова», А. В. Руманов¹⁸, очень состоятельный человек. Дом Литераторов спас его превосходную библиотеку, взяв ее в свое пользование. Она положила начало книгохранилищу, возросшему к июлю 1921 года до 30 000 томов, так как, видя счастливый пример румановской библиотеки, многие лица стали жертвовать свои книги Дому Литераторов или в собственность, или во временное владение. За библиотечное дело взялись умелые и любящие руки молодого журналиста, В. Я. Ирецкого¹⁹, тоже из бывшей «Речи». Накопление дубликатов, в связи со всевозрастающею писательскою нуждою, выявило необходимость основать комиссионную книготорговлю, которая теперь, вероятно, обратилась в большой книжный магазин, потому что потребность в таковом сказывалась уже

в августе. Тогда книготорговлею Дома Литераторов завела одна из интереснейших и типичнейших фигур его, почтенная М. В. Ватсон, благороднейшая и непоколебимая хранительница идеалов и традиций старой народнической литературы и либеральной революции семидесятых годов. При библиотеке, сама собою, создалась читальня. Писатели, лишенные холодом и нуждою возможности работать у себя дома, получили угол для своего труда, хотя и очень тесный, но все-таки теплый и снабженный изрядным арсеналом литературных пособий. Начал накапливаться литературный музей, архив автографов, портретов, рукописей, реликвий.

Ежедневные встречи писателей у писательского пункта мало-помалу породили профессиональные собрания. Сперва закрытые, потом публичные. Они широко потянули на себе интеллигенцию, дав ей некоторый суррогат того, по чем привычный читатель больше всего скучает: новой книги и журнала. В настоящее время, как я вижу из перепечаток в зарубежной прессе, Дом Литераторов издает свою «Летопись» как настоящий журнал. Еще полгода тому назад о такой возможности нечего было и думать. «Летопись Дома Литераторов» ютилась своими сухими деловыми отчетами как вуалированный отдел в журнале покойного А. Е. Кауфмана «Вестник Литературы» — единственном частном периодическом издании, которое почему-то пользовалось терпимостью большевиков, — правда же, за то и покупая ее совершенную бесцветностью содержания. По достигающим нас перепечаткам видно, что «Летопись Дома Литераторов» ныне идет той же безобидной тропой, доставляя удовольствие тоскующим по перу писателям помещать на ее столбцах невинно-академические статейки. Я должен сознаться, что очень мало сочувствую подобным опытам. Журнал, хотя бы и с преимуществом художественно-литературных интересов, есть дело публицистическое. Настоящая публицистика, смелая, прямая, ясная, в царстве большевиков так же невозможна, как честно-договорная дипломатия или международная торговля с ними. Да нет! Даже невозможнее, ибо честных дипломатов и международных торговцев они только надувают, а прямых и откровенных публицистов расстреливают или сажают в тюрьмы на принудительные работы. Следовательно, всякий журнал, дозволенно возникающий на территории советской России, является неминуемо органом компромиссов и умолчаний, которыми покупается терпимость

Кремля и Смольного. А от всех подобных компромиссов, какими бы изящными целями они ни объяснялись и какие бы почтенные лица в них ни участвовали, все-таки нехорошо пахнет. И хотя, быть может, я огорчу своим мнением многих друзей, одержимых неукротимым писательским зудом, но, по-моему, вести газету или журнал, глядя из зиновьевских рук, значит обманывать и себя, и публику игрою, мало достойною взрослых людей, и платить за самоутешение «печатанья» слишком дорогой ценой.

Суррогатом невознагражденной потери журнала и новой книги Дом Литераторов выдвинул широкое развитие своих литературных вечеров. К участию в них были приглашены решительно все выдающиеся писатели Петрограда, исключая лишь явно примкнувших к «торжеству победителей». Читались исключительно новые, непечатанные произведения. Начали лекциями историческими, философско-критическими, мемуарными; потом ввели поэзию, потом беллетристику, потом популяризацию новейших открытий. Наконец, известный историк Е. В. Тарле стал читать с блестящим успехом лекции уже чисто публицистического содержания, обзоры современного политического положения Германии, Англии и др. европейских государств. Тарле — великолепный оратор и знаток своего предмета, способный увлекать слушателя, даже когда он, как я, например, не согласен с чересчур германофильскою окраскою, которой расцвечены взгляды почтенного профессора. Но, при всем даровании Тарле, бешеный, неслыханный успех его лекций будет понятен в полной мере только тому, кто сам испытал мучительную тоску по европейскому Западу, какую в Петрограде одержим едва ли не каждый сколько-нибудь культурный человек. Ведь вот уже полный год он не слышит об Европе ничего дельного и вероятного, — только хвастливое лганье и кривлянье мнимо-пролетарских и лжекоммунистических «Правд» и «Известий»!.. Другим излюбленным лектором Дома Литераторов надо назвать маститого юриста, академика и сенатора А. Ф. Кони, справедливо почитаемого самым значительным русским оратором и блестящим писателем-стилистом тургеневской школы. Его появления на кафедре с судебными и литературными воспоминаниями славной восьмидесятилетней жизни — всегда большой праздник для публики. Надо изумляться лекторской энергии этого больного, на костылях движущегося старца. Он как будто изжил все тело свое, и теперь весь — дух, ум, память

и честное, прочувствованное слово, облекающее такой глубокий психологический анализ людей и событий в такую несравненно изящную форму.

Литературные вечера Дома начались редкими бесплатными выступлениями со свободным входом, приуроченными к каким-либо достопамятным литературным датам. Но огромный прилив публики обратил их очень скоро в постоянное учреждение, которое работало ежедневно и еще должно было открыть вспомогательное отделение — в Физической аудитории университета. Введена была платность, возраставшая в цифрах пропорционально падению советского курса, что нисколько не влияло на посещаемость вечеров. Когда я читал в Доме Литераторов впервые, входной билет стоил 50 рублей; когда я читал в последний раз — 1500 рублей. Я не помню чтения, даже из неудачных, когда бы зал не был полон, по крайней мере, на три четверти. На выступлениях же любимых Петроградом Кони, Тарле, академика Н. А. Котляревского²⁰, поэтов, — увы, ныне уже покойных — Блока и Гумилева, историка С. Ф. Платонова, романиста Ф. К. Сологуба, — здание Дома Литераторов ломилось от слушателей; вечера приходилось повторять по два, по три раза. И какая это была хорошая, чуткая публика! Как жадно она слушала, как участливо вникала! Я совсем не большой охотник до публичных выступлений, но ряд своих вечеров в Доме Литераторов, когда я трижды читал свою повесть «Зачарованная степь» и, глава за главою, роман «Сестры», останется навсегда в числе моих лучших литературных воспоминаний. Но больше всего полюбила петроградская интеллигенция литературные поминки в разные юбилейные сроки. Дом Литераторов устраивал их с большим мастерством и умел обратить некоторые дни в настоящие общественные события. Такова была пушкинская тризна, отмеченная блистательными речами академика Н. А. Котляревского и покойного Блока. Таков был вечер в память Достоевского, когда А. М. Ремизов прочел свою «Огненную Россию», так эффектно, остроумно и патетически снизанную из искусно подобранных предсказаний великого писателя — провидца, горестного пророка наших нынешних бед. Таковы были поминки великого нашего историка В. О. Ключевского с речами профессора Барскова²¹, Кони, Котляревского и моею. Я покинул Петроград, когда Дом Литераторов собирался с большим торжеством чествовать шестисотлет-

ною годовщину кончины Данте Алигьери. Не знаю, состоялось ли это чествование, затеянное по очень широкой программе. Неведение мое тем обиднее, что инициатива празднества принадлежала мне и я должен был заняться его устройством. Но, увы, жизнь в том десятом кругу Дантова ада, который зовется Советскою Россией, так отвратительно ужасна, что, когда мне внезапно представился случай из нее вырваться, я, при всей моей любви к Данте, при всем моем желании достойно почтить его и восславить устами русских писателей и артистов, оставил его годовщину на произволяющего, а сам бежал без оглядки...

Литературные вечера чередовались с камерными концертами. Руководитель музыкального стола Е. М. Брауде²² умел придать им серьезный и увлекательный характер. Концерты посещались, пожалуй, еще лучше, чем литературные вечера. Изобилие вечеров имело, однако, и свою отрицательную сторону. Публичность вечеров значительно стеснила внутренний быт Дома Литераторов, и многие члены выражали небезосновательное недовольство тем, что наши гости, т. е. вечеровая публика, начинают играть у нас в Доме чуть ли не больше значения, чем мы сами, хозяева, литераторы. Но вечера были необходимы, потому что как раз в это время большевики нанесли Дому страшный удар, потребовав, чтобы обеды литературной «столовки» также подчинялись общему советскому порядку бесплатного питания. Для Дома это было равносильно смертному приговору. Ухудшить своих обедов до равенства с советскими он не мог, не уничтожив тем главного своего назначения — подкармливать голодающий литературный мир. А на хорошие харчи не стало средств, отпала доходность. Отстоять исключение из общего правила нашим дипломатам, понятно, не удалось. Казалось, что теперь избежать гибели Дом мог только сдачею на капитуляцию, поклонившись Советскому правительству и поступив на содержание к его казне, по типу филантропически-кабальных учреждений М. Горького. Однако опять-таки невероятным напряжением дипломатической ловкости и финансовой оборотливости как-то вывернулись. Ежедневно полные вечеровые сборы поддерживали, хотя и очень с грехом пополам, шедшую целиком в убыток кухню. Чтобы задержать ее неизбежное банкротство, придумывали всякие обходные ухищрения: добавочные и дежурные блюда за особую плату, буфет, хозяйственные командировки в от-

даленные местности по вольным бешеным ценам. Все это, однако, были паллиативы и капли в море основного расхода по обязательству ежедневно накормить 500 человек лучше, чем кормит Петрокоммуна. Сверх того, большевики, успевшие уже весьма зорко насторожиться против Дома Литераторов, безжалостно пресекали его коммерческие ухищрения. Особенно много неудач постигло командировки за дешевыми продуктами. Им чинились всякие препятствия, включительно до арестов уполномоченных агентов Дома. Один из таковых, попав в когти Чрезвычайки сибирского города Челябинска, был заморожен в холодной тюрьме до воспаления легких, и, когда я покидал Петроград, вести о здоровье этого бедняка были очень печальные. Притом одно дело приобрести продукты, а другое — привезти их. По дорогам ведь идет безудержный грабеж — и незаконный, и узаконенный под псевдонимом реквизиции. Вывозит человек пуд, а привозит — дай Бог, чтобы десять фунтов. Убийственная медленность разрушенного транспорта приводит в негодность скоропортящиеся продукты. Помню, что в таком черепашьем передвижении нам стгноили драгоценность — целый вагон конских голов. Лишь ничтожную часть можно было еще отобрать для превращения в весьма отвратительную колбасу, да и ту ели уж только очень смелые люди, с риском наглотаться трупного яда. Однако ничего: голодные желудки выдержали. Вдобавок затруднений в самой клиентуре Дома многие не понимали всей серьезности его финансового кризиса. Всякое вздорожание или добавочный расход вызывали громкое неудовольствие в писательской среде, вконец изнервленной бедностью, недоеданием, непосильным трудом, ужасною бытовою обстановкою...

Словом, когда я покинул Петроград в конце августа 1921 года, Дому Литераторов приходилось плохо. Он очень напоминал маленькую цитадель, плотно обложенную неприятелем, который решил взять ее не штурмом, но измором. Начинается голод, и гарнизон-то держится еще крепко, но мирное население уже ворчит, и шныряют в нем двуличные смутьяны с двусмысленными речами о бесполезности сопротивления и о выгодах сделки с врагом, который, де, хотя и негодяй, но не такой уж скверный черт, как его малюют. Удалось ли Дому еще раз самостоятельно выпутаться из своих бед или вынужден был он, наконец, склонить голову перед большевиками, я не знаю. Хотелось бы думать, что все там надеж-

но по-прежнему, хотя, вот, с другой стороны, берлинские газеты сообщают о состоявшихся выступлениях на кафедре Дома Литераторов нескольких витязей соглашательства, которых доселе к ней на версту не подпускали. И это как будто свидетельствует, что цитадель не выдержала, какие-то компромиссы состоялись.

Было бы глубоко жаль, но винить в том пришлось бы отнюдь не Дом Литераторов. В последние 1920 — 1921 гг. я был членом правящего его комитета и свидетелем героических усилий правления сохранить независимость учреждения от советского государства и, обходясь своими средствами, сберечь Дом как последний оплот интеллигентской самостоятельности и самопомощи. На общественную поддержку Дом рассчитывать не мог, при всем сочувствии к нему общества, ибо общество само большевиками раздето, разуту, живет в голоде и холоде. От заграничной помощи мы были отрезаны. Соглашательские учреждения М. Горького на крыльях большевистской агентуры легко получали широкую возможность оповещать Европу о своих нуждах и рекламировать то крепостное закабаление ученых и художников, которое льстецы называют просветительной культурной филантропией советского режима. Напротив, об опальном Доме Литераторов едва ли не первые слухи проникли за границу через советские заставы только летом 1921 г., благодаря, главным образом, связям покойного Абрама Евгеньевича Кауфмана. Этот редкий человек именно уж положил душу свою за други своя, ибо переутомление на работе помощи братьям-писателям сломило его старческие силы, и в декабре минувшего года он скончался от разрыва сердца.

Это была третья смерть в комитете 20-ти, избранных править Домом полгода тому назад. Раньше мы трагически потеряли обоих поэтов нашего содружества. Высокоталантливый, может быть, даже гениальный А. А. Блок погиб жертвою болезни сердца, развившейся на почве голодного истощения и моральных страданий, вызванных глубоким разочарованием в пролетарской революции, которою он поэтически увлекся было в 1917 году. Интересная, жречески одухотворенная жизнь даровитого Н. С. Гумилева была дико прервана нелепым и подлым расстрелом за мнимую прикосновенность к мнимому заговору Таганцева. Двое из членов комитета, известный беллетрист А. М. Ремизов и я, эмигрировали. По последним газетным известиям, выбыл за границу и то-

варищ председателя Вас. Ив. Немирович-Данченко. Таким образом, комитет потерял более 25% своего летнего состава. Остались: председатель академик Н. А. Котляревский, академик А. Ф. Кони, старый публицист «Нового времени» В. С. Кривенко, драматург и режиссер Александринского театра Евт. Павл. Карпов, знаменитый романист Ф. К. Сологуб, известная беллетристка Е. П. Султанова-Леткова, переводчица северных писателей, классиков скандинавской литературы А. В. Ганзен, почтенный литературный критик «Русского богатства» А. М. Редько, представитель Союза драматических писателей Б. И. Бентовин, музыкальный критик Е. М. Брауде, фельетонист «Речи» В. Я. Ирецкий, репортер «Речи» Б. О. Харитон, репортеры «Дня» Н. М. Волковський, В. Б. Петрищев. Последние четверо несли на себе всю тяжесть административного и хозяйственного распорядительства Домом. Из списка этого видно, что в комитете Дома Литераторов были представлены все течения бывшей петроградской печати, от народно-социалистического «Дня» до ультрамонархического «Нового времени». Казалось бы, должны были перегрызться, едва сошлись. В действительности под тучею общего бедствия [жили] дружно, как хорошо спевшийся хор.

Общим соглашением было установлено, что ни правой, ни левой, ни средней политики Дом Литераторов не ведет. Он — орган самосохранения всей литературной братии от всем равно угрожающей гибели, и только. Правило, может быть, узкое, но, во-первых, оно гарантировало Дом от величайшего зла современной петроградской жизни — провокации, а во-вторых, от не менее опасных партийных и фракционных споров и распрей. Наблюдая теперь быт русской эмиграции, я с прискорбием вижу, что в ней от этого второго зла не отвращает людей даже общее несчастье, даже общая непокрытая нищета. Не знаю, — может быть, и наш комитет недолго сохранил бы свою строгую выдержку аполитичности. Тем более что из месяца в месяц плотнее надвигался на нас вопрос о допустимости общения с большевиками, и здесь непримиримость одних рано или поздно должна была порвать с мягкою покладистостью других. Но до августа включительно Дом Литераторов осуществлял весьма удачно идиллию мирного жительствова, в коем все крайности сходятся и кроткий агнец пасется рядом с лютым, но укрощенным травоядностью тигром. Старуха-народница, всю свою жизнь посвятившая памяти и куль-

ту Надсона, спокойно сидела за одним столом со злобным критиком-реакционером, ненавистным ей до глубины души, потому что именно его свирепым и глумливым статьям общество приписывало ускорение кончины больного, мучительно самолюбивого, чутко-нервного поэта²³. Вся политическая работа безмолвно сосредоточилась на одной твердой задаче: прожить, не сделав ни шагу в сторону торжествующей, неправо захватной власти, не сделав ни шагу в сторону большевиков.

Скажут: активного геройства в такой программе немного. Верно. Но что же стоила Дому даже и эта пассивная выдержка! Большевики не оптимисты. Покладистая заповедь: «кто не против нас, тот за нас» — не про них писана. Их догмат: «кто не с нами, тот против нас». А политика Дома Литераторов производила на них раздражающее впечатление политики очень определенного протеста. Она их смущала и пугала, как призрак класса, которого убийством они хвалились. И вот, от заседания к заседанию мы сталкивались с каким-либо прямым или косвенным выпадом советского контроля, направленным к стеснению и умертв[лению] Дома Литераторов. А на общие собрания жаловали к нам, неизвестно откуда, едва ведомые нам господа с речами и трактатами резолюций, либо искушавшими воскурить фимиам пред идолом коммуны, либо, наоборот, приглашавшими уже к столь мужественным дерзновениям, что совершенно ясным становилось, что в кармане у почтенного оратора лежит предусмотренно заготовленная индульгенция от Чрезвычайки. Всячески провоцировали, чтобы институт выявил свое «контрреволюционное и антипролетарское настроение». И опять-таки много дипломатического такта нужно было нашим посредникам и парламентарам, в особенности Н. М. Волковыскому, чтобы предупреждать и сглаживать бурные взрывы вражды, одинаково готовые разразиться с той и другой стороны. Тем более что, если коллектив Дома Литераторов заковался в панцирь аполитичности, то отдельные члены его к ношению такового отнюдь не были обязаны, а потому то и дело призывались пред грозные очи ЧК держать ответ по обвинениям в контрреволюции активной. Из членов комитета Н. С. Гумилева эти подозрения «поставили к стенке», а меня с женою и сыном усадили на прошлую весну в тюрьму: сидели в тюрьме В. Я. Ирецкий, поэт Всеволод Рождественский, публицист А. С. Изгоев, А. Н. Слетов... да разве всех пересчитаешь? Расстрелян был репор-

тер «Речи» Берзин... И все это в одном учреждении на протяжении одного года!

Очень немного светлых впечатлений вывез я из Советской России — и не только от людей враждебного лжекоммунистического лагеря, но и от оппозиционной интеллигенции. Десятки раз на день заставляла она меня повторять печальную сентенцию, что каждое общество получает то правительство, которого оно заслуживает. Дом Литераторов все-таки был исключением из общего прискорбного правила. Хоть в том-то отношении, что — пусть и он, как военнопленный большевиков, не мог избежать оков и унижений рабства, но в нем не было ни холопства, ни добровольных уклонов. И нищим, в тенета с разбойниками и жуликами скванным, жил он, но себя не проституировал и совсем не продавал злодейской шайке. Думаю, что в наш жестокий век это — немалая общественная заслуга, и будущий беспристрастный историк переживаемых нами ужасных лет не оставит незамеченным [гигантскую] борьбу Дома Литераторов за свою профессиональную честь, за самостоятельность и человеческое достоинство русских писателей. Страдания, претерпенные литературным миром за четыре года лжекоммунистической олигархии, настолько тяжки, что у меня — повторяю уже не однажды сказанное — нет духа анафемствовать тех, кто не выдержал и сдался на милость победителей. Говорят, что военный отряд, обреченный безответственно стоять под неприятельским огнем, в состоянии вытерпеть потери только 10% своего состава, — затем начинается паника и готова сдача. Литературный мир Петрограда потерял ровно треть своих действенных сил и, однако, продолжал еще отстаивать свои окопы, не опуская старого знамени, завещанного ему культурой XIX века. Ограничиваю эру потому, что XX век покуда не подарил человечеству ничего, кроме варварства, убийства, рабства и орудий, предназначенных к упрочению в мире этих дивных начал.

Россия требует сейчас много помощи от Европы. Количество этой помощи определяется стихийностью бедствия — «по человечеству». Но распределение ее должно руководиться не только чувством, но и разумом. И, признаюсь, очень часто бывает мне, хорошо знающему петроградские учреждения, досадно и обидно, когда я вижу европейскую помощь, двинутую в таком

неудачном направлении, что она уподобляется дождю, пролившемуся в море, тогда как в двух шагах нивы погибают от засухи. Рекламный крик, на который большевики великие мастера и, не жалея денег, располагают для того сильными и грязными средствами, выдвинул на первый план нужду ряда просветительных учреждений соглашательского типа, совсем уж не такую острую — именно потому, что они пользуются фавором большевиков и имеют от них санкцию и материальную поддержку. Наоборот, нужда учреждений, чуждающихся большевизма, совершенно не доходит до ушей европейского общественного мнения. А когда она случайно прорывается и бывает услышана, то зачастую оказывается ограбленной даже и в тех редких крохах, которые выпадают ей на долю. Прошлым летом американские друзья А. Е. Кауфмана прислали для Дома Литераторов ящик продуктов. Случайно, заблудившись, он попал в горьковский Дом Ученых, в руки пресловутого распорядителя этого учреждения г. Роде²⁴. Сей последний не только задержал посылку, но, когда Дом Литераторов начал отстаивать свое право, г. Роде угрожал отправить посылку обратно: не доставайся, значит, ни нам, ни вам! И насилу-то, насилу-то Кауфман убедил этого зазнавшегося самодура-кафешантанщика переменить гнев на милость и не грабить заведомо чужую почту. Таким образом, даже в глазах мировой благотворительности фавориты лжекоммуны, создавшей русскую нужду, оказываются в гораздо выгодных условиях, чем те, кто лжекоммуною в нужду загнан. Перекричать Нансена²⁵ с Горьким и К⁰ мудрено: у них в распоряжении слишком много громких рупоров. Но, авось, уши у людей рассудительных и искренне благожелательных к России сумеют, наконец, сквозь шум и треск оглушающей [вопящей] рекламы расслышать из России также и тихие голоса тех, кто осужден большевиками на голод и телом, и духом, в отместку за любовь к своей родине, за верность ее культурным заветам, за блюстительство чести и славы русской идеи и русской речи, за противодействие насилию, порабощению, холопскому низкопоклонству и льстивым компромиссам. Дом Литераторов, как я знал его в 1919 — 1921 годах, был и жил именно таким страдальцем, неуступчиво стойким в своей святой вере. И если мой слабый голос привлечет к этому прекрасному свободолюбивому учреждению

некоторое внимание моих читателей и обратит к нему их симпатии, я почту себя сделавшим посредством этого повествования не худое дело и буду тем искренне счастлив.

Прага. III. 22

Примечания

¹ Володарский Моисей Маркович (1891 — 1918) — в 1917 — 1918 гг. комиссар по делам печати, агитации и пропаганды Петрограда; Лисовский Николай Михайлович (1854 — 1920) — известный библиограф, принимавший после 1917 г. активное участие в мероприятиях по библиотечному строительству; Кузьмин Николай Николаевич (1883 — 1939) — в июне — сентябре 1918 г. комиссар Петрокоммуны по делам печати, преемник Володарского, убитого эсером Сергеевым.

² См. заявление Н. Кузьмина «Довольно буржуазной лжи и клеветы» (Красная газета. 1918. 4 августа (22 июля). С. 1), в котором объявлялось о предложении закрыть во всех городах все буржуазные газеты до особого распоряжения. 26 июля (8 августа) в «Правде» было объявлено, что это запрещение «остается в силе впредь до полного укрепления и торжества» РСФСР. Поводом же к закрытию всех, кроме правительственных и коммунистических, периодических изданий послужил левозеровский мятеж 6 июля.

³ Измайлов Александр Алексеевич (1873 — 1921) в декабре 1917 г. стал редактором «Петроградского голоса» (до декабря — «Петроградский листок»); Немирович-Данченко Василий Иванович (1845 — 1936) — писатель; Гнедич Петр Петрович (1855 — 1925) — писатель, переводчик, историк искусства; Боцяновский Владимир Феофилович (1869 — 1943) — критик, драматург, историк литературы.

⁴ «Псевдонимами» назвал лидеров большевиков в одной из статей публицист В. Л. Бурцев.

⁵ Ясинский Иероним Иеронимович (1850 — 1931) — писатель, журналист.

⁶ Амфитеатров имеет в виду нашу мевшую историю десятилетней давности, когда Ф. И. Шаляпин исполнил в театре вместе с другими артистами в присутствии царя национальный гимн России, стоя на коленях (Встречи с прошлым. Вып. 7. С. 270 — 272).

⁷ Адрианов Сергей Александрович (1871 — 1942) — литературный критик, публицист, историк литературы, переводчик; Ашешов Николай Петрович (1866 — 1923) — журналист; Муйжель Виктор Васильевич (1880 — 1924) — писатель; Тан (Богораз) Владимир Германович (1865 — 1936) — этнограф, лингвист, поэт, прозаик, публицист, общественный деятель.

⁸ Гредескул Николай Андреевич (1864 — после 1930) — юрист и публицист; Лемке Михаил Константинович (1872 — 1923) — историк русской общественной мысли, журналистика, цензуры.

⁹ Имеется в виду писательница Мария Валентиновна Ватсон (1848 — 1932), о которой Амфитеатров пишет ниже.

¹⁰ Термины дореволюционного уголовного права.

¹¹ Результатом поездки Герберта Уэллса по Советской России в 1921 г. стала книга «Россия во мгле».

¹² Кауфман Абрам Евгеньевич (1855 — 1921) — публицист; Клячко Лев Моисеевич (1873 — 1934) — журналист; Харитон Борис Осипович (1876 — после 1941) — журналист, после смерти А. Е. Кауфмана — редактор журнала «Летопись Дома Литераторов».

¹³ Анцелович Наум Маркович (1888 — 1952) — в 1918 г. член Исполкома Петросовета, председатель Петроградского Совета профсоюзов.

¹⁴ Фрументации — в Древнем Риме законодательное закрепление даровой раздачи хлеба населению города. Аннона — заготовка, доставка и хранение хлеба. Здесь можно выявить аналогию с политикой военного коммунизма, проводившуюся в 1918 — 1921 гг., одной из составных частей которой была замена торговли организованным распределением продуктов. В связи с этим были открыты бесплатные столовые. Во время военного коммунизма были закрыты кооперативы, возрожденные только после марта 1921 г., когда был введен нэп. Об этом Амфитеатров упоминает выше.

¹⁵ Гринберг Захарий (Захар) Григорьевич (1889 — 1949) — член Коллегии Наркомпроса, заместитель А. В. Луначарского, затем работал в Институте мировой литературы. Был репрессирован в начале послевоенной антисемитской кампании «борьбы с космополитизмом»: выбитые из него на следствии показания положили начало «делу» Еврейского антифашистского комитета.

¹⁶ Волковыский Николай Моисеевич (1881 — после 1940) — литератор. Был выслан за границу в ноябре 1922 г.

¹⁷ Имеется в виду Декрет о национализации библиотечного дела (3 ноября 1920 г.), который предусматривал национализацию всего книжного фонда.

¹⁸ Руманов Аркадий Вениаминович (1878 — 1960) — журналист.

¹⁹ Ирецкий (Гликман) Виктор Яковлевич (1882 — 1936) — писатель. В ноябре 1922 г. выслан за границу.

²⁰ Котляревский Нестор Александрович (1863 — 1925) — литературовед.

²¹ Барсков Яков Лазаревич (1863 — 1937) — историк.

²² Брауде (Браудо) Евгений Максимович (1882 — 1939) — музыкальный критик.

²³ Имеются в виду М. В. Ватсон и критик газеты «Новое время» В. П. Буренин (1841 — 1926).

²⁴ Роде Адолий Ефимович — до революции содержатель ресторана «Вилла Родэ», в послереволюционное время по рекомендации Горького — заведующий Домом ученых.

²⁵ Норвежский полярный исследователь Ф. Нансен посетил в 1921 г. Россию с миссией оказания помощи голодающим.

«ПОСЛЕДНИЙ МОЙ КРИК — СПАСИТЕ!»

Письма И. С. Шмелева В. В. Вересаеву 1921 г.

Публикация Н. Б. Волковой

Имя Ивана Сергеевича Шмелева (1873 — 1950) было более известно советскому читателю, нежели имена других писателей-эмигрантов. Выходец из московской купеческой среды, ребенком потерявший отца, он, по собственному признанию, рано пристрастился к литературе, к писательству. Его первый рассказ «У мельницы», написанный еще Шмелевым-гимназистом, появился в печати в 1895 году. В 1897-м вышла исковерканная цензурой книга очерков «На скалах Валаама», вобравшая впечатления автора от свадебного путешествия. Малый интерес к ней читателя заставил Шмелева почти на десять лет отказаться от литературного творчества. В 1898 году, по окончании юридического факультета Московского университета, он непродолжительное время занимался адвокатской деятельностью в Москве, а затем служил налоговым инспектором в Московской и Владимирской губерниях, что чрезвычайно обогатило писателя жизненными впечатлениями, добавило к его знанию купеческого уклада и быта мастеровых знакомство с жизнью деревни, провинциального чиновничества и духовенства, фабричного люда, дало возможность встретиться с прототипами будущих произведений. Однако постоянной литературной деятельностью, сначала в качестве детского писателя, Шмелев начинает заниматься лишь с 1905 года. Его рассказы регулярно публикуются в журнале «Детское чтение» и аналогичных изданиях. В 1907 году Иван Сергеевич оставляет службу и всецело отдается творческому труду. В печати появляются его рассказы «Вахмистр», «По спешному делу», «Гражданин Уклейкин», «Патока», «По приходу» и другие. Громкую известность приносит ему повесть «Человек из ресторана», связанная, как и многие предыдущие произведения, с событиями революции 1905 года и напечатанная в сборнике «Знание». Шмелев входит в круг демократических литераторов того времени. Вступает в товарищеское

«Книгоиздательство писателей в Москве» (1912 — 1923), организованное по инициативе В. В. Вересаева, которое объединяло писателей, группировавшихся вокруг литературного кружка «Среда». В числе участников книгоиздательства были И. А. Белоусов, И. А. Бунин, Ю. А. Бунин, Н. С. Клестов (Ангарский), С. А. Найденов, Н. Д. Телешов. На события первой мировой войны писатель отзывается сборником рассказов «Суровые дни». Война не только ложится тяжелым бременем на народ, она расшатывает нравственные устои, порождает безумие в людях, зло, несет в себе будущее возмездие. Во время Февральской революции Шмелев ведет активную общественную деятельность, видит в ней победу передовых идей, хотя и не верит в возможность быстрой социальной и политической перестройки страны. Октябрьский переворот и последовавшую за ним гражданскую войну он воспринимает как крушение всех демократических надежд. В 1918 году Шмелев с женой Ольгой Александровной и сыном Сергеем, офицером, участником первой мировой войны, уезжает в Крым, где в 1920-м приобретает в Алуште домик с участком земли. Он поддерживает отношения с находящимися в это время в Крыму писателями: К. А. Треневым, живущим в Симферополе, В. В. Вересаевым, с сентября 1918 по осень 1921 года проживавшим в Коктебеле, С. Н. Сергеевым-Ценским, который тоже жил в Алуште. В начале 1921 года Шмелевых постиг страшный удар — во время красного террора был расстрелян их единственный, горячо любимый сын Сергей. После эвакуации врангелевской армии из Крыма всем белым офицерам, не хотевшим покинуть родину, было предписано зарегистрироваться. Но это не спасло их от расстрелов. Вместе с ними арестовывались и гибли солдаты, представители аристократии, промышленники, бежавшие на юг, местное духовенство, чиновники и другие слои населения, включая женщин, стариков и детей. Террор проводился по указанию высших властей из Москвы и осуществлялся под руководством председателя Крымского военно-революционного комитета Бела Куна и секретаря Крымского областного бюро ВКП(б) Розалии Землячки. Как указывают различные источники, погибло до 120 тысяч человек. Об обстоятельствах гибели сына Шмелев писал в 1923 году А. Оберу, защитнику белогвардейского офицера Конради, убившего В. В. Воровского: «Мой сын, артиллерийский офицер 25 лет, Сергей Шмелев, участник Великой войны, затем — офи-

цер Добровольческой Армии Деникина [...] После, больной туберкулезом, служил в Армии Врангеля, в Крыму, в городе Алуште, при управлении коменданта, не принимал участия в боях. При отступлении добровольцев остался в Крыму. Был арестован большевиками и увезен в Феодосию «для некоторых формальностей», как на мои просьбы и протесты ответили чекисты. Там его держали в подвале на каменном полу, с массой таких же офицеров, священников, чиновников. Морили голодом. Продержав с месяц, больного, погнали ночью за город и расстреляли. Я тогда этого не знал.

На мои просьбы, поиски и запросы, что сделали с моим сыном, мне отвечали усмешками: «Выслали на Север!» Представители высшей власти давали мне понять, что теперь поздно, что самого «дела» арестанта нет. На мою просьбу Высшему Советскому учреждению ВЦИК — Всер[оссийскому] Центр[альному] Исполнит[ельному] Комит[ету] — ответа не последовало*.

В течение 1921-го — начале 1922 года Иван Сергеевич и Ольга Александровна остаются в Алуште, тщетно пытаясь выяснить судьбу сына и ведя голодное, нищенское существование. В марте 1922 года им удается вернуться в Москву. Писатель усиленно хлопочет о выезде за границу. 20 ноября 1920 года Шмелевы выехали в Берлин, а в январе 1923-го перебрались в Париж. И все же в сердцах родителей продолжала теплиться надежда. Только в 1923 году из рассказа случайно встреченного ими доктора, находившегося в заключении вместе с их сыном в Феодосии и потом выпущенного, они узнали о его конце.

Летом 1923 года, гостя у И. А. Бунина на юге Франции, в Грассе, Шмелев заканчивает серию рассказов о крымской трагедии, объединенных в эпопею «Солнце мертвых». Он продолжает много работать. Его первые рассказы этой поры посвящены послереволюционной России: «Про одну старуху», «На пеньках», «В ударном порядке», «Въезд в Париж» и другие. Они печатаются в различных эмигрантских газетах и журналах, выходят отдельными сборниками. Однако вершины своего творчества писатель достигает, обращаясь к изображению своего детства, патриархальной Москвы, родного Замоскворечья. В повестях «Богомолье», «Лето Господне» и

* Кутырина Ю. А. Трагедия Шмелева // Слово. 1991. № 2. С. 64.

примыкающих к ним рассказах «Наполеон», «Мартын и Кинга», «Небывалый обед» — прошлое предстает перед нами через восприятие ребенка и одновременно прошедшего тяжкий путь писателя в чудесно преображенном виде родной земли. В 1936 году умирает жена Шмелева Ольга Александровна. Ее памяти посвящает Иван Сергеевич свой последний роман «Пути небесные» — о нравственном совершенствовании человека. Горе от постигшей его новой утраты, война, пошатнувшееся здоровье не дали ему возможности завершить это произведение.

В литературе о жизни и творчестве Шмелева тема его пребывания в Крыму и гибели там сына мало освещена. Сам он, по свидетельству современников, избегал говорить, а тем более писать по этому поводу. «Это мое личное, я не хочу выносить это наружу», — говорил он и до конца нес молчаливо свою тяжкую скорбь о нем*, — пишет племянница его жены Юлия Александровна Кутырина. Вероятно, поэтому не считали себя вправе затрагивать эту тему и те, кто писал о Шмелеве. Только после смерти писателя скудные и противоречивые сведения об обстоятельствах гибели Сергея Шмелева появляются сначала в зарубежной, а в последнее время и нашей печати. С наибольшей достоверностью они были изложены Ю. А. Кутыриной в статье «Трагедия Шмелева», напечатанной в 1991 году во 2-м номере журнала «Слово». Кроме фактов, безусловно известных Кутыриной со слов близких, она широко использует выдержки из его записных книжек 1920 — 1921 годов и писем, сохранившихся в заграничном архиве Ивана Сергеевича. Свое повествование Кутырина заканчивает словами: «...я хотела приоткрыть русскому читателю эту личную драму писателя, о которой сам он при жизни никогда не мог говорить — так она была велика»**.

Однако сейчас появилась возможность рассказать словами самого Шмелева о постигшем его «неизбывном» горе. Начиная с 1991 года в РГАЛИ передаются на общее хранение последние документы, находящиеся на спецхранении. Среди них привлекли внимание его письма 1921 года, адресованные В. В. Вересаеву. В РГАЛИ, тогда ЦГАЛИ, они поступили в 1985-м в составе архива В. В. Вересаева.

* Слово. 1991. № 2. С. 63.

** Там же. С. 66.

саева, переданного его племянницей Валерией Михайловной Нольде. Это были 24 письма Шмелева за 1913 — 1923 годы, из которых 21. осталось на общем хранении, а три, в связи с их содержанием, были переданы в секретный отдел.

Ознакомление с этими ошеломляющими письмами требовало их скорейшей публикации. В процессе ее подготовки выяснилось, что еще одно письмо того же времени к Вересаеву сохранилось в фонде К. А. Тренева, через которого Шмелев иногда пересылал свои письма в Москву. Кроме того, обращение к письмам Шмелева, оставшимся на открытом хранении, показало, что часть из них непосредственно связана с темой крымской трагедии, как и его письма К. А. Треневу этих лет. В этом сборнике письма Шмелева Вересаеву 1921 года публикуются полностью, поскольку они представляют собой нечто целостное по содержанию и времени написания. Рада возможности принести глубокую благодарность Евгению Андреевичу Зайончковскому, любезно разрешившему архиву их публикацию. Что же касается других писем Шмелева Вересаеву, и особенно его писем Треневу, который, живя в те годы в Симферополе, был в гуще происходящих событий, то они приводятся во вступлении и комментариях в выдержках.

Исчерпав все возможности узнать достоверно в Крыму о судьбе сына, Шмелев просит Вересаева, покидающего Коктебель, что-то сделать для этого в Москве.

Лихорадочно написанные, часто карандашом, с полустертым текстом на сгибах, изобилующие сокращениями слов, затрудняющими их прочтение, они даже внешне свидетельствуют о состоянии отчаяния и нужды, в котором находился писатель. Через все письма проходит мольба узнать, как погиб сын или хотя бы где он захоронен, что-то сделать для спасения его с женой от голодной смерти, помочь им уехать в Москву. Вместе с тем эти письма много дают для понимания творчества Шмелева. Он делится с Вересаевым своими планами, характеризует старые и задуманные вещи, говорит о положении писателя в Советской России. Письма также теснейшим образом связаны с эпопеей «Солнце мертвых», собственно, являются авторским комментарием к ней. Произвол большевистских властей, аресты и расстрелы, голод и одичание людей и прежде цветущей земли равно проходят и в письмах, и в «Солнце мертвых». Только прочитав письма, мы можем понять частые упоминания о «курочках»

и трогательное отношение к ним автора — оказывается, они связаны с воспоминанием о его мальчишке. В одном из писем Шмелев просит помочь врачу, дачу которого заняли под наблюдательный пункт и разорили, в других пишет о голоде, грабежах, смерти детей и взрослых. Эта жизненная достоверность повествования способствует глубине его воздействия на читателя. «И только умолчал Шмелев в этой книге о своей личной трагедии — убийнии его единственного сына Сережи, там же, в Крыму, под солнцем мертвых», — отмечает Ю. А. Кутырина. Это подтверждает и прочтение книги, где лишь строка — «Черное, неизбежное — со мной ходит. Не отойдет до смерти. Пусть и по смерти ходит»^{*} — может быть, непосредственно связана с его утратой.

Публикуемые письма Шмелева дополняются выдержками из его писем Вересаеву и Трениву. Последние также находятся в РГАЛИ в фонде К. А. Тренива. Четыре письма поступили в 1969 году от жены сына, Габриэли Казимировны Тренивой, остальные десять от дочери, Натальи Константиновны, в 1978 году. По содержанию они сходны с письмами к Вересаеву, но короче, в них больше конкретных просьб, так как, работая с 1909 года преподавателем гимназии в Симферополе, а при советской власти сотрудником органов просвещения в Крыму, Тренив мог скорее чего-то добиться у местных властей. Сведения, содержащиеся в них, значительно дополняют факты, приведенные в статье Кутыриной. Так, в письме от 3 декабря 1920 года Шмелев, еще не зная, что уже больше не увидит сына, пишет Вересаеву: «Сегодня мой мальчик должен был отправиться пешком на Феодосию, больной туберкулезом об[оих] легких, по распоряжению, для выяснения его дела. Весь последний год он болел и жил в Алуште. Было и воспаление легких и плеврит. Очень страдаем: свалится беспомощно и спорит без нашего ухода» (ф. 1041, оп. 4, ед. хр. 441, л. 50).

Судя по упоминаниям в записных книжках, 10 декабря 1920 года от сына пришло письмо, а 19 января 1921-го была получена последняя открытка, датированная 27 декабря 1920 года. Шмелев умоляет К. А. Тренива: «Помогите узнать о Сереже! Сил моих нет. Что мне делать?

* Слово. 1991. № 2. С. 65.

** Шмелев И. Пути небесные: Избранные произведения. М., 1991. С. 108.

[...] Мой мальчик или погиб или погибнет. У него чахотка об[оих] легких, и где он теперь и жив ли?! М[ожет] б[ыть], что придумаете. Я потерял рассудок. Так все сложилось роковым образом, что все отделило нас и сына. Мы все верили, все ждали. Ибо всевозможные версии и легенды складывались... Но то была петля Рока [...] Пережито — не исписать. Не уписать в тысячу книг. Века в один месяц прожиты. О, я мог бы теперь писать о Роке, о страданье. Но пора кончать лавочку. Выдохся. Помогите, скажите, что делать. Пообсудите с С[ергеем] Ив[ановичем] Г[усевым]-Оренб[ургским]. Без пропуска мне трудно ехать — трудно. Надо ч[то]-л[ибо] основательное, а я не состою на службе. Помогите» (ф. 1398, оп. 1, ед. хр. 36, л. 2 и об.).

Письмо не датировано, но поскольку впервые Шмелев выехал из Алушты в Симферополь 5 февраля 1921-го, оно, вероятно, написано в конце января того же года. В эти же дни, как пишет Ю. А. Кутырина, и был расстрелян Сергей Шмелев. Но отец об этом пока не знает и в следующем письме от 6 марта 1921 года, после нескольких поездок в Симферополь и Феодосию, сообщает Вересавеву: «Узнал, что сын в феврале направ[лен] на Дж[анкой] или Симф[ерополь]. Уезжаем завтра Симферополь. В[аше] письмо получил, но узнал мало. Сын, д[олжно] б[ыть], уехал или в Симф[ерополь], или дальше. М[ожет] б[ыть], и болен, а м[ожет] б[ыть], и не перенес болезни. Не знаю. [...] Как одиноки мы с Олей! Если сын в Сев[ерной] России — м[ожет] б[ыть], поедem туда, если здоровье будет. Силы наши слабеют, стары мы, и дорога далекая. Да ничего, лишь бы мальчик был жив» (ф. 1041, оп. 4, ед. хр. 441, л. 51).

Все попытки Шмелева добиться ответа, где сын и что произошло с ним, остаются безрезультатными. В письме от 11 апреля 1921 года он опять обращается к Трениву: «Тяжело мне снова и снова одолевать Вас своею скорбью, знаю, что и Вам трудно и, б[ыть] м[ожет], уже не втерпеж перелгать на себя чужое горе. Но... что же делать нам в нашей скорби, которую не выскажешь. Без сына мы... Этот ужас непреодолим и не может быть преодолен». Он просит Тренива узнать последнее: «*Когда* мальчик наш был уничтожен? за что? и, если можно, где его тело. [...] Знайте, что у меня нет надежд, что мы к[огда]-ниб[удь] увидим сына. Его нет. Взяли безвинного. Да что говорить. Винить можно разве только себя. Слишком б[ыл] уверен в правде людской, в помощи

людской, в любви людской. А их нет — ни любви, ни правды, ни самих людей» (ф. 1398, оп. 1, ед. хр. 36, л. 3 и об.).

В письме от 27 мая 1921 года, сообщая Трениеву о заявлении, направленном в Москву Калинин, он пишет: «Это посл[едняя] надежда. Я жду вызова в Москву, я должен поехать. Без вызова это будет оч[ень] нелегко. Друг, что нам делать? Мы скоро погибнем. Но я не могу уйти из жизни, не узнав всей правды о сыне» (ф. 1398, оп. 2, ед. хр. 537, л. 1 об., 2).

И снова в письме, датированном 24 января 1922 года: «Не знаете ли чего о моем мальчике, его уже нет, д[олжно] б[ыть], но м[ожет] б[ыть], имеете как[ие]-ниб[удь] известия, слухи. Скажите все, что знаете. Теперь для меня уже нет ужасов больших, чем те, что вынес и ношу в сердце» (ф. 1398, оп. 2, ед. хр. 537, л. 6 об.).

Кроме вопросов о сыне, письма изобилуют просьбами помочь в получении пайка, охранной грамоты, срок которой истек, командировки в Москву; узнать у Волошина, нет ли новостей из Феодосии, и переслать с оказией.

В них много сведений и о жизни самого писателя. Так, в том же письме от 27 мая он жалуется: «С утра до ночи я убиваю время и силы работой на участке, но мало видно» (ф. 1398, оп. 2, ед. хр. 537, л. 2). А 4 декабря 1921 года пишет: «Мы голодаем. Приходится сказать откровенно. Доедено все. [...] Работать не в силах я пока, мысли как мыши. [...] Ослабли мы, а что будет дальше, [...] и желуди не уродились» (ф. 1398, оп. 2, ед. хр. 537, л. 3 и об.).

В письме от 24 января 1922 года, на первом листе которого написано «На Божью волю! Письмо № 13», Шмелев просит: «Посодействуйте, насколько сможете, к[ак]-ниб[удь] получить нам муки (здесь), лишь бы протянуть до апреля — голодаем. [...] Я на волоске. Вчера жена упала без сил — обморок длился 10 мин[ут]. У меня был уже раза два... Гнусная жизнь» (ф. 1398, оп. 2, ед. хр. 537, л. 6 об.). Но даже больше, нежели собственное положение, Шмелева волнует судьба окружающих его людей. Об этом говорит приписка к этому же письму. «Решительно заклинаю Вас! Спасите умирающего с голоду старика Ивана Мих[айловича] Белорусова, автора многих руководств по русск[ой] словесности, большого труда о Ломоносове. [...] Позор! Старика выгоняли из Наробраза! Издевались! Собес бессилён, хлеба нет. Старик побирался по базару! Собирает с пола в

булочной крошки с грязью и варит! Я не могу ему ничего дать. Завтра отнесу последнее. И, заметьте, старик, ему 72 года, — он бывш[ий] учитель Л. Андреева, директ[ор] Орл[овской] гимназии, когда-то богатый человек, — не имеет ни клочка белья, не имеет платья! И все еще слабой рукой работает над Ломоносовым! Это — трагедия... Вы, писатель, живущий в «культ[урном] центре», — Вы можете что-ниб[удь] сделать для него. Пусть будет дана категорич[еская] телеграмма загот[овительной] конторе или Наробразу — выдать Белорусову муки, масла, чаю, — чего-нибудь! Пошлите ему, за счет хоть богадельни, пару белья. Это безбожно! Это чудовищно! Десятки тысяч учились по его книгам. И нет ему куска, корки! Татарская пекарня разрешила собирать с пола крошки с грязью! Прочтите это в Кр[ым]наробразе. Его из Собеса недавно выгнала одна идиотка (ее, каж[ется], убрали) сказав, — «нам теперь нужны руки и ноги, а не головы!» Да, без голов спокойней. О, век жестокий! О люди, жаждущие жить без голов! Я все сказал. Ни сил, ни слов нет. Его мечта уехать к сестре на Бел[ое] море. Там его прокормят. Отправьте его» (ф. 1398, оп. 2, ед. хр. 537, л. 7 и об.).

Шмелева потрясает происходящее вокруг, что будет потом им описано в «Солнце мертвых». Не получая в течение трех месяцев от Тренева ответа на свое пятое или шестое письмо и продолжая «взывать» к нему, «ибо некому более взывать», — он пишет 20 января 1922 года: «Вы не знаете, что с нами и как мы существуем... Иначе Вы бы ответили, дорог[ой] К[онстантин] А[ндреевич]. Знаете ли Вы, что кругом нас уже умирают с голоду? Уже сжигают себя живьем. [...] Уже падают люди на ходу и умирают. И трупы их остаются не похороненными неделю?! Ибо семьям нечем заплатить за рытье могилы?! [...] Знаете ли, что больницы не принимают опухших с голоду, а приюты и «Очаг» наполнены и не берут детей?! Знаете ли, что к нам ежедневно заходят и молят о хлебе дети?! А мы бессильны, ибо сами вертимся на последнем» (ф. 1398, оп. 2, ед. хр. 537, л. 5).

Не менее волнуют его и известия, доходящие в Крым. «Правда ли, что расстрелян поэт Гумилев? За что?! Ответьте же на это мое посл[еднее] письмо. Дух падает. Отчаяние овладело. Посл[едние] силы уходят» (ф. 1398, оп. 2, ед. хр. 537, л. 5 и об.).

Очень важны два последних письма Тренину. Первое из них от 27 марта 1922 года, помеченное «Мал. Полянка, уг[ол] Петропавл[овского], д. 7, кв. 7», дает возмож-

ность уточнить время его возвращения в Москву и что он нашел дома. Обстановка, в которую он попал, вместо улучшения его душевного состояния могла только способствовать желанию уехать, не говоря уже о причинах, изложенных в письмах к Вересаеву. «Приехали. В пути были 57 час[ов]. Ехали в 2-местном купе, оч[ень] удобно. Москва — XVII век, в грязи и мусоре. Люди [...] их души — мука, жиры, персть земная. [...] Въехал в мою квартиру — одну комнату, $\frac{3}{4}$ моего добра, сам[ого] ценного — размотано «верным человеком», Ольгой нашей. И самое больное — вещи моего мальчика. Грязь, конюшня. Мне тяжело в моей бывшей квартире. Даже мою пишущ[ую] машинку промотал верн[ый] челов[ек] — без нужды. Библиотека разбита. Жить в Москве не останусь. Пусть опять и опять дороги, дороги, дороги ... до конца. Перебиваемся на хлебе. [...] Денег нет. Взял с Госиздата еще 15 мил[лионов], договора пока не оформил, т[ак] к[ак] нет курса. Но все это — гроши, те гроши, котор[ые] стыдно было платить даже г[осподам] издателям-волкам когда-то. «Неупив[аемой] чаши» моей здесь не знают. Кто из немногих читал — говорят восторженно. Есть предложения издать. Авт[орский] гонор[ар] за оригиналь[ные] рассказы — (сборн[ики] и проч.) 25 — 40 мил[лионов] с листа. [...] Книжный кризис. Покупательной силы нет, а книги нужны. Кризис издательский: требов[ания] типограф[ских] рабочих дают даже Госиздат: хоть останавливай дело, кризис! В Книг[оиздательстве] писат[елей] еще не был — там анемия, ладан. С хлопотами о квартире (комнате) нигде не был. Умер Тимковский. Забол[ел] сыпн[ым] тиф[ом] Зайцев, к[оторо]му разреш[ено] было выехать за гран[ицу]. Поправляется. [...] Здесь я без продовольствия, получу ли паек какой — темно. Едим мало и очень плохо. [...]

Мне оч[ень] грустно. В моем кабинете живет какой-то повар с женой. На него смотрит Л. Толстой. Мой венок за пьесу — сварен. И все комнаты у кого-то. Дикая студенты спят на моих кроватях, мажут мой письмен[ный] стол, ветерин[арный] фельдшер влез в комнату мальчика... И все почему-то счит[ают] мое — своим. [...] Я болен, да. Я не могу сидеть на од[ном] месте. Бедная Оля! Она худеет и плачет. Мы как птицы, выброш[енные] из гнезда. Вот Вам доля писателя русского, который всегда жил одной мыслью — остаться писателем. На меня глядят с грязн[ых] стен покосившиеся портреты Гоголя, Достоев[ского], радостное лицо Пуш-

кина. Вся квартира в жел[езных] трубах от печей. Каждый со своей печью и трубой. Дым, дым, вонь, сырость [...] конюшня. Запах мастерской. Центр[альное] окно разбито и замазано. Сил нет — как наши интеллигенты даже могут жить свиньями! Зачерствел и опоганился русский интеллигент! Никогда не любил я нашу болтливую, лживую, мелкую, себялюбив[ую] интеллиг[енцию]. Теперь вижу ее оголившейся. И куда мне больше по сердцу еще не нюхнувший «культуры» простяк-человек. У него все прямолинейней и проще. И скорей дорожаете до его души. Ему простишь все» (ф. 1398, оп. 2, ед. хр. 537, л. 9 — 10).

Он просит Тренева прислать ему издание повести «Неупиваемая чаша», переслать посылку с продовольствием и вещами, которая была выслана из Берлина в Крым, сообщает о московских ценах на продовольствие, делах книгоиздательства, усиленно зовет Тренева к себе в Москву, но предупреждает: «Имейте в виду — никакого золотого века книжное дело не переживает. Все случайно: требуются учебники, а беллетристику кто и желает покупать — не имеет денег. Цена книги доходит до миллионов. Книгу Ленина, — сказали мне в Госуд[арственном] издат[ельстве], — придется продавать по 4 м[иллиона]. Книгу Троцкого «1905 г.» — по 1 м[иллиону] 500 т[ысяч]! У кого такие деньги?! И все-таки приезжайте, приезжайте. Крым голодает. Здесь все же можете жить писательством. Или просто так — на месяц. Проживем к[ак]-ниб[удь]. Комната у меня большая. Устроимте литер[атурный] вечер. Думаю на днях прочитать «Неуп[иваемую] чашу» в пользу голодающих. [...] Я буду рад, если мне придется хоть отчасти быть счастливым — оказаться ч[ем]-ниб[удь] В[ам] полезным. На этой неделе буду видеть Луначарского и буду просить выслать Вам охранную грамоту и распоряжение о фактич[еском] академ[ическом] пайке. Напишите тов. Фрунзе, как сообщал Вересаев» (ф. 1398, оп. 2, ед. хр. 537, л. 9, 10 об.).

Но надежды Шмелева не сбылись. В письме Тренину от 29 июня с пометой «Посылается 3 июля» он, выражая недоумение по поводу его молчания, просит о высылке своих носильных вещей и сообщает, что его отъезд «зависит от одного: соберу ли денег. Пытаюсь запродать на издание, но дело еще не клеится. Собрал лишь $\frac{1}{3}$ часть нужных средств. Зайцев уехал лечиться. Никакого пайка не имею. [...] Если удастся запродать «Челов[ек] из рестор[ана]» и листов 10 детских рассказов, тогда смогу

ехать лечиться. Очень слаб, глаза все болят и бьет кашель: кажется — хирею, худею, и проч.» (ф. 1398, оп. 2, ед. хр. 537, л. 11 об.).

По свидетельству Ю. А. Кутыриной, 20 ноября 1922 года Шмелевы выехали в Берлин. В двух письмах Вересаеву оттуда он делится своими впечатлениями, говорит о «растерянности и шпынянии» среди русской интеллигенции. Недоумевает: «зачем я сюда попал» (ф. 1041, оп. 4, ед. хр. 441, л. 56 об.).

Не имея средств к существованию, он хочет перебраться в Париж, куда его усиленно зовет Бунин, просит писать туда на имя Кутыриной («это родная племянница Оли»), наблюдая окружающее, думает о судьбах России: «Отчаяние охватывает. [...] Для меня несомненно, что пустыня предстоит всем». Он ищет выхода в нравственном возрождении человека — «Бога в себе найти. ... Буду, буду писать, а там в Россию» (ф. 1041, оп. 4, ед. хр. 441, л. 61 и об.).

17 января 1923 года Шмелевы приезжают в Париж и поселяются у Ю. А. Кутыриной. Но и здесь писателя не оставляют мысли о Крыме. В письме к Треневу от 23 марта 1923 года он сообщает: «Сейчас пишу «Солнце мертвых», неожид[анная] тема, листов на 7 — 8. [...] Тоскую по России. Если в Крыму на берегу жить можно, поеду в Алушту. Напишите, можно ли и как живет Ценский. [...] Париж потряс меня. [...] Но чуждо мне многое здесь и Россия для меня — хлеб насущный, духовный. Я как во сне, вне жизни. Не принимает больная душа наша европ[ейского] пира. [...] С Россией порывать не хочу, люблю ее больную и несуразную и несчастную душу» (ф. 1398, оп. 2, ед. хр. 537, л. 12 об.).

О том же пишет он Вересаеву 19 мая и 28 декабря 1923 года: «Сейчас я весь в работе [...] Ив. Ал. [Бунин] предрекает удачу, с американск[им] издат[ельством] веду переговоры. Живем тихо, скромно. По России скучаю» (ф. 1041, оп. 4, ед. хр. 441, л. 65, 71).

Тоска по родине осталась у Шмелева до конца его жизни. Но в Россию он не вернулся. «Я решил остаться свободным писателем, чего в России нельзя получить», — пишет он в середине 1923 года Кутыриной. Вне сомнения, значительную роль в принятии этого решения сыграла горестная утрата сына.

Слово. 1991. № 2. С. 64.

Письма и выдержки из писем Шмелева, приведенные в данной публикации, не только являются свидетельством мук, запечатленных самим писателем, но позволяют документально восстановить историю событий тех страшных дней.

1

8/21 сент[ября] 1921 г. Алушта

Дорогой Викентий Викентьевич,

Едете Вы в Москву, слышал я: «везут вагон писателей из Коктебеля». За Вас, как за последнее средство (простите) хватаюсь — помогите. В Москву не еду, не могу ехать. Не могу оторваться от той земли, где жил с мальчиком посл[едние] дни его жизни, уйти из того угла, который заставил своей волей мой мальчик меня иметь. Это, кажется, скверно я выразил, но пустяк. Вы понимаете. Москва для меня — пустое место. Москва для меня — воспоминания счастья прошлого. Крым — страдание, но это страдание связано с сам[ым] дорогим в жизни. Пусть оно остается, я не в силах уйти. Москва — сутолока и надежда дальше устраивать что-то в жизни. Мне нечего больше устраивать. Я хочу тихо умереть. Т. е. я хотел бы работать в тиши, ибо у меня есть что сказать и сказать иначе, чем я до с[их] п[ор] делал. Я сделал оч[ень] мало. Теперь я знаю, что и как надо писать. Но, кажется, поздно. Одн[им] слов[ом], я не еду. Я, м[ожет] б[ыть], нелогичен: я могу уехать из Крыма, но только не в Россию. Чтобы начать свою новую литер[атурную] работу и работу оч[ень] большого калибра — «Храм человеческий» и «Его Величество Лакей», работа на года, мне необходима перспектива. Мне нужно то еще, чего уже нет в России, — тишины и уклада. Чтобы не мызгаться, не крутиться с утра до ночи за куском, за одеждой, за топливом. Чтобы жизнь не мешала. Я не могу работать с перерывами, урывками. Я написал Лунач[арско]му и М. Горькому о разрешении уехать. Письма любезно взяла и обещала переслать Фофанова¹, член полномоч[ной] комиссии ВЦИК, ведающая зем. отделом. М[ожет] б[ыть], Вы с ней увидите в поезде на Москву и напомните. Или возьмете передать лично. Вас, добрый и дорогой товарищ, друг (простите), прошу и просит Оля — как можете — поспособите нам в этом деле. Я знаю, что то, что еще привязыв[ает] к жизни, — давно

задум[анные] работы, к которым я не смел подойти, что это я могу сделать, у меня уже есть хватка, и, б[ыть] м[ожет], это уже не будет так мало, как все то, что я д[о] с[их] п[ор] делал. Я занимался пустяками. Я напевал про себя. Теперь хочу попробовать спеть в полный голос. Приготов[ительная] школа кончена. Пора в жизнь, перед уходом из нее. Пособите и что узнаете — перешлите мне с оказией, что ли — на К. А. Тренева, Казанская, 22. Вы, верно, хоть ответите. А многие — многие — и не отвечают вовсе.

Второе, которое д[олжно] б[ыть] первым: я с Фофановой же пишу Калинину по делу об убийстве моего мальчика. Я прошу помочь, наконец, узнать правду, всю правду и назначить расследование. Я писал ему еще в апреле — и ни звука. Д[олжно] б[ыть], Галланд² не передал. Я ему все пишу. Неужели и на эт[от] раз все останется втуне? Пособите. Через Вас я прошу Петра Гермог[еновича]³ — он ведь в президиуме ВЦИК. М[ожет] б[ыть], Вы не откажетесь передать ему, через него для Калинина мое заявление. (Оно у Фофановой.) Я верю еще, что высш[ая] Сов[етская] Власть не могла одобрить того, что было. А раз так, она должна помочь найти правду и восстановить, назначить следствие и найти следы моего сына и виновных. Я хочу знать, где останки моего сына, чтобы предать их земле. Это мое право. Помогите. Хорошо бы, если бы Вы сами прочли то, что я написал Калинину. Тогда Вы помогли бы мне. Помогите. Третье: мы в страшной нужде. Нам *перестали давать и хлеб*. Мы лишены заработка: ни вольных изд[ательств], ни журналов. В невольных я не могу писать. Говорю — я предпочту околеть. Раз нам не дадут возможности уехать из России — стало быть мы арестанты. Но и арест[анты] им[еют] право на хлеб. Нам, мне и Ценскому, выдали охр[анные] грамоты с правом на как[ой]-то акад[емический] паек. Но мы не видали этого пайка. Нам случайно давали, то соль, то $\frac{1}{4}$ табаку, то фунтов 5 крупы. Теперь ничего. Мне нечего продать, Вы знаете. Я приехал на 2 — 3 мес[яца], а живу 4-й год. Я хожу в лохмотьях. У меня нет белья, у жены нет рубашки! Если мне разрешат выезд, я поеду в Москву и возьму, что у меня уцелело дома. И уеду. Если бы полном[очная] Комиссия распорядилась в Симфер[ополе], чтобы мне и Ценскому хотя бы высылали из Симфер[ополя] муку, что ли. О, как все это тяжело. И какая, скажете, беспомощность! Но... я не могу делать дело, ко-

торому не верю. Я только и могу еще, чтобы удерживать в душе остатки сил для работы. За пайки же я заплачу, заплачу. Я, придется если, оставлю чем бы заплатить за пайки! Наше книг[оиздательств]во!⁴ Мне прислали 100 000 рб., на что я не мог купить пуда муки. И это бухгалтер[ерский] вывод за 3 года! Это — насмешка. Книг продано — все! Вы будете в изд[ательств]ве. Скажите, чтобы дали ч[то]-ниб[удь] моей матери-старухе. Ей выдавали, но когда узнали (!) о моей смерти(!) — прекратили. Прошу книгоизд[ательств]во отдать матери моей, голодающей (это я на днях узнал), хоть какие авансы под буд[ущие] издания. Я ведь не мало дал книг издательству. Мне не хотелось бы издаваться больше на языке, мне неведомом, но пусть издадут и дадут моей матери. Она живет у дочери, Калужская ул., св[ой] дом. Ив[ан] Андр[еевич]⁵ знает.

Я не могу ничем помочь ей — я нищий, голый, голодный человек. Ехать в Москву и для видимости взять как[ое]-ниб[удь] место или обучать в литер[атурных] мастерских?! Нет, пусть это делают те, кто умеет это. Я бездарен в эт[ом] отношении. Одно прошу — пусть дадут мне возможность уехать — и я верну пайки во сто крат. Куда я поеду в Москву?! На юру жить и биться в тисках среди тысяч не знающих, что с собой делать, нищих интеллигентов и бывших людей? Скоро будут перегрызать глотку др[уг] другу.

Передайте прилагаемое письмо Ив. Андр. Данилину. Его адрес в книгоизд[ательств]ве знают, я забыл: кажется, Мал. Полянка, угол 2-го Петропавловского пер. д. 77 Письмо важное: я прошу в нем отдать моей матери из моих вещей, какие, б[ыть] м[ожет], у него сохранились. Она хоть хлеба поест перед смертью: ей 77 лет. Часы мои у него есть с цепочкой, еще что-то. Пусть отдаст ей скорей. Она продаст эти часы, когда-то ее подарок сыну-студенту. Я только посл[еднее] время стал, нашел силу писать письма. Я только мог ковырять землю, убивать душу в черной работе. Всю тяжесть — искать куски — взяла на себя моя Оля. Святая, горевая. Если бы погибнуть, но у нас не нашлось духу погибнуть: мы еще жили и живем какой-то жалкой надеждой. А м[ожет] б[ыть], мальчик еще придет! Нет, не придет. Ну, я, кажется, все сказал. Да, если не удастся уехать, не разрешат, умрем, как умир[ают] животные, в закутке, в затишье, не на глазах. Прощайте, дорогой Вик[ентий] Вик[ентьевич]. Вряд ли свидимся. Передайте наш посл[едний] привет М[арии] Герм[огеновне]⁶. Вы — дело другое. Вас не уда-

рила жизнь, слава судьбе. Будьте счастливы. Я хотел бы быть бодрым. Не могу. Так, день за днем, день за днем. И сплошная, неизбывная мука. Пусто для нас всякое место. Но наше место еще носит следы, тень нашего дорогого и чистого мальчика, которого мы так преступно потеряли. Этого не избудешь. Ну, обниму Вас заочно, крепкий Вы человек. Сделайте, что найдете возможным, что в силах. Передайте привет Ник. Дмитриевичу [Телешову], Ив. Ал. Белоусову, Юл. Ал. Бунину, Ив. Андр. Данилину и собратьям-писателям.

Ваш сердечно Ив. Шмелев

Прилагаемые при сем письма — Данилину и матушке — будьте добры передать оба Данилину, а он доставит, ему поближе.

Ах, дорогой Вик[ентий] Вик[ентьевич]! Многое бы я сказал, но нет сил, смято в моей душе все. Все мои взгляды на жизнь людскую перестроились, словно мне вставили иные глаза. Все, ранее считавшееся важным — уже не важное, великим, — уже не то. Знаете ли, я сразу состарился лет на 1000! И многое, раньше звучавшее стройно, как церковный орган, — только скверная балаганная музичонка! И люди попали на глаза мои новые в новом виде, и как же пожалеть только можно все и всех. Увидал новое — и сказал бы новое и по-новому. И природу увидал по-новому. Досадно, если не совладаю с собой. Досадно, если не получу возможности найти выход из жизни, приличный выход, завершить век свой работой, которая, б[ыть] м[ожет], кое-чему кое-кого научила или хотя бы помогла в чем — в главном деле — отношении к жизни и правильной ее оценке и восприятию. И как же мне хочется указать человеку его истинное местечко в мире и изменить кой-какие ярлыки. Представьте, во мне что-то лопнуло, то, в чем таился багаж, о коем я не подозревал! И что же выперло! и прет! Я отказался бы верить, если бы мне сказали год тому, что я ношу в себе! И мне не хватит ни жизни, ни сил, чтобы все это вложить в нужные формы. И как же глупо и ничтожно все, что писал я раньше, и самая манера писанья! Не тонким бы перышком стал бы я водить, а взял бы самую большую и стенно-половую кистьцу маляра. Эх, сил не наберешь. И неведомо — когда г[осподи]ну случаю угодно будет позволить мне это.

И. Ш.

(ф. 1041, оп. 4, ег. хр. 441 а, л. 1 — 2 об.)

20 окт[ября] 1921 г.
2 ноября

Алушта

Дорогой Викентий Викентьевич, великим утешением, лучом света явилось письмецо Ваше от 6 — 8 окт. н[ового] ст[иля], полученное мною сегодня, на 25-й день. Не со скоростью света (хоть и луч), и даже не со скоростью вообще шло оно, неведомо где позадержавшись. Но что письмо! Вся жизнь наша задержалась невесть где. О, что за чернила! И перо не пишет. Карандаша бы надо, но нет карандаша у меня. Теперь ничего нет. О, как бы хотелось поговорить с Вами. Я все потерял. Все. Я Бога потерял и какой я теперь писатель, если я потерял даже и Бога. С большой ли, с малой буквы — бог (Бог) — он нужен писателю, необходимо нужен. Мироощущение на той или иной религиозной основе — условие, без чего нет творчества. Откуда идти и к чему? Почвы нет. Вся вышла. Надо искать. Где найти? И поздно уже. Но не стоит о сем. Душа истекла. Нет сына, нет единственного. И еще живешь и мучаешься. Но почему нет силы уйти совсем, не быть? Об этом долго писать. Вся жизнь наша, моя и Оли, — тьма теперь, и в этой тьме жгучая незамирающая боль. Но не стоит об этом. Человек еще не изобрел иного средства, посильней слов, чтобы дать другому понять. Итак — Вы уже в Москве. Для меня и Москвы уже нет. А любил я ее. Но, знаете, я не могу писать, — мысли вразброд. Силы нет. Ибо не то, не по-прежнему я могу писать. По-новому буду, если буду. Довольно вступлений. Сердечное спасибо за участие к нам. От полномочной комиссии я не дождался ответа, даже через три мес[яца] с половиной на свою жалобу (расследовать о сыне). Молчание на мою жалобу на 7 страницах б[ольшого] формата. Теперь надежда на ВЦИК. Я послал Калинину заявление через Фофанову (чл[ен] комиссии ВЦИК). Прошу Вас, молю Вас, ибо некого мне просить — справьтесь через П[етра] Гермогеновича См[идови]ча — что же, получено ли мое заявление в ЦИК и какая резолюция последовала. И там молчание? Солидарность взглядов или невозможность, бессилие власти пролить свет на преступление чинов власти? Нет надежды. И при этом мне писать, творить? Да еще писать, где дозволяется?! Когда нет права писать свободно?! Когда на всех языках все «мовчит, бо благоденству-

ет»?! Не могу, сил нет. Не могу. Погибну голодом, холодом, но сил нет для сего творчества. Я ничего не пишу, Вы не так поняли меня. Я имею в душе свое, будущее, произведение, но я его напишу не в России — или не напишу вовсе. Я болен. Да, я болен. Горем болен. И если я еще ем, так потому, что еще не подытожено в жизни моей все, что нужно. На перевале жизни вдруг оказались такие числа, что и не думал. И не подытожено. А здесь итожить — и чернила никуда, и бумага промокает, и сердце в камнях и бурьяне. О, дорогой, благодарю за попытку ободрить и смягчить боль. Родной Вы, редкий человек в наши дни. Я так мало видел участия. Засыхают люди, черствеют в нужде, в борьбе за кусок. И не упрекнешь. Но зато на многое открыв[аются] глаза. О, волчье порождение, человек! Обезьянье семя. Как тонка позолотца-то оказалась. Пришли кого-то с сухой тряпкой — и нет позолотцы. И вылетел Бог, как пыль, и стало человеческое — человеким. Скверно.

Второе. О выезде. Если я его не получу — я никуда, конечно, не выеду, а буду ждать естеств[енного] конца — умирать. Мне нужно уйти от себя, искать себя иного, в иной плоскости. Не иного себя, нет, я не так, а себя просто. Того, который еще мог бы кое-что сделать в своей работе. Здесь я не могу работать. Мне больно, мне не по силам. Здесь все закрыто для меня одним — нет моего мальчика. Там я, м[ожет] б[ыть], сумею к[ак]-ниб[удь] найти его, для души, в душе. Одн[им] слов[ом], мне надо воздуху иного. Я писал Луначарскому, Горькому. Помогите мне, родная душа. Убедите. У Вас светлая голова и доводы логики стальной. Вы лучше меня скажете, найдете слова. Зачем я России? Я иждивенец, приживальщик, паёчник. Правда, я не получаю ничего, но я в принципе, т[ак] сказать, жизни современной — паёчник; то е[сть] дармоед. А вне России? Я, б[ыть] мож[ет], буду там на черной работе где, но я буду другой. Я найду силы стать писателем. Я за кусок хлеба буду на шоссе камень бить, но я буду творить в душе. А здесь, где у меня сына, мое самое ценное, взяли, я не могу распрямить душу. Мне колет глаза и сердце. Я не могу. Помогите, если можете. Спасите последнее мое — мое призвание писателя. Я болен, я это понимаю. Но санатория даже в Гаспре меня не излечит. Как живем? Жена выменяла мыло (посл[едний] кус[ок]) на 4 ф[унта] муки. Есть еще что?

Не знаю, ничего нет. Есть 6 кур, но их не могу. Они — воспоминание. Я их кормлю сухим виногр[адным] листом. Это единое наше. Посл[еднюю] крошку делим. О, я мог бы много ласкового сказать о них. Об их уме, о многом. И все, все связано с мальчиком. Плохо, что издат[ельств]о за три года продажи книг прислало сумму слагаемым *бухгалтерски*. Не мог на 100 т[ысяч] купить и пуда муки. Я писал Вам о моих вещах, о корзинке, но это очень хлопотливо, плюньте. Я не имею права утруждать Вас. Но если будет доброе желание и возможность исхлопотать как-ниб[удь] бумагу, чтобы вещи дошли до нас целы — сделайте. Ибо мы погибаем. Теперь нет работы на земле, на виноградниках, а то бы пошли с женой, хотя оба без сил. Едва в силах рубить граб на топку. Поклоны всем добрым знакомым. Дорогой Викентий Викентьевич. Еще — и последняя просьба. Вам она ничего не будет стоить — лишь 5 мин[ут] телефона. Вот в чем дело. Здесь в Алуште есть доктор Коноплев. Человек чистый, светлый, отзывчивый, добрый, русский человек. К нам относился очень сердечно. У него незадача. Его лишили его соб[ственно-го] домика, выселили в чужое место, а его домик облюбовал какой-то морской наблюд[ательный] пункт. Все это сделано незаконно, как признала и местная Р[абоче]-кр[естьянская] инсп[екция]. Но ничего не выходит. Для «пункта» есть другие пустые дачи, но... «пункту» нравится — и все. Коноплев создавал домик на труде, вынужден с женой и ребенком жить на юру, а его домику грозит упадок: пчел убили, виноградник съели солдаты и т[ому] п[одобное]. Он подавал жалобу Полномоч[ной] ком[иссии] ВЦИК, та передала местной Р[абоче]-кр[естьянской] инсп[екции], и все. Коноплев послал жалобу в Москву, в ЦИК. М[ожет] б[ыть], приказ центра поможет? Вам, б[ыть] м[ожет], не трудно будет попросить Петра Герм[огеновича], он ведь член Президиума ВЦИК, уделить внимание делу и, если, конечно, это законно, помочь. Лишь бы дело не затерялось. Одолжите! Теперь вон есть декрет о праве продажи домов, а тут и из своего выгнали. Пусть восстановят в правах.

Я буду ждать, как светлого луча, Вашего письма. Ваш И. Шмелев. Крепко обнимаю, и от моей жены привет М[арии] Г[ермогенов]не.

(Там же, л. 3 — 5)

26/13 — XI. 1921 г.

Дорогой, далекий Викентий Викентьевич!

Письмо Ваше из Симферополя получил 2 XI — 20 X (оно было от 8 окт[ября] ^{н[ового]}ст[иля]). Оно явилось для меня светл[ым] лучиком. Я почувствовал в своем пустынном житии и (пустом!), что еще не порвана связь с жизнью, что еще есть люди, которые тебя помнят, которые тебе близки, хотя бы по твоему любимому — искусству. Рад, что Вы работаете, пишете, — я так ослаб и духом от тоски по сыну, и телом — от бедности, — что не имею сил творческих. О, для творчества окрыление нужно, пусть окрыление умирающих нервов (они дрожат, умирая), а для меня, во мне, нет никакого окрыления. Не дрожат нервы — они дряблы. Для творчества нужно, чтобы ты чувствовал нужность, необходимость и вольную волю вылить себя, свое. Этого нет. Ведь если твоя мысль, страстность то и дело упирается в забор — какое мож[ет] б[ыть] окрыление. Для творчества необходима перспектива, то конечное, что видишь или чуешь. Но для того чтобы видеть это конечное, надо иметь основу, упор, твердость под ногами, как геодезист, старающийся установить свой инструмент, или астроном — трубу свою. Но для меня нет упора, почва дрожит, база меняется, и я как горошина в сотрясаемой бутылке. Понимаете?! Для моего творчества необходим устой, уклад жизни отстоявшийся, какого бы содержания он ни был (пусть это даже сверх-коммунизм), но уже выявивший свой лик, а не зыбкий и текучий. С этой базы мне могла бы быть видна даль, а сейчас кинематограф[ическое] мелькание. И если и возможно творчество, то оно было бы и эскизно и субъективно в высш[ей] степени, а при моем душевном угнетении — совершенно неверным. То, что я мог бы писать, — не могло бы и увидеть читателя. Для «Южного Альманаха»⁷ я не мог ничего дать — сил не было. Кроме сего, Тренев писал мне «желательные требования» — рассказ должен был иметь хоть как[ое]-ниб[удь] отношение к эпохе, пусть хоть и давними корнями, иметь идейную связь с сдвигом социальным, хотя бы указывал причины и мотивы. Это своего рода задание. Мне всегда были чужды и задания, и «политич[еские] грибки», и анализы, и подходы. Таков характер. Если я писал «Челов[ека] из ресторана» — так это была вольная, страстная работа, без всяк[их] задних мыслей и

заданий. Но я же писал и «Розстани» и «Неупив[аемую] чашу». Они для меня и чище и любимее, а в них никаких запахов. Дай я другие «Розстани» теперь — они бы были признаны редакцией никчемными. А «Неупив[аемая] чаша», пожалуй, еще и вредной, ибо могла помогать укреплению «суеверий». Ведь там «чудо». Я помню, как Клестов⁸ говорил: «Какого-то банщика описывает!» («Розстани»). А про «Чашу» сказал бы — «икону описывает». У меня есть вчерне «Спас черный». Тоже про икону. Это работа не для тугих ушей, которых теперь много. Творчество духа — не электрич[еский] плуг, не механизм доступный. Творчество истинное носит в себе величайшей сложности инструмент, и овладевать им людям с тугим ухом и тупым взглядом, упрощенно — нельзя. Только и увидят — или старика-банщика, или «суеверие», как, напр[имер], в Достоевском теперь стараются увидеть лишь изобразителя отмиравших классов, чуть ли не делателя революций. Я мог бы теперь писать о человечестве, но то, что я написал бы о человечестве — было бы преступно с точки зрения тех, кто в человечестве видит конечное и совершеннейшее — и то лишь в одной его части. Знаете, у меня много новых путей открылось в области моего творчества, но я не имею сил. М[ожет] б[ыть], здесь и недоедание или неудобоваримость пищи. Для творчества не безразлично, чем и как питается художник. Вам, как врачу, не только писателю, известно это еще лучше. Одна пища для дровосека или землекопа, которым необходим корм для мышечного труда, и другая — для нервных затрат. Это знает физиология питания. Питайся дровосек пищу писателя — он будет негодным дровосеком, и — обратно. Здесь я 5 — 6 часов в день трачу на добывание топлива, корчую пни, ношу воду и проч. Все часы дня заняты тревожным раздумыванием, чем набить желудок. У нас — бедность, бедность. Когда выдается час-другой — дрожат руки, болят кишки, слабость. Разве есть место творч[еской] работе?! О, как мы бедны, Вы не поверите. Быв[ают] дни, когда мы едим только по три, по четыре рыбки (камсы-кильки) с едва видим[ым] кусочком хлеба. Иногда лишь по 1/2 сушеной грушки. Мы не знаем молока, сахара, на днях продали сбереженные 4 книжечки курит[ельной] бумаги, чтобы купить соли! С сент[ября] нам перестали выдавать хлеб (по 1 ф[унту]). Только на днях дали случайно 14 ф[унтов] муки. Акад[емический] паек, который нам предоставлен по постановлению пре-

зид[иума] Кр[аевого] ревк[ома], — не выдается. За-вед[ующий] распределителем (депо или продком) сказал дерзость жене: «Много вас было таких!» Это татарин. Да, конечно, он не знает, что *таких*, конечно, никогда в России много не было. Да для него это и не нужно. Ваши хлопоты о нас с Ценским в Симферополе не дали никак[их] результ[атов] — нам никого не прислали. А самим ехать — ни копейки денег.

От Сергеенко⁹ никак[ого] звука. Да я и не пойду в санаторий. Что же делать?! Нечего продать, променять. Еще это физич[еское] недомогание — и мое, и жены. Очень жалею, что не поехал в авг[усте] в Москву. Тяжело погибать от голоду в глуши, забытым всеми, никому не нужным. Прошу Вас, дорогой В[икентий] В[икентьевич], поищите возможность для нас приехать в Москву. Здесь мы погибнем. Будем тянуть до весны, а весной надо уехать в Москву. Но не с чем подняться. Вызовите меня в Москву с женой, чтобы не платить за проезд — нечем платить, нечего взять в дорогу. Последний мой крик — спасите! В Москве у меня все же хоть гроши собрать можно, хоть кому-ниб[удь] запродам свои книги. Ведь у меня *детских* работ более 30 листов. Я совсем разбился физически, жена слабеет и кашляет. Я писал о разрешении выехать за границу. Там я мог бы запродать свои литерат[урные] права и жить, лечиться. Здесь лечиться, при невозможности найти хлеба, — нельзя. Молю Вас, что можете сделать в этом отношении — сделайте. Нечего говорить, что я буду за грани[цей] безусловно лоялен в отнош[ении] политическом. М[ожет] б[ыть], найдутся поручители, если это нужно. М[ожет] б[ыть], я еще найду сил остаться русск[им] писателем и дать то, что я не успел дать — дать не торопливо, не скомкано. У меня есть заветные работы, котор[ые] здесь я не в силах выполнить. Я не хочу думать, чтобы в интересах власти было дать умереть с голоду больному русскому писателю. Дайте мне возможность приехать в Москву. Пришлите как[ую]-ниб[удь] охр[анную] грамоту или телеграмму, чтобы и нам и Ценскому (он шлет привет Вам) дали возможность дотянуть до весны. Ценский уже не одинок — он женился (вдова и девочка лет 12), и ему трудно. Уже ни одной коровы. В Москву он не едет, думает на Одессу, там большой город, м[ожет] б[ыть], найдет работу, журналы. По-моему — ошибка. Или Москва и через нее — выезд, или Москва, как центр. М[ожет] б[ыть], я букинистом стану

или буду детям читать свои рассказы. Получить работу, конечно, трудно, — при сокращении культурной деятельности. Напишите, как и чем жив[ут] писатели в Москве. Вообще, об услов[иях] жизни. Я чувствую Вас, В[икентий] В[икентьевич] — Вы отзоветесь. Я сколько раз писал Треневу — помочь нам с Ценс[ким] — ни звука. Я отдам, я верну все эти куски и фунты, если начну работать. О, мне стыдно писать все это, проклятая беспомощность. В Алуште нечем заработать. Слабость, едва держу топор, задыхаюсь, когда рублю кусты и пни. У меня есть неск[олько] кур, которых кормлю сух[им] листом и виноградн[ой] выжимкой — это последнее, что хотели сберечь, как память, но и их придется съесть — эти куриные скелеты. Они смотрят в глаза — дай, дай! Кругом голодающие семьи. Еще топография Алушты неблагоприятна — грабят в горах, трудно подвезти, а море бурно-бурно. *Дождей нет* уже 4 мес[яца]. Сегод[ня] ясно, t на солнце 15°. Ночью морозы до 4 — 5. Земля в трещинах, скоро кончится и вода в бассейне. Буду ждать от Вас весточки, возможно [ли] проехать в Москву. Весной все-таки будут санаторные поезда, м[ожет] б[ыть], с обратн[ым] поездом можно будет? А пешком не дойти. Эх, пошел бы я с котомкой по Руси, от деревни к деревне. Но сто раз умрешь с голоду и снимут с тебя все, до рубахи (у меня, положим, лоскутья). О, как бы я мог написать теперь! Что «Голод» Гамсуна! Это мелко и жидко. Вы знаете, я пружина, туго закрученная? Потенциальная сила еще есть. Но и лопнуть могу вдруг, чую. Часто хочу заболеть сильно, до смерти. Боюсь за жену, за ее сиротство. И сам этого сиротства боюсь для себя. Помогите словом братским, дорогой В[икентий] В[икентьевич]. Плачу, очень уже растрепался. И не соберу сил, и память слабеет. Прощайте. Крепко обнимаю Вас, дорогой. М[арии] Гермог[еновне] поклоны наши приветные и прощальные. Оля просит Вас о содействии.

Крепко любящий Вас

Ив. Шмелев

Мы бы уже давно померли с голоду, да к счастью мне удалось выменять у одного уезжавшего агронома 3 п[у]д[а] муки и 10 ф[унтов] сахару, который мы продали по 8 т[ысяч]. Это нас сильно поддержало. Но теперь все на исходе, часть пришлось отдать за долг, за починку сапог. У меня остался только крестик на шее — детский золотой крестик. У жены — обруч[альное] кольцо, легкое, с которым она уже решила расстаться. Для нее это

нелегко, но что делать. Но здесь за это трудно получить что-ниб[удь], кроме сушки или картошки. Табак весь, а курю Диккенса. К чему и Диккенс?! Жалею, что нет сил, — пошел бы куда наняться — уголь бы рыть.

Теперь знаю, как болят кишки и желудок от пустоты. Вспоминаю Овидия «Метаморфозы» — голод. Живы ли и кто из писателей и что делают? Что с Книгоизд[ательством] писателей? И есть ли надежда, что оно выживет?

И. Ш.

Не сообщите ли, получено ли ВЦИК'ом мое заявление, посланное еще в августе — сент[ябре] — с Фофановой, любезно согласившейся доставить в Москву — Калинин, Горькому и Луначарскому? Ведь я писал раза три. И Данилину, и Милованову Пантел[ею] Афанасьев[ичу]¹⁰. Ни звука ниоткуда. И матушке. Дал ли ей Ив[ан] Андр[еевич] Данил[ин] из моего кое-что на хлеб?

(Там же, л. 7 — 9 об.)

4

20.XI — 3.XII

1921 г.

Алушта

Дорогой Викентий Викентьевич,

Только на днях послал я письмо Вам, но сомневаюсь — получите ли¹¹. Письмо повезли сегодня едущие в Москву, но поехали через перевал, а не на Севастоп[оль], морем, а на перевале, слышно, происходят то и дело ограбления — глядишь, и письмо с пиджаком снимут. Пишу на случай вторично. Почта ходит слишк[ом] медленно, вот почему и стараешься с оказией, хотя [бы] до Симферополя. Трудно живется: работать, думать сил нет, ибо болен я, болен. Сегодня, вот в эти часы к ночи, ровно год, как ушел наш мальчик и — не вернулся. И не вернется. С ним всё ушло, с ним взяли у меня всё, всю мою силу и волю, жизнь — осталась одна шелуха. Ну, не скажешь словом. Вот и мысли разбежались. И так всегда за посл[едний] год. Я болен, знаю. И вот живу я с грамотой охранной, с телеграммой тов. Калинина о покровительстве. Горько, больно. Вот она, скверная усмешка жизни. Вся моя «охранная-то грамота» в сыне была. И будь он со мной, я бы теперь не сидел, я и жена, бедняжка, как убитые жизнью люди, в дыре у моря, в лачуге, у печур-

ки, как богадел[ы]... Ну, да что говорить. Думаешь иногда — молчи, не объясняй людям, — не поймут, ибо не испытали твоего. Но Вам, писателю, все ясно. Дорогой В[икентий] В[икентьевич] — не забудьте нас, умоляю. Об одном прошу — помогите получить разрешение уехать из России. Здесь, где я потерял — ни за что! — так страшно потерял самое дорогое (я не виню Москву, помощь Москвы только опоздала), — здесь мне трудно, тяжело жить, больному. Мне нужно на время уехать, найти себя, взять иного воздуха, издали почувствовать Россию и, б[ыть] м[ожет], затосковать о ней, по-хорошему затосковать, и получить, б[ыть] м[ожет], новый толчок к прерванной литерат[урной] работе. Теперь моя душа вся изранена, мне нет воздуха. На что бы ни посмотрел я — везде я вижу страдающие глаза моего светлого безвинного мальчика. И все во мне [исход]ит болью. Ну, представьте Вы себя на моем месте. Вот в этой вот комнате у Вас убили любимое, бесценное, мучительно убили — и Вам бы нужно было творить здесь же, писать свои образы свободно, не выходя из этой комнаты, не избавляясь от этой боли! Смогли бы? Смогли ли бы Вы найти свой покой и творить, творить вольно, когда воля Ваша скручена и окована обручами?! Смогли ли бы Вы?! Хотя бы и имеете и грамоты и высокие обещания покровительства?! Писатель! Ты, своб[одный] писатель, где найдешь уют вольной мысли и образу твоему?! Что бы я стал писать, если бы я все время думал: вот столько, а дальше нельзя. Вот этот шагок, а шаг — ни-ни?! Нет, я не столько о цензуре говорю, сколько о том, что теперь, вообще, по колориту времени многое не к тому. Так-таки, просто не к месту! А ходить в палисадник, перепрыгивать с палочки на палочку, как ручной чижик, это не легко, да это и не для писателя. Я понимаю, напр[имер], партийного писателя, напр[имер], коммуниста-писателя, если он есть в России. Ну, он по большой воде плавает. У него не разойдется слово и образ с его душой. А писателю беспартийному, — а я только и разумею писателя беспарт[ийного] — ему как! Это теперь нонсенс — ступай старыми книгами торговать. Да что же мне повторять истину?! Писателю, истинному художнику, если хотят, чтобы его энергия и все существо его тщилось создавать ценности вне времени и политич[еских] перестроений, — ему д[олжна] б[ыть] предоставлена полная воля в творчестве. Ибо истинное худож[ественное] произведение не собьется ни на памф-

лет, ни на пасквиль, как Вы писали мне. Мож[ет] быть, в России и дозволит писателю писать не только отвечающее пролетарскому укладу, м[ожет] быть! Но пока я не вижу органов печати с таким правом. Вы сами писали, что готовы были получить протест по поводу отрывков из Ваш[его] романа «В тупике». М[ожет] быть. Но пока, здесь живя, я не найду себя, не могу взять пера, я, повторяю, болен. Мне нужно отойти подальше от России, чтобы увидеть ее все лицо, а не ямины, не оспины, не пятна, не царапины, не гримасы на ее прекрасном лице. Я верю, что лицо ее все же прекрасно. Я должен вспомнить его. Как влюбленный в отлучке вдруг вспоминает непонятно-прекрасное что-то, чего и не примечал в постоянном общении. Надо отойти. Иначе может выйти «памфлет и пасквиль». Вы, чуткий и умный, Вы поймете. Я уехал бы самое большее — на год-два. Чем бы я стал жить? Надеюсь запродавать как[ому]-либо издательству, — м[ожет] б[ы]ть, Универс[альная] библ[иотека]¹² отрядится, некоторые свои книги, м[ожет] б[ы]ть, детские даже. Теперь, проживя год так, как я жил, питаясь буквально одним хлебом и то не досыта, видя полчашки молока раз в месяц, сахар заменяя солью, мыло — золой, а папиросн[ую] бумагу — старым «Миром Божиим»¹³, чернила — соком неведомых ягод, превратившись из свободного и независим[ого] писателя — в нищего, который должен ждать какого-то пайка (и за что?) — я смогу жить на пустяк и храбро, не пугаясь беспомощности от голода. Теперь, когда жена, без обуви, подбивая вместо кожи кусок линолеума (и это каждый день!), должна бегать за 2 версты — не даст ли наробраз фунт керосину или муки, — теперь мне не страшно (и ей) продать свои книги и за пустяк какому-ниб[удь] издателю-немцу — для России, если не найдется русского немца или его подобия в России.

Вы понимаете? Теперь, когда я не могу свободно ездить и ходить по России, ибо сейчас, конечно, не до того, чтобы дать возможность писателю свободно и с удобством обозревать жизнь и вдумываться в нее, — я хотел бы бродить по деревням Швейцарии и вглядываться в иное. Для работы мне нужно если не движение, то сознание, что я всегда смогу двигаться (это, м[ожет] б[ы]ть, «болезненное»). А здесь я не могу двигаться уже по одному тому, что мне и не в чем. Вот, приблиз[ительно], все мотивы. Я прошу Вас, как друга — позвольте с В[ашего] разреш[ения] так выразиться, как писателя помочь мне в этом деле. Разрешением

на выезд, поверьте, я не воспользуюсь в ущерб интересам сущ[ествующего] строя. Я не политик, я хочу быть только писателем-художником. Я не журналист и им не стану. Если Вы предпримете шаги для [того, чтобы] мне помочь и если результ[ат] буд[ет] положит[ельным], не откажите помочь мне выехать в Москву. У меня есть телегр[амма] Луначарского на имя Крымревкома о предост[авлении] мне возможности выехать с удобствами, но в ней ни слова о жене, да к тому же она еще от июня. Тогда я не мог, не имел сил выехать. Еще одно: не знаю, получил ли ВЦИК мое заявление по делу сына. Ни звука. Это письмо (заявл[ение] на ВЦИК), равно и письмо Лунач[арско]му и Горькому любезно согласилась взять для передачи на Москву т. Фофанова, чл[ен] полномочной ком[иссии] ВЦИКа, в августе. Теперь декабрь — и ни звука. М[ожет] б[ыть], если будет случай, спросите по телефону или когда будете видаться с к[ем]-либ[о] из ВЦИК. Я имел случай познакомиться у Вас с П[етром] Герм[огеновичем]. М[ожет] б[ыть], он вспомнит обо мне, если Вы скажете, что я через Вас прибегаю к его посредству, прошу его любезного одолжения навести справку. Я верю, что люди все же люди и высок[ие] человечес[кие] свойства не теряются от принадл[ежности] или непринадл[ежности] к той или иной форме деят[ельной] жизни. Кстати — жена печет лепешку из... отрубей — и я вспомнил: нет, несмотря на обещания Вам в Симфер[ополе], ни я, ни Ценский не получили никак[ого] пайка академ[ического]. Только недели 3 тому здесь нам выдали по 14 ф[унтов] муки как членам союза професс[ионального]. И то случайно. Смешно! У меня сейчас ни копейки, не на что купить головки чеснока! Я теперь иногда съедаю дольку, чтобы «окрепнуть», ибо в этом овоще есть что-то вроде витамина, что-то возбуждающее. Вот: я написал более 120 листов хороших и, м[ожет] б[ыть], нехороших рассказов, мои книги хорошо читались, я много для детей написал, меня и переводили, и вот я после 17 лет писат[ельской] деят[ельности] не имею гроша на луковку! Или уж я и впрямь дрянь и никуда[ыш]ник? Ну тут уж и Вы ничего сделать не смогли бы, если бы и здесь были. Надоело все это нищенство и противно. Я живу желанием, как только смогу, вернуть все эти четверки скверного пайка и соли, все эти куски народу. Правда, я кое-что сделал и для народа, немного, но

все же и для народа писал, и у меня еще осталась эта интеллиг[ентская] привычка почитать себя «должником народа». Пора бы расстаться и с этим предрассудком. Напишите, — Вы обладаете прекрасным даром — писать письма содержат[ельные] и четкие (я не могу владеть мыслями и «растекаюсь») — как и чем живут писатели в Москве, есть ли частные, вольные издательств[ва], как наше бывшее Книгоизд[ательств]во писателей? Какие перспективы? Есть ли возможность запродать свои книги (авт[орские] права, хотя бы на срок или в кре[дит]), конечно за твердые деньги. Жду, не напишет ли Ив[ан] Андр[еевич] Данилин. Я ему три письма послал. Ох, простите, намелил я, удручил Вас, б[ыть] м[ожет]? Ведь нудное все, больное. У нас погода сухая, ясная, ночами морозы 5° — 6°. Дождей нет уже 3 — 4 мес[яца]. Ценский продал и коров, продает материал — железо, доски, повозку, упряжь. Все же у него хоть деньги водятся, слава Богу. И я ему за молоко бывшее чуть должен. А больше я никому не должен и могу умереть чистым. С нетерпением буду ждать В[ашего] письма (ни от кого нет! что такое?!). Забыли, забыли. Да и за что помнить, на сам[ом] деле? А теперь впору до себя лишь. Время крепкое, костяное, слоновой кости! И люди стали сухи и звонки, как кость. Звука мякоти не слышать. А слова — медь звенящая. Если кто случится в Крым, на Симферополь, лучше оказией письмо, а то что-то запропадают письма. На К. А. Тренева, Казанская, 22, мне. А он мне перешлет оказией. Обнимаю Вас, привет наш М[арии] Г[ермогеновне].

Ваш Ив. Шмелев

В Москве — Институт изящной словесности!¹⁴ Это, конечно, хоть и изящно, но не лишне. Лишне будет, если не выйдет изящной словесности, а только словесность сугубая. И лишь бы не однокрасочная. Конечно, институты не делают писателей, как академии худож[еств] — выдающ[ихся] живописцев, а консерват[ории] — композиторов, но «изящное» образование очень не лишне для любителей блузы. Лишь бы не народились «копиисты» и мастера *contre-façon'ov*. Они

¹⁴ подделок (фр.).

уже появлялись за посл[еднее] время (Лидин¹⁵, напр[имер], и tutti quanti с выговором и без оно́го). Особенно мастера на «мануфактурные изделия», господа с сугубо русскими фамилиями. О, теперь еще лучше будут писать шустрые писаря литературные, и вряд ли хладное сердце В. Брюсова вложит (вольет) огонь в души студентов, на сие надо иметь и уголь, пылающий огнем от шестикрылого Серафима. А у В. Брюсова очень хорошая манера думать и выражать мысли, прекрасно постав[енная] голова, хоть и срезана чересчур смело, но крыльев я что-то не видал. М[ожет] б[ыть], выросли? У Городецкого¹⁶ вон, как у курицы: что ни на есть — перо новое, чистое и все в русском стиле. Роковая фамилия, хоть и менее загадочная, чем у Валерия. Впрочем, Серафим-то найдется, хоть и не Саровский, и не шестикрылый, а все таки из духовного быта — Попов¹⁷. Что сей будет читать в оной академии? Еще раз оговорюсь — я не враг «академии», она не лишняя, лишь бы не задавалась целью класть отпечаток — слабость, присущая «академизму» вообще.

Ваш Ив. Шмелев

(ф. 1398, оп. 2, ед. хр. 645, л. 1 — 2 об.)

Примечания

¹ Фофанова Маргарита Васильевна (1883 — 1976) — участник революционного движения с 1903 г., член РСДРП(б) с 1917 г. В 1918 — 1921 гг. член Коллегии Наркомзема РСФСР, выполняла поручения Советского правительства в Крыму.

² Галланд — вероятно, сотрудник Центросоюза или Внешторга. В письме к К. А. Трениеву он упоминается как Галлон. «... И если бы не выдача по распоряжению Галлона пайка от Центросоюза — гибель». В этом же письме Шмелев просит узнать «... в Центросоюзе или Внешторге, что с моим письмом случилось» (ф. 1398, оп. 2, ед. хр. 537, л. 1 и об.).

³ Смидович Петр Гермогенович (1874 — 1935) — участник революционного движения, в эти годы член Президиума ВЦИК, троюродный брат В. В. Вересаева.

⁴ Товарищество «Книгоиздательство писателей в Москве» было учреждено в 1912 г., просуществовало до 1924 г. Его материалы частично сохранились в РГАЛИ в ф. 1440 (Данилин И. А.), оп. 1, ед. хр. 336 — 345.

⁵ Данилин Иван Андреевич (1870 — 1941) — писатель, член «Книгоиздательства писателей в Москве», после Октябрьской революции работал в Наркомпросе и Госиздате. В это время жил в том же доме,

всякие другие (ит.).

где находилась квартира Шмелева. Упоминание «неведомого языка» подразумевает, по-видимому, новую орфографию.

⁶ Смидович Мария Гермогеновна — жена В. В. Вересаева, родная сестра П. Г. Смидовича.

⁷ Южный Альманах. Кн I / Под ред. А. Б. Дермана, К. А. Тренева, Я. А. Тугендхольда. Симферополь: Крымиздат, 1922.

⁸ Клестов (псевд. Ангарский) Николай Семенович (1873 — 1943) — писатель, критик, член «Книгоиздательства писателей в Москве» и редактор издательства «Недра».

⁹ Сергеенко Петр Алексеевич (1854 — 1930) — беллетрист, литературный критик; автор книг и статей о Л. Н. Толстом, его знакомый и корреспондент (см. о нем в «Яснополянских записках» Д. П. Маковицкого: Литературное наследство. Т. 90: В 4 кн. М., 1981).

¹⁰ Милованов Пантелей Афанасьевич — кто именно, выяснить не удалось; возможно, родственник Шмелева.

¹¹ Письмо, о котором упоминает Шмелев, скорее всего действительно не дошло, во всяком случае, вместе с другими письмами к Вересаеву в РГАЛИ оно не поступило. Письмо же от 3 декабря 1921 г. было направлено с оказией в Симферополь, вместе с письмом Шмелева от 4 декабря 1921 г. к Треневу. В нем Шмелев писал: «Да вот еще просьба, — посылаю на Вас письмо для В. В. Вересаева. Пожалуйста, или сами перешлите с едущими в Москву, если есть уверенность, что они его доставят, или передайте Анатолю. Конст. Сынопалову (Суворовская, 6) с просьбой от меня. Очень обяжете, дорогой К. А. Знаете, у меня нет ни копейки, чтобы купить головку лука, а не то чтобы франкировать письма! Живая правда! А письмо это для меня очень важное, я прошу Вер[есаева] помочь мне выехать в Москву и еще о справках по делам в ВЦИК и Наркомпросе» (ф. 1398, оп. 2, ед. хр. 537, л. 4 и об.). Трудно сказать, почему не была исполнена просьба Шмелева, но лишь много лет спустя, минуя адресата, это письмо в составе архива Тренева воссоединилось в РГАЛИ с другими письмами.

¹² «Универсальная библиотека» — серия книг, издававшаяся акционерным обществом В. М. Антика и М. Ф. Фрумкина, существовавшим до 1921 г.

¹³ «Мир Божий» — литературный и научно-популярный журнал, выходивший в 1892 — 1906 гг.

¹⁴ Имеется в виду организованный В. Я. Брюсовым в 1921 г. Высший литературно-художественный институт (ВЛХИ). Помещался в здании Дворца Искусств (см. публикацию А. Л. Евстигнеевой в этом выпуске «Встреч с прошлым»).

¹⁵ Лидин Владимир Германович (1894 — 1979) — писатель.

¹⁶ Городецкий Сергей Митрофанович (1884 — 1967) — поэт, один из организаторов акмеистического «Цеха поэтов».

¹⁷ Имеется в виду Попов Александр Серафимович (псевд. А. Серафимович; 1863 — 1949) — участник «Книгоиздательства писателей в Москве».

БОРИС ПАСТЕРНАК И СЕРГЕЙ БОБРОВ: ПИСЬМА ЧЕТЫРЕХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Публикация М. А. Рашковской

Начало профессиональной литературной деятельности Б. Л. Пастернака связано с его участием в литературных объединениях «Лирика» и «Центрифуга». История этих групп и место Пастернака в них сейчас довольно подробно изучены. Этой проблеме посвящены работы Л. Флейшмана, обзор писем Пастернака к Боброву автора этих строк, подробно изложены перипетии литературной жизни московского молодежного авангарда 1910-х годов в книге Е. Б. Пастернака¹. Однако для удобства читателя мне придется напомнить некоторые основные моменты литературной биографии Бориса Пастернака того времени. Думаю, что публикация всего корпуса переписки Пастернака и Боброва безусловно выявит новые подробности в истории творческого становления поэта.

Ровесник Пастернака, Сергей Павлович Бобров родился 27 октября 1889 года в состоятельной, но не слишком счастливой и благополучной семье. Отец его был человеком ярким, увлекающимся, известным шахматистом-любителем, издателем первого в России шахматного журнала. К сожалению, он не был деловым человеком, и его собственные средства, и приданое горячо любившей его жены были довольно быстро истрачены на различные авантюрные предприятия. Семья пережила разорение, родители расстались. Мать и младшие дети вынуждены были жить на деньги родни. Старший сын, Сергей Павлович, был предоставлен в основном самому себе и зарабатывал на жизнь уроками и работой электромонтера. Он унаследовал от отца математические способности, от матери — детской писательницы — литературное дарование. В отрочестве он увлекся живописью и в 1904 — 1907 годах учился на общеобразовательном отделении Училища живописи, ваяния и зодчества. Бобров был связан с группами «Бубновый валет» и «Ослиный хвост», участвовал в их выставках.

Параллельно с занятиями в училище он писал стихи и искал связи со своими кумирами — В. Брюсовым и А. Белым. Первые встречи и разговоры с ними описаны в дневниках 1909 — 1913 годов: «А я Брюсова купил!.. «Все напевы»!.. Удивительный! Вековой! Чудный! — Брюсов. Я купил его портрет, и он магом возвышается у меня в комнате»². Своему детству и трудной юности, друзьям и кумирам того времени Бобров посвящает автобиографическую повесть «Мальчик»³. В 1908 году в журнале Н. Г. Шебуева «Весна» впервые были напечатаны стихи Боброва «Spiritus». Редакция этого журнала была неким центром молодых поэтов. Именно там 8 апреля 1909 года Бобров познакомился с Николаем Асеевым и серьезно занялся просвещением юного провинциала: «Вчера с Асеевым с шебуевской вечеринки пошли к нему. Живет он у черта на куличках — на Зацепе. Прочел он мне свой рассказ — слабый, слабый, наивный, наивный, до глупости. Разочаровал я его в этом рассказе до ужаса, так что он хотел его тут же разорвать, но я отговорил. Милый он мальчик, но уж очень зелен. Потом, когда я начал говорить ему о Уайльде, о искусстве, о литературе, он слушал меня почти с благоговением. Как только я рот открою, он замолчит и внимательно, внимательно поворачивает голову за мной — слушает»⁴.

Честолюбивый и общественно активный Бобров стремился к организации кружка молодежи с собственным журналом, в редакторы которого он прочил себя, но подобное предприятие требовало денег, а их не было. По протекции Брюсова Бобров устроился на работу сначала секретарем Общества свободной эстетики, затем в редакцию журнала П. И. Бертенева «Русский архив». Какое-то время в этой редакции работал и Н. Асеев. А Белый привлек Боброва к занятиям в молодежных кружках при символистском издательстве «Мусагет» (руководители А. Белый, Ф. А. Степун и К. Ф. Крахт). В этих кружках и группировалась в основном московская литературно-художественная молодежь. Об их работе вспоминали позднее Андрей Белый, С. Дурылин, Б. Пастернак, К. Локс. Именно там, а еще в собиравшемся в доме Юлиана Павловича Анисимова кружке «Сердарда», сблизились будущие участники «Лирики» и «Центрифуги».

Сергей Павлович в своих воспоминаниях 1960-х годов пишет, что он сразу же, при первой встрече, был заворожен стихами Пастернака. На самом деле это было не совсем так. Имя Пастернака практически не упоминает-

ся в те годы в дневниках Боброва (единственное исключение — запись 29 ноября 1912-го, где перечисляются посетители вечера в Обществе свободной эстетики). Дурылин, вспоминая о реакции на стихи Пастернака большинства посетителей анисимовского кружка, пишет, что «Бобров — снисходил»⁵. Более близкое знакомство и взаимный интерес возник у них лишь с появлением возможности своего издательства. Для Пастернака вехой в их отношениях стал вечер 29 января 1913 года у Боброва, проведенный вместе с Асеевым и Локсом, «когда стол был осыпан корректурным цветением и я с восторгом копошился в нем»⁶.

В 20-х числах апреля 1913 года вышел из печати альманах «Лирика». Он был издан на средства Сидорова и Дурылина, обложку оформил Бобров. Организация «Лирики», выход в свет ее альманаха совпали для Пастернака с окончанием университета и подготовкой к государственным экзаменам. Первое письмо к Боброву в юмористической форме трактует именно эти задачи, стоявшие перед корреспондентом. После сдачи экзаменов Пастернак уехал на снятую родителями дачу в имении Молоди близ станции Столбовая Курской железной дороги. Там он собирался за лето подготовить книгу статей «Символизм и бессмертие», объявленную «Лирикой». Но вместо теоретической прозы все лето Пастернак писал стихи, составившие его первый поэтический сборник «Близнец в тучах». «Близнец» вышел в свет в декабре 1913 года, почти одновременно с первой книгой Николая Асеева «Ночная флейта». Технической стороной издания и альманахов, и авторских сборников занимался Бобров. В его материалах сохранились автографы нескольких стихотворений Пастернака, впервые напечатанных в «Близнеце», — «Лирический простор», «Близнец на корме», первоначальный вариант «Ночного панно», доселе неопубликованный. Еще летом 13-го года Бобров начал обдумывать состав участников и содержание второго альманаха «Лирики». И здесь выяснилось, что между членами группы на самом деле мало общего. Судя по переписке с Асеевым, Боброва, человека позитивистских и антиклерикальных взглядов, да к тому же и с сильными лидерскими наклонностями, раздражали в Дурылине его искания в области национально-религиозных традиций России, а в Станевич и Анисимове их антропософские увлечения. В «Записях о прошлом» Бобров объясняет это следующим образом: «Мы уже начинали жестоко уставать от наших старших собратьев!

Мы понимали, что Белый был очень талантливый человек. Но «Мусaget» постепенно окутывался в такой чад невыносимого теософского мистицизма. И однажды мы не выдержали. Отреклись ото всего, что было напыщенным символизмом, скукой и гробокопательством натянутого, лакированного и лакейского эстетизма. Подняли бунт против нескольких довольно слабых стихоплетов, опиравшихся на наши таланты, и сбежали. В футуризм! [...] Тут-то мы и организовали нашу Центрифугу. Но мы оказались, по крайней мере, на первых порах — не совсем желательными гостями у футуристов. На нас еще был слишком отчетливый налет мусагетского воспитания. Мы оказались на самом правом крыле футуризма [...] Вышла первая книжечка Бори. Мариэтта Шагинян встретила ее отборной руганью. Это нам мстили через ее голову оставленные друзья»⁷.

22 января 1914 года Асеев, Бобров и Пастернак, ссылаясь на «пассеистические, антихудожественные тенденции» в книгоиздательстве «Лирика», объявили об образовании «Временного экстраординарного комитета «Центрифуга». Ситуацию, сложившуюся в результате этого, Бобров резюмировал в следующем заявлении, обращенном к предполагавшемуся третейскому суду: «22 сего января три члена кн[игоиздательств]ва «Лирика» Н. Н. А[сеев], С. П. Б[обров], Б. Л. П[астернак] разослали остальным членам кн[игоиздательства], а именно: Ю. П. А[нисимову], В. О. А[нисимовой], К. Г. Л[оксу], С. Н. Д[урылину], С. Я. Р[убановичу] декрет следующего содержания...»⁸ В ответ на это члены к[нигоиздательств]ва, не имеющие отношения к «Центрифуге», собрались 24 сего января, не известя ни одного из членов к[нигоиздательств]ва, подписавших декрет «Центрифуги», и на собрании этом, которое ими трактовалось как «общее собрание к[нигоиздательств]ва «Лирика», постановили исключить из состава к[нигоиздательств]ва членов его, подписавших декрет «Центрифуги», а именно: Н. Н. А[сеева], С. П. Б[оброва] и Б. Л. П[астернака].

Не входя в критику поступков той и другой стороны, мы должны констатировать, что книгоиздательство сими двумя декретами разбито на две партии столь резко, что дальнейшая совместная работа явно невозможна и, очевидно, и нежелательна»⁹.

Вероятно, причинами для разрыва послужили не только творческие разногласия и особенности характера Боброва, о которых впоследствии писал Пастернак¹⁰.

Они коренились и в сугубо личных отношениях. Так, бестактные придирки Юлиана Анисимова к стилистическим особенностям поэзии Пастернака были восприняты им как антисемитские и повлекли за собой ссору, едва не приведшую к дуэли. В то время, когда память о недавнем процессе Бейлиса была еще свежа, подобные высказывания не могли не вызвать обостренной реакции со стороны Пастернака. Вероятно, и позиция Дурылина, пытавшегося неудачно выразить в этот момент, как ему казалось, объективную точку зрения на роль еврейства в современном мире, оскорбила Пастернака и привела их к длительному отдалению друг от друга¹¹.

* * *

После распада «Лирики» Бобров стал предпринимать шаги к изданию следующего альманаха уже с новыми союзниками, которых он искал среди петербургских эгофутуристов. Стихи прислали Василиск Гнедов, Рюрик Ивнев, П. Широков. Предполагалось, что основной полемический заряд будет направлен против бывших друзей. Но в марте 1914-го вышел кубофутуристический сборник «Первый журнал русских футуристов» (ПЖРФ). Участвовали в нем К. Большаков, Н. и Д. Бурлюки, В. Каменский, Б. Лившиц, В. Маяковский, В. Хлебников, В. Шершеневич. В сборнике была напечатана разгромная рецензия на публикации «Лирики», в том числе на книги Пастернака и Боброва: «В номере гостиницы русской литературы, который только что покинула «тяжкая армада старших русских символистов», остановилась переночевать компания каких-то молодых людей. И вот они уже собирают разбросанные их предшественниками окурки, скучно сосут выжатый и спитый лимон и грызут крошечные кусочки сахара... Читатель, вы, верно, уже догадались, что я говорю о «Лириках», т. е. о молодых людях, выпускающих все чаще никому не нужные книжки, на которых неумело-незатейливо написано: «Книгоиздательство «Лирика». И вот передо мной еще одна такая книжка, полная тоски и переливания из пустого в порожнее [...]»¹² Бобров не счел возможным оставить без ответа эти выпады. Поэтому полемический заряд «Центрифуги» был направлен против группы ПЖРФ. Первый альманах «Центрифуги» — «Руконог» вышел в свет в апреле 1914 года. В него вошли стихи Н. Асеева, С. Боброва, В. Гнедова, Р. Ивнева, И. Игнатьева, Е. Кузьминой-Караваевой, Д. Крючкова, Б. Пастер-

нака, П. Широкова. Библиографический обзор был составлен Бобровым. Обложка его же работы. На обложке девиз:

«В центре рифа fuga,
Блаженствуй, Центрифуга».

В «Руконоге» три стихотворения Пастернака — «Цыгане», «Об Иване Великом», «Мельхиор». Они разительно отличаются от опубликованных в «Близнеце» своей нарочитой футуристичностью. По позднему свидетельству самого Боброва, эти стихи Пастернак писал по его заказу. Манера была оговорена заранее.

Сборник был составлен второпях. Художественно единого целого собой не представлял. Собственно поэтическая часть его была слаба. Пастернаку принадлежит основная критическая статья сборника — «Вассерманова реакция». В ней он пишет о существовании футуризма истинного и ложного, созданного на потребу публике. Предметом анализа послужило творчество Вадима Шершеневича. Полемика с «Первым журналом русских футуристов» в «Вассермановой реакции» не выходила за академические рамки. Остальные критические материалы «Руконога» не имели столь сдержанного тона. В книжном обозрении под псевдонимом ЦФГ Бобров писал: «После долгих обещаний вышел в свет № 1 — 2 «Первого журнала русских футуристов». За чем смотрит городское управление? — это уже не первый случай, как в Москве лопаются канализация и зловоние покрывает богоспасаемый наш город!»¹³ Кроме того, в «Руконоге» была опубликована прямо обращенная к группе кубофутуристов «Грамота», отрицающая за ними право называться футуристами. Она провозглашала первым русским футуристом покойного И. В. Игнатьева. Текст ее крайне груб и несдержан. «Грамота» была подписана Асеевым, Бобровым, Ильей Зданевичем и Пастернаком. Подпись Зданевича была получена заочно — через Михаила Ларионова. Поставленный перед необходимостью ответить перед петербургскими футуристами за содержание подписанного им документа, Илья Зданевич обвинил издателей в самовольном использовании его подписи. В письме в редакцию газеты «Новь» Бобров оправдывался следующим образом: «Грамота», напечатанная в сборнике «Руконог», была передана в рукописи М. Ф. Ларионову, ехавшему в Петербург, по его просьбе для представления ее г. И. Зданевичу. По возвращении из Петербурга М. Ф. Ларионов вернул редакции рукопись с указа-

нием, что г. И. Зданевич, читавший ее, согласен с нею и дает свдю подпись»¹⁴.

«Нарождение «Центрифуги», — вспоминал Пастернак в «Охранной грамоте», — сопровождалось всю зиму нескончаемыми скандалами. Всю зиму я только и знал, что играл в групповую дисциплину, только и делал, что жертвовал ей вкусом и совестью». Очередным скандалом могла стать и знаменитая встреча представителей двух групп — кубофутуристов и центрифугистов. 2 мая редакция ПЖРФ отправила в «Центрифугу» письмо, подписанное Большаковым, Маяковским и Шершеневичем с требованием личной встречи для объяснений. Точная дата этой встречи неизвестна. Скорее всего, она произошла в 20-х числа мая, когда Пастернак, с конца апреля живший на даче у Балтрушайтисов, приезжал в Москву. Пастернак дважды, в «Охранной грамоте» и в «Людах и положениях», описал эти переговоры в арбатской кондитерской — его первое знакомство с Маяковским. Воспоминания о них есть и в поздних записях Боброва. Судя по ним, именно участие Пастернака и Маяковского в этой «журнальной перебранке» (определение Боброва) и их заинтересованность друг в друге позволили окончить переговоры мирно. Формально «Центрифуге» пришлось признать свою неправоту. Редакцией «Руконога» было составлено следующее письмо: «К[нигоиздательств]во «Центрифуга» по требованию редакционного комитета «Пер[вого] Жур[нала] Рус[ских] Фут[уристов]» заявляет здесь, что брань в сборнике «Руконог», направленная по адресу составителей «Пер[вого] Жур[нала] Рус[ских] Фут[уристов], как-то: [...] а также ложное раскрытие псевдонимов авторов в заметке в «1 ЖРФ» об изданиях к[нигоиздательств]ва «Лирика», стр. 44, признаются нами недобросовестными и стоящими вне литературной этики»¹⁵.

Лето 1914-го Пастернак прожил на даче Ю. К. Балтрушайтиса близ Алексина репетитором его сына Георгия. Там он переводил комедию Г. Клейста «Разбитый кувшин» по заказу только что открытого Камерного театра, в котором Балтрушайтис заведовал литературной частью. Бобров в Москве собирал материал для второго альманаха «Центрифуги». По этому поводу у него шла переписка с Б. Кушнером, Р. Ивневым, В. Гнедовым, просил он прислать что-либо и Пастернака. Встреча с Маяковским, неудача «Руконога», недовольство литературными скандалами — все это отразилось в летних письмах Пастернака Боброву. Постоянное общение с

крупными, признанными литераторами, связанными с символистской традицией (у Балтрушайтисов часто бывал Вячеслав Иванов, живший рядом на даче), не могло не сказаться на самосознании Пастернака. Дружеское внимание маститых поэтов объективно ставило его выше окололитературных дрызг и скандалов прошедшей зимы. Перевод «Разбитого кувшина» не был поставлен в Камерном театре, возможно, из-за связанных с начавшейся войной антигерманских настроений. Секретарь редакции петербургского журнала «Современник» Е. Г. Лундберг принял в журнал перевод и статью Пастернака о Клейсте. К сотрудничеству в «Современнике» он привлек и Боброва, предложив напечатать его статьи о старших символистах и об Якобе Бёме.

Конец 1914 — 1916 год, пожалуй, время наибольшего внутреннего сближения Пастернака с Маяковским. Не случайно в «Охранной грамоте» даже в желании идти на фронт добровольцем Пастернак объединяет себя с Маяковским и Большаковым. Война, поездка в Петербург в конце 1915-го, встречи там с Маяковским и другими молодыми литераторами, дружба с сестрами Синяковыми — все это новые темы и новые впечатления, вошедшие в стихи 1915 — 1916 годов. Для «Второго сборника Центрифуги» Пастернак пишет теоретическую статью «Черный бокал». Футуризм в ней представлен как закономерное явление развития искусства и действительности. В отличие от большинства манифестов и программных статей разных авангардных групп, статья Пастернака отказывается усмотреть основную родовую черту современного искусства в отражении примет убыстрившегося ритма жизни, бурно развивающейся техники, т. е. всего того, что привыкли связывать с футуризмом как художественным выражением индустриально-урбанистической эры. Пастернак убежден, что истинная суть футуризма во внутренней силе и внутренней напряженности самой лирической поэзии.

В январе 1916-го Пастернак приехал на Урал во Всеволодо-Вильву. Там он был принят в контору химического завода, на котором работал Борис Ильич Збарский, знакомый семьи Пастернаков. В это же время во Всеволодо-Вильве некоторое время пробыл Евгений Германович Лундберг. Там весной 1916 года Пастернак получил от Боброва «Второй сборник Центрифуги».

Пастернак пробыл на Урале до середины лета. Затем он вернулся в Москву, вероятно, остаток лета провел на

даче у родителей, готовя к изданию второй сборник стихов. Название его обсуждается в письмах к уехавшему в Железноводск Боброву. На это время приходится оживление деятельности «Центрифуги». Оно связано с появлением новых союзников и с новыми финансовыми возможностями. Выходившие в конце 1916-го и в 1917 году издания «Центрифуги» финансировал поэт, издатель и режиссер Самуил Матвеевич Вермель и Иван Александрович Аксенов — поэт, переводчик и художественный критик, один из активистов тогдашнего литературно-художественного авангарда, специалист по английской литературе. Во время войны Аксенов находился в действующей армии. После выхода «Второго сборника Центрифуги» он наладил оживленную переписку с Бобровым, перевел под гриф «Центрифуги» уже печатавшийся сборник его переводов английской драматургии XVI — XVII веков «Елизаветинцы». Аксенов оказался как раз тем единомышленником и союзником, которого до сих пор недоставало Боброву. Он очень серьезно отнесся к перспективам развития «Центрифуги», планировал создание на ее основе не только регулярного журнала, но и выставочного зала для экспонирования современной русской и западной живописи. В письмах к Боброву Аксенов развивает планы борьбы с другими литературными группами и излагает тактику завоевания руководящего положения в художественной жизни Москвы и Петрограда.

Книга «Поверх барьеров» печаталась осенью 1916 года в типографии «Автомобилист» одновременно со сборником Асеева «Оксана». Своей второй книге Пастернак предпослал эпиграф из стихотворения английского поэта Алджернона Чарлза Суинберна. Теперь он предполагал заняться переводом его трилогии о Марии Стюарт. В начале октября 16-го года Пастернак уезжает на заводы П. К. Ушкова в Тихие Горы Елабужского уезда Вятской губернии. Там он был определен на работу в военно-учетный стол. В Тихих Горах он пробыл полгода. За это время были написаны две рецензии на только что вышедшие книги: Асеева — «Оксана» и Маяковского — «Простое как мычание». Обе были присланы ему Бобровым. На сборнике Маяковского Бобров сделал надпись: «Милому Боре по уже изложенным основаниям. Не Маяковский, а Сергей Бобров». Сугубо групповые претензии Боброва к Маяковскому, поддержанные Аксеновым, не находили сочувствия у Пастернака. Это был один из постоянных спорных моментов в переписке с Бобровым.

«Надо радоваться тому, что есть один такой и нет другого», — писал Пастернак, в то же время утверждая, что яркую самобытность образного строя поэтической системы Маяковского не считает безусловным образцом для дальнейшего развития поэзии¹⁶.

Кроме переводов Суинберна, рецензий на книги Маяковского и Асеева, в Тихих Горах он писал и оригинальные стихи и прозу. В январских письмах Боброву и родителям он сообщает о новелле «стиля Апеллесовой», о намерении приготовить к весне книгу прозы. В одном из писем к Боброву он приводит отрывки статьи, которую уже начал набрасывать, в письме к родителям 10 февраля 1917 года упоминает название третьей новеллы — «Карета герцогини». «Учусь писать не новеллы, не стихи, но книгу новелл, книгу стихов» — это принципиальное для его дальнейшего творчества замечание сделано Пастернаком уже тогда.

Работа над Суинберном, над книгой прозы была внезапно прервана. 8 февраля Пастернак пишет Боброву, что накануне начал «нечто поэтическое». Это были наброски к фантазии «Поэма о ближнем». Эта поэма, так и не опубликованная при жизни автора, оставшаяся среди рукописей, приготовленных для «Третьего сборника Центрифуги», в момент ее создания полностью завладела Пастернаком. В письмах и телеграммах к Боброву он настаивал на ее включении в готовящийся сборник, спрашивал о мнении Боброва, интересовался отзывом своего университетского однокурсника по историко-филологическому факультету К. Г. Локса¹⁷. В письме к Локсу Пастернак говорит о поэме, как о первой попытке «выйти за тесные границы лирической миниатюры»¹⁸.

Поэма не была окончена. Произошла Февральская революция. В начале марта Пастернак возвратился домой с замыслами драмы из времен Великой французской революции.

Бобров, служивший в Союзе городов, изыскивал возможности для издания третьего сборника, собирал рукописи участников — Асеева, Аксенова, Пастернака. Февральская революция, октябрьский переворот, разруха и начавшаяся гражданская война не позволили осуществить издание. Материалы для него долгие годы хранились в собрании Сергея Павловича. Он много раз в восемнадцатом — начале двадцатых годов пытался возродить «Центрифугу». В докладных записках, посылавшихся в Наркомпрос и Госиздат, указаны подготовленные к

изданию книги Асеева, Аксенова, Большакова, Брюсова, Боброва, Ивнева, Пастернака. Но все попытки в основном были тщетны. Возможности для публикаций возникали эпизодически в эсеровских газетах «Знамя труда» и «Воля труда», в журнале «Печать и революция», в малотиражных сборничках, таких, как «Ярь» и «Лирень». Из-за невозможности прожить на литературный заработок Бобров начинает заниматься статистикой. Он работает в статистическом отделе Наркомпочтеля, затем в ЦСУ и Госплане.

С окончанием гражданской войны, введением нэпа несколько стабилизируется жизнь в России, появляется возможность легального выезда за границу: для одних — на время, для других — навсегда. В 1921 году Леонид Осипович и Розалия Иосифовна Пастернаки с дочерьми уезжают с советскими паспортами в Берлин, надеясь, что на время — полечиться, отдохнуть. Осенью 1922-го к ним с молодой женой — художницей Евгенией Владимировной Лурье — едет Борис Леонидович. К этому времени он уже не начинающий литератор, а известный поэт, автор только что вышедшей третьей книги стихов «Сестра моя, жизнь». Письма Пастернака к Боброву из Германии, где он пробыл до конца марта 1923 года, позволяют представить его место в том своеобразном явлении общественной и культурной жизни, которое получило название «Русского Берлина»¹⁹.

Отношения Пастернака с Бобровым после его возвращения из Берлина, вероятно, правильнее будет считать отдаленно-дружескими. Бобров бывает у Пастернаков в доме, присутствует на его творческих вечерах, ревниво-заинтересованно следит за его растущей известностью. Но профессиональное сотрудничество у них не возобновляется, не возникает и внутренней близости. К тому же Бобров резко отрицательно относится к Лефу, к его идейным и творческим установкам и к большинству его участников. Пастернак же в середине 20-х годов как раз сближается с этой группой. Сближение было обусловлено личными симпатиями к Маяковскому и Асееву и ни в коем случае не означало, что Пастернак разделял вульгарно-упрощенные взгляды на искусство, провозглашавшиеся теоретиками Лефа — Бриком и Третьяковым, и откровенный сервизм по отношению к правящей идеологии и государству, который вожаки Лефа ставили себе в заслугу²⁰.

В 1934 году Бобров был арестован и выслан в Кокчетав, затем жил в Александрове, расположенном в ста с лишним километрах от Москвы. Только перед самой

войной он получил возможность вернуться в столицу. Многие годы он не мог опубликовать свои самые значительные, основополагающие для него произведения — повесть «Мальчик», поэмы «Евгений Делакруа, живописец», «Сентиментальное путешествие», поэтическое переложение «Песни о Роланде».

В годы войны Бобров был в эвакуации в Ташкенте, затем вернулся в Москву. Он работает над автобиографической прозой, пишет научно-популярные книги для детей по астрономии и математике. Вместе с женой, Марией Павловной Богословской, занимается переводами — сказки Перро, «Повесть о двух городах» Диккенса, «Красное и черное» Стендаля. Он бывает у Пастернака в Переделкине, читает его новые работы, в том числе и неопубликованные, главной из которых был роман «Доктор Живаго». Однако, подобно многим старым знакомцам поэта, Бобров не мог принять ни тогдашнего духовного настроения Пастернака, ни его художественного новаторства. В дневниках и письмах Боброва много раздраженных и недоуменных высказываний о «Докторе Живаго».

Отзвуком тогдашних споров полнится и последнее письмо Пастернака к Боброву от 7 декабря 1950 года, написанное в связи с переводом «Красного и черного». Воздавая должное прекрасному искусству Стендаля и его переводчиков, Пастернак дает понять, что это искусство принадлежит прошлому, что новая эпоха нуждается в иных формах мирозерцания и художества. И в этой мысли как бы содержался ответ на все недоуменные вопросы Боброва.

* * *

Всего мы располагаем 66 письмами и телеграммами Пастернака к Боброву. Все они, за исключением трёх, хранятся в РГАЛИ в фонде С. П. Боброва (ф. 2554, оп. 1, ед. хр. 55, 56; оп. 2, ед. хр. 563, 564). Письмо от 20 июня 1943 года находится в фонде А. Е. Крученых в РГАЛИ (ф. 1334, оп. 1, ед. хр. 822). Два письма от 12 июня и 15 июля 1913 года хранятся в Музее В. В. Маяковского. 6 писем Боброва к Пастернаку за 1916 и 1942 — 1956 годы из семейного архива Б. Л. Пастернака любезно предоставлены для публикации Еленой Владимировной и Евгением Борисовичем Пастернаками.

Письма печатаются по современной орфографии, сокращения раскрываются в квадратных скобках, явные

описки исправлены без оговорок. Пунктуация сохранена авторская.

При отсутствии авторской даты письма датируются по содержанию или по почтовому штемпелю, либо по дате получения, указанной С. П. Бобровым, с учетом предполагаемого времени нахождения письма в пути (почтового коэффициента).

Примечания

¹ Флейшман Л. Статьи о Пастернаке. Времен, 1977; он же: История «Центрифуги» // Boris Pasternak. 1890 — 1960. Colloque de Cerizy-la-Salle. Paris, 1979. P. 19 — 42; он же: Фрагменты футуристической биографии Пастернака // Slavica Hierosolymitana. Vol. IV. Jerusalem, 1979. P. 79 — 113; Рашковская М. А. Поэт в мире, мир в поэте. (Письма Б. Л. Пастернака к С. П. Боброву) // Встречи с прошлым. Вып. 4. М., 1987. С. 139 — 160; Пастернак Е. Б. Борис Пастернак. (Материалы для биографии). М., 1989.

² Запись в дневнике Боброва от 27 марта 1909 г. (ф. 2554, оп. 2, ед. хр. 273).

³ Бобров С. П. Мальчик. Лирическая повесть. М., 1966. О личности Боброва и его роли в литературном процессе см.: Гаспаров М. Л. Неизвестная книга Сергея Боброва из собрания библиотеки Стэнфордского университета. Berkeley, 1993, а также публикацию писем Боброва к Андрею Белому: Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1992.

⁴ Запись в дневнике Боброва от 11 апреля 1909 г. (ф. 2554, оп. 2, ед. хр. 273).

⁵ Дурьлин С. Н. В своем углу. Из старых тетрадей. М., 1991. С. 304.

⁶ См. письмо Пастернака от 2 июля 1913 г. (№ 4 в наст. публикации).

⁷ Ф. 2554, оп. 2, ед. хр. 266.

⁸ Текст декрета в заявлении не приведен, обнаружить его не удалось.

⁹ Черновой автограф С. П. Боброва (ф. 2554, оп. 1, ед. хр. 94, л. 2).

¹⁰ См.: Пастернак Б. Л. Воздушные пути. Проза разных лет. М., 1982. С. 450.

¹¹ В письме Дурьлина содержались отчасти напоминающие писания В. В. Розанова рассуждения о том, что существует пропасть между святостью духовной традиции еврейского народа с одной стороны и недостойнством огромной массы современных урбанизированных евреев — с другой. Приводим этот любопытный документ целиком:

«1. II. 14.

Боря!

Мне передали, а К. Г. Локс подтвердил это, — что одной из причин Вашего соучастия в документе, подписанном Вами, Асеевым и Бобровым, является известие об антисемитизме моем и Анисимова, полученное Вами от Мешкова. Я слишком долго любил и ценил Вас — чтобы оставить без ответа это известие.

Антисемитизм есть одно из самых смрадных порождений современной безрелигиозности, современного антихристианства, и я ненавижу его — с его отвратительным, кайяфским политиканством, с неверием в Бога также, как в творческие силы своего

народа (оградите от жидов, иначе святая Русь погибнет!) с его невежественным незнанием всемирноисторического призвания еврейства. В личной же жизни своей я получил столько чистых, глубоких, сильных впечатлений от еврейства, столько дружества от евреев — никогда не был я неблагодарен и к Вашему, Боря, дружеству — столько у меня было и есть дорогих среди евреев, что поистине было бы безумием самоубийства мне стать антисемитом. Не далее как в октябре 1913 г. читал я реферат о религиозной школе, где призывал к изучению Библии как общего прародительства христианства и еврейства, восстанавливающее их современное дружество, без которого немислимо преуспеяние. Если это антисемитизм, то я, конечно, антисемит!

Но, быть может, антисемитизм во мне нечто другое. Я ненавижу ту интернациональную нивелировку под уровень коммивояжерской культуры, которая грозит все истребить и засалить. Литература тонет в панжурнализме, Скрябин — в Р. Штраусе, русское искусство в бесчисленных дантистах и адвокатах, судящих его и ему причастных. Распыление расовых культур (германской, суровой, мыслительной, — латинской — славянской — восточных) в какую-то всекультуру — есть угроза творчеству и жизни. В этом распылении, всей этой одержимости совр[еменной] культуры коммивояжеров и шоферов — первая роль выпала еврейству, и поскольку оно с охотой и интересом отдалось этой роли, я не люблю его, не люблю эту его интернациональную и в сущности уже тем самым и не еврейскую часть, не люблю прежде всего за то, что она делает и чему сродни, как не люблю и интернационально-коммивояжерских русских, американцев, немцев и пр. Вот и все мое антисемитство, которое, думаю, и Вы разделяете со мною и Ю[лианом]» (ф. 2980, новое поступление).

¹² Речь идет о книге «Близнец в тучах». См.: Первый журнал русских футуристов. 1914. № 1 — 2. С. 140 — 141.

¹³ Руконог. Сборник стихов и критики. М., 1914. С. 40.

¹⁴ Ночь. 1914. № 19.

¹⁵ Черновой автограф Боброва (ф. 2554, оп. 1, ед. хр. 93, л. 2).

¹⁶ См. письмо от 2...5 февраля 1917 г. (№ 44 наст. публикации).

¹⁷ Локс Константин Григорьевич (1889 — 1956) — историк литературы, переводчик, педагог. Учился вместе с Пастернаком на историко-филологическом факультете Московского университета. Автор мемуаров «Повесть об одном десятилетии» (1907 — 1917) // Минувшее. Исторический альманах. Т. 15. М.; СПб., 1993.

¹⁸ Письмо от 13 февраля 1917 г. (№ 50 наст. публикации) // Минувшее. Т. 13. М.; СПб., 1993. С. 193.

¹⁹ См.: Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин 1921 — 1923. По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris: YMCA-Press, 1983.

²⁰ Проблеме «Пастернак и Леф» во многом посвящены следующие публикации: Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. Борис Пастернак — Вячеслав Полонский // Литературное наследство. Т. 93. Из истории советской литературы 1920 — 1930-х годов. М., 1983. С. 684 — 702; Борис Пастернак. Письмо Владимиру Маяковскому / Публ. Е. Б. Пастернака // Литературное обозрение. 1990. № 2. С. 42; Рашковская М. А. «Сознание личной правоты...» Новое из творческой биографии [Б. Пастернака] // Наше наследие. 1990. № 1. С. 39 — 44.

Пастернак — Боброву

7 — 9 февраля 1913, Москва¹

Убежишь, как раз!

Кому Псел², а кому Ломоносов! «Надо, понимаешь ли, университет кончить». Сижу по целым дням в библиотеке за кандидатским³. Осталось 3 недели сроку, а я и не начинал. Хожу инкогнито в рединготе, не кланяюсь знакомым, ухожу из дома к письменному столу, переменял голос, сморкаюсь, держа платок промеж обоих указательных, сердце у меня лопаётся, душа у меня трескается — тысяча перемен.

Очень просто. По армянски просто. Ех oriente lux⁴, а посеуму:

Совсем я на глупое солнце

Армянское солнце похож.

Вы хоть беглые души — а я — совершенно — чичиковский продукт потребления Елизавет Воробей, занятый кандидатским.

Фикция я и утопый труп сейчас, вот кто я сейчас. Хочется кончить цитатой из Микельанджело о «Ночи» — не помню смысл (приблизительный):

Проходите, которые!

Запрещается останавливаться⁵.

Это потому, что мне в моем теперешнем положении также приблизительно удобно, как и ей, и также тяжело от раздающихся вокруг приветов:

Доброе утро.

Перевод с армянского.

Целую тебя и Николая.

Весь ваш Б. Пастернак

¹ Письмо датируется по отметке о получении (9 февраля 1913), проставленной Бобровым.

² Имеется в виду Н. Асеев, собиравшийся ехать к родственникам в стоящий на реке Псел город Сумы Харьковской губернии.

³ Кандидатское сочинение «Теоретическая философия Германа Когена» Пастернак писал у профессора Г. И. Челпанова.

⁴ «С востока свет» (*lam.*). Возможно, ироническая отсылка к книге М. С. Шагинян «Orientalia» (М., 1913).

⁵ Имеется в виду надпись на статуе Микеланджело «Ночь», которая в переводе Ф. И. Тютчева звучит так:

Молчи, прошу, не смей меня будить.

О, в этот век преступный и постыдный

Не жить, не чувствовать — удел завидный...

Отрадно спать, отрадней камнем быть.

2

Пастернак — Боброву

8 июня 1913, Москва¹

Дорогой Сергей Павлович!

Спасибо! Только отчего это стихотворение — не о Сахаре? Тогда оно было бы еще выразительнее. Вторая строфа — камень в торжестве закладки Лирики. У меня уже в Café² предчувствие было, что ты нечто подобное напишешь. Недаром ты над Мазаграном³ держался за соломинку как... утопающий. Присоедини эту соломинку к коллекции своих *Rarités*'тов*.

Твой Боря

¹ Датируется по почтовому штемпелю на открытке с автопортретом М. А. Врубеля.

² «Café'grec» на Тверском бульваре, где часто собирались молодые поэты. См. его описание в «Охранной грамоте» (Пастернак Б. Л. Воздушные пути. М., 1982. С. 208).

³ Мазагран — кофейный коктейль.

3

Пастернак — Боброву

12 июня 1913, Молоди

Милый Сергей Павлович!

Спасибо тебе большое за твои заботы в тот вечер. Мне стыдно и досадно. Потом еще я оставил у тебя калоши. Не злобствуй на них, обойдись с ними кротко. В дилемме: выкинуть ли их в Москву-реку или оставить на воле в прихожей, выбери, пожалуйста, последнее. На днях я буду, вероятно, в городе.

В конце недели или в начале следующей сюда переберутся наши. Выжди этот период брожения, когда все заживет, непременно соберись сюда. Я буду тебе несказанно рад и не думаю, чтобы кого-нибудь это стеснило. Я опять забываю, что на днях увижусь с тобой очами в очи, уста в уста etc.

* Так в тексте.

Мне, кажется, уже давно пора опомниться, а между тем я пребываю все в том же самообмане. Почему я с вами, с тобой и с остальными, почему я, а не твой или мой брат, или кто-нибудь другой. Кто сказал, что у меня есть какое-то отношение к лирике, к поэтам, к вашему делу и вашему духу? Если я напому тебе, что ничего еще никогда не сделал, и скажу, что пустейшие и ничего не стоящие строчки были и остаются всегда у меня плодами самых смешных с моей стороны усилий, которые свидетельствуют скорее о прямо противоположных словесному творчеству задатках, чем о каких бы то ни было ничтожнейших способностях по этой части, ты поспешишь, вероятно, выйти из этого неловкого положения и сведешь разговор на тему о критике, этом убежище людей с претензией, неправильно начатой жизнью, некоторым вкусом и лишенных дара творчества. Но и это дружелюбное твое движение мне придется отстранить: цех критиков призывает только людей с знаниями, я же, ты это знаешь и сам, нечто бесподобное по невежественности.

Скоро я дам себе во всем этот отчет окончательный и бесповоротный. Ты понимаешь, конечно, что мне надо было во всем этом тебе признаться, несмотря на то, что эта тема совратила меня на путь Бартеневски эпистолярного красноречия¹.

Впрочем, тут сказался дух всяких поминальных обедов, который, разумеется, веет и в моем письме. А празднование поминок — простительно.

Который раз я забываю, что мы свидимся скоро!

Твой Борис Пастернак

Ты думаешь я не умею быть читателем написанного мною?! Да, но как сообщить тебе и эти ощущения, не впадая в дурную бесконечность?

12 июня Молоди

¹ Намек на письменные разносы, которые время от времени устраивал Боброву П. Ю. Бартенев за небрежение обязанностями секретаря редакции «Русского архива».

Пастернак — Боброву

2 июля 1913, Молоди

Я еще не получил твоей книги¹, дорогой Сергей Павлович, почтовое отделение здесь верстах в десяти, — но

у меня есть повестка на получение заказного, может быть, это твои Вертоградари, и если бы не погода, я отправился бы за нею. Это вопрос двух-трех дней. Что же касается поездки в город, то это своего рода хозяйственная миссия, очередная и которой надо ждать. Я уже был в городе однажды, это было недели 2 назад, в четверг. Квартира ваша была на запоре, никого не было в городе или дома. Буду ждать теперь оказии, на то — чтобы она представилась вскоре, надежды мало.

Мне очень понравились оба твои письма, за первое я тебе чрезвычайно признателен, но чувства, о которых я тебе писал, не выпускают меня из-под своей власти, и если бы я искал названия для основного своего настроения всего этого времени, я назвал бы его озлобленным и усидчивым бездельем. Впрочем это нуждается в примечаниях, которых не хочется делать.

Все-таки я кое за что брался, теоретическое и нетеоретическое. Но все это, написанное или только намеченное, нисколько не любо мне. И я слишком быстро настраиваюсь на враждебный лад относительно этой дряни².

Я знаю, что все это скучно и что это письмо похоже на предыдущее как одна сушеная фи́га на другую, нанизанную рядом, но что же делать.

А у меня ведь есть что сказать тебе и о чем посоветоваться. Сделаю это лучше в следующем письме по поводу Вертоградарей, где, надеюсь, начну без предисловий и мусульманского разувания на пороге.

Пока же сердечное тебе спасибо за книжку, за которую отправляюсь завтра. У меня есть одно сильное ощущение, связанное с нею, это — вечер 29 янв[аря] у тебя, первый вечер с тобой, Николаем³ и Локсом, когда стол был осыпан корректурным цветением и я с восторгом копошился в нем.

Твой Борис Пастернак

Молоди, 2/VII

¹ Первый стихотворный сборник С. Боброва «Вертоградари над лозами» (М., 1913).

² Намек на писание статьи «Импрессионизм в лирике» и стихов, включенных в книгу «Близнец в тучах».

³ Имеется в виду Николай Асеев.

Пастернак — Боброву

15 июля 1913, Молоди

Дорогой Сергей Павлович!

Скучные разъяснения ты найдешь в *post scriptum'e*, а сейчас поздравляю тебя от всего сердца, благодарю тебя за все, начиная от книжки и кончая надписью. Ну, мне противно (я не знаю стенографии) излагать своими словами тот взрыв восторга, который ты должен был бы прочесть тут. Но в таких случаях даже и архифлижная скоропись — какой-то тормоз Вестингауза чувства, зашнурованный и пломбированный, т. е. беззубый.

Как могли эти стихи существовать в отдельности и в рукописи? Так цельны они, и как будто всегда составляли сборник, который можно раскрыть в середине или читать с конца, и тогда остальные стихотворения скрыты, как архитектурные части дома, в котором живешь и страдательно подлежишь действию этого замысловатого целого. Понимаешь, твоя книга окружает при чтении со всех сторон, это одна из тех книг, которую любишь и считаешь пережитыми, если даже, или лучше при условии, если два-три листа остались неразрезанными в ней. Но я разрежу их, не бойся.

Мне хотелось бы ограничить обсуждение книги тремя письмами, кажется, это *minimum* допустимый: и сегодня я буду говорить о первой. Что жатва твоих вертоградней — чистая поэзия, это ты знаешь и сам, и ты конечно обрел то сердце, за которым тебя пламенный милый в путину глухую занес. Прости за членовредительство, ты видишь, мое письмо надо читать, обеспечивши себя на счет красного креста. Впрочем, мне памятно письмо Бартневское и героизм сестры милосердия, может быть, она поддержит тебя и тут.

Не мне тебя просвещать также и относительно своеобразия этой поэзии. Оно свойственно всему ее ладу, ее основному строю и составляет энергию, а никак не материю стиха. Т. е. его можно найти, его нельзя не искать, но его нельзя увидеть. Оригинальность ее в том, что самое начало лирики, поэзия как стихия или лучше как климатический, где-то туземный пояс, составляет часто предмет или неотвязное *memento* этих стихотворений. Водяной этих чистых живых вод почти на поверхности, и можно поверить в него и не понаслышке. Что

же это — эстетический идеализм или это — символизм? Конечно, второе, и было глупо ставить такой вопрос.

Я не помню, кажется, местонахождение Нептуна было выражено в математических отношениях раньше, чем была наблюдена самая планета среди и относительно других звезд. Этому же достигает «в рассуждении» блуждающего тела символического параллакса первая твоя книга. Это книга звездных свидетельств или голоса многих зримых звезд об иной искомой, незримой, о ночи их ночей (мечта мечты), и не ты ли ее осязашь, когда раз-вертываешь все сложное дело их соприкосновений с нею. Кстати, не этим ли объясняется некоторая (ты поймешь, как я это думаю) отвлеченность, идеологичность многих эпитетов, приложенных к импрессионистическому телесному образу. Твоя работа объясняет эту особенность: твои образы осязают своего вожака, они мыслят и поступают символически; ты же, выговорив себе право найвной простоты, достигаешь полярного символизма, символизма через предмет, а не через творческое внушение. Существуют книги отражений. Твою первую мне хотелось бы назвать книгою сечений, книгою плюрисекций. Подожди минуту. Двадцать первых стихотворений, и в особенности посвященных памяти г. Лерберга, указывают на расположение страны мечты (нет, не так, замени это слово более подходящим) относительно страны жизни и на сечение ее последнею. Часто содержание твоей поэзии — отрывочные заметки о неизреченной флоре этого царства, а самое стихотворение (лирическая его суть) измеряет собою напряжение угла того сечения. Жизнь, природа, история личной души, все это — некая среда преломленья идущего оттуда луча. Иное стихотворенье приносит с собою меру прозрачности или же плотности этой проводящей толщи, тогда оно импрессионистично, говорит об обстановке символической силы и о свойстве междупланетных атмосфер. Тогда по этой зачеркнутой в стихотворении пробе того флюида мы властны в своем переживании мысленно найти изломы символического луча. Таковы I, II, III, VI, VII, IX, XII, XIII да и все отчасти и XX! Другие стихотворения, те, которые, было время, почитались философическими (их прекрасно определила Н. Л. Баратынская в заметке о муже¹), наоборот, дают как бы дуговые индексы того взаимоотношения, и мы можем представить тот или другой из пережитых нами медиумов и коэффициентом преломления, приводящим к такому синусу.

Это — все остальные пьесы, исключая, пожалуй, «Грозу» и «Bienfaits de l'amour», стихотворение прелестное о прелестном, где последние 2 строки — замечательны.

Мне трудно сейчас, не обдумавши как следует и не вчитавшись в остальные 2 книги (о которых напишу спустя несколько дней) сказать тебе ясно и точно о том, как я понимаю твое своеобразие и в чем я его вижу. Если надо некоторые стихотворения предпочесть другим, я бы сделал это в отношении: «Памяти Лерберга», «Очарования», «Дня», «Потока», и я бы остановился на XVIII и XIII только из опасения не сдержать последнего обещания, перечисливши всю книгу...

¹ Анастасия (Настасья) Львовна Баратынская, жена Е. А. Баратынского. Вероятно, имеется в виду ее заметка — ответ на статью Ив. Головина памяти Е. Баратынского. Впервые опубликована Г. Хетсо в сб.: *Scando Slavica* (Т. 10. Copenhagen, 1964). Пастернак мог знать выдержки из нее по биографическому очерку в издании: *Сочинения Евг. А. Баратынского* (М., 1869). Рукопись А. Л. Баратынской хранится в РГАЛИ (ф. 51 (Е. А. Баратынский), оп. 1, ед. хр. 200).

6

Пастернак — Боброву

2 августа 1913, Молоди

2 VIII Молоди

Дорогой Сергей!

Ты узнаешь мой почерк на конверте, но мое письмо разочарует тебя, оно не будет о Вертоградарях, но только о Cinema, не больше.

Мне хочется или лучше приходится ухватиться за эту возможность заработка, потому что иные еще дальше от истинного моего призвания, чем эта. И я до сих пор радуюсь этой счастливой случайности и тому, что ты будешь ее виновником.

Мне хочется написать тебе сейчас о той стороне кинематографа, которая позволила бы мне искренно и без всяких сделок с совестью поставить его выше театра и служить ему. Если можешь, выслушай меня внимательно, а я постараюсь быть точным. Конечно, драма людей или артистов настолько же мало — искусство, насколько она мало — жизнь или презренная действительность в театре. Кинематографическая драма есть движущаяся фотография с десятка людей, занятых своим актерским ремеслом, но не фотография драмы. В драме ведь суще-

ственна игра вокруг некоторого лирического равновесия известной среды; поэтому кинематографический фильм фотографирует второстепенный естественный элемент, а никак не драматическое в драме. Если подвижной объектив запечатлевает пантомиму на сцене, то на пленке получают ведь просто невнятные слова, а никак не глагольные движения. Словом, с людьми дело плохо. И вот я обращаюсь к главному, на мой взгляд, преимуществу кинематографа.

Драматичнее всего сцена; сама сцена, момент борьбы подмостков с зрительным залом, или реальности идеи с темным простором, в котором разменивается, в котором получает свое осуществление замышленная ценность идеи. И как это ни странно, этот момент, момент драматизма самой сцены, остается неиспользованным на сцене, и в самом деле, как было бы его ввести в построение трагедии? Романтики, с их метеорическим появлением автора из-за кулис, преследовали, и ты понимаешь, неудачно, именно эту, быть может, цель. Мы, вдоволь изучившие зарождение лирического восхода с отпечатком личности на нем, мы слишком хорошо наблюдали, как заверчен и поддержан он окружным водоворотом, еле замеченным, оставшимся без названья и сейчас же нами забытым. Ты поймешь меня, если я назову действительность, и действительность города предпочтительно — лирической сценой как раз в том смысле, о котором я говорил. Именно: город как сцена состязается и входит в трагическое соотношение с пожирающей нас аудиторией Слова или Языка. Партеру предвечного Слова вольно думать, что его потрясение вызвано нашей игрою — жизнью, созерцаемой и постигаемой им. Между тем зрительский экстаз Слова (искусство) вызван тем, к чему у него нет никакого доступа: бессловесной иррациональной материей, к которой мы пригвождаем его око (его значение) тем, что сосредоточиваем в ней свое, сродное ему, движение. А вслед за тем, за движением нашим, и явилось сюда слово, чтобы вперяться в него и его понимать.

Перемещение цели, напряжение, самообман — эти или подобные им обозначенья мне хотелось бы поставить на манометре лирики. Ты понимаешь, я говорю не об обстановке, не о действительности и даже не о природе, но о тех бортовых колках, которые натягивают и возносят основную мачту лиризма, в которой ветер поет только оттого, что он пленяется ими и остается заточенным в снастях.

Кинематограф должен оставить в стороне ядро драмы и лиризма — он извращает их смысл; мне уже ясно — почему, скажу ниже. Но только кинематограф и способен отразить и запечатлеть окружающую систему ядра, его происхождение и туманность, и его ореол; а только что мы видели, что эта оболочка зерна и есть центральная драма сцены. И следовательно, кинематограф может схватить первостепенное в ней потому, что второстепенное ему доступно, и это последнее есть то первое. К счастью, кинема[тограф] извращает ядро драмы потому, что он призван выражать ее истинное — окружающую плазму. Пусть он только фотографирует не повести, но атмосферы повестей. И с другой стороны, пусть его виды будут видами, которые созерцаются драмою в них.

Тогда будет основание искать нам имена для десятой музыки.

Прости за беспорядочность и поцелуй Николая.

Что ты думаешь об этом?

Твой Б. Пастернак

P. S., разделенный неделю.

Это письмо лежало 8 дней; все же я пошлю его, может быть, тебе достаточно будет одного этого неудачного намека, чтобы понять мою мысль. Ответь мне скорее и сообщи о деле. К 15-му буду и я в Москве.

7

Пастернак — Боброву

19...21 сентября 1913, Москва¹

Дорогой Сергей!

Так как эти хулиганы относятся к рифмам как к вопросу о чистом белье, то я, собираясь переночевать во Всегдае², думаю строфу

Бывало раздвинется.....

.....

.....

..... переполнив фиал

заменить рифмически безукоризненной:

Бывало раздвинется Запад

в маневрах ненастий и шпал.

И в пепле, как *Mortuum Caput*

Ширяет крылами вокзал³.

* мертвая голова (лат.).

Ты, наверное, знаешь, что мертвая голова — это ночная бабочка с крыльями цвета министерства путей сообщения, совершенно дымнопепельная и такая же неожиданная и ничем необоснованная втируша, как и этот эпизод с насекомым в стихотворении.

Поступи как знаешь; если примешь вариант и тебе будет лень исправить оригинальную редакцию, позвони мне, и я напишу вновь. Если же сделаешь это ты, твоя принадлежность к добрым духам будет лишней раз блестяще доказана.

Твой Б. П.

¹ Дата получения — 21 сентября 1913 г. — проставлена Бобровым.

² Всегда. Эгофутуристы. (Сборник VII). СПб., 1913.

Участие Б. Пастернака в сборнике не состоялось.

³ Четвертая строфа стихотворения «Вокзал», впервые опубликованного в книге «Близнец в тучах». Первоначальный вариант неизвестен.

8

Пастернак — Боброву

25 — 27 сентября 1913, Москва¹

Позвони сейчас же.

Дорогой Сергей!

Одного я боюсь теперь, а *propos de Pasternak*^{*}, — это все усиливающейся у меня риторики, и, что только довершает серьезность этой угрозы — как неизменного признака так называемых сильных стихотворений, то есть тех, которые по своей теме должны были бы казаться сильными. Вот и этот взлет, который я тебе посвящаю, страдает, кажется, тем же недостатком, и образ города на привязи, срывающегося в осеннее плавание проведен в нем неясно².

Во всяком случае, с неостывшим еще жаром передаю его тебе, и прости, это поручение детища на произвол твоей критики почему-то кажется мне судьбою незаконнорожденного на пороге Воспитательного Дома.

Горечь и истина этого сравнения лежит всецело *a parte rpgiōi*^{**}, поскольку касается оно меня, и несколько не задевает тебя и твоей высокой роли относительно меня.

^{*} по поводу Пастернака (фр.).

^{**} в предыдущем опыте (лат.).

Во всяком случае, это завыванье характеристичнее для меня, и вообще лучше того *Calcomoni*², которое я украсил твоим эпиграфом³.

М[ежду] пр[очим] — триангль — музыкальный треугольник в большом оркестре. Беркут, конечно, имеет больше сходства со степным орлом, когда он покоряется обычному ударению на последнем слоге. Но и пораженный в первый слог, он, может быть, не лишится оперенья⁴. Позвони мне 60-26.

¹ Дата получения — 27 сентября 1913 г. — проставлена Бобровым.

² Речь идет о стихотворении «Лирический простор», посвященном Боброву, который впервые ввел само понятие «лирического простора» в статье «О лирической теме» (Труды и дни. 1913. № 1 — 2) и книге «Лирическая тема» (М., 1914).

³ Имеется в виду первоначальный вариант стихотворения «Ночное панно». Текст его сохранился у С. П. Боброва (ф. 2554, оп. 2, ед. хр. 726). Приводим его:

С. Б.

В предшествии стройного призрака...

С. Б.

Ночное панно

Лишь закатится гул за кольями
Запропастившейся гривной
Начнет предсердие подпольями
Скучать присказкою призывной.

Окно своей двояковогнутой
Мечтою сумерки покроют
И уведет в твое инкогнито
Мой телефонный целлулоид.

Да, это надо так, чтоб скучились
К свече преданья коридоров.
Да, надо так, чтоб вместе мучились
Сам-третьим с нами — ночи норов.

Да, надо, чтоб стезею солнечной
Поплыло сердце Фазтоном
Чтобы вошло в несомой полночи
Оно тяглом к твоим затонам.

Чтобы пожарами кисейными
Фасады снов прослыли в центре
Чтоб за отвесными бассейнами
Эскадрою дремало джентри.

Чтоб ночью вдвоенной оправданы
Взошли кумиры тусклым фронтом

* переводная картинка (ит.).

Чтобы в моря, за аргонавтами
Рванулась площадь горизонтом

Чтобы руна золотого вычески
Сбивались сединами к мелям
И над грядой океанической
Стонало сердце Ариелем.

Когда ж костры колоссов выгорят
И покачнутся сны на рейде,
В какие бухты рухнет пригород
И где, когда вне песен негде.

И царствуя своей разверсткою
С бессонницей обсерваторий,
Над кем уснет семья поморская
Богосмеркающихся взморий?

⁴ В последнем абзаце обыгрываются образы стихотворения «Лирический простор».

9

Пастернак — Боброву

3 июня 1914, Алексин¹

Милый Сергей!

Написал Николаю², теперь ответа надо ждать. Думаю, что вышло все это не по его вине, а так, как водится, Ларионов вместо *Futurum exactum* поставил обещанье свое в настоящем времени à la «мы завтра выступаем из Кракова», или просто забыл Зданевича предупредить, и в надежде на то, что исправит эту свою оплошность при первой возможности, совершил антиципацию факта³. Сказал бы тебе не огорчаться, да подумаешь, крокодиловы слезы.

Во всяком случае, номер, что и говорить!

Сердечный привет Марье Ивановне⁴ и брату⁵.

Твой Б. Пастернак

¹ Датируется по почтовому штампею на открытке.

² Н. Н. Асееву.

³ Об этом конфликте см. вступительную статью к данной публикации, с. 201.

⁴ М. И. Боброва — первая жена С. П. Боброва.

⁵ Г. П. Боброву.

* Будущее время совершенного вида (лат.).

Пастернак — Боброву

22...24 июня 1914, Алексин¹

Дорогой Сергей!

Ты безусловно прав насчет собаки и красноречия. Уныло озираюсь, услышав нетерпеливое «апорт»! Когда-то мне давалось легче репетиторство. Сейчас, совмещенное с неким срочным переводом, оно охолостило меня самым неприличным образом. Ты, наверное, недоверчиво сощуришься, если я самым клятвенным манером стану тебя заверять, что дать мне сейчас решительно нечего, со сказкою² же альманах пойдет ко дну, да ее и раздобыть надо сначала, черновика нет со мною, а парадный экземпляр бесполезно томится в редакции «Заветов»³. Дикая эта мысль пришла Балтрушайтису в голову, послать этого несказанного Сазана в С-дековский журнал.

Ты знаешь, как капризна муза, в особенности, когда и ртуть пошаливает. Ничего нельзя знать вперед. Завтра может прорваться долго дремавшая производительность, хотя *raison* — охолощенность наводит на грустные размышления. Вот, что Олимпов⁴ стихи тебе прислал, это великолепно; да и Ивневым⁵ можно будет вешним нашим собеседникам носы утереть.

Что до Николая — ничего, каналья, не пишет, хотя я и изощрил все возможные средства выраженья гению недоумения в отношении его поведения.

Кушнер⁶ вовсе не здесь. «Напротив», он в Витебске. Дело с Бер[ом] расстроилось.

Любопытно мне знать, что Брюсов в «Русск[ой] Мысли» написал⁷, здесь его не достать. Придется утихомирить не в меру разыгравшуюся любознательность.

Если соберешься мне писать, сообщи пожалуйста адрес Марьи Ивановны. Случилось быть мне в Калуге, сначала стойку делал у порогов шляпных магазинов — это было разумно, булочных там в «дэсать тысяч раз больше», затем по Московской раза три прошелся — но — ничего подобного. Вероятно чай пила Марья Ивановна.

В заключение будь здоров, не сердчай, и не думай, чтобы мне слишком уже сладко здесь было. В последний это раз кондиции — больше никогда не стану братья за это.

Твой Б. Пастернак

Согласись, подпись несколько смахивает на покойного Франца Фердинанда⁸.

Письмо твое в редакцию «Нови» искренне меня радует. Очень дельно, исполнено чувства собств[енного] достоинства, и главное, то что требуется — *faisant une bonne mine au mauvais jeu*.

¹ Дата получения письма Бобровым — 26 июня 1914 г.

² Сказка про Карпа и Нафталена не была опубликована, текст утрачен.

³ «Заветы» — межпартийный журнал, издававшийся в Петербурге (апрель 1912 — август 1914). Среди авторов М. Горький, Л. Андреев, О. Форш, Е. Замятин, А. Ремизов, Е. Лундберг, С. Мстиславский и др. Редактор — С. П. Постников.

⁴ Олимпов (наст. фам. Фофанов) Константин Константинович (1889 — 1940) — поэт-эгофутурист, печатался во «Втором сборнике Центрифуги».

⁵ Ивнев Рюрик (псевдоним Ковалева Михаила Александровича) (1891 — 1981) — поэт. Примыкал к эгофутуристам, печатался в «Руконоге» и «Втором сборнике Центрифуги», был близок к имажинистам.

⁶ Кушнер Борис Анисимович (1888 — 1937) — поэт и публицист, член «Центрифуги», в дальнейшем сблизился с Маяковским и Бриком, вошел в группу коммунистов-футуристов и Леф, был репрессирован.

⁷ В июньской книжке «Русской мысли» за 1914 г. была опубликована статья В. Я. Брюсова «Год русской поэзии (апрель 1913 — апрель 1914)», в которой автор пишет о книгах молодых поэтов, в том числе и Пастернака: «Наиболее самобытен Пастернак. Это еще не значит, что его стихи — хороши или безусловно лучше, чем стихи его товарищей [...] Но все же у Б. Пастернака чувствуется наибольшая сила фантазии; его странные и порой нелепые образы не кажутся надуманными...» (С. 17, 3-я пагинация). Свое отношение к этой статье Пастернак высказал в письме к родителям. (См.: *Пастернак Б. Об искусстве. «Охранная грамота»* и заметки о художественном творчестве. М., 1990. С. 303 — 306).

⁸ Австрийский эрцгерцог Франц Фердинанд был убит в Сараево Г. Принципом 28 (15 ст. стияя) июня 1914 г.

Пастернак — Боброву

3 июня 1914, Алексин¹

Милый Сергей!

Спасибо за письмо. Я так и знал, что не поверишь ты в мое бесплодие²; хотя я не раз уже давал примеры такой консистенции. Господи, чуть не забыл, что открытка! О приезде в Калугу сообщи мне. Адрес Кушнера: г. Витебск, гостиница Кушнера. Николай прислал мне сна-

¹ делать хорошую мину при плохой игре (*фр.*).

чала письмо, в кот[ором] называет Маяковского хамом. В ответ на это я сказал ему несколько неприятных вещей. В результате письмо — которое огорчило меня своею сухостью и тоном сдержанной оскорбленности. Но ни слова ни о тебе, ни о значении того поступка³, ни вообще о чем-ниб[удь]. Письмо в роде Гнедовского⁴ из Крыма.

адрес: Его высочородию Сергею Павловичу Боброву
Пречистенка Гагаринский п. 9. 7.
Москва

¹ Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

² О содержании писем Боброва можно отчасти судить по следующему отрывку из письма Пастернака к родителям: «Бедный Бобров, все лето в Москве живет, засыпал меня письмами, я не отвечал, наконец, пятое меня столь растрогало, что ответил ему наконец и поделился с ним сетованиями своими. Не верит, понимаешь, говорит, что вру, мол, и наверное к осени лирический взрыв у меня заготовлен, а пороховая нитка в секрете содержится по неисправимой скрытности моей натуры. Да, правда, такое бесплодие на меня непохоже. И вообще я непохож на себя сейчас...» (Архив семьи Б. Л. Пастернака).

³ В апреле 1914 г. Н. Н. Асеев сблизился с Маяковским и фактически порвал с «Центрифугой», а летом перешел в харьковское издательство «Лирень». Асеев писал об этом периоде: «В то время я еще дичился Маяковского, опекаемый^{*} Сергеем Бобровым, человеком требовательным и ревнивым в литературе. Бобров весьма неприязненно относился к Бурлюку, а Маяковского, хотя и признавал за одаренность, но отвергал за примитивизм. [...] К Боброву я скоро охладел в своей литературной дружбе и хотя он много для меня сделал, но уйти от обаятельности Маяковского я уже не смог» (Асеев Н. Н. Воспоминания о Маяковском // Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963. С. 402).

⁴ Гнедов Василий (Василий Иванович) (1890 — 1978) — поэт, печатался в изданиях эгофутуристов и в «Руконоге».

Пастернак — Боброву

4...6 шоя 1914, Алексин¹

Сергей, выслушай меня до конца. Я ничего не писал, в этом я не обманул тебя. Однако, я ничего не сказал тебе о причине такого прискорбного факта. Я хочу писать снова так, как начинал я когда-то. Говорю не о форме, но о духе этих начинаний. Твои советы были для меня незаменимою школой и я никогда не забуду того, что ты сделал для меня. Но если бы я снова обрел тот, утерянный мною лад, — а только так я и согласен про-

должать, и разубеждать меня в этом излишне, — я ушел бы от тебя и от Николая. И ввиду того, что только о такой возможности и можно говорить, — не молчать же приглашаешь ты меня, — прими уже и сейчас этот отказ мой.

Я знаю, все так запутано и так нечисто сплетено у нас, что ты легко можешь вообразить, будто бы этот отказ с моей стороны — поступок неслыханно мерзкий и ожидает твоего суда и расправы.

Такого осуждения я не боюсь. Я боюсь только того, что поставишь ты мое заявление в связь с весенними нашими злоключениями. Милый Сергей, мы слишком воодушевленно сплотились этой зимой, воспротивившись духу, царившему в Лирике, положение мятежников, коих изображения за отсутствием их самих сожигаются всенародно, еще более связало нас — чтобы выходки этих снобов могли как-нибудь сказаться в личных наших отношениях. Вот почему, опасаясь за правильность объяснения, какое ты бы дал ему, я так долго медлил с этим извещением.

У тебя есть письмо мое, последнее. В нем ни слова нет об этом решении. Это похоже на обман. Да, я обманывал тебя, потому что и себя обманывал. Ты иногда бываешь редкостно чуток, Сергей. Что бы я отдал за то, чтобы письмо это попало к тебе в одно из таких мгновений. Тебя это оскорбит, я знаю. И это чувство не даст тебе вслушаться в правду — и правду вконец истомившую меня — в правду моих слов. Расставаясь с тобою, я это делаю потому, что надо мне расстаться с тем, во что я постепенно превратился в последние годы — и если бы у меня были деньги, — я бросил бы все, что связывает меня с Москвою, и переселился бы — ну хотя бы в Петербург. Тебе тяжело читать это. Мне не легче это писать. Лучше кончим. Крепко жму твою руку.

Твой Борис

¹ Дата получения письма Бобровым — 8 июля 1914 г.

Пастернак — Боброву

12...14 июля 1914, Алексин¹

Сергей, ты представить себе не можешь, как взволновало меня последнее твое письмо. В нем много горькой правды, в особенности, где говоришь ты о весеннем

Предъявитель сего Копии Свѣдѣній
Инокентій Стефановичъ
Анненскій проситъ
за границу.

прозѣда данъ сей паспортъ съ приложе-
ніемъ печати. Въ С.-Петербургѣ
Мая 23 дня 1899 года.

С.-Петербургскій Градоначальникъ,

Генералъ-Лейтенантъ

Бреслеръ

3

до свидѣтель



Заграничный паспорт И. Ф. Анненского. 1890 год



Российская
АКАДЕМИЯ НАУКЪ

АКАДЕМИИ НАУКЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ТЕАТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ

ИМЕНИ

АЛЕКСИЯ БАХРУШИНА.

ПРАВЛЕНИЕ.

№ 3 "Июль" 1918.

№ 117

Москва, Луначевск. ул. 2. Бахрушина.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Настоящее удостоверение выдано Денису Ивановичу ЛЯШКОВУ въ томъ, что онъ уполномоченъ Музеемъ разска-
зывать и приобретать предметы, выходящія отношеніе къ исто-
ріи театра, музыки и литературы для пополненія озна-
ченнаго Музея, въ чемъ Правленіе Музея проситъ всеѣхъ
лицъ оказывать ему возможное содѣйствіе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ:

СТАРШІЙ ХРАНИТЕЛЬ МУЗЕЯ:



*Настоящимъ подтверждаю, что у драматическаго в сѣн утверждена
Научно-исследовательскаго Д. И. Лешкова, по своей службѣ онъ работъ для музея,
могли найдены деньги, предназначенныя на приобретение картинныхъ пред-
метовъ. Членъ Попечительнаго Совета Музея и
Правленія*

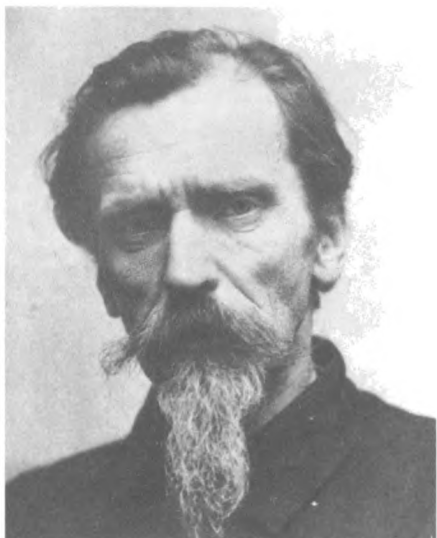
Удостоверение, выданное Д. И. Лешкову Правлением Литературно-Театрального музея им. А. Бахрушина за подписью А. А. Бахрушина. 3 июля 1918 года



М. Ф. Кшесинская в своем особняке. На фотографии дарственная надпись: «В память 4-го февраля 1904 г. и 6-го февраля в Москве. Сердечно благодарная М. Кшесинская. Д. И. Ляшкову»



Городская усадьба князей Долгоруких (Поварская, д. 52), где помещался в начале 1920-х Дворец Искусств



И. С. Рукавишников. Снимок сделан на галереях Румянцевского музея в 1926 году



Групповой снимок членов Всероссийского Союза поэтов. Москва, Дом Герцена, 3 марта 1925 года. В 1-м ряду в центре: устроитель поэтических вечеров, импресарио и антрепренер Г. Я. Долидзе, рядом — Олег Леонидов (О. Л. Шиманский) и М. П. Гальперин. Во 2-м ряду, справа налево: С. А. Поляков, Иван Рукавишников, И. А. Аксенов, актер и режиссер П. А. Алякринский, Г. А. Шенгели, В. Т. Кириллов, М. М. Шкапская. В 3-м ряду стоят, справа налево: И. А. Новиков, М. П. Малишевский, П. Г. Скосырев, Ю. Н. Верховский, швейцар Дома Герцена Сергей Семенович, Л. К. Жуков, Г. Ф. Дешкин, Н. Н. Захаров-Мэнский, Б. М. Зубакин и Е. Г. Сокол



И. С. Шмелев. На паспарту фотографии надпись: «Ивану Бунину. Двадцать пять лет жизни — половина жизни. Двадцать пять лет труда — целая жизнь. Но двадцать пять лет служения яркой мыслью и прекрасными словами — больше жизни. Так я думаю и радостно приветствую Вас, дорогой товарищ! 28 окт. 1912 г. Ив. Шмелев». Из альбома общества «Литературная Среда», поднесенного И. А. Бунину на юбилей 25-летия его творческой деятельности



И. С. Шмелев. Париж,
1941 год.



А. В. Амфитеатров. Италия, собственная вилла в Кави ди Лаванья. 1910 год



В. В. Вересаев. Октябрь, 1912 год. На паспарту фотографии надпись: «Ивану Алексеичу Бунину с большою любовью к крупному художнику. В. Вересаев». Из альбома общества «Литературная Среда», поднесенного И. А. Бунину на юбилей 25-летия его творческой деятельности



В. В. Вересаев в своем московском рабочем кабинете. 1920-е годы



В. В. Вересаев. 1921 год

Автограф первого вариан-
та стихотворения Б. Л. Пас-
тернака «Ночное панно».
1913 год

Уно, ноща бедолаха онга
Возвращае крестом туча
Уно е. ноща, е. о. ноща
Розово е. ноща.

Уно е. ноща. Уно е. ноща.
Соблазна е. ноща. е. ноща.
М. ноща. ноща. ноща.
С. ноща. ноща. ноща.

Крест е. ноща. ноща. ноща.
И ноща. ноща. ноща.
В. ноща. ноща. ноща.
И ноща. ноща. ноща.

И ноща. ноща. ноща.
С. ноща. ноща. ноща.
Ноща. ноща. ноща.
Т. ноща. ноща. ноща.

Крест е. ноща. ноща. ноща.
И ноща. ноща. ноща.
С. ноща. ноща. ноща.
Ноща. ноща. ноща.

Дорогому кресту и
путеводителю Сергею и
его супруге Марье Ивановне
Мария Ивановна

Кресту
Мария Ивановна

20, X, 1913.

Надпись Бориса Пастернака Сергею Боброву и его супруге Марье Ивановне на обороте титульного листа сборника «Близнец в тучах». Судя по дате, книга вышла в свет в декабре 1913 года



Борис Пастернак. 1922 год



Сергей Бобров. Начало 1930-х

С. П. Бобров с женой М. П. Богословской. Июнь 1934 года. Фотография сделана в ссылке в станице Атбасар Акмолинской области





Анна Ахматова и Борис Пастернак. Москва, ЦДЛ, 2 апреля 1946 года.
Фотография В. Славинского

Анна Ахматова и Николай Гумилев с сыном Львом. Царское Село





Анна Ахматова на балконе дома семьи Кардовских. Около 1915 года

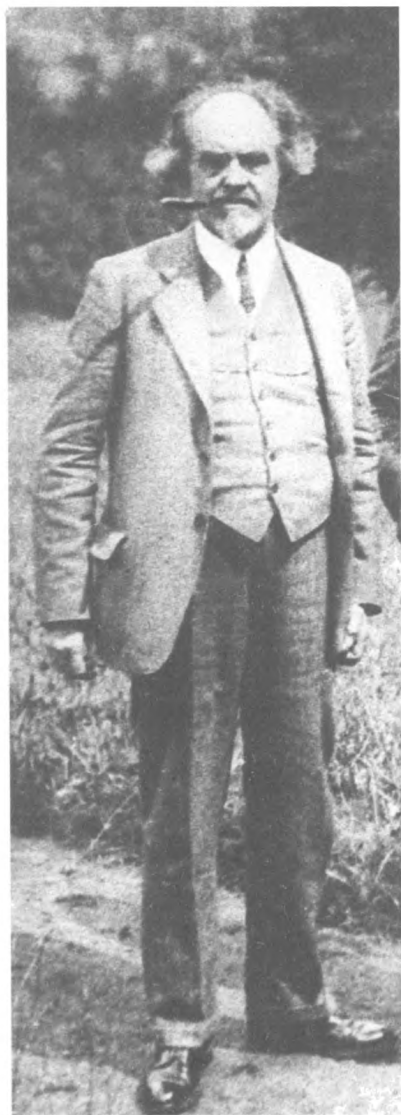
**Л. Ю. Бердяева.
Около 1907 года**



Л. Ю. Бердяева. 1920-е годы



Е. Ю. Рапп. 1907 год

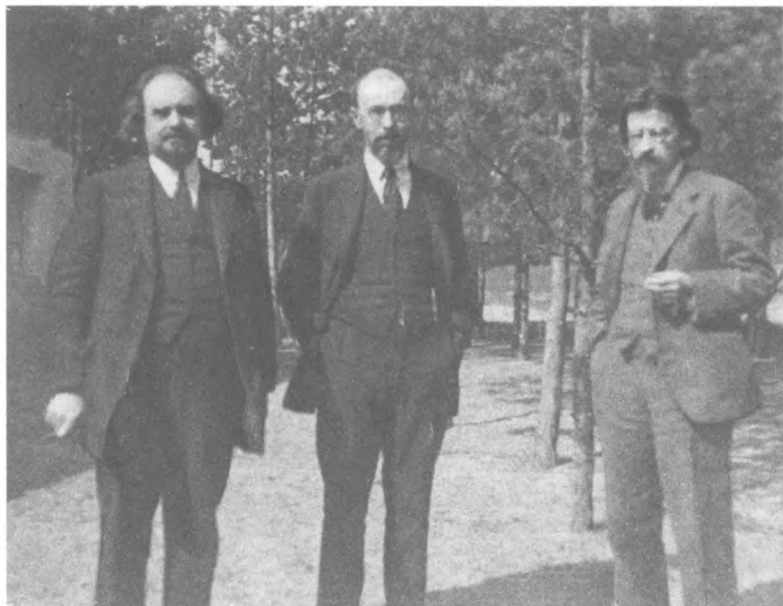


Н. А. Бердяев на съезде РСХД. Август 1930 года

Н. А. Бердяев. 1940-е годы



**Н. А. Бердяев, С. Л. Франк,
Л. П. Карсавин на съезде
РСХД в Саароне. Май 1923
года**

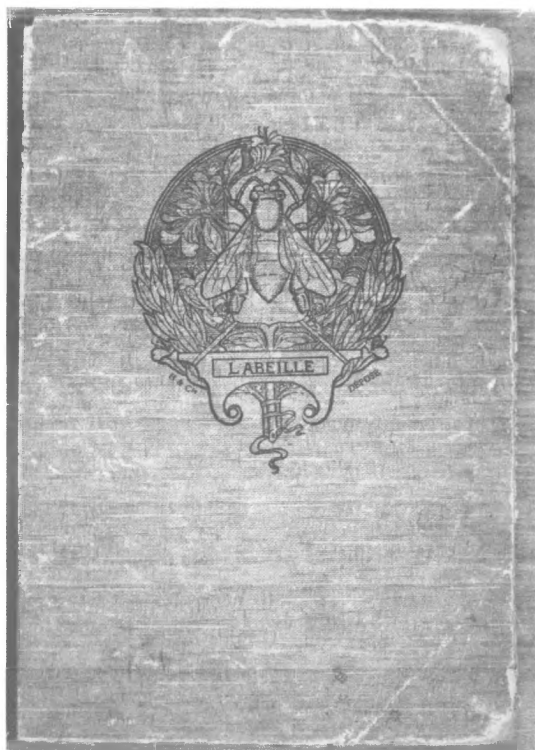




ОТЕЦ БЕРДЯЕВ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
Ніколаї Бердіаєв



Одна из центральных улиц предместья Парижа Кларара, где Н. А. Бердяев с семьей жил с 1925 по 1948 год. Снимок 1930-х годов. В настоящее время дом Бердяева находится в ведении Московской Патриархии и там бережно сохраняется часть личного архива философа, его библиотека, мемориальные вещи



«Серая с красным» общая тетрадь, в которой Зинаида Гиппиус вела дневник первого года второй мировой войны

самостоятельный «централей» Бот-
свагара, купца Мусолуки уже раз-
рубают своих оппонентов (Корейка
и т.д.) оправдают Дико Андригу в
Берлине, Берлинская пресса прижа-
вется к Капитулу и.....

и все это подкрепляется. Уже
нападки на Капитулу, предвостан-
ие Жюльен Корейки, но и Муниса, си-
Коване германской прессы, которая
и опровергает одно
который, между же
своего самовольно
наша, и Майский
суд, который был
Восточной Венес.
Тосиогин.

Но все же и
Миланско все и во
луче в Куре... каки

и все это — есть, есть! А то не бы-
ло бы и каждем.

Но как Берлинская опровергает
дума от всего проведомств, а!

8 Мар, Гроза

Насред войны — очень серьезно. Ан-
дрик уже война в Корейки, ажно
покажут поспешно, как Насред и
Римский. Парламентский и в вф-
музыка и сама она и ... Грозно?

10 Мар, Восточная.

Насред скатаго, денки! Насред
Alerte, но, и не считала, все франс,
однако, уфранс Коммуна. Франс —
каждый, что Муниса ирменас на
Мондурет, Томанди и Барсис, а



**Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус и Вяч. И. Иванов на вилле Мереж-
ковских в Рокка ди Паппа близ Рима. 1937 год**



Д. С. Мережковский. Париж. Фотография П. И. Шумова



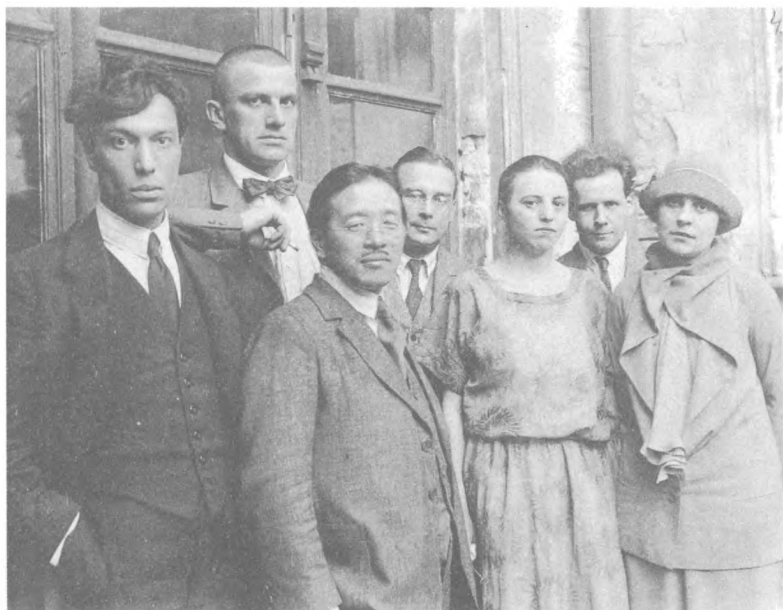
А. И. Ремизов. Франция, 25 августа 1926 года

А. И. Ремизов. Париж. 1940 год



**Л. Ю. Брик. Москва, 1923 год.
Фото А. М. Родченко**





Б. Л. Пастернак, В. В. Маяковский, японский поэт Тамидзи Найто, А. Н. Вознесенский, О. В. Третьякова (жена писателя С. М. Третьякова), С. М. Эйзенштейн и Л. Ю. Брик у здания ВОКС (Всероссийского общества культурной связи с заграницей). Москва, 11 мая 1924 года

Владимир Маяковский.
Москва, 1928 год



**Шарж В. В. Маяковского
на А. М. Горького. Рисунок
на записной книжке
№ 1 Маяковского 1916 –
1917 годов. Фотокопия**



**Лили Брик и Владимир Маяковский. 1924 год. На фотографии надпись:
«1924 — 1973. Моим любимым Тагерам. Лили»**

Л. Ю. Брик. Москва, Ген-
дриков пер., 1927(?) год



Л. Ю. Брик. Москва, 1973 год.
На фотографии надпись: «Ка-
кая я противная. Старость не
радость. 1973. Лили»



М. А. Булгаков



М. А. и Е. С. Булгаковы. Москва, середина 1930-х годов



**Елена Сергеевна Булгакова.
Москва, 1950-е годы**

Разбуди меня завтра рано
О моя терпеливая мать,
Я побуждаю черными курганами
Дорогого гостя ветры гонять.
Я сегодня уминаю в пучину
Силы широких колес напучу,
треплетъ ветеръ ноги облачной кучей
Золотую его дучу.
На развѣтѣхъ онъ завтра прожитѣя
Щипку и пеленъ кригучеъ ноги кучею,
и шриво взмахнетъ кобылицю
Надъ равниною краемъ хвостомъ.
Разбуди меня завтра рано,
Засвети въ ношней турмичевствѣ.
Говорятъ что я скоро стою
Знаменитый русскій поэтъ.
Весело я тебя и гостя,
Нашу петь, пѣтуха и кровь...
и на племени мои пролетою
Молоко твоихъ рижихъ коровъ.
Сергей Есенинъ.

поведении нашем. И я ничуть не исправлю твоего впечатления, кот[орое] оно оставило в тебе, если скажу, что Синяковщина² тут не при чем. Ты удивительный человек, Сергей. У меня на памяти еще один из весенних вечеров, когда ты застал у меня Костю Локса. Ты был неузнаваем в тот вечер, и глубоко растрогал меня своими воспоминаниями о первых шагах Николая и о твоём с ним знакомстве. Забытою какой-то свежестью и теплотой дышали и слова твои о Баратынском, Языкове, об импровизации. Прости, ты ошибаешься, уравнивая меня в моих поступках с Николаем. В этот вечер я весь целиком был с тобой и мой совет — отказаться от письменных переговоров и пойти на личные объяснения с теми дикарями только таким живым участием и может быть объяснен — ты ведь понимаешь, что после редакторского отказа в личных объяснениях это дело коснулось бы меня иначе и несравненно менее, чем как представителя издательства. Я никогда перед тобою душой не кривил и ничего за твоей спиной не подготовлял. Только потому-то я и написал тебе сейчас о моем обособлении, чтобы задолго до действительного повода для него и вообще только в предчувствии возможности в будущем самостоятельных моих выступлений вовремя тебя об этом уведомить. А до такого выступления еще далеко. Это ли не само чистосердечье? Ты, конечно, настолько доверяешь мне, чтобы уверовать в то, что этот шаг мой ни в какой зависимости от весеннего инцидента не стоит, и я не стану уверять тебя в этом. Иное дело все эти окрестные сорванцы. Ссылка на Николая с достаточной очевидностью показала, с каким вниманьем следили и следят они за семейными нашими делами. И чтобы уберечь тебя, и скажу прямо, тебя как руководителя, помощника и друга, который тем сложнее обязывает и привлекает к себе, что временами, под давлением житейских невзгод искажается до неузнаваемости и тогда отталкивает и даже против себя самого вооружает, — чтобы уберечь тебя от новых ссылок на поведение твоих сотрудников, — я ничего в этот сезон не предприму, да и вообще мои действия никогда не будут тайной для тебя. У тебя невольно может зародиться вопрос. В чем же собственно дело? Человек объясняется тебе в любви и заверяет тебя в своей преданности — казалось бы и нечего желать лучшего. Позволь же мне, воспользовавшись тем единодушным, с коим мы недавно радовались чистому лиризму Ивнева и навсегда осудили прессованную под многоат-

мосферным давлением выразительность³ — прямо сказать тебе, что вызвало у меня это долго создававшееся охлаждение к Ц[ентри]ф[у]ге. Если как-то торопливо злободневна и рыночна Гилея и П[ервый] Ж[урнал] Р[усских] Ф[утуристов] — то это умышленная порча воздуха, это та принципиальная вонь, которая, по их понятиям, составляет неподражаемую прелесть и секрет их сыроварни. Это никак не оплошность, это сознательное озорство. Необходимость и надобность этой приправы к футуризму и по сю пору для меня загадочна. Но ведь у всякого свой ум и толк. Однако если от этих благовоний не свободен и Руконог — это (в связи с твоими последними словами о лирике, благородной и животворной по чистоте или простоте своего источника)⁴ — недостаток; — и эта отрицательная величина — коэффициент случайный и неоправданный. В небе гнездились мы также совершенно напрасно⁵, я этого не только не хотел, но всем существом своим этому противился; — что ж тут удивительного, что выпал я наконец из гнезда. Разнообразие шрифтов находил я иногда обоснованным только у покойного Игнатьева — оно ничем не мотивировано в Руконоге и изменяет той живости эпидермы, кот[орой] должна быть печать; — болезненность набора в том виде, как он дан был на обложке Руконога — Лирики — есть просто безжизненность кожи, какое-то дикое мясо. Затем, воевода Василиск это, увы, за исключением «Карманщика»⁶ пожалуй, та же Хлебниковская оторопь. Вообще, если «Лирика» была смешна в положении священнодействующего редингота, Руконог был пока гадким утенком всего. Недостатки первого нашего выступления лишены всякого корня, никакого труда не требуется, чтобы избавиться от них, но я еще не знаю, признаешь ли ты предосудительность всех этих свойств Руконога или Центрифуги.

Ты выказал удивительную прозорливость и расторопность осенью, когда силою вещей стал вожаком нашей левой в «Лирике». Кроме того, литературные твои предсказания безупречны. Мне неудобно (это было бы как-то нецеломудренно) говорить тебе о ясности и прозрачной структуре твоей лирики. — Все это вместе дает счастливое сочетание тех качеств, которые требуются в редакционно-администраторской работе. — Ты во всем этом незаменим. И меня немало удивили твои уступки дурной моде последнего времени — ты мог бы и должен был бы дать нечто гораздо большее, ты владеешь такими

данными, кот[орые] ставят тебя над модой и угрожают ей. Не сам ли ты сделал естественный тот вывод из Брюсовской статьи, кот[орый] напрашивается сам собой: что Ц[ентри]ф[у]га — действительно — центральный для Москвы (да и для Петербурга ведь) орган молодых⁷. Я скажу: могла и должна была бы быть органом руководящим и задающим тон. Действительно, ты накануне этого, но пока и только, хотя так легко, мне кажется, достигнуть такого положения. Но почувствовав себя царевичем в царстве поэзии, говори и тоном аристократии. Вместо этого ты готовишь восьмистраничный ругательский выпад!⁸

Опять за старое! Я тебя не понимаю, кой бес толкает тебя при каждой счастливой конstellации так безжалостно разрушать свою же позицию. Я ведь знаю, как тебя воспринимают молодые в Петербурге. Неужели это уважение их и сочувствие, больше, художественная чуткость их по отношению к тебе как к поэту — неужели это не может служить тебе камертоном, указующим, какой лад должен воцариться в Центрифуге. Сергей, ты поддел и подкупил меня своею искренностью, прости мне ту бесцеремонность, с которой я берусь судить тебя. Но это вечное проклятие безденежья и необходимость все снова и снова отделяться дешевизною и скороспелю случайностью внешней стороны издания! Как ты думаешь бороться с этим? Господи, мы могли бы овладеть движением, если бы именинный фрак футуризма или, шире, лирической современности хранился в нашем шкафу! Сергей, прерву пока письмо и в таком виде тебе его pošлю, чтобы не ждал ты ответа и не нервничал. Крепко целую тебя и сегодня же вечером сяду снова тебе писать; много чего надо мне еще сказать тебе.

Преданный тебе Б. П.

¹ Дата получения письма Бобровым — 16 июля 1914 г.

² Сестры Синяковы — Мария Михайловна, Надежда Михайловна, Вера Михайловна и Ксения Михайловна — были дружны с московской художественной молодежью. С Пастернаком их познакомил, вероятно, Асеев, знавший их еще в Харькове. Ксения Михайловна стала женой Асеева. Ей посвящена вторая книга Асеева «Оксана» (М., 1916). Надежде Михайловне посвящена большая часть стихов книги «Поверх барьеров».

* Здесь: стечение обстоятельств.

³ Вероятно, имеется в виду статья Пастернака «Вассерманова реакция».

⁴ Возможно, ссылка на статьи Боброва «О лирической теме» и «Лирическая тема».

⁵ См. стихотворение С. П. Боброва «Турбопэан»:

И над миром высоко гнездятся
Асеев, Бобров, Пастернак.

(«Руконог». С. 28).

⁶ Стихотворение В. Гнедова «Бросьте мне лапу...».

⁷ В статье «Год русской поэзии (апрель 1913 — апрель 1914). Побуженники» Брюсов пишет: «Но все же футуризм поэтов «Центрифуги» (не говорим о присоединившихся к ним писателях из «Петербургского глашатая») имеет особый оттенок и сочетается со стремлением связать свою деятельность с художественным творчеством предшествовавших поколений» (Русская мысль. 1914. № 6. С. 16, 3-я пагинация).

⁸ Вероятно, речь идет о полемической статье Боброва, готовившейся для следующего сборника.

14

Пастернак — Боброву

Лето 1915; Москва¹

Визитная карточка

Дорогой Сергей! Неужели ты не найдешь, чем побить двум погорельцам, — предъявителям этой карточки, ты, которого, может быть, дома ждет теплый ужин, мягкая постель и все, чем в таких случаях можно разжалобить и т. д.

Твой Б.

¹ Дата устанавливается по содержанию. По-видимому, написано после германского погрома в Москве, во время которого сгорел дом Филиппов. (См. об этом: Люди и положения // Пастернак Б. Л. Воздушные пути. М., 1982. С. 448. О М. Филиппе см. примеч. 4 к письму № 41). На визитной карточке: Boris Pasternak Stud. Phil. Moskau.

15

Пастернак — Боброву

27...30 апреля 1916, Всеволодо-Вильва¹
Милый Сергей!

Ты меня вконец растрогал письмами своими, хотел тебе тотчас же ответить, да все ждал прибытия альманаха². Вчера получил его, наконец. Внешность у него великолепная, говорю совершенно искренно, непринужденно, непосредственно, как эстетическое двуногое, как

первобыт. Шрифт великолепный, графически — штамповые пропорции не оставляют желать лучшего, страница довлеет себе и не вносит своей страничной тревоги в свою ношу. Так следует печатать все, что нам доведется печатать. Но об этом после.

Не перестаю судить об альманахе как неискушенное двуногое, так лучше будет и для тебя и для меня. Вот увидишь. — Сергей, ты страшно остроумен, очень умен и умеешь с разительной оживленностью менять голос в критических статьях. Меня восхищает (за очень немногими исключениями) твоя манера личной рокировки лично позиционных моментов (моментов идеи, убеждений, формулировок, дефинитивных сжатий и сокращений etc., etc.) — и в такой же степени радуют те бодрые и лаконические выпады, с какими ты объявляешь противнику мат в ту минуту, когда он менее всего склонен думать о составлении завещания, а напротив, готов воскликнуть: «Ну-с, по рюмочке!» Так, стало быть. — Но, Сергей, Сергей, — откуда у тебя бескорыстие это берется, с каким ты, напр[имер], пишешь статью типа «Ф[ило-софский] камень фантаста» или «Два сл[ова] о ф[орме] и содержании»? — Скажи, много ль людей ты знаешь, с самой колыбели, со злокачественных и патологических тупиков детства свычных с неудобствами сути и существенности? Воспитанных собственным размышлением в колодах субстантивизма, редко хаживавших в проходку на атрибутивные прогулки по придаточным предложениям. Двоих, троих таких приведешь на память и глядишь, обчелся уже. Добро бы времена Бёме³ были сейчас. Но ведь беда — налицо: т[ак] называемая современная мысль (исключая чисто научную) — гальванизируется запятыми и дрыгает лапками, разбрызгивая т[ак] называемые публицистические периоды.

Кто поймет тебя, Сергей? А? Я ведь не шутя тебя спрашиваю. Дворец двух родительных падежей!⁴ Да ведь тут твое а ргіогі, кот[орое] требует многого от мимоидущих — а они даже и шляпы не снимут.

Но меня эта бескорыстная смелость и непритязательная беспечность твои умилили несказанно и настроили на очень серьезный лад. Мне мало самого себя и двух-трех хронических собеседников там, где дело касается вещественной крепости мысли. *Правда*, конечно, на твоей стороне, и как знать — быть может и выгода. Выгода потому, что соблюсти себя на стороне — нет возможности. Большинство привыкло вообще понимать

только то, что само оно в состоянии говорить во всех своих состояниях безразлично. Часто на эту удочку и попадаешься. Снабжаешь свою мысль разными трапами, веревочными лестницами и мостками для безногих. В конце концов оснащения эти достигают такой изобильности, что за ними уж не сыскать основной мысли. Так теряешь и утрачиваешь свой собственный облик. — Я нахожусь на пороге этой катастрофы. Последнего шага в теплицу тупиц я еще не сделал и делать не собираюсь. Но на этом пороге, уже дыша испарениями посредственности, я лучше, чем когда-либо, оценил ту сторону твоего характера, о кот[орой] у нас речь.

Продолжаю об альманахе. Из стихов (свои я тоже включаю в обзор) мне нравятся единственно: Хлебников: «Бой в лубке» до «Малынинских красавиц» (искл[ючение] «Страна Лебедея» — ос[обенно] «Ах, князь и князь и конь и книга»... я знаю, что ты на это скажешь, а все ж. —

2. Три последних ст[ихотвор]ения К. Большакова. — Я все-таки считаю Большакова истинным лириком — это не ново — мне приходилось и спорить по эт[ому] поводу, не с тобой, как кажется мне.

3. Из твоих следующие: «Кинематограф», «Кон[ец] сражения», «Черн[ые] дни», «На эти горных скал озубья», «Кисл[оводский] курьерский», «Стрепеты стремнин стройных теснее...»

Вот и все.

Своих я не упомянул по той же самой причине, по какой я не назвал ни Кушнеровых, ни Ивневских, ни каких прочих стихов. Если это может огорчить их, то меня, — Dieu me bénisse* — это не огорчает нисколько. Если я назвал Хлебникова, Большакова и некоторые твои, то потому лишь, что о вас можно говорить, или вернее: тут есть о чем говорить. Из круга нижеследующих соображений исключается Большаков. Я не знаю, достаточно ли условия живописно впечатляемой и ощущением усваиваемой эссенциальности для того, чтобы признать лирические строчки частями творчески укорененного целого. Если нет, — то и то немного, что нравится мне в стихотворном отделе Альманаха — значением похвалиться не может.

Когда-то я и не подозревал о том, что можно задумываться над лирической тканью, подходя к ней извне. Ес-

* Господи, благослови (фр.).

ли мне и казалось, что я теоретизирую, то на деле обстояло все несколько иначе: предо мной был динамический диапазон тематической склонности, метафорических приемов, ритмико-синтаксических напряжений и т. д. и т. д., одним словом — некоторая величина динамического порядка, некоторый расплывчатый потенциал.

К этому количеству личной валентности, изживая и живо укрепляя его в себе, я подходил лишь мнимо и по видимости одной — теоретически. На деле же я занимался фиском и переписью. Я не находил никаких проблем в этой валентности; я просто мерил теорией и при помощи чистых понятий описывал измеренное, находя радость в том, что имеется на свете неизмышленное и более подходящее на самого владельца, нежели все майораты мира — имущество, которым можно овладеть всякий раз, как в этом владении усумнишься. Мы теоретизировали и размышляли над фактом пения валентности нашей. При этом в нас пела все та же валентность и все по-прежнему — о пении валентности в нас. Милый мой, я уверен, что всякая метафора несет в своем теле чистую и безобразную теорию своей данной для данного случая теоретической сущности точно так же, как всякое число есть законченное и вращающееся отношение (*perp[etuum] mobile*). Я уверен в том, что только эта чистая циркуляция самосознания в метафоре (или лучше ее самосознания), есть то, что заставляет нас признавать в ней присутствие красящего вещества. Так размышлял и теоретизировал я когда-то. Я пользовался в эт[их] размышлениях лишь тем разумом, тем самым разумом, который парился в лирической бане, и я пользовался парящимся этим разумом в тот самый миг, когда достигал до уровня каменки и ничего кроме лирического пара не знал и знать не хотел.

Но как-то случилось, что я дал ему другое употребление. Для меня многое изменилось с тех пор, как мы по настоящему виделись с тобой в последний раз. Тут мне распространяться не о чем. У меня ничего еще нет такого, что я бы мог непреложным назвать, и за все с той поры по сей день истекшее время у меня еще не было ни одной такой прихоти, кот[орую] я бы решился, душой не покривив, превратить в настоящее; центростремительное желание. Ведь и я с печалью вспоминаю то время, к которому с печалью ты меня отсылаешь. Для меня оно невозвратно потому, что я уже не тот, что

тогда. Сделай одолжение, не сдабривай этих признаний моих элегичностью — элегичности тут и в помине нет.

Меньше всего мне хотелось бы с тобой о собственных моих намерениях говорить. У нас с ними, с намерениями моими, — совсем особый разговор. Многих намерений я и на порог к себе не пускаю. В одном только я уверен: пускай и благодатен был уклад старинной нашей юности, плевать мне на его благодатность; не для благодатности мы строены, ставлены, правлены. Еще мне нечего печатать. Когда будет, скажу. Пусть Платов⁵ печатается. А не будет — тоже убиваться не стану. — И это только меня самого лично касается. Никому до этого дела никакого нет. А думаешь ты, что это для отводу глаз говорится, Бог с тобой, думай себе на здоровье.

В первую голову мне хочется что-ниб[удь] такое сделать, от чего бы несло хозяйничающей в нем значительностью. Как понимать это, я сам еще не знаю, не додумался еще, либо опыт мой еще слишком узок. Да кто я в самом деле? Молокосос еще. А судьи наши? Мы же сами опять. А то еще хуже: инвалиды, нами же уволенные в отставку. Слов нет, что «павианы 20-го числа»⁶ — павианы. Что старики не больно хороши — в том тоже спору нет. Но из всего этого один только вывод за дверь возможен. Да что это ты меня за язык тянешь? С меня взятки гладки в этом пункте. Писать мне никто не поможет, а как напишу, тогда поговорим. И не думай, что я важничать вздумал еще и мне неведомыми, умышленными заслугами какими-то. Ничуть не бывало. Осточертело мне все. Потом, не понимаю. Гляжу я теперь трезвыми глазами на все и берусь здраво рассудить себя самого с тобою. Ради Создателя, что в Альманахе меняется или изменилось бы от наличности дюжины еще таких полярных вшей⁷ или от их отсутствия? Нет, по чести говоря. А? Ну вот. Велика тоже радость с такой весомостью в ансамбль входить! Ты спрашиваешь про Иды. Да ведь это же булабочная головка. Мало ли таких Ид и Швей и т. п. и т. п.? Ты не берись меня разубеждать, порох напрасно потратишь. Масштаб совсем другой. Прежде меня задевало то, что Юлиан мне глаза колот «отдаленными догадками» о том, что не еврей ли я,

* Вот то-то и есть, что не сами; а друзья-приятели, для которых солидарность — вопрос собственного существования. (Примеч. Б. Пастернака.)

раз у меня падежи и предлоги хромают (будто мы только падежам и предлогам только шеи свертывали). Меня задевало это, мне этого хватало на цельное ощущение, я, т[ак] ск[азать], мог этим тешиться (ты поймешь). Теперь бы мне этих догадок на рыжок не стало. Теперь, случись опять Юлиан⁸ с такой догадливостью, я бы ему предложил мои вещи на русский язык с моего собственного перевести. Тешился я и Шершеневичем, и сближением с Маяковским, и Обелиском⁹, и мало ли еще чем. Теперь не тешит это меня. Да на что я тебе! — Довольно. Одно знай, Сергей: очень ты меня растрогал, Альманах твой красив, статьи твои — настоящие, мужественные, дельные, умно, самостоятельно написаны, примирение твое с Б[ольшаковым], Х[лебниковым] и др[угими] меня радует, и мне трудно было согласовать собственную мою сухость с той теплотой, кот[орую] вызвали во мне письма твои и Альм[анак]. Сердечный привет Марии Ивановне. Как Мар¹⁰? Вот вырос наверно?!

Е. Г. Лундберг на днях отс[юда] выехал в Вятс[кую] губ[ернию]. Знаю, что он написал тебе, он сам мне об этом сообщил, прибавив, что не обошлось у него письмо без легкомысленных и ложных наветов в мою сторону. Что он там состряпал — тайна вашей переписки. А ты не верь.

Если хочешь мне писать в ответ — адресуй в Ташкент до востребования. В нач[але] мая думаю отсюда сняться. Бор[ис] Иль[ич] Збарский не раз тебя поминал, он очень симпатично к тебе относится, и если бы сейчас тут был, наверное, тебе бы приписал, как уже часто порывался, слышав, что я тебе писать собираюсь. Но вот уж неделя, как он в отъезде. Да, твои обещания денег, гонорара и т. д. Тебе не стыдно, Сергей?! Что это за посулы такие. Уж не подкупить ли ты меня собираешься. Да нет, глупый, меня и это в тебе до слез трогает. Только ты оставь. Тоже, Крез нашелся!

Кланяйся Борису Анисимовичу¹¹, если его увидишь. Я ему писал отсюда, просил стихов прислать для прочтения, искренне и серьезно интересовался ими, а он — ни слова в ответ. Странно.

¹ Дата получения письма Бобровым — 2 мая 1916 г.

² Имеется в виду «Второй сборник Центрифуги» (М., 1916).

³ Якоб Бёме (1575 — 1624) — немецкий философ-мистик, автор книги «Аврора или утренняя звезда в восхождении», русский перевод которой вышел в издательстве «Мусaget» в 1914 г. Во «Втором сборнике Центрифуги» помещена статья Боброва «Слова у Якоба Бёме».

⁴ Цитата из статьи Боброва «Философский камень фантаста»: «Я вошел в дворец двух родительных падежей: во дворец искусства искусства».

⁵ Платов Федор Федорович (1895 — 1967) — художник, поэт и критик, участник «Центрифуги», автор книги «Блаженны нищие духом. Семьдесят стихов Федора Платова» (М., 1915).

⁶ Речь идет о чиновниках, получавших жалованье 20-го числа каждого месяца.

⁷ Имеется в виду стихотворение «Полярная швея».

⁸ Ю. П. Анисимов.

⁹ Название журнала, который предполагали издавать Пастернак и А. Л. Штих. См.: *Пастернак Борис*. Сбор. соч.: В 5 т. Т. 5. М., 1992. С. 598.

¹⁰ Сын С. П. и М. И. Бобровых — Мар Сергеевич.

¹¹ Б. А. Кушнер в это время жил в Петрограде.

16

Пастернак — Боброву

11 мая 1916, Всеволодо-Вильва¹

Милый Сергей! Дела задержали меня здесь, и в Ташкент я не поеду. Пиши сюда. В Т[аш]ке[нт] послал заявление на почтамт, т[ак] ч[то] твое письмо не пропадет. Во всяком случае, напиши сюда особо, очень рад буду твоему письму и страшно любопытствую (не праздно, конечно), что ты мне на мои тирады ответишь. Крепко жму твою руку. Привет М. И.

Твой Б. Пастернак
Всеволодо-Вильва, Пермск[ой губернии].

¹ Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

17

Пастернак — Боброву

23...25 июня 1916, Усолье¹

С. Усолье, ст. Солеварни Соликамского уезда, Содовый завод.

Дорогой Сергей!

География *cum grano salis*^{*}, как видишь, очень населенные места, как говорил однажды попутчик еврей при мне соседу по купе, будучи совершенно не в силах произнести пару йотированных е не переводя дыханья. Корзина моя сдана на хранение во избежание засола по со-

^{*} С иронией, букв.: с щепоткой соли (*лат.*).

седству от этого «соленья», я не имею возможности подробно написать тебе о том, что мне более всего пришлось по сердцу в твоих «Записках»² — веришь ли, со столь инородными усилиями памяти и интеллекта приходится мне, чередуя их, перемешивать те виды сосредоточенности, кот[орые] на откуп у личного да и у чужого творчества, что не подкрепленные однородными ассоциациями, впечатления эти, извлеченные из-под спуда, оказываются вовсе лишенными хлорофилла, водянистыми и малоконкретными. Будь книжка под рукой, они мгновенно бы восстановились. А сейчас: «Записки стихотворца?» — Ах, точно! Да, да, это — сеанс мучительного флюса в купе, по дороге в Пермь, с толстыми горчичниками из чеков, квитанций Порайони[ого] Комитета, вагонов овса и крупчатки, нарядов, английских булавок, забравшихся под самую рубашку, и чего-то вроде маленькой пушки на левой ягодице. «Записки стихотворца»? Да, да, это, кроме того, еще ряд бессовестно, вымогательски вынужденных улыбок, вырванных автором силой у больной, бедной челюсти. Улыбок одобрительного восхищения, когда загадываешь наперед: это место надо будет с восклицанием: «каково?! — а вы вот говорили, что этих самых, как их там... футуристов надо бы...» — показать тому-то и тому-то. «Записки стихотворца»? — Это ряд мастерски написанных определений, где формула пользуется всеми льготами сентенции, — где у формулы есть пенсне, чтобы саркастически поверх него сверкнуть в нужную минуту, и где сентенция лишена всех обычных льгот сентенции; — где сентенцию нельзя выгнать на местное пастбище всех сентенций симментальской и арбатски-зубовской масти, но зато ее как формулу можно послать за океан, где навинченная на соответствующую идею, она будет делать свою работу независимо от климата страны, преобладающего возраста туземцев и того, к какой лингвистической группе относится тот мертвый язык, на котором они уже не говорят и которого не знают. «Зап[иски] стих[отвор]ца»? — Вот именно. Это занумерованная часть разборной духовной машины. Машина эта не может без нее работать. Она работает с ней. В этом смысле новый экземпляр этой идеи — не новость. Но было бы нелепостью думать, что духовн[ая] машина может обойтись без точных и усовершенствованных резервов. И было бы нелепостью думать, что эту резервную часть можно скопировать со старой, находящейся в деле и

действии: это также невозможно, как невозможно отличие резервн[ого] инжектора из того самого железа, которое пошло на изготовление старого. — А если вспомнить, что сентенции, точные как формулы, — что идеи — резервные как части машин, — возникают тогда, когда портятся соотв[етствующие] части собранные, то надо сказать: духовн[ая] машина пущена снова по незначительном перерыве тогда-то и тогда-то, в тот самый момент, когда разбор Тютчевского «... она с небес нисходит к нам, небесная — к земным сынам и на бунтующее море льет примирительный елей...»³ —; «Недалекое будущее» (б[ыть] м[ожет] переврал — прости), о любви к Пушкину и мн[огое] др[угое] — были снабжены винтовой нарезкой с диаметром, установленным для всех чистых идей. — Ты молодец, Сергей, вот что. Спасибо за «Записки». «Распевочное единство»⁴ не разрезано еще. Все время в разъездах — оттого и не отвечал. И это не ответ, конечно. Все еще в дороге и по делам. На большое письмо твое отвечу при первой возможности. Получил сегодня «С[ол]нце на излете» от тебя и от Большакова. Спасибо. Ему не говори, что от меня письмо получил, обидится. А ему сейчас писать ни малейшей возможности не имею, и голова у меня не тем занята, меня тронула его посылка. Не успел еще как следует прочитать. «Поэма событий» кажется посвежей «С[ол]нца» будет. Хотя moulage там во многом от Маяковского⁵. — Вообще — разочаровательный какой-то он. Характеристика его прежде всего исключает всякое подозрение в холодной и бесстрастной восприимчивости эклектика à la Шершеневич. Он несомненный лирик и как таковой, а р[и]ги, оригинален должен быть (ты понимаешь, конечно). Между тем, при повышенной сложности эпизодического образа в духе «Мезонина»⁶ (пример: образец невозможной «новой худож[ественной] прозы» Шершеневича) он этой искусственной мерой часто ничего, кроме разоблачения пустой ее искусственности, не дает — дремлют губами на ругани люди?⁷ Многое, многое еще — почти все этими вычурными протоколизмами испорчено. Мне душа этого протоколизма непонятна и незнакома. Уж на что я «сложно» начинал: «загорают дни как дыни за землястым детством с корью», «как будто мимо захолустной станции — — — [товарные]

* В тексте ошибочно: товарнорные.

вагоны тянутся... мертвого дождя»⁸. А Маяковский? — Но потенциал этих истуканных сложностей отзывоспособен по отн[ошению] ко мне. А искусственность Большакова часто грешит чисто Шершеневическим грехом. Часто фактура его такова, что так бы мысли человек, с затхлостью поэтич[еских] тайн незнакомый, сочиняя *пародию* на современность. В построении его много механического следования какой-то рецептуре сложности *quand même*. Ну, слушай, Сергей, я лучше кончу письмо. А то не видать тебе его. Прости, что пишу поверхностно. Знаешь, в какой обстановке и при каких усл[овиях] я его строчу тебе? На так наз[ываемой] проезжей квартире для приезжающих по делам на завод Любимова — Соева и К⁰. Перед окном — Кама — сбоку маленькая промышленная Бельгия — элеваторы, трубы, бетонн[ые] скелеты, подъездн[ые] пути, исполинские цистерны Т^{ва} Мазут и т. д. Завтра мне в контору к ним за получением денег — уголь мы им поставляли, невозм[ожное] число вагонов, потом мне к директору с нов[ым] предложением. Но во Вс[еволодо]-Вильву я уже больше не поеду и после Уфы и Самары месяца на два приеду к своим. Пиши мне уже и сейчас по адр[есу] ст. Столбовая М[осковско]-Курской или «Молоди» Бородинна. По дороге к своим, разумеется, с тобой повидаюсь.

Привет Марии Ивановне. Твой Б. Пастернак

Пиши и теперь уже в «*Столбовую*», не заказным по возм[ожности] (за заказными за 14 верст ездить надо), мне перешлют родители, когда адр[ес] мой установится.

¹ Написано на бланках: «Контора имения и Уральских заводов ее превосходительства Зинаиды Григорьевны Резвой. Продажа уксуснокислой извести, ацетона, спирта древесного разных градусов, хлороформа и древ[есного] угля». Дата получения 29 июня 1916 г.

² Бобров С. П. Записки стихотворца. М., 1916.

³ Неточная цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Поэзия»:

Среди громов, среди огней
Среди kloкочущих страстей,
В стихийном пламенном раздоре,
Она с небес слетает к нам —
Небесная к земным сынам,
С лазурной ясностью во взоре
И на бунтующее море
Льет примирительный елей.

* несмотря ни на что (фр.).

⁴ Книга Божидара «Распевочное единство» была издана с предисловием и комментариями Боброва.

⁵ *Большаков К. А. Солнце на излете. Вторая книга стихов. 1913 — 1916. М., 1916; Большаков К. А. Поэма событий. М., 1916.*

И. А. Аксенов писал Боброву 23 июля 1916 г.: «Поэму событий» я люблю больше «Солнца» (ф. 2554, оп. 1, ед. хр. 5, л. 45 об.).

⁶ «Мезонин поэзии» — издательство московских эгофутуристов, в котором сотрудничали В. Шершеневич, Хрисанф (Л. Зак), К. Большаков, Р. Ивнев, Б. Лавренев и др. Были выпущены сборники: «Вернисаж», «Пир во время чумы», «Крематорий здравомыслия» (1913).

⁷ Первая строчка второй строфы стихотворения Большакова «Вечер» («Огни Портовой таверны...») из книги «Солнце на излете».

⁸ Этот текст Пастернака неизвестен.

Пастернак — Боброву

16...18 сентября 1916, Москва¹

Дорогой Сергей!

С приездом тебя, ложись же и выздоравливай.

Вчера был у Вермея, сдал ему весь подвижной состав. Что до заглавия — колеблюсь. Колеблюсь оттого, что самостоятельной ценности в отдельном стихотворении не могу сейчас видеть. Старое понятие техничности в книжке тоже не соблюдено, и если подчеркнуть заглавием этот момент, произойдет легко предвосхитимое недоразумение.

Новая техничность, поскольку она у других на практике осуществляется, а у меня в теории существовала — (Черн[ый] бокал) — тоже с очевидностью целым рядом вещей нарушена в сторону старейших даже, чем наши, — привычек. В книжке — с десятков вещей невиннейшего и наивнейшего свойства à la Жадовская² чтобы не сказать хуже. Войдут в хрестоматии. Вот предположительные заглавия: Gradus ad Parnassum*.

44 упражнения.

Поверх барьеров, Налеты, Раскованный голос, До чetyрех, Осатаневшим и т. д. и т. д. — Раскованный голос кажется мне *le moins mauvais*** . От тебя на ушко, конечно, что заглавия эти придуманы не столько мною, сколько вот этим пе[ром]. О, негодное, оно расщепилось в самую нужную минуту, и я вставил новое. Если эти названия тебе не по душе, сообщи мне, я тебе в следующем письме предложу на выбор лучшие, их еще нет у

* Ступень к Парнасу (лат.).

** наименее плохим (фр.).

меня, а там, за письмом, в строку и вытанцуются. (При-
мат начертательности над мышлением всухомятку.) С'est
ça. О Николае ничего не слышал. Марья Ивановна сооб-
щила мне о выходе «Елисаветинцев», и завтра я ее про-
ведаю и книжку захвачу. Спасибо. Сергей, это чудесно,
что мы вместе опять. Вермель не нахвалится, говоря о
тебе, о Ц[ентри]ф[у]ге, Николаевой книжке, — словом
обо всем Царицыном переулке. Вообще, он очень мил и
засыпал меня, не знаю, насколько искренними, компли-
ментами. Ближайшее будущее мое никому еще, а стало
быть и мне — не ясно. Жду ответа от Збарского. Возмо-
жно, — в скорости уеду на Каму. Локс в Москве, и я при-
способляю его к новым взглядам на Центрифугу и ее по-
зицию относительно МГУ³ и других незыблемостей.

Выздоровливай же и пиши.

Твой Б. Пастернак

Вермель просит объем книжки, поелику возможно,
увеличить. Есть у меня кое-что в резерве, да дрянь. Ну,
да там видно будет.

¹ Дата получения письма Бобровым — 20 сент. 1916 г.

² Жадовская Юлия Валериановна (1824 — 1883) — русская писа-
тельница и поэтесса.

³ Смысл аббревиатуры неясен.

Пастернак — Боброву

22...24 сентября 1916, Москва¹

Дорогой Сергей!

Видно не получаешь ты наших писем, что так беспо-
коишься обо всем том, о чем тебя давно уже и избыль-
но извещаем мы, т. е. Мария Ивановна, Вермель и я.
Думаю, однако, что задержка эта — временная и что
письма наши в пути.

Спасибо тебе большое за «Елисаветинцев», за твою
радость по поводу скорого выхода моей книжки и еще
за многое. Свист Центрифуги действительно оглушите-
лен. Более всего меня радует, что Ц[ентри]ф[у]га уже и
сейчас издательство серьезное, солидное, перворазряд-
ное и передовое, и обещает преуспеть в этих отношени-
ях еще и больше. Радует меня также и то, что мы опять
вместе все. Получил ли ты письмо мое? Как относишься

* Так-то (фр.).

к проекту заглавия? Напиши мне искренне, если забракуешь, я первый с тобой соглашусь. — На днях зайду к Марии Ивановне за Мюнхгаузен². Помню, читал ты мне наброски статьи и мне очень понравилось.

Были мы с Костей Локсом у Марии Ивановны в понедельник. Костя себе «Елизаветинцев» выпросил, очень хочется ему также и твои книжки иметь: «Записки», «Распевочное единство» — просил М. И., да она не знает, где у тебя эти книги лежат.

Локс восторженно относится к метаморфозе Центрифуги. Он вообще с любовью отзывается как о тебе, так и о многом, в прошлом с тобою связанном. Интересуется «Моск[овскими] мастерами»³ — «Ка»⁴ ему очень нравится. Стал я Костю убеждать показать мне что-нибудь. Кобенился он по обыкновению, упирался и сопротивлялся всячески, потом смягчился. И вот что я тебе скажу. Есть у него теоретическая книжка здравая, зрелая, сжатая, содержательная, формулятивно краткая — как катехизис — словом, как раз то, чего ты от меня все время требуешь и, если я советую тебе написать ему об этой «Философии Искусства»⁵ с целью издать ее в Ц[ен]т[р]и[ф]у[г]е, то говорю как член центрифугальной семьи, заранее гордясь тем, что к полнопробности нашего комплекта присоединится и эта вещь — полновесная, компактная, затронувшая все вопросы, случайно или неслучайно сцепленные с пробл[емами] творчества в наши дни. Каждая тема — параграф, формула за формулой, отчетливые, по своему глубокие, там, где своя глубина без претензии — редкость в наши дни. Лучше всего то, что *Traité* лаконично не по-современному, картезиански просто, исчерпывающе. Поговорю об этом с Вермелем, а ты бы Косте написал, Сергей. Его адрес: Мертвый пер. д. 11, кв. 2. Не откладывай этого в долгий ящик и напиши ему. Пробыл он год в Сураже и времени даром не потерял. Кое в чем изменился к лучшему, хотя я и всегда к нему хорошо относился. Напиши и мне поскорей. Отъезд мой из Москвы принципиально уже решен, и мне хотелось бы, чтобы твое письмо меня еще застало здесь. Крепко жму твою руку.

Твой Б. Пастернак

¹ Дата получения письма Бобровым — 27 сент. 1916 г.

² трактат (фр.).

² Вероятно, имеется в виду статья Боброва о переводе книги Э. Распэ «Удивительные приключения Барона Мюнхгаузена» // Русская мысль. 1916. Кн. VIII. С. 17 — 25.

³ В изданном С. М. Вермелем журнале «Московские мастера» принимали участие В. Хлебников, Б. Лившиц, Р. Ивнев, Д. и Н. Бурлюки, Н. Асеев, К. Большаков, В. Каменский.

⁴ Фантазия Хлебникова, опубликованная в «Московских мастерах».

⁵ Речь идет о незаконченной книге Локса «Катехизис небезразличного в искусстве». В рекламном объявлении о новых изданиях «Центрифуги» в книге Боброва «Восстание мизантропов» (М., 1922) в числе готовящихся книг указан «Катехизис незабываемостей» К. Локса.

20

Бобров — Пастернаку

23 сентября 1916, Железноводск

Милый Боря!

Был ли ты у меня на Погодинской и взял ли себе «Елизаветинцев» и «Мюнхгаузена»? Обязательно мне напиши, как понравятся тебе и те и другой; это мне [...]¹.

[...] конечно есть и недочеты, но ведь это не брошюрка. Как твои дела. Что Локс. Проникся ли ЦФГ-альным духом? Кланяйся ему от меня. Вернусь я недели через три. Пиши.

Твой С. Бобров

23.IX.916

№ 490

¹ Письмо Боброва было написано на трех открытках с видами Железноводска. Сохранились № 1 и 3.

21

Пастернак — Боброву

23...25 сентября 1916, Москва¹

Милый Сергей!

На твое почтенное за № 480 письмо спешу поставить тебя в известность, что большинство моих стихов объемисты и многочастны. Частей я не считал, а то вышло бы значительно большее число вещей. Да их и так уже около 50 (48 или 49 штук). Из них вновь перепечатанных только шт[ук] 5 или 6, все остальное — печатается впервые. Я мог бы и еще с десятков вещей предложить, да м[ожет] б[ыть] и сделаю так, пока же их 50 шт[ук]. Если давать еще что, я бы пустил вновь в набор 2 вещи из «Лирики» (Февраль, Как бронз[овой] золой жар[овень])² и несколько вещей предшествующего периода. Мне поч-

ти не пришлось выбирать — весной прошлого года, как ты помнишь, вероятно, я горел, и у меня ничего не осталось. Книжка и так выходит объемистая, до 4-х — 5-ти печатн[ых] листов. Впрочем, я в типографском деле мало что смыслю и м[ожет] б[ыть] вру. Об этом тебе Вермель отрапортует. Что скажешь ты? Стоит ли старое трогать. Оно мне по-своему дорого и, наверное, многим свежей моих последних вещей. Вот и не знаю, как поступить. Рад, что ты о Локсе заговорил. Вчера отправил тебе заказн[ое] письмо, где много о нем говорил. Адрес его: Пречистенка. Мертвый пер. д. 11, кв. 2.

Тяжел он на подъем; это правда, но тяжеловесность эта сейчас работы его не касается, книжка, на мой взгляд, совсем готова и закончена, да и он в тяжело-подъемности много потерял; я думаю он с радостью на твое письмо откликнется. А то, что ты о нем пишешь, дает мне смелость с Вермелем о нем поговорить, — повторяю, книжка его — находка для нас. Николай прокорректирован Ф. М. — младшим Вермелем³ — и сдан в типографию — вот и все, что могу тебе о Ц[ентри]ф[у]ге сообщить. Был вчера в Камерном на «Виндзорских проказницах». Прости за мазню — в этом больше «Виндзорские» виноваты. Слабо как играют! Работы Экстер⁴ очень мне понравились. Хороши Лентуловск[ие]⁵ ширмы. Но театр «как таковой»⁶! О, ужас! А может быть и мы таковы. Сколько таланта надо, чтобы хоть крупицу нового в оборот ввести. Тогда оно действительно ново. Если есть природа первая, и есть вторая натура — привычка, то гениальность — натура третья. И в одной из этих природ — должен найти человек свою природу соответственно своей собственной. Ну, да эти соображения до дела не касаются нисколько. Получил от Кушнера письмо и сборник Бриковский по теории поэтич[еского] языка⁷. Не читал еще. На днях буду у Вермеля. Он окончательно переутомился и даже у врача на днях был. Говорят, скоро за нас, белобилетников, возьмутся. Пока ничего еще не опубликовали, одни газетн[ые] слухи. Ну, будь здоров, судя по твоим письмам, в Железноводске еще лето, — достойно зависти. Здесь мразь, слякоть и вифлеенция.

Твой Б. Пастернак

Итак, «Поверх барьеров»? Будто это осуществлено? Самоуверенно это, а посеуму и наивно. Самоуверенность бы и ничего — а вот наивность — нет уж лучше как-ниб[удь] иначе. Ну, да увидим еще — заглавие дело последнее.

Твой Б. П.

¹ Дата получения — 27 сент. 1916 г.

² Эти стихотворения не вошли в книгу «Поверх барьеров».

³ Имеется в виду Вермель Филипп Матвеевич. 2 октября 1916 г. он писал Боброву: «Насколько я знаю, Ваши книжки набираются, однако корректур я еще не исправляя и не видал. Что же касается Асеева, то он был весь лично мною прокорректирован и вновь отдан в «Автомобилист». Книга Пастернака названия еще не имеет — возможно, что будет называться «Раскованный голос» (между прочим, необыкновенные и удивительные стихи — гениальные)» (ф. 2554, оп. 1, ед. хр. 22).

⁴ Упоминается художница Экстер Александра Александровна (1884 — 1949). В 1916 — 1921 гг. она работала в Камерном театре, для спектакля «Виндзорские проказницы» оформила фойе и занавес. Аксенов рассчитывал привлечь Экстер к сотрудничеству в «Центрифуге».

⁵ Лентулов Аристарх Васильевич (1882 — 1943) был художником спектакля «Виндзорские проказницы».

⁶ Здесь очевидно отсылка к книге Н. Н. Евреинова «Театр как таковой. Обоснование театральности в смысле положительного начала сценического искусства в жизни» (СПб., 1912).

⁷ «Сборник по теории поэтического языка» (Пг., 1916). Брик в 1916 году переписывался с Бобровым по поводу стиховедческих работ последнего. Для «Третьего сборника Центрифуги» предлагал стихотворения Маяковского. См. письма Брика к Боброву (ф. 2554, оп. 1, ед. хр. 16).

22

Пастернак — Боброву

Конец сентября 1916, Москва¹

[...]Вермель очень мил и предупредителен. До сегодняшнего дня он нечеловечески занят был в Камерном². Теперь освободился и с таким же рвением издательскому делу отдастся. На днях зайду к нему и поговорю о Локсе и о вероятнейших моих видах на ближайшее будущее мое в ЦФГе. Не подойдет ли Вам, г. издатель, Swinburne (Свинберн) в моем переводе? Его стоит перевести, хотя страшно он труден; Бальмонт пытался его переводить, да кажется неудачно. Есть у него лирика прекрасная, есть и драмы. «Аталанта в Калидоне» современная вещь и распространения широкого не получит; есть трилогия из времен Марии Стюарт, оригинальная трактовка этого не раз трактовавшегося сюжета могла бы, в удачном переводе, попасть на Императорскую сцену. За перевод еще не брался, присматривался только и сразу же увидал, что трудности почти непреодолимые: сжатый, насыщенный образами язык — слова сплошь односложные и придется многим при переводе жертвовать. Но это пока в сторону все.

Твой Б. Пастернак

¹ Орывок из письма; датируется по содержанию.

² В 1916 г. С. М. Вермель играл в двух спектаклях Камерного театра — «Покрывало Пьеретты» (Пьеро) и «Фамира Кифаред» (сатир с розовой ленточкой).

23

Пастернак — Боброву

1 октября 1916, Москва

Сергей! В твоём письме (от 28-го с. м.), полученном мною сегодня, есть несколько пунктов, требующих немедленного ответа. Как дико ты все понял и истолковал! Неужели о таком понимании «метаморфозы» я стал бы писать тебе, радуясь этому и думая тебя этим порадовать. Зачем ты становишься перед Локсом якобы, а в сущности, косвенно предо мною в такую незаслуженно нелепую позу! Ты ведь слишком умен, чтобы не предвидеть заранее того, что я тебе на все это скажу. Дело ясно, речь идет как раз о том, о чем и ты не раз речь заводил и заводишь. О количестве Ц[ентри]ф[у]гальных изданий, о непрерывном и порывистом их появлении, о качестве этих изданий с книгоиздательской точки зрения. (Ведь «Елизаветинцев» не Вермель же издавал!!!) Что ты в самом деле дурака разыгрываешь? Причем тут Вермель? Отношение твое к локсовой книге естественно и с моей стороны ничего, кроме сочувствия, встретить не может. Я и по отношению к себе хотел бы тебя видеть настолько же беспристрастно-хладнокровным. Мне могло и не быть известным все то, что тебе в воображении твоём или фактически ведомо. Не знаю, подчиняется ли Локс тому тону, в котором я иногда говорю с ним о тебе, но у него выходит это тем искреннее, что неискренности его со мною я и вообще в основе не допускаю. В отсутствии чутья меня тоже, не взяв греха на душу, — обвинить нельзя, — и раз я пишу тебе о нем — то этого достаточно уже. При тех условиях недоброжелательства его к тебе и т. д., о которых ты пишешь, этого, поверь, не произошло бы. Что же касается до твоего к нему строгого и разборчивого подхода — то, повторяю, ничего в этом для Локса обидного я не вижу. Разборчивость эта твоя и некоторое недоверие относительно его — мне известны, известны и ему самому — однако это препятствием послужить не могло к тому, чтобы о нем с тобой заговорить. Очень тороплюсь, пропускаю слова и повторяюсь — сам виноват. Твой сегодняшний комментарий к моим письмам мог бы меня и обидеть, допусти я хоть

* в тексте описка: мы.

на минуту мысль, что ты серьезно все это пишешь, не оставив про себя лучшего и естественнейшего — единственно возможного и прямого толкования моих слов. А ргорос. Может быть, Вермель сообщил тебе о том, что я за книжку 150 р. взял, и ты находишь это чрезмерным? В таком случае 1) издание книжки — необязательно и «сделку» еще можно расторгнуть; 2) назначил я эту цену не тебе, а Вермелю, думая, что тяжесть этой цифры на тебя не ляжет. Вообще, я думаю, что сношений моих с Центрифугой с моими сношениями с тобою смешивать не следует и последние от первых не проиграют ни сколько. А? Не так ли? Если это не так, то я от первых отказываюсь совершенно. Меня страшно обрадовало бы, если бы ты лично мне подтвердил, что это разграничение естественно и возможно. Спешу это письмо отправить сейчас же. Относительно твоих книг справлюсь, равно как и относительно моей и Николаевой. Вермель совершенно неуловим и действительно занят по горло. Звонился к нему в течение недели — он с утра до поздней ночи в театре. К вечеру выясню все; зайду, если позволишь, к «Автомобилисту». Словом, завтра либо послезавтра жди писем от меня. Это же, как видишь, устаряет ряд недоразумений и создает одно новое, с моей стороны — которое и прошу тебя, по возможности поскорее — рассеять.

Твой Б. Пастернак

1/X Москва

24

Пастернак — Бобровой

11 октября 1916, Тихие Горы¹

Глубокоуважаемая

Мария Ивановна!

Видит Бог — бросился я опрометью из Москвы и дел своих не привел в порядок. Очень хотел зайти к Вам проститься, но никак не мог. На этот раз виною всему решительность, с какой я снялся с места. Книги, взятые мною у Сергея Павловича — находятся у К. Г. Локса, он при первом же удобном случае передаст их Сергею или Вам, а ввиду того, что теперь уже не я буду вожатаем его — надо полагать, что случай будет действительно удобным. Говорил с С. М. Вермелем по телефону, — это третий уже кризис в его работе и благополучен, как и

предшествующие: говорит, будто горячка миновала и с завтрашнего дня он посвятит себя всецело делам «Центрифуги». С него не взыщешь ничего, он и взаправду занят был по горло. На днях поступаю в контору. Кем — еще не знаю. Грандиозный выбор призваний. Цены умеренные, без запроса. Когда это письмо дойдет до Вас, будет зима уже: — его вперед в Казань повезут (270 верст на лошадях). Пока что погоды здесь на редкость теплые, солнечные, мягкие. Даже ненормально. Настолько, что тихим помешательством отдает тишина и тупым полоумьем — тепло. Завтра поутру впрягут здесь 150 лошадей (не преувеличиваю) в телегу с... пудовым чаном и повезут на пристань. Стоит поглядеть. Надо лечь пораньше.

Целую Вашу руку. Скоро ли возвратится Сергей Павлович? Колеблюсь, — писать ли ему еще в Железноводск? Всего лучшего!

Ваш Б. Пастернак

Манчестер этот называется так:

Тихие горы Вятской губ. Елабужск. уезда.

Зав. П. К. Ушкова.

Б. И. Збарскому

для меня.

Т. Горы 11/Х, 1916.

¹ Бобров получил письмо 21 окт. 1916 г.

Пастернак — Боброву

18...22 октября 1916, Тихие Горы¹

Дорогой Сергей!

Ты верно уж в Москве и верно уж в претензии на меня — не знаю — мерещишься ты мне с недовольной миной на лице — причины мне ее неведомы, и начинаю я перебирать в уме все поводы, по каким она могла б явиться. Мое молчание? Но ты был в Железноводске и последние дни там проводил. Напиши я тебе туда — в ноябре бы тебе письмо все равно в Москву переслали, — напиши в Москву — оно дожидалось бы тебя. Так побоку это. — Локс? Но я был в Москве, когда писал тебе о его книге и полагал, что буду иметь случай лично с тобой о ней поговорить по ознакомлении твоим с нею. Что это значит? А вот что. Теперь могло у тебя такое создаться мнение, что я тебе свою оценку высказал всю

сполна, без дальнейших рассуждений, и навязываю ее тебе. — Моя книжка? Но тут моя мнительность разыгрывается вовсю, я берусь за градусник — и письмо в опасности! Сделай милость, напиши, откуда эта мрачность? Что слышно насчет книжки моей? Как твои идут? Скоро ли появятся? Вышла ли Николаева? Читал отзыв Брюсова об «Елисаветинцах» на очевидную тему: «Как жаль развратниками их назвать»². Никогда не предполагал, что в Центрифуге корпоративно участие принимают такие отдаленные родственники!

Каковы референции ЦФГи! Три века, чертова уйма рек, стран и народов, канал в придачу — а ей — как пить дать. Лишь бы сомнительность в сюжете была; что ж; делать нечего; это ведь мы Вербицкую издавали, и все на нежных тайнах настаивали³. — Ну и Валерий! Договорился. О Форде есть у Суинберна сонет. М[ожет] б[ыть] переведу его для III сборника.

Пиши мне, пожалуйста, Сергей. Как выйдет что у тебя, присылай. Адрес мой известен Марии Ивановне. Низко ей кланяюсь. Крепко жму твою руку.

Твой Б. Пастернак

Сказочно медленно идут отсюда письма и приходят сюда на десятый день. Живу в ожидании призыва. Смотри, не проговорись, наши этого не должны знать, мать больна, думают устроился.

Увидишь Костю, кланяйся. Напишу ему на днях.

Твой Б. П.

Ад[рес]: Тихие Горы, Вятск. губ. Елабужск. уезда зав. Ушкова Б. И. Збарскому для меня.

¹ Дата получения письма Бобровым 31 окт. 1916 г.

² Пастернак обыгрывает название драмы Джона Форда «Как жаль ее развратницей назвать», вошедшей в сборник «Елисаветинцы».

В. Я. Брюсов дважды рецензировал «Елисаветинцев» (Русские ведомости. 1916. № 235; Известия литературно-художественного кружка. Вып. 16). Тон обеих рецензий одобрительно-снисходительный. Основное внимание рецензент уделяет самим драмам и их авторам, а не составителью и переводчику Аксенову. Пастернак имеет в виду следующее место из брюсовской рецензии: «Под маркой Центрифуги мы привыкли видеть тоненькие брошюры одной из фракций наших футуристов. Настоящее издание выгодно отличается от предыдущих. Это большой том, недурно изданный. [...] Форда, Вебстера и Тернера объединяет их пристрастие к экстравагантным, можно сказать рискованным, сюжетам, что и служит некоторой связью их творчества с тенденциями Центрифуги». Отзыв Пастернака о рецензии Брюсова Бобров включил в составленный для третьего выпуска «Центрифуги» биб-

лиографический обзор без указания источника (ф. 2554, оп. 2, ед. хр. 106, л. 13, 14).

³ Характерный для футуристов антисимволистский пассаж. Вербицкая Анастасия Александровна (1861 — 1928) — популярная писательница, автор сентиментальных романов. «Нежная тайна» — книга стихов Вяч. Иванова.

26

Пастернак — Боброву

31 октября 1916, Тихие горы

Тихие горы. 31.X. 16.

Милый Сергей!

Ты и не догадаешься, вероятно, на какое это письмо я твое отвечаю. На датированное 21 октября! Только сейчас оно пришло. А настоящие мои признания в десятых верно числах ноября до тебя достигнут, не раньше! Невероятно прямо, на привет с ответом уходит здесь 3 недели с лишним, около месяца! Будь же хоть ты аккуратен в ответах, Сергей, а то просто с тоски помрешь тут.

Заказные посылай по тому же адресу, как и простые. Пришли мне, пожалуйста, если таковые имеются у тебя, оттиски Трудодневных твоих статей¹, одна из них, помню, замечательная: о Шоровском альманахе — хочется здесь похвастаться тобой. Шли также все выходящее в ЦФГе, не задерживая, нетерпение мое несколько улеглось после нынешней краткой твоей отписки, но ею оно не удовлетворится и возгорится с пущей силой. Стыдишься, говоришь ты, упоминая о верстке «Алмазных лесов»?² А мне-то каково, Сергей? Ведь мой-то стыд усугубляется тем, что моя книжка, что называется, ни вашим, ни нашим, а твоя, как это и требуется от всякой новости в обл[асти] лирики, моложе молодого. Кстати. Истинного мнения твоего о моей книжке я и по сию пору не знаю. Материал был представлен Вермелю, и хотя его восторг я квалифицировал, помимо личностного, и как издательский, и ЦФГальный в силу неписанной доверенности или, вернее и больше: в силу компанейских его прав; но лично твоего мнения не слышал. При свидании том с тобою я тебе наудачу прочел несколько вещей, лучших, но не единственных в сборнике. Тогда тебе остались неизвестны несколько вещей, ничем не хуже прочитанных, я знаю. Но ведь о той дребедени, которой тоже немало в сборнике, ты и понятия не имел!

Не слишком ли определенно перевешивает в книжке эта дребедень? Или еще вопрос построить можно так: скажи прямо, не обвиняясь; с чем граничило твое «удивление», когда ты все рукописи по приезде домой улицезрел? «Твоя книжка — прекрасна» — выносишь ты за текст своего письма. Значит, вынести можно? Напиши же мне искренно, знаешь ведь и сам, что ценю твое мнение и пользе его цену знаю. Пришли мне также Маяковского вышедшего³, если это тебя не затруднит. Сочтемся потом, тем безусловнее, что есть у меня до тебя и еще просьба. Справься, пожалуйста, библиографически, какой материал имеется о Марии Стюарт (исторический, об эпохе и т. д.). Если можешь достать что (и биографию б[олее] или м[енее] подробную прежде всего) — достань. Хорошо бы, если можно — одолжить или в библиотеке университетской или иной какой — почта здесь исправная, хотя и черепашья, а у меня тоже паспорт есть и благонадежен я; а что доступно руб[лей] до 10^{ти} — послать бы мне, ну хоть наложенным платежом, что ли. При этом имей в виду, что я уж и брату писал, но толковый во всех отношениях, здесь, боюсь, проявит он досадную бестолковость: у него нет филолого-литературного вкуса к справкам такого рода. Ты бы созвонился с ним (5-05-09), чтобы избежать повторений. А затем выписал я уже от Башмаковых из Казани 1) англ[ийскую] историю Грина, 2) биограф[афию] М. Стюарт О'Нейля (Унив[ерситетская] Б[иблиоте]ка) и 3) Гардинер и Эйри «Пурит[ане] и Стюарты». Вперед знаю, что окажутся непригодны мне, в особенности весь почти Грин за искл[ючением] нескольких страниц; но под рукою не было иного справочника, кроме тощего Башмаковского каталога. Ты и Маяковского можешь налож[енным] платежом слать. Подвинь на это дело розыска и добычи книг и Локса (у него есть многокнижные знакомства). Стыдно прямо, до сих пор не написал ему, а хочется.

Для альманаха пока ничего у меня нет, и это надо понимать буквально. Ничего сюда с собой не привез — а здесь все время занят был переводом Суинберна; перевожу трагедию «Шастеляр», полработы сделал, остались 4-й и 5-й акты. Монотонный немного стих получается: за совсем незначительными исключениями окончания строк у него мужские — я и выбросил эти исключения, в переводе они имели бы вид недоуменно-случайный; таких мужск[их] строк у него много много полдожины на протя-

жении 100 стр. печатн[ого] текста. М[ожет] б[ыть] он с французской точки зрения на эти выходы смотрел?

Дело в том, что *e muet* в английском языке хотя и существует (таких окончаний строчных у Суинб[ерна] — пропасть), но не облечено той фонетической условностью в просодике, что «е» французское. Французское *e muet* предоставляет стиху единственную фонетическую возможность создать *properisprotenon*¹ — у английского стиха таких возможностей не меньше, чем у русск[ого] или немецкого. Вряд ли Суинб[ерн], уснащающий свою вещь стихами на французском языке, посвящающий свои трагедии В. Гюго и т. д., в этой галломании зашел так далеко, что решил и приbedниться французом. А тр[агедия] — лирическая, и эта стилизация бел[ого] стиха (мужск[ого] и значит ямбического насквозь, и в переносах) — вещи пристала. Ну, заговорился я с тобой.

Дружески жму твою руку. Привет М. И.

Если в течение ближайших 2-х недель (переводные рационы сокращу) что-ниб[удь] напишу, пришлю для альманаха. Кланяйся Локсу. Твой Б. Пастернак

Заявился ко мне в Москве Дм. Петровский⁴. С сияющим лицом оповестил меня о том, что ЦФГа ему ненавистна, что тебе он будет мстить за Петникова (или Божидара), а Вермелю за Хлебникова. Если в немедленном спуске с лестницы его мною произошла задержка, то только потому, что на мои слова, что я его просто-напросто знать не желаю, чудак этот ответил: «Но ведь как к человеку вы можете ко мне иначе отнестись».

¹ В сборнике «Труды и дни», тетрадь 8 (Мусагет, 1916) напечатаны две статьи Боброва: «Вестибюль российской благонамеренности» (заметка о рецензии А. Полянина на «Петербург» А. Белого) и «Девяносто шестая проба» (рецензия на «Музыкальный альманах» под редакцией Г. Ангерта и Е. Шора), выполненные в тоне резко-критическом и даже издевательском. «Девяносто шестая проба» подписана псевдонимом Э. П. Бик.

² Вторая книга стихов Боброва «Алмазные леса» вышла в 1917 г. в «Центрифуге».

³ Маяковский В. Простое как мычание. Пг., 1916.

⁴ Петровский Дмитрий Васильевич (1892 — 1955) — поэт и прозаик. Близкие отношения с ним сложились у Пастернака в годы гражданской войны и в начале 20-х годов.

* «э» немое (фр.).

** облеченное ударение в древнегреческом языке, ставящееся на втором слоге от конца.

Пастернак — Боброву

1 ноября 1916, Тихие Горы¹
1/XI Т. Г.

Дорогой Сергей!

Пересолил я несколько во вчерашней своей просьбе. Если что уж и покупать, то одной хорошей, исчерпывающей (буде такая на одном из доступных мне 4-х языков имеется) биографии М. Стюарт довольно будет. Если представится возможность книги где-ниб[удь] на подержание достать, то тут, разумеется, число кн[иг] я ограничивать не стану и предоставляю выбор сделать тебе, мне нужен фактический ист[орико]-биографич[еский] материал, рассуждения же, теории и обобщения будут только ненужной обузой. Скучно здесь без писем сидеть. Пиши мне почаще и пообстоятельней. До сих пор имел от тебя только то единств[енное] письмо (547), на кот[орое] уже и ответил. Пришли ли к к[аким]-н[ибудь] результатам твои планы относительно Анд[рея] Белого и ЦФГи?² Вообще, какие у тебя виды и намерения отн[осительно] бл[ижайшего] будущего? Сердечный привет Марии Ивановне. Если увидишь Локса — поклон. И Вермелю.

Твой Б. П.

¹ Дата получения письма Бобровым — 9 ноября 1916 г.

² Судя по письму Аксенова Боброву от 16 февраля 1917-го, Бобров предполагал привлечь А. Белого к издательству «Центрифуга». Аксенов отнесся к этому неодобрительно: «О Белом слышу в первый раз. Я его очень люблю, но по-моему в ЦФГе ему не место — для него есть «Скорпион», Пашуканис, «Мусагет» и Некрасов. Все хорошо на своем месте, право» (ф. 2554, оп. 1, ед. хр. 6, л. 8 об.).

Пастернак — Боброву

4 ноября 1916, Тихие Горы¹

Душа Сергей!

Получил твое Железноводское письмо только сейчас. Что делать?! Ты просишь немедленно ответить. Ждал же ты сколько, бедный Сергей! Перечти то письмо мое, на кот[орое] это Железноводское ответом служит. Ничуть не был я за Локса обижен, а если и обижен за кого, то за тебя только: т. е. наши отношения таковы, что многое пред их лицом недопустимо, ты дол-

жен это был знать и знаешь, и значит, все в наилучшем порядке. Наши письма одно другого стоят, как и мы сами. И слава Богу.

Жму руку.
Твой Б. П.

¹ Датируется по почтовому штемпелю на открытке. Дата получения — 11 ноября 1916 г.

29

Пастернак — Боброву

8 ноября 1916, Тихие Горы¹

Дорогой Сергей.

Снега, сороки, пошевни, трубы, [осве]тительные шкалики, печи, ночи, свечи, — но где же письма в таком случае? Что случилось с ними. Не заклевал ли ворон в поле их, или на злого половца наехали горемычные! Носят зайцев, носят глухарей и тетеревов; несут наконец околесицу, неуязвленную сомнением. Но где же письма в таком случае? Что мне с того, что кухне пишут с фронта. Не пишу ли и я на фронт? Ясно — дальше так продолжаться не может. Я упраздняю зиму, снег, сорок, глухарей и тетеревов — это не то, не то. Это, конечно, символически выявляет лик современности, спору нет, но все-таки, общего с нею во всем этом нет ничего, и о, современник мой, яви мне лицо свое без покрывала Майи — я это предпочту.

Письмо это кончается на 4 еры. Это пока. От 5-ти ы меня спасет только добросовестность корреспондента. Под сим, последним из безответных, подписуюсь.

Б. П.

¹ Датируется по почтовому штемпелю на открытке.

30

Пастернак — Боброву

12 ноября 1916, Тихие Горы¹

Горячо благодарю [за] заботы. Пока нет надобности. [При] нужде воспользуюсь. Недосуг. Статью [для] альманаха к Рождеству охотно, если успею до выхода. Пиши чаще [о] себе, делах. Дружески жму руку.

Пастернак

¹ Дата на телеграфном бланке.

Пастернак — Боброву

13 ноября 1916, Тихие Горы¹

Сижу без писем. Сообщи дела, положение книги. Обнимаю.

Пастернак

¹ Датируется по почтовому штемпелю на телеграфном бланке. Дата получения проставлена ошибочно 14.IX. 16.

Пастернак — Боброву

14...18 ноября 1916, Тихие Горы¹

Дорогой Сергей!

От души благодарю за Языкова². Только что его получил. Радость читать. Руку! Контора занимает у меня теперь весь день. Работа напоминает рябиновку, разведенную теплой водой. Розово-тошнотворная. В коридорах мигреновой кладки мечется замурованный годами запах мочи умученных. Ленивая толща ламп и камня под Ярошенка³. Арестантская прострация, окурки, шкапы и тупики. Но я тебе говорю — не бывать по-ихнему. До сих пор не знал пущей злобы: дело сделано втрое против положенного скорей — нового нет, у твоего ближайшего «шефа» — тоже — а ты сиди и участвуй в его куда как назидательных беседах. Все, что налает «Русск[ое] Слово»⁴ за день, полагается здесь на конторскую музыку и разывается на разные лады. Но, впрочем, как сказано, это пока только. Кстати, мой начальник, человек не без достоинств и не дикарь; можно и столковаться с ним, в сочувствии он мне не откажет. Может быть удастся и при таких условиях работать. А работать мне хочется *чрезвычайно* (влияние языков уже сказалось). Перевод Свинбернова «Шастеляра» сделан вчерне. Надо обработать. Телеграмму твою получил. — Из обещанных в ней 5-ти писем получил пока всего три. С нетерпением жду письма, в кот[ором] ты отчитаешь меня за книжку. Покамест ты о ней ни словом не обмолвился, если не считать лаконического — «прекрасно», что вовсе невероятно.

Вообще ты так сух и сжат, как квас в плитках. Что это не жалуешь ты меня. А настоящему письму от тебя я рад был бы совершенно несказанно, ибо: дружба дружбой — а твоему просвещенному мнению соперни-

ков я не знаю, и кого слушать, когда не тебя? Отец сообщает мне о получении на мое имя «Елисаветинцев» с надписью автора. Ее несправедливой лестностью Аксенов растрогал меня до сердца. (Отец в письме сообщил ее мне.) У меня явилось желание в достойной форме выразить ему свою признательность по сему поводу. Я перевел сонет Swinburne'a о Джоне Форде и, если такие вещи допускаются, думаю попросить тебя поместить эт[от] перевод в «Моск[овских] Маст[ерах]» с посвящением И. А. Аксенову от меня⁵. Посвящают ли переводы? Тебе лучше это знать. Перев[од] при сем прилагаю. Отделать сонет как следует нет времени, да и тебе спех с альманахом, как думаю. Годится ли адрес, сообщенный тобою в срочной телегр[амме], для частных сношений с И. А.? (Как его по имени и отчеству полностью?) Пиши же мне, Сергей, побольше и почаще. Удалось ли тебе что-ниб[удь] о Марии Стюарт найти. У Башмаковых ничего не оказалось. Грина англ[ийская] история, как я тебе писал, ввела бы меня только в излишние расходы. Т[ак] ч[то] Башмаковскому отказу я с эт[ой] стороны был даже рад. Но жаль, что О'Нейля у них нет (Университетская библиотека). И книга о пуританах и Стюартах (дельная и былевая) была бы кстати.

Ну, всего лучшего.

Твой Б. Пастернак

Если сонет безобразен, лучше не помещай.

Прости, сгустил краски с досады: — мой шеф прекрасный человек.

¹ Дата получения письма Бобровым — 26 ноября 1916 г.

² Речь идет о книге: Бобров С. П. Н. М. Языков о мировой литературе. М., 1916.

³ Ярошенко Николай Александрович (1846 — 1898) — художник-передвижник, автор картин из быта заключенных и социальных низов — «Кочегар», «Заключенный», «Всюду жизнь» и др.

⁴ «Русское слово» — ежедневная московская газета, издававшаяся И. Д. Сытиным в 1895 — 1917 гг. Редактировалась В. М. Дорошевичем. Ср. описание рутинной интеллигентской среды в мемуарах Эренбурга «Люди, годы, жизнь»: «Взрослые играли в карты, пили клюквенный морс и читали «Русское слово» (Эренбург И. Г. Собр. соч. Т. 8. М., 1966. С. 26).

⁵ Перевод сонета А. Суинберна не был напечатан при жизни Пастернака. Он сохранился в архиве Боброва и впервые был опубликован в 1984 г. (См.: Известия Отделения литературы и языка АН СССР. 1984. № 6.)

Пастернак — Боброву

26 ноября 1916, Тихие Горы

26 ноября 16 Т. Горы

Милый Сергей!

Спасибо за присланного Маяковского. Зачем ты сделал такую надпись, не дождавшись ответа моего на твоё предложение? А я как раз отклоняю его, единственно, по вине некоторых его деталей. Я органически неспособен искать у Маяковского неловкостей стиля. Это было бы возможно, если бы у Маяковского то, что ты называешь уклоном в сторону извозничьего langage'a не было явно намеренным исканием и нахождением собственного стиля. Но не в этом дело. Это соображение, абсурдно выраженное к тому же, я высказываю для того, чтобы ослабить следующее. На мой взгляд, Маяковский единственный среди всех нас, пишущих — поэт, если относиться с некоторой обязывающей взыскательностью к этому слову. А раз это так, то ни о какой чистке его фразеологии говорить я не возьмусь; и браться за это не стану по той единственной причине, что это претило бы моей душе и расходилось бы с тем чувством восхищения перед М[аяковским] — которое, как тебе небезызвестно — неискоренимая и основательная моя слабость. Меня только удивляет, как это ты додумался до того, что бы искать у Маяковского того, что при некоторой слепой рачительности может быть найдено у меня, у кого хочешь, наконец, но не у него, потому что в этом-то ведь его величавость и чистота, что литературные и словесно-критические мерилы к нему абсолютно неприменимы. Надо радоваться тому, что есть один такой и нет другого, а не коверкать этого последнего. Меня, было, обидело даже твоё письмо с этой стороны, в сердцах я чуть не наговорил тебе лишнего. А потом вспомнил твою взбалмошность, Сергей, и у меня несколько от сердца отлегло. А все-таки, как тебе не стыдно, Сергей? Ведь не слепой же ты. А ведь я тебе завидую, что у тебя иммунитет какой-то есть, которым я по отнош[ению] к таким явлениям как Маяковский не располагаю. Жду письма. Жму руку.

Твой Б. Пастернак

* язык (фр.).

Дня через три отправлю тебе стихи для альманаха. Не грызись там слишком. Боюсь, подведешь ты меня там чем-ниб[удь] таким, что для меня участие в альманахе сделаешь невозможным. Ну, вот к примеру хоть — травлей Маяковского.

Пастернак — Боброву

27 ноября 1916, Тихие Горы¹

Милый Сергей!

Боюсь, тебя моя вчерашняя приписка обидела. Сам виноват. Ты, в общем, ужасный человек, Сергей! Как я радовался восстановлению наших добрых литературных отношений! Литературных — ибо никакие иные в восстановлении не нуждались. И я уверен, что ты не преминешь сделать все от тебя зависящее, чтобы сделать их невозможными. Видно, ты ими не дорожишь, да, верно, и дорожить-то нечем; видит Бог, я это чистосердечно и без всяких ужимок говорю: перед лицом Маяковского я в своих глазах всякий смысл и цену теряю. Но к чему тогда было, ими не дорожа и дорожить основания не имея, зря меня волновать такими чистыми перспективами ЦФГи — которые не могли не вызвать во мне энтузиазма сильнейшего! Чтобы потом тем больней дать мне ощутить прежний «Руконогом» отдающий дух затхлои и узкой партийности. Отчего ты не хочешь стать выше всего этого, ты, лучше всякого другого способный в своих идеологических экскурсах прямо подходить к сути дела, то, что называется брать быка за рога? Чем твой фаворитизм, основанный на личных знакомствах, дружелюбии и недружелюбии и пр. видах лицепрятия лучше всякого другого? Нет, многим хуже всяких иных коечных и теплоугольных формаций. Я понимаю это в среде ископаемых типа «Русск[ой] Мысли», «Вестника Евр[опы]» и прочих ихтиозавров: «честные стариканы», они требуют от «литератора», чтобы он был непьющий, носил очки и разрешал проблемы. Желательно также, чтобы он курил, ходил в глубоких галошах и чтобы суковатая его палка имела резиновый наконечник. Я понимаю фаворитизм символистов. Лукавые авгуры, не имевшие к тому же и гроша за душой, они не могли ходить без камертона

в одном и кукиша в другом кармане и нуждались в еженедельной спевке. На что, скажи мне на милость, на что можешь пожаловаться ты, с твоей пронизательностью, прямою натиска и изошренностью непритупленного аппетита, что поддаешься соблазну кружковщины? Тебе это проститься не может. Насколько это к лицу всей выше помянутой гнили, настолько же не пристало тебе, в силу нескольких перечисленных и целой массы не перечисленных отличных твоих качеств. Но довольно. К письму приложено несколько стихотворных моих неудач. Воспользуйся ими для Альманаха. Ах, как мне хочется взяться, наконец, за статью, начало коей уже набросано. Статья начинается сл[едующим]:

«Она еще надеется, что ее чердаком не обделят. Она еще надеется, что шумная чаша шарканья там, за углом, на катке, будет истинным и единственным краем света и она его сердцем в те часы зимних вечеров, когда она еще раз преисполнит его до краев. Что днем к ней не ввалится гражданственность с подписным листом и не почтит ее предложением: подписаться под коллективным актом возвеличения посредственности.

Она еще надеется, что все вдохновенные ремесла, волнующееся воодушевление которых сейчас доплескивается до звезд, ее! поэзию! оставят в покое» и т. д.

Но в конторе я занят по горло и вероятно сбегу отсюда. Ах, как тошно среди хороших людей, не отравленных талантливостью! У Збарских этого не было: они люди живые и еще очень молоды. А тут культурный, добросовестный чеховский интеллигент — брр! К середине декабря будет в Москве г-жа Карпова². Хорошо б, если бы моя книжка к тому времени была готова и ты бы с ней мне с десятков экземп[ляров] переслал.

Ну, всего лучшего. Твой Б. Пастернак

Сердечный привет милой Марии Ивановне. Пиши мне прямо, минуя Збарского, теперь меня уже контора знает.

¹ Дата устанавливается по содержанию. Бобров получил письмо 5 дек. 1916 г.

² Карпова Анна Самойловна — жена Л. Я. Карпова, директора завода в Тихих Горах, крупного химика, члена РСДРП.

зачеркнуто: в те часы зимних вечеров.

Пастернак — Боброву

27...30 ноября 1916, Тихие Горы¹

Милый Сергей!

Большое спасибо за «Оксану». Удивительный Николай! Сколько в нем настоящей сладостности, романтической, неменяемой, сколько упорства и силы в мечтательности; неослабной, неусыпной. Замечательное дарование! Страшно хотелось бы знать, что он теперь делает и где он. Я уже с год его не видел и ни разу не писал ему. Местами он до слез трогает *безукоризненностью* своей глубины, ты понимаешь? Лучшие вещи в книге, мне кажется, — вновь напечатанные «Ой, конин» и «Зор». А «Тунь», «Шепоть» и «Песнь Андрия» — настоящие перлы. По отн[ошению] к нему или лучше к этим трем вещам, кот[орых] никогда не забывал — понятие «песни» теряет свою приторную, дурную и скользкую метафоричность. Очень бы хотелось мне написать о нем: и не только в ЦФГе, но и в несколько видоизмененн[ом] стиле на стран[ицах] какого-ниб[удь] из С[анкт]-П[етер]б[у]ргских толстяков. Но веришь ли — голова идет кругом от количества конторской работы. И, верно, не выдержу я. А пока надо работать; хотя бы для того только, чтобы потом иметь возможность уйти отсюда и м[ожет] б[ыть] Аксенову бумаги послать. Отправленное еще не получил. Что книга? Высылай «Алмазн[ые] леса».

Твой Б. Пастернак

¹ Дата получения — 7 декабря 1916 г.

Пастернак — Боброву

3 декабря 1916, Тихие Горы¹

Принято ли во внимание в предложении Аксенову мое происхождение?²

¹ Дата на телеграфном бланке.² Возможно, имеется в виду намерение Аксенова устроить Пастернака на службу при своем штабе. Опасения Пастернака были не лишены оснований. Перечисляя в письме к Боброву необходимые для этого документы, Аксенов добавляет: «Если бы дело шло не о иудее, то я был бы совершенно уверен в успехе, а теперь за успех 95%» (ф. 2554, оп. 1, ед. хр. 5, л. 64).

Пастернак — Боброву

11 декабря 1916, Тихие Горы¹

Выпускай Альманах без моего участия. Посланное тебе ниже критики. Живу [в] условиях, невозможных [для] настоящей работы. Белого получил вчера. Рад бы писать, сплошь недосуг, [что] зависит [от] многого.

¹ Дата на телеграфном бланке.

Пастернак — Боброву

19 декабря 1916, Тихие Горы¹

С наступающим тебя и супругу. Телеграфируй состояние книги.

Пастернак

¹ Дата отправления на телеграфном бланке, дата получения — 20 декабря 1916 г.

Пастернак — Боброву

19...22 декабря 1916, Тихие Горы¹

Милый Сергей! Сейчас получил твою телеграмму и несколькими часами раньше письмо № 723. Вперед о нем, а потом о книжке. То-то и дело, что посланные тебе стихи «весьма пристойны», приятны и т. д. Другой оценки им дать нельзя. Потому-то их появление в Альманахе и недопустимо. Я уже тебе об этом телеграфировал и считаю это делом конченным. Участие мое в Альманахе, вероятно, ограничится рецензией о Николае, м[ожет] б[ыть] о Маяковском. О Белом² надо бы тоже написать, но за недостатком времени (всего 3 праздничных дня, которые наполовину будут поглощены всякими визитами и обедами) придется, вероятно, от этой мысли отказаться. С кондачка я вообще не люблю работать, а в таком вопросе тем более. Ничего ужасного в том, что в Альманахе меня не будет (не считая рецензий или статей о Николае и м[ожет] б[ыть] о Маяковском) — не вижу ни для себя лично, ни для Альманаха. Пока что об этом рано говорить: домой возвращаюсь поздно вечером и писать пока нет никакой охоты.

Если верить тому типографщику, кот[орый] тебе пообещал книгу приготовить к 22-му, то сегодня она, по-

видимому, готовится к выходу. Хотелось бы мне на нее поглядеть. Я ведь до сих пор не знаю, сделала ли Экстер к ней обложку³, как об этом говорил Вермель и писал в свое время ты. Как только будет возможно, пришли мне ее в одном экземпляре с надписью от тебя. А вслед за тем — экземпляров 10 (когда окончательно будет заказ типографией выполнен). Да не пришлешь ли ты мне к стати и «Близнеца» экземплярах в 4-х?

Позаботься, Сергей, о книжке. Разошли по редакциям — и, если это не выходит из пределов досягаемости, — по мере возможности следи за отзывами, буде они появятся. И мне сообщай. Тут ведь это совсем недоступно. Милый Сергей, если бы я сейчас в Москве был или если бы я здесь занят был настоящей своей собственной насущной работой, то, уверен, все это меня несравненно бы менее интересовало. А при данных условиях — уподобляюсь «бывшему человеку», и, каюсь, некоторую отраду в выходе книжки нахожу. Знаю, впрочем, что — преждевременную. Ибо взгляну на нее, и, верно, сердце сожмется от содеянной ошибки. Жаль, очень жаль, что вещи лучших лет были у меня пожраны «пожаром 1812» — весной пятнадцатого.

Как дела твои, Сергей. Как с Марьей Ивановной праздники вы провели? Желаю вам радостно и хорошо Нов[ый] год встретить. Здесь пьянство царит поголовное и свирепое и карточные ноктурналии высокоазартного свойства. Боюсь, будет глаз мне резать первая железнодорожная станция пестротой своей на возвратном пути — до такой он степени укачан волнообразным царством серого цвета и среднего человека. Ну, да я и тут найдусь и, понятно, не поддамся. Это — не Урал. Там, прошлый год, чудо как хорошо было! Здесь я прямо нахалом стал — не вижу пред собой ни возраста, ни положения и, случается, скандалю.

И не рассказать, как меня порой на волю тянет. И занятие же! От степени моего рачения, между прочим, зависит, попадет ли данный азиат в 4-й серный или в 4-й гренадерский.

Твой Б. П.

Сердечный привет Марии Ивановне. За сообщ[енный] адрес Николая благодарю.

¹ Дата получения письма Бобровым — 31 дек. 1916 г.

² Книга Андрея Белого «Гёте и Рудольф Штейнер в мировоззрении современности. Ответ Эмилию Метнеру на его первый том «Размышлений о Гёте» вышла в ноябре 1916 г. (на титульном листе обозначено: «Москва, 1917»).

³ А. Экстер не оформляла книгу «Поверх барьеров».

40

Пастернак — Боброву

30 декабря 1916 — 2 января 1917, Тихие Горы¹

Милый друг Сергей!

Письмо это опустит в почт[овый] ящик в Москве Анна Самойловна, г[оспо]жа Карпова, по прибытии своем туда. Она пробудет в Москве неделю, а потом воротится сюда в десятых числах января. О том, как разыскать тебе ее, буде это понадобится бы, сейчас сказать не возьмусь. При случае сможешь справиться о ее местонахождении по телефону у Елены Эмилиевны, г-жи Виллер. № отыщешь в телеф[онной] книжке: А. Э. Виллер, Покровка, Введенский пер. д. 16 (или 14). Надежды мои, возглавлявшиеся мною на праздники, потерпели крушение. Ты не поверишь просто, как адски я занят был вплоть до самого сочельника конторской ерундой. А тут еще подошла объявленная здесь на первые числа января явка к поверочному переосвидетельствованию белобилетников 1909 — 1901 г. Как я уже тебе вероятно писал — «воинским столом» и сношениями с В[оинским] нач[альником], Комитетом, В[оинским] присутствием и т. д. заведу я; в нашем Манчестере белобилетников таких до 500 человек; все они по роду занятий, по документам и т. д. в высшей степени разнообразны: ибо нет, я убедился в этом, такого человека, кот[орый] был бы только белобилетником и ничем другим бы не был; в худшем случае он хоть бы балбес или голоштанник, а то и татарин. Привести эти пять сотен разнообразных к необходимому единообразию и притом соблюсти непобедимость ошеломляющего их разнообразия должен был я. И всю эту неделю приводил, значит. И только сегодня привел. А если не привести, то «парень солдат ходить будем; а мы — сульпат работам, третьей серной работам»; или «бадалип работам» (водоливом состоит). А сегодня уже 30-е число. Но ведь завтра все равно весь день сидеть в конторе. Разница только та, что вернусь домой в положенное время и вернусь без головной, быть может, боли. Ты не устаешь повторять мне: Николай, Маяковский,

Белый. Что же ты в самом деле думаешь, что лень мне писать? Ведь о Николае сам я вызвался писать. И кое-что уже набросал. Но дальше набросков этих дело у меня, не по моей, конечно, вине, и по сей день не продвинулось. О Николае все же, быть может, напишу. Тогда эта статья попадет тебе в руки вместе с сим письмом. Что же до Маяковского и Белого, то я толком даже и не видал их, как этого требует задача. На днях я отказался от службы, но освобожусь не ранее 1-го — заместителя нет. Сергей, я был на переосвидетельствовании и был забракован. На учете я не состою. Случилось это недавно. Досадно, что сроки так сошлись: вплоть до первого буду я занят, как собака, а к первому тебе все просимое тобой представить надо, и нет его еще у меня. Того хуже: поездка Карповых в Москву — возможность пересыла в 3-х дневный срок (они поедут на курьерских и 270 верст в сутки отжарят). Уже на следующий по их отъезде день — посылка неминуемо насладится обычной восьмидневной волянкой.

А едут они — как это тебе понравится? — второго. Все это приводит меня в бешенство. О Маяковском я в письме тебе, каюсь, пересолил. — Может, напишу о нем (если это к отъезду Карповых готово не будет, ты рецензий раньше 15-го и не жди). И не злобствуй; рассуди: с первого становлюсь я только человеком; второго едут они; и в праздник трудно, невозможно здесь замкнуться в себе: завод, интеллигенты: а только и остается в моем распоряжении, что один этот день; и не в моей власти сократить почтовые проволочки.

О рецензии на Белого и не думай. Надо же хоть раз его вперед прочесть! И мне бы очень не хотелось Белому в руки оружие отдавать. И как возликовала бы антропософия, имея власть и силу охудить наше на нее нападение. Я говорю «имея», а не говорю «имей она».

Поспешность здесь приводит к первому, осмотрительности — ко второму. Ну, не Самуил ли Смайльс². Следующей темой явится, вероятно: бережливость, а затем. — А затем. Вот что. Третьего только дня получил я известие из дому, что из «Летописи» торжественно прибыла турнутая оттуда рукопись старинной моей прозы. Это «Черта Апеллеса» или «Черта Апеллесова», или, как найдешь лучше, если она тебе подойдет. Евг[ению] Герм[ановичу] она нравилась чрезвычайно, Костя тоже очень сочувственно отнесся к ней. Получить ее можешь у родителей. Если возьмешь, припечатай: Борису Збарскому.

Жаль, что дома все свои бумаги в беспорядке побросал и даже не помню, где, а сюда ничего не повез. А то, помнишь ты сказку про Карпа и Нафталена, вот дай на-помню тебе:

Раскладай; торгаш, свой скарб,
На небо воззрися.
Видишь сытый, сытый карп
Опыывает выси.

Попроси по телефону брата, если хочешь; скажи, пусть поищет на этажерке внизу; рукопись напечатана на машинке; ищет пусть среди беловых; мож[ет] быть они у меня отдельной стопой положены; сейчас не помню. Посвящена она была Ксении Михайловне (это на случай печатания)³.

Относительно «Апеллесовой» сам сказать затрудняюсь. Карп красочен, сгущен и техничен; по технике «Апеллес» — не на высоте современности. Там ты немало найдешь вздора. Но написана была вещь с увлечением и с подъемом. Может быть эти качества пропорционально связаны. М[ожет] б[ыть] сугубая техничность (я ведь чертовски мало на своем веку работал, стыдно сознаться и даже страшно несколько, я все бросал и бездельничал и мяк на заработках у Филиппов⁴; и наторелости у меня нет никакой), — может быть сугубая техничность, по моей неумелости, подъем изложения исключает, отымая много сил на вертикальные насыщения и для горизонтальной стремительности их не оставляя. Одно скажу тебе. С той весны, как я написал «Апеллеса», я делал не одну попытку прозой заняться, клонясь в сторону техничности. И не в силу ли этого остались они бесплодны? Так что осудить совершенно «Ап[еллесову] Черту» я не мог бы по справедливости. По приезде сюда я урывками набрасывал кое-что по интуитивно предпосланному наброскам предвкушению технического рая. Мертворожденные строки. Тогда само отчаянье пришло мне на помощь, как перерождающий человека пароксизм болезни. Я стал что-то писать. Незаконченное и почти бессюжетное, очень личное впрочем, прозоизлияние это чем-то напомнило мне «Ап[еллесову] Черту». Духом своим, может быть, и тем как раз, который мне мешает «Ап[еллесову] Черту» забраковать. Вещь наивнее и тусклее «Черты». Я мог бы ее обработать и тебе послать, если проза вида «А[пеллесовой] Ч[ерты]» тебя не

отталкивает совершенно. Ты знаешь, что со мной обо всем этом можешь говорить свободно и не обинуясь. Дилетант, вероятно, на деле, я по принципам моего душевного строения никогда им не был и не буду. Мне вообще временами становится грустно до безысходности; отбросив в сторону всякую скромность, скажу тебе, что еще помню я себя жившим в обладании какого-то общего дара, который был физиологией моей, и радостной какой-то обыденщиной, и еще многим чем; — представь себе, я установил его полное исчезновение. Как это возможно? — Я и не пытаюсь это явление осмыслить. Но исчезновение его — так страшно, так таинственно, и, фатальной бесшумностью и бесследностью своей так загадочно прекрасно, так интересно! Это ведь грандиозно, Сергей, по торжественной своей горечи! Ясно, что проворонил я гибчайшее время, навыков никаких не приобрел, немногие свои познания растерял окончательно, и вот, выродился в тип невежественного дилетанта. Я не жалею. Ты ведь видишь, я говорю об этом тоном пустынных актовых залов.

Книжки я еще своей не получил по вине почты. Но уже знаю о ее выходе. Спасибо тебе, Сергей, за заботы твои о ней. В какие редакции разослал ты ее для отзыва? Не забудь, *среди прочих* «Летописи», «Русск[их] Ведомостей» и «Речи».

Дорогой мой Сергей!
Получил книгу. Чудно ты ее издал, чудно отцу отнес, он писал мне; от души тебя благодарю. Есть досадные опечатки и немало их, — но и так уж книжка так хорошо, так дружески, верно, горячо, сочувственно и мужественно издана, что хотелось ехать мне в Москву, академику моему на письмо его ответить и тебе на письмо и на присланную книгу. Ах, Сережа, надежды мои на освобождение с I/I летят к черту; нет заместителя. Посылаю тебе с Карповым страшный вздор о Николае, переработай его, если нужно, и сократи, мне недосуг. Возможности нет сосредоточиться. Спешу страшно, только что закончил статью⁵, через час подадут лошадей, а мне своим

еще написать нужно. Сходи к ним, милый, возьми рукописи, да зайди посиди у них, отец пишет, извозчик тебя тогда ждал. Впрочем, я и брата попрошу о том, чтобы он тебе рукописи снес, не знаю, кто резвей из вас будет. Как прочтешь «Черту», напиши мне о ней, что думаешь. Как-то попрекнул ты меня Свинберном, Сергей, — безответственно, мол, это. Я знаю. Да ведь надо чем жить. На перевод С[винберновых] драм смотрю, как на заработок. Наверное не тебе предложу — какому к[нигоиздательств]у — не знаю; но на ЦФГе зарабатывать неловко мне; хочу (с продажей в полн[ую] собственность) по 50 р. за печ[атный] лист (не меньше) запросить; а за две драмы это р[ублей] 900 — 1000 составит.

А очередная книжка у меня для вас — кн[ига] прозы — эдак к весне, что ли. Но это уже в зависимости от того, как ты найдешь «Черту». Впрочем, выше я уже писал тебе об этом.

Ты пишешь, тоскуешь, Сергей. Да и мне тут несладко. Сейчас вру. Книга чем-то страшно порадовала меня. Тем, что в ней от ЦФГ, и тем, что обещает она. Тороплюсь закончить, Сергей. Крепко тебя целую. Обними Локса. Я ведь писал ему и хорошо писал. Разве письма моего не получил он? Сейчас написать ему не успел. На днях напишу. Привет Вермелю, если его увидишь. Он мне писал, никак не могу собраться ответить ему. И не сердись, Сергей. О Николае написал главн[ым] образом потому, что тебе не хотелось во всем отказать; а писать наспех ой как противно! Пиши, пиши, Сергей. О книге можешь не писать, надоело, небось, тебе уже говорить о ней и не надо. Ты уже много мне о ней радостного сказал, много, много; и теперь мы уже о ней говорить не будем. «Надо о завтрашнем дне подумать!»

Твой Б. Пастернак

P. S. Спасибо за высланные 10 экземпляров. Если понадобятся еще, зачти мне в счет будущ[его] гонорара, иначе я не желаю; знаю ведь, что в убыток тебе все это.

¹ Дата устанавливается по содержанию. Бобров получил письмо 15 янв. 1917 г.

² Сэмюэл Смайлс (1812 — 1904) — английский философ-моралист, автор книг «Самодетельность», «Характер», «Расчетливость», «Долг», «Ум и энергия», переведенных на русский язык.

³ Ксения Михайловна Синякова (Асеева).

⁴ Семейство Морица Филиппа, богатого московского коммерсанта. Пастернак с университетских лет был учителем его сына.

⁵ Статья Пастернака о книге Н. Асеева «Оксана» опубликована К. Барнсом. См.: *Slavica Hierosolymitana. Slavic Studies of the Hebrew University. Vol. I (Jerusalem. 1977).*

41

Пастернак — Боброву

14 января 1917, *Тихие горы*¹

Благодарю Аксенова². Жду 10 экземпляров. Телеграфией получение рукописей.

Пастернак

¹ Дата отправления на телеграфном бланке.

² Вероятно, Бобров передал в письме один из отзывов Аксенова о стихах Пастернака. В письме 18 февр. 1917 г. к Боброву Аксенов называет сборник «Поверх барьеров» — лучшим за год (ф. 2554, оп. 1, ед. хр. 6, л. 11 об.).

42

Пастернак — Боброву

15 января 1917, *Тихие Горы*¹

Озадачен телеграммой. Писать [о] Белом отказался категорически [в] большом письме со статьей [об] Асееве, доставленном тебе Карповой. Там же писал [о] назначении рукописей. Дошло только [о] Маяковском. Больше ничего не жди. Будь другом, отличай свои пожелания от моих намерений. Даю, что могу. Альманах задерживать нечего. Привет.

¹ Дата отправления на телеграфном бланке. Дата получения — 16 янв. 1916 г.

43

Пастернак — Боброву

31 января 1917, *Тихие Горы*¹

Обе телеграммы получил сегодня. Печатай посвящения, если надо². Повести, во избежание повторения в альманахе, печатай. Готовлю книгу прозы к весне.

¹ Дата отправления на телеграфном бланке. Дата получения — 1 февр. 1917 г.

² Стихотворение «Два посвящения» при жизни автора не печаталось. Ныне хранится в музее Маяковского. Опубликовано впервые в «Литературной России» (1988. № 49).

Пастернак — Боброву

2...5 февраля 1917, Тихие Горы¹

Дорогой Сергей!

Твоей телеграмме не повезло. Она была завезена черт знает куда и кому, — и лишь по истечении недели доставлена мне — по счастливой случайности. Твоему заказному был я несказанно рад — и ответил бы на него тотчас, будь у меня статья о Маяковском написана; но я подходил к гениальному мычанию и так и сяк и все меня это не удовлетворяло, а послать тебе опять холостое письмо мне не хотелось; я решил, что в ответ на твое — тебе будет послано это письмо мое с обязательным приложением.

Не знаю, как тебе сия последняя моя попытка понравится. После ряда самых разнообразных вариантов я пришел к тому заключению, что о Маяковском писать с той специальной деловитостью, с какой я писал о Николае и готов говорить о тебе, о моих собственных намерениях и т. д. — невозможно. Бегло просмотрев прилагаемую статью, ты сразу же поймешь, под каким углом зренья я разбирал его, и догадаешься почему. Я знаю, как неприятен будет тебе «естественно-исторический» привкус статьи; — но этот привкус неизбежен. В самом деле, рассуди-ка сам. Первые его вещи ярче последних. Род их яркости близок мне и тебе, м[ожет] б[ыть], памятен; до знакомства с Николаем и с тобою я писал именно так. Я этой яркости достоинством превосходным не считаю, — иначе какого дьявола я стал бы подавлять в себе этот сумбур. Но не в этом, конечно, дело. А дело в том, что отметить я у Маяковского упадок образности, ничего к этому замечанию не прибавив, — я бы явно покривил душой. Вышло бы, что эти первые его вещи — годятся в прототипы форм желательных для развития поэзии; тогда как это — образцы явно нежелательных форм, несмотря на всю их живую полновесность. Я думаю, в этом ты согласишься со мной. Не стану развивать этих презумпций — скучное и лишнее дело. Ты сам сообразишь, как несправедливо было бы по отношению к ним голословное предпочтение последних его вещей в ущерб первым. А эти противоречия в плоскости самой реальной поэзии разъяснению и примирению не поддаются. В статье имеется достаточно указаний на то, что самобытности в сфере конкретизированного искусства места я не отвожу, потому что не нахожу в нем для нее места. Но я считал недопустимым обойти молчанием ее явление. Вот откуда и явилось у меня все то, что ты,

наверное, почтешь за фразы, к делу не относящиеся. От быстрых своих слов о нем, как о единственном поэте и т. д. — я уже как-то в письме тебе отказался. Напиши мне, пожалуйста, как получишь статью, что ты о ней думаешь. К чему нам разбирать Андр. Белого? Эта антропософия до литературы никакого касательства не имеет. Неужто же за всякое поминание символизма нам все еще по старой памяти хвататься? Зачем приурочивать нам наши мысли и замыслы к их случайным выступлениям, — Сергей, ты знаешь, как хладнокровен я во всем, что касается нашей общей будущности — но можешь мне поверить, Сергей, — лишённые нашего к ним, пусть и враждебного, интереса, — они скоро заскучают и подберутся к нам на ролях высокомерных расценщиков для начала, а потом, как увидят, что их не слушают, — в качестве доброжелательных и «в сущности родственных нам» — толкователей. Их надо донять невниманием; и больше ничего. Если вообще благополучие их тебя хоть сколько-нибудь занимает. Мы ведь отказали им во всем, в чем только можно отказать художникам, не в даре одном только; более того, мы установили у них наличность такой апатии, до которой не доходил и чеховский обыватель; для них в большей, чем для провизоров, степени безразлично, существует ли искусство вообще и будет ли существовать; любви к материальной выразительности, к многоосмысленной, ко всемозначительной, скажу, точности в них нет ни на грош. Дальше идти некуда. Они сами себя отучили от того общества, в котором мы могли бы с ними повстречаться. — Кроме книги худож[ественной] прозы, которую думаю приготовить к апрелю, я задумал еще идеологическое нечто; быть может там, при случае, разверстка с Белым будет навязана самой темой. Могу загодя сказать, тебе она ничего, кроме удовольствия, не доставит. Хотя я осужу его и не с той стороны, с какой ты м[ожет] б[ыть] ждешь. Я считаю, что с книгою этой придется столкнуться мне в изысканиях на тему об ... организованной посредственности. Как понять Белого? Ведь он же талантлив, Сергей! Что это значит все?

Печально было мне прочесть все то, что ты о себе пишешь. Скажи, Сергей, — Сологубом хваленые вещи («Молодость золота», «Свобода» и т. д. у меня тут нет «Черепов»² под рукой) — войдут в «Алм[азные] леса»? Да? — Тогда чего же ты? — Вообще боюсь, что все то, что ты о себе пишешь, относится скорее к общему нашему времени, нежели к тебе специально. Разумеется, мы многим лучше предшественников. Но и хуже того, чем должны бы, наконец, стать. Ах, Сергей, трудно обо

всем этом писать, словоупорная это тема. Жду «Лесов» с нетерпением. Как получу, напишу тебе. У Аксенова много счастливых элементов. Степень счастливости их подчас — первой руки. Но в восхищенье все это меня не приводит. В телеграмме своей я упомянул, кажется, о нежелательности повторений (одна из проз в Альманахе и потом она же — в книжке), впрочем, предоставляю это на усмотрение твое.

На печатание «Дв[ух] посвящений» согласился с большой неохотой. Рад буду, не найдя стихов в Альманахе. Что же делать, когда удачных у меня сейчас нет (совсем почти не пишу). Свин[берна] переводить бросил. Сегодня отошлю ст[атью] о Маяковском и т[аким] образом сметам моим с Альманахом — конец. Если потребуешь, могу послать тебе книжку Белого. Теперь думаю взяться первым делом за прозу. Дружески тебя обнимаю. Шли скорей книжки свои.

Твой Б. Пастернак
Привет Марии Ивановне. В Москве ли она и как поживает?

¹ Бобров получил письмо 13 февр. 1917 г.

² Стихотворения Боброва, опубликованные в альманахе эгофутуристов «Развороченные черепа» (СПб., 1913).

45

Пастернак — Боброву

8 февраля 1917, Тихие Горы¹

Успеешь ли включить [в] альманах набросок страницы две?² Телеграфируй, получишь [в] двадцатых числа февраля.

¹ Дата на телеграфном бланке.

² Речь идет о набросках к фантазии «Поэма о ближнем».

46

Пастернак — Боброву

8 февраля 1917, Тихие Горы
8.II.17.

Милый Сергей!

Твое 129-е получил и живо порадовался письму и вложению. Непременно пришли мне Аксеновскую книжку о Пикассо¹. Судя по проспекту, очень содержательная и живая книга вроде «Елисаветинцев» (Envoi). Многого

жду также от 3-ей ЦФГи. Ты пишешь — трудно тебе и грустно со мной работать. Сергей, ты ошибаешься. В будущем, увидишь, тебе все легче и веселей со мной работать будет. Объяснюсь: в том случае, если мне удастся провести мою программу рабочую, и то небольшое, что у меня, если Богу угодно, есть, приумножить себе и тебе на пользу. Знаю, скукой повеет на тебя от этих слов. На меня от них веет новизной. Так на дело не смотрел еще никогда. Это первый год, что я решил серьезно начать учиться — писать книги. Боюсь, ты прочтешь эти строки тоном, по торжественности — убийственным. Но не в этом тоне произношу их я.

Вчера вечером не по расписанию и вопреки ему бросил писать прозу, которой был занят, и начал нечто поэтическое (по[живом] побуждении). Утром телеграфировал тебе об этом отрывке. Если не поздно будет к 20 — 23 февраля — вышлю эти наброски для III сборника. Ввиду того, что они еще не застыли и шлифовать их рано, придется послать их тебе в сыром виде (вышлю вскоре по получении ответной твоей телеграммы, соответственно с ее значением). В соображение чего и прошу тебя, Сергей, совсем непринужденно и свободно взглянуть на их истинное художественное достоинство. Если ты этот писчий лист отвергнешь, я ни капли на тебя не обижусь. А самому мне об этом трудно судить. Слишком еще говорит в этой вещи неостывший порыв, живая ночь ее написанья, предвкушенье ближайших суток, других, в течение коих я буду эти наброски приводить в порядок и т. д. — т. е. сплошь невесомые все моменты в отношении эстетической сути вещи, которая тебе будет видней. Не обо мне ли статья твоя «Казн[ачей] посл[едней] план[еты]»². Если да — глубоко тронут — спасибо, Сергей! Если даже и нет, спасибо за сочувствие к моему реченью. На днях сопровожу посылку большим письмом.

Твой Б. Пастернак

¹ См.: Аксенов И. А. Пикассо и окрестности. (М., 1917). «Пастернаку покажите в «Пикасе» место, начинающееся словами: «всем пришлось призадуматься». Может быть, оно подействует на него отрезвляюще в смысле ретроградных наклонностей». (Письмо Аксенова Боброву от 3 апр. 1917, ф. 2554, оп. 1, ед. хр. 6, л. 16.)

² «Как казначей последней из планет...» — стихотворение из сборника «Поверх барьеров». Статья Боброва об этом сборнике, написанная 6 дек. 1916 г., предназначалась для «Третьего сборника Центрифуги». Не была опубликована.

Пастернак — Боброву

11 февраля 1917, Тихие Горы¹

Выслал прозу. Статьи даю при условии непременно напечатать посылку. Извини за краткость — телеграфирую. Объяснение в письмах.

¹ Дата на телеграфном бланке.

Пастернак — Боброву

11 февраля 1917, Тихие Горы¹

Дорогой Сергей!

Получил ли ты уже заказным письмом мои «Наброски» и как они тебе нравятся? Я тебе выслал их вчера, о чем дал тебе сегодня телеграмму. В ней же прошу извинения за тот налет резкости, которому причина телеграфический лаконизм. Сейчас все тебе объясню. Писал (и продолжаю писать) я эту вещь с большим напряжением, сейчас у меня голова болит, тоска, не знаю, куда деться, хотелось бы выспаться, обновить силы и за дело опять. Совсем как сумасшедший. Посланное тебе — половина приблизительно того, что у меня уже в черновике имеется; пишу разрозненно, наметил части, то одно придет в голову, то другое. Как было в телеграмме тебе выразить всю настойчивость моих пожеланий насчет «Набр[осков]»? А теперь ты об этой настойчивости некоторое понятие составишь. С большой неохотой согласился на печатанье «Посвящений» — это не ново: телеграфировалось и писалось. Ты требовал стихов. Их не было у меня. На твой взгляд лучше представить себя малохарактерно и слабо, чем остаться вовсе не представленным. Я держусь мненья противоположного. Я уступил против желанья. Хорошо. Начинаю писать вещь (поэму), в которой узнаю себя самого и тотчас тебе телеграфирую. Твой ответ уклончив и малоприятен. Ты прав в одном. Где я раньше был и чего зевал. Но, дорогой друг, что пришло мне в голову (под впечатлением действительного события) в этот, скажем, вторник и стало с ночи на среду быстро выписываться, не могло ни днем раньше на меня найти. Ты скажешь, вещь можно издать отдельной книжечкой. Что ж, это мне улыбается. Это заманчиво и приятно. Но ты просил у меня стихов в

альманах; — только то, что я послал тебе вчера, я называю (в границе моих собственных попыток, конечно, как это ясно из стат[ей] моих о Николае и о Маяковском) — стихами; остальное — версификация, не знаю что; таковы «Посвящения». Почему «Наброски» как раз? Потому что не закончены, м[ожет] б[ыть] будут изменены, представляют собой и теперь уже — половину всего намеченного целого. Дождаться печатанья всей поэмы не хочу. Я писал тебе уже, как тронул меня заголовок одной из статей твоих в III ЦФГе. Если это обо мне, то «Набр[оски] к поэме о ближн[ем]» — я сам; следовательно — к стати в 3 Ц[ФГе]. Дорогой Сергей, прошу тебя, выкинь (исключая сонет — из-за посвящения) всю мою стихотворную дребедень — (сл[ава] Богу, всего две штуки) из лирического отдела и, пожалуйста, сделай милость, напечатай «Наброски». Статьи и «Карп» остаются. Затем ряд просьб. 1) Умоляю тебя, прокорректируй как следует «Набр[оски]»; опечатки в них страшно меня огорчат. Если к выходу 3-ей Ц[ентрифуги], у тебя м[ожет] б[ыть] времени не станет, привлекли к эт[ому] делу Костю; напишу ему о том. Ах нет, вспомнил, Костя корректировать не умеет. Неужели нельзя было на отдельн[ом] листке «Опечатки, замеченные в «Барьерах», напечатать, хотя бы с опозданием, и разослать в кн[ижные] магазины и те места, куда все эти «мне» вместо «мига», «описки», «восточные накидки» и т. д. и т. д. розданы и разосланы? Все это очень печально было мне видеть, хотя чувство живейшей благодарности тебе за твой порыв, кот[орый] во всем, в письмах твоих, в предложениях и т. д. сквозит — пересиливало, и я тебе об той досаде, с какой я исправлял «Барьеры», рассылая и раздавая их здесь — ничего не писал. В особенности же мысль о том, что в редакциях разн[ые] критики увидят в этих досадных курьезах признак моей эстетической «недалекости», меня возмущала. Кстати о «Барьерах»: не заметил, как все у меня разошлось. Если не можешь прислать мне еще 5 экземпляров, то пришли по крайней мере свой и Локсов, хотел тебе и ему сделать надпись и послать — у меня всего один свой остался; пожертвовал бы им, да пошлю тебе, Костя обидится, пошлю Косте — ты, а ссорить вас мне не хочется. Еще просьба. Поставь дату у «Карпа»: 1913 г. (не помню, конец самый 1913 или январь 1914). Когда ж ты наконец «Алмазные Леса» мне пришлешь? Давно мне о них пишешь, а все не пришли еще. Сообщаешь, что отослал, спасибо. Как получу, напишу.

Р. С. Шли скорей, вслед за «Алм[азными] Лесами» «Лиру лир» и «Пикассо». Сейчас принесли почту, но «Алм[азных] Лес[ов]» еще нет. Не забудь об опечатках, пожалуйста, прокорректируй как следует. Неужто же статьи о Маяковском не получил? Странно. Выслал ее недели уже две назад. Не сердись на меня, Сергей. Пиши побольше. Кланяйся Косте. Большое ему спасибо за хорошее письмо. На днях ему ответчу. Сейчас чувствую себя ужасно, не сплю, закрываю глаза, и какие-то filmy мчатся. Страшно меня интересует, что ты о Поэме скажешь. А пока твой отзыв о ней до меня дойдет, я уж верно забуду о том волнении, кот[орое] и сейчас меня не покидает и в котором я находился, отсылая тебе отдельные ее кусочки. Прошу тебя, напечатай ее в 3-ей Ц[ФГе]; да протелеграфируй мне о согласии или несогласии своем ее в 3 Ц[ФГе] поместить, как только ты посылку получишь. В том ли, в другом ли случае два стишка: 2 Посв[ящения] отправь к черту.

Дружески обнимаю тебя.

Твой Боря

¹ Дата устанавливается по содержанию, Бобров получил письмо 20 февр. 1917 г.

49

Пастернак — Боброву

13 февраля 1917, Тихие Горы¹

Получил твою книжку. Нравится. От души поздравляю. То, что писал [в] письме [к] тебе [о] безупречности Николая, относится больше [к] тебе. Костя прав. Обнимаю.

¹ Дата отправления на телеграфном бланке. Дата получения — 14 февр. 1917 г.

50

Пастернак — Боброву

13 февраля 1917, Тихие Горы¹

Дорогой Сергей!

Спасибо большое за книжку. Ты либо глупишь, либо лицемеришь, хаючи «Алмазные леса». Что за бессмысленная надпись?! Тебя надо проучить за нее: об «Алмазных лесах» ты услышишь ровно десятую часть того, что ус-

лышал бы, не сделай ты такой надписи². А так как я не шучу сейчас, то погоди минутку, вперед надо мне прикинуть, что сказать тебе, что оставить несказанным. Так. Номер первый. Разъяснение поздравительной моей телеграммы остается под спудом. Пусть тайна ее останется для тебя тайной. Воображаю, как вкусно ее перепутали! Там стояли рядом два слова: «Костя прав» (о задушевности). Готов об заклад побиться, что это заявление явилось к тебе в костюме костоправа. Ты ликуешь? «Комментарий задвигался»? Не спеши радоваться. Сопоставление с первым впечатлением от Николаевой «Оксаны» останется под покрывалом. Вообще, разбора не будет. Можешь домой идти. На прощанье только вот что. Больше всего мне нравятся VII, XI, XII, XIV (это о цельных вещах). Частями: I (строфы 1 и 2-я, 2-я особенно две первые строки: «Жизнь, ты как красная роса»), еще I («Благословлял земные доли»: первая строфа; чем она нравится мне — не скажу — это подчинено девяти молчаливым десятым, 9/10-м. IV (очень хорошо:

Земля протягивает свою лампаду

На краткий звук, на ночи зов).

VI, VIII, последняя строфа IX (здорово, Сергей!)

Волна небес у дымов берега

Мои покачивает слова.

Как пени... и до самого конца; так что можно сказать IX. Так и есть. Я просто пропустил в ряду интегралов эту вещь. X две первые строфы и конец. В особенности вторая.

Не пред тобой ли *охладели*
Сказанья ровные росы.

Вся 36-я страница.

XVI — конец

XVII Рая метанные в небе сны.

XVIII Слабеющими глазами

Обнимать этот тонкий взор.

XXI Морей застывших и далеких

Мне будет ли сиять венец.

На глади ночи этот зыбкий

И неистомный лабиринт.

Я понимаю тебя. Тебе стыдно, что книга эта сыграна тобой не на барабане? Это-то и нравится мне. Думаешь, не услышат тебя? Это-то и не нравится мне. Что за гряз-

ное отношение к своей музе, Сергей! Ты-то ведь понимаешь, что я не шучу. Но мне трудно говорить с тобой. Девять десятых все меня с толку сбивают. Боюсь то и дело, что язык равновесие утратит и тогда... Так ты можешь домой идти, Сергей. — Прекрасное предисловие. В особенности хорошо написана первая часть: верно, глубоко, без лишних слов, т. е. без лишнего «образного» пустословия, — в духе книги. Прочитав это вступление, я почувствовал как-то сразу и как-то элементарно просто и живо (в таких как раз случаях и волнуют особенно подобные мысли), что вкус духовной зрелости уже усвоен нами, что если и не созрели мы еще, то понятие о духовн[ой] зрелости у нас имеется (прости, что и себя в это широкое «мы» включаю); я полагаю, Сергей, что в этом как раз залог того, что поэзия (хотя бы и не нами) будет когда-нибудь выведена на ту царскую дорогу, с которой ее свели в детские, в альковы, в притоны теургии ли или разврата — безразлично. Замечательно, что о духе зрелости символисты имели представление самое слабое; пусть они и космогонии изготавляли — от слов их о космосе веет каким-то космическим провинциализмом. Так говорят о столицах в самых отдаленных захолустьях никогда не бывавшие в них. Как ты думаешь, Сергей, сколько провалов в глубокомыслие вырыл бы символист из матерых, заставь он себя, например, написать что-ниб[удь] подобное «Гамлету»? Т. е. поставь он себе такую задачу. Как сошлись бы брови при самом уже начертании заглавия? Это было бы сплошным *провалом всех глубин*. Мне очень нравится простота твоего слога во всем первом абзаце (особенно на первой странице). О содержании я и не говорю! Молодец! Ты знаешь, что к таким темам надо подходить запросто, как к свычному предмету, как к таблице умножения духа, на таких предметах воспитанного, без лишней и ложной Иерихониады. За твоей книжкой потянуло меня к Вам в Москву. Хотелось бы сойтись с тобой и с Костей. Раньше мая об этом и думать не придется по невозможной трудности и финансовой недоступности сообщения. Вообще-то говоря я рад, что здесь. В Москве не имел бы той, что здесь, возможности работать. А работать хочется. Прости, Сергей, что такую шумиху поднял вокруг посланных тебе стихов. Вчера еще писал Косте об этой вещи приблизительно в том же тоне, что и тебе. А теперь стыдно мне. За эти сутки прошла для меня целая вечность. «Наброски» отошли в какое-то по-будничному

далекое прошлое. Скучно и тяжело. Но писать поэму все же не оставляю. Если можешь и хочешь, напечатай ее все же, как я тебя просил. Пускай и не интересная, она для меня очень характеристична. Рад быть в ответе за нее. Обнимаю тебя

Твой Боря

¹ Дата устанавливается по содержанию. Бобров получил письмо 25 февр. 1917 г.

² Надпись Боброва Пастернак приводит в письме к Локсу: «Дорогому Боре — не обижайся, коли скучно будет» (Вопросы литературы. 1972. № 9. С. 157).

51

Пастернак — Боброву

1 марта 1917, Тихие Горы¹

Дорогой Сергей!

Рад, что понравилась тебе статья о Маяковском. Хочется видеть тебя. Сергей, если мои пассаистические тенденции (о, это не пассаизм) — теперь тебя от меня не оттолкнут, то тебе предстоит много со мною потрудиться. Масса мыслей. Что писать перестал? Если не обманываюсь — если это не самообольщение — если это не висячие сады бессонницы, то ты не пожалеешь, что я о Вячеславе и Белом статей не писал.

Вот черновой отрывок (не скажу откуда). Если плохо, не сердись. По этому отрывку о целом судить нельзя. Ни о том, что в целом происходит, ни что производится им или должно производиться.

Буду скоро в Москве, хотя боюсь, не дадите работать — понима[й] как надо. Ах, как надо мне с тобой повидаться. А собственно рано еще. Но здесь невыносимо.

Ваша приписка, милая Мария Ивановна, привела меня в восторг неопишуемый. Чем рассмешить мне Вас в благодарность за Ваш лаконический и меткий юмор? Не стану и пытаться.

Ах, здесь была раз замечательная сцена. В приложениях к «Ниве» имеется книжка рабочих записей Чехова (наброски сюжетов, «подслушанные» — знаем мы — выраженья — ест.). Читалось за столом. Восхищались. Что значит мастер!.. «Чем занимается ваш супруг? — Принимает пилюли» и т. д. Я поманул маленького инфанта за дверь — (Сергей его знает, малыш хоть куда!) и посоветовал ему брякнуть на другой день, что в голову взбрет, побессмысленней, а спросят откуда,

сказать — из белой книжки — и все подхватят поясняюще: «Разумеется, Чехов». — Все так точка в точку и сошлось. Мы с ним ликовали. А знаете, что он сказал: «Видать, богатый: во всем сомневается». — Ну не мило ли? И еще в другом роде: «Жил как отшельник. Загришировался на два года и не выходил». И Вы не улыбнулись даже?

Ваш Б. Пастернак

¹ Дата получения — 11 марта 1917 г.

52

Пастернак — Боброву

16...17 июля 1918, Москва¹

Дорогой Сергей!

Прошу тебя о большой дружеской услуге: прочти начало романа, о котором слышал отзывы самые противоречивые, из всех мнений дороже мне, конечно, твое, и вот отчего до последней минуты колебался и избегал тебе его показывать — это должно было произойти в минуту решительную, в момент последней авторской читки, т. к. вкусу я учился, м[ежду] пр[очим], и у тебя, в чутье. твое верю больше, чем в свое собственное, а что до нелицеприятия и беспристрастия, то и в этом отношении я тебя безмолвно и со стороны испытал. Мне очень важно будет знать твое суждение об этом опыте. М[ожет] б[ыть], припомнишь все, что случилось мне зимой говорить насчет объективных форм, нейтральной художественной среды, заботы о человеке и т[ому] п[одобных] модерантически-пассеистских вещей. — Ну вот, все эти соображения отразились на этой вещи. Иногда приходит в голову мне, что все-таки ведь, невзирая на всяческие эти *scrupules* — роман писал я, и тогда мне становится легче среди чада всех этих, как оказалось, ненужных и мало чем со мною связанных сомнений. Надо вероятно пройти и через эту отвратительную полосу восстания на все, что в тебе живого есть, в угоду неизвестно каким неорганическим и чуждым моментам. Перед тем как приступить к обработке существеннейшей второй и наисущественнейшей третьей части, мне бы хотелось к[ак]-нибудь реализовать или по крайности

¹ Здесь: мелочи (лат.).

заручиться видом на реализацию целого на основании переписанных $\frac{3}{4}$ первой части. А наперед надо навести порядок в своем собственном отношении к вещи. Тут-то ты и должен мне помочь своим суждением и советом. Очень тебя прошу, если есть время, не откладывай чтения в долгий ящик и займись этим к[а]к только можно будет. Не знаю, надо ли делать это замечанье: вторая и третья скрепленные порции (тетради) связаны воедино попыткой показать, как складывается в сознании момент абстрактный, к чему это впоследствии ведет и как отражается на характере. Тут это показано на идее третьего человека. Если захочется тебе и придется, можешь сделать заметки карандашом на левых половинах. Я буду тебе за это несказанно признателен. Лундберг (вот не ожидал!) вещь забраковал к[а]к сонную, скучную и добродетельно-тенденциозную по внешнему тону и виду. На два дня уезжал к родителям, эту неделю вероятно пробуду тут. Зайду послезавтра. Роман будет называться «Три имени» или что-ниб[удь] в эт[ом] духе². Пока что это неважно. Пред тем, как кому-ниб[удь] сдавать, слегка местами подчищу $\text{lim} = 0$ — т[ак] что смотри на это к[ак] на белой список.

Твой Б. П.

¹ Дата получения — 18 июля 1918 г.

² Речь идет о рукописи повести «Детство Люверс».

Пастернак — Боброву

15 декабря, Берлин
15/XII.22

Дорогой Сережа!

Сейчас, направляясь с Женей¹ к ее портнихе, зашли мы мимоходом в Геликон². У А. Г. Вишняка состоит на побегушках прелестный мальчик Paul, шарфом, башмаками, дутьем в кулак, наливной декабрьской краснотцою и отсутствием пальто позаимствовавшийся у Диккенса. Он, смеясь и не расставаясь со свойственной ему вообще веселостью, отстаивается за десятерых в хвостах перед почтовой конторкой. Так как предыдущее письмо пошло заказным, то догадаешься, что оно прошло через

* ограничитель (математический термин).

его руки. При его вручении разыгралась следующая, согретая двумя голландками и до ослепительности раздутая, взбитая и смыленная в обмылки двумя дуговыми лампами сцена. Завидев имя адресата, «разрешите переписать адрес», — робко заикнулся издатель. «А на что Вам», — умело приступая к торгу, запросила Женя. «Я хотел бы издать «Ночного Гаспара»³, — пауза. «Я хотел бы издать его самого». — Пауза. — «Я хотел бы издать все, что он мне предложит». — Пауза. — «Прозу. Я слышал много о его прозе».

Однако моя собственная, Сережа, пришла в такой упадок, что дальше продолжать в этой «живой, повествовательной» форме я не в состоянии. Вот, вот — (если только их не изымет, перлюстрируя, цензура) — вот клочок моих собственных волос, вылезших из этой, пронизанной экстазом, выразительной и безмерно изнурившей меня первой страницей. По необходимости (врачи прописали) прибегаю к холодку. Продолжаю равнодушно, в историко-литературном духе. (Заведи будильник, рядом, на всякий случай, поставь туфли). Сошлись вот на чем. Если хочешь, он расплатится с тобою книгами, в размере 15% всего завода. Издаст же так, как тут издают (прямо загляденье). Или же даст по англ[ийскому] фунту с листа (оригинального), по 16 англ[ийских] лотов ($1/2$ ф[унта]) с переводного. Это те самые, по существу мизерные условия, на которых и я тут с ними договаривался. А я тебе вот что скажу, сумма суммой, а ты спроси Колю, чего-чего только не накупила Лиля Юрьевна Оксане⁴ на те 5 фунтов, что Коля им дал. Так вот, если бы нашелся у тебя человек (командированный, что ли), который бы согласился на обратном пути в Россию взять с собой все те вещи, что можно было бы на гонорар купить, то такой расчет представлял бы для тебя очень большую выгоду. Все это справил бы тебе я, а ты бы мне сообщил №№ или лучше размеры ботинок твоих; брюк и пиджака, белья, перчаток и пр. и пр. Спешу заметить, что такое широкое согласие командированного или вообще путешествующего лица не только делает этот фортель выполнимым, но с покладистости такого доброжелателя собственно и начинается область посылок стоящих и, в смысле затрат, — производительных. Брики, напр[имер], не могли не стеснить меня в размерах. И без того они везли чуть что не 12 чемоданов, наполовину занятых подобною же альтруистикой. А это родовым образом отразилось на разумности и целесооб-

разности моей посылки. Я послал до 36 предметов, в сумме им (предметам) надлежало не превысить такого-то и такого объема (очень скромного). А такие задачи, на тах и тiп, как относящиеся к высшей математике, даром не проходят, т. к. жизнь и рынок строятся не по dx. Посылка, в общей сложности, стоила мне больше полутора тысяч мар[ок], не считая 60% т[ак] н[азываемо-го] налога, который, по счастью, был взыскан с показанных Женю цен, она же их уменьшила вчетверо. Словом, ты по вещам, посланным тебе, или по тем, что увидишь, м[ожет] б[ыть], у Коли, Ксении, Буданцевых⁵, Вильяма⁶, или, позднее, у Кости и у Шуры, о малости вещевого соблазна не суди. Была бы лишь готовность со стороны едущего да деньги.

Женя же Вишняку предложила след[ующее] условие: чтобы при равенстве предположит[ельного] гонорара, затратам по проезду и подъемным он взял сверх того на себя хлопоты по этому делу, выписал тебя сюда, т. е. *выхлопотал бы и выслал тебе разрешение на въезд*. Он и на это изъявил столь же прямое и радостное согласие. А мы с ней принялись фантазировать на эту тему. Подумай об этом, Сережа. Спишись с ним и как-нибудь сделайся. Ах, как чудно было бы тут с тобой и как хорошо бы и тебе было! Ведь несмотря на несчастную надутость Маяка, нигде его не покидающую и везде ему предшествующую (он, напр[имер], заказывал обнищальным, другими вовсе вещами озабоченным, немцам пива на двоих: «für mich und mein Genie»)⁷, он был до гола, как малый ребенок, обезоружен, растроган и восхищен живою огромностью города, романтической подошлой истинно немецкой (и до него дошедшей) стихии, больше же всего теми штукаами, которые, ныряя под землю или летя поверх крыш, железнодорожн[ых] вокзалов etc, etc., отпускает подземная ж[елезная] д[орога]. Такой, чудный и трогательный, ходил он больше недели.

Вчера писем у тебя не просил. Сегодня же, по приведенному поводу, прошу скорейшего ответа. Думаю, напишет тебе и Вишняк. Меня же просил уговорить и поспешествовать.

Твой Б. П.

Часто ли выдаешься с Костей Локсом? Мне рассказывали, Третьяков⁸ с Большаковым⁹ тоже в Москве. Как они? Что Коля? Очень ли ты на меня сердит? Странно, за письмом тебе схватил насморк. До слез расчихался. Бросаю, не было бы жару. А то тут испанка свирепствует. Всем поклоны.

¹ Евгения Владимировна Пастернак, урожд. Лурье (1898 — 1965) — художница, первая жена Б. Л. Пастернака.

² Владельцем издательства «Геликон», в котором вышла четвертая книга Пастернака «Темы и вариации», был Абрам Григорьевич Вишняк (1895 — 1943).

³ «Ночной Гаспар» — сборник стихотворений в прозе французского писателя Алоизиуса Бертрана (1807 — 1841). Перевод Боброва не был издан.

⁴ Имеются в виду Л. Ю. Брик и К. М. Асеева.

⁵ Писатель Сергей Федорович Буданцев (1896 — 1941) и его жена Вера Васильевна Буданцева (Ильина) (1894 — 1972). 30 января 1923 г. Буданцев писал Пастернаку и, благодаря за присланные подарки, советовал скорее возвращаться в Москву, предлагая сотрудничество во вновь образованном издательстве «Круг» (ф. 2268, оп. I, ед. хр. 63).

⁶ Вильям-Вильмонт Николай Николаевич (1901 — 1986) — переводчик, специалист по западноевропейской литературе, автор воспоминаний о Пастернаке.

⁷ «Для меня и моего гения» (нем.)

Л. Ю. Брик вспоминала о Маяковском в Берлине: «...в ресторане он заказывал обед официанту: «Geben sie ein Mittagessen mir und meinen Genius» [«Дайте обед мне и моему гению»]. (См.: Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963. С. 351.) Маяковский посвятил Германии очерк «Сегодняшний Берлин», описав разоренную репарациями страну, но не сказав ни слова о восторженном отношении к красоте и комфорту европейской цивилизации.

⁸ Третьяков Сергей Михайлович (1892 — 1939) — писатель, теоретик Лефа. Приехал в Москву из Читы в августе 1922 г. (См.: Воспоминания о Николае Асееве. М., 1980. С. 57.)

⁹ К. А. Большаков в 1922 г. демобилизовался из армии. (См. его автобиографию: ф. 1675, оп. 1, ед. хр. 1.)

Пастернак — Боброву

23 декабря 1922, Берлин¹

Дорогой Сергей!

Вскоре по приезде я впал в престранное унынье, от которого и по сей день не избавился и которому не подыщу причины: любая подвертывающаяся кажется правдоподобной и, следовательно, ни одна не подходит. Всего легче свалить вину на границу, как оно обыкновенно и делается: гни-де Запад, пускай его и отчитывается, благо у него других забот нет. С него и взыскивай, на общих основаниях, если во что бы то ни стало захочешь кому-нибудь попенять за мою несообщительность, ничегонеделанье и пр[очие] заслуги перед собой и друзьями. Однако, не шутя, — основание этого наваждения лежит глубже, и в его розысках я дошел до полного отупенья. Но не в поощренье «проклятых вопросов» этого рода

взялся я, наконец, за перо. Дело на этот раз в шляпе, — редкий случай его действительно в ней увидеть. Кроме того, оно в шарфе, при помочах, с галстуком и в перчатках, и если, в итоге, оно не на выходах в варьете, то естественно ждать его, сверх перечисленного, и в штанах, в пиджаке и в жилете. Однако, несмотря на шляпу, дело довольно-таки голо. И без того уже жаловались Брики и Маяковский на объемистость нашей посылки во всей ее сложности. Тебе, как и Коле, послали: шапку, шарф, кашне, галстук, тепл[ые] перчатки, подтяжки и карман[ный] электр[ический] фонарик. Так вот, не сердись, что мало. Больше не пришлось: и то Шура и Костя (до следующей оказии) покамест остались за флагом. Приношенья эти, невзирая на всю их ничтожность, не могли быть навязаны Брикам для людей, вовсе им незнакомых. Получателей пришлось расположить концентрически, вокруг их непосредственных знакомств. На тебя повел радиус через Колю, на Вильяма через Риту Райт², Буданцевы не покажутся резко эксцентрическими как по природным своим качествам, так еще и потому, что и непосредственный круг задуман и описан от руки и сильно сбивается на ромб. Однако не знаю, в виде какой фигуры пришлось бы изобразить кружок опоязников и конструктивистов, чтобы сделать что-нибудь для рожденных эксцентриков, каковы Костя и Шура. Этот метагеометрический кивок, однако, ни на йоту не уменьшает нежнейших наших чувств к покуда обделенным, равно как не уменьшит, надо надеяться, и нашей грузоподъемности в отношении их. Но это при ближайшей лишь возможности. Вещи в Водопьяном³ или у Коли. Справься. Пришли, пожалуйста, «Мизантропов»⁴ в двух экземплярах. Надо кое-кому показать. Интересуются. Целую крепко.

Я уже и теперь бы с большою охотой воротился назад, — Женя восстает под тем предлогом, что стыдно и бессовестно возвращаться на столь конфузном легке и со столь пустыми руками после тех трудностей, которых стоил переезд со всеми приготовлениями. Да она и работает, надо отдать ей справедливость. Она тебя очень любит. Не сказал ей, что пишу тебе, а то б она приписала. Твой Б. П.

¹ Датируется по почтовому штампею на конверте.

² Райт Рита (Ковалева Раиса Яковлевна; 1898 — 1989) — переводчик.

³ В Водопьяном переулке жили Брики.

⁴ Фантастический роман «Восстание мизантропов» (М., 1922).

Пастернак — Боброву

9 января 1923, Берлин

9/1.23

Дорогой Сережа!

Только что получил твои письма, а сестра¹ — Мизантропов. Отец за перелистыванием этих последних разрешился сентенцией. Изю всех, дескать, твоих приятелей один-единственный с действительным талантом — этот; с первого взгляда видно. Он одновременно брызжет желчью, цветами, вином, остроумьем, слюной и жемчугом, — но — живое порождение достоевщины как стихии. Главное, есть что сказать. — По-видимому он будет первым читателем Мизантропов на немецкой земле, т. к. томиком уже завладел, отложив его на вечер. — Спасибо за письмо. Сегодня же отправлюсь в «Геликон» для переговоров. Всего лучше поступишь, если впредь до моих распоряжений наложишь узду на уже разыгравшееся воображение. Кроме трепки нервов ничего это преждевременное нетерпение обыкновенно не приносит. На время об этих делах забудь. Они в моих руках, и ты будешь извещен об их исходе. Успешность его предreshена. Когда тут был Маяковский, я часто с ним говаривал о желательности Колина приезда. Разрешение на въезд было бы нетрудно ему выправить. У нас, однако, было впечатленье, будто сам он не очень-то рвется сюда. Если же это не так, хотелось бы услышать это от Николая. Ведь не в пример тебе он в большом фаворе у лиц, от которых многое зависит и в денежном, и в иных отношениях. Кроме того, он служит живым доказательством того, что в виде исключений приязнь эта расточается иногда и за дело, а не всегда за одну лишь мрачную бесполезность и никем не раскушенную тяжелоподемность, как в моем случае. Поехав, он все бы надежды с избытком оправдал, попутно доставив много радости себе и другим. Под Новый год я перечитывал его «Оксану» и восторгался. Л[иля] Ю[рьевна] увезла у меня «Бомбу» и «Соловья»². Ежели увидишь Колю, попроси, чтобы напомнил ей, пусть бы отослала назад, как обещала. Вышла моя 4-я книжка. Это не у тебя ли я, обознавшись, стащил нечаянно название? Называется она «Темы и Варьяции»³. Лично я книжки не люблю, ее кажется доехало стремление к понятности. Не взирая на это, все тут, словно сговорившись, покончили со мной, сошед-

шись на моей «полной непонятности». Меня бы все это печалило, если бы в самые последние дни я не взялся наконец за работу, которая, пока что, кажется, дается мне. Продолжаю прозу, напечатанную как-то раз весною в Понедельнике⁴. Если додержу тон, возьмусь за Люверс. Вот я все пишу, пишу тебе, а ну как и ты тоже давно на меня рукой махнул, как, вероятно, все!

Кланяйся Локсу. Тут будет оказия. С ней пошлю ему всяких безделиц. С ней же и деньги возвращу, авансом взятые, Литовскому⁵ и Полонскому⁶.

¹ Жозефина Леонидовна Пастернак (1900 — 1933) поддерживала дружеские отношения с Бобровым, переписывалась с ним до отъезде за границу. Жила в Англии.

² Сборники Асеева «Бомба» (Владивосток, 1921) и «Стальной соловей» (М., 1922).

³ «Название невышедшей книги стихов Боброва «Варьяции на Лиру Лир». «Лири Лир» вышла в 1917 г. в ЦФГе» — примеч. М. П. Богословской-Бобровой, приложенное к оригиналу письма.

⁴ В газете «Московский понедельник» (1922. № 1. 12 июня) были опубликованы прозаические фрагменты сюжетно и некоторыми героями связанные со «Спекторским» и «Повестью».

⁵ Литовский Осаф Семенович (1892 — 1971) — критик, драматург, журналист, с 1918 г. возглавлял отдел театральной критики в «Известиях».

⁶ Полонский Вячеслав Павлович (1886 — 1932) — критик, историк литературы, в те годы редактор журнала «Печать и революция». Письма Пастернака к нему см.: Литературное наследство. Т. 93. М., 1983. С. 684 — 702; Путь. 1995. № 8. С. 218 — 233.

Пастернак — Боброву

17 января 1923, Берлин
17.1.23.

Дорогой Сережа!

Бертрана тебе выпишут. Кроме того, запродал твоих «Изобретателей Идитола»¹ Вишняку (изд[ательс]тво Геликон). Он завтра же закупит в[се] под твою рукопись из расчета 1 ф[унт] с листа, т. е. всего 7 ф[унтов]. Условья его таковы. Он предполагает издать книжку в 4000-х экземпляров, с правом распространенья издания и в России, в согласьи с каковым пунктом ты лишаешься права запроектировать ее какому бы то ни было изд[ательс]тву и в России, до полного расхожденья издания, однако же на срок не более 2-х лет. Выше приведенная подробность договора является причиной не-

приемлемости для него Мизантропов и Лотофага². Одна книга уже издана, другая запродана. О книгах статей предлагает поговорить немного погодя и предполагает подумать в дальнейшем. Стихами пока обременен и вынужден отклонить. Итак, если условия (которые во всей точности соответствуют тем, на которых мы договаривались с ним и о моих вещах) тебе подходят, немедленно вышли мне (переписанную на машинке) рукопись Изобретателей. Прошлою зимой я пересылал кое-что просто по почте, правда это были не рукописи, а книги... Не думаю, чтобы это было в каком бы то ни было отношении рискованно. Может быть ты придумаешь какой-нибудь другой, удобнейший или вернейший способ? Собственно, ведь это по твоей, наркомпочтельской части; значит тебе и видней, и судить об этом деле, и решать в нем сподручней, чем кому другому. Кстати, околачивается тут некий Зискинд³, на первый взгляд очень милый и простой мальчик, секретарь вашего наркома, о тебе говорит как о гордости комиссариата, оспаривая у других права на равное участие в таком разговоре, с особым преимуществом и претензией, как, скажем, любой индус говорит о Рабиндранате Тагоре. Мне этот мальчик чем-то, — может быть этим-то, так же, как и тем, что видел Шурина постройку⁴, равно как и свежей неиспорченностью и прямолинейностью своего коммунизма, — показался мил. Может быть ты бы его пребываньем тут воспользовался с этою целью, м[ожет] б[ыть] у вас с ним сношенья установлены, он ведь сюда вами командирован?

Это о запродаже и о присылке рукописи. Теперь о твоём приезде. Если ты решил серьезно ехать, если тебе того так же хочется, как и нам, сообщи об этом немедленно, и мы сами, помимо всяких Вишняковых и т[ому] п[одобных], достанем и выхлопочем тебе въездную визу. Есть основание надеяться, что это продолжительных хлопот не потребует, ибо мы пойдем по совершенно иному пути, нежели отец, хлопотавший обо мне прошлый год долго, с большим для себя трудом и меньшей удачей. Той суммы, которую тебе останется должен Вишняк, за глаза тут бы тебе хватило на три месяца. Беру нарочно срок преуменьшенный. При меньшей опасливости в расчетах за другого и всяких присоветываньях этот срок можно было бы, положила руку на сердце, — удвоить.

Вопрос о стоимости проезда, о визах отпускных и транзитных и об источниках добытия оных придется ре-

шать тебе самому. Думаю однако, что получение разрешения на въезд в Германию послужило бы толчком и доводом к их изысканию. Между прочим, да будет известно тебе, что авансы, данные мне Полонским и Литовским, я им в полной сохранности возвращаю. Я их пошлю в валюте, полностью покрывающей обе суммы (Полонскому 20 дол[ларов], Литовскому 30). Мне пока что отработать и оправдать их не пришлось, а в вечности их доброго мнения я куда как не уверен. Сегодня окажешься обманщиком, завтра неверность их перекинется на твои политические убеждения, послезавтра за грудобрюшную преграду, а еще когда-нибудь тебе преподадут, как писать и чувствовать надо, раскаявшись в своем незаслуженном... легковерии. Это меня не шутя огорчает, ибо о них я думаю хорошо. Так вот. Доллары устойчивы; когда ни послать их — разницы не составляет. Не смогли бы ты перевести этот аванс на себя? Все равно они тебе там на месте для самой поездки бы понадобились, так что вопрос о пересылке их в Москву на имя обоих от этой варьяции гадательной никакой перемены не терпит. Они будут высланы. Однако, не откладывая дела в долгий ящик, замолвил бы ты (о себе и об этом) слово обоим. Главное, с их стороны такое авансирование тебя никаких бы новых затрат не потребовало. И видя, как риск их со мною успокоительно обернулся (дескать, возвращает), быть может, отважились бы они продлить только срок своего кредита, почтенного ими уже за пропащее дело, списав его на тебя. А ты сейчас на ходу и все эти годы в работе. Что ты их ожидания бы оправдал, яснее дня. Должен тебе м[ежду] пр[очим] сказать, что мое упущение в этом деле, явление только частичное. Т. е. я и на себя ничего за все истекшее время не сделал. Лишь за самые последние дня взялся за работу. Оттого-то и захотел видеть тебя тут. Хотя болото здешнее ничего иного, кроме прозвища этого, не заслуживает, все же стоило бы его всколыхнуть. Тогда пришлось бы помириться тебе со Шкловским, вдвоем бы мы этого ни за что не подняли. Не вижу также возможности, как ужился бы ты тут, не примирившись с Эренбургом. Это очень хороший человек и мне от души хотелось бы, чтобы он был иным, т. е. посадивши своей хорошестью, позаимствовался остроотой у несравненного менее приятного, но более приемлемого Шкловского, который подчас поразительно все-таки разбирается в тех тонкостях, без коих наш брат и призвание наше немислимы. Что тут

иного пути не имеется, ты выяснил бы, вероятно, тотчас по приезде, не затрачивая на этот плодотворный разбор тех 4-х месяцев, что затратил я. Надеюсь, ты моих слов криво не истолкуешь. Я не занимался тут приисканьем удобных конъюнктур, да и для чего б они мне понадобились: лоботрясничать можно со всеми, как и в одиночку. Нет, я не то хочу сказать. Но сосвежу, из Петербурга, от Кузмина⁵ приехал я без предвзятых приязней и неприязней. Без предубежденья заговорил со всеми. Послушать их, так они всем скопом на редкость как хорошо ко мне относятся. Но Ходасевич, спервоначала подарив меня пронизательностью «равного» вдруг, по прочтении Колина отзыва в «Нови»⁶ стал непроницаемою для меня стеной с той самой минуты, как на вопрос об Асееве я ему ответил в том единственном духе, в каком я и ты привыкли говорить об этом поэте. То же следует сказать и о Белом, которого я привык любить и который наверное меня разлучит с этой дорогой мне привычкой. Единственно, что меня радует, так это то, что Эренбург, к примеру сказать, и среди них популярен. Какой-либо обидной нетерпимости (политической, национальной, словесной или возрастной) здесь нет и в помине. Здесь есть нечто другое. Все они меня любят, выделяют, но... «не понимают». Вдруг я оказываюсь — кубистом(?!). Внезапно для помещенья отзывов о моих стихах требуется подзаголовок «Искания», с симметрически следующей затем рубрикой «Достижений» — дающей отчет о «Счастливом Домике». Марина Цветаева помещает большую статью обо мне в Эпопее⁷ с подразделеньями: Пастернак и дождь, Пастернак и быт и т. д. Статью посвящает Эренбургу. Тогда в «Руле» перестают вообще мыслить эти три судьбы раздельно, и получается видимость, будто мое белобилетничество и коротконожье зашли так далеко, что не под руку с приятелями я вообще ступать не учился. Марина — истинный поэт, и соседство это нисколько меня не роняет. Эренбург — прекрасный человек, слишком однажды возлюбивший Достоевского, в сущности кающийся патриот, человек большого кругозора и добрый друг, — соседство это может быть только радостным. Но, простите, если уже без соседств нельзя,

* Цитирую по Белому, Ходасевичу, Горькому, — они «трудились» над «Темами и Варьяниями» и отступили перед абсолютной их непопнят[ностью]. (Примеч. Б. Пастернака.)

если это уж никак, никак невозможно и не видно, чтобы художнику солировать под своей ответственностью и за свой страх, то ведь я был когда-то футуристом и не им ли остался я, стращая вас «кубистической» непонятностью, «высоко изобретательной и неподдельной», как хочется думать и Б. К. Зайцеву? Если уж на то пошло, то истинные соседства у нас имеются и Бог весть когда уж подсказаны чутьем и сердцем, а потом закреплены долговременным житейским побытом, признанным, наконец, и со стороны, читателем, критиком, да нет — прощ, — вкусами и тяготеньями целого поколения⁸. Или этого просто не существует? И все упорядочивается обыкновенною заявкой? Приедет Бобров — будет он, не приедет, — нет его. Приедет Вс[еволод] Иванов, — Бобровым будет Иванов. Приедет Вера Лурье⁹ — она же ею и будет. Приедет Пастернак, — будет он Лурье Верой.

Любопытное наблюденье. У нас там стерты все геральдические бородавки. Все стригли под один номер. Тут всех величают «господами» и машинистка в Геликоне, при всем демократизме, есть лицо подчиненное. Там одна партия, здесь десять. Здесь совесть свободна, индивидуальность ... как Прометей у Шелли. В дальнейшем, как и до сего, говорю не о немцах, но об эмиграции. И замечательно. Тут нет ни возрастов, ни полов, ничего ровно. Восстановленье хотя бы ничтожных различий между писателями, читателями и издателями так страстножелательно, что уже потребности твоей в этом разнообразии никто не понимает. Высказанное столь часто уже напоминало по афористичности действия зевающего, что слово приобрело тут новое свойство, лишь по имени соответствующее старому, давно известному. Оно обладает заразительностью, — заразительностью зевка. Его подхватывают и повторяют. Однако растолкай этого говорящего скворца. В его повтореньи не заключается ни согласия, ни возраженья. — — — — —

Тогда, спрашивается, на какого черта я тебя сюда зову? Одно дело цвет нашей мысли, другое — немцы, лучше сказать, — Германия. О подземной дороге справься у Маяка. Порасспроси ездивших — Лидина, Савича. Стыдно сказать, — (это значит подбивать на косвенную эксплуатацию да и расписываться в собственном матерьяльном убожестве не ахти как лестно), — но тут-то ты только машину и увидишь, да и оденет она тебя, и чем надо снабдит. Ради одного этого уже стоит. Ну, до сви-

данья. Крепко тебя целую. Понял ли ты насчет денег? Они будут отосланы через неделю П[олонскому] и Л[итовскому]; получены же ими через две. До их получения тебе бы следовало свахлять с ними это дело. Тогда ты прямо доллары (что тебе и надо) и получишь. Не придется покупать. Пиши. Твой Б.

Как будешь отвечать, напиши, не стали ли плохо ко мне относиться: ни от кого писем нет.

¹ Фантастический роман Боброва «Спецификация идитола» вышел в издательстве «Геликон» в 1923 г. (См. письмо А. Г. Вишняка Боброву от 17 сент. 1923 г. (ф. 2554, оп. 2, ед. хр. 472). Обложка книги работы Л. М. Козинцевой-Эренбург.

² Рассказ «Лотофаг» не был издан.

³ Зискинд А. — секретарь коллегии Наркомата почт и телеграфа при наркоме В. С. Довгалеvском.

⁴ А. Л. Пастернак участвовал в проектировании здания химического института им. Л. Я. Карпова.

⁵ М. А. Кузмин, с которым Пастернак познакомился в Петрограде перед поездкой в Берлин, особенно высоко оценил «Детство Люверс», считая, что в книге «Сестра моя — жизнь» Пастернак отдал дань формальному модничанью. (См.: Вопросы литературы. 1981. № 7. С. 225 — 232.)

⁶ Рецензия Н. Н. Асеева на «Счастливый домик» В. Ф. Ходасевича была напечатана в «Красной нови» (1922. № 4).

⁷ Цветаева М. И. Световой ливень. Поэзия вечной мужественности // Эпопея. М.; Берлин, 1922. № 3.

⁸ О том же Пастернак пишет 10 января 1923 г. В. П. Полонскому: «Я горячо и упорно люблю Боброва, Асеева и Маяка. Для оценки их данных мне, их одноротцу, не надо было сюда забираться. Но тут мы кажемся богами». (Литературное наследство. Т. 93. С. 692.)

⁹ Лурье Вера Иосифовна (р. 1901) — поэтесса, приятельница Андрея Белого.

Пастернак — Боброву

11 февраля 1923, Берлин¹

Дорогой Сережа!

Дорвался, наконец, попал в него, удивительный, удивительный город². Собирался ведь именно туда, шесть месяцев проторчал в безличном этом Вавилоне, теперь перед самым отъездом домой, в Россию, улучил неделю и съездил в Гарц, в Кассель, в М[ар]б[ур]г. А ради него ведь всю кашу заваривал. Два всего дня был, и будто по губам — да как! — помазали. Горько, горько, ругательски досадно. А зачем домой? — Обстоятельства! Вчера получил твоих «Изобретателей». Сажусь читать. Все бу-

дет сделано. На днях напишу. Развернул рукопись на извержении. Очень хорошо. До свиданья.

Твой Б. П.

¹ Датируется по почтовому штемпелю на открытке с изображением Марбургского университета.

² Об этой поездке в Марбург Пастернак написал в «Охранной грамоте» — Часть 2, гл. II (Воздушные пути. М., 1982. С. 240).

58

Пастернак — Боброву

19 февраля 1923, Берлин

19.II.23. Берлин.

Дорогой Сергей!

Больше недели я провел дома, никуда не выходя, был простужен. С Идитолом тебя поздравляю. Очень занимательная, увлекательная вещь, читаешь, не оторваться. Очень хорошо, что сразу же по прочтении главы о морских маневрах попадаешь *in medias res*¹. Вообще этим достоинством отличается вся первая часть. Прекрасно описаны изверженья, где очень хорошо охарактеризованы волшебные свойства Идитола неуваженьем аппарата к законам земного притяженья. Хороши эпизоды социальные. Хорошо, что вещь, бесспорно относясь к роду захватывающей и т[ак] наз[ываемой] «авантюрной» литературы, — *действительно* захватывает читателя, не говоря уже о том, что захваченный читатель занят действительно литературой, пускай и «авантюрной». Особенно существен первый пункт. Сейчас ведь много говорят о бульварном, кинематографическом, авантюрном и др. романе; и хотя в наше время всякая номенклатура есть набор возмутительнейших несоответствий и всяческого неподобья, надо сказать, совершенно исключительно этим грешит формальная терминология в искусстве. К черту трагедию, слышим мы, — дайте нам оперетку¹. При этом, однако, представляют себе, что *одни* уже отказ от серьезности, лучше сказать одно уже это проявление разумной осторожности в человеке, обжегшемся на «серьезной литературе», — есть чуть что не эта самая уже оперетка, которую он должен еще написать, между тем как эта вспышка осмотрительности не только еще не оперетка, а все еще дурная трагедия не-

¹ в самую суть (лат.).

пристроенного бумагомараки. «Я пишу кинематографическую вещь, вам это чуждо, Борис Леонидович?» Да нет, знаете... да, конечно. И тут же думаешь о Пупсике Легара², под дифирамбические ревы которого немцы шли умирать на Запад. Люди забывают, что всякое $A=A$. Человеку кажется, что если его поползновенья создать некое N в одной из областей художества приводили к рвотному камню, он порвет с законами тождества, переехав в область с более легким климатом, где, вероятно, всякое «ни два ни полтора» и будет в глазах его соотечественников и в его собственных той самой вещью, над которой ему заблагорассудится «работать». Твоя же вещь настолько приковывает, что вполне начинаешь жить вторым, якобы без автора существующим и отчасти ему известным планом, слоем действительности, т[ак] ск[азать], о которой его еще можно порасспросить, и тогда к напечатанному и прочтенному прибавится больший или меньший рассказ автора, составленный из ответов на твои вопросы, при постоянно бесконечном, неисчерпаемом и раззадоривающем вопрошателя остатке. Это и есть тот элемент, без которого вещь необъективна и себе равняться не может. Твой же «прозраман» объективен настолько, что напр[имер] от встречи Ральфа с Порком, а тем более от столкновенья их обоих с Идитолом, в особенности на острове, хотелось бы большего. Неявный его диалог с ними над морем показался мне прекрасным, потому что обещал нечто по глубине, страстности, возвышенности и героической фантастике, простоте (не сердись, это трудно бегло и вскользь, не выписывается) — нечто потрясающее. Обещанье это поддерживалось и артикуляцией предшествующих главок и частей, равно как и глубоким «гуманизмом» по всему роману рассыпанных оговорок и недомолвок.

А между тем глава 63-я (Ральф, Порк, Идитол) оставила меня очень неудовлетворенным³. Это — необъективная поверхностная глава, это сочинено, это «кинематографично». Так ли и о том ли следовало им говорить? Не должна ли была твоя задача в этом месте хоть несколько отличаться от той, которая перед тобой стояла при разработке Трипа — Ойля, как слагаемого. Проводил же ты до сего места достаточные между ними различья! Жалко. Этот ложный трюк мог бы даже испортить все дело, превратив его в ту дешевую выдумку, о кот[орой] выше говорил. Однако ничтожность долевого значенья этой полустраницы в отношении остальных пя-

тидесяти шести — спасает дело, и я легко представляю себе читателя, которого этот островной эпизод не поколебит и который срыва тут не ощутит. Правда, ты и сам перекрыл этот случай, если и не наново, то во всяком случае достаточно неопределенной и сотканной из умолчаний пеленою, заставив занавес ко всей вещи упасть именно над этим беспардонным местечком. — Роман я прочел в один присест. Спасибо. Не знаю, разожмутся и как именно разожмутся у меня челюсти в ответ на твой вопрос о причине моего близящегося возвращения в Москву. Пускай кажется тебе это решенье беспричинным и опрометчивым, — ехать я должен, — причины скажутся и станут тебе известны. Без крепящей и довольно сытной порции некоторого ужаса я об этом возвращеньи не думаю. Не говоря уже о том, как не хочется уезжать мне отсюда после моего недавнего наезда в Марбург, я еще вдобавок и издержался почти что в конец (только-только на поездку хватит). Как это ни странно, последнее обстоятельство привязывает меня к Германии еще более ее уездной готики: здесь все-таки можно себя оправдать и русскому писателю, даже и писателю, несколько на это обозначенье походящему. Состоянье в героях «Тружеников Моря» не навязано тут каждому несогласному с Гюго. Угроза того, что этот героически-туманный текст, настоящий на зауряд-осьминогах, устрицах и медузах вот-вот разоблачится в виде довольно-таки безводной пустыньки, над тобою не витает, и тебе позволительно о воде даже вовсе ни в ту, ни в другую сторону не думать. Всего больше я боюсь того неизбежного самоугнетенья, которое возникает в ответ на неуклонность однообразья казенного, и хотя направлено в другую сторону, этого направленья столь же неуклонно никогда не меняет. Да и цены у нас (т. е. у вас) неприступные. Это ведь не цены, а какие-то числовые индексы наглости, нахальства, необузданного измывательства. Ты знаешь, что невидаль эта, Валдайская возвышенность, жемчужина мира с валютой, опустившейся чуть ли не до земного центра, «выработала» «жизнепорядок», который идет по рублю за доллар, т. е. что в Англии на фунты легче и дешевле жить, чем на фунты же — в третьем этом Риме. И слова-то ведь все пустяковейшие. «Выработала». Мы видали ведь, небось, как она это «вырабатывала». Сколько примерно стоит жизнь в Москве? — спрашивает иностранец и думает про себя: жизнь — понятие переносное, с достаточным содержанием, хочешь — наставишь на Берлин, хочешь на Лондон, — места меняются, содержание остается, под

ним мыслятся — пути сообщения, жилища, индустрия, большая или меньшая доступность цивилизации, — сыпучего обиходного факта, — в уровень нашей муке. А поди объясни ему, что Жизнь в Москве — это одно слово, и жизнь тут совершенно ни при чем, если только это не слагаемое отрицательное. В параллель его представлениям о путях сообщения придется говорить о путях в Дамаск; жилища — слово непроизносимое и смысл его не выяснен; что же до доступности цивилизации, то она доступна, но ее нет и в помине. За собрание же этих загадочных картинок приходится платить как за вынужденный, положенный, принятый тобою и использованный в твоё удовольствие Нью-Йорк. Вот что обидно.

Оттого-то и звал я тебя сюда и просил бедности авторского гонимого не удивляться. Тут-то перехожу ко второй, существеннейшей части письма. Идитол будет завтра передан издателю. Человек, выхлопывающий «въездное» за известную мзду, — имеется. Как намерен ты поступить? Тотчас ли сделать ему для тебя заказ или хочешь ты нас дождаться? На этот вопрос ответь мне немедленно. Связи у меня с издателем и с людьми, кот[орые] это смогут все сделать, сохранятся и по переезде в Москву. О тебе можно будет хлопотать и оттуда. Так как же быть? — На днях был у нас Лундберг⁴. Передал ему Мизантропов, рассказал об Идитоле. Ты на его счет осторожней выражайся, — он ценит и любит тебя, как мало еще кого. То, что ты о стихах своих пишешь, конечно не преувеличено. Сдержанность Вишняка в этом отношении совершенно принципиальная, стихи тут расходятся плохо и он опротестовывает вообще рифму как таковую, но не в рассуждении авторов или направленья. Стихов не берет. Твоей прозаической комбинации не отклонил, но о чем бы то ни было кроме Идитола пока говорить воздерживается, т. к. конъюнктура теперь тут очень тяжелая: валюта взмыла дня на три на четыре до высот небывалых; чуть запоздав, полезли за ней товарные цены; теперь валюту понизили на 100%, однако цены не падают и, верно, не упадут. — Ты моим приступам брюзжания и досадливости не придавай значенья. Назад меня тянуло ведь и прежде, чем это стало необходимостью, предъявленной мне Женею. Когда же это становится фактом, пугает его Гаргантюическая невыгодность и бессмысленность.

Целую.

Целую руку М[арии] И[вановны] и сердечно ее приветствую. Жду от тебя инструкций. Твой Б.

¹ Это высказывание Пастернака, вероятно, можно рассматривать как скрытую полемику с теоретиками ОПОЯЗа и Лефа. Ср. у Шкловского: «Самое живое в современном искусстве это сборник статей и театр Variété, исходящий из интересности отдельных моментов, а не из момента соединения. Нечто подобное замечалось во вставных номерах водевиля» (Шкловский В. Б. Зоо или письма не о любви // Собр. соч. Т. I. М., 1973. С. 216). О. М. Брик писал в заметке «Не в театре, а в клубе»: «У нового клуба есть союзники в театральном мире. Это цирк и эстрада. У них то, что ему надо» (Леф. 1924. № 1. С. 22).

² «Пупсик» — оперетта не Ф. Легара, а немецкого композитора и дирижера Жана Жильбера (1879 — 1942), написанная в 1912 г.

³ В этой главе происходит встреча на необитаемом острове трех изобретателей мощного взрывчатого вещества — идитола. Их случайная гибель производит на читателя впечатление сюжетного трюка для завершения романа, что Пастернак, по-видимому, и воспринял как его недостаток.

⁴ Е. Г. Лундберг в Берлине сотрудничал в издательстве «Скифы».

Пастернак — Боброву

27 февраля 1923, Берлин

27/II.23.

Дорогой Сережа!

На письмо твое сестре от 17/2 спешу ответить. Соотношение между товарными ценами и валютным курсом сейчас невыгодно для покупателя: последствия сильнейшего падения марки, относящегося к самому концу января, с обычным запозданием сказались на ценах только сейчас, когда марка опять поднялась на 100% (или иначе говоря, доллар упал с 50 000 на 23 000). Но и в нынешних условиях исключительной (и конъюнктурно случайной, непрочной) дороговизны костюм все же можно иметь за 10 — 15 долларов. Шампанское, думаю, не стоит дороже одного дол[лара]. Что касается до месячного прожитка, то тут существует широчайшая гамма, и я не знаю, какой ты избереешь себе диапазон. Однако, я думаю, правильно намету его границы, если определю сытое и безбедное существование без излишеств ресторанного характера и сверхсметных приобретений долларов в 18 — 20 ежемесячно. Тут же следует, конечно, прибавить, что при общей благоустроенности и насыщенности всякими желдорными и электрофикационными удобствами понятие скромной безбедности почти совпадает с аллюром совбурского свинства, т. е. здесь возможна скромность в 1000 свечей, скромность с иго-

лочки, скромность крахмальная, скромность в семь цветов.

Это твое письмо Жоне¹ равносильно для меня окончательному ответу на мое собственное к тебе, с ультимативным запросом о твоих планах: — сегодня же распорядись о визе, т. е. это дело подниму.

Твои скрупулезные раздумья относительно «Красн[ой] Нивы» совершенно, конечно, излишни. Вещь твоя выйдет, вероятно, в начале мая. Она Вишняку очень нравится. Копи же доллары и помогай тебе в этом Бог. Сколько бы ты ни скопил, и какие бы мы тебе справки ни давали, радостного потрясения тебе на границе не миновать, ибо никакая подготовленность не ослабляет живого изумления, вызываемого внезапным конкретным удешевлением вселенной в одно прекрасное утро, заговаривающее внезапно на новом и мало знакомом языке. Советовал бы ехать, если возможно, морем, через Питер. Чуть ли не вчетверо дешевле. Мне, из-за Жени, придется ехать сушей. Жалко, что разминемся. Спешу отослать письмо.

Твой Б. П.

¹ Имеется в виду Жозефина Леонидовна Пастернак.

Пастернак — Боброву

3 марта 1923, Берлин

З/III 23.

Дорогой Сергей!

Последние известия о твоей болезни, которая по твоим описаниям представляется мне катаром кишок, так меня переполошили, что во все тяжкие, бедняжка ты моя, пустился я по всем ведомствам исхлопатывать тебе въездную визу, боясь, как бы не упустить этого, пока еще благоприятного в отношении операции, но все укорачивающегося срока. Если даже приступ острый миновал и тебе полегчало несколько, я бы все-таки советовал тебе дела не запускать, ведь припадок может повториться, как легко, правду говоря, и не забываются его симптомы по миновании этой беды. Но ты, конечно, легко их перескажешь консульск[ому] врачу по памяти, в особенности после совещанья с каким-ниб[удь] русским врачом, тебя лечившим и хорошо тебя знающим, который всегда знает, что в этих явлениях существенно пе-

ременно, что нет. Изложи все трудности своего положения Шуре и спроси его насчет Льва Григорьевича¹. Пусть он тебя к нему направит. С ним наисерьезнейшим образом, прошу тебя, поговори так, как стал бы ты с Леонидом Осиповичем разговаривать, да так же себя с ним и поведи. Это мудрец, милейший и честнейший человек, лучший друг отца. Тут, у него, откровеннейшим образом должно быть отделено действительное положение твоей желуд[очной] болезни от того, что есть раздутого нашей болезненной мнительностью во всем этом вопросе и, м[ожет] б[ыть], ложного. Поговори с ним и об этих мнимых, нервных явлениях. Как с отцом, говорю тебе, посоветуйся с ним, и относительно совладанья с этими нервами, создающими всегда легко переходимые химерические мосты от действительности к действительности. В разговоре с ним, надо ли говорить тебе, неосторожности, допущенные мною при сношеньи с местными врачами, с которыми я о тебе говорил, совершенно недопустимы. Для тебя Л[ев] Г[ригорьевич] должен быть Л[еонидом] О[сиповичем].

За приливом этой заботливости о тебе, за тревогою о твоих нервах я не сказал тебе главного. Виза для тебя выправлена! С копии, находящейся у меня (копия не снятая, не нотариальная, а данная в виде расписки в получении денег за телеграмму, включающая и ее содержание) списываю: (33568 Mark sind für Telegrammgebühre) Deutsche Vertretung Moskau — Zureise Sergei Bobrow nach Berlin sechs Wochen gegen Vorlage Konsulats Attests genehmigt Fremdenamt. Это телеграмма, посланная ведомством по делам иностранцев (Fremdenamt) немецкому представительству в Москве, и есть настоящее разрешение. Зайди в Леонтьевский и справься о ее получении. Перевожу.

«Нем[ецкое] представительство. Москва.

Въезд Сергея Боброва в Берлин шесть недель под условием представленья свидетельства консульства разрешен.

Ведомство по делам иностранцев».

Касательно пункта, подчеркнутого выюном. Как ни в чем не бывало явись в представительство за справкой, получено ли твое разрешение. (Оно уже и сейчас там, 3.III.23.) Там же в священном неведении и спроси, что требуется и как тебе дальше быть. По моим понятиям речь идет о свидетельстве нем[ецкого] врача при кон-

сульстве. А может быть и проще что-ниб[удь], пустейшая какая-ниб[удь] делопроизводственная формальность. При сем письме прилагаю бумагу, на основании коей выдано разрешение; в представительстве и предъявишь. Как тебе, верно, известно, главные трудности при получении разрешения связаны с «квартирн[ым] вопросом». Правом veto располагает «жилищный отдел». Он-то в разрешениях и отказывает. А тут, как тебе уяснится из текста, тебе отведена комната в лечебнице. Относительно срока (6 нед[ель]) не беспокойся. Больше никогда сразу не дают. Нам на три месяца дали. Потом хлопочут о продлении.

Ну, всего пока лучшего. Поскорей извести о дальнейшем ходе дела. Если это уже уясняется тебе и если нетрудно тебе будет (денежно), протелеграфируй о результатах, а также и когда ехать полагаешь. Не разминуться бы нам. Мы думаем выехать числа 15-го. Доволен ли ты? Крепко обнимаю.

Твой Б. П.

Точных паспортн[ых] данных о тебе не имел. В справке значится: род[ился] 20.X.90 г.² Однако это ничего не значит. В телеграмме их не сообщают, остается тут.

¹ Левин Лев Григорьевич (1870 — 1938) — врач. Был репрессирован.

² Бобров родился 27 октября 1889 г.

Пастернак — Боброву

4 марта 1923, Берлин

4/III 23.

Дорогой Сережа!

Получил ли ты мое заказное?¹ Подписка на американские журналы, на которые ты просил тебя абонировать, обошлась вместе с телеграммою в 8 1/2 долларов. Да! В статье Н. Кана о новых течениях в гражданской архитектуре упоминание о комнате носит характер чисто номинальный. За этим номинальным завитком ничего существенного не кроется. И ты напрасно стал бы ждать чего-ниб[удь] для себя от этого архитектора-формалиста, который в своем построении трактует комнату просто как элемент призрачный, вводимый лишь в интересах целого, лица и фасада. Другие статьи интереснее и со-

держательней. Эта же своему заглавию не отвечает и производит впечатленье чистого вымысла.

Крепко тебя обнимаю.

Твой Б. П.

Мне пиши просто и в стиле не подражай.

¹ Имеется в виду письмо от 3 марта 1923 г.

Пастернак — Боброву

5 марта 1941, Переделкино¹

Дорогой Сережа, прости за лаконизм и сухость, но я боюсь, что если не так, дело опять отложится, и я никогда не напишу требуемого². Не всегда все складывается в жизни, как думаешь. Заметок о Гамл[ете] не вези, совершенно не до того.

Сердечный привет Марии Павловне.

Твой Б.

Прости, но все время хочу тебе сказать и все забываю: не будь, пожалуйста, в возобновившейся деятельности опять так ядовит, как когда-то. Во-первых, это и вообще не требуется, а затем прошу и ради тебя, т. к. снова наживешь врагов. Не сердись.

Адрес на конверте:

Москва, Арбат, ул. Вахтангова, д. 5, кв. 9

Сергею Павловичу Боброву

от Б. Пастернака, ст. Баковка, Зап. жел. дор.,

дачн. гор. «Переделкино», д. № 3.

Для Учпедгиза или редкокомиссий Наркомпроса.

Отзыв.

Перевод «Песни о Роланде» С. П. Боброва сделан рукою художника и с этой стороны представляет серьезное литературное приобретение. Перевод дан в живых и умелых извлечениях, устанавливающих непрерывность действия без отягощающих подлинник длиннот и повторений. Главные достоинства работы — художественное богатство языка и естественность принятой в основание ритмической единицы, всесторонне себя оправдавшей как по разнообразию звуковых оттенков, так и отзывчивостью ко всем требованиям слога, предъявляемым большим и драматизированным содержанием. Как это вообще в природе художественных произведений, значенье перворазрядной работы Боброва безусловно, т. е. оно

сохраняется за ней во всех случаях, как бы велики ни были достоинства одноименных и соперничающих явлений.

Б. Пастернак

5.П.41

Переделкино.

¹ Датируется по штемпелю на конверте.

² Отзыв о переложении «Песни о Роланде» хранится в фонде Боброва (ф. 2554, оп. 2, ед. хр. 781).

63

Бобров — Пастернаку

17 декабря 1942, Фергана

Милый мой Боренька!

Марик прислал мне письмо с фронта, просил выслать ему туда Спекторского, я написал в Москву, и Варвара Александровна¹ послала ему твою книжечку. И вот на днях он прислал мне горячее письмо о Спекторском, о тебе. И я сразу не знал, что отвечать, пошел в библиотеку, взял твою книжку, перечел — и все бывшее, и Марикины слова, так все это взяло за душу, что через все наши несчастья я, больной и измученный, написал Марику стихи — о тебе, о том, как когда-то выпускал твою книжку. Посмотри. Вот они. Не понравится — разорви, забудь. Читал в газетах статейку Морозова² о твоём переводе Ромео и Джульетты — и радовался цитатам. Дай тебе бог всего хорошего. Наши дела с Белочкой³ здесь очень плохи.

Привет З[инаиде] Н[иколаевне] и твоему Ленечке⁴.

С Б

17.12.42.

Фергана, ул. 25 окт. 29.

Поверх барьеров

Сыну

Ты был еще маленький, бутуз черноглазый,
А там, под Девичьим, где клиники в ряд
Сходились, где тополь шумел и рассказывал,
Где солнце заглядывало — так, поболтать.

Где искристый смех любовался зрачками,
Где слышалось: — Носик, чего ж ты ревешь?
Где крысу нам Такс нес с смешливым урчаньем,
Где мир был хоть мал, но довольно хорош.
И в восемь звонок, это из типографии:

— Да что ж ты так поздно? — Да ведь все дела...
А вот Вам и тюк... — Да постой-ка, не ставь его,
Давай сюда, к свету... наконец-то она!

— А ну-ка развяжем!.. и пахнет обновкою,
И краской, и клеем, и шумом машин,
И Бориным смехом — и жизнью — и, словом,
Всем, чем нас ласкали уюты годин.

Над синенькой книжкой — где знак восклицательный,
Вихрь птиц из природы — люблю и пою! —
Из клавиш влюбленных, сверкая, выскальзывают
И мчатся в открытую душу твою.

И в счастье совместного лепета липового
Врывается гордость и радость, о, да!
Звенит, говорит этот стих мозаикой
Из звезд, поцелуев — на все голоса;

Я каждую строчку здесь помню и знаю,
Цензурные точки и рябь корректур
И письма с Урала... но я разрезаю
И снова гляжу, любопытен и хмур.

Пускай почитает Валерий⁵ — размахом
Таким удивить старика ничего!
Он вырос — куда там «Близнец»! — прямо Бахом,
И сложно и пышно и так хорошо!

А через день — она уже на Кузнецком,
У Вольфа⁶ в окне. Я стою и смотрю
Еще раз с каким-то вниманием детским
На книжечку эту, на нашу зарю.

¹ Мони́на Варвара Александровна (1895 — 1943) — поэтесса, в середине 1920-х гг. была женой С. П. Боброва.

² Морозов М. М. Новый перевод «Ромео и Джульетты» // Литература и искусство. 1942. 21 нояб.

³ М. П. Богословская-Боброва.

⁴ Жена и младший сын Б. Л. Пастернака. З. Н. Пастернак (1894 — 1966) до 1931 г. была женой пианиста Г. Г. Нейгауза (о нем см. в след. письме).

⁵ В. Я. Брюсов.

⁶ Книжный магазин издательства «М. О. Вольф».

Пастернак — Боброву

20 июня 1943, Чистополь

20 июня 43 Чистополь

Дорогой Сережа!

Редкое свинство, что я тебе не ответил на два твоих письма, полученные прошлой осенью. Это свинство так велико, что может быть умнее было бы теперь и не на-

помянуть о себе и не усугублять неловкости таким запоздалым ответом. Кроме того, ты уже наверное в Москве, или будешь там раньше, чем письмо придет в Фергану. А писать тебе я собирался, особенно в редкие минуты досуга, которые единственно и выдавались накануне всяких переездов, как напр[имер] сейчас, перед сборами всех нас в Москву. Писать собственно не о чем, обе зимы прошли в напряженном каторжном прилежании (от того и времени никогда нет почитать и подумать, кроме путешествий). Зина превратилась в спичку и доработалась до чахотки в детск[ом] саду Литфонда, где она служит и где находится Ляня. Стасик¹, один из сыновей Нейгауза, стал очень хорошо играть, другому, старшему Адриану², ампутировали правую ногу (костный туберкулез) в туб[еркулезном] санатории (эвакуированном из Москвы) в Нижнем Уфалее, куда в прошлом году ездила Зина. Женя с Женичкой в Ташкенте³, он в воен[ной] академии по танкостроению. Ты, наверное, слышал, что прошлою зимой с Генр[ихом] Густ[авовичем]⁴ в Москве была такая же беда, как когда-то с тобою. Теперь он на свободе в Свердловске.

Если и думалось мне написать тебе о чем-нибудь, то это о середине прошлой зимы в Чистополе, которую мы тут провели необычайно дружно и ярко. Ты помнишь дни эвакуации. Все было катастрофически неясно и грозило скорым концом. В обстановке этой смертельной неясности нам пятерым: Федину, Леонову, Треневу, Коле Асееву и мне поручили управлять и нравственно руководить многочисленной тогда здешней литературной колонией. Мы еженедельно собирались и устраивали увлекательные живые вечера, на которых читали свободно и неурезанно все, что думали и писали, и устраивали обсуждения без глупости, по-настоящему, как целую вечность тому назад. Я чувствовал себя совершенно счастливым, хотя, периодами, буквально голодал, но не замечал этого. Все мы очень успешно работали. Нас связывала настоящая неподдельная дружба. В эти месяцы совершенно преобразился и помолодел Коля. Вся официальность слетела с него, он стал думать и говорить умно, независимо и непримиримо. Мы опять очень сблизились с ним. Своего я почти ничего не писал. Я не представляю себе возврата к старому и охотнее бы удавился. Меня все больше и больше тянет на реалистическую передачу виденного и действитель-

ного. Между тем надо жить, а ртов у меня много. В прошлом году я тут перевел «Ромео и Джульетту», а во вторую половину нынешней зимы, по приезде из Москвы, где я жил 3 м[еся]ца — «Антония и Клеопатру».

Наверное, тебя в Фергане уже нет, и я пишу понапрасну. Целую тебя. Сердечный привет Марии Павловне и обоим Лундбергам, если и они еще не уехали.

Твой Б. П.

Адрес на конверте:

Фергана ул. 25 Октября д. 29
Сергею Павловичу Боброву
от Б. Пастернака
Москва Гоголевский бульв. д. 8 кв 52
Ал. Леонид. Пастернаку

¹ Станислав Генрихович Нейгауз (1927 — 1980) — пианист.

² Адриан Генрихович Нейгауз (1925 — 1945).

³ Евгения Владимировна и Евгений Борисович Пастернаки.

⁴ Г. Г. Нейгауз в начале войны был арестован и через несколько месяцев освобожден.

Бобров — Пастернаку

6 мая 1944, Москва

Милый Боря,

несколько времени тому назад я послал Марику на фронт номер газеты с твоей заметкой о Верлене¹, а третьего дня получил от него письмо, где он между прочим пишет следующее:

«Передай, пожалуйста, от меня благодарность Бор. Леон-чу за статью о Верлене. Очень интересно для меня, за что именно он ценит Верлена. Здесь проявляется характерное для Б. Л. стремление к созданию положительных ценностей в литературе (и в искусстве вообще), для чего, естественно, требуются и положительные стороны таланта — и в первую очередь острая наблюдательность и умение вложить в искусство живую жизнь».

Не знаю, сколь тебе это интересно, однако сам факт такого пристального внимания, пришедший оттуда (т. е. с фронта), мне лично кажется трогательным. Впрочем, озираясь на свои отцовские чувства, не решаюсь на этом настаивать.

Мне передавали, что на Глумовском вечере² ты выступал с целой речью. Сожалею, что ушел так рано. Но я плохо себя чувствовал. Привет,

С. Б.

6.5.44.
Москва

¹ Пастернак Б. Л. Поль-Мари Верлен // Литература и искусство. 1944. 1 апр.

² Глумов Александр Николаевич (1901 — 1972) — актер и режиссер. Выступал с чтением пастернаковского перевода «Гамлета».

66

Пастернак — Боброву

31 марта 1945, Переделкино

Дорогой Сережа!

Приходи, пожалуйста (если не уезжаешь в эт[от] день в Москву или если неожиданно я не уеду), послезавтра, в понедельник вечером, после 9-ти час. Если в понедельник не выйдет, я тебя уведомлю заранее, и мы это перенесем на завтра. В обоих случаях провожу тебя в дом от[ыха], потому что около 12-ти ночи буду звонить Зине в город. А если ты мне понадобишься по делу еще раньше, то сам зайду к тебе. Итак, до понедельника.

Твой Б.

31.III.1945.

Если она не уедет и тебе это подойдет и тебя не стеснит, предложи прийти ко мне с тобою З. М. Гольдиной. Но только в таком случае.

67

Пастернак — Боброву

1945, Переделкино¹

Дорогой Сережа!

Если он тут и ты не имеешь ничего против, приведи с собой Як[ова] Эм[мануилови]ча². До свиданья.

Твой Б.

¹ Датируется по содержанию.

² Голосовкер Яков Эммануилович (1890 — 1967) — философ и филолог.

Бобров — Пастернаку

22 октября 1950, Москва

С. П. Бобров

Москва 37

Измайловский проспект 6
(222 шага от метро)

Милый Боренька!

Вчерашний вечер был для меня и для Белочки живым и прекрасным праздником. И не только потому, что мы с ней вчера потихоньку отпраздновали 19-летие нашего супружества — страшно трудного, но дружного, коли нельзя уж сказать: счастливого. Но этот вечер, который начался упоительной прелестью Моцарта, в качестве эпиграфа нес Тебя, который встретил меня еще до Моцарта! Как много воды и чудес утекло с тех пор, как мы выпивали когда-то у Юлиана — а ведь это были все те же мы — то есть такой же Ты, весь брызжущий неудержимым дарованьем — самого музыкального свойства, у которого в ключе поставлено то самое, что надлежит испытать человеку на земле — в том смысле, в каком Стендаль уверял, что признаваться в любви к искусству почти неловко, это равносильно тому, как если бы я стал признаваться в том, что и я — человек. Мы все до того устали от постоянных и нелепых усилий объяснить издательствам, что мы-де не воры, не разбойнички, мы у господ бога на самое чистенькое охотнички! и только — и вот из-за этого-то мы к ним и ходим, и терпим невыносимые заушения — и никак нас не отличат от того, который с «фомкой», а мы просто с перышком... и прочее, что опомниться не можешь, когда добрые фортепиано обоих Нейгаузов и просторная милая беседа вдруг освободят тебя от необходимости размышлять, как бы это объяснить очередному умнику, что стол — это в сущности четвероногое... то есть не он! не он! — а я про стол говорю, стойте, не надо стулом, я не про Вас, я про стол! и так далее — и все остальное.

Ты молодчинище, что пишешь Третью Часть¹. Ты еще раз молодчинище, что переводишь Вторую Часть высокопарящего Вольфганга² (ведь дело в том, что до сих пор никому не приходило в голову, что это блестящее сочинение, кстати уж сказать, написано... стихами!).

Но слушай, Боренька, давай попробуем написать о МИРЕ! как ты думаешь? давай попробуем. Ну, конечно,

Маршак нашаркает лучше нас — ну, куда там! — Исаковский тоже сыграет ораторию Генделя на губной гармонике (если не на губной помаде) так, что ты ее в глаза не узнаешь! и всякое такое. Все это так. Ну не возьмут — ну что делать! не в первый раз. А мы все-таки попробуем. По совести сказать, я уж даже начал, но потом бросил — что, думаю, писать, все равно не «подойдет». А вчера я подумал, что раз ты хочешь писать, так почему же и мне не написать? Попробуем. Давай напишем? Как-нибудь попроще. Ей-ей стоит попробовать. Ведь если это не выйдет, так ведь никто же даже и не узнает — что мы с тобой *не умеем стихи писать*. Мы скроем этот наш ужасный недостаток в редакционной корзине!

Милый Боренька, пожалуйста, поцелуй от меня руку у милой Зинаиды Николаевны — за все вместе и за Стасика в частности. Жизнь дорога надеждами — и вот этот сын нашего искусства — залог необычайной важности.

Это словно пульс у эпохи в лапе. Ты щупаешь его и [у] тебя теплеет на душе: она живая! Мы не виноваты в конце концов, что фабричный дым нами усваивается с большим трудом, чем те мелизмы¹, из-за которых его стоит переносить. Старик Бетховен поцеловал Листа — мальчишку, Камознс — Кальдерона, Державин — Пушкина и так далее — а разве они были счастливей нас? ведь бедняга Бетховен пил горькую! ему кричали, что он «просто педант», а вот Россини — тот истинный Маршак!

Боренька милый, будь здоров, не грусти. Напишем мирные стихи.

С. Б.

22.10.50.

Да!!! забыл самое главное! только сегодня, кое-как очнувшись, сообразил, что Вы, необычайные незабвенные добряки, довели нас вчера до самого дома — а такси-ездок наверно ничего не лонял во всем этом добродушии и содрал с Вас полсотни лишних! Все наоборот! Боренька, я готов тебя теперь катать втрое против ординара, только ради бога, не сердись на эту глупость. Истинный крест — в долгу не останусь!

¹ Третья часть романа «Доктор Живаго».

² Перевод второй части «Фауста» И. В. Гёте.

* Украшение основных нот вспомогательными музыкальными фигурами (музыкальный термин).

Пастернак — Боброву

27 октября 1950, Москва

27 октября 1950.

Дорогие Сережа и Мария Павловна!

После именин Зина «залегла» за Стендаля, для чего выдумала себе радикулит, которого ровно хватило на два дня этого запойного чтения. Ничего подобного никогда не видал, и наряду с авторским содержанием это высшая похвала искусству и слогу переводчиков¹. Я тоже, как только урву время, воспользуюсь случаем перечесть роман в такой стремительной и засасывающей передаче.

Поздравляю Вас. Сердечный привет.

Ваш Б. П.

¹ Роман Стендаля «Красное и черное» в переводе Боброва и Богословской-Бобровой.

Бобров — Пастернаку

11 ноября 1950, Москва

Милый Боря!

Твое любезное письмо от 27.10 получил уже давно. Почему до сих пор не отвечал — сказать трудно. В частности, был нездоров, лежал и глотал сульфатиозол, не до писем было.

Спасибо Вам с Зинаидой Николаевной, радуемся, что доставили Вам нечто вроде удовольствия.

Некогда, лет тридцать пять тому назад — этих удовольствий как будто было не меньше, как Ты думаешь? Вот, например, как раз тогда, когда я сидел над первой корректурой этих стихов, приехавших ко мне на Погонинскую с Урала:

Там мир заключен — и как Каин¹,
Там заштемпелеван теплом
Окраин — забыт и охаян
И высмеян листьями гром...

Какой задорный и румяный оптимизм улыбался из этих строк читателю! не за это ли эти строки так люббили?

А насчет Твоих теологических сочинений — что ж! ведь Толстой, когда решил, что он уж переписал и Гомера (в «Войне и мире»), и Свифта (в «Холстомере»), решил переписать и Библию (в «Круге» своем!). Мы как-то болтали — давно уж, года три тому назад, коли не

более — с Вильмонтом на цветущем лужку Переделкинском, что Твоя «Звезда Рождественская» напоминает «Вертеп», поставленный с декорациями Сапунова и музыкой Саца². Так как Твое дарование сильнее того и другого, то мутатис мутандис³ и т. д. Однако Ты мог бы найти в этих областях темы и более величественные. Например, скажем, Нагорная Проповедь. Там есть чудные тексты — хотя бы вот этот: «Блаженни миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся!..»³ (боюсь наврать, сто лет не читал, а текста под рукой нет, ну уж — не взыщи!). Мне кажется, что если бы Ты взялся за эту божественную тему, то, тихо прислушавшись к ней в творческом одиночестве, Ты бы, Боря, мог соорудить нечто, что напоминало бы Баховы Матфеевы Страсти либо Микелеву Сибиллу Кумскую⁴. Вот где бы Твой извечный оптимизм мог вспыхнуть вовсю.

Однако прости. Тебе, быть может, совсем неохота, чтобы кто-либо судил о твоём внутреннем.

Добрейший привет Зинаиде Николаевне и Ленечке. От нас обоих с Марией Павловной.

С. Б.

II.11.50

¹ 3-я строфа стихотворения «Счастье» из книги «Поверх барьеров».

² Возможно, Бобров вспоминает о постановке «Вертепа кукольного» М. А. Кузмина Л. В. Яковлевой-Шапориной в «Бродячей собаке» в сочельник, 6 янв. 1913 г. Музыка к пьесе написал Кузмин, декорации — С. Ю. Судейкина.

³ Миф. V, 9.

⁴ Имеются в виду «Страсти по Матфею» И. С. Баха и одна из фигур росписи Сикстинской капеллы Микеланджело.

71

Пастернак — Боброву

7 декабря 1950, Москва

7 дек. 1950.

Дорогие Сережа и Мария Павловна!

Ужасная возня с этим «вторым Фаустом»! И, как у всех, кроме работы, столько постороннего! Оттого и не

* с соответствующими поправками (лат.).

отвечаю. Спасибо за твои милые строки, Сережа! Не пиши мне так, а то я буду в таком долгу перед тобой!

Был какой-то просвет двухдневный (но я не умею читать так быстро, как Зина), я проглотил первую часть Жюльена и с пропусками, как читают молодые девицы, заглянул во все потрясающие главы второй. Я читал Вас не как переводчиков, но как друзей автора и героев; как участников: творения и всех описанных в нем событий и всего этого, катящегося вперед и увлекающего за собою потока. Какая чистота и жар порывов! Как верно и с какой благородной стороны увидена жизнь! Еще недавно было очевидностью, что никаким другим искусство быть не может. И вдруг этой истины не стало и в помине.

Я читал «Ч[ерное] и Кр[асное]» в ту войну, в двух книгах, изданных, кажется, Некрасовым, не помню чей перевод, но, наверное, был неплохой. Потом куски, когда ходил в Унив[ерситетскую] библиотеку, в оригинале.

Очень хорошо, что вы возвращаете читателю право на простодушие, что не обременяете его «литературными достоинствами» работы или позволяете их не видеть, что мимо этого всего вводите прямо в голое и горячее существо.

Надо будет повидаться, как-нибудь на рубеже старого и нового года, или около того. Об этом дадим заблаговременно телеграмму. Извините (оба) за торопливость записки.

З[инаида] Н[иколаевна] присоединяется.

Ваш Б. П.

72

Бобров — Пастернаку

8 января 1956, Переделкино

Милый Боря!

На днях я уезжаю из Переделкина — а не хотелось бы уезжать, не попрощавшись с тобой — отсюда это письмо.

Жаль, что я на Новый Год укатил в Москву «по казенной надобности» и не мог зайти к тебе вместе с М[арией] П[авловной].

Видел ли Ты, кстати сказать, один из последних томов Б. Сов. Энциклопедии, где имеется заметка о Тебе и о Леониде Осиповиче — причем все это не только «милостиво», но даже можно сказать — и любезно.

Твои последние стихи, как нам это доподлинно известно, ходят по разным градам и весям в рукописном виде (Ленинград, Харьков etc.), так что Твое незаурядное дарование ценится многообразно...

Хотелось бы посмотреть Твою прозу.

Привет Всем Вашим.

С. Б.

8. I. 56

Переделкино

«МОЕЙ ПРЕЛЕСТНОЙ ЦАРИЦЕ...»

(Пометы А. А. Ахматовой на книгах Н. С. Гумилева)

Публикация И. П. Сиротинской

Эти книги были ею бережно хранимы всю жизнь. Воображаю, как прикасались к их страницам ее царственные пальцы, как следили по этим строкам ее строгие глаза, как чутье поэта то вылавливало драгоценные жемчуга, то отмечало поэтические аналогии, как волновалась памятью «огромной трагической любви» душа женщины. (Эти слова взяты из ее записной книжки с набросками воспоминаний. См.: ф. 13, оп. 1, ед. хр. 114, л. 37.)

Три томика были подарены в пору их любви.

Тоненький, в бумажном темно-фиолетовом переплете сборник — «Романтические цветы», изданный в 1908 году в Париже, с посвящением, отпечатанным среди торжественной желтоватости плотного листа: «Посвящается Анне Андреевне Горенко», и с дарственной надписью — мелкими коричневыми буквами на первом листе: «Моей прелестной царице и невесте как предсвадебный подарок предлагаю эту книгу. Н. Гумилев».

Сколько раз перелистывалась эта книга потом, и на страницах еще и еще появлялись пометы ее карандаша. На титульном листе — время создания стихов: 1905 — 1907, уточнен и момент издания — февраль 1908 года. Датированы почти все стихи этого сборника, указано место их написания, отдельные строки подчеркнуты, кое-где на полях видим: «Эдгар По», чаще — «Бодлер». Многие пометы стерты, но при современных средствах восстановления текстов их можно прочесть.

Вторая книга — «Жемчуга» — с экзотичным рисунком Д. Н. Кардовского на обложке (леопарды, восточные красавицы) вышла в издательстве «Скорпион» в Москве в 1910 году с посвящением: «Моему учителю Валерию Брюсову». На титульном листе — надпись Гумилева:

«Анне Горенко
Кесарево кесарю
автор»

А ниже, слева — карандашная помета Ахматовой: «1910-ый год. Киев. Апрель». Видимо, тогда Гумилев подарил ей эту книгу.

Здесь записи Ахматовой более пространны, она не только датирует стихи и называет место их написания, но указывает их первую публикацию и местонахождение автографа. По-прежнему ею отмечены поэтические аналоги (Гомер, Блок, Бодлер, И. Анненский), указаны адресаты стихов, варианты отдельных строф, помечено, где читаны автором эти стихи.

Третья книга — «Чужое небо» (СПб.: Аполлон, 1912). Она переплетена позже: при обрезке верхнего поля пострадала дарственная надпись Гумилева. По остаткам букв можно угадать первые два слова верхней строки: «Анне Ахматовой». Ниже строки сохранились: «Здесь все то же, то же, что и прежде...»

«Был светел я взятый ею
И пивший ее отравы...»

«Как будто темное сердце
Алым горит огнем...»

Н. Гумилев»

Николай Степанович цитирует строки из стихов Ахматовой осени 1911 — весны 1912 года, намеренно заменяя во второй строке «он» на «я» («Здесь все то же...», «Любовь покоряет обманно...», «Похороны»). Лик любви отразился в двух поэтических зеркалах.

Помета Ахматовой на этом листе: «1912 после Италии». Видимо, после их совместной поездки в Италию была сделана эта надпись Гумилевым. На следующем листе уточнена дата издания: «1912, март», а далее: «1-ый экз. мы получили во Флоренции. 1912. А.»

Кроме этих трех книг с дарственными надписями Гумилева в архиве Ахматовой сохранились еще 8 его книг с ее пометами:

«Колчан» (М.; Пг.: Альциона, 1916).

«Романтические цветы» (СПб.: Прометей, 1918).

«Жемчуга» (СПб.: Прометей, 1918) — с пометой Ахматовой на авантитуле — «куплено 1 сент. 1924 в Александровском Рынке».

«Огненный столп» (СПб.: Petropolis, 1921). На авантитуле напечатано: «Экземпляр Анны Андреевны Ахматовой».

«Лик. Африканская поэма» (Пг.: Мысль, 1922).

«Фарфоровый павильон. Китайские стихи» (Пг.: Мысль, 1922).

«Тень от пальмы. Рассказы» (Пг.: Мысль, 1922).

«Стихотворения. Посмертный сборник» (Пг.: Мысль, 1923).

Сохранилась также книга стихов Т. Готье «Эмали и камеи» в переводе Гумилева с пометой Анны Андреевны: «Анна Ахматова. 13 ноября 1924. Спб.» и книга Т. Готье «Избранные стихи» в переводе Вс. Рождественского с вступительной статьей Н. С. Гумилева и с дарственной надписью переводчика: «Дорогой Анне Ахматовой с большой любовью и гордостью. Вс. Рождественский 1923. Начало весны. Петербург».

Из записных книжек Ахматовой известно, что после смерти Гумилева она собирала воспоминания о нем и, видимо, его книги, стремясь отыскать все издания, выверяла и комментировала тексты, устанавливала даты написания и первой публикации стихов. К этой работе Анна Андреевна возвращалась и в более поздние годы: на книгах пометы разного времени. Известно, что и в 1960-е годы Ахматова делала наброски воспоминаний о Гумилеве, комментировала его стихи (Записные книжки. Ф. 13, оп. 1, ед. хр. 110, 114).

Богатство материала ошеломляет. В публикации трудно отдать предпочтение какой-то одной теме: варианты стихотворений Гумилева? Датировка стихов? Поэтические аналоги? Адресаты лирических стихов? Или те крупницы воспоминаний Анны Андреевны, которые — в пометах на полях, в указаниях места и времени написания стихов, даже в подчеркиваниях ее проскальзывают? Они словно образуют тонкую цепочку следов ее памяти, прошедшей по их общему пути.

Я попыталась расположить эти пометы в хронологическом порядке событий.

Итак, 1905 год, Царское Село.

Пять коней подарил мне мой друг Люцифер...
И увидел там деву с печальным лицом...
Люцифер подарил мне шестого коня —
И Отчаянье было названье ему.

(Романтические цветы. 1918. С. 8 — 9)

Это — начало любви и страданий Гумилева. Они оба совсем юны, оба живут в Царском Селе. Ахматова комментирует это стихотворение: «1905 Ц[арское] С[ело]. Из поэмы «Сказка о королях»; напечат[ано] в «Пути

конквистадоров». И помечает его буквой «А» как связанное с нею.

Первая встреча юных Ахматовой и Гумилева была в 1903 году, в «рождественский сочельник», о ней вспоминала поэтесса в своих стихах:

В ремешках пенал и книги были,
Возвращалась я домой из школы.
Эти липы, видно, не забыли
Нашей встречи, мальчик мой веселый.

(Ахматова А. А. Соч.: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 68)

История раннего периода этой любви в духе романтической автобиографии Данте «Новая жизнь» отражена Гумилевым в трех новеллах «Радости земной любви», посвященных им Анне Андреевне Горенко (Тень от пальмы. С. 5 — 12). Ахматова указывает дату и место их создания — 1907 год, Париж. Текст новелл пестрит ее подчеркиваниями и пометами, свидетельствующими о реальной основе этой романтической истории.

«Я расскажу... о любви благородного Гвидо Кавальканти к стройной Примавере...» Вот первый поцелуй руки, когда Примавера сделала вид, что уронила кольцо: «И, когда он нагнулся, рука, тонкая, нежная, с бледно-голубыми жилками будто случайно скользнула по его лицу, но на миг задержалась у губ». Ахматова на полях помечает: «колечко с рубином». У Кавальканти появляется соперник, венецианец, сочиняющий бездарные стихи. Раздражение и ревность Кавальканти описываются очень живо: «сонет этого высокомерного глупца, где воспевалась ее красота в выражениях напыщенных и смешных». Ахматова помечает: «о глагольных рифмах». Видимо, у «венецианца» был реальный прототип.

Кавальканти решает «уехать навсегда в далекие страны или просто ударом стилета оборвать печальную нить своей жизни». Помета Ахматовой: «Пасха 1905». Видимо, дата объяснения между ними.

Гумилев действительно уезжает в 1906 году в «далекие страны», в Париж, для занятий в Сорбонне.

Маленький цикл стихотворений «Беатриче» (Жемчуга. 1910. С. 75 — 78). Первое из них Ахматова датирует осенью 1906 года, остальные — 1907 годом и помечает «А. А. Г.» (Анна Андреевна Горенко). У строфы:

Странная белая роза
В тихой вечерней прохладе,

Что это? Снова угроза
Или мольба о пощаде? —

она пишет: «Мое первое письмо осенью 1906 г. в Париж».

Стихотворение «Что ты видишь во взоре моем» (Романтические цветы. 1908. С. 11 — 12) Ахматова датирует 1907 годом и напротив строфы:

Только тот, кто с тобою, царица,
Только тот вспоминает о нем,
И его голубая гробница
В затуманенном взоре твоём... —

пишет: «на карточке в 1907 г. из Парижа».

Летом 1907 года, когда Анна Андреевна была в Севастополе, Гумилев приезжал к ней из Парижа и уговаривал уехать с ним...

Стихотворение «Царица иль, может быть, только печальный ребенок» в сборнике «Романтические цветы» (1918) так и называется «Отказ» (с. 23).

И голос хрустальный казался особенно звонок,
Когда он упрямо сказал роковое «не надо».

Ахматова помечает после этих строк в сборнике «Романтические цветы» (1908): «лето 1907, Севастополь», а в одноименном сборнике 1918 года: «1907 г., с дороги Константинополь — Марсель». Видимо, стихотворение было прислано в Севастополь возвращающимся в Париж поэтом.

Гумилев уезжает в свое первое путешествие в Африку (1907).

Впоследствии в стихотворении «Эзбекие» (Костер. СПб.: Гиперборей, 1918) он писал:

Как странно — ровно десять лет прошло
С тех пор, как я увидел Эзбекие,
Большой каирский сад, луною полной
Торжественно в тот вечер освещенный.

Я женщиною был тогда измучен,
И ни соленый, свежий ветер моря,
Ни грохот экзотических базаров,
Ничто меня утешить не могло.
О смерти я тогда молился Богу
И сам ее приблизить был готов.
Но этот сад, он был во всем подобен
Священным рощам молодого мира...

И, помню, я воскликнул: «Выше горя
И глубже смерти — жизнь!..»

Он возвратился в Париж, наверное, более сильным, обретшим в себе самом опору, а также то мужество и стойкость, которые были свойственны ему до конца жизни. Женщина не могла этого не почувствовать и не оценить.

Стихи его обрели другую поступь: «Сады души моей всегда узорны», «Озеро Чад», помеченные Ахматовой — «мне», уже иные по интонации.

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв,
Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф...

Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь кроме дождя.

(Романтические цветы. 1908. С. 47 — 53)

Эти мотивы свойственны и прозе Гумилева того времени. В новелле «Принцесса Зара» (Тень от пальмы. 1922. С. 13 — 19) мы легко узнаем прототип нарисованного им портрета: «Принцесса Зара, вся закутанная в шелка, сидела на низкой и широкой *тахте*. Казалось, не для любви, а для чего-то высшего были созданы ее неподвижные, точно из коралла вырезанные губы, слишком тонкий стан и прекрасные глаза с их загадочно-печальным взглядом...» (подчеркнуто Анной Андреевной). Так и видишь набросок портрета Ахматовой работы Модильяни.

В 1908 году в Париже выходит сборник стихотворений Гумилева «Романтические цветы», на котором мы уже прочли слово «невеста».

Стихи 1908 — 1909 года (по датировке Ахматовой), связанные с нею: «Рощи пальм и заросли алоэ», «Молитва», «Царица», «Семирамида», «Озера», «Это было не раз», «Ты помнишь дворец великанов» — полны глубокой страсти и непрерывного противоборства двух незаурядных личностей:

Это было не раз, это будет не раз
В нашей битве глухой и упорной:
Как всегда, от меня ты теперь отрекалась,
Завтра, знаю, вернешься покорной.

(Жемчуга. 1910. С. 70)

Множество маленьких деталей их жизни рассыпано на полях произведений этих лет.

Стихотворение «Старина»:

Вот парк с пустынными опушками,
Где сонных трав печальна зыбь...
(Жемчуга. 1918. С. 52)

Ахматова помечает: «(1909) первая поездка Н. С. в Слепнево» (тверское имение матери Гумилева, которое Ахматова очень полюбила и провела там летние месяцы 1911 — 1917 годов).

Стихотворение «Царица» расцвечено восточной экзотикой: пустыня Гоби, Тимур... но вот строфа:

Был вечер тих. Земля молчала,
Едва вздыхали цветники,
Да от зеленого канала
Взлетая, реляи жуки...
(Жемчуга. 1910. С. 19 — 20)

На полях — помета Ахматовой: «Ц[арское] С[ело]». Стихотворение «Ты помнишь дворец великанов»:

Как конь золотистый у башен,
Играя, вставал на дыбы,
И белый чепрак был украшен
Узорами тонкой резьбы.
Ты помнишь, у облачных впадин
С тобою нашли мы карниз,
Где звезды, как горсть виноградин,
Стремительно падали вниз?
(Жемчуга. 1918. С. 50 — 51)

У этих строф Анна Андреевна написала: «Шведская башня в Ц[арском] С[еле]», а позже в записных книжках вспоминала, что все это они действительно видели — вдвоем.

Стихи «Путешествие в Китай» (Жемчуга. 1918. С. 42 — 43) снабжены пометой: «Читал мне в Киеве осенью 09 г.». И еще множество маленьких черточек их жизни сохранили эти карандашные пометы на полях книг.

В апреле 1910 года состоялась их свадьба, а потом — путешествие в Париж. Наступает недолгое время гармонии.

Тебе, подруга, эту песнь отдам,
Я веровал всегда твоим стопам,
Когда вела ты, нежа и карая,
Ты знала все, ты знала, что и нам
Блеснет сиянье розового рая.

(Баллада // Чужое небо. С. 44 — 45)

Ахматова помечает это стихотворение: «10 г. Киев. Весна (17 — 24 апреля)».

Но уже осенью 1910 года появляются и другие мотивы в стихах Гумилева:

Я узнал, узнал, что такое страх,
Погребенный здесь в четырех стенах...

Даже блеск ручья, даже плеск волны
Эту цепь порвать ныне не вольны...
И тая в глазах злое торжество,
Женщина в углу слушала его.

(У каминя // Там же. С. 50 — 51)

Ахматова пишет: «Прислано с дороги в Африку зимой 1910». Это было большое путешествие Гумилева в Абиссинию.

Стихи Гумилева 1911 — 1912 годов, посвященные жене, дышат то разладом, смятением, то глубокой душевной близостью: «Тот, другой», «Вечное», «Она», «Из логова змиева», «Укротитель зверей», «Отравленный», «Возвращение».

Я жду, исполненный укором:
Но не веселую жену
Для задушевных разговоров
О том, что было в старину...

Я жду товарища, от Бога
В веках дарованного мне...
(Тот, другой // Там же. С. 16)

Знай, я больше не буду жестоким,
Будь счастливой, с кем хочешь, хоть с ним,
Я уеду далеким, далеким,
Я не буду печальным и злым.

(Отравленный // Там же. С. 48 — 49)

Строки эти подчеркнуты Ахматовой, а стихотворение датировано: «1911 г. Весна. Бульварная?» (улица в Царском Селе, где был их общий дом).

Ощущение трагического неблагополучия, боли, утраты живет в произведениях Гумилева этих лет. В поэме

«Блудный сын» (там же, с. 81 — 84) Ахматова двумя вертикальными чертами отмечает строки — беспощадный автопортрет Гумилева:

Ты, Цинна, смеешься? Не правда ль, потешен
Тот раб косоглазый и с черепом узким?

1912 год. Совместная поездка в Италию. Быть может, попытка скрепить разрушающийся брак? Неудавшаяся попытка.

Стихотворение «Возвращение» (Колчан. С. 33 — 34), посвященное Анне Ахматовой. В нем путь в неизвестность и разлука, рок и сон:

Когда ж мы достигли стены Китая,
Мой спутник сказал мне: «Теперь прощай.
Нам разны дороги: твои — святая,
А мне, мне сеять мой рис и чай».

Она поясняет: «Сон в Италии... Прислал мне в письме летом 1912 г. в Липки из Слепнева». (Липки — имение тетки Ахматовой И. Э. Змунчила в Подольской губернии, где Анна Андреевна гостила, вернувшись из Италии.)

Но вот строки, где сказано все, без обиняков и иносказаний. Стихотворение рубежа, итога: «Пятистопные ямбы» (Колчан. С. 23 — 26):

Сказала ты, задумчивая, строго:
— Я верила, любила слишком много,
Я уйду, не веря, не любя,

И пред лицом Всевидящего Бога,
Быть может, самое себя губя,
Навек я отрекаюсь от тебя. —

Ахматова помечает: «1912, Ц[арское] С[ело]» и подчеркивает эту дату, дату свершившегося разрыва.

В 1913 году Гумилев уезжает в свое третье африканское путешествие. С дороги посылает письмо, повторяя свои прежние стихи:

Но что мне розовых харит
Неисчислимыя услады?
Над морем встал хрустальный щит
Богини воинов Паллады.

(Возвращение Одиссея // Жемчуга. 1910. С. 54)

«Цитирует в письме ко мне 1913. Ахм.» — помета на сб. «Жемчуга» (1910); «Прислал в письме в Киев», — помета на сб. «Жемчуга» (1918. С. 77).

События 1914 года Гумилев встретил как призыв под знамена Отечества. Его не испугали кровь, бедствия и грязь войны. Он ушел на фронт добровольцем.

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня,
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.

(Наступление // Колчан. С. 55 — 56)

Ахматова комментирует: «1914. Осень. Восточн[ая] Пруссия: Прислал с фронта. Первое стихотворение о войне».

Мне вдруг почудилось, что нем,
Изранен, наг, лежу я в чаше,
И стал я плакать надо всем
Слезами радости кипящей.

(Счастье // Там же. С. 67 — 68)

Анна Андреевна помечает: «1915, СПб., Лазарет. Весна». По воспоминаниям и письмам современников в конце 1914 — начале 1915 года Гумилев лечился в госпитале после контузии. Это подтверждает и следующая помета.

Но тому, о Господи, и силы
И победы царский час даруй,
Кто поверженному скажет: — Милый,
Вот, прими мой братский поцелуй!

(Война // Там же. С. 9 — 10)

Ахматова пишет: «...Прислал с фронта 15. Я читала на вечере в Гор[одской] Думе при Н. С. в янв., февр. 1915».

Война для Гумилева — ниспосланное испытание и подвиг во имя душевного обновления. Ахматова помечает: «религиозное возрождение» у следующих строк из «Пятистопных ямбов»:

И счастьем душа обожжена
С тех самых пор; веселием полна
И ясностью, и мудростью, о Боге
Со звездами беседует она.

(Там же, с. 23 — 26)

Военная судьба привела Гумилева на западный фронт, он добирался до Парижа, затем направляется в Лондон,

хочет участвовать в боях на месопотамском фронте. В мае 1918 года, когда стало ясно, что это не удастся осуществить, он возвращается в Петроград. В этом же году, осенью, состоялся развод его с Ахматовой. Но они встречались не однажды. На полях стихотворения «Три мертвеца» (Стихотворения. С. 95 — 98) помета: «1917-18, Париж. Читал первый раз, вернувшись из-за границы перед Пасхой 1918».

Пометы Ахматовой на стихотворениях 1919 — 1921 годов («Мой час», «Память», «Слово», «Заблудившийся трамвай») словно высвечивают ноты трагической обреченности поэта.

Оставьте завтрашнюю тьму
Мне также встретить одному.

Эти строки стихотворения «Мой час» отчеркнуты ею вертикальной чертой (Стихотворения. С. 42 — 43).

Стихотворение «Заблудившийся трамвай» (Огненный столп. С. 36 — 38) датировано Ахматовой июнем 1920 года, а напротив строки: «Где же теперь твой голос и тело» помечено справа «Ахм.». Это почти прямая цитата из ее стихотворения «Умирая, томлюсь о бессмертии» (1912):

А люди придут и зарюют
Мое тело и голос мой...

Высказывались предположения, что обращение поэта к невесте «Машеньке» в этом стихотворении — отзвук его давней любви к рано умершей М. А. Кузьминой-Караваевой, но вполне обоснованным кажется и предположение, что в этих строках — зашифрованное обращение поэта к его первой жене.

Одно из последних стихотворений Гумилева «Мои читатели» (Огненный столп. С. 58 — 60). Анна Андреевна его комментирует: «1921 (добавлено в корректуре)». Вертикальной чертой отмечены ею строки:

И когда женщина с прекрасным лицом,
Единственно дорогим во вселенной,
Скажет: я не люблю вас —

Я учу их, как улыбнуться
И уйти, и не возвращаться больше.

Так отмечала она строки, в которых улавливала ноты, к ней относящиеся.

«Сероглазый король» ее стихов не возвратился. 1921 год был для Николая Степановича последним. Но Ахматова всю оставшуюся жизнь памятью возвращалась к нему. Тому свидетелями заметки на полях бережно хранимых книг, собранных ею в предчувствии его грядущей славы. Она писала: «Гумилев — поэт еще не прочитанный и человек еще непознанный». (Записная книжка. 1965 г. Ф. 13, оп. 1, ед. хр. 114, л. 37.)

И вот время его прочтения и признания пришло.

ДНИ НАПРЯЖЕННОЙ ТРЕВОГИ

(Из дневника Л. Ю. Бердяевой. 1939 — 1945)

Публикация Е. В. Бронниковой

Имя, личность Лидии Юдифовны Бердяевой (урожденной Трушевой, по первому мужу Рапп; 1874 — 1945), женщины неординарной, всю жизнь страстно искавшей свой Путь и предназначение, несколько теряется на фоне ее мужа, всемирно известного философа Николая Александровича Бердяева.

Лидия Юдифовна и Николай Александрович прожили вместе более 40 лет. «Мы должна создать для себя необыденный мир, наше собственное царство», — писал в 1904 году своей будущей жене Н. А. Бердяев¹. Удалось ли им это? Ответить на вопрос помогает публикуемая часть дневника Л. Ю. Бердяевой, день за днем, год за годом запечатлевшего повседневную жизнь в «необыденном мире».

Л. Ю. Бердяева, воспитанная вместе с сестрой Евгенией (1875 — 1960) бонной-немкой и гувернанткой-француженкой, образование завершила в пансионе благородных девиц². В 16 лет, находясь под влиянием идей народного просвещения, Лидия написала Л. Н. Толстому: «Что делать, куда приложить свои силы, жажду деятельности, по какой дороге пойти, чтобы выйти на истинный путь?» — «Не советую вообще искать средства делать добро. — Прежде всего надо искать средств перестать делать зло, кот[орым] полна наша жизнь», — ответил ей великий писатель³. По воспоминаниям сестры, Л. Ю. Бердяева «с детства была очень религиозна, и ее вера сохранялась даже тогда, когда она начала принимать участие в революционной деятельности»⁴. В 1898 — 1904 годах сестры Трушевы принимали участие в работе харьковских революционных кружков, занимаясь культурно-просветительной работой — устраивали библиотеки и школы для рабочих. Дважды они были арестованы. В 1904-м хлопотами матери ссылку в Сибирь им заменили переездом в один из городов России. Так судьба привела сестер в Киев, где они познакомились с Н. А. Бердяевым. Эту встречу подарил им С. Н. Булгаков: «Непре-

менно познакомлю вас с молодым философом Бердяевым. У него такие же литературные вкусы, как и [у] вас: Белого, Блока, живопись — не передвижников, как я, а *avant garde* во всех областях...»⁵ Знакомство состоялось 19 февраля 1904 года на банкете в честь годовщины освобождения крестьян. Осенью Лидия Юдифовна и Николай Александрович стали мужем и женой.

Н. А. Бердяев писал, что его жена «по натуре была душа религиозная, но прошедшая через революционность, что особенно ценно. У нее образовалась глубина и твердая религиозная вера, которая не раз поддерживала меня в жизни. Она была человек необыкновенной духовности»⁶. Духовные пути четы Бердяевых на некоторое время разошлись, когда летом 1917-го Лидия Юдифовна перешла в католичество, став католичкой, ортодоксальной и фанатичной. «Я жадно искала и обрела мой дом, родину мою... — писала она другу семьи Евгении Казимировне Герцык. — Я стала католичкой, обрела в католичестве Путь, Истину и жизнь, по которым так томилась моя душа»⁷.

Она разделила судьбу мужа и осенью 1922 года покинула пределы России. Недолго прожив в Берлине, Бердяевы с лета 1924-го обосновались во Франции, которая стала им второй родиной. Они поселились в Клараре, рабочем пригороде Парижа. Сначала снимали квартиру, а в 1938 году переехали в собственный дом, полученный в наследство от друга семьи — англичанки Флоранс Вест. «Бердяев стал... домовладельцем» — в среде русской эмиграции это было воспринято как парадокс⁸. По отзыву Б. П. Вышеславцева, у Бердяевых был милый помещичий дом, «Ясная Поляна», где живет русский барин, боящийся сквозняков, любящий заниматься философией и решивший стать «пророком» и достигший успехов на этом поприще»⁹. Лидия Юдифовна занимала особое положение в семье, и создание такого, по-русски уютного, дома скорее всего заслуга ее сестры Евгении Юдифовны, жившей вместе с Бердяевыми с 1914 года. Л. Ю. Бердяева признавалась мужу: «Мне всегда был чужд и даже ненавистен всякий быт, а особенно семейственный. Я всегда чувствовала себя как бы вне его, над ним. И атмосфера семьи, связывающая, контролирующая, опекающая, хотя бы и любовно — мне неприятна. Я какой-то *духовный пролетарий*. Нет у меня потребности в родине, в семье, в быте... Я очень люблю и ценю души человеческие, отдельные, самые противополож-

ные. Но все коллективное — не мое. Ты скажешь, а Церковь? В Церкви все преображается в Христе. Но вне Христа всякий коллектив есть рабство в большей или меньшей степени»¹⁰.

В конце 1920-х по субботам в доме Бердяевых проходили известные интерконфессиональные собрания, а по воскресеньям, начиная с 1928 года, — журфиксы — традиционные собеседования-чаепития, как в Москве и Берлине. Е. А. Извольской, принимавшей участие в таких встречах, они напомнили «домашние собрания» где-нибудь в самом сердце России: «Мы сидели вокруг широкого стола в столовой, из которой открывался вид на липовую аллею, которая в пору цветения наполняла сад своим сладким ароматом. Забывалось некрасивое пригородное здание и фабричный дым по ту сторону садовой ограды... Казалось, вот-вот увидишь бесконечные хлебные русские поля, вместе с их спелыми стеблями, колышущимися от ветра... На стол подавались разнообразные домашнего приготовления пирожные и пироги, поскольку жена Бердяева и его свояченица обе были искусные домашние хозяйки, делившие свой досуг между философскими размышлениями и тайнами кулинарии. Чайные чашки были особенно большой величины, и все мы наполняли их по нескольку раз, ведя при этом оживленный разговор»¹¹.

Все члены семьи Бердяева, в том числе и Лидия Юдифовна, остро переживали разлуку с родиной и неоднократно возвращались к событиям, связанным с отъездом из России. «Задаю сестре вопрос: веришь ли ты, что мы когда-нибудь вернемся в Россию? — записывала в дневнике Л. Ю. Бердяева 24 ноября 1934 года. — Она печально: нет, не верю. Но я так живо помню, как ровно за 2 недели до высылки мы, сидя на балконе деревенской дачи (в Барвихе), говорили М. Осоргину: «Вы, быть может, еще и попадете за границу, а мы, конечно, никогда!» А через месяц после этого разговора нам объявили приговор (на 3 года — sic!). Кто знает? Не повторится ли нечто подобное опять?»¹²

Живя во Франции, Л. Ю. Бердяева стала деятельной участницей русского католического движения, занималась благотворительной деятельностью, помогала в работе мужу, правила корректуру его статей и книг, присутствовала на заседаниях Религиозно-Философской академии, одно время устраивала в своем доме кружок по изучению текстов Священного Писания.

Лидия Юдифовна писала стихи, высоко оценивавшие себя в 1910-е годы Вяч. И. Ивановым и М. О. Гершензонем. Николай Александрович признавал у жены несомненный поэтический дар, считал, что его нужно всемерно развивать. Однако она своих стихов почти не печатала и предъявляла к ним чрезвычайно высокие требования, считая «все среднее в искусстве ненужным и даже вредным»¹³. В архиве Н. А. Бердяева сохранилась тетрадь со стихами жены разных лет. Предлагаем читателям два стихотворения, написанные в то же время, что и публикуемая часть ее дневника.

Сон

Мне снилась русская зима,
Сугробы снега в переулках,
Полозьев хруст морозно-гулкий,
Москва, укутанная в снег.

И я иду и вспоминаю
Былые зимы, былые дни,
А хлопья снега завивают
Мои шаги...

Вот Кремль! Вот башни вековые,
Часовни Иверской уж нет...
Но золотом развалины сияют.
Вся в золотом снегу
Иду и вижу:
Косматая клячонка, сани.
Ванька в шапке меховой
Кнутом мне машет:
«Барыня! А, барыня!
Садись! Куда велишь?»

Куда — пока в Париж!
Сентябрь 1939

Парижу 1940 года

Под саваном черным,
Труп посиневший,
Труп охладевший.

Ни звона печального,
Ни служб погребальных,
Ни слез прощальных.

Ты умер иль спишь?
О! Сын свободы,

В июле 1940 года, после оккупации немцами Парижа, семья Бердяевых вместе с К. В. Мочульским ненадолго переехали в местечко Пила под Аркашоном на побережье Бискайского залива. «Мы не хотели быть под немцами. Но это была иллюзия, — писал Бердяев. — В Pila, через несколько дней после нашего приезда, оказалось гораздо больше немецких войск, чем в Париже»¹⁵. Бердяевы возвратились в свой кламарский дом. Они вели жизнь более уединенную, чем прежде. Многие из друзей и знакомых уехали из Франции (Е. А. Извольская, Е. Н. и Г. П. Федотовы и др.), другие оказались в немецком концентрационном лагере (мать Мария, отец Дмитрий Клепинин, И. И. Фондаминский). Во время немецкой оккупации Н. А. Бердяев почти нигде не выступал с публичными докладами и лекциями, посвятив это время «сосредоточенному философскому творчеству»¹⁶. 1940-е годы были чрезвычайно тяжелыми для них: нехватка топлива и продовольствия, болезни, серьезная операция, перенесенная Николаем Александровичем в 1942-м, преклонный возраст.

В 1945 году Л. Ю. Бердяева тяжело заболела и перед смертью, по словам мужа, приблизилась к святости¹⁷. «В конце сентября¹⁸ скончалась Лидия Юдифовна, — писал Н. А. Бердяев Е. А. Извольской. — Болезнь ее была мучительна, и она замечательно ее переносила. Но смерть не была тяжелой, была очень просветленной, ее духовное состояние было очень высоким. Я никогда не встречал такой силы веры, как у нее. Смерть — безумная вещь, с ней трудно примириться, но в ней есть и светлость, есть откровение любви, затемненной обыденной жизнью»¹⁹.

Дневник Л. Ю. Бердяева начала вести 20 октября 1934 года, последняя запись была сделана в январе 1945-го. В архиве Н. А. Бердяева сохранились все шесть тетрадей с дневниковыми записями жены²⁰. По-видимому, дневник в будущем предназначался для публикации, поскольку в нем имеются следы редакционной правки, исправлены некоторые неточности, вычеркнуты отдельные фрагменты текста и т. п. Дневник написан по старой орфографии.

Публикуемая часть дневника (ф. 1496, оп. 1, ед. хр. 946 — 947) воспроизводится максимально точно, с ука-

занием в квадратных скобках зачеркнутых слов. Исправлены только явные описки и приведена в соответствие с современными нормами пунктуация.

Примечания

- ¹ Память. Исторический Альманах. Вып. 4. Париж, 1981. С. 223.
- ² Вагимов А. Жизнь Бердяева: Россия. Oakland, 1993. С. 66 — 67.
- ³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 65. М., 1953. С. 169 — 170.
- ⁴ Вагимов А. Указ. соч. С. 67.
- ⁵ Там же. С. 68.
- ⁶ Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1990. С. 127.
- ⁷ РГАЛИ, ф. 1496, оп. 1, ед. хр. 408, л. 13 об.
- ⁸ Новый журнал. Нью-Йорк, 1949. № 22. С. 154.
- ⁹ РГАЛИ, ф. 1496, оп. 1, ед. хр. 408, л. 13 об.
- ¹⁰ Там же, ед. хр. 339, л. 68.
- ¹¹ *Iswolsky H.* Light before dusk. A Russian Catholic in France. 1923 — 1941. N. Y.; Toronto, 1942. P. 88.
- ¹² РГАЛИ, ф. 1496, оп. 1, ед. хр. 942, л. 53 об. — 54.
- ¹³ Там же, ед. хр. 941, л. 15 об. — 16.
- ¹⁴ Там же, ед. хр. 941, л. 18, 19.
- ¹⁵ Бердяев Н. А. Самопознание. С. 315.
- ¹⁶ Там же, с. 317.
- ¹⁷ Там же, с. 127.
- ¹⁸ В газетном некрологе указана другая дата смерти Л. Ю. Бердяевой — 1 октября (Советский патриот. Париж, 1945. 5 окт. № 40).
- ¹⁹ Новый журнал. Нью-Йорк, 1969. № 95. С. 220.
- ²⁰ РГАЛИ, ф. 1496, оп. 1, ед. хр. 942 — 947.

[1939]

Май

6. Суббота. День Св. Иоанна Ев[ангелиста — ?]

Записи мои я прекратила в апреле 37-го года, т. е. 2 года тому назад... Недавно перечитала все записанное, и вновь явилось желание продолжать. Почувствовала значение *воскрешать* в этих записях прошлое. Это *воскресение* может иметь значение для будущего в смысле проверки пути, которым идешь сама и все те, кто с тобой, вокруг тебя, твои спутники...

Вкратце постараюсь сказать то самое существенное, что произошло за эти два года. Внешне жизнь наша изменилась в том, что теперь вот уже год, как мы живем в собственном доме, завещанном нам покойным другом нашим Флоранс¹. Как бы предчувствуя свою смерть, она оставила завещание. Большое состояние, полученное ею от мужа, она распределила между родными, на благотвор[ительные] цели и среди друзей. Для нас это завещание было поистине выходом из критического положения. В июне прошлого года мы должны были оставить квартиру, где жили 10 лет, т. к. не могли бы платить за нее из-за повышения цен и вздорожания жизни. И вот именно в это время мы получили этот дом, куда и переехали летом прошлого года. Дом очень уютный, с небольшим садом, большими каштанами. Нравится он мне тем, что напоминает старинную русскую усадьбу. Как только мы переехали, я тотчас же повесила в столовой портрет нашей дорогой Флоранс, желая, чтоб она всегда невидимо присутствовала в доме, всегда была с нами...

Отмечаю сегодня разговор с Ни² по поводу его отношения к рус[ской] эмиграции.

«Ты знаешь, когда нас выслали за границу, у меня было твердое решение никогда не иметь сношения с рус[ской] эмиграцией. И вот по приезде в Берлин первое же столкновение... Ты помнишь, вечером пришел к нам Струве³ с своими единомышленниками, и у нас воз-

ник спор, окончившийся чуть ли не скандалом...⁴ Отношения были порваны. Вскоре после этой встречи Струве написал в «Возрождении»⁵ статьи, где обливал меня грязью...⁶

Затем история с Карташевым⁷, кот[орый] в одном публичном собрании в Париже^{*} заявил, что все мы, высланные из России, не *высланы*, а *подосланы* с целью разложения эмиграции».

«Неужели это сказал Карташев? — спрашиваю я. — Я была лучшего о нем мнения».

«Да, Карташев. И когда я позже встретил его на одном съезде, то подошел и спросил: как мог он сказать такую вещь? Он явно смутился и замая разговор...»

Дальше Мережковский⁸ в ряде статей поносил меня, называл большевиком... Как видишь, я имел основания избегать общения с русскими. И нужно сказать, что всякое общение с ними мне труднее, чем с иностранцами. Они интересуются идеями, а русские здесь сводят счеты между собой».

Несмотря на нездоровье и сильное переутомление Ни сегодня идет на собрание у Gabriel Marcel'я⁹, где доклад Минковского по психологии¹⁰...

За обедом разговор: «Многие наслаждаются сознанием своей принадлежности к «умственной элите». А меня это сознание мучит. Вся эта «элита» — навоз! А она претендует решать мировые вопросы, судьбы мира».

Вообще я с горечью замечая, что во мне все увеличивается скептицизм. Я всюду вижу все отрицательное. Правда, во мне всегда это было и раньше, но не в такой степени».

7 Мая. Воскр.

Была в церкви на обедне в Gr...¹¹. Погода сырая, и мне трудно ходить, хромаю. В сентябре я заболела ишиасом в сильной форме. 2 месяца лежала, и до сих пор в сырую погоду нога очень болит. В нашем приходе (Св. Иосифа) священник (кюре) — нового типа. Лично я его не знаю, но он был у Ни и предлагал ему читать доклад в приходе. На заявление Ни, что он не католик, кюре сказал, что это не имеет значения — Христос один и у

* Вместо зачеркнутого: Берлине.

кат[оликов] и у православных. Затем вел беседу с Ни о его книгах и принес отзыв одного кат[олического] журнала о книге Ни о коммунизме...¹² Произвел впечатление человека культурного и непохожего на столь обычный тип приходских патеров. Жаловался на низкий уровень интересов своих прихожан. Мне это приятно было узнать.

Все это время Ни чувствует себя плохо. Жалуется на тяжесть в голове. Результат зимнего переутомления. Ему делают впрыскивания. Ежедневно приходит одна наша милая знакомая m-me Татаринова. Я очень с ней сблизилась. Удивительный тип русской женщины, несущей трагическую судьбу, но так легко и просветленно. Ее первый муж расстрелян большевиками. Второй муж теперь шофер уже 15 лет. Живут в большой нужде, но никогда ни жалоб, ни протеста. Оба очень религиозны. Она очень ко мне привязалась, и мы часто говорим на самые глубокие темы...

Вчера Ни сказал мне, что о. Булгаков находится сейчас в очень подавленном состоянии. Ему сделали страшную операцию горла (у него рак)¹³. Операция прошла удачно (резали 3 часа без наркоза!). Но теперь он не будет больше говорить. Говорят, что до операции о. Булгаков переживал близость смерти экстатически, был уверен, что умрет, и радовался этому, но теперь у него реакция, упадок духа. Я так хорошо это понимаю. Когда душа открывается миру иному, то возврат к этому миру должен переживаться особенно трагично!

Вечером у нас Е. Н. Федотова¹⁴. История с угрозой исключения ее мужа из Богос[ловского] Института¹⁵ все еще не окончена. Е. Н. говорит об этом с негодованием (Г. П. Федотов¹⁶ теперь в Англии, и все это возмутительное дело происходит в его отсутствие). Ни написал резкую статью об этом деле¹⁷. Она будет напечатана в «Пути»¹⁸.

Был еще П. К. Иванов¹⁹. Читал нам главу своей книги — о Лурде (к главе святыне кат[олической] церкви)²⁰. Очень хорошо.

8 Мая. Понед.

Был доктор А. С. Хозацкий, высланный из Берлина как еврей. Его положение очень тяжелое: нет средств и трудно здесь устроиться. Хочет ехать в Америку. Это

очень симпатичный, серьезный человек, очень культурный, знающий врач. Мы знакомы с ним уже 20 лет, еще в России. Он интересуется рел[игиозными] вопросами, особенно тем течением среди евреев, кот[орое] признает Христа Мессией, но не входит в Церковь. Мне он говорит, что получил чисто научное образование и ему трудно поверить в Таинства Церкви, в реальность их. Для него это лишь символы. Я пыталась доказать ему, что таинства не символы, но доказывать такие вещи нельзя. Нужна вера, и я знаю, что тот, кто ищет, кто стучит, тот этот дар получит. Думаю, что А. С. поверит, т. к. это человек, подлинно жаждущий и ищущий истины.

Вслед за Хозацким пришел доктор С. А. Ильницкий²¹, а за ним m-eur Monbrison²² и княгиня Irène de Russie...²³ Я вошла в кухню и говорю нашей милой Marie — прислуга-испанка (ее взяли ухаживать за мамой, кот[орая] уже не встает с постели). Говорю Marie: «Savez-vous, je suis très fatiguée. Tant de visites!»* А она мне: «Oh, madame, c'est un si bon signe! On voit, que tout le monde vous aime!»

Эта Marie — милейшее существо несмотря на многие ее недостатки как прислуги. Очень религиозна и жаждет религиозной пищи. Забирает у меня все книги рел[игиозного] содержания и читает, хотя сама малограмотна. Выбирает среди книг: St. Gean de la Croix²⁴, Leon Bloy²⁵, Maritain'a²⁶ и т. д. От природы умна, но не училась даже в начальной школе, т. к. всю жизнь была в большой бедности... К нам привязалась и очень ценит то, что у нас «ce n'est pas comme chez les autres. C'est une vie plus spirituelle»^{***}.

9 Мая (втор.)

«В мире не было никогда настоящей революции. Были лишь переодевания, приспособления к ней. Подлинная революция есть революция сознания, переоценка всех ценностей», — говорит Ни сегодня за завтраком, и на эту тему мы говорим.

* «Знаете, я очень устала. Так много гостей!» (фр.)

** «О, мадам, это хороший знак! Видно, что все вас любят!» (фр.)

*** «Не так, как у других. Это жизнь более духовная» (фр.).

10 Мая, среда

Как буря ворвалась утром Генриетта Паскаль-Либерман²⁷. Знаем ее еще из Москвы. Натура артистически-богемная, но в сущности человек очень добрый, отзывчивый... Мечтает создать здесь свой театр, но пока безуспешно... К завтраку, как всегда по средам, приходит о. Стефан²⁸, всегда тихий, печальный. Трудно ему. Его приходская работа, видимо, его тяготит. Хотел бы уйти в монастырь, но старцы велят оставаться... По этому поводу говорим с сестрой о том, какая страшная вещь отдание своей воли другим. Человек должен сам отвечать за избираемый им путь. Бог никого не насилует. Бог есть любовь и свобода, а не рабство...

У Ни какой-то новозеландец.

Перечитываю роман Грина²⁹. Очень люблю этого писателя — суровая простота и глубина.

Новозеландец произвел очень хорошее впечатление на Ни. Похож на рус[ского] интеллигента. Много рассказывал о Новозеландии. Там теперь социалист[ическое] правительство, страна богатая, культурных людей немного, но общий уровень образования высокий, нет безграмотных, нет нищих. Книги Ни очень знают и еще книги Барта³⁰, и есть разделение: почитатели Ни и почитатели Барта.

Четверг, 11 Мая

Ни завален корректурами его новой книги «О рабстве и свободе человека (опыт персоналист[ической] философии)».

За завтраком говорили о Ленине, и Ни сказал, что находит сходство между Лениным, митрополит[ом] Антонием³¹ (Карловацкий, крайне правый) и Л. Толстым. «Это тот же тип... Грубость, простота, нигилизм».

Сегодня первый теплый день, но весной не пахнет. Каштаны (вокруг нашего дома огромные) уже зажгли свои восковые свечи и тянут в мое окно широкие лапы.

Пятница, 12 Мая

Холод, дождь с градом... Утром получили из Америки от Сорина (художника?)³² на имя Ни 25 дол[ларов] для Эли³³. Ни и Франк собирают для нее деньги для лечения, т. к. в последнее время она болеет и, быть может,

Вместо зачеркнутого: упрощенность мысли, фанатизм.

нужна будет операция. Стараемся поддержать ее дело: сближение евр[еев] и христиан (Foyer judéo-chrétien, кот[орый] суц[уществует] уже 2 года. На днях об этом Foyer была очень хвалебная статья в «Esprit»³⁴. Но до сих пор дело ведется каким-то чудом. Эли живет в нищете, на подаяния, а дело требует затрат на квартиру, на корресп[онденцию], повестки...

Только что прочла фельетон З. Гиппиус в «Пос[ледних] Нов[остях]»³⁵ — «Магия стихов». Поразила фраза ее: «Вдохновение есть всегда нечто подозрительное»!³⁶ Но что же такое сама поэзия, как не вдохновение? И это пишет женщина-поэт. Правда, в стихах Гиппиус есть все, кроме вдохновения, а значит, и поэзии. Она пишет о «магии» стихов, но что же делает стихи «магическими», как не вдохновение. Мне кажется, что пишущих стихи можно разделить на две категории: поэтов и стихотворцев. Гиппиус — не поэт, а талантливый стихотворец.

13 Мая

Сегодня думала о том, как хорошо, что моя сестра разделяет с нами трудную жизнь в изгнании. В ее природе есть много качеств, кот[орых] — увы! — нет у меня. Несмотря на слабое здоровье, она очень заботлива, любит ухаживать за больными, очень общительна и приветлива с людьми. Кроме того, и в практических делах обнаруживает большое умение, несмотря на то что по своей натуре она человек мало склонный к делам мира сего. И основной интерес ее — это жизнь духа, искусство, природа. В беседах, кот[орые] происходят у нас, она всегда говорит что-то «свое» и горячо отстаивает свою мысль. Она часто дает направление беседе, дает тему, и это очень ценно.

Я же в делах очень неумела, растеряна. В общих разговорах бесполезна, т. к. больше слушаю, говорю мало.

Воскр. 14 Мая

К 5 ч. у нас: Фондаминский³⁷, Мочульский³⁸, М. А. Калаш³⁹, [Цебриков⁴⁰ с женой], мать Мария⁴¹, Пьянов⁴², Горяева, Бернер⁴³. За чаем спор Ни с М. А. Калаш. Начался с критики Достоевского (Калаш) и перешел на христианство, Церковь... Ни, возражая Калаш,

* Еврейско-христианский центр (фр.).

очень горячился, волновался, и я с грустью заметила, как трудно ему теперь спорить, как тяжело отзывается на нем всякое возбуждение...

К ужину остались: К. В. Мочульский и мать Мария. Ни, видимо, очень устал и не участвовал в разговоре.

Понед. 15 Мая

Холод, дождь. Но я должна была ехать в Париж, навестить Марию С.⁴⁴ С ней очень важный разговор. Я все еще ее изучаю и наблюдаю, но многое мне близко. О ней вообще нужно написать отдельно, о встрече с ней, о нашем общении в течение этих почти двух лет... В этот дневник — не вместить.

Втор. 16 Мая

Угрюмо-холодно. С утра я корректирую статьи «Пути». Ни в 4 ч. уезжает на собрание, где будет Граматка (чехо-словак). У меня с сестрой за чаем спор, интересный спор. Не окончили... Будем продолжать. Прочла в газете нечто удивительное. В отчете о детях рус[ской] эмиграции пишут: девицу 18 лет спросили: «Кто сочинил Евангелие?» Она ответила: «Митрополит Евлогий»⁴⁵. Мальчика 15 лет просили назвать русского писателя. Он ответил: «Я знаю одного: Гоголь-Моголя!» Что же останется здесь от русской культуры?

Среда, 17 Мая

Весь день провела с Эли Беленсон. Она уже оправилась от болезни и приехала к нам: Я показала ей заметку в журнале «Esprit», где пишут о ее «Foyer judéo-chrétien» с большой симпатией. Дело, кот[орому] она себя посвятила, развивается... Много говорили с ней и очень углубленно каждая о своем духовном пути и опыте...

Вечером слушали чудесный концерт. Симфонии Бетховена; дирижировал А. Тосканини⁴⁶; переданный по радио из Англии.

18 Мая, чет. «Вознесение»

Холод продолжается, и утром не была в церкви из-за моей больной ноги.

Ни получил от адвоката отказ защищать Марию, хлопотать о выдаче ей права на жительство во Франции. Не представляю себе, что она будет делать, но верю, что если воля Бога — остаться ей здесь, то Он Сам это делает...

Неожиданное появление гостей около 5 ч: С. И. Метальников⁴⁷, m-me Montandont, С. Либерман⁴⁸ с букетом чудных тюльпанов. Разговор о войне: будет или нет. С. И. Мет[альников] уверяет, что ни Германия, ни Италия воевать не могут. Это было бы с их стороны безумием... Но, думаю я, разве все, что происходит теперь в мире, не есть безумие?

Вечером читаем «Новь» Тургенева. До чего плохо! Люди, особенно революционеры, — это плохая карикатура. Так очевидно, что Т. писал из головы, совершенно не зная ни этих людей, ни России того времени.

Воск. 21 Мая

К чаю у нас собрание людей, которое я назвала «интернационал». Двое голландцы: редактор кат[олического] издат[ельства] Desclée — Van der Meer⁴⁹ с женой, двое испанцы — проф[ессор] Барсел[онского] унив[ерситета] Xirau⁵⁰ с женой, одна американка — m-me Andersen⁵¹, двое рус[ских] евреев — д[октор] Хозацкий с женой. Очень оживленно.

21 — 25 Мая

Ни, бедный, опять нездоров. Его вечный трахеит, сильный кашель, не дающий сна.

26 Мая

Еду навестить «затворницу Марию». Интересный разговор с ней о духовном пути. Очень чувствую в ней ее бывший коммунизм с его «максимализмом». Она вносит его и в христианство. В споре участвует мать Мария (прав[ославная]), но она на моей стороне.

26 Мая

Взрыв бомбы! Появление в «Пути» статьи Ни «Существует ли свобода мысли и совести в православии?». Первая реакция на эту статью: письмо от проф[ессора] Богос[ловского] Инст[итута] Зеньковского⁵². Он считает себя оскорбленным (??) и выходит из состава сотрудников «Пути». Чем он оскорблен? Статья написана сильно, ярко, взволнованно, но оскорбительного в ней нет ничего. И я думаю: не лучше ли было бы вместо «оскорбления» написать ответ по существу вопроса. И вот когда не могут ответить — лучший способ «оскорбиться» и сказать «прощайте!» — этим оканчивается письмо.

Ни в возбужденном и боевом настроении. Ждет развития событий. Лично я очень рада, считаю историю с Федотовым — провиденциальной. Давно пора покончить счеты с людьми, прикрывающимися Церковью для целей, ничего общего с христианством не имеющими, из религии делающими рассадник мракобесия...

Понедельник, 29 Мая

Вечером у нас собрание по поводу дела Федотова лиц, ему сочувствующих, членов Общества защиты свободы совести и слова⁵³. Были: Фондаминский, мать Мария, Мочульский, Пьянов. Лучше всех говорил Фондаминский. Горячо и убежденно. Никаких уступок и компромиссов не должно быть, раз дело идет о защите совести и свободы. Мать Мария, видимо, не решается идти на разрыв с иерархией, если от нее, как от монахини, этого потребуют (обет послушания).

Ввиду того что собрания в Богос[ловском] Инст[итуте] по этому делу еще не было, решили ждать дальнейшего течения дела.

Среда, 30 Мая

Очень хорошее письмо Ни от Федотова из Лондона: он благодарит Ни за его выступление в его защиту, пишет, что миссия Ни — это бороться за свободу, не считаясь ни с какими противодействиями. «Вы одиноки в этой борьбе, но — это Ваше призвание». В конце с лиризмом пишет, что мечтает скорее быть у нас в «вашем замке Монсальвате», где всегда чувствует себя так хорошо⁵⁴.

Четверг

Ни говорит очень взволнованно: «Меня сейчас как-то особенно остро поразила мысль о том, что в каждом акте человека, проявленном в защиту правды, присутствует сам Бог».

Вечером Ни входит в мою комнату. «Ты знаешь, я всегда чувствую себя тоскливо летом. Всегда, сколько я себя помню. Не понимаю отчего?»

«Может быть, потому, что летом замедляется твоя активность», — говорю я.

«Нет, это не то. Не понимаю...»

Июнь. Виши

18. Приехали в Виши.

19. Вышла новая книга Ни «О рабстве и свободе человека».

Июнь — июль

С 18 по 20 июня лечились в Виши. Оттуда по совету доктора поехали в горы Auvergne. Жили 2 недели в маленьком горном (1050 м) городке Besse en Chandesse. Городок средневековый с остатками старины, с церковью 12-го века. Вокруг городка чудесная природа, напоминающая Россию. Зеленые холмы, поля, покрытые цветами, луга, ручьи. Здесь я впервые за много лет почувствовала прелесть природы, ее вечную красоту... Увы, пребывание в Bess'e окончилось печально. У Н. А. разболелся зуб. Мы привезли его с мучительной болью, и прямо с вокзала он должен был ехать к дантисту...

Август

Возвращение домой очень грустное с больным Ни. Вот уже несколько дней как у него повышенная температура. К нему ездит здешний доктор Miriel, делает впрыскивания. Инфекция от зуба, который нужно рвать, но эта операция для Ни осложняется тем, что у Ни сахарная болезнь... Опять сумрак навис над домом... Болезни не выходят из нашего дома... В воскресенье были у нас милые Паскаль⁵⁵, а вчера Федотовы, только что вернувшиеся из Англии, где он жил долго и писал книгу.
1, 2, 3 Августа

Дни тревоги за Ни... Доктор боялся, что у него сенюзит — скверная вещь при сахар[ной] болезни. Делал ему впрыскивания, от кот[орых] у него температура повышалась до 39. Вчера послал Ни к специалисту по зуб[ным] болез[ням] для определения болезни...

Мы (я и Ни) только что вернулись из Парижа. Были у специалиста. Я поехала с Ни, т. к. думала, что ему будут делать операцию и нужна будет моя помощь на обратном пути. Сидя в приемной и ожидая Ни, думала: какая хрупкая вещь жизнь! Какой-нибудь еле видимый зуб, и вот столько мучений, волнений, опасений! Слава Богу, все окончилось благополучно. Доктор нашел, что

операции не нужно, зуб можно вылечить, а температура у Ни не от зуба, а скорее от желудка, что я и думала. Он заболел еще в Bess'e желудком от пищи, кот[орая] была ему вредна.

Я чувствую себя сейчас совсем разбитой от нервной напряженности этих дней.

5 Августа

Утром очень важный разговор с Ни. Он говорит, что за время болезни он пережил очень важные события в своей духовной жизни. Суть их в том, что он слишком много сил истратил на борьбу с чисто внешними формами исторической Церкви, слишком долго все силы его обращены на борьбу с «временным», а сейчас вся его духовная жизнь обращена лишь к вечному. Это как бы выход из времени и духовная установка на вечном.

«Ты помнишь слова Христа, — говорю я. — «И дам покой душам Вашим»⁵⁶. Я понимаю эти слова так: человек обретает этот покой тогда, когда внутренне победит все временное, все преходящее и утвердит себя, найдет себя в вечном. А это возможно лишь во Христе. Это тот покой, кот[орый] только один Христос может дать душе».

7 Августа

Со вчерашнего дня Ни чувствует себя лучше. Температура нормальная, но очень ослабел. За эти дни были у нас Метальников с женой и вчера Аппе-Марие (Цебрикова)⁵⁷. Она рассказала мне о их жизни за все это время, что мы не виделись. Это — кошмар, и я, и Ни — мы весь вечер были под впечатлением ее рассказа. Ее жизнь совершенно искалечена, и выхода нет. Сама она очень серьезный, глубокий человек, ищущий правды, пути...

Читаю историю Церкви Duchen'a⁵⁸. Хочется лучше узнать и понять жизнь Церкви из хорошего источника. За лето прочла биографию Эразма⁵⁹, книгу об Аполлонии Тианском⁶⁰ и последнюю книгу Ни «О рабстве и свободе человека». Книга эта мне очень близка, больше чем все другие. Она как бы подводит итоги, доводит до конца все, что им продумано. Книга эта для немногих и, конечно, успеха иметь не будет. Она разоблачает все иллюзии, обнажает всю ложь, на которой построено современное общество, государство, культура...

8 Августа

Думаю, что мы неверно представляем себе жизнь святых. Мы думаем, что вся она состоит из каких-то необычайных подвигов, дел, поступков. А мне кажется, что она состоит из обычных дел, часто совсем простых, обыденных, но все они направлены к одной цели, к Богу, и потому из обыкновенных они превращаются в необыкновенные, а иногда и в чудесные.

Начала читать моего самого любимого фр[анцузско-го] писателя Грина. 2-й том его дневников⁶¹. Чувствую в нем что-то себе очень близкое, родное...

Вечер провели с матерью Марией (Скобцова). Говорили между прочим о том, как в сущности скучны и однообразны все проявления зла. Вспомнили «Là-bas» Гюисманса⁶², черные мессы, ритуальные убийства. Мать Мария говорит: «Ну убили одного, другого, десять... Что же дальше?..»

Наблюдая ее, спрашиваю: какое главное качество в ней? Думаю: простота. Очень редкое.

9 Августа

Давно хотела найти девиз, кот[орый] бы соответствовал чему-то во мне. И вот нашла наконец: «Guarda e passa» — Dante⁶³.

10 Ав.

Вот уже 2 недели, как ищем доктора для Ни. Все более известные — en vacance! Слава Богу, эти дни Ни немного лучше, и сегодня он мог даже поехать в Париж читать доклад для американцев (семинар Эдди).

Вчера была Е. А. Извольская⁶⁴. Говорили о смерти Charl'я Du Vos⁶⁵. Еще одним культурным человеком меньше, а вокруг подымается волна варварства. Е. А., между прочим, говорила о встрече с одной девушкой-испанкой, кот[орая] проповедует среди испанской молодежи самые дикие идеи: католичество с инквизицией, монархию в стиле Филиппа и пр. в таком же роде⁶⁶. Мир погружается все больше в мрак и изуверство.

Вечером П. К. Иванов читал нам главу из своей книги «О святости Лурда». [Очень старомодно, увы!]

на каникулах (фр.).

21 Августа

За это время перебивало у нас много людей. Но большинство из них — это люди раздавленные тяжелой жизнью, нуждой, болезнью. Лишь немногие кое-как устроились, так, напр[имер], семья пр[офессора] Франк[а]⁶⁷, Н. Д. Городецкая...⁶⁸

Ни, несмотря на плохое состояние здоровья, удивил нас сегодня, сказав, что составил план новой книги — нечто вроде философской автобиографии. Его способность работать при всяких условиях (в Москве в 1918 г. под выстрелами из пушек!) удивительна! Это и есть настоящее призвание.

Читаю 2-й том истории Церкви Duchen'a. На темном фоне этой истории лишь отдельные фигуры освещают эту тьму и тем более поражают своей непоколебимой верой и верностью заветам Христа.

Это те, которые побеждают и победят вместе с Христом «врата адовы». Все остальные, хотя бы и назывались христианами, но служат не Христу, а идолам власти, денег, и прежде всего — себе!

22 Августа

Coup de foudre! Гитлер заключил пакт о ненападении с СССР! Мое давнишнее предчувствие сбывается, и Россия покрывает себя несмываемым пятном позора. Когда я иногда говорила, что это случится, Ни страшно возмущался, а теперь?

Два паука соединили свою паутину, и один из них, конечно, запутается и погибнет в ней. Конечно, Сталин, кот[орый] из боязни войны и революции, кот[орая] снесет ему голову, идет на все, лишь бы уцелеть.

Бедная Россия и то, что от нее еще уцелело!

25 Августа

Тревожно-напряженные дни. Была в Париже и поражена спокойствием и дисциплиной французов. Ни суеты, ни болтовни... Выдержка этого народа меня поражает и восхищает.

Ни, видимо, подавлен позором, кот[орым] покрыла себя Россия. Я давно это предвидела и потому не так

* Громовой удар! (фр.)

остро переживаю случившееся. А у него были какие-то иллюзии...

Вечером он читает нам план своей новой книги⁶⁹. Эта работа помогает ему отвлечься от тягостных впечатлений.

28 Ав.

Дни большого напряжения. Но надежда на мир все еще не исчезла... Вчера приехал бедный Леня (Чурилин)⁷⁰ проститься. Уехал на фронт. Погода все эти дни чудесная, как редко. Солнечная тишина нежная. Природа как бы хочет сказать людям: что вы делаете! Остановитесь! Посмотрите вокруг! А мир людей полон злобы, ненависти, вражды на фоне этого небесно-голубого неба и ясной тишины...

По вечерам начали читать «Анну Каренину», чтоб немного отвлечься.

30 Ав.

Всеобщая мобилизация. Вечером была в Париже. Впечатление жуткое. Тьма, среди кот[орой] движутся толпы. Кое-где синие и красные огоньки, но дома будто исчезли, т. к. все окна плотно закрыты. Когда видишь этот Париж, всегда такой блестящий, яркий, кажется, что снится какой-то кошмарный сон!

3 Сент. Воскр.

Сегодня в 5 ч. дня должен решиться вопрос о войне Фр[анции] и Англии в защиту Польши, кот[орую] немцы бомбардируют уже 3 дня.

Вчера мы получили газовые маски.

Приходил проститься милый юноша Луи, кот[орый] часто у нас работал в саду и по хозяйству.

Наша Мари получила телеграмму от сына-авиатора и уехала с ним проститься.

Мой бедный Ни чувствует себя еще очень слабым после болезни, но вчера сообщил, что составил план второй главы своей новой книги. Удивительная способность работать, несмотря ни на какие условия жизни!

4 Сентября. Война объявлена! Стыд за Россию, кот[орая] предала своих союзников и этим решила войну. Стыд и

позор на все ее будущее. Знаю, что русский народ здесь не участвовал, но если не участвовал активно, то пассивно все же это допустил!

5 Сентября

Ночью разбудил нас вой сирены. Это первый налет на Париж. Мы встали, оделись. Было около 3 ч. ночи, чудной, лунной ночи. Против нашего дома устроен «abrigé»*, но мы решили туда не идти, а сидеть дома и ждать. Ничего приготовлено у нас не было, кроме масок, кот[орые] пробовали надеть, и Ни начал задыхаться и сбросил (у него астма), и масок он не может носить. Стал вопрос о маме⁷¹. Ей 85 лет, лежит неподвижно. Решили от нее скрыть тревогу и не будить, т. к. она крепко спала. Ни, я и сестра собрались у меня в комнате при свете ночника и прежде всего помолились. После воя сирен наступила тишина... Я и Ни вышли на улицу, где стояли кучки людей из соседних домов. Ни говорил с ними, но никто ничего не знал. Я с удовольствием дышала свежим воздухом после запертой комнаты. Вокруг весело разговаривали, шутили. Паники никакой. Из «abrigé» мало-помалу все вышли и разбрелись... Тревога длилась около 4 ч., и только на рассвете вновь завывала сирена — знак окончания налета.

5 Сент. Ночью опять вой сирен, опять бессонница... А утром в 10 ч. опять тревога, но очень короткая, хотя на этот раз издали слышны были отдаленные звуки стрельбы и мелькали синие и голубые огни взрывов. Мы устроили свой погреб, забили там окна мешками с песком, а от газов решили приспособить нашу ванную, замазав все щели.

Ездили в комисс[ариат], где всем иностранцам делали отметки на *carte d'identité*** (отпечатки пальцев)⁷².

За это время у нас бывали Федотовы, Фондаминский, Андерсен⁷³, Пьянов. Все они мечтают работать на духовном фронте, т. к. по возрасту идти не должны. Хотят издавать газету.

7 Сент. Ночь прошла спокойно. Сегодня чудный, теплый, солнечный день. Тихий, благостный. И все не ве-

* убежище (фр.).

** удостоверение личности(фр.).

рится, что мы на войне, среди войны, что вокруг творится ужас войны. Часто кажется: нет, нет! Это кошмар! Вот сейчас проснусь, и все исчезнет!

Как странно! 8 августа я написала жуткие стихи, как бы в предчувствии войны, и такие же в 1914 г. в России, в деревне, когда ничто войну не предвещало⁷⁴!

Это доказывает, что подсознательно человек знает больше, чем сознательно.

18 Октября

Вот уже почти 2 месяца войны, но странно, как мало она здесь чувствуется пока. После первых «алерт»^{*} жизнь снова вошла в обычную колею, и, если б не газеты, не солдаты на улицах, не маски у всех обитателей, трудно было бы представить себе, что мы — на войне, в тылу войны. Лавки все открыты и наполнены продуктами, на улицах движение, хоть и не такое, как обычно, но все же довольно большое. Открылись в Париже театры, синема...

Сегодня думала: вот окопы один перед другим. За ними люди, ожидающие приказа броситься в атаку. И вот если пройти среди них и спросить каждого сидящего там: хочет ли он броситься и яростно убивать другого, сидящего против него? Я уверена, что он ответит: нет. Однако, лишь только раздастся сигнал, все эти люди бросятся друг на друга...

За это время у нас иногда собирались преимущественно русские и велись беседы на темы, конечно, о войне. В последний раз был доклад Г. П. Федотова: «Смысл и цели совр[еменной] войны». Доклад очень удачный и ясно выражающий сущность проблемы. Эта война есть война добра с злом — основная мысль докладчика, свободы с насилием, культуры с варварством.

Доклад мне очень понравился и по идее, и по форме — простой и ясной.

^{*} От фр. alerte — тревога.

Вчера обрадовало меня письмо от Лени. Он призван на фронт уже больше месяца, и я веду с ним переписку. В последнем моем письме я высказала ему мое отношение к войне, этой войне, которую ведут Франция и Англия, борясь за свободу. Писала о том, как сочувствую этой борьбе. И вот начальство Лени, прочитав это письмо, попросили Леню дать прочесть его перед солдатами. Леня пишет, что гордится «тетушкой» (он так зовет меня), а я тоже рада, что это письмо имело такой успех, да еще от русской!

22 Октября, Воск.

Странная война! Будто гроза, кот[орая] гремит где-то вдали, воздух удушливый, давит, но гроза не разражается. Томительное, жуткое ожидание чего-то грозного, а пока жизнь идет себе по-своему. Вспоминаю слова Христа: «будут покупать, продавать, жениться...»⁷⁵

Вчера была Г.⁷⁶ и принесла с собой атмосферу того Парижа, что живет бульварами, кафе, кабаре. Странно и дико было слушать, как люди и теперь умеют сохранять этот свой стиль, приспособляя его к условиям войны. Г. вращается в среде артистов, художников, балета [но скорее *demi-mond'a*]. Что теперь для них Париж без блеска, шума, *lux'a*?

5 Ноября Воскр.

Ни сегодня делал доклад у нас на тему: «Война и эсхатология»⁷⁷. Основная мысль доклада та, что конец мира происходит всякий раз, как человек совершает добро и этим побеждает зло. Зло конечно, добро бесконечно.

В беседе участвовали: Н. Алексеев⁷⁸, Г. Федотов, мать Мария. Мысли Ни, как всегда, очень сложные, часто парадоксальные и, думаю, мало кому понятные. Нужно хорошо знать всю его философскую систему, иначе получается много недоразумений и споры часто бесплодны.

Суббота, 18 Ноября

Ни сегодня начал семинар на тему «Идолы и идеалы»⁷⁹. Слушателей было 40 человек. Семинар прошел оживленно. Меня поражает работоспособность Ни. Теперь у него задумано одновременно 3 книги помимо ста-

* полусвета (фр.).

** роскоши (фр.).

тей и семинара. Недавно я, сидя у него в кабинете, наблюдала, как он в одно и то же время может и писать письмо, и делать заметки в тетрадь к той или иной задуманной книге. Он писал одному испанскому философу, проф. Ксирао, в Мексику (куда тот бежал во время революц[ии]) и вдруг среди фразы остановился и говорит: «Нужно записать мысль, кот[орая] сейчас пришла мне для новой книги!» И так часто: среди разговора, даже в синема, куда он любит ходить для отдыха (как он говорит), но, видно, и там творческий процесс у него не прекращается. Это время чувствует он себя лучше. Доктор Хозацкий ему очень помог...

Вот уже две недели вокруг затишье и трудно поверить, что есть война. Что-то дальше?

8 Декабря. Пят.

За завтраком Ни говорит: «Сейчас я впервые точно формулировал разницу между моей философией и другими, т. е. большинством философий. В других философиях мысль, выходя из конкретного, подымается к отвлеченному, чтоб дойти до общего, универсального и там в этом общем искать истинное. Я же начинаю с того, что погружаюсь в конкретное, и, возвышаясь над ним, ищу *общее*, заключенное в конкретном, и в этом общем ищу истинное».

Все это время живем под гнетом позора России, выступившей против Финляндии.

11 Декабря

Хмуро-тоскливый день. Из газет узнаем, что на этой неделе был налет бомбовозов на Париж. Целая эскадрилья летела по направлению к Парижу и была остановлена зенитной батареей. Так как алерт не было, то мы ничего не знали. И я подумала: вот мы все здесь и в Париже спокойно сидели, спали, гуляли, и не подозревая, что нам грозит. И впереди то же может произойти каждый день. И нужно быть готовыми!

16 Декабря

Я и сестра заболели гриппом. Пригласили ухаживать за нами нашего милого друга (сестру милосердия) Т. Лямперт⁸⁰. Если б не она — трудно было бы.

Бедный Ни сбивается с ног, и я так боюсь, чтоб и он не свалился.

20 Декабря

У мамы тоже кашель и плохо себя чувствует. В Париже эпидемия гриппа.

22. У сестры осложнение в ухе (нарыв). Маме хуже, боюсь за нее...

24. Сочельник такой грустный, как никогда. Трое больных...

26. Мама исповедовалась и причащалась. Спокойно говорила о том, что уходит в лучший мир...

28. Четверг. Мамочка скончалась сегодня в 10 ч. вечера. Два дня очень задыхалась. Но в последние минуты дышала тихо. Я была при ней в минуты конца... В ее смерти было что-то умиротворяющее и благостное, что чувствовали все окружающие...

30. Сегодня похоронили маму на кладбище Кламара... Все ее друзья были около нее и провожали до могилы. Но ни я, ни сестра не могли ехать на кладбище — обе больные... Я из окон видела, как ее увозили.



1940

Вступаем в новый страшный год.

Январь

18. Вот уже 2 недели стоят сильные холода с ветром. Около 10% мороза. У нас испортилось отопление. Заперли часть дома и мерзнем... Но когда думаешь о фронте, а особенно о войне в Финляндии при 40 — 50 гр., то стыдно делается думать о своих невзгодах. Вокруг жизнь будто тоже замерзла.

Появилась страшная книга Раушнинга «Hitler m'a dit»⁸¹. Ни читает ее с волнением и ужасом. Говорит: «Hitler — это знак того, что человеческая история окончилась и мы вступаем в мета-историю, где действовать будут уже не люди, а через людей демоны».

* Л. Ю. Бердяева везде пишет «проценты» вместо «градусы». (Примеч. публ.)

Силы зла растут, а силы добра? И ужас в том, что зло, отрицая мораль, справедливость, право, свободу, не говоря уже о милосердии, пользуется всеми средствами: обманом, насилием, убийством для достижения своих целей, а добро? Христиане верят в помощь Бога, в чудо молитвы, подвига. Но настоящих христиан теперь все меньше и меньше, а «так называемые» могут ли рассчитывать на помощь Того, Кого они предают?

21 Января. У нас собрались: Г. П. Федотов, мать Мария (Скобцова), И. И. Фондаминский. Обсуждали вопрос о статьях для «Esprit». Редактор «Esprit» Mounier⁸² (теперь мобилизованный) предложил русским писателям написать статьи для французов. Задание такое: выявить подлинный образ России, искаженный большевизмом. Эта мысль очень всех заинтересовала, и ряд статей уже намечен. Еще одно начинание обсуждалось. Это: общение с франц[узами] и беседы с ними на темы современных событий и их духовного смысла. Статья Ни появилась в последнем № «Esprit» — «La Roussie sovietique et la guerre mondiale»⁸³.

Мороз 10%, снег лежит уже 3 недели, не тая.

23 Января. Сидим дома из-за холода. По вечерам читаем Ибсена.

27 Янв. Ни часто говорит о Л. И. Шестове⁸⁴. «Это был единственный здесь человек, с кот[орым] я вел философ[ские] беседы... Он всю жизнь искал истину, и хотя мы расходились с ним в пути, но беседы наши были всегда на высоте философских проблем. Смерть его для меня большая потеря».

Сегодня Ни очень нервничал из-за многих дел, которые ему приходится исполнять вместо меня и сестры (мы еще не выходим из дома — очень холодно, а после гриппа нужна осторожность). Выходя из дома по разным делам и покупкам, Ни говорит: «Трудно этим заниматься, когда у меня голова сейчас вся занята критикой Канта. Я теперь как-то по-новому подхожу к нему».

28 (Воскр.). Была у обедни в St-Joseph. (После месяца болезни.) Понравилась проповедь священника. Говорил о грехах христиан, их мнимом благочестии.

Ни ушел на доклад Мочульского: «Философия персонализма по книгам Н. А. Бердяева». Вернувшись, рассказал, что доклад М. был очень продуман, отчетлив и верно излагал основные мысли Ни. В беседе после доклада выступал Н. Н. Алексеев, очень резко и несочувственно идеям Ни. В общем Ни остался доволен собранием... Русские так редко уделяют внимание его мыслям, а если уделяют, то искажая и не понимая.

Начала читать Main de Biran⁸⁵. «Философия ставит проблемы, но только религия их разрешает», — говорит он. Эта его мысль мне очень понравилась.

Еще читаю биографию Св. Людовика⁸⁶ и думаю: какой пример подавал он своим детям, внукам, а что получилось? Людовик XI⁸⁷ и прочие...

30 Января

Ни написал сегодня предисловие к своей новой книге «Философ[ская] автобиография».

Приезжал Леня с фронта. Грустный. Ему так хочется работать в области хим[ических] изобретений, и вот все не удается, бедному.

1 Февраля

Наконец потеплело, и все ожили. Только что появился Луи (франц[уз]), кот[орый] у нас часто работал в саду. Приехал в отпуск с фронта. Бодрый, веселый... Вот такие, как он, решают победу. Всем доволен... От него повеяло свежестью деревенской жизни, воздухом полей...

2 Фев. Ездил в Париж по разным делам... Поражает обыденный вид города. Если б не солдаты, трудно было бы представить, что мы переживаем войну. Магазины полны товаров, никакой суеты. Все по-прежнему... Вечером Ни говорит мне, что начал уже первую главу своей новой книги — описание своего детства в Киеве, среды, где он провел детство. «Это переносит меня в другую эпоху, так непохожую на наше время. Теперь мы вступили в тьму начала средневековья. Я писал об этом в моей книге «Новое средневековье»⁸⁸, как бы предчувствуя то, что теперь наступило».

5 Февр. Вчера было у нас интересное собрание. Кроме русских: Федотовы, Фондаминский, мать Мария Скобцо-

ва, Е. А. Извольская, были немец-эмигрант философ Ландсберг⁸⁹ с женой, француз Мосман и философ Валь⁹⁰. Разговор шел на тему о духовном смысле современных событий... Говорил Ни, а за ним Фондаминский, кот[орый] очень хорошо развил мысль о том, что сейчас идет борьба сил зла с силами добра. Что силы зла объединяются и действуют. А силы добра пассивны и разрознены. И вот необходима концентрация сил добра, иначе победа будет на стороне зла. Нужно объединяться духовно для борьбы с злом.

Такова вкратце мысль Фондаминского. После его слов была оживленная беседа, в результате которой решено было устраивать ежемесячные беседы на основную тему: духовный смысл совр[еменных] событий. Решено привлечь на эти беседы всех, кого эта тема интересует, и придать им характер интернациональный. Наметили состав подходящих участников и просили Ни прочесть доклад на будущей беседе.

6 Февраля

Вечером после чтения Ибсена («Гедда Габлер») Ни говорит: «Ибсен принадлежит к другой эпохе, эпохе мирной, благоустроенной жизни. А мы теперь под таким давлением истории, какого мир не знал. Герои Ибсена могли погружаться в свои переживания чувств, страстей, а теперь люди только и думают, что вот завтра может начаться бомбардировка и никуда от нее не уйдешь, никуда уйти».

8 Февр. Обедал у нас Г. П. Федотов. Интересный разговор у него с Ни о творчестве. Ни говорит, что есть два творчества: артистическое и пророческое. Артист думает о совершенстве своего творения, работает над формой. В творчестве пророческом человек думает лишь о том, чтобы преобра[зить] мир. Он кричит, чтоб мир его услышал.

Федотов возражает: «Мир преображается через культурное творчество, через создание совершенных форм Искусства».

Март

3. Воскр.

Первое собрание у И. И. Фондаминского с французами и русскими. Доклад (устный по-фр[анцузски]) делал Ни на тему «Духовный смысл современных собы-

тий». Было 30 человек. Из французов: философы Валь, Габриель Марсель, писатель Жан Шлемберг⁹¹, Rene Guillon, Мосман, 2 индуса, 2 китайца, испанцы. Ни говорит: «Был духовный интернационал...» Впечатление у Ни такое, что его доклад французам не понравился, некоторым показался опасным, т. к. Ни говорил, что мир вступает в ночь, а французы хотят видеть все в свете, т. е. в победе.

Его слова о том, что Германия стоит под знаком фатума, а союзники под знаком разума, они поняли так, что победа будет на стороне Германии. Необходимость социальных реформ для победы, кот[орые] Ни считает необходимым условием победы, — они считают тоже опасными во время войны...

Таковы итоги собрания. Будут ли они продолжаться, пока неясно...

9

Первый весенний день, солнечный, тихий. Но как-то не радуешься весне, а скорей грустно... Природа идет с своими дарами, а люди несут ей навстречу пушки, танки, кровь...

Ни все эти дни читает дневник Жида и под впечатлением этого чтения часто говорит, как чуждо ему такое пассивное переживание жизни, как у Жида⁹².

12 Марта

Вчера вечером Ни читал мне и сестре свою статью «Двойственный образ России» (для журнала «Esprit»)⁹³. Во время чтения раздался сильный пушечный выстрел, за ним другой. Сегодня узнали, что немецкий аероплан летал над Clamart'ом.

Собираем железо и бумаги для армии.

23 Марта.

Была на исповеди у о. Августина⁹⁴. После исповеди беседовала с ним. Не видела его чуть ли не полгода из-за болезней в доме. Он собирается издавать журнал философский своего направления. События в Польше волнуют его. Все его родные жили там, и что с ними теперь, он не знает...

«Мы теперь sans patrie», — гово[рю] я. Очень спрашивал о маме, ее смерти... Я очень чувствую глубоко

* без родины (фр.). В подлиннике ошибочно: «partie».

кую духовную связь с ним. И хотя редко теперь видимся, но связь не рвется, а, наоборот, укрепляется. Для такой связи нет ни времени, ни пространства...

Возвращалась по улицам Парижа, наполненным солдатами... На вокзале еще больше. Так это не похоже на обычный Париж...

24 Марта. День Св. Пасхи

Утро в церкви. Удивило количество приобщающихся: человек не менее 500 для маленькой церкви. Не хватило Св[ятых] остий*. Думала: несчастья приближают к Богу, счастье отдаляет. А должно было бы быть наоборот. Но люди неблагодарны.

За завтраком Ни читает нам названия глав новой своей книги. Он изменил первоначальный план книги и делает книгу более философской и менее автобиографической... Я так и думала. Его первый план был задуман слишком сложным и не мог удалиться...

Чудесный весенний день. Яркое голубое небо — торжественно тихое, пасхальное. За чаем слушали концерт Баха. Никого не приглашали и провели день так хорошо, как редко бывает...

26 Марта

Слушали речь нового председателя Сов[ета] Министр[ов] Поля Рейно⁹⁵ (заменял Даладьё)⁹⁶. Речь простая, без декламации, но твердая и ясная.

Среда, 27 Марта

«Когда я читаю газеты, мне все кажется лживым, построенным на лжи. Такое чувство было, думаю, и у Л. Толстого. Лживы самые основы, на которых построена современная жизнь, культура, политика...»

Газеты наполнены известиями о странных явлениях в природе: магнитные бури страшной силы, северные сияния в южных странах... Вспоминаются слова Евангелия: «лица неба различать не умеете»⁹⁷, а нужно уметь и помнить о пророчествах перед концом мира. Но люди так

* Остии, или гостии (фр. *hostie*) — облатки из пресного пшеничного теста.

заняты землей, что о небе и силах небесных некогда думать.

Сегодня резкая перемена погоды. Опять холод!

31 Марта. Воскр.

К Ни пришли два японца. Приглашают участвовать в журнале «France — Japon»⁹⁸. Долго сидели в бюро Ни, расспрашивали о России. Затем пили чай вместе с другими: Вышеславцев⁹⁹ с женой, проф. Алексеев, Бренстэд¹⁰⁰ (проститься, уезжает в Данию), К. Мочульский. Один из японцев не говорит ни на одном языке. Это самый крупный издатель Японии. Другой — редактор «France — Japon» — рассказывал много о Японии. Оказывается, там очень любят рус[скую] лит[ературу]. Переведен весь Пушкин. Вообще культ поэзии. Издается 300 журналов исключительно поэзии. Мне было очень приятно это узнать, т. к. я очень люблю японское искусство — самое тонкое из всех. А музыку немецкую, русскую и испанскую.

5 Апреля. О жуткости. Вечером читали «Стук, стук» Тургенева. Ни говорит: «Странно! Живя здесь, я никогда не испытываю чувства жуткости, а в России — очень часто. И это не только от природы, но часто и от тех или иных людей!»

8-го Апреля

Вечером подхожу к T.S.F.* и слышу: «Немецкие войска заняли Копенгаген. Идут на Осло»...

Как ни привыкли мы к самым невероятным событиям этого времени, но есть такие, кот[орые] превосходят самое пылкое воображение!

В прошлое воскресенье было опять собрание с франц[узами] и иностранцами. Доклад делал Gabriel Marcel. Было человек 30. Ни собранием недоволен. Это не то, чего он хотел, т. к. состав собраний оказался более правым за отсутствием сотрудников «Esprit» (большинство мобилизованы).

* «Télégraphie sans Fil» (фр.) здесь: радио.

13 Апреля. Дни напряженной тревоги. Страшные бои у берегов Норвегии. Норвегия защищается. Жаль, что так поздно! Если б она, Швеция, и Норвегия раньше поняли бы необходимость выступить против общего врага, сколько жизней было бы спасено, а теперь Франция и Англия должны расплачиваться за их трусливую политику.

Неужели и этот урок не научит другие нейтральные страны?

Холода продолжают. Видимо, и природа восстала против людей.

Издали слышу разговор Ни с сестрой, очень меня увеселивший. Ни возвращается из города. Сестра его встречает и говорит, что обед готов, т. к. Ни просил ее сегодня поспешить (у него в 4 ч. семинар). «Как уже готов? Значит, я не успею присесть к столу? Ведь всю жизнь у меня эта разгоряченная мечта — добраться до кресла у стола. И если меня спросить, как я себе представляю рай, то, конечно, сидеть у письменного стола!» Я издали улыбаюсь. Ведь Ни с утра до вечера сидит у стола, и я с трудом его отрываю, убеждая (бесплодно, увы!) пойти гулять, отдохнуть.

15 Апреля

«Я под впечатлением мысли, как-то пронзившей меня. Я вдруг ясно почувствовал себя продолжателем основной русской идеи, выразителями кот[орой] являются Толстой, Достоевский, Вл. Соловьев, Чаадаев, Хомяков, Федоров. Основа этой идеи — человечность*, вселенскость...

И мысль, что я являюсь продолжателем этой русской идеи, меня глубоко радует... Вот сегодня я с какой-то особенной остротой осознал эту свою связь с основной традицией русской литературы».

16 Апреля

Весть о взятии Нарвика и высадке английского Флота.

Ночь с 9 на 10 Мая.

В 5 ч. утра разбудил вой сирены. Алерт продолжался до 7 ч. Утром узнали, что немцы вошли в Люкс[ембург], Голландию и Бельгию.

* Вместо зачеркнутого: гуманизм.

Ни говорит: «Сегодня начинается новая эра в истории войны».

Вечером Ни входит в мою комнату и говорит: «Ты знаешь, я все время как-то бессознательно повторяю внутренне: «Господи, помоги несчастным людям!»»

11 Мая

В 7 ч. вой сирены. Алерт продолжался недолго (1/2 часа). Погода чудная. Яркое солнце. Вернулась с рынка наша прислуга Ани. Говорит, что рынок большой. Всюду спокойствие, а в газетах вести о начавшихся боях франц[узов] и англ[ичан] с немцами. Письмо от Лени. Он еще не знает о наступлении, но теперь уже, конечно, участвует в боях, т. к. он на границе с Бельгией.

12 Мая. День Св. Троицы

У обедни священник говорил о том, что немцы бросают тракты¹ и на них изображен крест, зачеркнутый поперек. В ответ на это кощунство у церкви продают маленькие крестики, чтобы носить их на виду. Я, конечно, купила и надела на пальто. Придя домой, сказала сестре и Ани (горничной). Ани тотчас же побежала в церковь и купила еще 3 крестика для всех нас¹⁰¹.

В газетах: уже убито 500 человек жителей в разных местах Франции.

Вечером у нас (к чаю) собралось 12 человек из Парижа: философ Валь, филос[оф] Ландсберг с женой, Ел. Извольская, Федотовы, m-me Манциарли¹⁰², фил[ософ] Мецгер, m-me Шульц, Фондаминский, мать Мария, Бренстэд, Войдя, Федотов говорит мне: «Всякий раз, как наступают важные события, — все стремятся к Бердяевым. Это — главный штаб!»

И это верно. Я много раз это замечала. Все как-то чувствуют, что у нас могут поговорить о том, что всех волнует, в атмосфере доверия и свободы. Оживленная беседа.

В 12 1/2¹⁰³ ночи вой сирены и сильная канонада. Я взглянула в окно и увидела зрелище, кот[орое] никогда не

¹ листовки (фр. tract).

забуду. На темно-синем небе над нашим домом — гирлянда из красных шаров. Зрелище небывалое по красоте!

Так как канонада усиливалась, мы оделись и спустились с фонарем в наш погреб. Забрали с собой кота, который таращил глаза, ничего не понимая. Сидели там в темноте минут 20. Вернулись и легли до окончания алерт. К 6 1/2 ч. опять вой сирен, но без выстрелов. Поэтому никто не вставал.

13 Мая. Чудный, солнечный день. Не верится, что где-то бойня, ужас, потоки крови...

20 Мая

Неделя напряжения, волнения. На фронте ожесточенные бои продолжаются, а вокруг нас жизнь идет по-старому. Вчера я была в церкви, а затем на рынке. И если не знать, что враг в 2 ч. езды от Парижа, то никогда не подумаешь, что это так. Полное спокойствие, ни беспокойных лиц, ни разговоров о войне. Мирная обывательская картина. Я поражаюсь все более и более выдержке, дисциплине французов... Это у них в крови, что ли? Вчера же собрались у нас Фондаминский, Мочульский, мать Мария. Интересна беседа о цели и смысле событий. Более всех волнуется событиями милый К. В. Мочульский. Ни спрашивает, работает ли он, пишет ли? «О нет, ни строчки не могу написать. Только газеты и информации — больше ничего!» На это Ни говорит: «Что касается меня, то я обладаю удивительной способностью писать при всяких условиях. Вот и теперь я пишу книгу, готовлю статьи, доклады. У меня окончательно расстроена нервная система, скорее ее поверхностный слой, а внутри есть какое-то ядро, не поддающееся никаким влияниям!»

21 Мая

Странно думать, что мы переживаем время, о кот[ором] позже (если это время не последнее!) будут писать, как о чем-то небывалом, грандиозном, впервые в истории происходившем, а вот мы сидим за столом, обедаем, светит солнце, жизнь идет себе, будто так все и должно быть... Вот только над головой гудит тяжелый авион*, и кто знает, быть может, завтра

* самолет (фр. avion).

от Кламара не останется камня на камне! Эти дни, часы, недели могут решить все... Но в душе моей великое спокойствие, незаслуженный дар свыше. «Мир вам даю вам», — звучат слова Христа¹⁰³. И теперь я, на опыте, узнаю силу этих слов.

1943

23 Июня. Среда. 12 ч. дня

Только что Ни вошел в мою комнату. «У меня сегодня важный день! Я начал писать книгу «Русская идея». Будет трудно, т. к. много заметок и все нужно распределить»¹⁰⁴.

В 5 ч. Ни уехал к Ромэн Роланд, кот[орый] сейчас в Париже на 2 недели. Его жена — родствен[ница] Ни¹⁰⁵. Она вдова племянника Ни князя Сергея Кудашева...¹⁰⁶

Ни вернулся довольно грустный. Застал Rom. Rolland слабым, угасающим. Ему делали операцию носа и зубов. Книга Ни «Esp[rit]et realite»¹⁰⁷ ему очень понравилась.

26 Июня

Ни был на докладе у Морэ. Доклад читал Де Грандиан. Тема «Amis de Dieu». Это мистическая секта в Германии, кот[орая] оказала влияние на Таулера¹⁰⁸.

27 Июня. Воскр.

К чаю пришел Морэ и привел с собой молодого француза, кот[орый] увлекается книгами Ни. Говорили больше всего о Ницше и его влиянии на некоторые течения во Франции. Был Шура Спенглер с женой. Пишет новую симфонию «Le phare».

29 Июня.

Ни читает теперь одну немецкую книгу о христ[ианском] гнозисе, где много говорится о нем и много выдержек из его книг. «Я перечитываю эти выдержки из разных книг и вижу, как многое изменилось во мне. Я стал более революционером, я по натуре не человек закона. Кроме того, теперь в центре у меня стоит эсхатология, чего раньше не было. И я стал более пессимистом, чем

* Друзья Бога (фр.).

** «Маяк» (фр.).

раньше. В книге «Я и мир объектов» я более точно определил мои мысли об объективации, чем раньше¹⁰⁹. Дух не может быть объективирован (так думал я раньше)».

Книга Ни «Esprit et réalité» обсуждалась на съезде, устроенном французами в одном chateau вблизи Парижа. Были: Morret, Де Грандиан, Габриэль Марсель, abbé Fessard¹¹⁰, M-elle Davy¹¹¹, молодежь. Из русских: В. Лосский¹¹², Полторацкий¹¹³. Ни, вернувшись, видимо был неудовлетворен. «Критикуют и обсуждают не по существу, а по мелочам. И, кроме того, чувствую, что меня плохо понимают. Не понимают того, что вся моя философия основана на христианстве».

После этого съезда к Ни приходили молодые франц[узы]. Очень заинтересованные его книгами. Пишут письма о том, какое значение для них имеют эти книги.

9 Июля

Ни прочитал нам сегодня места из его книги о Хомякове¹¹⁴, где Хом[яков] пишет о том состоянии, в кот[ором] была Россия в прошлом. Читая стихотворение Хомякова, посвященное России, он, не дойдя до конца, вдруг разрыдался... «И теперь то же», — тоже сквозь рыдания говорит он и, закрыв книгу, быстро уходит. «Вот кто любит Россию», — думаю я. С тех пор как я знаю Ни, это второй раз, что он плачет. Первый раз — смерть отца¹¹⁵. Видела слезы на глазах, когда он узнал о смерти Льва Толстого.

Когда я вошла затем в комнату Ники, он говорит: «Я стал очень чувствительным! Это слабость!» Я отвечаю: «Нет, это не слабость, а сила твоей любви к России».

10 Июля 1943

Утром известие о высадке союзников в Сицилии. Очень все взволнованы. Ник особенно.

15 Июля

«Из людей, с кот[орыми] я был связан в прошлом (С. Булгаков, П.Струве), только во мне остались еще

какие-то элементы марксизма. У них они окончательно исчезли. Я же по природе своей — революционер».

27 Ав.

Вернувшись с прогулки из леса, Ни говорит: «Сегодня важная мысль пришла мне в голову относительно небытия (néant). Когда я начал обдумывать эту проблему, вначале ровно ничего не приходило в голову — пустота, и я хотел уже перестать думать на эту тему. Но затем, сделав несколько шагов, я сел на скамейку и вдруг сразу понял нечто важное, а именно, что понятие о небытии не связано с этим тварным миром. Оно принадлежит миру духа».

8 Октября 1943

За завтраком Ни сказал нам: «Сегодня я окончил мою новую книгу «Русская идея».

16 Окт.

Сегодня Ни прочитал нам заглавия глав своей новой книги¹¹⁶. Глава первая — кризис христианства. Затем главы о страдании, о страхе, о Боге, о бессмертии.

1944

Октябрь 24

«Я удивляюсь, — говорит Ни, — тому, что пишу новую книгу, а следующая за ней еще мне неизвестна. Я привык, что, когда пишу новую, следующая уже в голове».

Октябрь 25

Утром Ни входит в мою комнату и, улыбаясь, говорит: «Знаешь, я проснулся ночью, и план новой книги весь созрел во мне даже по главам, и я все записал. Сейчас же!» Сегодня Ни начал писать предисловие к новой книге (названия еще не выбрал)¹¹⁷.

2 Ноября 44

«У меня память дырявая. Все забываю, путаю. Но для книги память хорошая. И это потому, что все направлено на писание, а к остальной жизни не приспособлено».

«Какая у меня сильная, неугасимая жажда познания! Многие устают от познания, а я нет. Мне хочется знать все больше и больше».

29 Января -

Сегодня Ни окончил новую книгу, начатую в октябре. В каких трудных условиях он писал ее! Болезни, недоедание, а в последнее время невыносимый холод. У нас 6% тепла, а на дворе сегодня 10% мороза!

Примечания

¹ Вест Флоранс (? — 1937) — близкая знакомая Л. Ю. Бердяевой, англичанка по происхождению, была замужем за очень богатым французом. Активная участница кружка по изучению Библии, собиравшегося в 1930-е годы в доме Н. А. Бердяева.

² Так Л. Ю. Бердяева называет мужа.

³ Струве Петр Бернгардович (1870 — 1944) — социолог, экономист, окончательно уехал из России в 1920 г., т. е. двумя годами раньше, чем Н. А. Бердяев.

⁴ В ноябре или декабре 1922 г. на берлинской квартире Н. А. Бердяева по инициативе П. Б. Струве состоялось совещание между философами, высланными из РСФСР, и единомышленниками П. Б. Струве по Белому движению. В числе участников совещания были: с одной стороны — Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, И. А. Ильин, А. С. Изгоев; с другой — П. Б. Струве, В. В. Шульгин, И. М. Биккерман, Г. А. Ландау. Н. А. Бердяев в резкой форме стал упрекать сторонников Белого движения в «безбожии» и «материализме», в том, что они возлагают все свои надежды на насильственное ниспровержение большевизма, не учитывая его духовных источников, не понимая, что он может быть преодолен только медленным внутренним процессом религиозного покаяния и духовного возрождения русского народа. Разрыва между П. Б. Струве и Н. А. Бердяевым на этом собрании, однако, не произошло: по воспоминаниям С. Л. Франка, Струве, не согласившись с Бердяевым, обнял его и начал успокаивать, а по окончании собрания они чуть ли не всю ночь пробродили по улицам Берлина и страстно спорили (см.: Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 131 — 132).

⁵ «Возрождение. Орган русской национальной мысли» — ежедневная (с 1936 по 1940 г. — еженедельная) газета. Издавалась в Париже с 3 июня 1925 г. по 7 июня 1940 г. В 1925 — 1927 гг. выходила под ред. П. Б. Струве.

⁶ С. Л. Франк также писал о резкой статье П. Б. Струве «Бердяевщина», якобы опубликованной в «Возрождении» (см.: Франк С. Л. Указ. соч. С. 139), но нам статьи П. Б. Струве под таким заглавием в этой газете обнаружить не удалось. Она не учтена и в наиболее полной на сегодняшний день библиографии произведений Струве, составленной Р. Пайпсом (*Pipes R. Struve. Liberal on the Right, 1905 — 1944. Cambridge-London, 1980. P. 503 — 505*). Однако позже, в 1927 г., в газете «Россия» в разделе «Дневник политика», который вел П. Б. Струве, содержался его резкий отзыв на статью Бердяева «Вопль русской церкви» (Последние новости. 1927. 13 сент. № 2365). См.: Струве П. Церковность и политика? (О «бердяевщине») // Россия. 1927. 17 сент. № 4). 2 февраля 1929 г. в газете «Россия и славянство», которая выходила при ближайшем участии П. Б. Струве, была помещена неподпи-

санная передовая статья «О Бердяеве и «бердяевщине», в связи со статьей Бердяева «Обскурантизм» (Путь. 1928. № 13. С. 19 — 36).

⁷ Карташев Антон Владимирович (1875 — 1960) — историк Церкви, богослов, политический деятель. Покинул Россию в 1919 г., профессор Богословского института с 1925 г.

⁸ Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866 — 1941) — писатель, общественный деятель. Покинул Россию в 1920 г. Статей Д. С. Мережковского, содержащих негативную оценку взглядов Бердяева, выявить не удалось.

⁹ Марсель Габриэль Оноре (1889 — 1973) — французский философ, драматург, критик, основоположник так называемого католического экзистенциализма. Устраиваемые им философские собрания были, согласно оценке Н. А. Бердяева, «единственными философскими собраниями в Париже, которые удались и долго продержались». В собраниях принимали участие не только французы, но и иностранцы: русские, немцы, испанцы; в числе обсуждаемых проблем были проблемы феноменологии и экзистенциальной философии.

¹⁰ Сохранилось письмо Г. Марселя Н. А. Бердяеву от 1 мая 1939 г. с приглашением принять участие в собрании 6 мая, «на котором месье Миньковский будет говорить о структуре психической реальности» (РГАЛИ, ф. 1496, оп. 1, ед. хр. 608, л. 12).

¹¹ Скорее всего, речь идет о церкви Сен-Жермен, куда по воскресеньям ходила к обеду Е. Ю. Бердяева.

¹² Имеется в виду книга Н. А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма» (1-е изд. на англ. яз. вышло в 1937 г., по-русски книга была издана после смерти Бердяева, в 1955 г.).

¹³ Отец Сергей (в миру Булгаков Сергей Николаевич; 1871 — 1944) — протоиерей, философ, богослов, экономист. С 1925 г. — профессор догматики и декан Богословского института. Сохранилось прощальное письмо С. Н. Булгакова Н. А. Бердяеву от 10 марта 1939 г., написанное им в предчувствии смерти (РГАЛИ, ф. 1496, оп. 1, ед. хр. 371, л. 13 — 14).

¹⁴ Елена Николаевна, жена Г. П. Федотова.

¹⁵ Православный Богословский институт (или Сергиевская Духовная академия) — учебное заведение, основанное в 1925 г. на Сергиевском подворье в Париже. В числе постоянных преподавателей были: прот. С. Булгаков, В. Н. Ильин, А. В. Карташев, П. Е. Ковалевский, В. В. Зеньковский, К. В. Мочульский, М. А. Осоргин, Г. П. Федотов, прот. Г. Флоровский и др.

¹⁶ Федотов Георгий Петрович (1886 — 1951) — историк средневековья, философ, богослов, приват-доцент Петербургского университета. Покинул Россию в 1925 г. С 1926 по 1941 г. был профессором Богословского института, редактировал журнал «Новый град» (1931 — 1939), сотрудничал в журналах «Путь», «Новая Россия» и др. В 1941 г. переехал из Франции в США.

Инцидент с угрозой исключения Г. П. Федотова из числа преподавателей Богословского института произошел в феврале 1939 г. Причиной его стали статьи Федотова на политические темы в журнале «Новая Россия» А. Ф. Керенского и др. органах «левой» ориентации. По предложению митрополита Евлогия, профессора института предъявили Федотову ультиматум: отказаться от преподавательской деятельности в православном учебном заведении или перестать писать статьи на политические темы. За Федотова вступилась прежде всего «Новая Россия» (см.: Керенский А. Ф. Преступление Г. П. Федотова // Новая Россия. 1939. № 62. С. 3).

¹⁷ Имеется в виду статья Бердяева «Существует ли в православии свобода мысли и совести?» (Путь. 1939. № 59. С. 46 — 54; перепечатано: Новая Россия. 1939. № 68. С. 4 — 8).

¹⁸ «Путь. Орган русской религиозной мысли» — журнал, издававшийся в Париже с сентября 1925 г. по март 1940 г. под ред. Бердяева.

¹⁹ Иванов Петр Константинович (1876 — 1956) — журналист, писатель, сотрудник журнала «Путь».

²⁰ Имеется в виду книга П. К. Иванова «Тайна святых» (была опубликована на английском языке в Париже в 1950 г.).

Лурд — город на юге Франции, место паломничества католиков. Здесь в 1858 г. 14-летней девочке на берегу реки в одном из гротов якобы несколько раз являлась Богородица (т. н. «Лурдская Мадонна»), повелевшая построить на этом месте храм.

²¹ Предположительно — Сергей Андреевич Ильницкий, богослов, сотрудник журнала «Путь».

²² Монбризон Гюбер де, граф (1892 — 1981) — французский знакомый Бердяева, вместе с вел. кн. Ириной Павловной переводил на французский язык книгу «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики».

²³ Ирина Павловна (рожд. Гогенфельзен, княжна Палей; 1903 — 1990) — дочь вел. кн. Павла Александровича и Ольги Валериановны Гогенфельзен. В первом браке — за вел. кн. Федором Александровичем, во втором — за графом де Монбризоном. Друг Бердяева, переводчица на французский язык его произведений; содержала в Биаррице школу и дом отдыха для детей-беженцев из Италии и Германии, родители которых находились в концентрационных лагерях или погибли.

²⁴ Святой Жан де ла Круа (1542 — 1591) — один из Отцов Церкви, испанский мистик, поэт, монах Ордена кармелитов.

²⁵ Блуа Леон (Мари Жозеф Казн Маршнуар; 1846 — 1917) — французский писатель и критик.

²⁶ Маритен Жак (1882 — 1973) — французский философ-неотомист, профессор Католического института в Париже, часто бывал в доме Бердяевых.

²⁷ Паскаль-Либерман Генриетта — знакомая Л. Ю. Бердяевой, танцовщица. Скорее всего — сестра С. И. Либермана.

²⁸ Отец Стефан — православный священник, духовник Н. А. Бердяева и И. В. Трушевой. Для заработка выполнял переплетные работы.

²⁹ Грин Жюльен (род. 1900) — французский писатель американского происхождения, автор романов «Мон-Синер» (1926), «Андреенна Мезюра» (1927), «Обломки» (1932), «Визионер» (1934) и др. Определить, какой именно роман Грина читала Л. Ю. Бердяева, не представляется возможным.

³⁰ Барт Карл (1886 — 1968) — швейцарский протестантский теолог, один из основоположников диалектической теологии.

³¹ Митрополит Антоний Карловацкий (Храповицкий Алексей Павлович; 1863 — 1936) — основатель и глава Русской Православной Церкви за границей, богослов.

³² Сорин Савелий Абрамович (1879 — 1953) — художник-портретист, ученик И. Е. Репина. С 1919 г. жил в Париже, в 1923 г. переехал в США.

³³ Беленсон Елизавета (псевд. Эли Эльсон) — переводчица. После 1919 г. эмигрировала в Германию, потом переехала во Францию. После тяжелой болезни приняла христианство, сотрудничала в ряде немецких журналов, а также в журнале «Путь», перевела на французский язык несколько статей Бердяева, его сборник «Буржуазный дух», книгу «Са-

мопознание», на немецкий — «Новое средневековье» (этот перевод опубликован не был).

³⁴ Имеется в виду заметка в ежемесячном философском журнале «Esprit» «Господин Поль Ландсберг в Иудаистско-христианском центре» (1939. № 80. Р. 300 — 302).

³⁵ «Последние новости» — ежедневная русская газета, издававшаяся в Париже с 27 апреля 1920 г. по 11 июня 1940 г. под ред. М. Л. Гольдштейна, а затем — П. Н. Милокова.

³⁶ З. Н. Гиппиус писала: «Может ли магическое стихотворение быть «плохим»? Да, в смысле нестрогого соблюдения правил грамматики и стихосложения. Это не значит, что его способен написать правил не знающий, самоучка с «вдохновением». Вдохновение вообще есть нечто подозрительное» (Последние новости. 1939. 12 мая. № 6619).

³⁷ Фондаминский (наст. фам. Бунаков) Илья Исидорович (1880 — 1942) — публицист, религиозно-философский мыслитель, член партии социалистов-революционеров. В ноябре 1918 — начале 1919 г. из Одессы через Константинополь выехал в Париж. Основатель и редактор журнала «Современные записки». С 1931 г. вместе с Ф. А. Степуном и Г. П. Федотовым издавал журнал «Новый град». Участник «Православного Дела» — основанной матерью Марией (см. о ней примеч. 41 настоящей публикации) организации, ставившей целью социальную помощь русским в Париже.

³⁸ Мочульский Константин Васильевич (1892 — 1948) — литературовед. Эмигрировал в 1919 или 1920 г., преподавал в Сорбонне в 1924 — 1941 гг. и в Богословском институте в 1934 — 1947 гг. Сотрудник журналов «Звено», «Русская мысль», «Современные записки» и др.; участник «Православного Дела».

³⁹ Каллаш Мария Александровна (урожд. Новикова, псевд. Гаррис; 1886 — 1954) — историк литературы и Церкви, эмигрировала после 1922 г., принимала активное участие в церковной жизни.

⁴⁰ Цебриков Георгий Владимирович — православный священник, член брюссельского содружества русских писателей «Единорог», публицист, сотрудничал в журнале «Путь».

⁴¹ Мать Мария (в миру — Елизавета Юрьевна Скобцова, рожд. Пиленко, по первому мужу Кузьмина-Караваева; 1891 — 1945) — поэтесса. Познакомилась с Н. А. Бердяевым в 1915 г. у Вяч. Иванова. Весной 1932 г. в храме Сергиевского подворья была пострижена митрополитом Евлогием в монахини под именем Марии в память Святой Марии Египетской. Одна из основательниц «Православного Дела». В феврале 1943 г. арестована немецкими оккупационными властями за помощь евреям, погибла в газовой камере в лагере Равенсбрюк.

⁴² Пьянов Федор Тимофеевич — секретарь Русского студенческого христианского движения, вместе с матерью Марией основал «Православное Дело», во время немецкой оккупации был арестован и находился в концлагере.

⁴³ Бернер С. Я. — русская по происхождению, православного вероисповедания, интересовалась католической мистикой, познакомилась с Л. Ю. Бердяевой в 1936 г.

⁴⁴ Мария С. — лицо неустановленное.

⁴⁵ Евлогий (в миру — Василий Семенович Георгиевский; 1886 — 1946) — митрополит Православной Церкви Западной Европы, ректор Богословского института.

⁴⁶ Тосканини Артуро (1867 — 1957) — итальянский дирижер. Эмигрировал из Италии в США в 1929 г., руководил Нью-йоркским филармоническим оркестром и симфоническим оркестром Национального радио США.

⁴⁷ Метальников Сергей Иванович (1870 — 1946) — физиолог, ученик И. П. Павлова, профессор Пастеровского института, член Франко-русского комитета по организации русского высшего образования, товарищ председателя правления и преподаватель Русского народного университета в Париже.

⁴⁸ Либерман Семен Исаевич (? — ок. 1946) — бывший социал-демократ, меньшевик. Познакомился с Бердяевым в 1912 г. в Киеве. В 1925 г. работал в издательстве И. П. Ладыжникова в Берлине, не вернулся в Россию после одной из командировок за границу в нач. 1920-х гг. Жил в Париже, в 1940-м перед немецкой оккупацией, уехал в Америку. Автор книги воспоминаний «Дела и люди».

⁴⁹ Ван-дер-Меер де Балш Пьер — редактор франко-бельгийского католического издательства «Desclée de Brouwer», в котором был издан сборник статей Бердяева «Проблемы коммунизма» (1-е изд. — 1933, 2-е изд. — 1939).

⁵⁰ Ксирао Паллао Хоакин (1895 — 1946) — испанский философ.

⁵¹ По-видимому, речь идет о жене П. Андерсона (о последнем см. примеч. 73).

⁵² Зеньковский Василий Васильевич (1881 — 1962) — философ, богослов. Покинул Россию в январе 1920 г. Преподавал в Праге, затем в Православном Богословском институте в Париже. С 1923 г. — председатель Русского студенческого христианского движения. Рукоположен в марте 1942 г. митр. Евлогием. После смерти о. Сергия Булгакова в 1944 г. стал деканом Православного Богословского института.

Письмо В. В. Зеньковского Бердяеву по поводу статьи «Существует ли свобода мысли и совести в православии?» отсутствует в архиве Н. А. Бердяева в РГАЛИ.

⁵³ Конкретных сведений о создании и деятельности «Общества защиты свободы совести и слова» разыскать не удалось. В статье Бердяева «Существует ли свобода мысли и совести в православии?» содержится призыв к созданию христианами союза борьбы за свободу человека. В одном из писем Бердяева Г. П. Федотову 1939 г. упоминается «Общество защиты христианской свободы»: оно характеризуется как «мертворожденное», страдающее «вялостью, разногласиями, неимением задач» (Вестник Русского Христианского Движения. 1978. № 1 (124). С. 118).

⁵⁴ Упомянутое письмо Г. П. Федотова Бердяеву, в котором кламарский дом Бердяевых сравнивается с замком рыцарей-хранителей чаши Грааля — Монсальвадором, сохранилось (РГАЛИ, ф. 1496, оп. 1, ед. хр. 775, л. 1).

⁵⁵ Имеются в виду супруги Паскаль: Пьер (Петр Карлович; 1890 — 1980) — французский историк-славист. Жил в России с 1916 по 1931 г. Познакомился с Бердяевым в январе 1920 г. в Москве на одном из собраний Вольной философской академии, возобновил знакомство в 1933 г. по возвращении во Францию. Автор книги о протопопе Аввакуме, переводчик на французский язык сочинений Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, преподаватель Школы восточных языков и Сорбонны (1937 — 1960), — и Евгения Паскаль (урожд. Русакова) — его жена с 1933 г.

⁵⁶ Ср.: Мтф. XI, 29.

⁵⁷ Вероятно, жена Г. В. Цебрикова.

⁵⁸ Дюшен Луи (1843 — 1922) — аббат, один из наиболее значительных исследователей истории Церкви, археолог.

⁵⁹ Эразм Роттердамский (1469 — 1536) — ученый-гуманист, филолог, писатель, мыслитель, занимался восстановлением подлинных текстов и точными переводами Нового завета.

⁶⁰ Аполлоний Тианский (ум. 97 н. э. почти ста лет от роду) — представитель новопифагореизма. В ряде сочинений его — современника Христа — противопоставляли Христу и всей евангельской истории.

⁶¹ Дневники Ж. Грина начали публиковаться с 1938 г. В 1983 г. вышел их 12-й том.

⁶² Гюйсманс Жорис Карл (Жорж Шарль Мери; 1848 — 1907) — французский писатель. Герой его романа «*La-bas*» («Бездна», 1891) в поисках необычайных ощущений посещает оргии секты сатанистов.

⁶³ «Взгляни — и мимо!» (Данте. Божественная комедия. Ад. Глава III, 51).

⁶⁴ Извольская Елена Александровна (1896 — 1974) — писательница. В 25 лет, поселившись во Франции, приняла католичество. Познакомилась с Бердяевыми в конце 1920-х и стала активной участницей воскресных собраний в их доме, сотрудничала в журнале «Путь», по поручению Н. А. Бердяева перевела на французский язык его книги «Константин Леонтьев» и «Судьба человека в современном мире». В 1941 г. переехала в США, занималась преподавательской деятельностью.

⁶⁵ Бо (Бос) Шарль дю, (1882 — 1939) — французский писатель.

⁶⁶ Время правления испанского короля Филиппа II (с 1556 по 1598 год) называют «золотым веком инквизиции».

⁶⁷ Не вполне ясно, о ком идет речь: философ С. Л. Франк имел большую семью (четверых детей), сохранились сведения о его обращении за денежным пособием в Комитет помощи нуждающимся литераторам и ученым (РГАЛИ, ф. 1570, оп. 1, ед. хр. 23, л. 37). По воспоминаниям его сына В. С. Франка, «в материальном и бытовом отношении эти 28 лет эмигрантского существования были трудными, иногда отчаянно трудными» (Памяти Семена Людвиговича Франка. Мюнхен, 1954. С. 14).

⁶⁸ Городецкая Надежда Даниловна (1904 — 1985) — писательница. После эмиграции жила в Югославии и Франции, в 1935 г. переехала в Англию, где преподавала русскую литературу в Оксфордском и Ливерпульском университетах.

⁶⁹ Скорее всего, имеется в виду план книги «Опыт эсхатологической метафизики» (первоначальное заглавие «Философия конца. (Книга о творчестве и бытии)», которая была окончена в 1941 г., опубликована на французском языке в 1946 г., на русском — в 1947 г. Сохранились план, тезисы, отдельные записи для книги (РГАЛИ, ф. 1496, оп. 1, ед. хр. 43).

⁷⁰ Лень Чурилин (Алексей Чурилин-Кисилев) — химик, с 1935 г. работал в лаборатории Луи де Бройля. Л. Ю. Бердяева считала А. Чурилина своим «как бы приемным сыном».

⁷¹ Мать Л. Ю. Бердяевой — Трушева Ирина Васильевна (ок. 1854 — 1939).

⁷² Согласно официальному распоряжению, все иностранцы, проживающие во Франции, должны были явиться в мэрию или в полицейский участок по месту жительства на 5-й день после объявления о всеобщей мобилизации для приспособления своих документов к условиям военного времени (Последние новости. 1939. 5 сент. № 6735; 6 сент. № 6736).

⁷³ Андерсон (Андерсен) Пауль (Павел Францевич; 1894 — 1985) — секретарь христианского союза молодых людей, один из основателей издательства «УМСА-Пресс» и Богословского института.

⁷⁴ Среди стихотворений Л. Ю. Бердяевой, хранящихся в РГАЛИ, упомянутые отсутствуют.

⁷⁵ Ср.: Лук. XVII, 26 — 31.

⁷⁶ Скорее всего, имеется в виду Генриэтта Паскаль-Либерман.

⁷⁷ Упомянутая работа опубликована (Путь. 1939, октябрь — 1940, март. № 61. С. 3 — 14).

⁷⁸ Алексеев Николай Николаевич (1879 — 1954) — экономист. Эмигрировал в 1922 г., с 1925 г. — редактор издательства «УМСА-Press». Жил в Париже с 1931 по 1940 г. Профессор Богословского института, с 1932 по 1939 г. — председатель РСХД (Русского студенческого христианского движения). Сотрудник журнала «Путь», друг Б. П. Вышеславцева (о нем см. примеч. 99), который был женат на младшей сестре Алексеева.

⁷⁹ Часть конспектов этого семинара сохранилась: РГАЛИ, ф. 1496, оп. 1, ед. хр. 71 — 72.

⁸⁰ Т. С. Лямперт — еврейка, перешедшая в христианство, подруга Е. Беленсон.

⁸¹ Раушнинг Герман (1887 — 1982) — член НСДАП с 1926 г., глава сената в Дандиге с 1933 по 1935 г. В 1936 г. эмигрировал в Швейцарию, где издал книгу «Гитлер мне сказал. Откровения фюрера о плане завоевания мира» (в русском переводе «Разговоры с Гитлером»), основанную на личных беседах с фюрером. Ее французский перевод вышел в свет в декабре 1939 г. Умер Раушнинг в США.

⁸² Мунье Эммануил (1905 — 1950) — французский философ. Принадлежал к левому христианскому направлению персонализма. Основал в 1932 г. журнал «Esprit».

⁸³ Упомянутая работа «Советская Россия и мировая война» опубликована (Esprit. 1940. № 88. С. 120 — 128).

⁸⁴ Шестов (Шварцман) Лев Исаакович (1866 — 1938) — религиозный философ-экзистенциалист, эмигрировал в 1920 г. и поселился в Париже.

⁸⁵ Биран Мен, де (Мари Франсуа Пьер Гронтье де Биран; 1766 — 1824) — французский философ и политический деятель.

⁸⁶ Речь идет о Людовике IX (1214 — 1270), короле Франции с 1226 г., возглавившем пятый и шестой крестовые походы. Был канонизирован в 1297 г.

⁸⁷ Людовик XI (1461 — 1483) — король Франции с 1461 г.

⁸⁸ Книга «Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы» была написана в 1923 — 1924 гг.

⁸⁹ Ландсберг Людовик (Поль Луис; 1901 — 1944) — немецкий философ-персоналист, ученик М. Шелера. Эмигрировал из Германии во Францию после 1933 г., т. к. его мать была еврейкой, католического вероисповедания, погиб в концентрационном лагере в Ораниенбурге.

⁹⁰ Валь Жан (1888 — 1974) — французский философ-экзистенциалист, профессор Сорбонны.

⁹¹ Шлемберже (Шлюмберже) Жан (1877 — 1968) — французский писатель.

⁹² Жид Андре Поль Гийом (1869 — 1951) — французский писатель.

⁹³ Статья «Двойственный образ России. (К пониманию русской человечности)» не учтена в библиографии произведений Бердяева. Автограф хранится в РГАЛИ (ф. 1496, оп. 1, ед. хр. 240).

⁹⁴ Отец Августин Якубисик (Jakubisiak) — польский философ, католический священник церкви Сен-Медар в Париже. Был духовником в тюрьмах, сотрудничал в журнале «Путь».

⁹⁵ Рейно Поль (1878 — 1966) — премьер-министр Франции, подал в отставку 16 июня 1940 г., а в июле был арестован и отправлен в Германию.

⁹⁶ Далладе Эдуард (1884 — 1970) — лидер французской республиканской партии радикалов и радикал-социалистов, премьер-министр Франции в 1938 — 1940 гг.: именно его кабинет объявил войну Германии 3 сентября 1939 г.

⁹⁷ Ср.: Мтф. XVI, 2.

⁹⁸ «Франция — Япония» — ежемесячный журнал, выходивший в Париже с 1934 г. под руководством Франко-японского комитета.

⁹⁹ Вышеславцев Борис Петрович (1877 — 1955) — философ, юрист. Выслан из РСФСР в 1922 г., в 1924 г. поселился в Париже. Профессор Богословского института по кафедре нравственного богословия, работал в издательстве «УМСА-Press», был соредактором Бердяева в журнале «Путь».

¹⁰⁰ Бренстэд Михаил Михайлович — публицист, общественный деятель. Датчанин по происхождению, долгое время жил в России, где окончил Петербургский университет, принял православие. После Октябрьской революции на три года эмигрировал, затем добровольно вернулся и еще 8 лет прожил в СССР. В 1930 г. как датский подданный выехал с семьей из Москвы в Париж, вскоре познакомился с Н. А. Бердяевым, опубликовал несколько статей в журналах «Путь» и «Современные записки», был членом Бюро «Свободная идеологическая трибуна», сотрудничал с Совинформбюро.

¹⁰¹ В РГАЛИ среди личных вещей Бердяевых сохранился один из этих крестиков.

¹⁰² Манциарли Ирма Владимировна — публицистка, автор статей об Индии, видный член теософского общества «Орден Звезды на Востоке», меценатка. Некоторое время финансировала и была соредактором журнала «Числа»; близкий друг Бердяева. Во время войны жила в США, в 1945 г. вернулась в Париж, где и скончалась.

¹⁰³ Ср.: Иоанн. XVI, 27.

¹⁰⁴ Книга «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века» была опубликована в 1946 г.

¹⁰⁵ Роллан (урожд. Кювиалье, по первому мужу Кудашева) Мария (Майя) Павловна (1895 — 1985) — поэтесса, переводчица. Жена Р. Роллана с 1934 г.

¹⁰⁶ Кудашев Сергей, князь (ок. 1897 — ок. 1920) — племянник Н. А. Бердяева. В годы гражданской войны воевал в Белой армии, умер от сыпного тифа.

¹⁰⁷ Французский перевод книги «Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности» (1937) был опубликован в 1943 г.

¹⁰⁸ Таулер Иоханнес (1300 — 1361) — немецкий философ-мистик.

¹⁰⁹ Книга «Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения» была написана в 1934 г.

¹¹⁰ Аббат Фесард — французский богослов, член католического монашеского ордена иезуитов.

¹¹¹ Дави Мари Мадлен — католическая монахиня, в 1940-е гг. организовала Центр философских и духовных исследований.

¹¹² Лосский Владимир Николаевич (1903 — 1958) — богослов. В 1922 г. был выслан из РСФСР вместе с отцом, философом Н. О. Лосским. В 1927 г. окончил Сорбонну, преподавал в Институте Св. Дионисия.

¹¹³ Полторацкий Николай Алексеевич (род. 1910) — с конца 1920-х гг. и до 1948 г. — технический секретарь Религиозно-философской академии, участник РСХД. Вернулся в СССР.

¹¹⁴ Книга Бердяева о религиозном философе-славянофиле А. С. Хомякове была издана в 1912 г. в Москве.

¹¹⁵ Отец Н. А. Бердяева — Александр Михайлович Бердяев (1837 — 31 мая 1916).

¹¹⁶ Скорее всего, речь идет о книге «Экзистенциальная диалектика Божественного и человеческого», которая была опубликована в 1952 г.

¹¹⁷ Вероятно, речь идет о книге «Истина и Откровение. Прологомены к критике Откровения».

СЕРОЕ С КРАСНЫМ

(Дневник Зинаиды Гиппиус 1940 — 1941 гг.)

Публикация Н. В. Снытко

Свои дневники З. Н. Гиппиус называла «черными», «коричневыми», «синими» — по цвету обложек тетрадей, не вкладывая в названия ничего символического. Но названия сами становились пророческими (например, петроградский дневник 1918 года называется «Черной книжкой»). Последний известный нам дневник Гиппиус, начатый 6 апреля 1940 года в Париже, назван тоже по цвету переплета «Серое с красным». «Серое» — тоска, «красное» — кровь. Он обрывается на полуслове записью от 22 июня 1941 года, сделанной в Биаррице: «Гитлер, завоевавший всю Европу, напал на большевиков...» Дальше до конца тетрадки — чистые листы.

Дневник в сокращенном виде был напечатан в 1953 г. в нью-йоркском «Новом журнале» (№ 33). Ныне — в РГАЛИ, ф. 154, оп. 1, ед. хр. 18. В июне 1963 года секретарь Гиппиус В. А. Злобин, осуществивший эту публикацию, переступил порог «Комитета по возвращению на Родину и развитию культурных связей с соотечественниками» в Восточном Берлине на Беренштрассе, 64/65.

Имя поэта Владимира Ананьевича Злобина (1894 — 1968) начинает мелькать в письмах современников рядом с именами триумvirата Мережковский — Гиппиус — Философов начиная с 1916-го. С ними он познакомился через посредство поэта Н. Оцупа. Когда 24 декабря 1919 года Мережковский, Гиппиус и Философов покидали навсегда Петроград, их сопровождал Владимир Злобин.

Перейдя польский фронт за Бобруйском, задержавшись на некоторое время в Минске, в середине февраля 1920-го все четверо прибыли в Варшаву, куда собирался приехать из Парижа бывший эсер-террорист Б. Савинков. Его помощь должна была способствовать укреплению сил сопротивления большевизму. Но подготовка мирного договора, который был заключен Польшей с РСФСР и УССР в Риге в марте 1921-го, положила конец деятельности в Варшаве так называемого «Русского Дела». Философов с Савинковым остались в Польше, возглавив отдел

пропаганды Русского национального комитета. Разуверившиеся в успехе их дела Мережковский и Гишпиус вместе со Злобиным 20 октября 1920 года уехали во Францию.

Жизнь в Париже была нелегка даже для именитых русских писателей эмигрантов. Без помощи Злобина она была бы тяжела вдвойне непривычному к житейским трудностям Мережковскому и избалованной Гишпиус. Все трое жили на одной квартире; Злобин вел за Мережковских переговоры с издателями, переводчиками, домовладельцами, обустроивал быт. Он стал бессменным секретарем организованного Мережковским в 1926 году литературно-философского общества («литературного салона З. Гишпиус», как его называли) «Зеленая лампа», существовавшего до 1939 года.

Нельзя переоценить помощь Злобина Мережковским в годы немецкой оккупации Франции. Всеми способами он старался облегчить их тяжелую жизнь, раздобывал деньги на еду где только мог. 5 июня 1940-го он перевез их из Парижа в Биарриц. Что бы делали без Злобина эти беспомощные старики?.. Увидев свое божество двадцатидвухлетним юнцом, находясь долгие годы рядом, Злобин не заметил, как постепенно З. Н. Гишпиус превратилась в дряхлую старуху. Теперь Злобин был и прислугой, и ходатаем по делам, и сиделкой.

7 декабря 1941 года умер Д. С. Мережковский. Гишпиус не хотела верить в смерть мужа. Ю. К. Терапиано, постоянный посетитель заседаний «Зеленой лампы», писал о том, как Злобин объяснял гостям Зинаиды Николаевны, что «со дня смерти мужа З. Гишпиус не в себе. Она сначала хотела выброситься из окна гостиной... а затем вдруг успокоилась, говоря, что Дмитрий Сергеевич жив, что он живет тут же, хотя и невидимый...».

Старую, больную, с расстроенной психикой Зинаиду Гишпиус Злобин не оставлял до ее последнего часа. После ее смерти в 1945 году он жил в Париже, опубликовал там несколько статей о ней («З. Н. Гишпиус и ее судьба», «После ее смерти», «Памяти З. Н. Гишпиус» и др.), писал статьи о Д. С. Мережковском, Г. В. Иванове, С. К. Маковском. В эти же годы в журнале «Возрождение» Злобин печатал свои стихи, обнаружившие в нем хорошего поэта.

И вот в июне 1963-го Злобин приехал в Берлин и пришел в русский «Комитет по возвращению на Родину». Он состарился, был болен и считал своим долгом передать хранившийся у него архив Гишпиус и Мережковского Советскому Союзу. Поездка из Парижа в Берлин далась

ему нелегко, но он ни за что не хотел оставлять бесценные документы на чужбине. 16 июня 1963 года Злобин писал председателю комитета В. И. Кириллову:

«Глубокоуважаемый Василий Иванович!

Как Вам известно, я являюсь законным наследником литературных прав Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус. В моем распоряжении находится обширный и интересный архив, в котором находятся черновики их произведений, письма их и к ним, газетные вырезки со статьями, посвященными критике их произведений, и большой фотографический отдел, а также некоторые еще не изданные рукописи.

Этот архив я считаю своим долгом передать в распоряжение советского правительства как большую культурную ценность, которая не может принадлежать частному лицу. Мне хотелось бы передать этот архив незамедлительно, т. к. мне уже 69 лет и пока я еще в силах лично завершить это дело.

Одновременно с этим письмом я передаю Вам роман З. Гиппиус «Чужая любовь» в рукописи (единственный экземпляр) и рукопись-дневник «Серое с красным», который она писала в Биаррице во время немецкой оккупации...

Для передачи архива я готов войти в контакт личный или письменный с лицами, которым это дело будет поручено...»

Копия письма Злобина была переслана в ЦГАЛИ СССР. В. И. Кириллов писал 20 июня: «...На наш взгляд, было бы целесообразно пригласить Владимира Ананьевича в Советский Союз. Он привезет с собой все находящиеся у него произведения Мережковского и Гиппиус. По его словам, они займут примерно 3 чемодана. Расходы до Советского Союза может взять на себя комитет.

Нам известно, что Злобин получает во Франции небольшую пенсию и испытывает материальные затруднения. В качестве вознаграждения, на наш взгляд, необходимо выделить В. А. Злобину, если Вы располагаете такой возможностью, некоторую сумму в советской валюте для того, чтобы он смог приобрести некоторые вещи в Советском Союзе...»

ЦГАЛИ отправил докладную записку в тогдашнее Главное архивное управление при Совете Министров СССР, на которую долго и тщетно ждал ответа. Три чемодана с архивом Мережковского и Гиппиус Главное архивное управление, по-видимому, не заинтересовали.

4 июля 1963 года из Берлина в ЦГАЛИ пришло еще одно письмо:

«...Недавно мы писали Вам, что наш соотечественник В. Злобин, проживающий во Франции, обратился к нам с просьбой о передаче всего литературного наследия русских писателей Мережковского и Гиппиус Советскому правительству.

Не дождавшись Вашего решения, мы направляем Вам рукописи, которые Злобин привез с собой в Берлин — радиопьесу Мережковского «Дмитрий Самозванец», дневник и роман Зинаиды Гиппиус «Чужая любовь».

На этом переписка между Берлином и Москвой закончилась. В. А. Злобин под конец жизни перебрался в Америку. С 1967 года он находился в тяжелой психической депрессии, а в 1968-м — умер.

В 1933 году в Париже на аукционе за 25 000 долларов Российским фондом культуры был приобретен дневник З. Н. Гиппиус за апрель — октябрь 1939-го. Опубликован в журнале «Наше наследие» (1993. № 28). Несомненно, он тоже лежал в одном из трех чемоданов, которые В. Злобин три десятилетия назад намеревался безвозмездно передать советскому правительству.

В. В. Лавров в своей книге «Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции (1920 — 1953)» (М., 1989) напечатал несколько записей из «Дневника Гиппиус 1940 года» — с 6 мая по 10 ноября — с примечанием «Дневник в собрании автора. Публикуется впервые» (Указ. соч. С. 314 — 316). Записи отличаются от «Серого с красным», но посвящены тем же событиям. Может быть, В. В. Лавров располагает ажендой (записной книжкой) Гиппиус, упомянутой в публикуемой ниже записи от 15 апреля 1940 года?

Остальные дневники З. Гиппиус находятся в США, где исследовательница Т. Пахмусс опубликовала часть из них.

Париж

1940

Серое с красным

6 Апреля, Суббота

Война, не похожая ни на какую другую.

Насколько там и тогда (в Петербурге 25 лет тому назад) все время что-то «случалось» и потому хотелось

писать, — настолько сейчас — оцепенелость, не говоря уже о наших стенах, но точно вовне тоже, и не хочется писать. С большой буквы Скука. Мы-то, положим, во-первых, стары, во-вторых — русские: никому и не нужны. А последнее обстоятельство даже особенно важное, т. к. сейчас русские эмигранты и друг другу ни капельки не нужны.

Обветшалые наши «политики», кажется, тремуссируются^{*} между собой. Но это столь не интересно и жалко, что если б мне предложили знать, что там делается — впору отказаться.

Вот, девчонка¹ принесла Paris-Soir². Со скукой посмотрю.

9 Апреля, Вторник

У меня болит рука от штопки Д[митрие]вых рубашек, едва пишу.

А война как будто разгорается. Союзники ради блокады минировали норвежские воды и сегодня вести, что взбеленившаяся Германия уже налезла, через Данию, на Норвегию, и норвежское пр[авительст]во покинуло Осло. Вообще, бешенство Рейха несомненно и проявляется скверно. Не объявил ли вчера Геринг, что Париж будет взят в первых числах июня, а к 1-му июля — заключен мир? Это невоздержание в пророчествах показывает, однако, что Рейх начнет невоздержанно пакостить. Это он может, ибо что же ему терять? А вот насчет победы... очень сомнительно, чтобы не сказать больше.

Ни Россию, ни большевиков никто по-прежнему не понимает. Самый страшный ужас, это — что в конце концов б[ольшевик]ам все простят... И — «на колу мочала, начинай сначала», до третьей войны (которую мы, к счастью, не увидим).

Понимать (все равно, что) помогает только собственный опыт. Даже своих интересов нельзя без опыта понять. En gros^{**} объясняется этим и сегодняшняя психология разнообразных стран.

Англия, например. Ни одному англичанину в голову ни разу не пришла и не приходит мысль о возможности, — хоть бы в виде предположения, — победы Германии. Потому что за всю историю Англия не проиграла

^{*} суетятся (от фр. tremousser).

^{**} В общих чертах (фр.).

ни одной войны, ну и не имеет опыта поражения. С другой стороны, ей кажется, что в ее «интересах» (о «морали» тут нечего), чтобы Россия оставалась в дыре большевизма. Для меня, мол, большевизм безопасен, а «торговать и с папуасами можно»³.

Северные страны не имеют опыта войны и... уже неспособны к борьбе: «la Danemark envahie et occupée sans résistance»... Только что читаю.

Воп, посмотрим дальше.

Дальше оказалось, что Норвегия не покорилась, объявила войну, застреляла... что не помешало немцам в нее проникнуть и схватить ее за горло. Заняли разные пункты, бомбардировали Осло, так что пр[авительст]во его оставило.

Союзники заорали, что идут на помощь. Пока — телеграммы спутаны, ничего толком не известно. Идет будто морская баталия...

Словом, война разгорается.

11 Апреля, Четверг

Морская баталия все еще длится, из спутанных вестей видно все же, что союзники берут верх.

На днях должно произойти нечто решительное. Немцы уже посадили в занятом Осло своего «Куусинена» (Квислинга)⁴, но норвежцы не сдаются, продолжают воевать, союзники помогают.

15 Апреля, Понедельник

Без удивления вижу, что эта тетрадь не имеет смысла. Того крошечного пространства, которое отмерено в серенькой итальянской аженде⁵ на каждый день, за глаза довольно для того, что я имею записать: какая погода, под дождем мы шли два шага по картье, да какую очередную страну подмял под себя Гитлер. Подробности выписывать из газет — для чего, спрашивается? Рассуждать о происходящем в реальности, к которой «мы» никакого отношения не имеем — бесплодная скука. Для «нас» (кучки 3 — 4 эмигрантов) все люди всех стран мира (б[ывшей] России не исключая) сделались «они». За этими «они», за их действиями, в их реальности можно, пожалуй, наблюдать, да и то кое-

³ Дания захвачена и оккупирована без сопротивления (фр.).

⁵ записная книжка (от ит. agenda).

как, по газетам, — а можно и не наблюдать: всегда эта «реальность» может коснуться нас боком и смести, как кучку пепла, даже неприметно ни для кого. Говорю вообще о русских эмигрантах и жалею, что немногие это понимают. Да, именно кучка пепла, а когда она будет сметена — все равно. Может каждую минуту. Какая Скука!

16 Апреля, Вторник

По газетам — союзники выиграли, как будто, la premièrre manche. Выбили немцев из Нарвика, сделали десант в Норвегии, потопили кучу кораблей... Гитлер придет теперь в последнее бешенство — куда кинется, неизвестно; но известно, что куда-нибудь, да кинется. Если сговорится с этой устрашающей тупицей — Муссолини, — кинется на Балканы, обещая Муссолини, за помощь, Югославию. Как жаль этого несчастного Муссолини. И за что это его Бог наказал.

23 Апреля, Среда

«В часы неоправданного страдания и нерешенной битвы...»⁵ Какие, действительно, нужны слова! Понятно, что мне не хочется писать.

Умер этот милый человек, последний брат Амалии — Илья⁶. Очень мне его жалко. Хотя и давно мы не видались. Теперь надо с трудом вспоминать, кто не умер. И когда вспомнишь — удивляешься. Бальмонт, например, жив... О других, о самых мне дорогих (в Польше и России⁷), подтверждения их смерти пока нет, хотя для разума нет в ней и сомнения. Я благословляю этот период неизвестности, он дан для приготовления души, для ее примирения с мыслью о их смерти. Эта работа в душе медленно и происходит. Но страшная она, все-таки, эта работа. «Сердце, отдохни...»

Ведь

Есть, нам обещают
Где-то лучший край...

И только

Там, в долинах рая
Розой расцветая,
Сердце отдохнет.

Нет, не раньше.

Было существо, очень давно, которое я любила с громадной нежностью. Сердцу был дан период отдохновения раньше даже, чем

* первый тур, первую партию (фр.).

оно исчезло, это существо, с моего горизонта, и притом не угрожаемое смертью. А затем — годы, десятилетия полной неизвестности. Его, конечно, конечно, нет среди живых. Но если бы сейчас и узнать это наверно — душа давно готова. Впрочем, это случай исключительный. И нежность — не всегда любовь.

Наше горе в том, что настоящая, корневая, навечная любовь не бывает в душе *равна* вере. Вера непременно слабее любви. По силе любовь оказывается равна... смерти. Даже у святых. Когда моя Тереза⁸ потеряла веру — любовь у нее осталась. И надежда (она включена в любовь, но не замена вере). И все это свилось — со смертью.

От неравенства любви и веры — страданье.

Есть, нам обещают...

Да, я знаю, я... верю... А смерть — вот она.

В Норвегии все продолжается. Неизвестность, куда ползет еще Гитлер, тоже продолжается. Ползет!

Чемберлен сказал, что эта война — «*une lutte éternelle du mal et du bien*»*. Хорошо, хорошо, но Галифакс⁹ в это время стоваривается с Майским¹⁰ насчет усиления торговли и только просит, нельзя ли, мол, не очень снабжать нашими товарами Германию? Как это было бы смешно, когда бы не было так... страшно и — глупо? И что еще?

Недаром Керенский, когда на днях я ему сказала об этой «*lutte entre le mal et le bien*»**, грустно и верно заметил: «*le mal-то я вижу, а le bien...*».

Гитлер заполонил умы, и о большевиках, к их упоению и торжеству, почти не говорят. Больше: опять как будто надеются переманить их на сторону союзников, как-нибудь задарить, что ли... Югославия, одна из никогда большевиков не признававших, отправила теперь туда делегацию... торговую, будто бы, пока¹¹. Один Fabry еще стоит на своем в *Matin*¹². Напоминает и слова Фроссара: «если Сталин переживет Гитлера — не будет прочного мира в Европе»... Ведь как просто! Как ясно!

Метод Гитлера, «5-я колонна», подготовка внутреннего разложения страны, которую он хочет победить; очень стар. Идет из Германии же, впервые применен в

* «извечная борьба зла и добра» (фр.).

** «борьбе между злом и добром» (фр.).

1917-м году. Насаждение разлагающего «правительства» (Куусинен, Квислинг) имело тогда оглушительный успех, если не помогло победе Германии, то лишь потому, что запоздало немного. Но вывело целую Россию из строя и — это ли не успех? — сделало ее через 20 лет годной в союзники Германии.

Если югославский Стоядинович¹³ не опоздал на несколько дней и улетел в Германию — он, конечно, был бы отправлен на родину в должном окружении, как, в свое время, Ленин и С^о в запломбированном вагоне — в Петербург. Техника теперь, кстати, усовершенствовалась. Очень.

Вот Paris-Soir. «Le Reich multiplie les avertissements à la Suède...» Ага, она думала, что «крокодила» надо подкормить и он не съест... Бедная дура.

Но мне почему-то казалось, что он на нее не полезет. Не потому ли казалось, что хочется именно ее проучения? За ее «коммунизм» и за предательство Финляндии?

30 Апреля, Вторник

Как мне и казалось, что Гитлер на Швецию не полезет, так оно — пока — и вышло. Не лезет. Напротив, достигнув-таки умерения ее прессы, хвалит ее «нейтралитет» и уверяет, что все сборище балтийских войск — для Норвегии. Немцам, да и URSS'у, смиренно-благожелательная, «нейтральная» Швеция сейчас выгоднее.

В Норвегии бойня затягивается. Может быть, до осени. Хуже всего, что Гитлер все силы употребляет, чтобы втравить Италию, и уже, как будто, достигает цели. Этот несчастный, загипнотизированный «успехами» бесноватого, тупица Муссолини уже разнуздал своих опричников (Корсика и т. д.), отправил Дион Алфиери в Берлин, берлинского посла приставил к Ватикану и...

и все это подтверждается. Уже нападки на Ватикан, требования не только Корсики, но и Туниса, ликование германской прессы, кстати, и оптимизм относительно URSS... который, между тем, посылает в Англию своего сановника (?) для торгового пакта, и Майский сидит с Галифаксом, который ему улыбается.

Воистину, неисповедимы пути Господни.

* «Рейх множит угрозы Швеции» (фр.).

Но все-таки не понимаю, как Мамченко¹⁴ всё и всех одинаково валит в кучу... навозную. Есть же «более или менее» — есть, есть! А то не было бы и надежды.

Но как бесстыдно ожесточается душа от всего происходящего!

8 Мая, Среда

Насчет войны — очень скверно. Англия увела войска из Норвегии, явно посадив последнюю, как Польшу и Финляндию. Парламент ихний в возмущении... А если она и... Францию?

10 Мая, Пятница

Нечего сказать, денек! Ночью *alerte*, кот[орую] я не слышала, все время, однако, ужасно кошмаря. Утром — известия, что немцы бросились на Люксембург, Голландию и Бельгию, а в то же время бомбардировали несколько французских городов — Лион, Нанси, Анвер и др.

Словом — «*le chien engagé*»^{**} дал себя, наконец, знать. Нет больше *neutres* на свете, кроме Швеции (мой прогноз, что немцы в нее не вторгнутся — оправдался; она уже что-то экономическое заключила с URSS и Германией, им *такая* Швеция выгоднее).

Бог весть, что будет дальше, бои разгораются. Гитлер продолжает свой «молниеносный» метод, сопровождая его тьмой тём шпионов и «бреющей» атакой с воздуха.

Авиация Германии до сих пор многочисленнее союзной.

Наглость и ложь Гитлера — неописуемы. «*Je vole protéger les neutres!..*»^{***}

19 Мая, Суббота

Неслыханные бои в Бельгии и на севере Франции. Париж притих и опустел. *Alert*'ы то ночью, то днем. Германия играет *va tout* ^{****}. Потери ее огромны. Но она уже обошла слева линию Мажино. Напряжение, однако, таково, что вряд ли будет длительно. Союзники не дремлют: сегодня приказ *Camelin*¹⁵ умирать, но не отступить.

* [воздушная] тревога (фр.).

** «взбесившийся пес» (фр.).

*** «Я лечу защищать нейтралов!» (фр.).

**** на всё (фр.).

Америка в мало понятной, но определенной панике. Однако еще не хочет выступить.

Италия в безобразном положении. Муссолини пока «молчит, как проклятый», но пресса его буйствует à la Hitler, доходя до наглого утверждения, что Гитлер прав, нападая на Бельгию, Голландию, на весь север и т. д. Ватиканский журнал бойкотируется и сжигается бандами возбужденных гимназистов. Я думаю, Муссолини уже в руках Гитлера и, если держится пока, выжидая — вряд ли додержится до конца, невзирая на письма Рузвельта. Впрочем, результаты гомерической бойни будут иметь на него влияние.

Не понимаю, зачем я все это пишу — при таких обстоятельствах и при нашем абсолютно жалком положении. Читать газеты днем, детективы вечером — вот все, что нам осталось. Даже «бежать в горы»¹⁶ — и то нам нельзя.

Были мы и у буржуазных молодых людей — Керенского с его пухлой австралийкой¹⁷. Они поселились в квартире Цетлиных¹⁸. Всякое угощение, Madame наливает чай, все «по-хорошему». Мне, признаться, Керенский был более приемлем прежде, а то уж как-то некстати и даже зазорно (хотя не могу объяснить, почему: да и не хочу).

Там скелетный Сирий (кот[орый] уезжает в Америку). Бунин в панике, его жена, Тэффи, еще кто-то...¹⁹ Ну, довольно.

Сегодня мы были на Murette, когда заплакала сирена. Пришлось идти в abri*, нашли маленькое в переулке. Посидели, потом кончилось. Пошли домой.

Погода, все время располагающая к налетам. Очень хорошая.

22 Мая, Вторник

События развиваются по часам. Сейчас (вечером) известия, что немцы взяли Амьен и Аррас. Может быть, они хотят окружить Париж, может быть, пробиваются к морю (Калэ). Во всяком случае, дела худы. «La patrie en danger!»** только что по радио сказал Рейно. Вместо Gamelin, который неизвестно куда девался (изменил? убежал? расстрелян?), взяли Вейгана, а в правительстве — старика Retain. В Бельгию немцы вошли просто,

* бомбоубежище (фр.).

** «Отечество в опасности!» (фр.)

так же просто оттуда во Францию. В свое время Бельгия отказалась продолжить линию Мажино (до моря), и немцы ее обошли. Кстати, и войск никаких на бельгийской границе не было (Gamelin?).

Битвы гомерические, Гитлер идет напролом (можно бы ожидать). По собственным трупам в 2 метра вышиной танки идут вперед (буквально, т. е. громоздясь. Кости, должно быть, хрустят.) Маас — розовый от крови.

Мы долго гуляли сегодня в Б[улонском] лесу, сидели на скамейке. Было солнечно и очень тепло. Воротились, кофе и — alerte. Пришел Володя²⁰ с печальными вестями. Выстрелов, как будто, не было. Продолжалось, м. б., полчаса или 3/4.

Мы не могли бы уехать, даже если бы у нас были деньги (у нас их нет абсолютно). Поезда отменены почти все.

24 Мая, Четверг

Вчера Володя был у Нувеля²¹ (где видел и Ники Ратькову). Главное, узнал, что Дима еще жив²². Безнадежно болен, очень страдает (морально тоже, думаю) и ждет смерти, как избавления. Там же, в Отвоцке, где был, уже глубоко больной, год тому назад. О Хирьяковых²³ ничего не знаю.

А сегодня В[олодя] был у Бюрэ²⁴, застал его одного и тот ему много кое-чего говорил. Например, что 16-го мая положение французов было отчаянное, Gamelin, будто бы, телеграфировал, что «нынче вечером немцы будут в Париже». Но у Гитлера не хватило фантазии, говорит Бюрэ, и он Парижа не взял. Не знаю, насколько это вздор, что тут правда, но понятно, что Гамелена сместили. Сейчас бои продолжаются, и немцы вперед не продвинулись (за этот день).

Черчилль в Англии взял «всю власть».

А Юзя Чапский погиб, — не то убит, не то расстрелян²⁵. Он был капитаном польской армии.

Мне не жаль Польши. Помимо того, что она погубила Диму и разделила нас (это лично), но она вела себя глупо и лживо (на свою голову) — от мира с большевиками в 20 г. до...

28 Мая, Вторник

От худа к худу. Сегодня в ночь король бельгийский, посреди боя, велел войскам своим сдаться и открыть немцам дорогу в Дюнкерк. Он точно с ума сошел. «Бельгия

предана своим королем!» Правительство бельгийское не желает с этим считаться (еще бы, такой позор! «Неслышанное в истории», сказал Рейно. Он и не имел на это права, ибо король конституционный, и все правительство оказалось против него.) Но, конечно, это удар, ибо немцы окружили Калэ (Булонь давно в их руках). Вот когда борьба уже прямо насмерть. Немцы падают не грудами, а целыми горами, и все-таки идут, идут вперед.

Прежний бельгийский король вел себя, как герой, *Roi-Chevalier*. А этот — пятая колонна²⁶.

29 Мая, Среда

Немцы в восторге, муж несчастной, им убитой Астрид²⁷, вернулся в Брюссель (давно немецкий), в свой дворец, любезно предоставленный ему Гитлером. Но, конечно, тут еще куча неизвестного. Последствия измены, конечно, скажутся и уже сказываются, т. к. на севере французы и британцы защищаются бурно, но явно должны будут отступить. Неожиданно (вот это главное) остались одни. Весь мир в негодовании, особенно американцы. Но они еще не выступают, — не готовы.

Из Парижа уезжают почти сплошь все. В нашем доме, кроме нас, один Боборыка²⁸ внизу. В[олодя] бурно действует, чтобы мы тоже уехали на буд[ущей] неделе. Я не очень за это, хотя допускаю сюрприз взятия Парижа. Всякие сюрпризы возможны. На будущей неделе — но и завтра. Правительство французское еще не уезжает.

Британцы день и ночь бомбардируют тыл немецких армий, сбивают кучи аэропланов — но что немцам, раз они по своим трупам лезут вперед?

Они, вообще, так по-человечеству *невероятны*, что почти невозможно обвинять союзников в их ошибках. Мои старые башмаки были завернуты в газетный лист от 26 октября 39 года. С ужасом (теперь) читаю: «В Германии открыто говорят о плане Гитлера — наступлении через Голландию, Бельгию, Люксембург на Францию и Англию...» Подготовка этого нескрываемого плана потребовала некоторого времени — и лета; в течение этого времени союзники, ничему, в сущности, не веря, не подумали даже о дыре между линией Мажино и морем. Мало думали и о знаменитой «5-й колонне» (работе по внутренней измене). А план был выполнен блестяще, с

* Король-рышарь (фр.).

Данией и Норвегией напридачу. Не так давно Гитлер объявил, что Париж будет взят 15 Июня («без выстрела, просто мои войска пройдут маршем по улицам» — но в это уж и я не верю), а «к 17 Июля будет наш, немецкий, мир». Привычка к «bluff»^{*} Гитлера не встревожила «людей», каковы союзники. Сейчас только, лицом встретившись с фактами, вырастает тревога в мире.

Загадочна позиция Италии. Дух там очень тяжелый, тяжесть нарастает с каждым часом, и я каждое утро выхожу в столовую, ожидая, что первая бомба там разорвалась. Немецкая пресса в этом, уже не «сюрпризе», не сомневается ни минуты.

Да, что писать? Мы никого не видим, кроме воскресенья, когда бывают остатки наших верных друзей, беспомощных ех-молодых литераторов — Мамченко (главный друг), Терапиано²⁹, Фельзен³⁰ и др. Адамович³¹ — добровольцем в саперах, хотя и стар, и *bedonnant*^{**}. Кельберин³² в армии, недавно был у нас солдатом. Керенского австралийка, верно, увезет в Америку.

Сын Бориса Савинкова, достойный (или недостойный) отпрыск этого изменника, ездивший в Испанию воевать в рядах большевиков (и там женившийся на испанке) — уехал в Советскую Россию и там получил видное место. Камнем ему земля!^{32а} А мать его, Евгения Ивановна, больна раком.

Боже мой, вот уж когда, повторю:

«все умерли, остальные сошли с ума».

И, действительно, что еще писать, о чем? зачем?

В тесности, в перекрестности,
Хочу — не хочу ли я, —
Черную топь неизвестности
Режет моя ладья³³.

30 Мая, Четверг

Мне бы хотелось написать историю эмиграции... о, только нашу, т. е. в круге наших глаз. Но я ленива, я даже не знала сама, как я ленива. Впрочем, к старости особенно это сказывается.

Северная армия союзников, преданная бельгийцами и отрезанная от более южной, еще держится, но уже едва-едва: еще бы, 1:4. Немцы бросили туда все, что имеют и что с Бельгией освободилось.

* блэф, обман (англ.).

** с брюшком (фр.).

Италия накануне выступления... Куда? Недаром я говорила, что Муссолини уже давно в руках черта, которого сам распустил.

А Нарвик-то союзники только теперь взяли!

1 Июня, Суббота

«Toutes les dépêches, ce matin, sont d'accord: M. Mussolini ferait connatre mardi la décision qu'il a pris, et cette décision serait d'entrer en guerre a coté de l'Allemagne»...

Что же еще? Для нас есть и хуже:

«L'aide russe (большевиков), il faut l'obtenir n'en deplaise aux doux illuminés, aux sots et aux miserables, qui à la veille du choc tragique voulaient... nous obliger de declarer la guerre â la Russie. Les Anglais, eux, ont bieu compris l'importance du facteur russe (большевиков) et Sir Clippс (марксист-миллионер) s'est envolé pour Moscou...

President Paul Reynaud, de grâce, agissez vous aussi â Moscou! Mettez vous â l'unisson de Mr. Churchill!!»

Вот, это Кериллис, вместе с «Ordre». Мои предсказания (такие легкие) сбываются, уже сбылись. И сбудется дальнейшее. С такими мозгами, с таким плоским, до ужаса, непредвидением французов... Да ведь обманут, обманут, ведь Гитлер их порождение, честное, потому что он клинически помешанный. Как же, чего же ждать от этих? И о какой «морали», или еще о чем-нибудь, смеют говорить такие люди? Кроме своей шкуры, глупо притом, охраняемой (глупо, глупо и страшно!), они ничего не видят... на свою голову.



Биарриц

1 Августа, Четверг

Обещала себе открыть эту тетрадь хоть сегодня, ровно через 2 месяца после последней записи. Не знаю, как эти два месяца описать, как удастся. Это ведь, чего не было в

«Все утренние телеграммы единогласны: г. Муссолини сообщит во вторник принятое им решение, и решение это — вступить в войну на стороне Германии» (фр.).

«Нужно заручиться помощью русских (большевиков), пусть не прогневаются добренькие всезнайки, дураки и мерзавцы, которые накануне трагического потрясения хотели... заставить нас объявить войну России. Англичане, те прекрасно поняли важность русского (большевиков) фактора, и сэр Клиппс (марксист-миллионер) полетел в Москву...

Президент Поль Рейно, сделайте одолжение, отправляйтесь тоже в Москву! Действуйте в согласии с Черчиллем!» (фр.)

истории. На меня напало какое-то engourdissement *, точно все это не могла вместить голова. Но с помощью серенькой книжки и сухого стиля отчетности постараюсь все восстановить (что от нас было видно и нами ощути-мо). Вклею, кстати, несколько газетных вырезок (июньских, с июля мы ничего не знаем).

Итак, в «прощальное» наше воскресенье, 2 Июня, мы, как и всегда, были у М[аленькой] Терезы³⁴ — нельзя было без слез смотреть на лица молящихся. «С войной — очень плохо», — записала я, без комментариев. Все уже было готово у нас к отъезду на среду — усилиями Володи и Дм[итрия], — я этому отъезду не сочувствовала: и Биарриц не люблю, и alerte не боюсь; не потому, что верю путаным фр[анцузским] газетам с их «confiance»**, а просто потому, что если даже погибать (все возможно, думалось) — то бежать как-то стыдно. Мамченко и говорил: да вы «так» уезжайте, будто на лето...

Не очень испугала и громадная бомбардировка, дневная, в понедельник. Мы даже не сошли в abri. Бедная Ася³⁵ (у нее опыт немцев в Киеве) была в это время у нас и очень нервничала. Надо сказать, что она одна была права, убежденная в самом худшем: «немцы всё могут».

Бомбардировка продолжалась долго. Из окна кухни (где нет ставень) мы видели огонь и дым пожаров за Auteuil. Вечерние газеты, однако, успокаивали (фальшиво, как всегда, но им мы все верили) и лишь потом мы узнали, что разрушений было довольно. Пришедший во вторник утром Керенский говорил, что заводы Пежо и Ситроен сгорели, много убитых в частных домах.

Керенский весьма неутешителен.

Но газеты продолжают свое «Confiance!» И что Вейган имеет план наступления, а Париж будет защищаться улица за улицей, дом за домом... если, мол, немцы, *против ожидания*, подойдут к Парижу.

Такова сила вдалбливания одного и того же, при скрывании другого, да еще неверие в небывалое и нежеланное, что мы, даже зная отрывочные факты (я отмечала, что «с войной — плохо», или «очень плохо») —

* отупение (фр.).

** «доверьтесь» (фр.).

мы как-то внутренне не верили, что так плохо; а уж о катастрофе в 10 дней, да еще какой! — даже не помышлял никто. Но я забегая вперед.

В среду 5 Июня, в жаркий, прелестный парижский день, мы выехали. На вокзале было тесно, шумно, чуть-чуть ненормально. Но мы доехали прекрасно, в спальном вагоне, даже без запоздания.

Противный Биарриц сер, холоден, переполнен до отказа. Много отелей занято ранеными.

Наша комната в Метрополе маленькая, чуть побольше купе, и дорогая.

Георг[ий] Иванов³⁶, со своей давнишней жаждой победы Германии, сразу поссорился с Дм[итрием], который сказал, что он сам, Г. Ив[анов], для него уже «полу-немец».

Должно быть, какие-нибудь известия просочились, т. к. 9 Июня у меня записано: «война — ужас! Французы — одни и едва сдерживают наступление на Париж». А 10 Июня, когда выступил Муссолини, сказано: «кончена Франция».

11 Июня — «какой Апокалипсис! П[равительст]во уезжает из Парижа».

И все-таки, несмотря на эти слова, ощущения (внутреннего) катастрофы не было.

13 Июня: «Париж будет сдан. Тяжелый ужас».

На автомобиле приехал Керенский со своей австралийкой, которая в полной истерике. От него лишь мы начали получать понятие о чужом наступлении и всеевропейском французско-бельгийском и т. д. *пятимиллионном исходе*.

Над Парижем — черные крылья дымовой завесы. По дорогам — брошенные автомобили, толпы людей с котомками, потерянные дети, дохлые лошади в канавах... Все это дрожит, все бегущее полно отчаяния, полоумия... Еще бы! Год пугали немцами и что «было бы, если б они пришли, но они не придут, *confiance!*» И когда воочию увидел народ, что *confiance* — блефф! — как не бежать?!

И побежал, полоумный, черный от копоти, куда глаза глядят!

(Продолжаю уже не 1 Авг., а 24, суббота (но это все равно).

Примечание: 22 Авг., на улице, от Меньшикова узнали, что 4 Авг. умер Дима.

Напрасно стараться записать и описать все эти сумасшедшие дни, начиная с 10 Июня, выступления Муссолини, весь этот Апокалипсис, когда и в книжке у меня почти нет отмет, кроме: «Тяжелый ужас», «Париж будет сдан», «Завтра, как обещал Гитлер, т. е. 15 Июня, он входит в Париж». (Тут же сон о Диме: «мне лучше» — и понимание, что он умирает.)

И наконец... Неужели? Да, страшусь просить пощады. Петэн объявил, что «l'armistice inévitable» ... Сказочно!

Бесполезно описывать и Биарриц тех дней, и наши собственные мотанья после реквизиции отеля (сначала французами), в буре, в грозе, и, наконец, наше затискивание в этот «ночлежный дом», Maison Basque, приют беженцев и начало нашего голодания (деньги иссякли).

На улицах толпы, толпы. Магазины закрылись. Франция уже послала молитву перемирия (похабного, конечно). Условия неизвестны, оно еще не принято. Лишь 23 Июня стали говорить, что условия подписаны (в Compiègne, там, где Франция в прошлую войну диктовала их немцам). Та же мольба была послана Италии. «Atroces exigences!»[•] Еще бы! Пол-Франции отрезывается. Где Пр[авительств]о и какое оно — смута. Одно известно, что все смещены, орудует Petain (ему 86 лет).

24 Июня — буря, гроза, Биарриц весь в безумии... И вторник, 25-го, среди продолжающейся бури, объявлен «Днем траура». Битвы кончены. (Да и Франция...?)

Газеты наполнены статьями покаянья, — все, мол, пропало, кроме чести (??) И, действительно, почему «кроме чести»? Франция поступила так же, как бельгийский король; «Roi félon»^{***} называли его, а теперь...

Впрочем, все еще было непонятно... что случилось?

[•] «перемирие неизбежно» (фр.).

^{**} «Жестокие требования!» (фр.).

^{***} Король изменник (фр.).

Объявили тяжелейшие условия перемирия. Кроме Парижа, севера, оккупация всего западного побережья, вплоть до Испании. И победители явились в Биарриц уже 27 Июня, в четверг.

О, какой кошмар! Покрытые зеленовато-черной копотью, выскочили, точно из ада, в неистовом количестве, в таких же закоптелых, грохочущих машинах...

29 Июня у меня записано: черных роботов всё больше, и все они омерзительные... Нет выхода. И к чему говорить об honneur Франции? Позор...

Пигалица в веснушках пищит: «и какие они красивые...» Супруг ее в восторге: «я говорил, что Гитлер набьет морду союзникам!»

Англия никакого перемирия не просила и продолжает войну.

В следующие недели постепенно выяснилось, что Англия покинула (будто) Францию с прорыва на Meuse (а сколько еще времени дурманили головы «confiance!»), и тогда судьба Франции была решена. Может быть, но наверно много еще было всякой дряни, косности, глупости и глупой беспечности. История разберет когда-нибудь. Во всяк[ом] случае, план Гитлера разделить союзников вполне удался: 6 Июля Франция уже порвала дипломатические сношения с Англией.

С начала Июля можно, в конце концов, и не записывать ничего, ибо до сегодня никаких перемен мы не видим. Немцы запретили все газеты из неоккупир[ованных] мест, в оккупированных цензура полная, в Париже они сами издают Matin и Paris-Soir. Антисемитизм полный. Здешние газеты тоже под немцами. Мы ничего не знаем, кроме того, что говорят они же.

Роботы закопченные ходят по магазинам, всё скупают (кроме того, что интендантство так берет) и отсылают в Германию. Ни кусочка мыла уже месяц. Ходят по трое, наглые, жрут пирожки в кондитерской... как их не разорвет! Все сношения между ихней Францией и ее незанятыми остатками — порваны. Час берлинский.

Пусть газетные вырезки dokonчат мое историческое повествование до сегодняшнего дня (24 Августа), а дальше я

* чести (фр.).

к старому времени уже не вернусь, только кое-что бывшее личное, и дальше тоже о нас буду продолжать, наша тяжкая жизнь в этом кон[цен]трационном лагере... очень напоминающая мне Совдепию, жизнь в СПб в годы 17 — 20.

2 Сентября, Понедельник

С того дня (22 Авг.), как мы встретили на улице зловещего Меньшикова, узнали, что умер Дима, я так в этом и живу. Я знала, что он умрет, что он глубоко страдает и жаждет смерти. Я даже думала, что он уже умер — трудно было себе представить, что он мог все это, и себя, пережить... А все-таки — лучше не знать наверно. Ведь снова подтверждение, что вера — всякая, даже не моя ничтожная, а большая — *всегда* слабее любви. Чего бы проще, кажется, говорить, как Сольвейг:

Где бы ни был ты — Господь тебя храни

.....

А если ты уж там — к тебе приду я...

Да, приду. А если и не приду — ведь я этого не узнаю... Но мысль, что не приду и не узнаю...

Через день тот же Меньшиков сунул вырезку из паршивой газеты какой-то, где говорится не только о смерти Димы, но, через несколько дней после него, о смерти старика Хирьякова. Мало того: там же я узнала, что жена его, та самая Джессика (Вебер), кот[орая] годы писала мне, одна, о Диме и его состоянии — покончила с собой... еще в октябре! Вроде Чеботаревской³⁷, но ведь у нее была дочь, Леночка, — где она?

Это меня совсем помutilo.

Лучше про это здесь не надо.

Кольцо жизни стягивается. Да, я ничего, ничего не понимаю!

Через 10 месяцев

Июнь 1941 г.

Биарриц

21 Июня, Воскресенье

Два слова только: сегодня Гитлер, завоевавший уже всю Европу, напал на большевиков. Фронт — от Ледовитого океана до Черного моря. Помогают Финляндия, Румыния и др. Объявление войны любопытно, вложу сюда³⁸.

Примечания

¹ «Прислуга-француженка, прозванная так из-за молодости и легкомыслия» (примеч. В. Злобина).

² «Пари-Суар» — ежедневная вечерняя газета.

³ «З. Н., конечно, хочет сказать «с каннибалами», ибо цитирует известную фразу Ллойд-Джорджа «Торговать можно и с каннибалами», сказанную по поводу возобновления торговых отношений с Советской Россией» (примеч. В. Злобина).

⁴ Сравнение лидера норвежских фашистов, премьер-министра марionетного правительства оккупированной Норвегии В. Квислинга с О. Куусиненом вызвано следующими обстоятельствами. После того как 28 ноября 1939 г. СССР порвал договор о ненападении с Финляндией, Сталин приказал подготовить для Финляндии «правительство» во главе с одним из лидеров Коминтерна, бывшим руководителем компартии Финляндии Куусиненом. Правительство несуществующей Финляндской демократической республики (с которым СССР тут же подписал договор о дружбе и взаимопомощи), было создано в Териоках. Впоследствии Сталин планировал создание Карело-Финской союзной республики путем объединения Карельской АССР и покоренной Финляндии, однако результаты советско-финской войны (30 ноября 1939 — 12 марта 1940) не дали осуществиться этим планам.

⁵ Из стихотворения Гиппиус «Поэты, не пишите слишком рано», написанного в начале первой мировой войны.

⁶ «Илья Осипович Гавронский, брат А. О. Фондаминской» (примеч. В. Злобина).

⁷ В Польше — Д. В. Философов, в России — младшие сестры З. Н. Гиппиус, Татьяна (1877 — 1957) и Наталья (1880 — 1945), художницы. Во время репрессий, последовавших после убийства С. М. Кирова, их выселили из Ленинграда, и они обосновались в Новгороде, где им удалось устроиться на работу в Новгородский музей. Эти сведения сообщены Л. Б. Горнунгом, поэтом и автором воспоминаний об А. А. Ахматовой, Б. Л. Пастернаке, М. А. Волошине и др., принимавшим после войны участие в работе комиссии Академии художеств по описанию и фотографированию разрушений новгородских архитектурных памятников и встречавшимся в Новгороде с сестрами Гиппиус.

⁸ Тереза Лизьеская (S-te Thérèse de Lisieux), в миру Тереза Мартэн (1873 — 1897) — чтимая Мережковскими святая. В отличие от св. Терезы Авильской, Мережковские называли свою любимую святую «Маленькой Терезой». Незадолго до смерти Д. В. Мережковский закончил роман-жизнеописание «Маленькая Тереза» (первое издание: США, Анн-Арбор: изд-во «Ардис», 1984; затем роман был включен в книгу Мережковского «Испанские мистики», изданную под редакцией и с предисловием Темиры Пахмусс в Брюсселе (1988).

⁹ Галифакс Эдуард Фредерик (1881 — 1959) — министр иностранных дел Великобритании в 1938 — 1940 гг.

¹⁰ Майский Иван Михайлович (1884 — 1975) — советский дипломат, в 1932 — 1943 гг. посол СССР в Англии.

¹¹ Договор о торговле, мореплавании и о торговом представительстве между Югославией и СССР был заключен в мае, а дипломатические отношения установлены 25 июня 1940 г.

¹² «Матэн» — парижская ежедневная газета.

¹³ Милан Стоядинович (1888 — 1961) — премьер-министр и министр иностранных дел Югославии в 1935 — 1939 гг., проводивший во внутренней политике — фашизацию страны, во внешней — прогерманскую и проитальянскую политику.

¹⁴ Мамченко Виктор Андреевич (1901 — 1982) — журналист, друг Мережковских, названный Гипшиус «другом номер один», не покинувший их после выступления Д. С. Мережковского летом 1941 г. по немецкому радио и отрицавший обвинения последнего в коллаборационизме.

¹⁵ Гамелен Морис Густав (1872 — 1958) — главнокомандующий французскими войсками в сентябре 1939 — мае 1940 г.

¹⁶ Из арии Кармен «Туда, туда, скорее в горы...» в одноименной опере Ж. Бизе.

¹⁷ А. Ф. Керенский в возрасте 58 лет женился на Терезе Лидии Триттин, 30-летней дочери богатого австралийского промышленника; со своим первым мужем — Наядиным — она разошлась в 1936 г. Керенский к тому времени с первой женой развелся давно, и она жила в Лондоне, нося фамилию Барановской.

¹⁸ Цетлины — Михаил Осипович (1882 — 1945), поэт (псевд. граф Амари), критик, коллекционер картин, издатель альманаха «Окно», и его жена Марья Самойловна (урожд. Тумаркина; ? — 1975).

¹⁹ Перечислены писатели: В. В. Набоков (1899 — 1977) (В. Сирин — его псевдоним до 1940 г.); И. А. Бунин (1870 — 1953) и его жена В. Н. Муромцева-Булнина (1881 — 1961); писательница Н. А. Тэффи (1872 — 1952).

²⁰ В. А. Злобин.

²¹ Нувель Вальтер Федорович (1871 — 1949) — один из участников журнала «Мир искусства», композитор-любитель, постоянный сотрудник С. П. Дягилева за рубежом и его биограф.

²² Дима — Дмитрий Владимирович Философов (1872 — 1940), журналист, критик, совместно с Мережковскими организатор Религиозно-философских собраний. Умер в Отвоцке под Варшавой.

²³ Имеется в виду семья журналиста Хирьякова Александра Модестовича (в 1923 — 1924 гг. издавал в Берлине и Праге журнал «На чужой стороне», редактировавшийся С. П. Мельгуновым).

²⁴ Имеется в виду Эмиль Борз, французский журналист.

²⁵ «Этот слух не подтвердился. Художник и писатель Ю. Чапский здравствует в Париже» (примеч. В. Злобина). Годы жизни Юзефа Чапского — 1896 — 1993.

²⁶ Имеется в виду Леопольд III, сын бельгийского короля Альберта I (1875 — 1934), сражавшегося в первую мировую войну во главе своих войск.

²⁷ Астрид (1905 — 1935) — королева Бельгии, жена Леопольда III. Погибла в автомобильной катастрофе, виновником которой, по мнению общественности, был ее муж.

²⁸ Вероятно, сын писателя П. Д. Боборыкина.

²⁹ Терапиано Юрий Константинович (1892 — 1980) — поэт, литературный критик, автор книги воспоминаний «Встречи» (1953).

³⁰ Фельзен Юрий (Фреденштейн Николай Бернардович; 1895 — 1943?) — писатель, сотрудник журналов «Современные записки», «Числа», «Круг». Погиб в немецком концлагере, схваченный на границе с Швейцарией, куда он пытался бежать из Франции к сестре.

³¹ Адамович Георгий Викторович (1894 — 1972) — поэт, критик. В 1947 г. опубликовал свою «исповедь» — «Вторая родина», где признал заслуги Сталина во второй мировой войне.

³² Кельберин Лазарь Израилевич (1906 — 1975) — поэт.

^{32a} Эти сведения неверны: хотя Л. Б. Савинков действительно был просоветски настроен, в СССР он не уезжал.

³³ «Заключительное четверостишие стихотворения З. Гиппиус, написанного накануне войны 1914 г.» (примеч. В. Злобина).

³⁴ «Церковь св. Терезы на rue La Fontaine в Anteuil, куда Мережковские ходили каждое воскресенье» (примеч. В. Злобина).

³⁵ Старшая сестра З. Н. Гиппиус — Анна Николаевна.

³⁶ Иванов Георгий Владимирович (1894 — 1958) — поэт. В эмиграции с 1923 г.

³⁷ Чеботаревская Анастасия Николаевна (1876 — 1921) — писательница и критик, жена Ф. К. Сологуба. Покончила с собой 26 сентября 1921 г., бросившись в Неву с Тучкова моста.

³⁸ Газетная вырезка, о которой идет речь, среди сохранившихся и вложенных в дневник отсутствует.

В. В. МАЯКОВСКИЙ В ПЕРЕПИСКЕ СОВРЕМЕННОКОВ

Публикация И. И. Аброскиной

Работа по теме «Маяковский в неизданной переписке современников» была начата в 1987 году и сосредоточена лишь на хранящихся в РГАЛИ фондах тех лиц, которые прямо или косвенно были связаны с поэтом: И. А. Аксенова, П. Г. Антокольского, В. Е. Ардова, Н. Н. Асеева, А. А. Ахматовой, Н. С. Ашукина, С. П. Боброва, Л. Ю. Брик и В. А. Катаняна, С. Ф. Буданцева, С. М. Городецкого, Е. Д. Зозули, А. Е. Кручных, В. Э. Мейерхольда, Ю. К. Олеси, В. П. Полонского, И. Л. Сельвинского, А. А. Фадеева, А. В. Февральского, В. Б. Шкловского, М. М. Штрауха и др. Была прочитана эпистолярная часть более 100 фондов, что составило примерно 166 000 листов. В результате было выявлено около 450 фрагментов писем. Выявление проводили сотрудники отдела публикации архива И. И. Аброскина, С. Г. Блинов, О. И. Евдокимова, Г. Э. Карсян, Т. Л. Латыпова, М. Г. Эдельман. Из всего выявленного в сборник «Встречи с прошлым» публикатор включил около 70 фрагментов.

К сожалению, приходится признать, что Маяковский явился темой переписки меньшего числа людей, чем это ожидалось вначале. Но даже при таком итоге существенно дополнились наши знания о творческой и личной биографии поэта.

Прежде всего раскрыты отдельные, ранее не выясненные темы; некоторые факты впервые вводятся в научный оборот, но не менее важным является то, что уточняются отношения людей — ведь адресаты и корреспонденты и упоминаемые в письмах лица составляли жизненную среду Маяковского. Сопоставление писем друг с другом и с иными документами помогает понять многое и в самом поэте, и в людях, его окружающих; в предлагаемом читателю материале так или иначе присутствует время, эпоха.

В нашей публикации мы ограничились перепиской 1913 — 1930 годов и остановились на нескольких темах

и периодах переписки. Мы прочитываем отрывки из писем близких и не очень близких Маяковскому людей, и перед нами встает, может быть, не совсем привычный, нестереотипный образ поэта.

В примечаниях даются ссылки на 13-томное Полное собрание сочинений Маяковского (М., 1955 — 1961).

Даты и другие публикаторские конъектуры даются в квадратных скобках.

1

Н. Г. Машковцев — Б. А. Садовскому

[3 июня (н. с.) 1913. Гельсингфорс (совр. Хельсинки)]

Бальмонта встречали очень хорошо. Но глупо отличился Маяковский, сказавший приветствие от лица врагов — молодых, ни в грош не ценящих приторную, как качалка однообразную поэзию старика Бальмонта.

(Ф. 464, оп. 1, ед. хр. 91, л. 27)

Машковцев Николай Георгиевич (1887 — 1962) — искусствовед.

Садовской Борис Александрович (1881 — 1952) — писатель, критик.

5 мая 1913 г. в Москве встречали вернувшегося из эмиграции поэта К. Д. Бальмонта. Среди встречавших был Маяковский. 7 мая он выступил на чествовании Бальмонта, устроенном Обществом свободной эстетики в помещении Московского литературно-художественного кружка. Корреспондент газеты «Речь» писал о выступлении Маяковского: «А говорил он, как и полагается футуристу, о том, что они, футуристы, соль поэзии, что в них спасение. Бальмонт — это отжитое [...] И потому Бальмонт, хотя он и враг, должен только радоваться их делу» (Речь. 1913. 10 мая).

Л. Ю. Брик вспоминала: «Я видела Маяковского в Литературно-художественном кружке в Москве в вечер какого-то юбилея Бальмонта. Не помню, кто произносил и какие речи, помню, что все они были восторженно-юбилейные и что только один Маяковский выступил «от Ваших врагов». Он говорил блестяще и убедительно, что раньше было красиво «дрожать ступеням под ногами», а сейчас он предпочитает подниматься в лифте. [...] Осипа Максимовича Брика и меня Маяковский удивил, но мы продолжали возмущаться, я в особенности, скандалистами, у которых, говорят, ни одно выступление не обходится без городского и сломанных стульев» (Дружба народов. 1989. № 3. С. 186 — 187).

Е. Соколова — Б. А. Садовскому

[14] октября 13 года. Москва

Вчера была на вечере футуристов, какое убожество!!! Хлебников и Д. Бурлюк¹ должны были читать, но, вероятно, убоились стыда — отговорились болезнью... Публики было так много, что зал не мог вместить всех и полиция не разрешала начать чтение, пока публика не очистит среднего прохода между стульями. Я была очень благодарна полиции за такое распоряжение, это дало мне возможность свободно покинуть заседание в конце первого отделения. Если бы Вы знали, что они там читали!! [...] Они, кажется, ждали скандала, свистков, по крайней мере, Маяковский, но публика была добродушно настроена, все смеялись, как и мы. Да, я смеялась, но в душе осталось горькое чувство: не жаль мне Лившица, Маяковского, Бурлюка и пр., но зачем они губят молодежь! На многих лицах вчера я видела следы искреннего интереса и участия. Кто эти футуристы? Шарлатаны или психопаты?

(Ф. 464, оп. 1, ег. хр. 248, л. 81 об. — 82 об.)

Вероятно, Е. Соколова имела в виду выступление Маяковского и группы футуристов 13 октября 1913 г. в Москве, в зале Общества любителей художеств на «Первом в России вечере речетворцев». В газетном отчете говорилось: «Герои вечера появлялись тут и там, разжигая нетерпение и без того возбужденной публики. Самый героический из них был в изысканной желто-черной кофте в полоску и без пояса [...] Не желая отодвигать события в будущее, хотя и близкое, молодой футурист «в полоску» прямо начал с дела: «Мы разрушаем ваш старый мир [...] Вы нас ненавидите» (Русские ведомости. 1913. 15 окт.).

¹ Бурлюк Давид Давидович (1882 — 1967) — поэт, художник, один из основоположников футуризма.

К. И. Чуковский — С. Н. Сергееву-Ценскому

25 февр. [1915. Петроград]

Прожил зиму в полном одиночестве, бегая под парусом на лыжах, под сенью тихого маститого Ильи¹; здесь встречаюсь с Шаляпиным, который меня не чарует: обыкновенный Куприн! Талант огромный, но физиологический, что до меня, то мне гораздо интереснее с бес-
талантным каким-н[и]б[удь] философом, чем с таким ика-

ющим, рыгающим талантом. Вышли мои книжки; когда приедете, дам. Одна стоит 1 р. 50 к., другая 1 р. 25, третья 1 р.² Вы подумаете, книжки неважные, но я не волнуюсь.

Водился осенью с футуристами: Хлебников, Маяковский, Крученых, Игорь Северянин были мои первые друзья, теперь же, после того, как Маяковский напоил и употребил мою знакомую курсистку (милую, прелестную, 18-летнюю) и забеременил и заразил таким страшным триппером, что она теперь в больнице, без копейки, скрываясь от родных, — я потерял к футуристам аппетит³.

(Ф. 1161, оп. 1, ед. хр. 587, л. 1 об.)

Чуковский Корней Иванович (1882 — 1969) — писатель, критик.

Сергеев-Ценский Сергей Николаевич (1875 — 1958) — писатель.

¹ Имеется в виду художник И. Е. Репин, живший в Куоккале.

² Речь идет о книгах Чуковского «Лица и маски» (СПб.: Шиповник, [1914]), «Книга о современных писателях» (СПб.: Шиповник, 1914) и «Поэзия грядущей демократии. Уот Уитмен» (пер. К. И. Чуковского, предисл. И. Е. Репина. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1914).

³ Чуковский искажает историю отношений Маяковского с С. С. Шамардиной (1894 — 1980), его единственной любовью до встречи с Л. Ю. Брик, ставшей прообразом Марии в поэме «Облако в штанах». Сама Софья Сергеевна, как бы невольно комментируя слова Чуковского, писала в воспоминаниях: «...когда моя дружба с Маяковским приняла характер отношений не совсем приемлемых, я очень старательно избегала встречи с Чуковским, чтоб не пришлось ему все рассказывать [...] Чуковский, не найдя меня [...], заволновался. Через некоторое время я нашлась [...] Пришлось исповедоваться. Теперь-то я знаю, что не нужно было этого делать. В развитии наших дальнейших отношений с Маяковским нехорошую роль сыграл К. И. со своей бескорыстной «защитой» меня от Маяковского. Тут была даже клевета [...] Во всяком случае старанья К. И. возымели свое влияние на сугубо личные мои отношения с Маяковским [...] В 1923 г. [...] В[ладимир] В[ладимирович] мне рассказал, как Корней Иванович «информировал» Горького о том, что якобы Маяковский «совратил» и заразил девушку, а потом шантажировал ее родителей. Речь шла обо мне [...] Владимир спросил, может ли он сослаться на меня, опровергая эту мерзость [...] Я, конечно, ответила полным согласием» («Имя этой теме: любовь!» Современницы о Маяковском. М., 1993. С. 19, 20, 26, 27).

Горький не только не попытался разобраться в обстоятельствах, но даже продолжал распространять сплетню. Л. Ю. Брик в 1918 г. отправила ему письмо (см.: Янгфельдт Б. Любовь это сердце всего. В. В. Маяковский и Л. Ю. Брик. Переписка. 1915 — 1930. М., 1991. С. 223), а позднее сделала к этому письму комментарий:

«Горький»

До революции Горький проливал слезы над Володиными стихами, он протезировал Володе, выводил его в люди, хвалил знакомым. В революцию Володя оказался дома. Его сразу узнали и полюбили. Это был уже не младший опекаемый товарищ, а опасный конкурент. В один день в газетах появилось Володино стихотворение и горьковский рассказ на одну и ту же тему, о лошади. Володя написал много лучше, забавнее, ярче.

Стала я замечать, что Луначарский с нами почти не здоровается. А раньше мы очень были им обласканы. В чем дело? Говорю об этом как-то при Шкловском, а Шкловский и спрашивает: «Ты разве не знаешь, Горький рассказывает всем, что Володя заразил какую-то девушку сифилисом и потом шантажировал ее родителей?»

— Как так?

— А я думал, вы знаете.

Мы удержали Володю за руки, чтобы не бежал прямо бить Горького. Я взяла с собой Витю и поехала объясняться.

Горький болен. Я оставила Шкловского в гостинице, а сама захожу в кабинет — сидит Горький за письменным столом. Перед ним стакан с молоком, белый хлеб. Смотрит на меня вопросительно. Чему бы, кажется, удивляться? Ходил же он раньше к нам в тетку играть, и я не удивлялась.

— Алексей Максимович, тут какое-то недоразумение. Вы рассказываете что-нибудь плохое о Вл. Вл.-че?

— Я? Нет, конечно.

— Вы не говорили о нем то-то и то-то?

— Ничего подобного.

Я к двери: «Витя, Ал. Мак. все отрицает. Говорит — ничего подобного». Даже Шкловский возмутился такой наглостью.

— Алексей Максимович, помилуйте, да вы же мне сами говорили.

Горький не ожидал, что Шкловский за дверью.

— Ну что ж, ну и говорил. Я узнал об этом из достовернейшего источника. Мне сказал об этом врач.

— Но как же вы могли ему поверить? Ведь вы же знаете Володю, меня. Как не проверили, не спросили?!

— А какие у меня основания верить вам больше, чем врачу. А если б это и была даже сплетня, я считаю все способы дозволенными для того, чтобы удалить этих прохвостов, издающих и печатающих только самих себя, от министра просвещения Луначарского. А Луначарский, хоть и плохой министр, но министр.

В ответ на это я потеряла дар речи и сказала только — тогда дайте мне имя, фамилию и адрес этого доктора.

— Я не помню.

— Так вспомните,

— Сейчас не вспомню. На днях скажу через Шкловского.

Речь идет об опубликованном в московском издании газеты «Новая жизнь» 9 июня 1918 г. стихотворении Маяковского «Хорошее отношение к лошадям» (под названием «Отношение к лошадям») и статье Горького «В большом городе», напечатанной там же — 9, 13 и 17 июня. (Примеч. публ.)

Жду неделю, жду две. Посылаю Горькому письмо [...] Конечно, не было никакого врача в природе. Я рассказала всю историю Луначарскому и просила передать Горькому, что он не бит только благодаря своей старости и болезни» (ф. 2577, оп. 1, ед. хр. 59).

4

Н. Н. Евреинов — В. В. Каменскому

$\frac{26}{VI}$ — 915. [Куоккала]

Здесь живет Маяковский. В общем «не так страшен черт, как его малюют». Мы с ним пока в прекрасных отношениях. А Чуковский так не надышится на него¹ [...] 4 июля вечер (я — режиссер вечера) с И. Репиным, Чуковским, Маяковским, балетными танцовщицами и т. п.² (Ф. 1497, оп. 1, ед. хр. 193, л. 4 и об.)

Евреинов Николай Николаевич (1879 — 1953) — режиссер, драматург, театровед.

Каменский Василий Васильевич (1884 — 1961) — поэт.

¹ В авторском комментарии к изданию рукописного альманаха «Чукоккала» К. И. Чуковский писал: «Вскоре после нашей встречи в Москве Маяковский переехал в Куоккалу. Постоянного жилья у него не было. Он жил то у меня, то в гостинице Трубе (недалеко от станции), то у художника Ивана Пуни. Об этом времени он в своей автобиографии писал: «Семизнакомая система (семипольная). Установил семь обедающих знакомств. В воскресенье «ем» Чуковского, понедельник — Евреинова и т. д. В четверг было хуже — ем репинские травки. Для футуриста ростом в сажень — это не дело.

Вечера шатаюсь пляжем. Пишу «Облако». Здесь Маяковский допустил две неточности, о которых я впоследствии говорил ему, и он обещал их исправить. Во-первых, приемные дни в Пенатах у Репина были не четверги, а среды, а во-вторых, он «ел» меня не только по воскресеньям. В то время ему было двадцать три года, и аппетит у него был колоссальный» (Чукоккала. М., 1979. С. 93).

Комментарием к сказанному могут служить также слова из письма В. Б. Шкловского писателю Миرونу Павловичу Левину от 29 апреля 1939 г.: «...я тебе рассказал, в чем было дело с Чуковским. Он прочел описание своей мирной жизни с Маяковским. Это противоречит тому, что было на самом деле. Владимир прожил трудную жизнь, а Чуковский им торговал. У Володи было на лето 55 рублей. Он был принужден обедать у Чуковского, а Чуковский на лекциях о футуристах тогда заработал 12 тысяч.

Всю жизнь сладкоголосый гад зарабатывал на литературе. Он талантливый человек и пусть он живет, но не надо, чтобы он жил со славой.

Другом он не был ни Блоку, ни Маяковскому. Между тем то, что он рассказывает, нравится публике, удовлетворяя ее любопытство» (ф. 562, оп. 1, ед. хр. 423, л. 11. Маш. коп.).

² В журнале «Театр и искусство» сообщалось: «4 июля в Куоккале состоялся лит.-муз. танцевальный вечер под странным «официальным» названием «Белый вечер» [...] Вступительное слово сказал маститый Репин [...] Выступление Маяковского многих [...] разочаровало. От него, как от «футуриста», ожидали какой-нибудь дикой выходки. Вместо того этот очень неуравновешенный, но несомненно обладающий недожинным дарованием поэт прочел несколько стихотворений, очень своеобразных и колоритных, вовсе лишенных каких-либо специальных эксцессов. Пьесы Маяковского про собаку и про звезды — произведения прямо отличные, рельефные, очень индивидуальные, весьма любопытные в отношении ритмической и рифмической техники» (Театр и искусство. 1915. № 28).

5

Д. Д. Бурлюк — В. В. Каменскому

[Июнь — июль 1915]

Маяковский в «Сатириконе» и усиленно карьеристствует в Куоккале, где живет у Чуковского (!) уже книга и уже предисловие.

(Ф. 1497, оп. 1, ед. хр. 184, л. 40 об.)

В журнале «Новый Сатирикон» 26 февраля 1915 г. было опубликовано стихотворение Маяковского «Гимн судье», 19 марта — «Гимн ученому», 18 июня — «Военно-морская любовь», 2 июля — «Гимн здоровью». Был подготовлен к изданию и сборник стихов «Для первого знакомства», о чем в июне — июле 1915 г. велись переговоры с редакцией «Нового Сатирикона». Книга была набрана, но в свет не вышла.

6

И. А. Аксенов — С. П. Боброву

17/IV [1916. Клецк, Минской губ.]

Вообще у нас о войне никто еще не писал активно: все писавшие как бы живут при войне, переносят войну, но не живут в ней, не участвуют, т. е. метафоры их возвращаются либо в кругу интимных, либо архаических (Хлебников) восприятий. Этого нет у Маяковского, напр., но вещь его («Вы, переживающие»¹ и т. д.) — слабая в чисто техническом смысле, не говоря уже о ритме (всегда у него слабом), а и потому, что связь-то вся только диалектическая. Кстати, при расчете с поэтами следовало бы четвертаки выдавать за основную строку, а то Маяковский свои трехстопные анапесты печатает по одному слову в стихе да еще односложному. Караул!

(Ф. 2554, оп. 1, ед. хр. 5, л. 14 и об.)

Аксенов Иван Александрович (1884 — 1935) — поэт, критик. Примыкал к футуристической группе «Центрифуга».

Бобров Сергей Павлович (1889 — 1971) — поэт, прозаик.

¹ Возможно, имеется в виду стихотворение «Вам!» («Вам, прожигающим за оргией оргию...»).

7

Б. А. Кушнер — С. П. Боброву

Петроград. 21/VII 16 г.

...здесь вообще ровно ничего не делается. Не считая разве мелочей, к тому же Вам, вероятно, уже известных. Вроде готовящейся к выходу в издании «Летописи» книжки Маяковского¹ или Сборника по теории поэтического языка, издаваемого Бриком².

(Ф. 2554, оп. 1, ег. хр. 40, л. 10 об. — 11)

Кушнер Борис Анисимович (1888 — 1937) — литератор.

¹ «Летопись» — журнал, основанный А. М. Горьким и выходивший в Петрограде в 1915 — 1917 гг. В № 2/4 и 7/8 за 1917 г. в «Летописи» публиковались отрывки из поэмы Маяковского «Война и мир», но здесь, скорее, имеются в виду его книги «Простое как мычание» (1916) и «Война и мир» (1917), вышедшие в петроградском издательстве «Парус», где Горький принимал деятельное участие.

² Брик Осип Максимович (1884 — 1945) — писатель, литературовед, теоретик Лефа, автор ряда работ о Маяковском. На его средства было осуществлено первое издание поэмы «Облако в штанах». «Сборники по теории поэтического языка», в которых участвовал О. М. Брик, выходили в 1916 — 1917 гг.

8

В. Б. Шкловский — В. Г. Шкловской-Корди

Приехал Брик, М[аяковский] и Лиля¹. Очень неприятны [...]

Европа, Люсик, кончается. Кончается европейская культура. Культура не нужна никому. Будем верить, что мы не увидим конца.

Европа, Люсик, кончается от политической безнравственности и национализма [...]

Здесь чахнет Ремизов, танцует А. Белый, скрипит Ходасевич, хамит Маяковский, пьет А. Толстой², остальные шиберуют. Шиберуют.

¹ Спекулируют (от нем. Schieber).

Революция, ее уже знают. Грешники в аду после страшного суда так будут жить. Суд уже был. Веселиться, недожаренные.

Европейская ночь...³

27 октября 1922 года. Берлин

(Ф. 562, оп. 1, ед. хр. 449, л. 2 и об.)

Шкловский Виктор Борисович (1893 — 1984) — писатель, литературовед, член литературно-художественного объединения Леф.

Шкловская-Корди Василиса Георгиевна (1890 — 1977) — первая жена В. Б. Шкловского.

¹ Брик Лили Юрьевна (1891 — 1978) — переводчица; любимая женщина Маяковского, которой поэт посвятил многие свои произведения.

² Перечислены находившиеся в Берлине в 1922 г. в эмиграции русские писатели.

³ Слова из стихотворения В. Ф. Ходасевича «У моря» — 2 сентября 1922 г. Берлин «...Под европейской ночью черной // Заламывает руки он».

9

М. И. Цветаева — Б. Л. Пастернаку

Мокропсы, 19-го нов. ноября 1922 г.

Рада была бы и увидеть Маяковского. — Он, очевидно, ведет себя ужасно, — и я была бы в труднейшем положении в Берлине. — Может быть, и буду¹.

(Ф. 1334, оп. 1, ед. хр. 883, л. 2. Рук. коп.)

Цветаева Марина Ивановна (1892 — 1941) — поэтесса.

Пастернак Борис Леонидович (1890 — 1960) — поэт.

Общезвестны встречи Маяковского и Цветаевой. В Москве, на Кузнецком мосту, в 1922 г. перед отъездом Цветаевой за границу; ее вопрос: «Что же передать от Вас Европе?» — и его ответ: «Что правда — здесь». В Париже, у кафе «Вольтер», в 1928 г.; его вопрос: «Что же скажете о России?..» — и ее ответ: «Что сила — там».

В 1921 г. Цветаева пишет стихотворение «Маяковскому» («Превыше крестов и труб...»), а в апреле — августе 1930 г. пишет цикл «Маяковскому». Во время пребывания Маяковского в Париже она дарит ему свою книгу «После России» с надписью: «Такому как я — быстроногому! Марина Цветаева Париж Октябрь 1928 г.» (личный архив В. В. Катаняна).

19 мая 1922 г. в Берлине, на вечерё в Доме Искусств, Цветаева читала стихи Маяковского и в этом же году перевела на французский его стихотворение «Сволочи» («Ecoutez, canailles!»). 24 ноября 1928 г. в парижской газете «Евразия» было опубликовано ее открытое приветственное письмо Маяковскому. В результате произошел конфликт между Цветаевой и редакцией другой эмигрантской газеты «Последние новости». 3 декабря 1928 г. Цветаева писала Маяковскому: «Знае-

те, чем кончилось мое приветствование Вас в «Евразии»? Изъятием меня из «Последних новостей», единственной газеты, где меня печатали». Это письмо Цветаевой было помещено самим Маяковским среди материалов его выставки «20 лет работы» в феврале 1930 г. Подробно о личности Маяковского и его поэзии Цветаева написала в статье «Эпос и лирика современной России». Она высоко оценивала талант Маяковского, он же, надо признать, до конца не принял ее, т. к. не мог подняться над своим отношением к ее эмиграции: «Вот говорят относительно поэтессы Цветаевой: у нее хорошие стихи, но идут мимо [...] я считаю, что вещь, направленная против Советского Союза, направленная против нас, не имеет права на существование» (из выступления Маяковского на 2-м расширенном пленуме РАПП 26 сентября 1929 г. // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 391).

В письмах Цветаевой Пастернаку много раз упоминается Маяковский. Автографы писем, переданные Пастернаком на хранение в Музей А. Н. Скрябина, были утрачены в ноябре 1945 г. Сохранились только копии, снятые ранее А. Е. Крученых и сотрудниками скрябинского музея.

¹ К моменту написания Цветаевой данного письма Маяковский из Берлина уехал в Париж, где пробыл с 18 по 25 ноября 1922 г. В Чехословакию в 1922 г. поэт не приезжал.

10

С. Ф. Буданцев — В. М. Сырневу

За «Леф» не беспокойтесь. Он скоро перекочет на обложки журналов и за границу редактируемого текста. Маяк[овский] с Родченко рекламоконструкциями теперь занимаются. Зажать «Леф» нельзя, как нельзя заткнуть вулкан или родник.

Мантурово, 23-VII-23

(Ф. 2268, оп. 2, ед. хр. 93, л. 2)

Буданцев Сергей Федорович (1896 — 1940) — писатель.
Сырнев Василий Михайлович — врач.

В передовой статье журнала «Леф», написанной Маяковским, читаем: «Мы дадим организованный отпор тяге «назад!», в прошлое, в поминки. Мы утверждаем, что литература не зеркало, отражающее историческую борьбу, а оружие этой борьбы» (Леф. 1923. № 4). Н. Н. Асеев много лет спустя вспоминал, что Маяковский приглашал С. Есенина участвовать в «Лефе» и говорил: «У нас не группа, у нас вся планета!!!» — и стремился объединить вокруг журнала наиболее ярких писателей, не только лефовцев, но и В. Катаева, И. Бабеля, Артема Веселого (см.: Литература и жизнь. 1960. 13 апр.). В 1923 г. Маяковский вел работу по рекламе и плакату для ГУМа, Моссельпрома, Резинотреста, Мосполиграфа с художниками А. М. Родченко, В. Ф. Степановой, А. М. Лавинским, А. С. Левиным.

Я. А. Тугендхольд — П. С. Когану

7/1 — 1925 [Москва]

Приветствую Вас в Париже; хочу думать, что многие из Ваших опасений там, на месте, улягутся. Теперь роли меняются, и я, со своей стороны, полон опасений и тревоги. За время Вашего и моего отсутствия, в Комитете (временно?) восторжествовала линия, крайне беспокоящая меня. Быть может, это уляжется, но я все же считаю нужным сейчас же поделиться этим с Вами. Дело в том, что в работу вошел Маяковский, и в результате этого Д. П. [Штеренберг], в мое отсутствие утвержденный как завед. худож. частью выставки, провел в качестве художника, который будет декорировать выставку, Родченко! Родченко — спец по обложкам, но в роли декоратора он никогда не выступал, кроме того он не чувствует народного, туземного, специфического характера России. Я считаю, что нам экспериментировать — преступно; Родченко можно поручить декорировать отдел Госиздата, но отнюдь не всю выставку в целом¹. Я считаю, что раз Экстер и Анненков в Париже, а мы их знаем, и знаем, как она работала в Москве, то в интересах дела было бы тягчайшей ошибкой не привлечь их² [...]

Р. С. Если Вы по вопросу о Родченко разделяете мою точку зрения, не откажите написать об этом так, как будто Вы уже *переговорили* с Экстер, чтобы не вышло с моей стороны жалобы.

(Ф. 237, оп. 1, ед. хр. 126, л. 1, 2)

Тугендхольд Яков Александрович (1883 — 1928) — искусствовед.

Коган Петр Семенович (1872 — 1932) — критик, литературовед.

П. С. Коган был председателем выставочного Комитета отдела СССР Международной выставки декоративных искусств и современной художественной промышленности в Париже в 1925 г. (открылась 28 апреля 1925 г.). Я. А. Тугендхольд отвечал за пропаганду и информацию о работе комитета. В протоколах заседаний комитета Маяковский значился в списках присутствующих с 28 декабря 1924 г. по 3 марта 1927 г.; 28 декабря 1924 г. поэт выступал на заседании, и его просили представить свои соображения и смету для подготовки экспонатов рекламного характера. Маяковский также вошел в комиссию по редактированию сборника статей о художественной промышленности и каталога советского павильона. 18 января 1925 г. Маяковский выступал на заседании комитета с отчетом о проделанной работе (ф. 941, оп. 15, ед. хр. 13 — 15, 19).

¹ Художник и фотомастер А. М. Родченко, сделавший вместе с Маяковским много рекламных плакатов, так вспоминал об этом периоде: «Мне заказали экспонат на выставку в Париже — «Рабочий клуб». И еще нужно было сделать копии с тех плакатов, что мы делали для Моссельпрома, ГУМа и Резинотреста [...] Кроме клуба, мне предстояла еще расцветка нашего павильона и внутри и снаружи и проект оформления и исполнения трех залов Гран-Пале и развеска их экспонатов [...] Мы с Володей за рекламу получили серебряную медаль, кроме того, я за театр и интерьер еще две медали» (Родченко А. М. Статьи. Воспоминания. Автобиографические записки. Письма. М., 1982. С. 71 — 72).

² Ю. П. Анненков и А. А. Экстер были участниками выставки.

12

П. С. Коган — Н. А. Коган-Нолле

2/VI — 25. [Париж]

Вчера мы принимали все части выставки от всех заведующих. Появился, м[ежду] прочим, Маяковский. Он весел, мы обедали все вместе — Штеренб[ерг], Аркин, Терновец и др. Маяковский через неделю уезжает в Мексику. Куда его носит!

(Ф. 237, оп. 2, ег. хр. 254, л. 9)

Коган-Нолле Надежда Александровна (1888 — 1966) — переводчица, жена П. С. Когана.

Маяковский приехал в Париж 28 мая 1925 г. и 21 июня из Бретани отправился в Мексику.

2 июня 1925 г. он писал Л. Ю. Брик: «Выставка — скучнейшее и никчемнейшее место. Безвкусица, которую даже нельзя себе представить» (Полн. собр. соч. Т. 13. С. 72). Советский павильон открылся 4 июня. За экспонировавшиеся там рекламные плакаты с текстами Маяковского поэт был награжден серебряной медалью (см.: Известия. 1925. 13 нояб.).

13

П. С. Коган — Н. А. Коган-Нолле

[1925, 5 июня. Париж]

После открытия вчера читал у студентов советской ориентации о нов[ой] русск[ой] лит[ературе]. Пришел и Маяковский, читал свои стихи¹. Молодежь славная, восторженно нас встречала.

(Ф. 237, оп. 2, ег. хр. 254, л. 6 и об.)

¹ Публикуемое письмо сообщает еще об одном выступлении Маяковского в Париже в июне 1925 г., кроме двух, зафиксированных в книге В. А. Катаняна «Маяковский. Хроника жизни и деятельности» (9 июня в Полпредстве СССР и 11 июня в клубе сотрудников советских учреждений в Париже).

А. А. Аркатов — Н. Н. Евреинову

New York
Oktober 26-th 1925

Пишете, что Маяковский не имел успеха... Господи, да как Вам не стыдно сравнивать себя с Маяковским! Ведь Вы большой художник и поэт, а Маяковский — шут гороховый. К тому же — невежда. Он все время околачивался на East Side, т. е. в русских и еврейских кварталах, сам себе, с другим шутком Бурлюком, давал дешевые завтраки, «банкеты» и говорил те же самые слова, что мы слышали до революции. Я хочу сказать, что революция и вся замечательная яркая деятельность новой России нисколько не отразилась на этом великанине, для которого рюмка водки и хороший комплимент — все. Ясно, что он прошел незаметно мимо мыслящей и читающей Америки [...] К тому же он не сумел окружить себя нужными людьми, ну, хотя бы платным manager'ом (управляющим), хотя ему нечего сказать о новейшей русской поэзии. К тому же, как ни странно, он не знает ни одного иностранного языка! Да вообще куда ему до Вас! [...]

Я идейно и кровно связан со своей родиной, любил ее всегда и люблю сейчас как она есть. И будет день, если я доживу, — вернусь обратно домой, обогащенный опытом и знанием, и помогу строить наше искусство. Так что я не из тех эмигрантов, как Вы себе представляете. Я — русский и советский гражданин.

(Ф. 982, оп. 1, ед. хр. 143, л. 6 об.)

Аркатов Александр Аркадьевич — кино- и театровед.

Д. Д. Бурлюк — В. В. Каменскому

New York

13 марта
1926 г.

Для твоего имени всюду работал не меньше, чем для Володиного (Маяковск[ого]¹). От него, пока, ни приветов ни ответа за это, кроме действительно большой человеческой душевности, дружбы (к человеку), не видал². [...]

Н. Н. Евреинов здесь благоденствует. Получил уже 2000 долл., и ставят его пьесу³, за нее тоже пойдут ав-

торские. Володя Маяк[овский] перевел отсюда за 3 месяца 1400 долларов, 700 — в Москву и столько же — в Италию⁴. Жил здесь первоклассно. Свой заработок, в общем не меньше 6000 долл., отдал весь в организации, которые ему устраивали лекции (неумело).

Если бы он устраивал сам, то дела бы у него могли бы быть гораздо лучше. С одной первой лекции здесь он мог бы иметь 1500 долл. чистого, а уж 1250 долл. наверное. Его обирали.

(Ф. 1497, оп. 1, ег. хр. 184, л. 12 об. — 13 об.)

¹ При содействии Бурлюка к 1926 г. были осуществлены американские издания Маяковского: «Открытие Америки» (обложка и иллюстрации Д. Бурлюка. N. Y.: New World Press, [1925]), «Солнце в гостях у Маяковского». Украшение Д. Бурлюка (N. Y.: New World Press, [1925]), а также опубликована в эмигрантской нью-йоркской газете «Русский голос» беседа Бурлюка с Маяковским (Русский голос. 1925. 2 авг.).

² В автобиографии «Я сам», написанной в 1922 г., Маяковский писал о Бурлюке: «Всегдашней любовью думаю о Давиде. Прекрасный друг. Мой действительный учитель. Бурлюк сделал меня поэтом. Читал мне французов и немцев. Всовывал книги. Ходил и говорил без конца. Не отпуская ни на шаг. Выдавал ежедневно 50 копеек. Чтобы писать не голодая».

³ Имеется в виду постановка пьесы Евреинова «Самое главное» в нью-йоркском Гилд-театре (режиссер — Ф. Моллер; премьера прошла 21 марта 1926 г.). Жена Евреинова А. А. Кашина-Евреинова писала об этом времени в своей книге о муже: «Вспоминаю с благодарностью художника Давида Бурлюка, неумышленно помогавшего нам в устройстве лекций» (Кашина-Евреинова А. А. Н. Н. Евреинов в мировом театре XX века. Париж, 1964).

⁴ Маяковский перевел 700 долларов Л. Ю. Брик, которая отдыхала тогда в Италии.

16

Н. Н. Евреинов — В. В. Каменскому

$\frac{2}{IV}$ — 926 [Нью-Йорк]

Времени здесь мало. New York не похож на наши города ни в смысле построек, ни в смысле жизни (Маяковский за короткое время, и не зная языка, просто ничего, наверное, не понял в Америке! Здесь люди живут 2 — 3 года и тогда лишь начинают улавливать, что это такое N. Y., Америка).

(Ф. 1497, оп. 1, ег. хр. 193, л. 27)

А. Р. Палей — Е. Д. Зозуле

[1926, начало ноября]

В понедельник (минувший) был вечер «Нового Лефа»¹ — Маяковский, Асеев и еще кто-то. Конечно, был балаган, в котором, помимо Маяковского, участвовали и какие-то неведомые юнцы из публики, делавшие себе рекламу. Позорно, что Союз писателей санкционирует своим помещением и своим официальным днем (понедельник) эти безобразия, и жаль, что Асеев принимает в них участие. «Вечерняя» выругала этот вечер. В той же «Вечерней» была статья Жарова о литературном хулиганстве, в которой он, между прочим, ругал Маяковского за его нелепое выступление против Вас².

Москва

(Ф. 216, оп. 1, ед. хр. 291, л. 1 и об.)

Палей Абрам Рувимович (1893 — 1995) — поэт, очеркист, критик.

Зозуля Ефим Давидович (1891 — 1941) — писатель.

¹ Вероятно, имеется в виду диспут «Наша литература и критика», состоявшийся 25 октября 1926 г. в Политехническом музее под председательством П. С. Когана.

² В статье «Против литературных бесчинств: Размышления по поводу (вечеров В. Маяковского и его подражателей)» А. А. Жаров писал: «Стоит вспомнить попытку Маяковского на одном из последних выступлений в Политехническом музее грубейшим образом скомпрометировать, несмотря на протест публики, писателя Е. Зозулю — авторитетного работника, деликатнейшего человека — с бесцеремонностью опять-таки довоенного футуристического качества» (Вечерняя Москва. 1926. 29 окт.).

М. Гауэр — В. Б. Шкловскому

Харьков, 9/III — 27

Скажите Маяковскому, что, будучи в Харькове несколько раз, он даже не удостоил нас чести, не зашел в магазин. Правда, выпад по отношению [к] книжн[ым] работникам мною не забыт (см. «Кр. Новь» 26 г.)¹. Но по отношению ко мне он лично все-таки должен был зайти. Ведь «Простое как мычание» и «Облако в штанах» я же продвинул в свое время. Он ругает книжных работников прилавка, а ведь им приходится продавать не только книги Маяковского. И я уверен, что после

его статьи в большинстве случаев совершенно будут игнорировать его. В прошлые приезды его я всегда на витринах выкладывал его книги, еще до его статьи, а теперь — ни одной книги его на витринах не было. А Харьков не маленький город, продвигать книгу я умею [...] Ругать нас, работников прилавка, не зная, при каких условиях мы работаем, несколько напоминает, я бы [сказал], мягко выражаясь, грубого человека, невоспитанного».

(Ф. 562, оп. 1, ед. хр. 549, л. 3 и об.)

¹ Маяковский всегда следил за организацией продажи своих изданий. Так, в 1927 г. торгсектор Госиздата представил Маяковскому справку о продаже его книг на 1 января 1926 г. и на 1 января 1927 г. В марте 1928 г. литературно-художественный отдел Госиздата запросил торговый сектор Госиздата о ходе продажи V тома Собрания сочинений Маяковского. Тогда же торгсектор Госиздата подготовил справку о движении и остатках книг Маяковского на 1 июля 1927 г. и на 1 января 1928 г. (ИМЛИ, ф. 18, оп. 1, № 45, л. 4 — 6, 21, 24). В июне 1929 г. Маяковский обратился с письмом к заведующему Госиздатом А. Б. Халатову, где говорилось: «Прошу Вас обратить внимание и оказать срочное и решительное содействие в следующем: [...] Продвинуть, наконец, широкое оповещение об издании моего Собрания сочинений, что не сделано, несмотря на двухлетние мои указания» (Поли. собр. соч. Т. 13. С. 130). «Выпад» по отношению к книжной торговле, о котором пишет М. Гауэр, содержится в статье Маяковского «Подождем обвинять поэтов» (Красная новь. 1926. № 4. С. 214 — 224).

19

В. Б. Шкловский — В. Г. Шкловской-Корди

[1 — 3 мая 1927 г. Москва]

Кушнер ссорится с Бриками. Лиля хочет купить автомобиль¹. Это очень повредит доброму имени Володи.

(Ф. 562, оп. 1, ед. хр. 451, л. 20)

¹ Автомобиль Маяковский привез из Парижа в 1928 г. 20 октября 1928 г. он писал Л. Ю. Брик: «...вся надежда на «Малик» — хочет подписать со мной договор [...] Ввиду сего на машины пока только облизываюсь». Договор с берлинским издательством «Malik-Verlag» на издание пьесы «Клоп» заключен не был. Был подписан общий договор Маяковского с этим издательством на «единственное право издания и распространения для постановок в театрах всех прозаических произведений Маяковского в немецком переводе» (ИМЛИ, ф. 18, оп. 1, № 32, л. 1 — 4).

М. И. Цветаева — Б. Л. Пастернаку

Meudon, 7/V — 27

О М[аяковск]ом прав. Взгляд гнетущий и угнетенный. Этим взглядом могут всё. М[аяковски]й ведь бессловесное животное, в чистом смысле слова скот. М[аяковски]й — сплошной грех перед Богом, вина такая огромная, что надо молчать. Падший ангел.

Было — и отняли (боги). И теперь жует травку (любую). Бог — бык. Конечно, он из страны мифов, почему тебе и мне близок, и той (дальней) родни. Мало таких спутников.

(Ф. 1334, оп. 1, ег. хр. 834, л. 33. Рук. коп.)

Образ Маяковского — «быка» уже встречался у Цветаевой в известном письме к Ахматовой от 31 августа (ст. ст.) 1921 г. — в связи со слухами в Москве о самоубийстве Ахматовой из-за расстрела Н. С. Гумилева. Цветаева писала: «Скажу Вам, что единственным — с моего ведома — Вашим другом (друг — действие!) среди поэтов оказался Маяковский, с видом убитого быка бродивший по картонажу Кафе Поэтов. Убитый горем — у него, правда, был такой вид. Он же и дал через знакомых телеграмму с запросом о Вас» (Цветаева М. И. Сочинения. Т. 2. Проза. Письма. М., 1988. С. 471).

Г. А. Шенгели — Игорю Северянину

Москва, 19/IX. 27

Главным образом работал в теоретической области, написал обширное исследование о стихе, которое дало мне кафедру в Высш. лит.-худ. институте и звание действ. члена Гос. акад. худож. наук. После закрытия института получил кафедру в I Моск. университете. Являюсь чем-то вроде присяжного советчика для начинающих поэтов и объектом ненависти Маяковского и К^о, считающих меня литературным ретроградом¹.

(Ф. 2861, оп. 1, ег. хр. 119, л. 2)

Шенгели Георгий Аркадьевич (1894 — 1956) — поэт, переводчик, литературовед.

Северянин Игорь (Лотарев Игорь Васильевич; 1887 — 1941) — поэт.

¹ 11 апреля 1926 г. Маяковский выступил в клубе рабкоров газеты «Правда» на диспуте о книге Г. А. Шенгели «Как писать статьи, стихи и рассказы» (М., 1926). Оценивая книгу Шенгели, он сказал: «В ней всего сто страниц, и сколько наворочено чепухи! [...] для современного

поэта то, что пишет сейчас Шенгели — недопустимое вранье» (Полн. собр. соч. Т. 12. С. 483 — 484). Шенгели, в свою очередь, в книге «Маяковский во весь рост» (М., 1927) расценил претензии Маяковского на роль учителя стихосложения как невежественные настолько же, насколько самоуверенные. Продолжением этой крайне резкой полемики стало стихотворение Маяковского «Моя речь на показательном процессе по случаю возможного скандала с лекциями профессора Шенгели».

Б. И. Корнеев — В. А. Катаняну

11 дек. 1927 г. [Тифлис]

Приехал Маяковский. Читал «Хорошо». В первый вечер имел полный сбор. В понедельник — второй его вечер¹. В общем интересно и талантливо, но с аудиторией все же отношения у него ненормальные. В этом смысле интересны записки, которые ему подают. Например: 1) «Почему раньше возносили кино, а теперь его ругаете и, кстати, как поживает Лиля Брик?», 2) «Зачем Вы обокрали Каменского и Хлебникова?»², 3) «Когда Вы смените свои брюки?»

Конечно, ответы Маяковского резки, остроумны и грубы, как полагается. [...]

Кстати, такой интересный разговор на вечере [у] Маяковского с публикой:

— Вы, т. Маяковский, называете свою «Хорошо» гениальной вещью, а кто еще Вашу «Хорошо» оценивает так же?

— Кто? Например, на сессии ЦИКа в Ленинграде «Хорошо» расхвалил Луначарский...

— А Семашко То-Раму³... — (это с места).

(Ф. 2577, оп. 1, ед. хр. 919)

Корнеев Борис Иванович (1896 — 1958) — журналист, сотрудник газеты «Заря Востока».

Катанян Василий Абгарович (1902 — 1980) — литератор, исследователь творчества Маяковского.

¹ Первое выступление Маяковского в Тифлисе с чтением поэмы «Хорошо!» состоялось 9 декабря 1927 г. в Театре Руставели, второе — 10 декабря 1927 г. в студенческом клубе Грузинского университета.

² Автор записки, вероятно, находился под впечатлением слухов о книге, в которой некто Альвэк обвинял Асеева и Маяковского в присвоении поэтических образов Хлебникова (Хлебников В. В. Всем. Ночной бал. Альвэк. Нахлебники Хлебникова (Маяковский — Асеев). М., 1927).

³ Н. А. Семашко в 1918 — 1930 гг. был наркомом здравоохранения РСФСР. То-Рама (по образованию инженер-химик) в конце 1920-х гг. выступал в московском цирке (см. заметку в харьковской газете, подписанную Вл. М.: «Московский цирк в украинском Народном театре» // Пролетарий. 1927. 12 февр.).

23

Л. Ю. Брик — Э. Триоле

Москва. 1. VI. 28

Милый мой Элик, получила разрешение на перевод тебе десяти червонцев. На днях вышлю. Это будет, кажется, за июнь¹.

Мой берлинский перевод ты, конечно, давно получила.

Володя — абсолютно здоров, толстый, ухаживает за барышнями.

Сегодня переезжаем на дачу — подводы уже уехали².

Проливной дождь — воображаю, в каком виде доедут вещи!! Но с извозчиками договорились еще вчера!

О «Защитном цвете» ведутся переговоры³. Володя думает, что он уговорит.

(Ф. 2577, оп. 1, ег. хр. 82, л. 8 и об. Ксерокоп.)

Триоле Эльза (1896 — 1970) — французская писательница, сестра Л. Ю. Брик, жена Л. Арагона.

¹ Л. Ю. Брик, а в ее отсутствие — Маяковский ежемесячно переводил Э. Триоле деньги.

² Июнь — июль 1928 г. Маяковский и Брик жили на даче в Пушкино под Москвой.

³ Имеется в виду книга: *Триоле Э. Защитный цвет*. Роман. М., 1928.

24

Л. Ю. Брик — Э. Триоле

19. VI. 28 [Москва]

Милый мой Элик, ей-богу писать не о чем!

О твоей книжке Володе обещали на днях дать ответ [...]

Володя поедет за границу не раньше осени. Он совершенно здоров [...]

На даче собачий холод, так что больше живем в городе.

Я много работаю и очень этим довольна.

Очень крепко тебя люблю. Пиши подробнее — мне очень интересно. Кланяйся всем.

Обнимаю, целую.

Лиля

(Ф. 2577, оп. 1, ег. хр. 82, л. 9 и об.)

Л. Ю. Брик — Э. Триоле

19. 9. 28. [Москва]

Получила 218 р. за «Защитный цвет»; это приблизительно 1/4 того, что ты должна получить за всю книжку. Перевести тебе деньги «Круг» не может¹.

Я должна тебе, по-моему, за июнь, июль, август, сентябрь — плюс 218 р. за книжку.

Володя едет 9-го октября². Возьми пока, сколько можешь, у мамы.

Затерялся исправленный экземпляр «Защитного». Они опять высылают тебе корректуру. Верни ее как можно скорее.

Стараемся изо всех сил получить разрешение на перевод тебе денег. Если ничего не выйдет — придется тебе терпеть до Володи. *Едет он безусловно и никак не позднее 9-го.* [...]

Володя получил лиценз на автомобиль. Если заработает в Германии — привезет «Buik»³.

Не сердись на меня за деньги, родненькая! Я совсем не виновата!! Счастье, что Володя едет!!!

Обнимаю, целую, люблю.

(Ф. 2577, оп. 1, ег. хр. 82, л. 10 — 11 об. Ксерокоп.)

¹ Вероятно, речь идет о гонораре за роман Триоле «Земляничка», изданный в 1926 г. книгоиздательством «Круг».

² Маяковский выехал за границу 8 октября, возвратился — 8 декабря 1928 г. (его маршрут: Берлин — Париж — Ницца — Париж — Берлин).

³ См. примеч. 1 к письму № 19 наст. публикации. Маяковский купил не «бьюик», а «рено».

В. Б. Шкловский — Ю. Н. Тынянову

[Сентябрь — начало октября 1928 г. Москва]

Леф разваливается¹. Маяковский объявляет себя школой, непосредственно связанной с комсомолом и ссудо-сберегательными кассами² [...]

(Ф. 562, оп. 1, ег. хр. 441, л. 2. Маш. коп.)

Тынянов Юрий Николаевич (1894 — 1942) — писатель, литературовед; был одним из основателей Общества изучения поэтического языка (Опояз).

¹ Литературно-художественное объединение Левый фронт искусств (Леф), основанное в конце 1922 г., к 1928 г. стало распадаться. В июле 1928 г. вышел журнал «Новый Леф» № 7 — последний под редакцией Маяковского. Пять последующих номеров (№ 8 — 12) вышли без его участия. 26 сентября 1928 г. в Политехническом музее на вечере «Левый Лефа!» Маяковский сказал: «Закисание [...] засасывало и Леф [...] Новаторская работа, которую мы вели в журнале «Новый Леф», приобретала характер какого-то группового чудачества [...] Леф в том виде, в каком он был, для меня больше не существует» (Полн. собр. соч. Т. 12. С. 503 — 504).

² Шкловский имеет в виду работу Маяковского по рекламе и плакату.

27

Л. Ю. Брик — Э. Триоле

28. X. 28. [Москва]

Напиши мне, пожалуйста, про себя и про Володика. Поухаживайте друг за дружкой, а то вы оба хворые.

Обнимаю, целую.

Еще обнимаю.

Еще целую.

Лиля

(Ф. 2577, оп. 1, ег. хр. 82, л. 12 об. Ксерокоп.)

28

В. М. Сырнев — С. Ф. Буданцеву и
В. В. Буданцевой (Ильиной)

19 $\frac{2}{XI}$ 28 г. [Москва]

Сегодня же с удивлением прочитал в «Вечерке» о выходе из Лефа не только Маяковского, но и всех прочих. Непонятно: если люди откуда-нибудь выходят, то место, откуда они вышли, остается. А здесь вышли все, значит, сами из себя вышли, ибо после них ничего не осталось¹.

(Ф. 2268, оп. 2, ег. хр. 141, л. 25 об.)

Буданцева (Ильина) Вера Васильевна (1894 — 1966) — писательница, жена С. Ф. Буданцева.

¹ В газете «Вечерняя Москва» от 2 ноября 1928 г. была опубликована заметка А. Кута «Запоздалое признание. Кто остался в Лефе? (На вчерашнем вечере в Политехническом музее)». Автор писал: «Прошел всего месяц, когда [...] Маяковский сделал свое пресловутое сообщение о выходе из Лефа и о «прекращении этой организации» [...] вчерашнее заявление Н. Асеева, С. Кирсанова и О. Брика о том, что они на все 100 проц. согласны с Маяковским и так же, как он, выходят из Лефа,

прозвучало некоторым анахронизмом». Маяковский находился за границей, когда состоялся описываемый вечер. Под «пресловутым сообщением о выходе из Лефа» Маяковского А. Кут, вероятно, подразумевает заявление поэта 26 сентября 1928 г. на вечере в Политехническом музее «Левей Лефа!»: «Леф в том виде, в каком он был, для меня больше не существует» (Полн. собр. соч. Т. 12. С. 504). На вечере «Открывается Реф», состоявшемся 8 октября 1929 г. в Политехническом музее, Маяковский подтвердил свое отношение к Лефу: «Год тому назад мы здесь распускали Леф» (Полн. собр. соч. Т. 12. С. 510).

29

Н. М. Стрельников — В. Е. Ардову

19/XI-28. [Ленинград]

...еще больше Вы заблуждаетесь, *предполагая*, что текст Маяковского был облюбован мною еще летом. Маяковского я не терплю, но поскольку у нас идеология в оперетте, постольку нужно быть готовым ко внезапным вторжениям идеологов [...] И вот это вторжение случилось 15 ноября. Мною было получено спешное письмо от Лифшица¹ с предложением взяться за текст М[аяковского].

(Ф. 1822, оп. 1, ед. хр. 477, л. 6 и об.)

Стрельников Николай Михайлович (1888 — 1939) — композитор, один из создателей советской оперетты.

Ардов Виктор Ефимович (1900 — 1976) — писатель.

¹ Возможно, имеется в виду поэт Бенедикт Константинович Лившиц (1887 — 1939). Оперетта на стихи Маяковского Стрельниковым не была написана. Но в 1930 г. композитор написал музыку на стихи Маяковского «Возьмем винтовки новые» к спектаклю Ленинградского ТЮЗ «Четыре миллиона авторов».

30

Л. Ю. Брик — Э. Триоле

17. XII. 28 г. [Москва]

Элик! Напиши мне, пожалуйста, что это за женщина, по которой Володя сходит с ума, которую он собирается выписать в Москву, которой он пишет стихи (!!)¹ и которая, прожив столько лет в Париже, падает в обморок от слова *merde!*? Что-то не верю я в невинность русской шляпницы в Париже! *Никому не говори*, что я тебя

¹ Дерьмо (фр.).

об этом спрашиваю, и напиши обо всем подробно. Моих писем *никто* не читает.

Я здорова. Готовлю новый сценарий². Живу очень скучно.

Жду твоего письма.

Крепко люблю, обнимаю и целую.

Лия

(Ф. 2577, оп. 1, ед. хр. 82, л. 13 и об. Ксерокоп.)

¹ Яковлева Татьяна Алексеевна (1906 — 1991) — знакомая Маяковского. Записная книжка Маяковского 1928 г. с беловыми автографами стихотворений «Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви» и «Письмо Татьяне Яковлевой» была подарена поэтом Т. А. Яковлевой. Вероятно, Э. Триоле прислала Л. Ю. Брик копию письма Т. А. Яковлевой от 25 декабря 1928 г., где та писала Триоле: «Эличка, милая, спасибо за милое письмо! [...] Володя держит меня непрерывно на телеграммной диете. Последняя была: «Увидимся март — апрель». Из Москвы получаю письма — ходит по моим знакомым с приветом от меня (я не поручала). Сестру мою разыскал в первый же день» (ф. 2577, новое поступление. Маш. коп.)

² Вероятно, имеется в виду работа Л. Ю. Брик над сценарием фильма «Стеклоочиститель», вышедшего в январе 1929 г. (киностудия «Межрабпомфильм», авторы сценария и режиссеры — Л. Ю. Брик и В. А. Жемчужный)

31

И. С. Гроссман-Рощин — Ю. Н. Либединскому

17 февраля [1929 г. Москва]

«Клоп» провалился, невзирая на штуки Мейерхольда¹.

(Ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 718, л. 1)

Гроссман-Рощин Иуда Соломонович (1883 — 1934) — литературовед.

Либединский Юрий Николаевич (1898 — 1959) — писатель.

¹ Премьера спектакля Государственного театра им. Вс. Мейерхольда «Клоп» в постановке Мейерхольда прошла 13 февраля 1929 г. На афише спектакля Маяковский значился не только автором пьесы, но и ассистентом-постановщиком.

32

С. И. Антимонов — Н. Н. Евреינוву

Жизнь наша мчится: сотворенное очень быстро стареет, если оно злободневно, даже — современно, что приняло определенную форму. А писатели обозрений чуть не плачут: третий акт дописывают, а первый уже умер от старости. Так-то. На театральных бегах первая к столбу пришла «Блокада» Вс. Иванова в пост[ановке] Неми-

ровича¹; за флагом — Мейерхольд на «Клопе» Маяковского.

9. IV [1929 г. Москва]

(Ф. 982, оп. 1, ед. хр. 141, л. 21 об.)

Антимонов Сергей Иванович (1880 — 1954) — драматург, актер.

¹ Премьера спектакля МХАТ «Блокада» прошла 26 февраля 1929 г. Руководитель постановки — Вл. И. Немирович-Данченко, режиссер — И. Я. Судаков.

33

А. А. Берзинь — Ю. Н. Либединому

3 июля 1929 года. [Москва]

С Ясенским¹ все по-прежнему. Никто не помогает, никто не интересуется, а Маяковский уезжает² и его зовет с собой. Даже со мной Маяковский хорошо разговаривает, а раньше, как увидит, так язвить начинает.

(Ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 659, л. 10. Маш.)

Берзинь Анна Абрамовна (1897 — 1961) — литературный редактор; жена Б. Ясенского.

¹ Ясенский Бруно (1901 — 1941) — писатель, по происхождению поляк. Как политический эмигрант 22 мая 1929 г. по приглашению Советского правительства приехал из Парижа в Москву.

² После своего возвращения из-за границы 2 мая 1929 г. Маяковский из СССР больше не выезжал.

34

О. М. Брик — Л. Ю. Брик

14. 8. 29. [Москва]

У нас все благополучно. Сварили вишневое варенье и посолили еще немного огурцов.

От Володи была телеграмма из Евпатории: «Телеграфируйте срочно здоровье дела Евпатория Дюльбер. Целую. С чен»¹.

Я ответил, что все благополучно, что ты в Одессе, а я еду в Крым.

(Ф. 2577, новое поступление. Маш. коп. Неполный текст)

¹ Эта не сохранившаяся телеграмма Маяковского опубликована Б. Янгфельдтом в книге: Любовь это сердце всего. В. В. Маяковский и Л. Ю. Брик. Переписка. М., 1991. С. 264.

35

Э. П. Гарин — Х. А. Локшиной

Москва, 6/IX — 29

Теперь о театре: звонил В. Маяковскому. Пьесу он дать соглашается и интересовался, не займусь ли режиссурой я¹.

Записал наш ленинградский адрес и собирается быть там числа 14-го². На это дело, между прочим, неплохо было бы нажать. Очень может быть, что-нибудь и выйдет.

(Ф. 2979, оп. 1, ед. хр. 278, л. 63 об.)

Гарин Эраст Павлович (1902 — 1980) — актер, режиссер.

Локшина Хesia Александровна (1902 — 1982) — режиссер, жена Э. П. Гарина.

¹ Один из ведущих актеров Государственного театра им. Вс. Мейерхольда Э. Гарин в 1929 г. оставил ГосТИМ, переехал в Ленинград и начал там режиссерскую работу. Пьеса Маяковского «Баня» была поставлена им, совместно с В. В. Люце и Н. Б. Лойтером, в Драматическом театре Государственного Народного дома. Премьера прошла 30 января 1930 г.

² Маяковский приезжал в Ленинград в октябре 1929 г. Он выступал в зале Академической капеллы, в Московско-Нарвском доме культуры, Технологическом институте и др. аудиториях. 20 октября поэт читал «Баню» в ленинградском Доме печати и также прочел пьесу И. В. Ильинскому и Н. Р. Эрдману.

36

**Ф. Ф. Раскольников — администратору
Политехнического музея**

Тов. администратор! Устройте на сегодняшний вечер Маяковского 2 билета. Буду благодарен. Ф. Раскольников. 8. X. [1929 г. Москва].

(Ф. 1682, оп. 1, ед. хр. 59, л. 1)

Раскольников Федор Федорович (наст. фам. Ильин; 1892 — 1939) — советский партийный деятель, дипломат. В 1924 — 1930 гг. — ответственный редактор ряда журналов и издательств.

8 октября 1929 г. Маяковский председательствовал и выступал в Политехническом музее на вечере «Открывается Реф».

О. М. Брик — Е. Г. Соколовой

[Не ранее 25 ноября 1929 г. Москва]

Володя съездил в Ленинград на премьеру «Клопа» в драматическом театре (постановка Люце)¹. Просидел поддействия и удрал. Оказывается, Люце, как верный ученик Мейерхольда, «творчески претворил» пьесу, т. е. вставил свои слова и даже персонажи. Володька от этого затосковал и ушел. — Настроение у Володи хорошее, целыми днями играет с Асеевым в тысячу, а с Яншиным в покер, иногда с Семой Кирсановым в ма джонг.

(Ф. 2852, новое поступление. Маш. копия. Неполный текст)

Соколова Евгения Гавриловна (1900 — 1982) — с 1927 г. жена О. М. Брика.

¹ Режиссер В. В. Люце поставил «Клопа» в филиале Большого драматического театра в Ленинграде. Премьера прошла 25 ноября 1929 г.

А. М. Родченко — Е. Г. Соколовой

[15 декабря 1929 г. Москва]

Мы вчера напились на новоселье Катаняна. Как всегда, Володя, Кирсанов, Лева¹, Левин², Асеев дулись в карты [...] Сидели до первых трамваев [...]

Кирсанов, выиграв 150 р., бросил играть, отчего поднялся скандал. Володя орал. Клавочка³ ругала Семку и заставляла его играть или отдать деньги. Лева за 20 р. предлагал Семе всех успокоить, но тот был тверд и уехал с Клавочкой и 15 червонцами домой.

(Ф. 2852. Новое поступление. Маш. копия. Неполный текст)

Родченко Александр Михайлович (1891 — 1956) — художник, фотомастер.

¹ Гринкрут Лев Александрович (1889 — 1987) — друг Маяковского и Бриков.

² Левин Алексей Сергеевич (1893 — 1967) — художник.

³ Кирсанова Клавдия Карповна (1908 — 1937) — жена С. И. Кирсанова.

[1929, Москва]

Лиля уехала с Юсупом¹ на два дня в Ленинград и мы с Володей живем холостой жизнью. Володя напригласил гостей (Яншиных, Леву, Колю) играть в покер, а я лежу у себя на диване и читаю про Тургенева.

(Ф. 2852. Новое поступление. Маш. копия. Неполный текст)

¹ Абдрахманов Юсуп (1901 — 1938) — в 1927 — 1933 гг. Председатель Совнаркома Киргизской ССР.

[1929]

Это письмо было уже закончено, когда мне попалась случайно еще одна статья, пригл[изительн]о на ту же тему и вызвавшая во мне еще более недоуменные размышления: в № 12 «Н[ового] м[ира]» за 28 г. статья Зорича «Об одном инциденте». Инцидент — безобразная выходка поэта Маяковск[ого] в ответ на весьма корректную и вполне справедливую статью Тальникова¹. Тут, повторяю, мои недоумения сгустились. Зорич пишет (цитирую с пропусками): «Почему читатель обязан выслушивать весь этот неумный вздор... крикливую и пошлую саморекламу? Хлестаковск[ие] очерки Маяковск[ого] говорят о двух вещах... что очерки этих писателей... отличаются верхоглядством, *недобросовестностью, малограмотностью*». Так. Читатель, конечно, не обязан читать всю эту дребедень «хлестаковствующего» Маяковск[ого] и др. [...] не понравится — бросит. Но зачем редакторы и издатели *подносят читателю* этот вздор, зачем они его печатают? Ведь не на собственные же капиталы издается Маяк[овский], а на *государственные средства*...

И вот, т. Полонский, недоумеваю. После статьи Зорича еще больше недоумеваю. Может быть, все же Вы рассеете мое недоумение. Почему же, все-таки почему, печатают то, что не нужно и вредно печатать?

Д.

(Ф. 1328, оп. 1, ед. хр. 119, л. 6 об. — 7 об.)

Десбут — неустановленное лицо.

Полонский Вячеслав Павлович (1886 — 1932) — критик, литературовед.

¹ Тальников (наст. фам. Шпитальников) Давид Лазаревич (1882 — 1961) — литературный и театральный критик. Опубликовал «Литературные заметки», в которых главы 5 и 6 называются «Дежурное блюдо Маяковского», где Тальников выступил с грубой критикой «американских» стихов и очерков Маяковского (Красная новь. 1928. № 8. С. 259 — 281). В ответ на это Маяковский написал стихотворение «Галлошик по писателям» (впервые опубл.: Читатель и писатель. 1928. 8 сент.). Маяковский также обратился в редакцию «Красной нови»: «Не откажите в любезности опубликовать следующее: «Изумлен развязным тоном малограмотных людей, пишущих в «Красной нови» под псевдонимом «Тальников». Дальнейшее мое сотрудничество считаю лишним. Владимир Маяковский. 16/VIII-28 г.» (Полн. собр. соч. Т. 13. С. 121 — 122). 10 сентября 1928 г. на вечере, организованном редакцией газеты «Комсомольская правда» в Красном зале МК ВКП(б), Маяковский опять бросил реплику в адрес Тальникова.

41

И. О. Дунаевский — Л. Ю. Брик

[Конец 1920-х Москва]

Подкандалный марш идет на картину «пирамиды». Какими угодно средствами нужно его исполнить целиком без сокращений. В надлежащем виде он должен производить колоссальное впечатление. Хору надо написать текст по той хоровой строчке, какая в клавире.

Гребешки и кандалы обязательны. Это точная запись каторжников, которая мною ритмически обработана. Если Маяковскому для текста хора нужны так называемые «рыбы слова», то вот они:

bis { Милый мой мальчик, будь спокоен,
Милый мой мальчик, мы идем!
Ах, ты, милый друг мой
Васенька,
Милый, славный друг ты мой
Иванушка,
Я к тебе приду сегодня, к тебе,
Я к тебе приду, смотри ты здесь.

На этот набор слов он должен написать текст, сохраняя ударения.

И. Дунаевский

(Ф. 2577, оп. 1, ед. хр. 234, л. 1 и об. Текст сохранился не полностью)

Дунаевский Исаак Осипович (1900 — 1955) — композитор.

Замысел Дунаевского написать музыкальное произведение на текст Маяковского не был осуществлен.

42

Э. П. Гарин — Т. П. Герасимовой

Ленинград. 31/I-30

Вчера смотрели «Баню» Маяковского, по всем данным это очередной провал в Госнардоме.

(Ф. 2979, оп. 1, ед. хр. 258, л. 12)

Герасимова Татьяна Павловна — сестра Э. П. Гарина.

43

О. М. Брик — Е. Г. Соколовой

[До 9 февраля 1930. Москва]

Репертком пока не разрешил (?!) Володину «Баню»¹. И смех и грех.

[...] У Мейерхольдов по пятницам, оказывается, литературно-художественный «салон». Бывают поэты, музыканты и высокие гости, вроде Керженцева, Раскольников, Агранова² и т. п. Володя и Лиля вчера были там, а я не пошел. Скучно и несимпатично.

(Ф. 2852. Новое поступление. Маш. копия. Неполный текст)

¹ Разрешение Главреперткома на постановку «Бани» было получено 9 февраля 1930 г.

² Перечислены: Керженцев В. (псевд. Лебедева Платона Михайловича; 1881 — 1940) — литератор и партийный работник, Ф. Ф. Раскольников и Агранов Яков Саулович (1893 — 1938) — в то время заместитель народного комиссара внутренних дел, уполномоченный НКВД по Москве и Московской области.

44

Э. П. Гарин — Х. А. Локшиной

Москва, 11/II-1930 г.

Как последняя новость сенсационного порядка — это уход Маяковского из РЕФа и вступление его в РАПП, куда потянулись все конструктивисты¹.

(Ф. 2979, оп. 1, ед. хр. 280, л. 2 об.)

¹ На Первой областной конференции Московской ассоциации пролетарских писателей Маяковский 6 февраля 1930 г. сделал заявление

о своем вступлении в РАПП: «В осуществление лозунга консолидации всех сил пролетарской литературы прошу принять меня в РАПП [...] Считаю, что все активные рефовцы должны сделать такой же вывод, продиктованный всей нашей предыдущей работой» (Полн. собр. соч. Т. 13. С. 134). На заявлении Маяковского дата — 3 января. Между написанием заявления и оглашением его прошло более месяца. Раздумья были долгими и, вероятно, нелегкими. Вступление Маяковского в РАПП после многолетних разногласий рефовцев с раповцами многими воспринималось как сенсация. В тот же день в РАПП были приняты поэты-конструктивисты Э. Г. Багрицкий и В. А. Луговской.

45

М. М. Штраух — Ю. С. Глизер

14 марта 1930 г. [Москва]

Но вчера вечером (репетиция¹ затянулась до 2 ч. ночи, предполагалось, что это будет *последняя* генеральная) как будто дело пошло к лучшему (тьфу! тьфу!): лиловый костюм оказался очень приличным, Маяковский подарил хороший галстук, нашел лаковые ботинки! Грим сделал (правда, почти мудрецовский)². Говорят, что вид очень хороший. Провел вчера (и все время) в полтона. Проверял, вспоминал. Некоторые места самому даже понравились! После одной сцены в V акте («свя-язи» и «поезд-зд-зд») даже заплодировали, хотя в зале были свои только.

(Ф. 2758, оп. 1, ег. хр. 1747, л. 1 и об.)

Штраух Максим Максимович (1900 — 1974) — актер.

Глизер Юдифь Самойловна (1904 — 1968) — актриса, жена М. М. Штрауха.

¹ Речь идет о репетиции спектакля «Баня» Маяковского в Государственном театре им. Вс. Мейерхольда. Премьера спектакля прошла 16 марта 1930 г. Режиссер-постановщик — В. Э. Мейерхольд; Маяковский так же, как при постановке «Клопа», значился ассистентом Мейерхольда (работа над текстом). Штраух исполнял роль Победоносикова.

² В Первом Рабочем театре Пролеткульта в 1923 г. С. М. Эйзенштейном был поставлен спектакль «На всякого мудреца довольно простоты» А. Н. Островского (под названием «Мудрец»). Роль Мамаева исполнил Штраух.

46

М. М. Штраух — Ю. С. Глизер

17/III [1930. Москва]

Напишу подряд (я записывал).

8/III. На репетиции всей труппы, когда сверяли напоследок текст, Маяковский хотел вставить Фосфориче-

ской злободневные слова, Зинаида¹ ответила: «Нет, не надо, Глизер вчера смотрела репетицию и сказала: «Чувствуется хороший пафос!» Все посмотрели на меня. Веду все репетиции в полтона [...]

13/III. Решили после вечерней генералки завтрашний общ[ественный] просмотр отменить [...]

16/III. [...] Вечером премьеры.

Публика считается сволочная.

«Кабинетные» мои сцены прошли много лучше первого спектакля. Вернее: публика лучше понимала, тоньше воспринимала.

Маяковский вообще доволен. Говорит, что [ко] мне не имеет ни одного замечания [...]

Ливанов² поздравлял и говорил, что пьеса ему не нравится, что Мейерхольд повторяется, но что я «представился с наилучшей стороны актерской».

(Ф. 2758, оп. 1, ед. хр. 1747, л. 3 — 4 об.)

В письме № 46 и публикуемом ниже № 47 воспроизведены дневниковые записи Штрауха.

¹ Райх Зинаида Николаевна (1894 — 1939) — актриса, жена В. Э. Мейерхольда. В спектакле «Баня» исполняла роль Фосфорической женщины.

² Ливанов Борис Николаевич (1904 — 1972) — актер, режиссер.

47

М. М. Штраух — Ю. С. Глизер

19 марта [1930. Москва]

17 марта. [...] Слухи: страшно ругают пьесу. Говорят, говно! Поэтому жаль режиссеров и актеров, расшибающихся в лепешку [...]

Говорил с С. Третьяковым. Ну, его нельзя ведь очень слушать. Кроме того, он сейчас 100%[-й] колхозник¹. Говорит, что спектакль — абсолютный нуль! Остроты Дома Герцена или наркомовского салона. Высмеивать Большой театр — это старо! И т. д. Говорит дальше, что меня жаль, ибо это единственное мастерство в спектакле. Сделал «ювелирный» горшок, в котором ничего не оказалось [...]

18/III. Ах, эти общественные просмотры! Ах, эти вумные зрители! После вчерашнего спектакля я был убит. А сегодня спектакль прошел прекрасно. Я играл очень хорошо [...]

20/III. «Баня» шла утром и вечером. Играл хорошо. После спектакля заехал в АРРК². Там видел Фельдмана (критика)³. Долго жал руку. Сказал, что я в «Бане» играю исключительно блестяще. Единственно, говорит, жаль, что это мне приходится делать в проваленной пьесе [...]

22/III. Видел на улице Перу⁴. Она говорит, обо мне она слышит хор[ошее] мнение. Мне лично ясно, что спектакль и пьеса провалились. И как бы я хорошо ни играл — известный % невыгодности участвовать в проваленной пьесе есть.

(Ф. 2758, оп. 1, ег. хр. 1747, л. 5 — 7)

¹ Писатель Сергей Михайлович Третьяков (1892 — 1939), соратник Маяковского по Лефу и один из лефовских теоретиков, в 1930 г. писал на колхозную тематику.

² Ассоциация работников революционной кинематографии.

³ Фельдман Константин Исидорович (1882 — 1968) — кинокритик, сценарист.

⁴ Аташева Пера Моисеевна (1900 — 1965) — ассистент кинорежиссера, переводчица; жена С. М. Эйзенштейна.

Ю. Г. Оксман — А. П. Оксман

14. IV. 1930. [Москва]

Дорогая моя Тосенька, посылаю вторую открытку. Две ночи переночевал у Бонди¹, а сегодня перебираюсь уже в ЦКУБУ [...]

Сегодня утром покончил с собой Маяковский.

(Ф. 2567, оп. 1, ег. хр. 212, л. 49. Маш. коп.)

Оксман Юлиан Григорьевич (1894 — 1970) — литературовед.

Оксман Антонина Петровна (1895 — 1984) — жена Ю. Г. Оксмана.

¹ Бонди Сергей Михайлович (1891 — 1983) — литературовед.

Т. В. Иванова — В. В. Буданцевой (Ильиной)

15/IV. [1930. Москва]

В Москве «торжества» по поводу похорон [Маяковского] — удивительное это дело, как у нас привилось «праздновать смерть». Я не совсем здорова — сижу до-

ма, впрочем, если бы и выходила, в «торжествах» никакого участия не приняла бы — я смерть уважаю.

(Ф. 2268, оп. 2, ед. хр. 199, л. 6 об.)

Иванова Тамара Владимировна (1900 — 1995) — переводчица, жена Вс. В. Иванова.

50

Л. Ю. Брик — Э. Триоле

15. 4. 30. [Берлин]

Элик, обо всем напишу из Москвы. Сейчас ничего не понимаю. До чего невыносимо!

Целую тебя крепко, крепко и Арагона¹.

Лиля

(Ф. 2577, оп. 1, ед. хр. 82, л. 16. Ксерокоп.)

¹ Арагон Луи (1897 — 1982) — французский писатель, муж Э. Триоле.

51

В. Г. Вешнев — М. А. Вешневой

[16' — 18]. IV. 30. [Москва]

Сейчас 1 час ночи, но спать я не могу: я пришел из клуба писателей, где стоял в почетном карауле у гроба Маяковского... Я не знаю, читаешь ли ты газеты и знаешь ли о самоубийстве Маяковского. Во всяком случае, я посылаю тебе эту вырезку из «Правды»², пришла номер «Литературной газеты»³, посвященный Маяковскому. А сейчас буду рассказывать все по порядку.

Маяковский покончил с собой утром в 10 ч. 45 м. 14-го. Я узнал об этом через 3/4 ч. после его смерти: мне сообщила Софья Андреевна в толстовском музее⁴. Новость мне показалась столь чудовищной, что я ей не поверил. Но через час после этого мне позвонил Ефремин⁵ и подтвердил это сообщение. Потом мне стали звонить еще. Литературная Москва буквально через час узнала об этом, а потом и все обыватели. На другой день к 10 ч. утра все газеты разошлись сполна. Я за газетами пошел в 8 ч. утра и стоял в очереди. Кажется, ни смерть Блока, ни самоубийство Есенина не произвели такого впечатления, как самоубийство жизнерадостного, здорового и крайне невозможного Маяковского. И даже сейчас, даже после того,

как я целых 10 минут напряженно смотрел на его мертвое лицо, ослепительно освещенное электричеством, я не верю и не могу верить, что Маяковский пустил пулю в сердце. Правильно сказал Демьян Бедный: «Чудовищно. Непонятно»⁶.

Я в данную минуту не могу еще совершенно достоверно сказать о настоящей причине его поступка. В первый день, как водится, ходили самые нелепые слухи, вроде того, например, что его застрелила артистка МХТа Вероника Полонская⁷. Газеты рассеяли все нелепые слухи. Более или менее известно следующее. У него был давнишний роман с Лилей Брик (женой критика Осипа Брика). Этот роман продолжался лет 10. Он уходил от Лили, потом снова возвращался. Она уходила от Брика, потом возвращалась к последнему. Наконец, Маяковский поселился с ними. Но вот появилась Вероника, сначала увлекшаяся Маяковским. Очень красивая, умная и талантливая артистка. Маяковский не сразу ответил ей взаимностью, но потом сильно ею увлекся. Однако, Лилю не захотел оставить, во-первых, в силу очень крепкой привязанности, т. к. ценил ее литературные советы, и, во-вторых, в силу, как он говорил, «всамделишного, а не пустякового чувства». Вероника стала ревновать, Маяковский раз даже попытался оставить Лилю, но всего на несколько дней. Он метался между двумя женщинами и не находил выхода. Вероника его все больше привлекала. Чувствуя это, Вероника разыграла уход от него, и вдруг Маяковский почувствовал, что не может лишиться Вероники, но и Лилю не может оставить. Последние месяцы он болел гриппом с осложнениями. Нервы истрепались, и вот — «любовная лодка разбилась о быт»⁸. Я видел сегодня их обеих, непрерывно плачущих у гроба, — они сидели у изголовья⁹.

Когда я в 10 ч. вечера подходил к клубу писателей, то Поварская и прилегающие переулки, даже Кудринская площадь, представляли совершенно необычное зрелище: совершенно невероятные толпы людей, правильно построенные в ряды, стремились поскорее войти в ворота. Я прошел с большим трудом, несмотря на то, что я был вызван для почетного караула. Почетный караул выполнялся по особому списку, составленному комиссией по выборам. Я стоял вместе с Гроссманом-Роциным, Кирсановым и еще кем-то третьим, неизвестным. В почетном карауле стояли члены правительства, члены ЦК,

артисты театров и т. д. Если бы ты была здесь, то я бы без тебя не стоял в карауле.

18/IV. Теперь яснее становятся причины самоубийства Маяковского. Большинство знающих его близко говорит о сифилисе, которым он болел лет 5. Думая, что он выздоровел, Маяковский успокоился, но вдруг случилось что-то с носоглоткой, это осложнение предвещало полную потерю голоса. Об этом он сам заявил на собрании комсомола, стенографический отчет которого напечатан в «Литер. газете», № которой я тебе вчера послал¹⁰. Это место я подчеркнул карандашом. Вчера на похоронах и Луначарский в своей речи коснулся этого важного обстоятельства¹¹. Но последним и важнейшим поводом трагической развязки послужило последнее свидание с Полонской. В прежние свои сообщения я должен внести поправку. Не она предъявила ультиматум Маяковскому, а он ей. Дело в том, что Маяковский в конце концов согласился оставить Лилу Брик, но требовал, чтобы и она оставила своего мужа (артиста МХТа Яншина¹²). Обрати внимание, что предсмертное письмо имеет дату 12, а покончил он 14-го. Следовательно, он боролся с собой и надеялся еще целых два дня. Он все время эти два дня общался с Полонской, но Полонская наотрез отказывалась развестись с мужем — во-первых, потому что мужа она очень любила и как человека, и как артиста очень талантливого, и, во-вторых, не верила в прочность отношений Маяковского, который, как она знала, изменял Лиле Брик со многими женщинами. Яншин — это тот самый артист, который чудесно играет студента Лариосика в «Дни Турбиных»¹³ — мы его с тобой видели. В день смерти утром Маяковский вызвал Полонскую для окончательного, решительного объяснения. Полонская не уступила. Не успела она закрыть за собой дверь, как раздался выстрел. Она вбежала в комнату, Маяковский лежал на полу. Он еще дышал 5 минут после выстрела. Пуля попала в сердце. Полонская подняла крик. Сбежались соседи. Приехали следственные власти. Полонскую задержали, но в конце дня выпустили. В последние дни (вчера и сегодня) о Маяковском и Бриках говорят все хуже, а о Полонской все лучше. Я с очень многими говорил, кто знал Маяковского и его жизнь близко. Маяковский в последнее время чрезвычайно опустил, пил, развратничал, играл в карты азартно

(обыграл Асеева до нитки) и т. д. Женщины его избаловали, он получал кучу пошлейших любовных писем, назначал свидания, предлагая тут же ему отдаться. Он долго приставал к Полонской, но последняя, будучи доверчивой и отнесясь к Маяковскому серьезно, заинтересовавшись им, как крупным поэтом, быстро, однако, насторожилась и не отвечала взаимностью, обещая только знакомство и товарищеское отношение. Это задело самолюбие Маяковского и, будучи совсем развинченным и в последнее время совершенно одиноким (с ним совершенно порвали лефовцы, а рапповцы были ему чужды), он не выдержал сплетения сложных обстоятельств и покончил с собой. Теперь, конечно, все яснее становятся причины этого неожиданного события, но в первый момент оно казалось чудовищно-непонятным. Сегодня в автобусе я встретил Бориса Киреева¹⁴ (теперешнего председателя клуба писателей). Он хорошо знает Полонскую. Он возмущается предсмертным письмом Маяковского, в котором он упоминает Полонскую как члена своей семьи. Он сделал это с целью вызвать ревность Яншина и сделать Полонскую несчастной, разбить ее жизнь. Это, конечно, возмутительно. Маяковский — крупный поэт. Но очень недалекий человек и притом — плохой. Крайний индивидуалист, эгоист, тщеславный и грубый, малокультурный и поверхностный. В последнее время он заметно выдыхался, все реже проявляя проблески таланта. Крах был неизбежен в той или иной форме. Конечно, самоубийство — крайне резкая и острая форма банкротства, внутренней опустошенности. Будучи сам опустошенным, ему ничего не стоило растоптать чужую жизнь, опустошить чужую душу. Маяковский — чрезвычайно колоритная фигура богемы. Какая трагедия: с таким талантом выдохнуться в 36 лет.

(Ф. 336, оп. 7, ед. хр. 67, л. 1 — 3 об.)

Вешнев Владимир Георгиевич (1881 — 1932) — писатель, критик; муж Марии Александровны Вешневой.

¹ В автографе письмо датировано: 15. IV. Учитывая, что доступ к телу Маяковского в клубе Федерации объединений советских писателей был открыт 15 апреля в 14 часов, и основываясь на первых строчках письма, публикатор исправляет дату на 16 апреля.

² В «Правде» от 15 апреля 1930 г. была помещена подборка заметок под общим заголовком «Умер Владимир Маяковский».

³ 17 апреля 1930 г. вышел объединенный экстренный выпуск «Комсомольской правды» и «Литературной газеты».

⁴ Есенина-Толстая Софья Андреевна (1900 — 1957) — внучка Л. Н. Толстого, последняя жена С. А. Есенина.

⁵ Вероятно, имеется в виду Ефремин А. В. — критик, член литературной группы «Кузница».

⁶ Заметка Д. Бедного «Чудовищно. Непонятно» была напечатана в «Правде» 15 апреля 1930 г.

⁷ Полонская Вероника Витольдовна (1908 — 1991) — актриса.

⁸ Строки из предсмертного письма Маяковского (см. также письмо № 60 наст. публикации).

⁹ В. В. Полонская не присутствовала ни в клубе ФОСП, ни на кремации Маяковского. Л. Ю. Брик вернулась из-за границы 17 апреля и с вокзала поехала на панихиду.

¹⁰ Имеется в виду выступление Маяковского в Доме комсомола Красной Пресни на вечере, посвященном двадцатилетию его творчества 25 марта 1930 г. Маяковский, в частности, сказал: «Я сегодня пришел к вам совершенно больной, я не знаю, что делается с моим горлом, может быть, мне придется надолго перестать читать. Может быть, сегодня один из последних вечеров» (Полн. собр. соч. Т. 12. С. 423). В сокращенном виде это выступление было опубликовано 17 апреля 1930 г. в объединенном выпуске «Комсомольской правды» и «Литературной газеты».

¹¹ 17 апреля на гражданской панихиде в клубе ФОСП А. В. Луначарский, в частности, сказал: «Кое-кому хочется толковать самоубийство Маяковского как поражение его — общественника и революционера. Жаль, что против этого не может возразить сам Маяковский так резко, непримиримо и уничтожающе, как умел только он. Но зато против этого возражает все творчество поэта, «все сто томов его партийных книжек» (Известия. 1930. 18 апр.).

¹² Яншин Михаил Михайлович (1902 — 1976) — актер, режиссер.

¹³ Спектакль МХАТ «Дни Турбиных» по пьесе М. А. Булгакова был поставлен И. Я. Судаковым, премьера прошла 5 октября 1926 г. В роли Лариосика выступали М. М. Яншин и И. М. Раевский.

¹⁴ Киреев Борис Матвеевич (1901 — 1951) — литератор.

52

Ю. Г. Оксман — А. П. Оксман

18. IV. 1930. [Москва]

Много расскажу интересного о смерти Маяковского, о которой всё еще все знают очень мало достоверного.

(Ф. 2567, оп. 1, ед. хр. 212, л. 50. Маш. коп.)

53

В. А. Хлебников — В. В. Хлебниковой

Астрахань. 20. IV. 30

Газеты принесли весть о кончине поэта Маяковского. Памяти о нем был устроен в Астрахани литер[атурный] вечер. Газетный отчет [об] этом вечере вышлем

вам. Сообщите, пожалуйста, причины преждевременной кончины покойника. Газеты умалчивают. Недорезову я напомнил об изготовлении фотоснимка Мая[ковского]. Обещает сделать это в сентябре, когда вернется из летних командировок в Саратов. Раньше не может.

(Ф. 527, оп. 1, ег. хр. 213, л. 28)

Хлебников Владимир Александрович (1857 — 1935) — орнитолог; отец Велимира и Веры Хлебниковых.

Хлебникова Вера Владимировна (1891 — 1941) — художница, сестра Велимира Хлебникова.

54

С. Ф. Буданцев — Я. С. Шихману

22 апреля 1930, Кисловодск

Несколько дней я жил тяжело, с рассыпающимися мыслями, прикованными к одному: Маяковскому. Все, кто хоть немного шевелит мозгами и не лишен простейших чувств, вероятно, испытывали то же, что я: нарушение закона. В самом деле, если Маяковский — кожа, кости, воля — мог сделать над собой такое, то что же думать и ожидать от других. Самая активность фигуры, с которой непрерывно находился каждый читающий в общении, безразлично, дружелюбном или полемическом, приучила нас к детской уверенности, что вечно будут появляться гениальные и плохие стихи за этой подписью, вывешиваться афиши, писаться рецензии — всё об этом неизнашиваемом человеке. Он входил в «наш мир» как важнейшая составная часть, и вот мир получил огромную рану. Чувство увечья не покидало меня несколько дней, словно нарушилось семейное число, с которым жил всю жизнь. Биография оказалась сделана одним махом и нечеловечески мощным, но нам хотелось бы более человеческого конца. Над нами не каплет, мы могли бы подождать еще лет сорок. Правда, было в этом пути и делании что-то чрезмерно стремительное. В самом деле, проживи он еще сорок лет, это шестьдесят томов стихов к имеющимся пятнадцати. Так не бывало.

О подробностях я ничего не знаю, а то, что знаю, только сбивает с толку. Да и все равно понять это можно лишь творческим путем воссоздания всего целого, а это трудно сейчас. Письмо полно двусмысленностей,

противоречий, а в самом антураже самоубийства есть что-то очень современное и может найти отклик побольше, чем есенинский. Бодрость и издевательство, — такие вещи в самом деле могут подкупать — в такой-то момент! — и вызывать подражание.

Как трагически вымер поэтический гений нашего поколения! Хлебников, Есенин, Маяковский. Впрочем, тихая смерть не в свойствах русских поэтов. Очень мне жалко Костю¹ и Пастернака, один и без того ходит вокруг да около того же, а другой остается очень одиноким: без соперника и сравнения [...]

Какие пустые статьи пишут о нем. Как намеренно ничтожен круг мыслей. Все так и думают, что их по их малости смерть и не заметит, и они вечно будут провожать других в гроб обещаниями сплотиться и заменить скопом одного большого.

С вредными и тяжелыми мыслями жил я эти дни.

(Ф. 2268, оп. 1, ед. хр. 72, л. 12 и об. Маш. коп. с авторской правкой)

Шихман Яков Семенович — писатель.

¹ Большаков Константин Аристархович (1895 — 1938) — поэт, прозаик.

55

**В. М. Сырнев — С. Ф. Буданцеву и В. В. Буданцевой
(Ильиной)**

19 $\frac{27}{IV}$ 30: [Москва]

Да, жаль Маяковского! И я, никогда не числивший себя в числе его поклонников, болезненно пережил эту смерть. Я работал в школе, когда мне дали прочесть о смерти, говорят, я отчаянно побледнел, а мне ведь это не легко. Несколько дней был болен этой смертью, все, что было под руками о Маяковском, прочитал. Представляю себе, как реагировали Вы. У меня была мысль, что Сергей Федорович может приехать на похороны, я даже созванивался по этому поводу с Яковом Семеновичем. О причинах смерти ходят всякие слухи, сплетни. Недавно слышал, что вернулась из Берлина (она была там во время самоубийства) Лиля Брик и тоже покончила с собой.

Да, дорогой юный бог! Маяковский плохо сделал свой конец, но жизнь свою он написал художественно.

Юному богу есть у него чему поучиться. Главным образом, конечно, дееспособности.

(Ф. 2268, оп. 2, ег. хр. 141, л. 62. об. — 63)

56

Э. Триоле — Л. Ю. Брик

28-ого апреля [1930. Париж]

Родная Лиличка, получила твою телеграмму и крошечное письмецо. Спасибо.

Шестнадцать лет тому назад Володя в первый раз пришел в Петроверигский пер., д. Егорова в желтой кофте¹. Есть, что вспомнить. Все ночи до единой он мне снится. Очень трудно.

Пришло отчаянное письмо от Ромы². Все Эренбурги ходят в лихорадке. Напиши мне, Лиличка. [...]

Лиличка, ужасно ничего о тебе не знать, попроси ты кого-нибудь написать за тебя.

Целую тебя, Лиличка, тысячу раз поцелуй Осю.

Э л я.

Сюрреалисты собираются писать о Володе³. К сожалению, перевод невозможен, получается ерунда.

Умерла Арагонова бабушка, и его мать не выходит из истерики. Бедный Арагон с ног сбился из-за нее, и очень это не вовремя, он по Володе все глаза выплакал, а тут умерла препротивная старуха и приходится канителиться.

(Ф. 2577, оп. 1, ег. хр. 493, л. 12 и об.)

¹ В воспоминаниях о Маяковском Э. Триоле пишет: «Я познакомилась с Маяковским, если не ошибаюсь, осенью 1913 года в семействе Хвасов [...] А мы — мать, отец, сестра Лиля и я — жили на Маросейке» («Имя этой теме: любви!» Современницы о Маяковском. М., 1993. С. 44). Петроверигский переулок в Москве выходит на улицу Маросейку. Родители Э. Триоле и Л. Брик: Урий Александрович Каган (ум. 1915), юрист, и Елена Юльевна Каган (1872 — 1942), пианистка.

² Якобсон Роман Осипович (1896 — 1982) — лингвист, литературовед. Б. Янгфельдт в предисловии к изданной им переписке Маяковского и Э. Триоле 1915 — 1917 гг. писал: «Жаркими летними днями 1896 года подруги Анна Якобсон и Елена Каган часто прогуливались вместе, с трудом взбираясь по крутым извилистым переулкам Маросейки. Они были обе беременны и с любопытством обсуждали, кто у них родится. Осенью того же года в семье Каган родилась дочь Эльза, младшая сестра Лили, родившейся ровно пятью годами раньше, а у Якобсонов — сын, которому дали имя Роман. Всем троем было суждено сыг-

рать в истории — и мифологии — литературы двадцатого века ведущие роли» («Дорогой дядя Володя...» [Stockholm, 1990]. С. 7).

³ См.: Breton A. La barque de l'amour's est brisee contre la vie courante. De surréalisme au service de la revolution. Paris, 1930. № 1. P. 16 — 22.

57

Л. Ю. Брик — Е. Ю. Каган

29. 4. 30. [Москва]

Милая моя мамочка. Володя все 15 лет говорил о самоубийстве. Причины у него не было никакой — был пустяшный повод, невероятное переутомление и всегдашний револьвер на столе¹.

По отношению к Эльзочке ничего не изменилось².

(Ф. 2577, оп. 1, ег. хр. 64, л. 1. Ксерокоп.)

¹ В своих воспоминаниях Л. Ю. Брик писала: «Всегдашние разговоры Маяковского о самоубийстве! Это был террор. В 16-м году рано утром меня разбудил телефонный звонок. Глухой тихий голос Маяковского: «Я стреляюсь. Прощай, Лилик». [...] Мысль о самоубийстве была хронической болезнью Маяковского, и, как каждая хроническая болезнь, она обострялась при неблагоприятных условиях» (Брик Л. Ю. О Владимире Маяковском // Дружба народов. 1989. № 3. С. 215 — 216).

² Речь идет об ежемесячных денежных переводах (см. примеч. 1 к письму № 23 наст. публикации).

58

Л. Ю. Брик — Э. Триоле

29. 4. 30. [Москва]

Милый мой Элик, занята только Володей — с утра разбираюсь в его комнате. Днем езжу к Маяковским. Вечером правлю корректуры. Ни о чем больше думать не могу. Если б мы были в Москве, этого бы не случилось. Володя был чудовищно переутомлен и, один, не сумел с собой справиться. Очень трудно сейчас написать подробно. Буду пока писать тебе коротенькие письмишки.

По отношению к тебе ничего не изменилось, так что продолжай жить по-старому.

Пиши книжку о французской богеме — Тихонов эту тему очень одобряет¹.

Целую и люблю тебя очень крепко.

Лиля.

Поцелуй Арагончика.

(Ф. 2577, оп. 1, ег. хр. 82, л. 17 и об. Ксерокоп.)

¹ Эта книга написана не была. Вероятно, упоминается Тихонов Александр Николаевич (1880 — 1956) — писатель, издательский деятель.

59

Х. А. Локшина — Т. П. Герасимовой

3 мая 1930 г. [Ленинград]

О Маяковском в Ленинграде уже не думают и говорят только в салонах.

Пусто стало, хотя мыслей своих о нем я не передумала. Только лучше к нему относиться стала.

Как говорил Эраст: «Рад за Маяковского и за историю».

А жить, действительно, трудно. Это тем, у кого есть память и есть, о чем помнить.

Теперь это, кажется, называется пошлостью и отсутствием перспективы, масштаба.

(Ф. 2979, оп. 1, ед. хр. 320, л. 9)

60

Л. Ю. Брик — Э. Триоле

12. 5. 30. [Москва]

Любименький мой Элик, что же написать тебе? Я знаю совершенно точно, как это случилось, но для того, чтобы понять это, надо было знать Володю так, как знала его я. Если б я или Ося были в Москве, Володя был бы жив.

Замечательное письмо написала одна работница-текстильщица: Маяковский умер от катастрофы на производстве, так же, как если бы монтер прикоснулся к проволоке, забывши, что это смертельно опасно.

Стихи из предсмертного письма были написаны давно, мне и совсем не собирались оказаться предсмертными:

Уже второй
должно быть ты легла
А может быть
и у тебя такое
Я не спешу
И молниями телеграмм
мне незачем
тебя
будить и беспокоить.

Как говорят инцидент исперчен
любовная лодка разбилась о быт
С тобой мы в расчете
И не к чему перечень
взаимных болей бед и обид.

«С тобой мы в расчете», а не «я с жизнью в расчете», как в письме¹. Стихи эти никому не показывай — я не хочу, чтобы они появились за границей в печати.

Я здорова, плачу очень редко, ем, гуляю, делаю все то же, что и раньше, но ни на минуту не перестаю думать о Володе.

Стрелялся Володя, как игрок, из совершенно нового, ни разу не стрелянного револьвера; обойму вынул, оставил одну только пулю в дуле — а это на 50 процентов осечка. Такая осечка была уже 13 лет тому назад в Питере. Он во второй раз испытывал судьбу. Застрелился он при Норе, но ее можно винить, как апельсинную корку, об которую поскользнулся, упал и разбился насмерть.

Последние два года Володя был чудовищно переутомлен. К тому же еще — грипп за гриппом. Он совершенно израсходовал себя и от всякого пустяка впадал в истерику. Я проклиная нашу поездку.

Пиши мне, Элик.

(Ф. 2577, оп. 1, ед. хр. 82, л. 18 — 19 об. Ксерокоп.)

¹ Строки из [Неоконченного] в записной книжке Маяковского № 55 (см.: Полн. собр. соч. Т. 10. С. 287, 337).

61

В. В. Каменский — Л. Ю. и О. М. Брик

7. 06. 30

Дорогие мои Лиличка, Ося, рукопись «Юность Маяковского»¹ закончил и вам посылаю. [...] В общем так: считаю, что вся юность Володи прошла, как вам известно, под знаком футуризма, и потому я дал общую картину той нашей примечательной жизни, на фоне которой сплошь красовалась гениальная фигура Маяковского.

Я понимал, любил и искренне чувствовал Володю так, как написал, ибо нераздельно был с ним связан работой с первой встречи.

(Ф. 2577, новое поступление)

¹ Книга вышла в Тифлисе в 1931 г.

Д. Д. Бурлюк — В. В. Каменскому

Милый дорогой друг Васенька!

Наш самый большой друг в этом мире. По получении от тебя письма о кончине Володи не ответили тебе, и только теперь выпал досуг взяться за перо. [...] [Я] имел сведения, что к 20-летию футуризма, от которого Маяковский за недолго до смерти так нерадостно отказался¹, было подготовлено несколько книг, в том числе твоя²...

2 июля 1930 г. Кинсбург

(Ф. 1497, оп. 1, ед. хр. 184, л. 24, 25)

¹ Бурлюк имеет в виду вступление Маяковского в РАПП (см. примеч. 1 к письму № 44 наст. публикации).

² Началом футуристического движения в России принято считать издание первого сборника «Садок судей» (1910) и «Пролога эгофутуризма» И. Северянина (1911). Возможно, «юбилейными» книгами Бурлюк считал: Крученых А. Е. 15 лет русского футуризма. М., 1928; Литературные манифесты. От символизма к Октябрю. 2-е изд. М., 1929; Каменский В. В. Путь энтузиаста. М., 1931.

Н. Н. Евреинов — В. В. Каменскому

$\frac{1}{VIII}$ — 1930. [Париж]

Неужели Маяковскому было только 36 лет, когда он умер? — Видел почти во всех журналах советских мой портрет раб[оты] Маяковского, кот[орый] он рисовал в Куоккала.

(Ф. 1497, оп. 1, ед. хр. 193, л. 38 об.)

И. Л. Сельвинский — В. И. Адуевой-Кельман

Одесса. 3/VIII. 30

Вторая Ваша ошибка в утверждении, будто литература не тотчас же отражает современность. В такой общей форме это неверно. Чем были «Скифы» и «12» Блока? «Поэтохроника» Маяковского?¹ Его «Облако в штанах» с предвидением даже даты революции?²

(Ф. 1160, оп. 1, ед. хр. 91, л. 1 об.)

Сельвинский Илья Львович (1899 — 1968) — поэт. Вместе с К. Л. Зелинским возглавил литературное течение — конструктивизм.

Адуева-Кельман Вера Исааковна — пианистка, жена поэта, драматурга Н. А. Адуева.

¹ «Поэтохроника» — подзаголовок стихотворения Маяковского «Революция».

² В поэме Маяковского «Облако в штанах» вместо строк «в терновом венце революций / грядет шестнадцатый год» первоначально было: «в терновом венце революций / грядет какой-то год» (экземпляры Л. Ю. и О. М. Брик с вписанными строками, изъятыми царской цензурой). Так что вряд ли возможно сказать, что Маяковский «предвидел дату революции», поскольку «шестнадцатый год» появился в поэме постфактум.

65

З. Н. Райх и В. Э. Мейерхольд — Л. Ю. Брик

21-VIII-30 г. [Париж]

Здравствуйте,

Лиля Юрьевна!

Я пырвалась Вам написать много раз, но некая стена, что я чувствовала в Вас к себе, мешала мне. Я никак не могу стать европейкой, и моя азиатская искренность во мне все живет: за нее прошу простить, ибо чувствую все же, что это (искренность) — дурная привычка...

В начале гастролей наших в Берлине¹ очень хотелось Вас повидать, но выяснилось, что Вы уехали в Лондон.

Я еще в прошлом году говорила Осипу М. Брику о том, что не чувствую разницы в состояниях Вл. Вл. и Серг[ея] Ал[ександровича]² — внутренне бешеное беспокойство, неудовлетворенность и страх перед уходящей молодой славой.

Когда мы уезжали в Берлин, в период репетиций «Бани», я наблюдала Вл. Вл. и ужасно волновалась. Он метался. Когда был вопрос о поездке «Клопа» в Берлин³, я советовала написать Вс.-ду Эм-чу (Вс. Эм. был болен), а он мне на это: *я Лиле не пишу, а только телеграфирую, я сейчас в таком состоянии — ни за что воевать и бороться не могу.*

К себе я в нем все время чувствовала желание какой-то женски-дружеской подзащитности, он все звонил, волновался так безумно, что во время премьеры мне Штраух перед выходом сказал: не знаю, как буду играть,

Маяковский так волнуется, что у меня сейчас все во мне дрожит... Я боюсь за все.

Потом история с Ермиловым, и как-то исторически страшно странно, что в защиту выступил только Вс. Эм., а все рефовцы и всяческие другие друзья молчали⁴. Это мне казалось издевкой.

Я не любила «Бани» — концовка — последний акт и, когда обозначилось «замалчивание» премьеры, шушуканье насчет «провала» — я, как *гурной* женский педагог, радовалась, я думала: что ему на пользу — Маяковскому. Станет серьезнее относиться к театру, не халтурить.

Потом видела его больным — в Доме печати, на дурацком диспуте⁵, это было в последний раз, что я его видела. Ушла оттуда точно во второй раз похоронила — такое гнусное состояние тоски было в сердце.

Когда уехали, я все думала о том, что *Вас нет*, что ему *трудно*, не знала: как же помочь?! Приехав в Берлин, среди оглушительной прессы своей и «головокружительного» успеха своего — хотела послать Вл. Вл. телеграмму с какими-то дружескими успокаивающими словами, но думала: что ему эта телеграмма?! Состроит гримасу и будет ходить и метаться с кровью тяжелой и страшной в сердце. «Исторически» тоже сия телеграмма казалась глупой и наивной — сберегла себя и не послала.

В одно утро подает кофе прислуга в постель нам и говорит по-немецки: наш слуга читал, что умер поэт русский Мейерхольд! Вс. Эм. приподнялся и стал у нее добиваться толку, послал за газетами, а я завывала. Я поняла сразу все, что это Маяковский... Она ошиблась!

Вечером я играла, шел «Рогоносец»⁶, перед спектаклем все вышли и сказали о случившемся, публика стояла секунд 20.

Видела Вашу сестру в Париже — она мне рассказывала кое-что, что Вы ей писали, о его «фатализме» и что он, может быть, не хотел умереть⁷.

Я думаю, что некоторым из нас — родившимся всем в одном десятилетии от 890 до 900 годов — судьба рано состариться, все съест рано в жизни. Лодки, рифы; все от океана...

Вот, «извините», — «лирически» — житейская часть. Она могла бы быть углублена и продлена, но стоит ли? — так, думаю — думаете Вы!

Теперь часть *деловая*.

1. В. Эм. и я очень просим Вас прислать все, что вышло после смерти Вл. Вл., апр[ельский] спец[иальный] № «Литературки» и что вышло о нем и из его новых напечатанных вещей⁸. Это нам очень все надо. Слыхала, что Вы написали книгу, если вышла — пришлите, пожалуйста!

2. Если не выписали вырезок из газет и журналов, что были после смерти в заграничной прессе — очень советую выписать: было много интересного, редко кто не откликнулся (если нет связей — напишите — я Вам скажу).

3. В. Эм. подписал контракт на Америку. Сейчас происходит бумажная война: нас, кажется, не хотят пускать. В числе пьес, что хочет наш импресарио показывать в Америке, есть «Клоп». Это я старалась и так «блестяще» рассказала (факт — неплохо — видно по результату), что решено наново построить родчен[ковские] конструкции и играть «Клопа» в Нью-Йорке.

В Москве он тоже в этом году будет идти, а группа № 1 труппы нашей, которая должна быть в октябре в Америке, должна играть «Клопа» во вновь построенных конструкциях.

Ерго: Родченко должен в своих интересах сделать копии (может быть, с улучшениями ему захочется) всех строек в «Клопе» и переслать сюда Мейерхольду.

Дело сейчас такое. Если есть *интенсивное* желание показать «Клопа» в Америке, то всё мы должны это сделать на даровщинку. В контракте нет расходов на «Клопа». Теперь все наше дело выжать из нашего американца деньги на постройку «Клопа» и, чем все это дешевле будет стоить, тем лучше, скорее добьемся этой возможности. В таком положении две пьесы: «Клоп» и «Горе уму»⁹, т. е. без конструкций. Вот Вы все расскажите Родченке.

Теперь еще: если пойдет «Клоп» — узнайте, ск[олько] платится в Америке авторских, и дайте кому-нибудь доверенность. Есть в Париже Биншток¹⁰, он в сношениях через английск[ого] представителя со всеми странами и с нашим ВОКСом в непосредственных — через него можно получить будет эти авторские.

⁸ Следовательно (лат.).

Еще насчет «Клопа»: думаю, он скорее пойдет, чем «Горе уму»; из себя в Америке корчить 16-летн[ую] Софью не хочу. Софьи нет, нет Чацкого. Констр[укция-ми] Вс. Эм. недоволен. Все шансы за то, что «Клоп» пойдет. Скорее отвечайте на письмо.

Я очень тяжело до сих пор переживаю эту смерть. Сегодня опять снилось, снилось сумбурно, без конца, какой-то пепел из гробика, и я должна была его одна нести и хоронить. Юношество наше и молодость наша сильнее нас — «сказала она»...

Целую Вас. Привет Ос[ипу] Макс[имовичу] и Аграновым.

Ваша Зинаида Райх.

Очень прошу — уничтожить сие мое послание по прочтении.

Мой сердечный привет Вам, милая Лиля Юрьевна! И всем, кто меня еще не забыл.

В. Мейерхольд

(Ф. 2577, новое поступление. Ксерокоп.)

¹ С 1 апреля по 25 июня 1930 г. Государственный театр им. Вс. Мейерхольда (ГосТИМ) был на гастролях в Берлине и в Париже. Поездка в Америку, о которой идет речь в письме, не состоялась: Мейерхольд и Райх оставались во Франции до сентября 1930 г.

² Сергей Александрович — Есенин, первый муж З. Н. Райх. Покончил с собой 28 декабря 1925 г. в гостинице «Англетер» в Ленинграде.

³ В гастрольный репертуар ГосТИМ спектакль «Клоп» включен не был.

⁴ 9 марта 1930 г. в «Правде» появилась статья В. В. Ермилова «О настроениях мелкобуржуазной «левизны» в художественной литературе», где Ермилов еще до премьеры «Бани» выступил против пьесы и ее автора. Мейерхольд опубликовал статью в поддержку Маяковского («О «Бане» В. Маяковского // Вечерняя Москва. 1930. 13 марта). Маяковский ответил Ермилову одним из «лозунгов» к спектаклю: «А еще / бюрократам / помогает перо / критиков / вроде Ермилова...» Руководство РАПП настояло, чтобы лозунг был снят, Маяковский снял лозунг, а в предсмертном письме написал: «Ермилову скажите, что жаль — снял лозунг, надо бы доругаться».

⁵ Упоминается диспут о спектакле «Баня», состоявшийся в Доме печати 27 марта 1930 г.

⁶ Имеется в виду спектакль ГосТИМ «Великодушный рогоносец» по пьесе Ф. Кроммелинка (новая сценическая редакция, премьера — 26 января 1928 г.).

⁷ Ср. письмо № 60 наст. публикации.

⁸ Периодическая печать посмертно широко публиковала поэму Маяковского «Во весь голос» (15 апреля 1930 г. — «Комсомольская правда» и «Правда», 16-го — «Красная газета», «На литературном посту» № 3, «Молот» (Тула) № 4 и др.), не изданное стихотворение «Нота

Китаю» («Огонек» № 12), эпиграммы на Адуева («На литературном посту» № 9) и Сельвинского («Молодая гвардия» № 9) и др.

⁹ «Горе уму» — спектакль ГосТИМ (композиционный вариант Мейерхольда и М. М. Коренева пьесы А. С. Грибоедова, премьера — 12 марта 1928 г.)

¹⁰ Биншток Владимир Львович (1868 — 1933) — драматург, переводчик.

06

И. Л. Сельвинский — В. И. Адуевой-Кельман

Москва 3/ХП.30

В общем я не унываю. Помереть никогда не поздно. Гораздо труднее выпустить «Пушторг» во время шахтинского процесса и полемизировать с Маяк[овским] в момент, когда слезы о нем не просохли [...] Когда труп Маяковского кладут поперек дороги лит[ерату]ры — кто-то должен выступить с протестом.

(Ф. 1160, оп. 1, ег. хр. 91, л. 4 об.)

Комментарием к данному письму может служить более позднее письмо Сельвинского к мужу адресата, поэту и драматургу Николаю Альфредовичу Адуеву (1895 — 1950):

«1 — III — 1933. [Москва]

[...] Крученых принес мне книги (9 и 10 томы) Маяковского. За исключением «Во весь голос» — читать в них нечего. Прочитал невыправленные автором стенограммы его выступлений. Боже мой, какое убожество, какой утлый кругозор, какая демагогийщина. Этот человек недостойн своих стихов. Дикая некультурность, больше того — антикультурщина прет изо всех щелей. Дело тут не только в том, что М-й мало читал книг. Культура зависит не от количества прочитанного, а от количества продуманного. Но как мало мыслил Маяковский. Теперь это несомненно — история. Читаешь, точно исследуешь прошлый век. Прописные истины «Комс[омольской] правды» о том, что поэзия д[олжна] б[ыть] оружием раб[очего] класса, М-й преподносил как откровение, явившееся ему в бессонной ночи. Понять и сформулировать разнообразный, многогранный, политехнический характер этого оружия М-й не смог. Он грубо сводил его к газетной правке рабкоровского материала. Он был ниже рапповцев в этом отношении. Горбачев бросал ему реплики о «примитивизме»¹.

Все-таки наша эпоха глубоко прогрессивна. Прошли 2 — 3 года — и сейчас говорить такие вещи — явная контрреволюция. Все равно, что звать к опропченчеству.

Сейчас считается доказанной правота Маяковского в его защите против наших атак. Эта защита именуется — «борьба М[аяковского] против к[онструктив]стов». [...] Но сейчас, читая эти стенограммы, я снова почувствовал всю принципиальную разницу между нами и левовцами. С точки зрения злободневного искусства были правы они, но с точки зрения искусства эпохального — мы. Для того, чтобы стать на их точку зрения, нам потребовался шаг. Но им — смерть! Я напишу и частушки в Окно РОСТА, и раёк о пользе сосок, для этого нужно

победить палитру, избрав карандаш, грифель или уголь. Но графику писать маслом значительно труднее. Маяковский не написал ни «Пушторга», ни «К[омандарма]-2», ни «Пао-пао»². А я «Электрозаводскую газету» все-таки написал³.

Брики оказали старику плохую услугу, напечатав его стенограммы. Невольно сравниваешь их с письмами Пушкина, с разговорами Гёте... Те, спустя сотню лет, еще живы как собеседники, этот был мертв еще до смерти. Теперь с очевидностью ясно для меня то, что я интуитивно чувствовал в «Записках поэта»⁴, предвидя смерть Маяковского: самоубийство М[аяковского] было неминуемо. Он был слишком неглубок, слишком поверхностен в сравнении с глубиной своих претензий. [...] Я часто ловлю себя на том же. Но я по крайней мере сознаю это. Диагноз — половина лечения.

(Ф. 1847, оп. 1, ед. хр. 160, л. 12 и об.)

¹ Горбачев Георгий Ефимович (1897 — 1937) — критик, рапповец. На Втором расширенном пленуме РАПП 26 сентября 1929 г. на слова Маяковского: «Эта полонщина [от фамилии критика В. П. Полонского — И. А.] [...], которая агитировала за переиздание стихов Гумилева, которые «сами по себе хороши». А я считаю, что вещь, направленная против Советского Союза, направленная против нас, не имеет права на существование, и наша задача сделать ее максимально дрянной и на ней не учить», Горбачев бросил реплику: «Это клоповый примитивизм» (Полн. собр. соч. Т. 12. С. 391).

² Поэмы и пьеса Сельвинского.

³ Поэма, написанная Сельвинским в форме стихотворной газеты (М.: Федерация, 1931).

⁴ Произведение Сельвинского.

О. М. Брик — Л. Ю. Брик

23/XII [1930. Москва]

В ответ на наше объявление об академическом издании¹ поступило несколько писем. Некоторые любопытны.

1). Из Новочеркасска пишет студент Калфаян о Володином выступлении с поэмой «Хорошо!»². После чтения Володя написал в дневнике кружка: «Работайте, ребята. Главное — не унывать, а есенинщину — побоку. В. Маяковский». «А теперь этот листок в рамке висит в нашем институте. Это гордость нашего кружка».

2). Из гор. Сталино (Донбасс) пишет заведующий Центральной библиотекой, что у них организуется выставка Маяковского и уже собрано около 700 книг, снимков, плакатов, вырезок и пр. Просит выслать ему фотоснимки: «а) ручки, которой писал поэт, б) кабинета поэта, в) револьвера, которым застрелился Вл. Вл. и № его и г) дома, в котором жил и работал поэт»³.

3). Из Нового Буга — Украина — пишет Щербаков⁴. Спрашивает, нужно ли специальное разрешение от наследников для перевода «Облака» на украинский язык. (Ф. 2577, оп. 1, ед. хр. 152, л. 20 и об.)

¹ «Литературная газета» сообщила об издании Полного собрания сочинений Маяковского 9 декабря 1930 г.

² В Новочеркасске с чтением поэмы «Хорошо!» Маяковский выступал в 1927 г.: 24 ноября в клубе вузов, 27 ноября — в Доме Красной Армии, клубе вузов и в кинотеатре «Солей». Упомянутое письмо В. Калфаяна цитирует В. А. Катанян в кн.: Маяковский: Хроника жизни и деятельности. 5-е, доп. изд. М., 1985. С. 414.

³ Письмо заведующего библиотекой Я. В. Соломоновича Л. Ю. Брик сохранилось (ф. 2577, оп. 1, ед. хр. 589, л. 35). В г. Сталино Маяковский выступал 29 июля 1927 г. в помещении цирка.

⁴ Письмо С. Щербакова Л. Ю. Брик сохранилось (ф. 2577, оп. 1, ед. хр. 589, л. 15).

СУДЬБА ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ М. А. БУЛГАКОВА

(По письмам Е. С. Булгаковой)

Публикация К. Н. Кириленко

Я была рядом с Булгаковым и видела его мучительную жизнь и смерть.

Е. С. Булгакова

Из письма К. М. Симонову.

9 июня 1965 г.

Публикацию писем Елены Сергеевны Булгаковой, посвященных судьбе литературного наследия Михаила Афанасьевича Булгакова, необходимо начать словами великой благодарности человеку мужественному, целеустремленному, верному и глубоко понимавшему значение архива писателя как для изучения его творчества, так и для подготовки к печати его произведений. Елена Сергеевна посвятила всю свою жизнь со дня встречи с Булгаковым собиранию, сохранению и изданию его рукописей и писем. С 1929 года она неустанно работала над рукописями мужа, помогая ему в перепечатке и правке их. На многих встречаются ее пометки: «Окончательный вариант», «Сверено с суфлерским экземпляром МХАТ» и т. д. После смерти Булгакова (10 марта 1940 г.) Елена Сергеевна продолжала собирать его архив, хлопотать настойчиво об издании его пьес и прозы, готовила тексты его произведений к печати, была фактическим составителем сборника воспоминаний о нем (см. в РГАЛИ ее письма В. В. Смирновой, И. В. Штоку, А. М. Файко, К. Г. Паустовскому и др.), присутствовала на репетициях и премьерях спектаклей, поставленных по пьесам Булгакова в разных городах Советского Союза и за рубежом. Все это нашло отражение в эмоциональных, целенаправленных письмах Елены Сергеевны к различным корреспондентам.

Она была убеждена, что настанет час Булгакова! И теперь мы являемся свидетелями этому.

Почти сразу же после смерти писателя, 14 марта 1940 года, была создана представительная комиссия по

его литературному наследию в составе Н. Н. Асеева, В. Я. Виленкина, В. В. Иванова, Л. М. Леонова, П. А. Маркова, С. Я. Маршака, А. М. Файко, К. А. Федина, Н. П. Хмелева и др., в которую вошла и Е. С. Булгакова. Секретарем комиссии был С. А. Ермолинский (см. ф. 631, оп. 15, ед. хр. 442, л. 3, 4). Она была утверждена 21 марта 1940 года на заседании Президиума ССП (см. там же, л. 1 и об.). Еще до утверждения комиссии, всего через неделю после смерти М. А. Булгакова, 17 марта 1940 года Елена Сергеевна нашла в себе силы написать Виталию Яковлевичу Виленкину четкое деловое письмо, в котором предусмотрела все детали перепечатки пьес Булгакова, за издание которых она начинает биться:

«Милый Виталий Яковлевич!

[...] Итак, посылаю 4 пьесы: «Дни Турбиных», «Пушкина», «Дон Кихота» и «Ивана Васильевича», бумаги 1250 листов (из расчета на 4 экземпляра каждой пьесы при обычной манере писать, то есть через пережат, как все три пьесы переписаны, но не как «Дон Кихот») и, на всякий случай, 200 листов копирки. Если это не нужно, тем лучше. Если не хватает, еще пришлю.

Очень, очень прошу машинисток, которые будут переписывать, отнестись бережно и к экземплярам пьес, и к тексту, постараться, чтобы копии вышли хорошо».

Комиссия сразу же начала активно действовать — внесла на заседание Президиума ССП предложение об издании избранных произведений и в первую очередь избранных пьес, причем просила расходы по оплате за перепечатку отнести за счет Литфонда (см. ф. 631, оп. 15, ед. хр. 442, л. 4).

4 мая 1940 года комиссия собралась вновь, заседание происходило на квартире С. Я. Маршака. Были приняты следующие решения:

«1) Включить в сборник драматургических произведений М. А. Булгакова, издание которого является первоочередной задачей комиссии, следующие шесть пьес:

- а) «Дни Турбиных»
- б) «Бег»
- в) «Дон Кихот»
- г) «Мольер»
- д) «Пушкин»
- е) «Иван Васильевич»

Примечание: В пьесе «Бег» принять к напечатанию первую редакцию 8-й картины (без самоубийства Хлудова).

- 2) Предпослать изданию две статьи:

а) Общую критическую статью «Творческий портрет М. А. Булгакова».

б) Статью П. С. Попова — творческую биографию М. А. Булгакова. Подыскание автора для первой из указанных статей и соответствующие переговоры поручить А. А. Фадееву.

3) Печатание сборника осуществить через издательство «Советский писатель» или через издательство «Искусство». Переговоры с издательствами поручить А. А. Фадееву» (ф. 631, оп. 15, ед. хр. 505, л. 7).

Философ, психолог, литературовед Павел Сергеевич Попов (1892 — 1964) был другом и первым биографом Булгакова.

Е. С. Булгакова не присутствовала на этом, последнем, заседании. После перенесенного удара — смерти Михаила Афанасьевича — она лечилась и отдыхала в Ялте. О происходящих событиях ее информировал В. Я. Виленкин. Она знала, что дело с изданием не движется. Этим и вызваны горькие строки из письма В. Я. Виленкину от 5 мая 1940 года:

«Конечно, ужасно жаль, что из-за загруженности Ал[ександра] Ал[ександровича] все откладывается вопрос со сборником. Я не хочу писать жалких слов, но Вы сами понимаете, какое значение это имело бы сейчас для меня».

10 июня 1940 года «Вечерняя Москва» сообщила, что в издательстве «Советский писатель» решено издать сборник пьес Булгакова под редакцией Ермолинского. В октябре Ермолинского арестовали. Книга не вышла.

В январе 1941-го в газетах сообщалось, что издательство «Искусство» наметило выпуск пьес Булгакова. Началась война. Книга не вышла.

Несмотря на бесчисленные препятствия, на глухую стену запретов, Елена Сергеевна продолжала стучаться во все двери за семью запорами. Причем ее просьбы об издании Булгакова никогда не были униженными мольбами, но всегда — просьбами требовательными, полными достоинства, сознания того, что она бьется за правое дело.

И вот первое движение — правда, это еще не издание литературного наследия, но надежда увидеть на сцене спектакли по пьесам Булгакова. МХАТ начал работу над «Александром Пушкиным» («Последними днями») и возобновлением «Дней Турбиных». 11 марта 1943 года

Елена Сергеевна писала В. Я. Виленкину из Ташкента, где она находилась в эвакуации:

«...Витенька, как идут репетиции «Пушкина» и — боюсь даже сказать — «Турбиных»? Как меня волнует это последнее, если бы Вы знали! Может быть, оттого, что эта пьеса у меня целиком связана с М[ихаилом] А[фанасьевичем], оттого, что мы вместе с ним смотрели ее много раз, оттого, что эта пьеса прошла через всю его жизнь — возобновление ее, решение вопроса: жить ей или не жить — меня волнует даже больше, чем «Пушкин», пошедший в работу уже после М[ихаила] А[фанасьевича]».

Но вот 10 апреля 1943 года состоялась премьера спектакля «Последние дни», и 1 мая Елена Сергеевна пишет В. Я. Виленкину:

«Милый мой Витенька! Спасибо Вам за Ваше письмо о премьере. Очень многое увидела ясно. Конечно, Вы сами понимаете, я ненасытна в этом вопросе — могу слушать без конца, так что, если вспомните еще и еще напишите — Ваше ли собственное впечатление или какие-нибудь со стороны интересные разговоры, — напишите непременно. Письмо Ваше пришло после известия о смерти Владимира Ивановича, и так больно было читать Ваши строки — как он много и замечательно работал над «Пушкиным» и вообще про его отношение к этому спектаклю. [...] Витенька, миленький, надеюсь, что скоро, наконец, увидимся. И — подумать только — придут на спектакль!»

А жить вдове писателя Булгакова становилось невозможно трудно. 7 декабря 1943 года она вынуждена была написать председателю Комитета по делам искусств М. Б. Храпченко:

«Разрешите обратиться к Вам со следующей просьбой.

По сложившемуся репертуару МХАТа пьесы Булгакова идут очень редко. Бывают месяцы (напр[имер], август, сентябрь), когда они не шли ни разу.

«Дни Турбиных» не ставятся совсем, так как декорации и костюмы сгорели в Минске.

Договор, заключенный с «Советским искусством» на напечатание пьес Булгакова, не выполнен.

Комиссия по разработке литературного наследия М. А. Булгакова прекратила свое существование, по видимому, по обстоятельствам военного времени.

С момента войны я не получила — до премьеры «Пушкина» — ни одной копейки авторских денег, не выхожу из долгов и живу на продажу вещей и книг.

Два мои сына, находящиеся в Красной Армии, не в состоянии сейчас мне помогать.

Я обращаюсь к Вам с просьбой учесть все трудные обстоятельства моей жизни и помочь мне, включив меня в список лиц, получающих лимит, подобно тому, как это сделано в отношении некоторых вдов писателей.

Елена Булгакова»

(ф. 631, оп. 15, ед. хр. 693, л. 39).

К письму необходимы некоторые пояснения: начало Великой Отечественной войны застало МХАТ на гастролях в Минске, где погибли декорации и костюмы спектакля «Дни Турбиных»; Елена Сергеевна не точно дает название издательства. Имеется в виду издательство «Искусство», в объяснительной записке которого к отчету за 1941 год сказано: «Большинство изданий тематики мирного времени было законсервировано. Сюда относятся полностью разделы литературы по изобразительному искусству, по театроведению и отчасти по драматургии» (ф. 652, оп. 13, ед. хр. 1804, л. 15). Сыновья Елены Сергеевны — Евгений Евгеньевич (1922 — 1957) и Сергей Евгеньевич (1926 — 1977) Шиловские.

Летом 1946 года Е. С. Булгакова сделала попытку обратиться в самые высшие инстанции с просьбой об издании пьес Булгакова.

24 июля 1946-го позвонили из ЦК и посоветовали связаться с издательством «Искусство». Переговоры с издательством ни к чему не привели. А после августовского выступления А. А. Жданова об А. А. Ахматовой и М. М. Зощенко и соответствующего постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года вопрос об этом не поднимался. Пауза тянулась до 1950 года.

14 января Е. С. Булгакова вновь обратилась с заявлением в Президиум ССП:

«10 марта 1950 года исполняется десять лет со дня смерти писателя Михаила Афанасьевича Булгакова.

В некрологе за подписью Президиума Союза советских писателей, напечатанном в «Литературной газете» от 15 марта 1940 г., было сказано: «Умер Михаил Афанасьевич Булгаков — писатель очень большого таланта и блестящего мастерства. Он обладал редким чувством сцены и в последние годы почти всецело посвятил себя драматургии. В ней он чувствовал себя наиболее полно

и свободно. Тонкий психолог и знаток человека, он талантливо и глубоко раскрывал внутренние образы интересовавших его людей. Его пьесы, написанные превосходным русским языком, давали театру богатый материал для творчества, увлекали актера и волновали зрителя. Он вносил в свои произведения весь свой темперамент, личность большого мастера и сочетал в них богатый юмор с нежной лирикой. Он жил интересами искусства — литературы и театра — и к каждому своему шагу относился с крайней требовательностью.

Четырнадцать лет в Художественном театре не сходят со сцены «Дни Турбиных» — пьеса, сыгравшая такую значительную роль в истории МХАТ. Теперь она идет в 899-й раз. В этом году советский зритель увидит новые пьесы Булгакова — «Пушкина» в МХАТ и «Дон Кихота» в Вахтанговском театре. (Премьера состоялась 8 апреля 1941 года. — *Примеч. публ.*)

Михаил Афанасьевич Булгаков был всегда искренним и беспокойным художником. Он прошел сложный и трудный творческий путь и войдет в историю советской литературы как выдающийся и своеобразный мастер».

После смерти Булгакова А. А. Фадеев написал о нем: «...Мне сразу стало ясно, что передо мной человек поразительного таланта, внутренне честный и принципиальный и очень умный».

21 марта 1940 года на заседании Президиума Союза советских писателей (протокол № 15) было вынесено постановление об издании избранных произведений Булгакова.

Прошло 10 лет, но Президиумом ССП не сделано ничего для проведения в жизнь этого постановления.

Я обращаюсь с просьбой отметить дату смерти писателя Булгакова изданием двухтомника его избранных произведений:

1. Проза — роман «Белая гвардия»
роман «Биография Мольера»
2. Пьесы — «Дни Турбиных»
«Мольер»
«Полоумный Журден» (по мотивам «Мещанина во дворянстве») «Иван Васильевич»
«Мертвые души» (по Гоголю)
«Дон Кихот» (по Сервантесу)
«Последние дни (Пушкин)»
«Батум»

Если Секретариат Союза советских писателей не найдет возможным решить самостоятельно вопрос о литературном наследстве писателя Булгакова, — я прошу, чтобы Секретариат ССП ходатайствовал об этом перед Правительством.

Елена Булгакова»

(ф. 631, оп. 15, ед. хр. 1064, л. 64 — 65).

21 апреля 1950 года Секретариат рассмотрел это предложение.

Сообщение о нем сделал член Правления ССП СССР К. В. Воронков.

«Выписка из протокола № 26 §10 заседания Секретариата ССП СССР:

Слушали: 10. Об издании произведений М. А. Булгакова (т. Воронков).

Постановили: Ознакомившись с материалом, Секретариат ССП пришел к выводу: воздержаться в настоящее время от переиздания избранных произведений М. А. Булгакова» (ф. 631, оп. 15, ед. хр. 1064, л. 6).

На самом деле речь шла не о переиздании, а о первой публикации.

Главной проблемой того времени было — издать Булгакова. Елена Сергеевна была готова согласиться на купюры в текстах, но только издать, чтобы познакомить читателей с его творчеством!

Идя навстречу условиям, которые ставили редакции или издательства, она неоднократно сама делала купюры.

В письме З. А. Никитиной, бывшей в те годы секретарем редакции альманаха «Литературная Москва», для которого Елена Сергеевна правила повесть «Жизнь господина де Мольера» в январе 1956-го, сообщалось:

«...я аккуратно сижу по полдня над ней и стараюсь представить себе — что разрешил бы вычеркнуть Михаил Афанасьевич. Для собственного успокоения скажу, что он всегда говорил: вычеркнуть я согласен, но вписывать! — ни за что! [...] Читаю и получаю наслаждение — какая это прелестная вещь. И как обидно что-то вымарывать...

Глава 18-я. Кто она? (Эпиграф). Ее, как главу 18-ую, надо оставить *обязательно*, хотя бы и в очень сокращенном виде, но структуру всей повести менять нельзя» (ф. 1579, оп. 1, ед. хр. 3, л. 9, 10, 11 об.).

К. М. Симонову Булгакова отвечала по поводу «Белой гвардии»: «После Вашего письма я сделала некоторые

купюры в романе, все время соображаясь с тем, что сделал бы Михаил Афанасьевич».

Остался позади рубеж — март 1953-го — смерть Сталина. А несколько месяцев спустя, 2 ноября, начальник Главного управления по делам искусств Министерства культуры Н. Н. Беспалов сообщил, что министр культуры П. К. Пономаренко дал указание об издании избранных произведений Булгакова. Но никакого движения не последовало. Елена Сергеевна пошла в издательство «Искусство» к директору Е. Е. Северину. Секретарша ее не пускала: его нет и неизвестно, когда будет. Булгакова сидела в коридоре, ждала. Секретарша не скрывала своего раздражения: ее возмутила настойчивость «дамочки». И все же Елена Сергеевна дождалась Северина. Показала все постановления, решения. Директор отобрал две пьесы — «Дни Турбиных» и «Последние дни (Пушкин)». Дело безопасное — обе в свое время были поставлены на сцене. Наконец, в 1955 году издательство «Искусство» выпустило в свет сборник в 120 страниц, включавший эти пьесы.

30 ноября 1955 года Елена Сергеевна писала артистке С. В. Гиацинтовой: «...позвольте переслать Вам плод длительных усилий с моей стороны — эти тоненькие книжки.

Если бы Михаил Афанасьевич был жив, с каким особенно хорошим чувством надписал он эти книжки!» (ф. 2049, оп. 2, ед. хр. 88, л. 1).

За всей массой хлопот по изданию Булгакова Елена Сергеевна постоянно помнила и о собирании его архива. Характерно письмо к З. А. Никитиной от 8 июня 1956 года: «У меня к Вам большая просьба: если когда-либо будут какие-нибудь высказывания о Михаиле Афанасьевиче (стенограмма заседания или что-нибудь такое, бумажное, а не просто речь) — буду бесконечно Вам признательна, если передадите для моего архива. Хотя он уже вообще готов для передачи в любой музей, но всякое такое дополнение — и именно нашего времени — будет очень желательно» (ф. 2533, оп. 1, ед. хр. 108, л. 1 и об.).

Но все же главной ее заботой, главной болью было издание произведений писателя. Лишь в 1956 году, когда председателем комиссии по литературному наследству Булгакова стал К. М. Симонов, появилась возможность хлопотать об этом, имея какую-то реальную надежду на успех. Начинается, оборвавшаяся только со смертью Елены Сергеевны, переписка ее с Константином Михай-

ловичем, в котором она нашла истинного помощника, так много сделавшего для издания произведений Булгакова и увековечения его памяти. Вот первое письмо:

«Москва 26 окт[ября] 1956

Многоуважаемый Константин Михайлович, посылаю Вам театральный роман 20-х годов «Записки покойника».

Хотела послать еще библиографию к роману о Мольере — Михаил Афанасьевич проработал тогда около года в Ленинской библиотеке, изучая все, что можно было, по этому вопросу, всех французов. Но потом решила, что, конечно, Вы и без этого профессионально понимаете, сколько действительных знаний скрывается под кажущейся легкостью рассказа. И не стала посылать.

Мой сердечный привет Вам.

Елена Булгакова»

30 января 1957 года Секретариат ССП постановил: «Считать возможным издание в Гослитиздате сборника пьес Булгакова». В постановлении упоминалась и проза «Жизнь господина де Мольера», «Белая гвардия» и «Записки покойника» («Театральный роман»).

Но все это осуществится не скоро.

А пока театры, не дожидаясь изданий, хотят ставить Булгакова, воплощать на сцене его образы. Интересны четыре письма Е. С. Булгаковой первому постановщику пьесы «Бег» главному режиссеру Сталинградского драматического театра Николаю Александровичу Покровскому. В них упоминаются: Медовщиков Николай Николаевич (1898 — 1987) — художник, оформлявший спектакль «Бег» в Сталинградском драматическом театре, премьера которого состоялась 29 марта 1957 года; Клавдия Георгиевна — жена Н. А. Покровского; Разин Аркадий Семенович — директор театра; Анастасьев Аркадий Николаевич (1914 — 1981) — театральный критик и историк театра; Рудницкий Константин Лазаревич (1920 — 1988) — театровед, историк театра, театральный критик; Иванов Всеволод Вячеславович (1895 — 1963) — писатель; Бажан Микола (Николай Платонович) (1904 — 1983) — украинский поэт и общественный деятель; Вивьен Леонид Сергеевич (1887 — 1966) — актер, главный режиссер Театра драмы им. А. С. Пушкина (бывшего Александринского); Рубб Александр Аронович (р. 1921) — режиссер Сталинградского драматического театра в 1950-е годы. Роль Хлудова в спектакле Ста-

линградского театра играл В. М. Клюкин, роль Чарноты — К. А. Сеницын.

«Москва, 22.2.1957.

Многоуважаемый Николай Александрович, на днях я встретилась у одних знакомых с Николаем Николаевичем Медовщиковым, и он очень заинтересовал меня своим рассказом о постановке Вами «Бега». Для меня нет ничего более волнующего, чем мысль о сценическом воплощении этой пьесы. Ужасно, что Михаил Афанасьевич не дожил до этого. Я была бы Вам чрезвычайно благодарна, если бы Вы написали мне, когда Вы предполагаете выпустить пьесу, когда будут такие генеральные репетиции, на которых я могла бы присутствовать. Мне очень хочется приехать в Сталинград ради «Бега». Ко мне приходил недели три назад служащий Исторической публичной библиотеки с просьбой дать какие-нибудь материалы по «Бегу» для Вашего театра. Пьеса ведь нигде еще не ставилась, поэтому материалов никаких нет. В прессе был когда-то очень ценный отзыв Горького, о нем я сказала.

С уважением *Елена Булгакова*».

Отзыв М. Горького о «Беге» был напечатан 10 октября 1928 года в вечернем выпуске ленинградской «Красной газеты» после чтения пьесы в МХАТе: «Это превосходнейшая комедия, с глубоко скрытым сатирическим содержанием. Твердо убежден: «Бегу» в постановке МХАТа предстоит триумф, анафемский успех».

«Москва, 14.3.1957

Многоуважаемый Николай Александрович!

Глупее того, что произошло со мной, и вообразить нельзя. 11-го числа, выйдя из Союза писателей, я упала на улице и сломала себе левую руку. Перелом, как определил профессор, «малоуютный», и меня решено положить в больницу, чтобы быть все время под наблюдением врачей. Так что завтра переезжаю в травматологическую клинику.

Вы не можете себе представить, какое горе для меня, что я не могу ехать на генеральные и премьеру «Бега». Для меня будет большим счастьем увидеть напечатанный «Бег» в журнале «Театральная Москва» — что должно произойти месяца через два. Но это ничто перед моей мечтой — увидеть «Бег» на сцене — воплощенным, обросшим мясом, налитым кровью. Пьеса рождается толь-

ко на сцене. Историю, мучительную, постановки «Бега» Вы как театральный человек, конечно, знаете.

Я надеюсь, я буду стараться изо всех сил выздороветь как можно скорее и приехать в Сталинград. Умоляю — сохраните для меня, для моего большого булгаковского архива (который будет передан в Пушкинский Дом) все, что только возможно: репетиционные записки, театральные документы, программы, афиши, фотографии. Я просила Медовщикова Николая Николаевича о его набросках.

До встречи — желаю Вам большой удачи, вознаграждающей Вас за колоссальный труд Ваш по пьесе.

С большим уважением

Елена Булгакова»

Впервые пьеса «Бег» была опубликована в 1965 году в сборнике: *Булгаков М. А. Драммы и комедии.*

«Москва, 2.6.1957

Многоуважаемые Клавдия Георгиевна и Николай Александрович, как я обрадовалась Вашему письму. Для меня — за многие последние месяцы — «Бег», Сталинград, встреча с Вами, с Аркадием Семеновичем, дни, проведенные в Сталинграде, волнение до дрожи, до слез при виде «Бега», ожившего на сцене, — все это стало радостной точкой. Если бы Вы знали, как часто я все это вспоминаю, перебираю в памяти все впечатления. Как раз вчера, в один день, пришло и Ваше письмо, и фотографии. Почему же Вы не прислали своей фотографии, милый Николай Александрович?

Я показываю их всем проходящим, рассказываю и мечтаю увидеть это опять. Я слышала, что Вы должны были приехать третьего июня, — это отменилось почему-то. Недавно познакомилась с Анастасьевым, и он мне сказал, что непременно в июне полетит в Сталинград. «Как же?! Ведь увижу в первый раз «Бег» на сцене!» Статья Аскольдова о «Беге» принята журналом «Театр», пойдет в июльском седьмом номере, там же поместят два снимка — 5 и 7 картины. Статья Рудницкого о «Беге» лежит в «Комсомольской газете», — обещали ему, что пойдет. Кроме того, Рудницкий сдал журналу «Театр» большую статью о Булгакове. И Аскольдов тоже — о нем же в «Литературной газете». Теперь надо запастись терпением. Но я ведь жду уже 30 лет. Привыкла.

Издательство «Искусство», не сообщая мне ни слова (раз я уже не наследница третий год, зачем со мной

разговаривать?!), издает в июне сборник из трех «лучших пьес Булгакова» (как сообщается в аннотации) — «Дни Турбиных», «Бег» и «Последние дни (Пушкин)». В аннотации же написано, что в первых двух пьесах Булгаков показывает распад белогвардейщины, величие революции и всесокрушающую силу большевизма «через показ вражеского стана». В июле же «Бег» будет напечатан в «Театральной Москве» № 1.

Мне рассказали, по просьбе Вс. Иванова, что, когда в ЦК Бажан говорил плохо о «Днях Турбиных», Вс. Иванов встал и в своей речи защитил пьесу и сказал, обращаясь к членам правительства: «ведь, не правда ли, вы тоже смотрели во МХАТе, и не раз, этот прекрасный спектакль?» — и оттуда последовало подтверждение. Вследствие чего этот брехун Бажан на пленуме уже говорил о «талантливом драматурге и интересном произведении»...

Большое спасибо за рецензию. Она — единственный отклик в Сталинграде на спектакль? Мне все, все интересно по «Бегу», все это должно быть показано на выставке в Литературном музее к 40-летию, а потом войдет в архив, который — я думаю — будет передан Пушкинскому Дому. Во всяком случае там очень этим заинтересованы. Так что прошу Вас, если это возможно, материалы газетные откладывать для меня.

[...] Пишу и вспоминаю Ваш уютный номер, гостеприимнейшую Клавдию Георгиевну, чудесный вечер, проведенный после второго «Бега». Как я была счастлива.

Спасибо Вам за все это. Если только судьба приведет Вас и Клавдию Георгиевну в Москву — прошу Вас немедленно известить меня.

С любовью, Елена Булгакова

В письме много сведений библиографического характера. Необходимо уточнить их. Статья А. Аскольдова «Восемь снов. «Бег» в Сталинградском драматическом театре им. М. Горького» была напечатана в журнале «Театр», 1957, № 8 и там же помещены три фотографии сцен из спектакля; статьи К. Рудницкого в «Комсомольской правде» и А. Аскольдова в «Литературной газете» не были напечатаны; статья К. Рудницкого, сданная в журнал «Театр», была опубликована в сборнике «Вопросы театра» лишь в 1966 году. Горькие слова, сказанные в адрес издательства «Искусство», относятся к книге «Булгаков М. А. Пьесы» (М., 1962). Н. А. Покровский прислал Елене Сергеевне Булгаковой рецензию Н. Ко-

лесникова «Бег», напечатанную в газете «Молодой ленинец» (Сталинград) от 18 мая 1957 года, которую она хотела передать вместе с другими материалами для экспозиции на выставке, посвященной 40-летию Октябрьской революции в Государственном Литературном музее (см. заметку «У стендов литературной выставки» // Литературная газета. 1957. 14 дек.).

«Москва. 8.11.1960

Дорогой Николай Александрович, я сейчас (по примеру Михаила Афанасьевича) делаю альбом по «Бегу», по истории этой пьесы и ее теперешних постановок — у Вас, в клубе Дзержинского, в Москве, в Александринке, в Праге, в Польше (между прочим, я получила оттуда интересный материал — фото, афиши, программы. Театр получил на 2-м фестивале польских театров премию и высокую оценку — актер, исполнитель роли Хлудова, и постановщик). Я очень прошу Вас, если у Вас есть в театре что-нибудь по этой пьесе — лишние карточки (с автографами желательно бы), афиши, программы, пресса (Александринка, вернее, Вивьен так мне и не отдал газетной вырезки из сталинградской газеты с рецензией на «Бег») и т. д. и т. д., вплоть до самых мелочей, — я буду Вам бесконечно благодарна! Часть тех фотографий, которые были мне присланы, находятся в Пушкинском Доме, а часть в Литературном музее в Москве на выставке, в альбоме Булгакова.

Саша Рубб, наш друг, уезжая к Вам, сказал, что Вы собираетесь восстанавливать «Бег»!! Да? Это слишком волнует меня, чтобы я не спросила Вас об этом.

Мой сердечный привет Клавдии Георгиевне, крепко жму Вашу руку.

С искренним уважением, Елена Булгакова».

Если Хлудов, Чарнота, все участники «Бега» помнят меня, мой искренний привет им.

Не участнику, но Саше Руббу — также!»

Но возвратимся к издательским делам.

Со времени последнего постановления Секретариата ССП об издании Булгакова прошло два года.

В марте 1959-го Елена Сергеевна вновь обращается в высшие инстанции с просьбой об издании пьес и прозы Булгакова, напоминая, что произведения его не появлялись в печати уже 33 года. В августе она получает ответ с рекомендацией обратиться в издательство «Художественная литература» к заместителю директора А. И. Пу-

зикову. Но что может сделать Пузиков, когда прямых указаний сверху нет и никто давать их не хочет?!

Елена Сергеевна пишет Ермолинскому: «Если бы ты знал, как трудно мне в течение 21 года добиваться, что Мишу надо печатать».

15 февраля 1961-го — К. М. Симонову:

«Опять о Булгакове. Вы, наверно, знаете, что на Секретариате решили предложить изд[ательст]ву «Искусство» напечатать сборник избранных пьес Булгакова. Хорошо бы — к 70-летию со дня рождения в мае [19]61 г.

Но как же быть с прозой, почему нельзя выпустить в изд[ательст]ве «Советский писатель» отдельными книжками — роман «Мольер» и «Рассказы юного врача»? [...] Прошу Вас, напишите в союз о том, что Вы считаете нужным издать, наконец, эти, непонятно почему неиздающиеся вещи. [...]

Знаете, Константин Михайлович, где-то мне попались на глаза такие слова: давайте оставим нашим потомкам хорошую память о нашем времени. (Наверно, я неправильно цитирую, но мысль была такая). Так вот, я подумала, что наши потомки не поймут поведения литераторов в отношении Булгакова. Вы не согласны со мной? По-моему, я права. Ведь все они считают его талантливым. И в Вашем высказывании о «Белой гвардии» есть слова очень высокой оценки вещи. Согласитесь, что у нас не так много романов этой эпохи, о которых можно так отозваться. И, знаете, лучше выпустить роман даже с тем послесловием, о котором Вы пишете, чем вовсе не печатать его. К критике М[ихаил] А[фанасьевич] привык за свою жизнь, а теперь его и на свете нет.

Я вцепилась в Вас, как видите, но что поделать — доброе дело не остается без наказания, как известно. Вольно Вам было написать мне не просто письмо-отписку, а настоящий дельный разбор вещей.

Итак, кончаю письмо не униженной, а требовательной громадной просьбой: поступите как писатель, заинтересованный русской литературой, как председатель комиссии по литературному наследству Булгакова, наконец, как человек, обещавший мне это, — отдайте, не откладывая, какую-то часть своего времени на это очень хорошее дело, займитесь им с душой, толкайте других людей и добейтесь больших результатов».

Приближалась юбилейная дата Булгакова, которую хотела использовать Елена Сергеевна как повод для но-

вого напоминания о необходимости печатать его произведения. 25 февраля 1961 года она пишет К. М. Симонову:

«Ко мне позвонил тов. Марьямов из «Нового мира». По его просьбе я послала в редакцию «Жизнь Мольера» и «Рассказы юного врача» для ознакомления. Не думаете ли Вы, что Ваш звонок и добрые слова в адрес этих вещей Булгакова сыграют положительную роль? Если Вы согласны со мной, сделайте это, пожалуйста.

Сердечный привет. *Е. Булгакова*».

Александр Моисеевич Марьямов (1909 — 1972) был членом редколлегии журнала «Новый мир».

16 марта 1961 года Елена Сергеевна вновь обращается в Секретариат ССП:

«Разрешите напомнить, что ровно через 2 месяца — 16 мая 1961 года — исполняется 70 лет со дня рождения писателя Михаила Афанасьевича Булгакова. Может быть, Союз писателей найдет возможным отметить эту дату. Конечно, лучшим памятником Булгакову было бы издание его сочинений — как пьес, так и прозы.

М. А. Булгаков печатался с 1919 по 1925 год. Затем, после 30-летнего перерыва, в 1955 году были изданы его 2 пьесы».

И вот, наконец, в 1962 году после более чем 20-летних хлопот Елены Сергеевны, при большой помощи Симонова вышел сборник «Пьесы». В него были включены всего лишь четыре — «Дни Турбиных», «Мольер», «Пушкин», «Дон Кихот».

И сейчас же возобновляются хлопоты Елены Сергеевны о более полном сборнике пьес.

12 ноября 1964 года она пишет Симонову: «...посылаю Вам три пьесы:

«*Блаженство*», которое в 34-м году вызвало испуг в Театре Сатиры (мы, коммунисты, не знаем, что будет в 21-м веке, а Вы знаете!! — повторял директор).

«*Ивана Васильевича*», выросшего из «Блаженства» по просьбе того же театра, но главным образом потому, что летом 35-го года Михаил Афанасьевич был очень здоров и весел.

И, наконец, вариант «*Агама и Евы*». Очень буду ждать рассказа о Ваших впечатлениях. Моя мечта — сборник из шести пьес: «Зойкина квартира», «Багровый остров», «Полоумный Журден», «Блаженство», «Иван Васильевич», «Адам и Ева».

Пусть что-то слабее, что-то сильнее, это же нормально. Зато если выйдет такая книжка, да еще однотомник в Госиздате, — будет выполнена большая часть того, что я обещала Мих[аилу] Аф[анасьевичу]. Иногда я думаю, не предложить ли Гослитиздату сделать два тома, напечатать и «Мастера и Маргариту». Но это — только с Вашего благословения. Когда у Вас найдется время, Вы прочтете роман?»

В 1965 году вышла еще одна книга — «Драмы и комедии». Мечта Елены Сергеевны начала осуществляться — к предыдущему сборнику добавлены 3 пьесы: «Бег», «Полоумный Журден», «Иван Васильевич».

Елена Сергеевна безмерно благодарна Симонову за постоянную помощь, очень волнуется, что сорвется издание прозы, что не состоится вечер памяти Булгакова, который готовится в Центральном Доме литераторов. Она пишет Симонову 12 марта 1965 года:

«Дорогой Константин Михайлович, найдите, пожалуйста, время — немного — я знаю, что Вы сейчас перегружены работой и делами, — и придите ко мне, мне очень это нужно. Вас со всех сторон одолевают моими делами, и Гослитиздат с «Записками покойника», и «Искусство» с «Адамом и Евой», и ЦДЛ с вечером. Простите, мне очень совестно, что так получается. И тут же я прошу Вас заехать ко мне. Для чего? Просто, чтобы я успокоилась и опять поверила, что на этот раз (8, 9, 10-й — не помню уже) дело по воскрешению из мертвых Булгакова не рассыпалось, что будет все хорошо. Знаете, за все последнее время какая была самая хорошая минута: когда в передней утром 28 октября, перед поездкой в Гослитиздат, Вы сказали про трубку и табак. Тут я до конца поверила, что Вы действительно решили помогать, помогать в этом трудном деле с Булгаковым. И улеглось то волнение, которое было еще накануне, когда Вы и все были у меня. Для меня, конечно, ужасно, что Вас не будет на этом вечере, что Вы не будете вести его, — ведь, собственно, план его был выдуман Вами. И все-таки, даже несмотря на это, я считаю, что вечер нельзя отменять, иначе это будет первый кирпич, вылетевший из этого очень еще непрочного здания. А может быть, Вы будете недалеко от Москвы и сможете приехать на этот вечер?»

В майский день, в Ялте, в сороковом году, в саду писательского дома мальчик — сын Субботина, кажется, — совал в рот большой рыжей собаке хлеб с колбасой и говорил: «Ну кúсай, позалуста», а потом отбирал и говорил: «Ну, отдай, позалуста». Я не могу забыть этого, потому что всегда считаю себя этой собакой, все время у меня отбирают то, что, казалось, уж принадлежит мне. Пожалуйста, пусть на этот раз не будет так. И, правда, если сможете, то заезжайте на полчаса. И успокойте меня. А то очень тяжело. Сегодня ровно 25 лет, как хоронили Булгакова. А как мало мне удалось сделать еще для него.

С самым сердечным чувством,

Елена Булгакова».

Вечер, посвященный памяти М. А. Булгакова, состоялся в Центральном Доме литераторов 26 марта 1965 года. Открыл его В. П. Катаев. От имени комиссии по литературному наследию Булгакова выступил К. М. Симонов (См.: Литературная Россия. 1965. 2 апр.; Литературная газета. 1965. 15 апр.). В письме упоминается писатель Субботин Анатолий Александрович (1890 — 1961).

28 мая 1965 года в «Литературной России» был опубликован отрывок из «Театрального романа» («Записок покойника») Булгакова с вступительной заметкой Симонова. На следующий день Елена Сергеевна писала Константину Михайловичу:

Москва 29—5—65

[...] очень сильно, очень взволнованно благодарю Вас за радость, которую я переживаю, смотря на напечатанный кусок «Записок».

Храни Вас Господь — говорил обыкновенно Михаил Афанасьевич, прощаясь с милыми его сердцу людьми. Так и я говорю Вам».

Наконец, двинулся в «Художественной литературе» и том прозы, куда вошли: «Записки юного врача», «Белая гвардия», «Жизнь господина де Мольера» и «Театральный роман». И снова трудности, и снова — письмо Симонову 9 апреля 1965 года:

«Опять просьба (ужас!). Только что звонила Борисова Валентина Александровна — редактор прозы:

«Вплотную начинаю заниматься Булгаковым. Редакция заинтересована в скорейшем выпуске. Надо знать, что с «Записками покойника» — можно ли включать в аннотацию, надо ли печатать текст, работать над текстом?!»

И опять Симонов! В какой злосчастный для Вас день Вы согласились стать председателем комиссии? Да, вспомнила, это было 27 октября 56 года.

Что мне ответить им? Когда можно ждать от комитета «разрешеньица... или запрещеньица», как острит Савва Лукич в «Багровом острове». Ох, еще и «Багровый». Опять Симонов страдает. Ну, простите, милый!»

Но вот наступил долгожданный момент. 15 июля 1965 года Елена Сергеевна сообщает Симонову:

«...откройте этот конверт где-нибудь в темном закутке, прочитайте про себя тихохонько и никому! Я страшно суеверна, а кроме того, дала слово, что никому не скажу.

Но так как это — после меня — касается в первую очередь Вас — я говорю *по секрету*: «Театр[альный] ром[ан]» будет напечатан в августовской книжке.

Так что Ваши труды не пропали зря. Я так счастлива, что сияю, как медный грош.

Спасибо, спасибо».

«Театральный роман» («Записки покойника») впервые был напечатан в журнале «Новый мир» (1965, № 8).

Но вновь задержка со сборником прозы и вновь письмо К. М. Симонову в январе 1966 года:

«Ох, как тяжело. Что же это за судьба такая. Вот, думала, как все хорошо. Даже страшно становилось, непривычно. Но, думала, м. б., плохое позади, довольно его было. И вдруг — звонок. Со сборником неблагополучно, просите К[онстантина] М[ихайловича], чтобы помог, позвонил, поехал к Кос[олапову] — хочет дать сборник на рецензию. А ведь есть уже две положительные рецензии на «Б[елую] гв[ардию]». А мало ли кому теперь попадет, вдруг — к недругу. Ведь январь уже, а обещали выпустить к 75-летию, в мае. Боже, до чего тяжело. И опять — Константин Михайлович, опять Симонов. Кто же еще поможет. Я сказала Вал[ентине] Ал[ександровне] — звоните Вы, нельзя же делать из меня Мерчуткину, в самом деле. И, конечно, села за письмо к Вам. Все говорят, что если Вы скажете Кос[олапову], он послушается Вас. Скажите, умоляю Вас».

Валерий Алексеевич Косолапов (1910 — 1982) в 1960-е годы был директором Гослитиздата.

Наступили напряженные месяцы перед появлением на страницах «Москвы» «Мастера и Маргариты», и эта

победа не далась Елене Сергеевне просто. Она как бы отвечала за всё при публикации произведений Булгакова.

2 августа 1966 года она пишет Симонову:

«Вулис написал предисловие к «Мастеру» для «Москвы», показал мне, Ляндресу. Это слабо, не то, что нужно. Взял для переделки к среде.

Но я вдруг очень испугалась, почувствовала — беда. Мы рискуем «Мастером». Потом не поправишь. В «Москве» сидит Арк. Васильев, хочет утопить роман. Коротков сказал мне, что Вы написали потрясающе, он спокоен за «Прометей».

Дорогой Константин Михайлович, дорогой, SOS! Напишите и для «Москвы», пусть этот роман всегда будет под Вашей защитой. Ведь нельзя же, чтобы сорвалось это немыслимое счастье, правда?»

В письме упоминаются: Вулис Абрам Зиновьевич (р. 1928) — литературовед, писатель; Ляндрес Семен Александрович (1907 — 1968) — руководящий работник ряда издательств, консультант Секретариата Союза писателей СССР; Васильев Аркадий Николаевич (1907 — 1972) — писатель, член редколлегии журнала «Москва»; Коротков Юрий Николаевич — заведующий редакцией серий «Жизнь замечательных людей» в издательстве «Молодая гвардия», редактор историко-биографического альманаха «Прометей».

Предисловие Симонов написал. И вот письмо Елены Сергеевны от 22 сентября 1966 года: «...только сейчас мне принесли из «Москвы» Ваше предисловие. Оно вызвало во мне волнение — счастливое. Я плакала, читая его. Я не люблю литературоведов, как Михаил Афанасьевич не любил редакторов. Но это не литературоведение, это мысли и чувства, очень дорогие мне».

Роман «Мастер и Маргарита» впервые был напечатан со значительными цензурными купюрами в журнале «Москва» (1966, № 11; 1967, № 1) с предисловием К. М. Симонова и послесловием А. З. Вулиса. Год спустя полный текст романа был издан во Франции и ФРГ; на родине Булгакова «Мастер и Маргарита» полностью был напечатан в 1973 году в составе однотомника его прозы («Белая гвардия», «Театральный роман», «Мастер и Маргарита»).

И последнее, очень важное письмо К. М. Симонову, где Елена Сергеевна ставит принципиальный вопрос о неприкосновенности авторского текста.

8 сентября 1968 года: «Меня очень огорчило то обстоятельство, что «Литературная газета», абсолютно не считавшись со мной, с моими правами, с моими планами, поместила рассказ Булгакова «Воспаление мозгов», изуродовав его бессмысленно и снабдив хладнокровным сообщением — «публикация Л. Усенко. Печатается с некоторыми сокращениями». На меня это произвело самое угнетающее впечатление, и мне кажется, что такие разбойничьи налеты надо прекратить в самом зародыше, иначе они приобретут большой масштаб. Я прошу Вас, просто умоляю сделать такое заявление в газетах, что никто, кроме меня и комиссии по литературному наследию Булгакова, не имеет права ни на публикации, ни на издания, ни на использования в любом виде произведений Булгакова. [...] Рассказ был напечатан в 1926 г. в книжечке «Смехач» № 15. Одной редакции придет в голову вычеркнуть данные строки, другой что-нибудь другое не подойдет... А у меня болит сердце — разве булгаковское наследие бесхозайно? Разве я для таких типов вела всю эту напряженную борьбу больше четверти века? Миленький, поймите! Мне очень тяжело».

Елена Сергеевна успела сделать очень много для увековечения памяти писателя, для вечной жизни его произведений. Она умерла 18 июля 1970 года. «Если бы ее не было на свете, — писал С. А. Ермолинский, — то сочинения Михаила Афанасьевича, думаю, еще долго пролежали бы в ящиках стола. Ее энергии и мужеству кланяюсь низко». Поклонимся низко и мы ее подвигу первопроходца в деле издания литературного наследия М. А. Булгакова.

Кроме документов, хранящихся в РГАЛИ, в публикации использованы материалы из личных архивов В. Я. Виленкина и С. А. Ермолинского. Автор публикации приносит благодарность владельцам за разрешение поместить здесь отрывки из принадлежащих им документов.

Письма Н. А. Покровскому даны по материалам журнала «Театральная жизнь» (1988. № 14. С. 15 — 17).

К письмам Е. С. Булгаковой К. М. Симонову не указаны шифры, так как все они хранятся в новом поступлении в фонд К. М. Симонова (ф. 1814).

**ДНИ
НАШЕЙ ЖИЗНИ**
(Из хроники РГАЛИ)

— За шесть лет, прошедших со времени выхода в свет последнего выпуска «Встреч с прошлым», РГАЛИ пополнился более чем пятьюдесятью новыми личными архивными фондами. Среди фондообразователей — писатель и критик А. М. Марьямов; известный знаток творчества Шекспира и Гёте А. А. Аникст; театровед С. Д. Дрейден; актеры М. И. Царев, В. Б. Смехов, Л. Л. Оболенский (бывший одним из самых аристократичных и утонченных артистов советского кино), когда-то побудивший С. М. Эйзенштейна заняться кинематографом; кинорежиссер А. А. Алов; режиссер радиотеатра, основательница художественного радиовещания для детей в нашей стране Р. М. Иоффе; зачинатель и духовный руководитель поэтической «Лианозовской группы», незадолго до смерти сам передавший в РГАЛИ свой архив, художник и поэт Е. Л. Кропивницкий, чьи полотна и графика, ставшие «классикой» авангарда, находятся в музеях Франции, Италии, Германии; поэт-авангардист и знаток творчества В. Хлебникова К. А. Кедров (рукописи неопубликованных поэм и стихотворений и рисунки — цветные абстракции). Получены одиннадцать папок с материалами русского религиозного философа о. Павла Светлова. Композитор Родион Щедрин передал нам нотные рукописи балета «Конек-Горбунок», симфоний и других своих произведений, включая самые ранние. Начал передачу своего творческого архива писатель А. Н. Рыбаков.

— Для истории театра немалый интерес должна представить подробнейшая монография А. Н. Гозенпуд «Очерки истории театров юного зрителя. 1918 — 1984» (два тома общим объемом свыше тысячи машинописных страниц).

— Шестьдесят лет собирал материалы по истории цирка и эстрады А. Я. Шпеер (1892 — 1994). На основе своего собрания он составил маленькую энциклопедию

«Цирк». РГАЛИ же получил более 12 800 документов по истории цирка и эстрады: фотографии, биографические сведения, рекламы, афиши. Ценность этой уникальной коллекции увеличивается тем, что все экспонаты подробно и тщательно атрибутированы и прокомментированы.

— Архив Николая Алексеевича Некрасова пополнился черновым автографом его стихотворения «Чего же Вы хотели б от меня?» (1866).

— Среди новых поступлений в фонд критика Вяч. П. Полонского (1886 — 1932) — белой автограф стихотворения Сергея Есенина «Разбуди меня завтра рано / О моя терпеливая мать». Оригинальный рукописный вариант этого произведения ранее не был известен; в собраниях сочинений Есенина оно публиковалось по литографскому оттиску из книги «Автографы» (М., 1921). Обнаруженный автограф Есенина отличается небольшими пунктуационными разночтениями от воспроизведенного в книге 1921 года.

— 4 апреля 1990 г. ЦГАЛИ СССР и комиссия по литературному наследию В. Т. Шаламова провели в Центральном Доме литераторов 1-е Шаламовские чтения и вечер, посвященный жизни и творчеству писателя. И. П. Сиротинская в своем выступлении рассказала об истории передачи архива Шаламова в ЦГАЛИ, его составе, сложностях подготовки рукописей к изданию. Выступали профессор Ю. А. Шнейдер, кинодраматург А. А. Свиридова, журналист В. В. Есипов. Воспоминаниями о встречах с писателем поделились Г. М. Айги и Лев Озеров. Вечер памяти Шаламова открыл Ф. Искандер. После него о Варламе Тихоновиче говорили писатели, ученые, люди, работавшие рядом с ним: Е. А. Мамучашвили, Ф. Ф. Сучков, О. В. Волков, С. Ю. Неклюдов, М. М. Кораллов. Прозвучали стихи Шаламова в исполнении актера театра «Современник» Р. Суховерко и магнитофонная запись шаламовского рассказа «Шахматы доктора Кузьменко» в чтении автора.

— 30 июня — 3 июля 1994 г. в Вологде прошли 11-е Шаламовские чтения. Председательствовал поэт О. Г. Чухонцев. И. П. Сиротинская, вологодские краеведы Т. Н. Калинина, О. В. Артемова и Л. С. Панов поделились своими открытиями в разысканиях, касающихся биографии Шаламова и его родных. О своем восприятии творчества и личности писателя рассказали литературовед Минако Танаги (Япония), журналист Роже

Вильтц (Франция), драматург Марлен Кораллов (Москва). Проблеме литературного контекста творчества Шаламова были посвящены сообщения проф. Ю. В. Бабичевой (Вологда), С. Б. Шоломовой (Харьков), И. В. Некрасовой (Самара).

Вызвала дискуссию проблема «Шаламов и Солженицын». Этой теме посвятили выступления проф. А. М. Микешин (Вологда), доктор Майкл Николсон (Оксфорд, Великобритания), В. В. Есипов (Вологда).

В рамках чтений состоялся вечер, посвященный памяти писателя, на котором выступили с воспоминаниями, чтением стихов Шаламова, личными впечатлениями от его творчества В. Н. Боровицкая, О. Г. Чухонцев, И. П. Сиротинская, зарубежные гости. Особенно тепло встретили присутствующие Ариадну Николаевну Гордееву, дочь русских эмигрантов, специально приехавшую из Парижа в Вологду, чтобы сказать, что русские эмигранты любят и ценят Шаламова. «Мы с вами», — заключила свое выступление Ариадна Николаевна.

В Вологодской картинной галерее была открыта новая экспозиция — символ вечной памяти узникам сталинских лагерей. Много сил и души вложила в ее создание музеевед Марина Вороно.

К чтениям были изданы две книги Шаламова: прозаическая «Четвертая Вологда» и поэтическая «Колымские тетради», вышел первый выпуск «Шаламовского сборника» (публикации из литературного наследия писателя, статьи и воспоминания о нем). Специальный выпуск газеты «Свеча» был посвящен Шаламовским чтениям.

Нельзя не отметить организационного и финансового содействия проведению Шаламовских чтений со стороны администрации Вологды и Вологодской области.

— 1 апреля 1991 г. состоялась научная конференция, посвященная 50-летию ЦГАЛИ. Среди выступавших, пришедших поздравить архив с полувековым юбилеем, — С. О. Шмидт (Археографическая комиссия АН СССР, ныне РАН), А. Д. Степанский (МГИАИ), Г. М. Печников (ЦДТ), А. А. Новикова (ЦГАНХ), А. В. Добровская, Н. С. Зелов (ЦГАОР), Дж. Малмстад (Гарвардский университет, США), Н. Н. Нарышкин (архив Министерства культуры), Т. Г. Денисман (редакция «Литературного наследия») и др.

— Булгаковские чтения, посвященные 100-летию со дня рождения писателя, проходили в его родном городе

Киеве с 15 по 22 мая 1991 г. В их проведении было много отличного от традиционных Булгаковских чтений, прежде проходивших в Ленинграде.

Начались чтения поминальной молитвой в Крестовоздвиженской церкви на Подоле, где сто лет назад крестили младенца Михаила. Служба была торжественной, все участники чтений держали в руках зажженные свечи. Священник в поминальном слове говорил о детстве и юности Михаила Булгакова, посещавшего эту церковь в ранние годы жизни, и о всемирном значении таланта писателя.

После богослужения участники чтений направились к дому Булгаковых на Андреевском спуске. В чудесный теплый день люди наполнили улицу до отказа. Здесь-то и начались эффекты совершенно булгаковского плана: полились торжественные речи, а как только раздались слова приглашения в дом, в голубом ясном небе грянул гром. Дружными аплодисментами встретили собравшиеся редчайшее явление природы, восприняв его как мастерский сценический ход.

В доме, за кремовыми шторами, посетителей ждала памятная читателям «Белой гвардии» и зрителям «Дней Турбиных» елка, украшенная гирляндами копий многочисленных фотографий из собрания музея.

Этот необычный пролог открыл богатые докладами, сообщениями и дискуссиями научные совещания, которые проходили в Музее истории Киева и в Киевском государственном университете. В них приняли участие крупнейшие русские и зарубежные булгаковеды. А по вечерам шел показ булгаковских пьес, поставленных театрами Киева, Москвы, Казани, Кирова (Вятки), Орла, Саратова...

Небольшие перерывы в юбилейной программе гостеприимные киевляне заполнили для участников чтений экскурсиями по Днепру и булгаковским местам города. Некоторым счастливым удалось приобрести отлично изданную книгу А. Кончаковского и Д. Малакова «Киев Михаила Булгакова» (Киев: Мыстэцтво, 1990) — фоторассказ о жизни Михаила Булгакова в Киеве — городе, где он родился и рос, который всегда любил.

ЦГАЛИ (тогда еще не РГАЛИ) участвовал в чтениях совместно с Центральным государственным архивом кинофотодокументов. Старшие научные сотрудники архивов К. Н. Кириленко и И. М. Фурманова подготовили сообщение-показ «Москва 1920-х глазами М. А. Булгакова». Основой для него послужили дневники писателя,

которые ЦГАЛИ незадолго до юбилея получил из архива КГБ, и кадры документальных фильмов, хранящихся в Кинофотоархиве.

— Сотрудники РГАЛИ выступали с докладами на конференциях, посвященных 100-летию В. Маяковского и 100-летию С. Есенина (в Москве и Варшаве).

— Выставки, которые организовал и в которых принял участие РГАЛИ, прошли не только в России, но и по всему миру. Вот основные из них:

1990 год. В Германии и Австрии была организована выставка «Рисующие режиссеры. От Эйзенштейна до Тарковского». РГАЛИ поместил в экспозиции часть богатейшего графического наследия С. М. Эйзенштейна. Спустя несколько месяцев в Финляндии была проведена отдельная выставка «Рисунки Сергея Эйзенштейна».

В Москве, в павильоне «Культура» теперь уже бывшей ВДНХ, когда в этих павильонах еще не торговали мебелью и автомобилями, была развернута межархивная выставка рассекреченных документов «Ожившие архивы», где были представлены и документы из фондов РГАЛИ.

В Музее А. Ахматовой в Фонтанном доме (С.-Петербург) прошла выставка «Велимир Хлебников», а в Москве в Государственном Центральном театральном музее (более известном по фамилии создателя, «Бахрушинском») — выставка «Михаил Чехов».

РГАЛИ принял участие в прошедшей в Государственном Литературном музее выставке, посвященной поэзии и жизни Осипа Мандельштама.

Множество стран (Германию, Францию, Аргентину, США, Канаду и др.) объехала выставка «Архитектурные фантазии Л. Чернихова».

1991 год ознаменовался выставками художников Густава Клуциса (прошла в Германии и Голландии) и Ольги Розановой. РГАЛИ принял участие в подготовке альбом-каталога выставки О. Розановой (отпечатан в Финляндии).

Крупнейшим явлением 1992 года стала экспозиция «Великая утопия», прошедшая вначале в Голландии и США, а затем развернутая в Москве в выставочных залах на Крымской набережной. Тысячи экспонатов: живопись, скульптура, керамика, выставленные в десятках залов, демонстрировали естественный переход от самых левейших футуристических и супрематических изысков 1920-х к социалистическому реализму 1940 — 1950-х гг.

На эту огромную выставку РГАЛИ дал экспонаты в раздел советского плаката; участвовал архив и в выпущенном к ней каталоге «Великая утопия».

Предоставил свои материалы РГАЛИ на выставки архитектурных проектов И. Машкова (Москва), «Русская фотография. 1840 — 1940 гг.» (Германия — Великобритания), «Русский и советский авангард» (США), «Марк Шагал и ГОСЕТ» (США), «Сергей Эйзенштейн в контексте эпохи» (Германия).

В прошедшей в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина выставке к столетию со дня рождения Марины Цветаевой «Мир художника» (открылась 8 октября 1992 г.) весь архивный раздел экспозиции (408 листов) представляли документы из фонда Цветаевой в РГАЛИ, который откроется для исследователей только в 2000 году (такова была воля дочери Цветаевой А. С. Эфрон, передавшей материалы матери в архив). Кроме РГАЛИ, на выставке были представлены экспонаты ГЛМ, ГМИИ им. А. С. Пушкина, Русского музея, частных коллекций и собраний — документы, рисунки, рукописи, книги, плакаты, фотографии, живописные полотна и графические работы, мемориальные вещи Цветаевой. К выставке был издан каталог, содержащий, кроме описания экспонатов, ряд публикаций впервые появляющихся в печати материалов. В его подготовке приняли участие директор РГАЛИ Н. Б. Волкова и научный сотрудник Е. Б. Коркина.

На церемонии открытия выставки «Ариадна Сергеевна Эфрон» 9 октября 1992 г. в Государственном Литературном музее выступила Н. Б. Волкова.

В 1994 году материалы РГАЛИ были представлены на экспозиции, посвященной поэтессе Елене Гуро (прошла в С.-Петербурге), и на крупной выставке «Европа — Европа» (Германия), рассказывающей об истории художественного авангарда с начала XX века до наших дней и взаимном влиянии стран Восточной и Западной Европы в этой области.

Директор Берлинской галереи, где проходила выставка «Москва — Берлин/Берлин — Москва» проф. Йорн Меркерт прислал в РГАЛИ письмо, где говорилось: «Позвольте мне выразить свою личную благодарность за Вашу готовность предоставить нам на несколько месяцев ценные экспонаты из Вашей коллекции. Они внесли решающий вклад в большой успех проекта, который отмечен награждением в ноябре 1995 г.: Международный со-

юз критиков назвал выставку «Москва — Берлин» и «Закутывание» рейхстага Христо и Жанн Клод выставками года». Московская часть выставки открылась 5 марта 1996 г. в ГМИИ им. А. С. Пушкина.

— Так же, как и выставочная, публикаторская деятельность архива — его «визитная карточка». По вышедшим изданиям судит читатель о РГАЛИ, о содержимом его архивохранилищ, о творческой одаренности и профессиональной подготовке сотрудников.

Приходится признать, что за прошедшие шесть лет публикаторский отдел РГАЛИ столкнулся со значительными трудностями в реализации ряда своих проектов из-за разрушения прежней книгоиздательской системы. Издательство «Прогресс» оказалось не в состоянии выпустить том интереснейшей переписки сестер Лили Брик и Эльзы Триоле, заверченный и сданный в издательство с расчетом на то, чтобы книга вышла к 100-летию В. В. Маяковского в 1993 г. Из редакции журнала «Наше наследие» пришлось забрать полностью подготовленный к печати, богато иллюстрированный, в том числе и цветными фотографиями, задуманный как подарочное издание альбомного типа сборник к 50-летию ЦГАЛИ (1941 — 1991). Причина проста: отсутствие средств. Для этих книг подыскиваем новых издателей.

Но, несмотря на объективные и субъективные трудности, были изданы заслужившие высокую оценку как специалистов и научной общественности, так и «широкого читателя» книги: дневники Евгения Шварца (*Шварц Е. Л. «Живу беспокойно...»* (Из дневников). Л., 1990); сборник воспоминаний, дневниковых записей и архивных документов, прежде не публиковавшихся или печатавшихся с большими цензурными купюрами «С. А. Есенин. Материалы к биографии» (М., 1993; на титуле — 1992); 2-е, дополненное издание литературного наследия великого актера Мих. Чехова (М.: Искусство, 1995). В самом конце 1996 г. вышла в издательстве Русского христианского гуманитарного института книга философа Н. А. Бердяева «Истина и Откровение. Прологомены к критике Откровения» — архивный фонд Бердяева, привезенный из Парижа, хранится в РГАЛИ и содержит его неопубликованные произведения. Совместно с Институтом мировой литературы им. А. М. Горького издан сборник «Вокруг Фадеева. Неизвестные и забытые письма и документы. (Из фондов РГАЛИ)» (М., 1996). В настоящее

время совместно с ИМЛИ ведется работа над большим томом «Из истории русско-французских связей XX века. Писатели в диалоге двух культур».

Издавалась и специальная научно-справочная литература.

В справочнике «Методические указания по работе с документами личного происхождения (литература и искусство)», вышедшем еще в 1990 г., суммирован богатейший опыт, накопленный архивом за полвека его работы. Рекомендации РГАЛИ могут быть использованы другими архивами, имеющими в своем составе фонды личного происхождения, рукописными отделами библиотек и музеев.

Особо стоит отметить изящно изданный во Франции парижским Институтом славяноведения «Краткий путеводитель по бывшему спецхрану РГАЛИ». Несмотря на небольшой объем, брошюра может рассматриваться как своего рода подведение итога под целой эпохой советского архивного дела, когда архивные фонды делились на «секретные» и «несекретные».

Сдан в производство и 7-й том «большого» Путеводителя по фондам РГАЛИ (серия «Academia Rossica» Русского библиографического общества). Выход в свет ожидается в первом квартале 1997 г.

Но, кроме книг на бумажной основе, появляется и нечто новое. Вышел в свет на CD-Rom'e сводный путеводитель по РГАЛИ, включающий ранее изданные архивом, начиная с 1959 г., тома. CD-Rom подготовлен по совместному проекту РГАЛИ и Института русской и советской культуры им. Ю. М. Лотмана Рурского университета (Германия). Он включает описания свыше 2500 архивных фондов, около 1 миллиона единиц хранения. Компакт-диск, уже представленный на Франкфуртской книжной ярмарке 1996 г. и поступивший в продажу обеспечивает индексированный поиск по всему тексту и, кроме того, содержит 500 фотографий фондообразователей. Осуществлению этого проекта, и вообще созданию электронных архивных справочников, РГАЛИ придает большое значение: это — выход на принципиально новый уровень информационного обеспечения исследователей. Мы хотели бы поблагодарить директора Института русской и советской культуры К. Аймермахера и непосредственного инициатора проекта К. Вашека.

За время после издания предыдущего, 7-го выпуска «Встреч с прошлым» множество публикаций сотрудников архива появилось на страницах таких изданий, как альманахи

«Минувшее», «Лица», «Российский архив», в журналах «Новый мир», «Знамя», «Звезда», «Наше наследие», «Отечественные архивы», в газетной периодике. Среди авторов — И. И. Аброскина, Е. В. Бронникова, Г. Ю. Дрезгунова, А. Л. Евстигнеева, Т. Л. Латыпова, М. А. Рашковская, И. П. Сиротинская, Н. В. Снытко, С. В. Шумихин. В процессе издания — включенные в Федеральную программу издательства «Искусство» воспоминания Е. Л. Шварца. Он назвал их «Телефонная книжка». Это галерея портретов современников Шварца, написанных ярко, лапидарно, эмоционально. Книга богато иллюстрирована впервые публикующимися и редкими фотографиями, снабжена комментариями и именным указателем. Подготовила ее исследовательница жизни и творчества Шварца К. Н. Кириленко. «Телефонная книжка» доведена уже до стадии верстки.

Продолжается работа над «Летописью жизни и творчества А. Блока». Вышел из печати 2-й том биобиблиографического словаря «Писатели современной эпохи», подготовленный еще в 1928 г. Государственной академией художественных наук под редакцией Б. П. Козьмина, но остававшийся в рукописи (издание в серии «Academia Rossica» Русского библиографического общества осуществлено при участии РГАЛИ).

21 записная книжка Ахматовой хранится в РГАЛИ. Этим книжкам был посвящен обзор Е. И. Лямкиной «Вдохновение, мастерство, труд» в 3-м выпуске «Встреч с прошлым» (М., 1978). И вот подготовлено их полное издание — том объемом свыше 800 страниц. Еще две книжки находятся в петербургских архивах и публикуются по копиям, снятым с разрешения руководства этих архивов. Записи делались Ахматовой в течение неполного десятилетия: с ноября 1956 по 4 марта 1966 г.

Издание «Записных книжек» Ахматовой осуществляет итальянское издательство. Зарубежные партнеры, согласно договору, обязаны доставить в РГАЛИ 1000 экземпляров русского тиража книги (оригинал-макет сложнейшего текста был подготовлен в РГАЛИ). Это издание можно сравнить с книгой «Рукою Пушкина», подготовленной М. А. Цявловским, Л. Б. Модзалевским и Т. Г. Зенгер, вышедшей в издательстве «Academia» в 1935 г. и содержащей несобранные и не вошедшие в собрания сочинений Пушкина черновые записи и наброски поэта. Очевидно, не замедлит появиться и отечественное переиздание.

«Записные книжки» Ахматовой состоят из текстов самого разнородного характера: творческих, автобиографических, мемуарных, библиографических, бытовых — вплоть до записей адресов, телефонов и денежных подсчетов. В оригинале все это расположено в довольно-таки хаотическом порядке. Записи в издаваемой книге переданы с максимальной точностью, приближающейся к так называемой «дипломатической копии», но так, чтобы текст мог быть без больших затруднений воспринят читателем. Задача, как оказалось, очень непростая. Идея издания и основной труд по его подготовке принадлежат ведущему научному сотруднику РГАЛИ Кларе Николаевне Суворовой (1928 — 1992). Она провела огромную текстологическую работу по расшифровке и систематизации записей. До последних дней жизни Клара Николаевна, уже неизлечимо больная, продолжала работать над двумя своими главными трудами: «Летописью жизни и творчества А. А. Блока» и «Записными книжками» А. А. Ахматовой, внося в уже перепечатанную рукопись последние уточнения и дополнения. Завершила ее работу небольшая группа публикаторов РГАЛИ во главе с К. Н. Кириленко. Вступительная статья написана Э. Г. Герштейн. Выход в свет «Записных книжек» Ахматовой станет достойным памятником ушедшей от нас исследовательнице.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдрахманов Ю. 416
 Аброскина И.И. 390 — 440, 471
 Аввакум, прот. 363
 о. Августин Якубисик (Jakubisiak) 350, 365
 Аверченко А.Т. 104
 Агранов Я.С. 418
 Аграновы 437
 Адалис (Эфрон) А.Е. 129, 130, 132, 133
 Адамович Г.В. 380, 389
 Адан А. 106
 Адрианов С.А. 146, 163
 Адуев Н.А. 434, 438
 Адуева-Кельман В.И. 433, 434, 438
 Айги Г.М. 464
 Аймермахер К. 470
 Айхенвальд Ю.И. 136
 Аксенов И.А. 203 — 205, 238, 247, 251, 254, 258, 266, 269, 270, 390, 396, 397
 о. Александр — см. Богданов А.
 Александр Александрович — см. Фадеев А.А.
 Александр I 64, 72
 Александр III 106
 Алексеев Н.Н. 344, 348, 352, 365
 Алов А.А. 463
 Альбер (Альберт), ресторатор 60
 Альберт I («король — рыцарь») 379, 388
 Альвэк И.С. 407
 Амалия — см. Фондаминская А.О.
 Амари, граф — см. Цетлин М.О.
 Амфитеатров А.В. 10, 16, 141 — 164
 Анастасьев А.Н. 449, 451
 Ангарский Н.С. — см. Клеостов Н.С.
 Ангерт Г. 250
 Андерсон (Андерсен) П.Ф. 342, 364
 Andersen, m-me, жена П.Ф.Андерсона 335, 363
 Андреев Л.Н. 173, 222
 Андреев Н.А. 105, 108
 Андроников И.Л. 12
 Ани, прислуга Бердяевых 354
 Аникст А.А. 463
 Анисимов Ю.П. 196 — 199, 207, 208, 232 — 234, 304
 Анисимова В.О. — см. Станевич В.О.
 Анисфельд (Бер) Б.И. 66, 108
 Анненков Ю.П. 400, 401
 Анненская Н.В. 24, 27 — 46
 Анненский И.Ф. 10, 16, 21 — 47, 311
 Антик В.М. 194
 Антимонов С.И. 412
 св. Антоний Великий 33, 40, 47
 Антоний (Храповицкий А.П.), митр. Карловацкий 332, 361
 Антокольский П.Г. 120, 390
 Анцелович Н.М. 149, 164
 Аполлоний Тианский 338, 364
 Аполлонский Р.Б. 70, 85, 105, 108
 Арагон Л. 408, 422, 429, 430
 Ардов В.Е. 390, 411
 Аркадий Семенович — см. Разин А.С.
 Аркатов А.А. 402

- Аркин Д.Е. 401
 Артемова О.В. 464
 Асеев Н.Н. 196 — 199, 200, 203 — 205, 207, 209, 212; 217, 220, 221 — 225, 227, 228, 239, 241 — 243, 245, 247, 258 — 262, 264 — 267, 272, 274, 279 — 284, 287, 289, 301, 390, 399, 404, 407, 410, 415, 416, 425, 442
 Асеева (рожд. Синякова) К.М. 227, 263, 265, 279 — 281
 Аскольдов А.А. 451, 452
 Астрид, королева Бельгии 379, 388
 Ася — см. Гишпиус А.Н.
 Аташева П.М. 421
 Ауэр Л.С. 65, 108
 Ахматова А.А. 18, 23, 142, 147, 310 — 321, 390, 406, 445, 471, 472
 Ашешов Н.П. 146, 163
 Ашукин Н.С. 139, 390

 Бабель И.Э. 399
 Бабичева Ю.В. 463
 Багрицкий Э.Г. 419
 Бажан М.П. 449, 452
 Байер Й. 57, 108
 Байрон Дж.-Н.-Г. 108
 Бакеркина Н.А. 58, 108
 Бакст (Розенберг) Л.С. 57, 90, 108
 Балакирев М.А. 65, 93
 Балашова А.М. 92, 108
 Балиев Н.Ф. 113
 Балтрушайтис Г.Ю. 201
 Балтрушайтис Ю.К. 137, 139, 201, 221
 Балтрушайтисы 201, 202
 Бальмонт К.Д. 23, 120, 137, 243, 373, 391
 Бар Г. 70
 Баранов, игрок 69
 Барановская (Керенская) О.Л. 388
 Баратынская Н.Л. 214, 215
 Баратынский Е.А. 119, 215, 225
 Барнс К. 266
 Баронат О. 62, 108
 Барсков Я.Л. 155, 164
 Барт К. 332, 361
 Бартнев П.И. 196
 Бартнев П.Ю. 211
 Бархатов М.Е. 107
 Бархатовы, влад. ресторана 78
 Барятинский В.В., кн. 69, 108
 Баттистини М. 62, 108
 Батюшков Ф.Д. 147
 Бах И.-С. 307
 Бахрушин А.А. 51, 100, 103, 104, 105, 108
 Бахрушин Ю.А. 104, 109
 Башмаковы, книготорговцы 249, 254
 Бедный Демьян 95, 423, 426
 Бейлис М. 199
 Бекефи А.Ф. 59, 109
 Беленсон Е. (Эльсон Э.) 332 — 334, 361, 365
 Белорусов И.М. 172, 173
 Белоусов И.А. 139, 166, 180
 Белый Андрей 118 — 120, 136, 137, 196, 198, 207, 250, 251, 259, 261, 262, 266, 268, 269, 276, 287, 289, 323, 397
 Беляев Д.А. 117
 Беляев, купец 46
 Бёме Я. 202, 229, 233
 Бентовин Б.И. 105, 109, 159
 Бенуа А.Н. 72, 73, 95, 109
 Бер Б.В. 221
 Беретта К. 74, 109
 Бердяев А.М. 366
 Бердяев Н.А. 10, 16, 322 — 366, 469
 Бердяева (рожд. Трушева, по 1-му мужу Рапп) Л.Ю. 10, 16, 322 — 366
 Бережков Д.Н. 107
 Берзин, репортер 161
 Берзинь А.А. 413
 Бернер С.Я. 333, 362

- Бертран А. 281, 284
 Беспалов Н.Н. 448
 Бетховен Л. ван 305, 334
 Бизе Ж. 388
 Бик Э.П. — см. Бобров С.П.
 Биккерман И.М. 359
 Биншток В.Л. 436, 438
 Биран (Biran) де, М. 348, 365
 Бланки Л.-О. 133
 Блинов С.Г. 390
 Блинов, хлеботорговец 78
 Блок А.А. 120, 142, 147, 155,
 158, 311, 323, 395, 422, 433,
 471, 472
 Блау (Blou) (Маршнуар
 М.-Ж.-К.) 331, 361
 Бо (Bos) дю, (Du Bos) Ш. 339,
 364
 Боборыкин П.Д. 388
 Боборыкин-сын 379, 388
 Бобров Г.П. 220
 Бобров М.С. 233, 299, 302
 Бобров С.П. 10, 16, 139, 195 —
 309, 390, 396, 397
 Боброва М.И. 220, 221, 233,
 234, 237, 239, 240, 245, 247,
 250, 251, 257, 260, 269, 276,
 293
 Богданов А. (о. Александр),
 свящ. 128, 129, 136
 Богословская-Боброва М.П.
 («Белочка») 206, 284, 298,
 302, 304, 306 — 308
 Бодлер Ш. 127, 310, 311
 Божидар Б.П. 238, 250
 Болотин П.П. 99, 109
 Больм А.Р. 83, 84, 109
 Больм Р.Р. 83
 Больмы 84
 Большаков К.А. 139, 199, 201,
 202, 205, 230, 233, 236, 237,
 238, 241, 280, 281, 428
 Бонди С.М. 421
 Борисова В.А. 457, 458
 Борисоглебский М.В. 48, 49
 Боровицкая А.Н. 465
 Борэ (Бюрэ) Э. 378, 388
 Боткин В.П. 133
 Боцяновский В.Ф. 144, 163
 Брагин С.В. 105, 109
 Брандт, преподаватель нем.
 языка 89
 Брауде (Браудо) Е.М. 156, 159,
 164
 Бренстэд М.М. 352, 354, 366
 Breton А. 430
 Брик Л.Ю. 279 — 281, 283,
 390, 391, 393, 397, 398, 401,
 403, 405, 407 — 410, 413,
 414, 416. — 418, 422 — 424,
 426, 428 — 432, 434, 439,
 440, 469
 Брик О.М. 205, 222, 243, 294,
 391, 397, 410, 413, 415, 416,
 418, 423, 429, 431, 432, 434,
 437, 439
 Брики 279, 282, 283, 405, 424, 439
 Бровкин Д. 61
 Бройль де, Л. 364
 Брокгауз Ф.А. 137
 Бронникова Е.В. 322 — 366,
 471
 Брюсов В.Я. 120, 123, 129, 130,
 132, 139, 140, 193, 194, 196,
 205, 221, 222, 228, 247, 300,
 310
 Буданцев С.Ф. 123, 281, 390,
 399, 410, 427, 428
 Буданцева (Ильина) В.В. 281,
 410, 421, 428
 Буданцевы 280, 282
 Будберг, барон 88
 Буланже Ж. 90
 Булгаков М.А. 10, 18, 429,
 441 — 460, 466
 Булгаков С.Н. 322, 330, 357,
 360, 363
 Булгакова Е.С. 18, 441 — 460
 Бунин И.А. 139, 166, 167, 176,
 377, 388
 Бунин Ю.А. 139, 166, 180
 Буренин В.П. 164
 Бурлюк Д.Д. 199, 223, 241, 392,
 396, 402, 403, 433

- Бурлюк Н.Д. 199, 241
 Бурцев В.Л. 163
- Вагнер Р. 85, 108
 Вадимов А. 327
 Валентина Александровна —
 см. Борисова В.А.
 Валентинов В.П. 105, 109
 Валь Ж. 349, 350, 354, 365
 Вальберх И.И. 52
 Валя, Валюшка — см. Кри-
 вич В.И.
 Ван-дер-Меер (Van der Meer)
 де Балш П. 335, 363
 Варламов К.А. 58, 85, 109
 Васильев А.Н. 459
 Васильева Н.С. 58, 105, 109
 Васнецов В.М. 81
 Ватсон М.В. 153, 163, 164
 Вахрушевы, ярославские бо-
 гачи 77
 Вахтангов Евг. Б. 139
 Вашек К. 470
 Введенский А.И. 100
 Вебер Дж. 386
 Вебстер Дж. 247
 Вейган М. 377, 382
 Венгеров С.А. 137
 Вербицкая А.А. 247, 248
 Вересаев В.В. 16, 137, 166, 168 —
 171, 174 — 194
 Вержбилович А.В. 64, 65, 86,
 109
 Верлен П.-М. 302, 303
 Вермель С.М. 203, 238 — 245,
 248, 250, 251, 260, 265
 Вермель Ф.М. 242
 Веселый Артем 399
 Вест Ф. 323, 328, 359
 Вестингауз Дж. 213
 Вешнев В.Г. 422, 425
 Вешнева М.А. 422, 425
 Вивьен Л.С. 449, 453
 Виленкин А.А. 68
 Виленкин В.Я. 442, 444, 460
- Виллари П. 107
 Виллер А.Э. 261
 Виллер Е.Э. 261
 Вильтзак А.И. 92, 109
 Вильтц Р. 465
 Вильям-Вильмонт Н.Н. 118,
 119, 280 — 282, 307
 Виноградов А.Г. 141 — 164
 Виноградов Н.Г. 108
 Витарский К.К. 105, 109
 Вишняк А.Г. 278, 280, 284, 285,
 289, 293, 295
 Владимир Иванович — см. Не-
 мирович-Данченко Вл. И.
 Владимиров П.Н. 67, 92, 109
 Владимирский, издатель 145
 Власов М.А. 87, 89
 Волькенштейн В.М. 137
 Волков О.В. 464
 Волков Ф.Г. 76, 103, 109
 Волков Гав. Г. 76, 103, 109
 Волков Гр. Г. 76, 103, 109
 Волкова Н.Б. 165 — 194, 468
 Волковыский Н.М. 150, 159,
 160, 164
 Володарский В. 143, 145, 163
 Володя — см. Злобин В.А.
 Волошин М.А. 23, 172, 387
 Вольтинский (Флексер) А.Л. 53,
 66, 67, 107, 109, 113
 Волькенштейн В.М. 137
 Вольтер Ф.-М. 104
 Вольф М.О. 300
 Вольф-Израэль М.А. 62, 109
 Вольфсон И.Г. 50
 Воронский В.В. 166
 Воронков К.В. 447
 Вороно М. 465
 Востроухов, хлеботорговец
 78
 Врангель П.Н. 167
 Врубель М.А. 210
 Вулис А.З. 459
 Вульф 25, 39, 45
 Вырубова А.А. 101
 Вышеславцев Б.П. 323, 352, 365,
 366

- Вышеславцев Н.Н. 127, 131, 132
 Вячеслав — см. Иванов Вяч. И.
- Гавронский И.О. 373, 387
 Галеви Л. 47
 Галифакс Э.-Ф.-В. 375, 387
 Галифе Г. 97
 Галкин Н.В. 64, 65, 106, 109
 Галланд (Галлон) 178, 193
 Гамелен (Gamelin) М.Г. 376 — 378, 388
 Гамсун К. 187
 Ганзен А.В. 159
 Гарибальди Дж. 33
 Гардин В.Р. 108
 Гардинер С.Р. 249
 Гарин Э.П. 414, 418, 431
 Гаррис — см. Каллаш М.А.
 Гартман Ф.А. 107
 Гаспаров М.Л. 207
 Гауптман Г. 71
 Гауэр М. 404, 405
 Ге Г.Г. 102, 109
 Гейслер Ф.К. 61, 73
 Гендель Г.-Ф. 305
 Герасимова Т.П. 418, 431
 Гердт Е.П. 107, 109
 Гердт П.А. 66, 109
 Геринг Г. 371
 Герцык Е.К. 323
 Гершензон М.О. 119, 325
 Гершгейн Э.Г. 472
 Гёте И.-В. 147, 261, 304, 305, 439, 463
 Гиацинтова С.В. 448
 Гиляровский В.А. 139
 Гиппиус А.Н. 382, 389
 Гиппиус З.Н. 10, 16, 147, 333, 362, 367 — 389
 Гиппиус Н.Н. 387
 Гиппиус Т.Н. 387
 Гитлер (Hitler) А. 340, 346, 365, 372 — 381, 384 — 386
 Глазунов А.К. 62, 65, 68, 85, 86, 93, 95, 98
- Глизер Ю.С. 419
 Глумов А.Н. 303
 Глушков В.В. 89
 Глушков В.П. 87, 90
 Глушкова О.В. 87, 89, 90
 Гнедич П.П. 82, 102, 105, 109, 144, 163
 Гнедов Василиск (В.И.) 199, 201, 223, 226, 228
 Гогенфельзен И.П. — см. Ирина Павловна
 Гогенфельзен О.В. 361
 Гоголь Н.В. 174, 446
 Гозенпуд А.Н. 463
 Головин А.Я. 93, 109
 Головин Ч. 215
 Голосовкер Я.Э. 303
 Голушкин, ярославский купец 76
 Гольдина З.М. 303
 Гольдштейн М.Л. 362
 Гомер 306, 311
 Гончаров И.А. 24
 Горбачев Г.Е. 438, 439
 Гордеева А.Н. 465
 Горенко А.А. — см. Ахматова А.А.
 Горнунг Л.Б. 387
 Городецкая Н.Д. 340, 364
 Городецкий С.М. 193, 194, 390
 Горчакова, княгиня 46
 Горький А.М. 71, 120, 137, 141, 147, 148, 156, 158, 162, 177, 182, 188, 191, 222, 287, 393, 394, 395, 397, 450
 Горяева, посетительница Бердяевых 333
 Готье Т. 312
 Гофман И. 62, 109
 Гоцци К. 139
 Граматка 334
 Грандиан де 356, 357
 Гредескул Н.А. 146, 163
 Грессер П.А. 60
 Грибоедов А.С. 441
 Грин А.С. 116
 Грин Дж. Р. 249, 254

- Грин Ж. 332, 339, 361, 364
 Гринберг З.Г. 150, 164
 Гринкруг Л.А. 415, 416
 Гроссман-Рощин И.С. 139, 412, 423
 Грюнерт А.А. 86, 109
 Гукасов, влад. игорного дома 74
 Гумилев Н.С. 18, 22, 121, 123, 147, 155, 158, 160, 173, 310 — 321, 406, 439
 Гуно Ш. 98, 108, 110
 Гуревич Л.Я. 123, 139
 Гуро Е.Г. 468
 Гусев-Оренбургский С.И. 171
 Гюго В. 250, 292
 Гюисманс Ж.К. 339, 364
 Guillon R. 350
- Дави (Davy) М.М. 357, 366
 Давыдов В.Н. 59, 102, 105, 110
 Даладьё Э. 351, 365
 Далматов (Лучич) В.П. 58, 85, 102, 110
 Дальский М.В. 102, 110
 Данилин И.А. 179, 180, 188, 192, 193
 Данте Алигьери 156, 313, 339, 364
 Дантон Ж.-Ж. 133
 Дарлей (Дарлэ), наездник 125
 Дарский М.Е. 70, 110
 Делакура Е. 206
 Деникер Л.Ф. 24
 Деникин А.И. 167
 Денисман Т.Г. 465
 Денисьев С.П. 74, 77, 79
 Державин Г.Р. 305
 Держановский В.В. 123
 Дерман А.Б. 194
 Десбут 416, 417
 Дешевов В.М. 99, 110
 Джалалова Л.И. 127
 Джиотто — см. Джотто
 Джотто ди Бондоне 42, 47
 Диккенс Ч. 188, 206, 278
- Дима — см. Философов Д.В.
 Дина — см. Анненская Н.В.
 Дион А. 375
 Дмитрий — см. Мережковский Д.С.
 Дмитрий Павлович, вел. кн. 101
 Дмитриев В.В. 123
 Добровская А.В. 465
 Довгалевский В.С. 289
 Долгоруков А.Н. 116
 Домашева М.П. 85, 110
 Дорошевич В.М. 254
 Достоевский Ф.М. 142, 155, 174, 185, 287, 333, 353, 363
 Дрезгунова Г.Ю. 471
 Дрейден С.Д. 463
 Дрейден, репортер 67
 Дриго Р. 65, 66, 101, 104, 110
 Дубровская Ф.Л. 92, 110
 Дулов М.Т. 101, 110
 Дунаевы, ярославские богачи 77
 Дунаевский И.О. 417, 418
 Дуров А.Л. 76, 77, 110
 Дурьлин С.Н. 124, 196 — 198, 199, 207
 Дюка П. 93
 Дюшен (Duchen) Л. 338, 340, 363
 Дягилев С.П. 90, 91, 107, 110, 112
- Евгений Германович — см. Лундберг Е.Г.
 Евдокимов, приказчик 89
 Евдокимова О.И. 390
 Евлогий (Георгиевский В.С.), митр. 334, 360, 362, 363
 Евреинов Н.Н. 243, 395, 402, 403, 412, 433
 Еврипид 22
 Евстигнеева А.Л. 116 — 140, 143, 194, 471
 Егоров, домовладелец 429

- Екатерина II 99
 Елизавета Маврикиевна, вел.
 княгиня 65, 87, 106
 Ермилов В.В. 435, 437
 Ермолинский С.А. 442, 443,
 454, 460
 Ермолов, гость В.А.Трефило-
 вой 68
 Ермолова М.Н. 85, 105, 110
 Ершов И.В. 59, 99, 110
 Ершов К. 61
 Есенин С.А. 120, 139, 399, 422,
 426, 428, 434, 464, 467, 469
 Есенина-Толстая С.А. 422, 426
 Ефремин А.В. 422, 426
 Ефрон И.А. 137
- Жадовская Ю.В. 238, 239
 Жакобс Э. 65, 110
 св. Жан де ла Круа (St. Jean
 de la Croix) 331, 361
 Жаров А.А. 404
 Жданов А.А. 445
 Жемайло 80
 Жемчужный В.А. 412
 Женя — см. Пастернак (рожд.
 Лурье) Евг. Вл.
 Жид А. 350, 365
 Жильбер Ж. 294
 Жирнов, хлебо торговец 78
 Жоня — см. Пастернак Ж.Л.
- Зайончковский Е.А. 169
 Зайцев Б.К. 174, 175, 288
 Зак Л.С. — см. Хрисанф
 Замятин Е.И. 222
 Зарубин Чика 99
 Збарский Б.И. 202, 233, 239,
 246, 247, 257, 262
 Збарские 257
 Звегинцев Н.А. 84, 85, 107
 Зданевич И.М. 200, 201, 220
 Зеберг Р. 83, 84
 Зелинский К.Л. 434
 Зелов Н.С. 465
- Зембрих М. 62, 110
 Землячка Р.С. 166
 Зенгер Т.Г. 471
 Зеньковский В.В. 335, 360, 363
 Зернов, хлебо торговец 78
 Зимин С.И. 111
 Зинаида — см. Райх З.Н.
 Зиновьев Г.Е. 145, 146
 Зиновьев — см. Звегин-
 цев Н.А.
 Зискинд А. 285, 289
 Злобин В.А. 367 — 370, 378,
 382, 387 — 389
 Змунчила И.Э. 318
 Зозуля Е.Д. 390, 404
 Зорич А. 416
 Зощенко М.М. 445
- Ибсен Г. 71, 107, 349 — 351
 Иван Андреевич — см. Да-
 нилин И.А.
 Иван IV (Грозный) 71, 77, 133
 Иванов Вс. В. 288, 412, 422,
 442, 449, 452
 Иванов Вяч. И. 118, 137, 202,
 248, 276, 325, 365
 Иванов Г.В. 368, 383, 389
 Иванов Л.И. 66, 96, 110
 Иванов П.К. 330, 339, 361
 Иванов, кондитер 58
 Иванова Т.В. 421, 422
 Иванов-Разумник Р.В. 136
 Ивнев Рюрик (Ковалев М.А.)
 123, 137, 199, 201, 205, 221,
 222, 225, 238, 241
 Игнатъев И.В. 199, 200, 226
 Извольская Е.А. 324, 326, 339,
 349, 354, 364
 Iswolsky Н. 327
 Изгоев А.С. 160, 359
 Измайлов А.А. 144, 163
 Ильин В.Н. 360
 Ильин И.А. 359
 Ильинский И.В. 100, 414
 Ильницкий С.А. 331, 361
 Илья — см. Гавронский И.О.

- Иоффе Р.М. 463
 Igene de Russe — см. Ирина Павловна
 Ирецкий В.Я. 152, 159, 160, 164
 Ирина Павловна (рожд. Гогенфельзен, кн. Палей) 331, 361
 Исаенко Г.Г. 105, 110
 Исаковский М.В. 305
 Искандер Ф.А. 464
 Ихильчик Г.И. 64, 106
- Кавецкая В.В. 85, 110
 Каган Е.Ю. 429, 430
 Каган М.Н. 136
 Каган У.А. 429
 Калинин М.И. 172, 178, 181, 188
 Калинина Т.Н. 464
 Каллаш (рожд. Новикова) М.А. 333, 362
 Калфаян В. 439, 440
 Кальдерон П. 305
 Каляев И.П. 55, 106
 Каменский В.В. 199, 241, 395, 396, 402, 403, 407, 432, 433
 Камознс Л. 305
 Кан Н.В. 297
 Канкарович А.И. 99, 110
 Кант И. 347
 Кантакузин кн., Сиракузский граф, гость В.А.Трефиловой 68
 Карамышев, трактирщик 70
 Кардовский Д.Н. 310
 Карл Великий 43
 Карпов Е.П. 102, 105, 108, 110, 159
 Карпов Л.Я. 257, 264, 289
 Карпова А.С. 257, 261, 266
 Карповы 262
 Карсавина Т.П. 66, 73, 90 — 92, 110
 Карсян Г.Э. 390
 Карташев А.В. 329, 360
- Карузо Э. 62, 110
 Карякин В.Н. 136
 Катаев В.П. 399, 457
 Катанян В.А. 390, 398, 401, 407, 415, 440
 Катанян В.В. 398
 Кауфман А.Е. 142, 149, 150, 153, 158, 162, 164
 Кауфманн, гость В.А.Трефиловой 68
 Качалов Н.И. 107
 Кашина-Евреинова А.А. 403
 Квислинг В. 372, 375, 387
 Кедров К.А. 463
 Кельберин Л.И. 380, 389
 Кеня — см. Анненский И.Ф.
 Керенский А.Ф. 69, 360, 374, 377, 380, 382, 383, 388
 Керженцев В. (Лебедев П.А.) 418
 Кериллис, французский журналист 381
 Киреев Б.М. 425, 426
 Кириленко К.Н. 441 — 460, 466, 471, 472
 Кириллов В.И. 369
 Киров С.М. 387
 Кирсанов С.И. 410, 415, 423
 Кирсанова К.К. (Клавочка) 415, 416
 Клавдия Георгиевна — см. Покровская К.Г.
 Клейн Т.П. 142
 Клейст, фон Г. 201, 202
 о. Клепинин Дм. 326
 Клестов (Ангарский) Н.С. 166, 185, 194
 Клиппс (Clippс) 381
 Клод Ж. и Х. 469
 Клуцис Г. 467
 Клюкин В.М. 450
 Ключевский В.О. 155
 Клячко Л.М. 149, 150, 164
 Ковалевский П.Е. 360
 Коган П.С. 137, 400, 401, 404
 Коган-Нолле Н.А. 401
 Коген Г. 209

- Козинцева-Эренбург Л.М. 289
 Козлов Ф.М. 92, 111
 Козьмин Б.П. 471
 Кокуев, влад. гостиницы 75
 Колонн Э. 64, 111
 Коля — см. Асеев Н.Н.
 Комиссаржевская В.Ф. 71, 101, 107, 111
 Кондратьев А.М. 102, 103, 111
 Коненков С.Т. 118
 Кони А.Ф. 100, 108, 154, 155, 159
 Коновницына, графиня 129
 Коноплев, врач 183
 Конради М. 166
 Константин Константинович (К.Р.), вел. кн. 86, 87, 104, 106
 Константин Павлович, вел. кн. 86
 Кончаковский А. 466
 Кораллов М.М. 464, 465
 Коркина Е.Б. 468
 Корнальба Э. 56, 111
 Корнеев Б.И. 407
 Корнилов, фабрикант пряников 87, 88
 Коротков Ю.Н. 459
 Корчмарев К.А. 99, 111
 Корш Ф.А. 110
 Косолапов В.А. 458
 Костров Тарас 412
 Костя — см. Локс К.Г.
 Котляревский Н.А. 155, 159, 164
 Красильщикова, купчиха 129
 Красин Л.Б. 148
 Красовская В. 107
 Крахт К.Ф. 196
 Крашенинников Н.А. 139
 Крашенинников С.П. 139
 Крестинский Н.Н. 148
 Кривенко В.С. 159
 Кривич В.И. 23 — 25, 27, 31, 32, 33, 35, 37, 40, 42, 44 — 47
 Криницкий М.В. 118
 Кристи М.П. 100, 111
 Кроммелинк Ф. 437
 Кропивницкий Е.Л. 463
 Крузе, гость В.А.Трефиловой 68
 Крупенский А.Д. 52, 111
 Крученых А.Е. 206, 390, 393, 399, 433, 438
 Крылов В.А. 50
 Крючков Д.А. 199
 Ксения Михайловна — см. Асеева К.М.
 Ксирао (Xirao) П.-Х. 335, 345, 363
 Кутель А.Р. 85, 105, 111
 Кудашев С., кн. 356, 366
 Кудашева — см. Роллан М.П.
 Кузмин М.А. 123, 287, 289, 307
 Кузнецова-Бенуа М.Н. 58, 111
 Кузьмин Н.Н. 143, 163
 Кузьмина-Караваева Е.Ю. — см. мать Мария
 Кузьмина-Караваева М.А. 320
 Куинджи А.И. 95
 Кун Б. 166
 Купер (Шмулевич) Э.А. 85, 111
 Куприн А.И. 144, 147, 392
 Куракин И.А. 76
 Кусиков А.Б. 139
 Кут А.В. 410, 411
 Кутузов М.И. 133
 Кутырина Ю.А. 167, 168, 170, 171, 176
 Куусинен О. 372, 375, 387
 Кушнер Б.А. 201, 221, 222, 233, 234, 242, 397, 405
 Кшесинская М.Ф. 65 — 67, 111
 Кшесинский И.Ф. 59, 111
 Кюба, ресторатор 55
 Кякшт Г.Г. 59, 73, 111
 Кякшт Л.Г. 59, 68, 73, 111
 Лавинский А.М. 399
 Лавренев Б.А. 238
 Лавров В.В. 370
 Ладыжников И.П. 363

- Лазарев, коннозаводчик 69
 Лакшин В.Я. 12
 Ланге Л.Э. 68, 111
 Ландау Г.А. 359
 Ландсберг Л. (П.-Л.) 349, 354, 362, 365
 Ларионов М.Ф. 107, 200, 220
 Ларош, скрипач 86
 Ларский И.С. 105
 Латыпова Т.Л. 48 — 115, 390, 471
 Лева — см. Гринкруг Л.А.
 Левин А.С. 399, 415
 Левин Л.Г. 296, 297
 Левин М.П. 395
 Легар Ф. 291, 294
 Легат Н.Г. 59, 68, 107, 111
 Легат С.Г. 59, 60, 111
 Леер Е.Г. 55
 Лейнер, ресторатор 55, 59, 60, 68
 Леман А.М. 89
 Лемке М.К. 146, 163
 Ленечка — см. Пастернак Л.Б.
 Ленин В.И. 100, 145, 146, 175, 332, 375
 Леночка, дочь Дж. Вебер 386
 Лентулов А.В. 242, 243
 Леонардо да Винчи 107, 133
 Леонид Осипович — см. Пастернак Л.О.
 Леонов Л.М. 301, 442
 Леонтьев К.Н. 364
 Леонтьев Л.С. 90, 95, 111
 Леопольд III («король-изменник») 378, 379, 384, 388
 Лерберг Ш. ван 214, 215
 Лермонтов М.Ю. 109
 Лешков (Ляшков) Д.И. 10, 17, 48 — 115
 Лешкова Е.И. 80
 Лешкова О.И. 53
 Лешковы, торговцы лесом 79
 Либединский Ю.Н. 412, 413
 Либерман С.И. 335, 361, 363
 Ливанов Б.Н. 420
 Лившиц Б.К. 199, 241, 392, 411
 Лидин В.Г. 193, 194, 288
 Лиля — см. Брик Л.Ю.
 Липковская Л.Я. 58, 86, 111
 Лисовский Н.М. 143, 163
 Лист Ф. 77, 133, 305
 Листопадов, проф. 63, 64, 80, 106
 Литовский О.С. 284, 286, 289
 Ллойд-Джордж Д. 387
 Лобанов В.М. 139
 Лобанова-Гиляровская Н.В. 139
 Loganовский Н.Н. 65, 66, 111
 Лозинский М.А. 365
 Лойтер Н.Б. 414
 Локс К.Г. 196 — 198, 204, 207, 208, 212, 225, 239 — 247, 249, 250, 251, 265, 272 — 276, 279, 282, 284
 Локшина Х.А. 414, 418, 431
 Ломоносов М.В. 172, 173, 209
 Лопатин Г.А. 149
 Лопухов Ф.В. 95, 96, 111
 Лопухова Л.В. 91, 112
 Лосский В.А. 93, 96, 112
 Лосский В.Н. 357, 366
 Лосский Н.О. 366
 Лотарев И.В. — см. Северянин Игорь
 Луговской В.А. 419
 Луи, садовник Бердяевых 341, 348
 Луначарская-Розенель Н.А. 97, 112
 Луначарский А.В. 93, 96, 100, 104, 108, 112, 120, 121, 123, 137, 141, 146, 148, 150, 164, 175, 177, 182, 188, 191, 394, 395, 417, 424, 426
 Лундберг Е.Г. 202, 222, 233, 262, 278, 293, 294, 302
 Лурье В.И. 288, 289
 Лурье Е.В. — см. Пастернак Евг. Вл.
 Львов-Рогачевский В.Л. 137
 Любимов, заводчик 237

- св. Людовик (Людовик IX) 348, 365
 Людовик XI 348, 365
 Люце В.В. 414, 415
 Лямкина Е.И. 471
 Лямперт Т.С. 345, 365
 Ляндрес С.А. 459
 Ляшко Н.Н. 139
 Ляшков И.Д. 49
 Ляшковы 50
- Майский И.М. 374, 375, 387
 Малаков Д. 466
 Маковицкий Д.П. 194
 Маковский С.К. 368
 Максимов В.В. 101, 112
 Малевич К.С. 107
 Малишевский М.П. 139
 Малмстад Дж. 465
 Мамонтов С.Т. 81
 Мамучашвили Е.А. 464
 Мамченко В.А. 376, 380, 382, 388
 Мандельштам О.Э. 467
 Маниковский А.А. 69, 70
 Манциарли И.В. 354, 366
 Марат Ж.-П. 133
 Marie, Мари, прислуга Бердяевых 331, 341
 Мариенгоф А.Б. 120
 Маритен (Maritain) Ж. 331, 361
 мать Мария (Е.Ю.Кузьмина-Караваева) 199, 326, 333 — 336, 339, 344, 347, 348, 354, 355, 362
 Мария Гермогеновна — см. Смидович М.Г.
 Мария Ивановна — см. Боброва М.И.
 Мария Павловна — см. Богословская-Боброва М.П.
 Мария Стюарт 203, 243, 249, 251, 254
 Мария С., знакомая Л.Ю.Бердяевой 334, 335, 362
- Марков П.А. 442
 Маркс К. 133
 Марсель (Marcel) Г.О. 329, 350, 352, 357, 360
 Мартынов И.Ф. 142
 Маршак С.Я. 305, 442
 Марьямов А.М. 455, 463
 Массалитинова В.О. 126, 129
 Махно Н.И. 139
 Машков И.И. 132, 468
 Машковцев Н.Г. 391
 Маяк — см. Маяковский В.В.
 Маяковский В.В. 10, 16, 120, 199, 201, 202 — 206, 208, 222, 223, 233, 236, 237, 249, 250, 255, 256, 259, 261, 262, 266, 267, 269, 272, 273, 276, 280, 282, 283, 288, 289, 390 — 443, 469
 Мегцер, философ 354
 Медалинский А.Ю. 68, 112
 Медведев П.М. 71, 112
 Медичи Козимо 40, 47
 Медников А.М. 68
 Медовщиков Н.Н. 449, 450, 451
 Мейербер Д. 97, 98
 Мейерхольд В.Э. 53, 100, 109, 123, 390, 412, 413, 415, 419, 420, 434 — 437
 Мейерхольды: В.Э.Мейерхольд и З.Н.Райх 418, 421
 Мельгунов С.П. 388
 Мельяк Г. 47
 Меньшиков 384, 386
 Мережковский Д.С. 147, 329, 360, 369 — 371, 382, 383, 387
 Меркерт Й. 468
 Метальников С.И. 335, 338, 363
 Метнер Э.К. 261
 Мешков Н.М. 207
 Микельанджело Буонаротти 37, 209, 210, 307
 Микешин А.М. 465

- Миллиоти В.Д. 124 — 127
 Миллиоти М.И. 124, 131, 133, 134, 136, 137
 Милованов П.А. 188, 194
 Милюков П.Н. 362
 Минковский (Миньковский) 329, 360
 Migié, врач 337
 Михайлов А.Н. 107
 Михайлов, артиллерийский капитан 71
 Михельсон И.И. 99
 Мичурина-Самойлова В.А. 70, 112
 Модзалевский Л.Б. 471
 Модильяни А. 315
 Моллер Ф. 403
 Мольтер Ж.-Б. 449
 Монахов Н.Ф. 101, 112
 Монбризон (Monbrison) де, Г.К. 331, 361
 Моница В.А. 299, 300
 Montandont, m-me, посетительница Бердяевых 335
 Мордкин М.М. 92, 112
 Морозовы, ярославские богачи 77
 Морозов М.М. 299, 300
 Морэ (Morret) 356, 357
 Москвин И.М. 103, 112
 Мосман 349, 350
 Моцарт В.-А. 304
 Мочалова О.А. 129, 132
 Мочульский К.В. 326, 333, 334, 336, 348, 352, 355, 360, 362
 Мстиславский С.Д. 222
 Муйжель В.В. 146, 163
 Мунье (Mounier) Э. 347, 365
 Мурашко Е.Е. 68
 Муромцева-Бунина В.Н. 388
 Мусоргский М.П. 65
 Муссолини Б. 373, 375, 377, 381, 383
 Мухина Е.М. 27
 Мясин Л.Ф. 92, 112
 Надсон С.Я. 147, 160
 Найденов С.А. 166
 Нансен Ф. 162, 164
 Наполеон I Бонапарт 89
 Направник Э.Ф. 58, 112
 Нарышкин Н.Н. 465
 Нахимов П.С. 133
 Наядин 388
 Недорезов 427
 Нездоров К.Н. 113
 Нейгауз А.Г. 301, 302
 Нейгауз Г.Г. 300 — 302, 304
 Нейгауз С.Г. (Стасик) 301, 302, 304
 Неклюдов С.Ю. 464
 Некрасов К.Ф. 251, 308
 Некрасов Н.А. 464
 Некрасова И.В. 465
 Немирович-Данченко Вас. И. 144, 159, 163
 Немирович-Данченко Вл. И. 11, 103, 137, 413, 444
 Ни — см. Бердяев Н.А.
 Нижинская Б.Ф. 92, 112
 Нижинский В.Ф. 66, 90 — 92, 112
 Никитина З.А. 447, 448
 Николаевский Б.И. 208
 Николай Александрович — см. Покровский Н.А.
 Николай, Коля — см. Асев Н.Н.
 Николай I 106
 Николай II 58, 101, 145
 Николин 61
 Никольсон М. 465
 Ницше Ф. 356
 Новикова А.А. 465
 Новикова М.А.— см. Каллаш М.А.
 Новинский А.Ф. 85, 112
 Нольде В.М. 169
 Нора — см. Полонская В.В.
 Нувель В.Ф. 378, 388
 Обер А. 166
 Обер Д.Ф. 108
 Оболенский Л.Л. 463

- Овидий Назон 188
 Озеров Л.А. 464
 Оксман А.П. 421, 426
 Оксман Ю.Г. 421, 426
 Олег Константинович, вел.
 кн. 87
 Олеша Ю.К. 390
 Олимпов Константин
 (К.К.Фофанов) 221, 222
 Ольга Александровна, вел.
 княгиня 75
 Ольга Александровна, Оля —
 см. Шмелева О.А.
 О'Нейль, англ. историк 249,
 254
 Онуфриева, хозяйка столовой
 123
 Орешин П.В. 118
 Оршанский И.Г. 106
 Осипенко П.Д. 133
 Осоргин М.А. 139, 324, 360
 Островский А.Н. 71, 76, 97,
 100, 102, 103, 108, 419
 Оцуш Н.А. 123, 367

 Павел Александрович, вел.
 кн. 361
 о. Павел Светлов 463
 Павлов И.П. 363
 Павлова А.П. 55, 57, 58, 66, 74,
 83 — 85, 90 — 92, 112
 Падеревский И. 86, 112
 Пайпс Р. 359
 Палей А.Р. 404
 Палей И.П. — см. Ирина
 Павловна
 Палкин, ресторатор 69
 Панов Л.С. 464
 Парнок С.Я. (А.Полянин) 250
 Паскаль (рожд. Русакова) Е.
 337, 363
 Паскаль П. 337, 363
 Паскаль-Либерман Г. 332, 344,
 361, 364
 Пастернак А.А. 280, 282, 289,
 296, 302
 Пастернак Б.А. 10, 16, 17,
 118 — 120, 124, 195 — 309,
 387, 399, 406, 428
 Пастернак Евг. Б. 206 — 208,
 301, 302
 Пастернак (Лурье) Евг. Вл.
 205, 278 — 282, 293, 295,
 296, 301, 302
 Пастернак Ел. В. 206
 Пастернак Ж.Л. 284, 295
 Пастернак З.Н. 299 — 301,
 303, 305 — 308
 Пастернак Л.Б. (Ленечка) 299,
 301, 307
 Пастернак Л.О. 205, 296, 308
 Пастернак Р.И. 205
 Пастуховы, ярославские бога-
 чи 77
 Патти А. 62, 112
 Паустовский К.Г. 441
 Пахмусс Т. 370, 387
 Пашуканис В.В. 251
 Пашченко А.Ф. 98, 99, 112
 Перийский Г. 61
 Перро Ш. 206
 Петен (Petain) А.Ф. 377, 384
 Пегипа В.М. 68, 112
 Пегипа М.И. 49, 66, 96, 107,
 112
 Пегипа М.М. 60, 112
 Петников Г.Н. 250
 Петр I 133
 Петрищев В.Б. 159
 Петров М.А. 101, 113
 Петров Н.В. 72, 108, 113
 Петровский Д.В. 250
 Петрококино, спортсмен 68
 Печников Г.М. 465
 Пешков, харьковский ген.-гу-
 бернатор 79
 Пикассо П. 269, 270, 273
 Пиленко Е.Ю. — см. мать
 Мария
 Пильняк Б.А. 118, 123, 130,
 131, 133 — 136
 Питоев, кабатчик 62
 П. К. — см. Иванов П.К.

- Платов Ф.Ф. 232, 234
 Платонов С.Ф. 155
 Плеве В.К. 145
 Плещеев А.А. 52
 По Э.-А. 310
 Победоносцев К.П. 88
 Покровская К.Г. 449, 451 — 453
 Покровский Н.А. 449 — 453, 460
 Полетаев Н.Г. 139
 Полонская В.В. 423 — 426, 432
 Полонский В.П. 208, 284, 286, 289, 390, 416, 417, 439, 464
 Полторацкий Н.А. 357, 366
 Полянин А. — см. Парнок С.Я.
 Пономаренко П.К. 448
 Попов А.С. — см. Серафимович А.
 Попов Н.А. 102, 113
 Попов П.С. 443
 Постников С.П. 222
 Потапенко И.Н. 105, 113
 Преображенская О.И. 92, 113
 Преображенский, сотр. Губ-лита 82
 Пресняков Е.И. 68, 113
 Принцип Г. 222
 Пришвин М.М. 139
 Пропшер С.М. 67, 107
 Пугачев Е.И. 99
 Пузиков А.И. 454
 Пуни И.К. 395
 Пуни Л.К. 73, 113
 Пуришкевич В.М. 101
 Пуччини Дж. 97, 98, 108
 Пушкин А.С. 116, 117, 142, 174, 236, 305, 352, 439, 471
 Пьянов Ф.Т. 333, 336, 342, 362
 Рагозин А.А. 68
 Раевская-Хьюз О.Н. 208
 Раевский И.М. 426
 Разин А.С. 449, 451
 Райт Рита (Ковалева Р.Я.) 282
 Райх З.Н. 420, 434 — 437
 Ральф, гость В.А.Трефиловой 68
 Раппапорт В.Р. 98, 99, 113
 Раскольников (Ильин) Ф.Ф. 414, 418
 Распэ Э. 241
 Распутин Г.Е. 101
 Ратькова Н. 378
 Раушнинг Г. 346, 365
 Рафальская Е.Ф. 122
 Рачинский Г.А. 118, 136, 137
 Рашковская М.А. 195 — 309, 207, 208, 471
 Редько А.М. 159
 Резвая З.Г. 237
 Рейно (Reynaud) П. 351, 365, 377, 379, 381
 Ремизов А.М. 130, 131, 133, 134, 142, 155, 158, 222, 397
 Ремизова (Довгелло) С.П. 130
 Репин И.Е. 361, 392, 393, 395, 396
 Римский-Корсаков Н.А. 50, 85, 86, 95, 107, 112
 Римский-Корсаков, губерна-тор 76
 Робеспьер М. 133
 Роде А.Е. 162, 164
 Роден О. 90
 Родченко А.М. 399, 400, 401, 415
 Рождественский Вс. А. 160, 171, 312
 Розанов В.В. 207
 Розанова О.В. 467
 Розенель — см. Луначар-ская-Розенель Н.А.
 Роллан (Кювилье) М.П. 356, 366
 Роллан Р. 356
 Рома — см. Якобсон Р.О.
 Романов Б.Г. 90 — 92, 113
 Романов И.В. 93
 Романовы, династия 143
 Россини Дж. 305

- Ростовцев С.В. 59
 Рубанович С.Я. 198
 Рубб А.А. 449, 453
 Рубинштейн А.Г. 60
 Рудницкий К.Л. 449, 451, 452
 Рузвельт Ф.Д. 377
 Рукавишников И.С. 118 —
 123, 125, 130, 133 — 135,
 137, 138, 140
 Рукавишников М.С. 130, 133
 Рукавишникова Н.С. 122, 125
 Руманов А.В. 152, 164
 Руфф, влад. гостиницы 79
 Рыбаков А.Н. 463
 Рылеев К.Ф. 98
 Рышков Вик.А. 101, 105, 113
 Рышков Вл.А. 99, 113
 Рябцев В.А. 92, 113
 Рябушинский, игрок 69
- Саакянц А.А. 132
 Савельев П. 106
 Савина М.Г. 58, 70, 85, 102,
 113
 Савинков Б.В. 367
 Савинков Л.Б. 380, 389
 Савинкова Е.И. 380
 Савицкий Н.В. 55, 56, 58 —
 60, 70, 73
 Савич О.Г. 288
 Савонарола Дж. 40 — 42, 47,
 67, 107
 Садовская О.О. 105, 113
 Садовский М.П. 85, 102, 113
 Садовской Б.А. 391, 392
 Сазонов С.Д. 94, 107
 Самойлов П.В. 101, 113
 Сапунов Н.Н. 307
 Сац И.А. 307
 Свиридова А.А. 464
 Свифт Дж. 306
 Северин Е.Е. 448
 Северский Н.Г. 85, 113
 Северянин Игорь (Лотарев
 И.В.) 393, 406, 433
- Сейфуллина Л.Н. 83
 Сельвинский И.Л. 390, 433,
 434, 438
 Семацко Н.А. 407, 408
 Семичев В. 69
 Серафим Саровский 193
 Серафимович А. (Попов А.С.)
 118, 193, 194
 Сервантес М. де Сааведра
 446
 Сергеев Н.Г. 107
 Сергеев, эсер 163
 Сергеев-Ценский С.Н. 166,
 176, 178, 186, 187, 191, 192,
 392, 393
 Сергеенко П.А. 186, 194
 Сергей Александрович, вел.
 кн. 55, 106
 Сергей Александрович —
 см. Есенин С.А.
 Серов В.А. 91
 Сидоров А.А. 197
 Симонов К.М. 441, 447 — 449,
 454 — 460
 Синицын К.А. 450
 Синякова В.М. 227
 Синякова К.М. — см. Асеева
 К.М.
 Синякова М.М. 227
 Синякова Н.М. 227
 Синяковы, сестры 202
 Сирин В. (Набоков В.В.) 377, 388
 Сиротинская И.П. 310 — 321,
 465, 471
 Скальковский К.А. 95, 107, 113
 Скиталец С.Г. 139
 Скобцова Е.Ю. — см. мать
 Мария
 Скрябин А.Н. 208, 399
 Слётова А.Н. 160
 Сливицкая А.В. («мама Саня»)
 25, 29, 32, 40, 46
 Сливицкая Н.В. — см. Ан-
 ненская Н.В.
 Слонимский Ю.И. 53
 Смайлс С. 262, 265
 Смехов В.Б. 463

- Смидович М.Г. 179, 183, 187, 192, 194
Смидович П.Г. 178, 181, 183, 191, 193, 194
Смирнов Д.А. 62, 92, 113
Смирнова В.В. 441
Смирнова Е.А. 113
Смитт И. 64, 86
Смуров, гастроном. фирма 68
Снытко Н.В. 367 — 387, 471
Собинов Л.В. 58, 105, 113
Соболев, заводчик 79
Соболь Андрей 139
Соев, заводчик 237
Соколова Е. 392
Соколова Е.Г. 415, 418
Солженицын А.И. 465
Сологуб В.А. 117
Сологуб Е.Ф. 117, 123, 128
Сологуб (рожд. бар. Боден-Колычева) Н.М. 117
Сологуб Ф.Л. 116, 117
Сологубы, графы 116, 122, 135, 136
Соловьев В.И. 69
Соловьев Вл. Н. 353
Соловьев Н.Ф. 50
Соловьев, скорняк 55
Сологуб Ф.К. 120, 142, 144, 147, 155, 159, 268, 389
Соломонов, подполковник 70
Соломонович Я.В. 440
Сорин С.А. 332, 361
Софья Андреевна — см. Есенина-Толстая С.А.
Спасский С.Д. 108
Спенглер А., композитор 356
Спесивцева О.А. 92, 113
Ставенгаген Б. 86, 113
Сталин И.В. 117, 340, 374, 387, 389, 448
Станевич (Анисимова) В.О. 197, 198
Станиславский К.С. 12, 71, 91, 103 — 105
Стендаль 206, 304, 306
Степанов А.А. 53
Степанова В.Ф. 399
Степанский А.Д. 465
Степун Ф.А. 196, 362
о. Стефан 332, 361
Столыпин П.А. 145
Столяров М.П. 137
Стоядинович М. 375, 388
Стравинский И.Ф. 95, 96, 111
Стрекачев А.С. 61, 89
Стрельников Н.М. 411
Стрельников, ген. 49
Стрельская В.В. 58, 85, 106, 113
Струве П.Б. 328, 329, 357, 359
Стюарты 249, 254
Субботин А.А. 457
Суворов А.В. 99
Суворова К.Н. 472
Судаков И.Я. 413, 426
Судейкин С.Ю. 307
Суинберн (Swinburne) А.-Ч. 203, 204, 243, 247, 249, 250, 254, 265, 269
Султанова-Леткова Е.П. 159
Сумбатов-Южин А.И. — см. Южин А.И.
Суховерко Р. 464
Сучков Ф.Ф. 464
Сынопалов А.К. 194
Сырнев В.М. 399, 410, 428
Сытин И.Д. 254, 393
Сытин П.В. 116
Таганцев В.Н. 158
Тагор Р. 285
Тальников (Шпитальников) Д.Л. 416, 417
Тальони М. 57, 114
Тан (Богораз) В.Г. 146, 163
Танаги М. 464
Тарковский Анд. А. 467
Тарле Е.В. 154, 155
Тартаков И.В. 105, 114
Татарина, знакомая Бердяевых 330
Таулер И. 356, 366

- Теляковский В.А. 84, 100, 114
 Телешев Н.Д. 166, 180
 Терапиано Ю.К. 368, 380, 388
 Тереза Авильская 387
 Тереза Лизьеская (Тереза Мартэн) 374, 387
 Тернер К. 247
 Терновец Б.Н. 401
 Тестов, влад. ресторана 77, 80
 Тимковский Н.И. 174
 Тихонов А.Н. 430, 431
 Тициан 26, 31
 Толстой А.Н. 101, 397
 Толстой Д.И. 82
 Толстой Л.Н. 71, 116, 174, 194, 306, 322, 327, 332, 351, 357, 363, 426
 Топорков А.К. 137
 То-Рама 407, 408
 Тосканини А. 334, 362
 Травский В.К. 105, 114
 Трахтенберг В.О. 70
 Тренев К.А. 16, 83, 166, 169, 170 — 173, 175, 176, 178, 184, 187, 192 — 194, 301
 Тренева Г.К. 170
 Тренева Н.К. 170
 Треплев А.Д. 83
 Третьяков С.М. 205, 280, 281, 420, 421
 Трефилова В.А. 57, 67, 68, 74, 114
 Триоле Э. 408 — 411, 422, 429 — 432, 435, 469
 Триттин Т.Л. 388
 Троцкий Л.Д. 82, 145, 146, 175
 Трубе, влад. гостиницы 395
 Трушева Е.Ю. («сестра») 322, 323, 333, 346, 347
 Трушева И.В. («мама») 342, 346, 364
 Тугендхольд А.Я. 194, 400
 Тузов И.Л. 151
 Тумаркина М.С. — см. Цетлина М.С.
 Тургенев И.С. 335, 352, 416
 Тынянов Ю.Н. 409
 Тэффи Н.А. 377, 388
 Тютчев Ф.И. 210, 237
 Уайльд О. 72, 196
 Уитмен У. 393
 Урицкий М.С. 145
 Усачев А.А. 106, 114
 Усенко Л.В. 460
 Ушков П.К. 203, 246, 247
 Уэбстер В. — см. Вебстер В.
 Уэллс Г. 148, 163
 Фабри (Fabry), французский журналист 374
 Фадеев А.А. 390, 443, 469
 Файко А.М. 441, 442
 Фацер, кондитер 85
 Февральский А.В. 390
 Федин К.А. 301, 442
 Федор Александрович, вел. кн. 361
 Федоров В.В. 105
 Федоров Н.Ф. 353
 Федоров, издатель 79
 Федотов Г.П. 326, 330, 336, 343, 344, 347, 349, 354, 360, 362, 363
 Федотова Е.Н. 326, 330, 360
 Федотовы 337, 342, 348, 354
 Фельдман К.И. 421
 Фельзен Ю. (Фреденштейн Н.Б.) 380, 388
 Фесард (Fessard), аббат 357, 366
 Фет А.А. 119
 Фигнер В.Н. 149
 Филипп II 339, 364
 Филипп М. 228, 265
 Филиппы 228, 263
 Философов Д.В. 367, 378, 384, 386, 387
 Фишер, фотограф 57
 Флейшман Л.С. 195, 207, 208
 Флоровский Г., протоиерей 360

- Фокин М.М. 59, 66, 67, 74, 81, 85, 90 — 92, 95, 96, 107, 108, 114
 Фондаминская А.О. 352, 373, 387
 Фондаминский (Бунаков) И.И. 326, 333, 336, 342, 347 — 349, 354, 355, 362
 Форд Дж. 247, 254
 Форш О.Д. 116, 222
 Фофанова М.В. 177, 178, 181, 188, 191, 193
 Франк В.С. 364
 Франк С.Л. 332, 359, 364
 Франк, проф. 340
 Франц Фердинанд 221, 222
 св. Франциск Ассизский 33, 42, 47
 Фредман-Клюзель Б.О. 91
 Фроссар 374
 Фрумкин М.Ф. 194
 Фрунзе М.В. 175
 Функе В.В. 107
 Фурманова И.М. 466

 Халатов А.Б. 405
 Харитон Б.О. 149, 150, 159, 164
 Хвасы, семья 429
 Хвостов, инженер 61
 Хетсо Г. 215
 Хирьяков А.М. 386, 388
 Хирьяковы 378
 Хлебников В.А. 426, 427
 Хлебников Велимир (В.В.) 140, 199, 230, 233, 241, 250, 392, 393, 396, 407, 427, 428, 463, 467
 Хлебникова В.В. 427
 Хмара-Борщевская Н.В. — см. Анненская Н.В.
 Хмелев Н.П. 442
 Ходасевич В.Ф. 118, 142, 287, 289, 397, 398
 Ходотов Н.Н. 71, 85, 107, 114

 Хозацкий А.С. 330, 331, 335, 345
 Холмская З.В. 85, 114
 Холодковский Н.А. 148
 Холщевников, присяжн. поверен. 152
 Хомяков А.С. 353, 357, 366
 Храпченко М.Б. 444
 Хрисанф (Л.В.Зак) 238
 Худеков С.Н. 68, 114
 Хьюз Р. 208

 Царев М.И. 463
 Цветаева М.И. 17, 117, 126 — 131, 132, 287, 289, 398, 399, 406, 468
 Цебриков Г.В. 333, 362
 Цебрикова А.М. 333, 338, 363
 Ценский — см. Сергеев-Ценский С.Н.
 Цетлины М.О. и М.С. 377, 388
 Цехновицер О.Р. 137
 Цимбалист Е.А. 62, 114
 Цинзерлинг Ф. 88, 89, 94
 Цявловский М.А. 471

 Чаадаев П.Я. 353
 Чайковский П.И. 60, 62, 85, 86, 95, 96, 98, 105
 Чапский Ю. 378, 388
 Чеботаревская Ан. Н. 386, 389
 Челпанов Г.И. 209
 Чемберлен Н. 374
 Черепнин Н.Н. 98, 114
 Черников Л. 467
 Чернышевский Н.Г. 133
 Черчилль (Churchill) У. 378, 381
 Чехов А.П. 103, 137, 276, 277
 Чехов М.А. 108, 467, 469
 Чижевская А.А. 85, 105, 114
 Чика — см. Зарубин Ч.
 Чимбауэ (Ченни ди Пепо) 42, 47

- Чуковский К.И. 392, 393, 395, 396
 Чулков Г.И. 118, 137
 Чурилин (Чурилин-Кисилев) Л. 341, 344, 348, 354, 364
 Чухонцев О.Г. 465
- Шавринов, казак 61
 Шагал М.З. 468
 Шагинян М.С. 198, 209
 Шаламов В.Т. 464, 465
 Шаляпин Ф.И. 58, 62, 81, 91, 100, 101, 105, 114, 146, 163, 392
 Шамардина С.С. 393
 Шапкин А. 62, 63
 Шаповаленко П.И. 105
 Шаронов В.С. 105, 114
 Шварц Е.Л. 469, 471
 Шебуев Н.Г. 196
 Шевырев — см. Пильняк Б.А.
 Шекспир У. 463
 Шелер М. 365
 Шелли П.-Б. 288
 Шенгели Г.А. 406, 407
 Шереметев С.С. 126, 129
 Шереметева С.И. 123
 Шерер Ф.К. 90, 114
 Шершеневич В.Г. 118, 120, 199, 200, 201, 233, 236, 238
 Шестов (Шварцман) Л.И. 347, 365
 Шилдкнехт, декоратор 72
 Шиллинг, фон, губернатор 78
 Шиловский Е.Е. 445
 Шиловский С.Е. 445
 Шиманская Ж.А. 90
 Широков П.Д. 199, 200
 Ширяев А.В. 73, 114
 Шихман Я.С. 123, 427
 Шишко Н.М. 81
 Шкловская-Корди В.Г. 397, 398, 405
 Шкловский В.Б. 16, 286, 294, 390, 394, 395, 397, 398, 404, 405, 409, 410
- Шлемберже (Шлюмберже) Ж. 350, 365
 Шмелев И.С. 10, 16 — 18, 165 — 194
 Шмелева О.А. 166 — 168, 171, 174, 176, 177, 179, 187
 Шмелев С.И. 166, 168, 170, 171
 Шмидт С.О. 11 — 18, 465
 Шмурло Е.Ф. 25, 35, 39, 40, 42
 Шнейдер Ю.А. 464
 Шоллар Л.Ф. 90, 92, 114
 Шоломова С.Б. 465
 Шор Е.Д. 250
 Шпеер А.Я. 463
 Шпор Л. 98, 108, 114
 Штейнер Р. 261
 Штеренберг Д.П. 400, 401
 Штих А.Л. 234
 Шток И.В. 441
 Штраус Р. 208
 Штраух М.М. 390, 419, 420, 434
 Штюрмер Б.В. 101
 Шуб Э.И. 120, 122, 123, 140
 Шувалова Е.А. 101
 Шульгин В.В. 359
 Шульц, посетительница Бердяевых 354
 Шумихин С.В. 123, 471
 Шура — см. Пастернак А.Л.
- Щеголев П.Е. 83, 101
 Щедрин Р.К. 463
 Щепкин М.С. 105, 133
 Щербаков С. 440
- Эдельман М.Г. 21 — 47, 390
 Эдди, американец 339
 Эдисон Т.-А. 93
 Эдуардова Е.П. 92, 114
 Эйзенштейн С.М. 419, 421, 467, 468
 Эйхенбаум Б.М. 142
 Эйри Д. 249

Эйснер И.Р. 137
Экстер А.А. 242, 243, 260, 261,
400, 401
Энгельс Ф. 133
Эразм Роттердамский 338,
363
Эраст — см. Гарин Э.П.
Эренбург И.Г. 254, 286, 287
Эренбурги 429
Эрдман Н.Р. 414
Эфрон А.С. 468

Южин А.И. 85, 104, 105, 108,
114, 137
Юлиан — см. Анисимов
Ю.П.
Юон К.Ф. 118, 137
Юргенсон Б.П. 64, 115
Юргенсон П.И. 115
Юренева В.Л. 99, 115
Юрьев Ю.М. 71, 72, 99, 100,
101, 115

Юсуп — см. Абдрахманов Ю.
Ютанов В.П. 134, 137

Яблочкина А.А. 85, 115
Яворская Л.Б. 69, 115
Языков Н.М. 225, 253, 254
Якобсон А. 429
Якобсон Р.О. 429
Яков Семенович — см. Ших-
ман Я.С.
Яковлев К.Н. 105, 115
Яковлев Н.Н. 88
Яковлева Т.А. 412
Яковлева-Шапорина Л.В. 307
Янгфельдт Б. 393, 414, 429
Янковский М.О. 49
Яншин М.М. 424 — 426
Яншины: М.М.Яншин и
В.В.Полонская 415, 416
Ярошенко Н.А. 253, 254
Ясенский Б. 413
Ясинский И.И. 146, 163

СОДЕРЖАНИЕ

- 9 От редколлегии
11 С. О. Шмидт. Архивы — истории

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

- 21 ПИСЬМА И. Ф. АННЕНСКОГО ИЗ ИТАЛИИ
Публикация М. Г. Эдельман
- 48 ИЗ ЗАПИСОК Д. И. ЛЕШКОВА (1904 — 1930)
Публикация Т. Л. Латыповой
- 116 ОСОБНЯК НА ПОВАРСКОЙ
(Из истории Московского Дворца Искусств)
Публикация А. Л. Евстигнеевой
- 141 ДОМ ЛИТЕРАТОРОВ В ПЕТРОГРАДЕ 1919 — 1921 ГОДОВ
(Воспоминания А. В. Амфитеатрова)
Публикация А. Г. Виноградова
- 165 «ПОСЛЕДНИЙ МОЙ КРИК — СПАСИТЕ!..»
(Письма И. С. Шмелева В. В. Вересаеву 1921 года)
Публикация Н. Б. Волковой
- 195 БОРИС ПАСТЕРНАК И СЕРГЕЙ БОБРОВ: ПИСЬМА ЧЕТЫРЕХ
ДЕСЯТИЛЕТИЙ
Публикация М. А. Рацковской
- 310 «МОЕЙ ПРЕЛЕСТНОЙ ЦАРИЦЕ...»
(Пометы А. А. Ахматовой на книгах Н. С. Гумилева)
Публикация И. П. Сиротинской
- 322 ДНИ НАПРЯЖЕННОЙ ТРЕВОГИ
(Из дневника Л. Ю. Бердяевой. 1939 — 1945)
Публикация Е. В. Бронниковой
- 367 СЕРОЕ С КРАСНЫМ
(Дневник Зинаиды Гиппиус 1940 — 1941)
Публикация Н. В. Снытко
- 390 В. В. МАЯКОВСКИЙ В ПЕРЕПИСКЕ СОВРЕМЕННИКОВ
Публикация И. И. Аброскиной
- 441 СУДЬБА ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ М. А. БУЛГАКОВА
(По письмам Е. С. Булгаковой)
Публикация К. Н. Кириленко

ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ

(Из хроники РГАЛИ)

- 473 УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УДК 82
ББК 83
В 85

Встречи с прошлым: Выпуск 8. — М.: РГАЛИ, Рус-
В 85 ская книга, 1996. — 496 с., 16 ил.

8-й выпуск сборника «Встречи с прошлым» содержит впервые публикуемые разнообразные и фактологически насыщенные материалы из фондов Российского государственного архива литературы и искусства (бывшего ЦГАЛИ СССР) по истории отечественной культуры. Это письма Иннокентия Анненского, Бориса Пастернака, Сергея Боброва, Ивана Шмелева, отзывы современников о Владимире Маяковском; истории русской эмиграции: дневники Л. Ю. Бердяевой (жены философа Н. А. Бердяева) и З. Н. Гиппиус; воспоминания писателя А. В. Амфитеатрова и историка балета Д. И. Лешкова и др.

Книга иллюстрирована редкими архивными фотографиями.

В 4603010000 - 035 6/0
М - 105 (03) 96
ISBN5 - 268 - 01211 - 8

УДК 82
ББК 83

**Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 96-04-16129**

ВСТРЕЧИ С ПРОШЛЫМ

Выпуск 8

Редактор Т. И. Киреева
Художественный редактор Г. Л. Шацкий
Технический редактор И. И. Павлова
Корректоры Н. Д. Бучарова, А. З. Лазуткина
Компьютерный набор и верстка В. В. Горшкова, Г. Н. Злотникова,
А. М. Токер

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 010058 от 23.10.96.

Подп. в печать с оригинала-макета 10.01.97.
Формат 84 × 108/32. Гарнитура Балтика. Печать офсетная. Бумага газетная.
Усл. печ. л. 27,72 (в т. ч. вкл. 1,68).
Уч.-изд. л. 28,94 (в т. ч. вкл. 1,11). Тираж 7 000 экз.
Изд. инд. НА — 48
Заказ № 77015

Набор и верстка выполнены в издательстве «Русская книга»
Комитета Российской Федерации по печати.
123557, Москва, Б. Тишинский пер., 38.

Отпечатано в АО «Молодая гвардия»
103030, г. Москва, Сушевская ул., 21.

